

Двукратные изыскания в Южном
Ледовитом океане и плавание вокруг
света в продолжение 1819, 20 и 21
годов, совершенные на шлюпах "Востоке"
и "Мирном" под начальством капитана
БЕЛЛИНСГАУЗЕНА командира
шлюпа "Восток" Шлюпом
"Мирным" начальствовал лейтенант
ЛАЗАРЕВ

Ф. Ф. Беллинсгаузен
Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение
1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном"

Ф. Ф. Беллинсгаузен

**Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг
света в продолжение 1819, 20 и 21 годов,**

совершенные на шлюпах

"Востоке" и "Мирном"

ПОД НАЧАЛЬСТВОМ

КАШТАНА БЕЛЛИНСГАУЗЕНА

КОМАНДИРА ШЛЮПА

"Восток"

ШЛЮПОМ "МИРНЫМ"

НАЧАЛЬСТВОВАЛ ЛЕЙТЕНАНТ ЛАЗАРЕВ

Государственное издательство географической литературы

Москва -- 1949

Второе издание

Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями
доктора военно-морских наук Е. Е. ШВЕДЕ

OCR Бычков М. Н.

Источник: http://az.lib.ru/b/bellinsgauzen_f_f/text_0020.shtml

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора Е. Е. Шведе. Первая русская антарктическая экспедиция
Голенщев-Кутузов. От ученого комитета главного морского штаба

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Назначение двух отрядов для изысканий. Приготовление шлюпов "Востока" и
"Мирного". Плавание из Кронштадта до Англии

Глава вторая

Плавание от Англии до острова Teneriffa, потом до Рио-Жанейро. Пребывание в Рио-
Жанейро

Глава третья

Отбытие из Рио-Жанейро. Плавание по южную сторону острова Георгия. Обретение
островов Маркиза де Траверсе. Плавание по восточную сторону Южных Сандвичевых
островов. Плавание в Южном Ледовитом океане. Прибытие в Порт-Жаксон. Плавание
шлюпа "Мирного" во время разлуки с шлюпом "Востоком". Пребывание в Порт-
Жаксоне

Глава четвертая

Отбытие из Порт-Жаксона к Новой Зеландии. Пребывание в проливе королевы
Шарлотты. Плавание в Великом океане. Обретение островов Россиян. Прибытие к
острову Отаити

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава пятая

Пребывание на острове Отаити. Обратное плавание из Отаити к Порт-Жаксону.
Обретение островов; Востока, великого князя Александра Николаевича, Оно,
Михайлова, Симонова. Вторичное прибытие в Порт-Жаксон и пребывание в сем месте.
Замечания о Новой Голландии и земле Вандимена

Глава шестая

Отбытие из Порт-Жаксона к острову Маквария Плавание в Ледовитом океане.
Обретение острова Петра I. Берега Александра I. Плавание по южную сторону Ново-
Штландских островов. Обретение островов: Трех Братьев. Мордвинова, Шишкова,
Рожвова. Прибытие и пребывание в Рио-Жанейро

Глава седьмая

Отбытие из Рио-Жанейро. Плавание в Лиссабон и из Лиссабона в Россию. Прибытие
на Кронштадтский рейд.

Примечания редактора

Краткий словарь

Библиография

Список млекопитающих, птиц и рыб

Переводные таблицы мер

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Первое издание труда Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена "Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном", вышло в свет в 1831 г., сто восемнадцать лет назад, всего в шестистах экземплярах, и давно стало библиографической редкостью. Уже один этот факт вполне оправдывает переиздание этой ценной книги.

В течение последнего времени в международной политической обстановке произошли события, повышающие всеобщий интерес к первой русской антарктической экспедиции, непреложно утвердившей приоритет нашей Родины на открытие материка Антарктиды. При проведении своей экспансионистской политики, англо-американский блок обратил свои взоры и на Антарктиду и стремится определить режим этого материка без участия Советского Союза, имеющего неотъемлемые права на участие в решении вопросов, касающихся судьбы земель открытых русскими мореплавателями. Примером таких попыток путем закулисного сговора решить судьбу Антарктики является сообщение, опубликованное в августе 1948 г. Государственным департаментом США о том, что им начаты неофициальные переговоры с Англией и ее доминионами, с Францией, Норвегией, Аргентиной и Чили о возможности установления некоей "формы интернационализации", некоего, якобы, международного управления ею {Доклад президента Географического общества Союза ССР академика Л. С. Берга "Русские открытия в Антарктике" на общем собрании Общества, 10 февраля 1949 г.}. Правда, вследствие присущих капиталистическому миру внутренних противоречий, ряд указанных выше государств отнесся к проекту США отрицательно. Это предложение Соединенных штатов, хотя оно и не имело успеха, доказывает, что его авторы пытались разрешить вопрос о режиме Антарктики, игнорируя бесспорные права Советского Союза.

Поэтому понятно, что Географическое общество Союза ССР возглавило движение советской общественности, выступившей за бесспорное право Советского Союза на участие в решении вопросов Антарктики. В связи с этим, Общество констатировало выдающуюся роль русских исследователей-ученых в деле открытия Антарктиды, а это обстоятельство вызвало повышение интереса к их трудам. Таким образом переиздание книги Беллинсгаузена имеет и большое политическое значение.

Выход в свет первого издания труда Беллинсгаузена был связан с целым рядом осложнений. Автор представил свою рукопись, включавшую 10 тетрадей, Адмиралтейскому департаменту в 1824 г. Последний, через начальника Морского штаба, просил об отпуске средств на издание этого труда в количестве 1 200 экземпляров. Однако Николай I оставил это ходатайство без внимания (можно думать, что причиной этому было восстание декабристов). Беллинсгаузену пришлось повторить свою просьбу. В 1827 г. он обратился к вновь созданному Ученому комитету Главного морского штаба с просьбой издать хотя бы 600 экземпляров, причем он подчеркивал, что материальные соображения его вовсе не интересуют, а ему хочется лишь, чтобы "труды его были известны" {Первое издание, т. I, предисловие.}. Председатель Ученого комитета Л. И. Голенищев-Кутузов¹ направил эту новую просьбу через начальника

Главного морского штаба на решение Николаю I, причем в своем предложении он писал: "может случиться и едва ли уже не случилось, что учиненные капитаном Беллинсгаузенем обретения, по неизвестности оных, послужат к чести иностранных, а не наших мореплавателей" {Там же.}. Наконец, последовало распоряжение Николая I об издании труда в количестве 600 экземпляров, причем на расходы по печатанию были отпущены специальные средства, а доход с издания предназначался лично Беллинсгаузену. Однако на этом еще не закончились проволочки и затруднения с затянувшимся первым изданием.

Ввиду того, что сам автор в это время находился под стенами турецкой крепости Исакчи на Дунае, в осаде которой он принимал участие в качестве командира гвардейского экипажа, присмотр за изданием и все корректуры были поручены секретарю Адмиралтейского департамента Аполмону Никольскому. Повидимому, это был тот самый Никольский, который, возомнив себя великим стилистом, давал дважды грубые отрицательные отзывы на рукопись знаменитого русского мореплавателя Ю. Ф. Лисянского, ввиду чего последний принужден был самостоятельно издать свою книгу "Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле "Нева". На этот раз Никольский присвоил себе права литературного и специального редактора по вопросам мореплавания и морской практики. В результате председатель Морского ученого комитета отстранил Никольского от руководства изданием, стал сам вносить коррективы в уже отредактированные части труда и поручил наблюдение за изданием библиотекарю Морского кадетского корпуса Чижову. Беллинсгаузен дал свое согласие на эту замену письмом на имя Голенишева-Кутузова от 31 июля 1828 г. По вопросу о редактировании книги Беллинсгаузена в архивных делах существует целый том переписки {"Дело Ученого комитета морского министерства", No 20.}.

Вероятно, вследствие изложенных обстоятельств окончательный текст не вполне соответствовал оригиналу и были допущены сокращения и искажения, которых сами авторы -- Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев (отчет Лазарева о самостоятельном плавании был включен в данный труд) не могли учесть и предотвратить. Лазарев, получивший и перечитавший вышедшую в свет книгу, дает о редакции ее неудовлетворительный отзыв в письме к своему другу А. А. Шестакову и замечает: "Всему виноват Логин Иванович Кутузов, взявшийся за издание оно; отдал в разные руки и наконец вышло самое дурное повествование весьма любопытного и со многими опасностями сопряженного путешествия. Я не знаю, в каком виде представил оно Беллинсгаузен, но ясно вижу, что слог в донесении моем к Беллинсгаузену после разлучения нашего и по прибытии в Порт-Жаксон изменен совершенно, а кто взял на себя это право, не знаю" {Письмо от 26 января 1834 г.}.

Первое издание состояло из двух томов без всяких иллюстраций, а все карты и рисунки были собраны в приложенный к нему "Атлас" (19 карт, 13 видов, 2 вида ледяных островов и 30 различных рисунков). Карты для Атласа, составленные, повидимому, самим Ф. Ф. Беллинсгаузеном, гравировал Иванов, а замечательные рисунки художника Михайлова были литографированы на камне художниками Академии художеств И. П. Фридрицем. Ганзасом и Гейтманом (качество литографий оставляет желать лучшего, что и отметил М. П. Лазарев в вышеприведенном отзыве).

К сожалению, оригинал рукописи Беллинсгаузена и Лазарева, а также все заметки их соплавателей и шханечные журналы шлюпов "Восток" и "Мирный" в архивах разыскать пока не удалось: нужно думать, что они были взяты Беллинсгаузенем при подготовке своего труда к изданию, а впоследствии утрачены. Поэтому редактор, при подготовке настоящего, второго, издания, не имел возможности сверить текст первого издания с первоначальным текстом рукописей.

Текст первого издания был сохранен почти в полной неприкосновенности, тем более, что литературный стиль его вполне удовлетворительный и простой, хотя и несколько сухой.

Редактором были введены лишь следующие изменения в текст первого издания:

1. Изъяты все титулы и излишние излияния верноподданнических чувств, столь не свойственные прямой натуре Беллинсгаузена и Лазарева, и, вероятно, внесенные в текст редакторами первого издания.

2. Написание некоторых слов, терминов и наименований изменено на более современное (например, не азимуф, а азимут, не амплитуд, а амплитуда, не Кронштат, а Кронштадт и т. п.).

3. Изъяты имеющие чисто местный исторический интерес описания английской колонии Новый Южный Уэльс и исторический обзор политических изменений в Бразилии и Португалии, а также длинный перечень латинских ботанических названий с их переводом на русский язык (эти изменения каждый раз оговариваются в примечаниях редактора).

4. В первом издании все долготы отсчитываются к востоку от Гринвича, даже после перехода шлюпов за линию перемены даты (меридиан 180°); в новом издании восточные долготы, превышающие 180° , переведены в западные долготы от Гринвича.

5. Вместо атласа впервые публикуются почти все рисунки из альбома художника Михайлова.

В новом издании все даты сохранены по старому стилю (для перевода их по новому стилю необходимо прибавлять 12 дней, так как это соответствует разнице стилей в XIX в.). Все встречающиеся русские меры не переведены в метрические, однако в конце книги имеются соответствующие переводные таблицы. Глубины приведены в морских сажнях (по 6 фут.). Объяснение морских терминов дано в кратком словаре, помещенном в конце книги.

Подстрочные примечания к вступительной статье помечены нами звездочкой; примечания к тексту Беллинсгаузена -- подписью "Ред."

Примечания редактора, внесенные в конец книги, имеют в тексте цифровой указатель.

При ссылке на документы допущены следующие сокращения: 1) "ЦГАВМФ" -- Центральный государственный архив Военно-морского флота; 2) "Первое издание" -- первое издание труда Беллинсгаузена "Двукратные изыскания в Южном Ледовитом

океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном".

При подготовке нового издания большое содействие мне оказали предоставлением ценных архивных материалов начальник Центрального государственного архива Военно-морского флота майор Александр Алексеевич Самаров и старшие научные сотрудники того же архива: капитан Анатолий Васильевич Соколов, Михаил Никифорович Варфоломеев и Ирина Алексеевна Бакланова; уточнение современных русских и латинских названий рыб, птиц, млекопитающих и других организмов любезно согласились взять на себя академик Лев Семенович Берг и сотрудник Зоологического института Академии наук СССР Елизавета Владимировна Козлова. Считаю своим долгом принести им мою глубокую благодарность.

Е. Е. Шведе

ШВЕДЕ ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ.

Родился 6 ноября 1890 года в Санкт-Петербурге. Происходил из старинного морского рода лифляндских дворян Шведе.

С 1901 по 1904 годы учился в 8-й петербургской гимназии. Морской кадетский корпус окончил в ноябре 1910 года с Нахимовской медалью и пожалован золотой черногорской медалью с надписью «За ревность», был произведён в мичманы. В службе находился с 1907 года.

С ноября 1910 по апрель 1911 года - полуротный командир 2-го Балтийского флотского экипажа, затем вахтенный офицер, младший штурман, вахтенный начальник на крейсере «Рюрик».

С августа 1913 по март 1914 года слушатель штурманских офицерских классов, ученик Шокальского, преподававшего на классах. 6 апреля 1914 года произведён в лейтенанты флота.

Участник Первой мировой войны. С мая 1914 по февраль 1917 года - временно исполняющий обязанности флаг-офицера штаба командующего Морскими силами Балтийского моря, младший штурман линкора «Севастополь», с февраля по ноябрь 1917 года - старший штурман крейсера «Громобой». За участие в боевых действиях был награждён орденами Святой Анны 4 степени с надписью «за храбрость» и Святого Станислава 3 степени с мечами.

После Октябрьской революции Евгений Евгеньевич перешёл на сторону советской власти. Службу в РККА начал с ноября 1917 года старшим штурманом линкора «Севастополь».

С мая 1920 года - начальник иностранного отдела Оперативного управления штаба Морских сил Республики (МСР), с конца 1921 года - начальник оперативного отдела походного штаба Командующего морскими силами по переброске частей Рабоче-крестьянской Красной армии из Крыма на Кавказ. В 1921 году получил диплом штурмана дальнего плавания. С февраля 1922 - помощник начальника отдела (факультета), адъюнкт кафедры военно-морской географии Военно-морской академии в Петрограде.

В 1938 году присвоено звание капитан 2 ранга, в 1939 году - звание капитан 1 ранга.

С июля 1939 года - доцент, в 1940 году защитил кандидатскую диссертацию в области географии. С июля 1940 года - профессор кафедры военно-морской географии Военно-морской академии имени К. Е. Ворошилова.

В Великую Отечественную войну, находясь в эвакуации в Астрахани, Евгений Евгеньевич Шведе одновременно с преподавательской работой, участвовал

в рекогносцировке Сталинградского оборонительного рубежа, организации обороны реки Волги и Астраханского рейда, а также в военно-географическом обеспечении боевых действий Северного флота.

В 1942 году стал первым в СССР доктором военно-морских наук. В 1944 году вступил в члены компартии. 5 ноября 1944 года ему присвоено звание контр-адмирал.

В 1943-1945 годах - старший преподаватель, с мая 1945 года - начальник кафедры морских театров, с сентября 1945 года - начальник кафедры военно-морской географии Военно-морской академии.

В 1948 году Шведе присуждено почётное звание — Заслуженный деятель науки РСФСР.

С 1960 года являлся членом Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования СССР, до апреля 1965 года продолжал работать начальником кафедры истории военно-морского искусства и военно-морской географии ВМА.

С апреля 1965 года в отставке.

Умер Евгений Евгеньевич Шведе 26 апреля 1977 года в Ленинграде. Похоронен в посёлке Комарово на поселковом кладбище.

Источник: <https://pochta-polevaya.ru>

ПЕРВАЯ РУССКАЯ АНТАРКТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

1819--1821 гг.

Первые три десятилетия XIX в. ознаменовались многочисленными русскими кругосветными плаваниями, большая часть которых была вызвана наличием русских владений на Алеутских островах, Аляске и граничащих с ней побережьях Северной Америки.

Эти кругосветные путешествия сопровождались крупнейшими географическими открытиями на Тихом океане, поставившими нашу Родину на первое место среди всех других государств в области тихоокеанских исследований того времени океанографической науки вообще. Уже во время первых семи русских кругосветных плаваний -- И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского на кораблях "Нева" и "Надежда" (1803--1806), В. М. Головнина на шлюпе "Диана" (1807--1809), М. П. Лазарева на корабле "Суворов" (1813--1816), О. Е. Коцебу на бриге "Рюрик" (1815--1818), Л. А. Гагемейстера на корабле "Кутузов" (1816--1819), З. И. Понафилина на корабле "Суворов" (1816--1818) и В. М. Головнина на шлюпе "Камчатка" (1817--1819) -- были исследованы обширные районы Тихого океана и сделаны многочисленные открытия новых островов.

Однако оставались еще совершенно неизученными ни русскими, ни иностранными экспедициями обширные пространства трех океанов (Тихого, Индийского и Атлантического) к югу от Южного полярного круга, в то время объединявшиеся под общим наименованием Южного Ледовитого океана, а также самая юго-восточная часть Тихого океана.

Многие иностранные экспедиции XVIII в. стремились, плавая в этих водах, достичь берегов таинственного материка Антарктиды, легендарные сведения о существовании которого были распространены в географической науке еще с древних времен. Открытию южного материка в значительной мере было посвящено и второе кругосветное плавание (1772--1775) английского мореплавателя капитана Джемса Кука. Именно мнение Кука, доказывавшего в отчете о своем втором плавании, что Антарктиды или не существует, или что ее достичь вообще невозможно, служило причиной отказа от дальнейших попыток открыть шестую часть света, почти полвека вплоть до отправления русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена -- Лазарева.

Кук, решительно отрицая наличие южного материка, писал: "Я обошел океан южного полушария в высоких широтах и отверг возможность существования материка, который если и может быть обнаружен, то лишь близ полюса в местах, недоступных для плавания" {Джемс Кук. Путешествие к Южному полюсу и вокруг света. Государственное издательство географической литературы, Москва, 1948 г., стр. 33.}. Он считал, что положил конец дальнейшим поискам южного материка, являвшегося у географов того времени излюбленной темой для рассуждений. В своем послесловии Кук говорит: "Если бы мы открыли материк, мы безусловно в большей степени смогли

удовлетворить любопытство многих. Но мы надеемся, что то обстоятельство, что мы его не нашли после всех наших настойчивых исследований, оставит меньше возможности для будущих умозрений (спекуляций) относительно неведомых миров, еще подлежащих открытию" (Cooks II Voyage, II, 1777, стр. 292.).

Подчеркнув успешность экспедиции во многих других отношениях, Кук заканчивает свой труд следующими словами: "уже одного этого будет довольно, чтобы во мнении благожелательных людей считать наше путешествие замечательным, особенно после того, как диспуты о южном континенте перестанут привлекать к себе внимание философов и вызывать у них разногласия" (Там же, стр. 293.).

Таким образом, роковая ошибка Кука имела своим следствием то, что в конце XVIII и в начале XIX в. господствовало убеждение, что Антарктиды вообще не существует, а все районы, окружавшие Южный полюс, представлялись тогда на карте "белым" пятном. В таких условиях была задумана первая русская антарктическая экспедиция.

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ

Составление плана экспедиции. Трудно сказать, у кого зародилась первая мысль об этой экспедиции и кто явился ее инициатором. Возможно, что идея эта зародилась почти одновременно у нескольких наиболее выдающихся и просвещенных русских мореплавателей того времени -- Головнина, Крузенштерна и Коцебу.

В архивных документах первые упоминания о проектируемой экспедиции встречаются в переписке И. Ф. Крузенштерна с тогдашним русским морским министром маркизом де-Траверсе (Головнин в то время находился в кругосветном плавании на шлюпе "Камчатка", из которого он вернулся уже после ухода антарктической экспедиции из Кронштадта).

В письме своем от 7 декабря 1818 г., первом по времени документе, касающемся данной экспедиции, Крузенштерн, в ответ на сообщение о намеченной посылке русских кораблей к южному и северному полюсам, просит у Траверсе разрешения представить свои соображения об организации такой экспедиции (ЦГАВМФ, Личный фонд И. И. Траверсе, дело 114, лист 3.).

После этого морской министр поручил составление записок об организации экспедиции как Крузенштерну, так и целому ряду других компетентных лиц, в том числе представителю старшего поколения русских мореплавателей -- знаменитому гидрографу вице-адмиралу Гавриле Андреевичу Сарычеву (ЦГАВМФ, Сборный фонд, дело 476, листы 11--14.). Среди архивных документов имеется также записка "Краткое обозрение плана предполагаемой экспедиции" (Там же, листы 6--10.), не имеющая подписи, но, судя по ссылкам на опыт только что вернувшегося из кругосветного плавания брига "Рюрик" (пришел в Петербург 3 августа 1818 г.), принадлежащая перу командира последнего -- лейтенанту О. Е. Коцебу. По некоторым данным можно полагать, что записка Коцебу является наиболее ранней из всех и она предусматривает посылку из России только двух кораблей, причем разделение их намечалось у Гавайских островов, откуда один из кораблей должен был пересечь Тихий океан на запад -- к Берингову проливу, второй -- на восток, с целью попытаться приблизиться к Южному полюсу.

31 марта 1819 г. Крузенштерн послал морскому министру из Ревеля свою обширную записку на 14 страницах, при сопроводительном письме {ЦГАВМФ, фонд И. И. Траверсе, дело 114, листы 6--21 (записка написана на русском языке, сопроводительное письмо -- на французском)}. В письме Крузенштерн заявляет, что при его "страсти" к подобного рода путешествиям, он сам просил бы поставить его во главе экспедиции, однако этому препятствует серьезная болезнь глаз, и что он готов составить для будущего начальника экспедиции подробную инструкцию.

В своей записке Крузенштерн касается двух экспедиций -- к Северному и к Южному полюсам, причем каждая из них включает по два корабля. Особенное внимание он, однако, уделяет экспедиции к Южному полюсу, о которой он пишет: "Сия экспедиция, кроме главной ее цели -- изведать страны Южного полюса, должна особенно иметь в предмете поверить все неверное в южной половине Великого океана и пополнить все находящиеся в оной недостатки, дабы она могла признана быть, так сказать, заключительным путешествием в сем море". Это свое замечание Крузенштерн заключает следующими словами, полными патриотизма и любви к Родине и стремления к ее приоритету: "Славу такого предприятия не должны мы допускать отнять у нас; она в продолжении краткого времени достанется непременно в удел англичанам или французам". Поэтому Крузенштерн торопил с организацией этой экспедиции, считал "сие предприятие одним из важнейших, кои когда-либо предначинаемы были... Путешествие, единственно предпринятое к обогащению познаний, имеет, конечно, увенчаться признательностью и удивлением потомства". Однако он все же "после строгого обдумывания" предлагает перенести начало экспедиции на следующий год, для более тщательной подготовки ее. Морской министр остался неудовлетворенным целым рядом предложений Крузенштерна, в частности относительно отсрочки экспедиции на год и раздельного выхода обеих экспедиций из Кронштадта (министр настаивал на совместном следовании всех четырех кораблей до определенного пункта и последующего их разделения по маршрутам).

Правительство всячески торопило с организацией экспедиции и форсировало ее выход из Кронштадта. В своей записке Крузенштерн намечал и начальников обеих "дивизий", направляемых к Южному и Северному полюсам. Наиболее подходящим начальником "первой дивизии", предназначенной для открытий в Антарктике, Крузенштерн считал выдающегося мореплавателя капитана 2-го ранга В. М. Головнина, но последний, как уже указывалось, находился в то время в кругосветном плавании; начальником "второй дивизии", шедшей в Арктику, он намечал О. Е. Коцебу, своим плаванием в северных широтах на "Рюрике" доказавшем свои выдающиеся качества мореплавателя и ученого моряка. Ввиду отсутствия Головнина, Крузенштерн предлагал взамен назначить своего бывшего соплавателя капитана 2-го ранга Ф. Ф. Беллинсгаузена, командовавшего тогда одним из фрегатов на Черном море. По этому поводу Крузенштерн писал: "Наш флот, конечно, богат предприимчивыми и искусными офицерами, однако из всех тех, коих я знаю, не может никто, кроме Головнина, сравняться с Беллинсгаузенем" {ЦГАВМФ, фонд И. И. Траверсе, дело 114, лист 21.}.

Правительство, однако, не последовало этому совету, и начальником первой дивизии был назначен ближайший помощник Крузенштерна по кругосветной экспедиции на корабле "Надежда" -- капитан-командор М. И. Ратманов, а начальником второй -- капитан-лейтенант М. Н. Васильев. Ратманов, незадолго до своего назначения

потерпевший кораблекрушение у мыса Скагена при возвращении из Испании, находился в Копенгагене и здоровье его было в расстроенном состоянии. Он просил по этому случаю не посылать его в дальнее плавание, и, в свою очередь, выдвинул кандидатуру Ф. Ф. Беллинсгаузена.

Выбор кораблей. Как уже отмечалось, по желанию правительства обе экспедиции снаряжались в весьма спешном порядке, ввиду чего в состав их были включены не специально построенные для плавания во льдах парусные корабли, а находившиеся в постройке шлюпы, предназначавшиеся для отправления в обычные кругосветные плавания. Первая дивизия состояла из шлюпов "Восток" и "Мирный", вторая из шлюпов "Открытие" и "Благонамеренный". Основные данные этих шлюпов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Основные данные шлюпов "Восток" и "Мирный"

Наименование шлюпов	Водоизмещение, т	Размеры				Число орудий	Даты постройки		Место постройки	Имя строителя
		Длина, м	Ширина, м	Углуб. в полн. груз., м	Глубина интрьюма, м		Закладка	Спуск на воду		
'Восток' 'Открытие'	900	39,5	10	4,5	5,2	28	1817 г.	1818 г.	Петербург Охтенская верфь	Стоке Стоке
'Мирный' 'Благонамеренный'	530	36,5	9,1	4,3		20	1816 г.	1818 г.	Лодейное поле	Колодкин Курепанов

В отношении однотипного с "Востоком" шлюпа "Камчатка" В. М. Головнин пишет ("Путешествие вокруг света на военном шлюпе "Камчатке" в 1817, 1818 и 1819 годах", изд. 1822 г.): "Морское ведомство определило нарочно построить для предназначенного путешествия военное судно по фрегатскому расположению, с некоторыми только переменами, кои были необходимы по роду службы, судну сему предстоящей"; в другом месте он говорит, что "величиною сей шлюп равнялся посредственному фрегату" {Объяснение термина "шлюп" -- см. в конце книги, в кратком морском словаре. "Посредственный" -- средних размеров.}. М. П. Лазарев в письме к своему другу и бывшему соплавателю А. А. Шестакову отмечает, что "Восток" был построен по

плану прежних фрегатов "Кастор" и "Поллукс" (постройки 1807 г.), но с тою разницею, что на нем верхняя палуба была сплошная, без разрезных шкафутов. Лазарев считал, что "судно сие вовсе неудобное к такому предприятию по малой вместительности своей и тесноте как для офицеров, так и для команды" {Письмо М. П. Лазарева к А. А. Шестакову от 24 сентября 1821 г. (из Кронштадта в город Красный Смоленской губернии)}. Шлюп "Восток" (как и целая серия однотипных шлюпов "Камчатка", "Открытие", "Аполлон") был построен корабельным инженером В. Стоке (англичанином на русской службе) и на практике оказался мало удачным. Беллинсгаузен сетует на то, что морской министр признал выбор этого шлюпа удачным только потому, что однотипный шлюп "Камчатка" уже находился в кругосветном плавании с В. М. Головниным, между тем как последний в уже цитированном своем труде жалуется на не вполне удовлетворительные мореходные качества своего шлюпа. Беллинсгаузен неоднократно останавливается на целом ряде конструктивных недостатков шлюпа "Восток" (излишняя высота рангоута, недостаточная прочность корпуса, плохой материал, небрежная работа) и прямо обвиняет Стоке в наличии этих недостатков. Так, по поводу неисправности румпеля он пишет: "неблагонадежность румпеля доказывает нерадение корабельного мастера, который, забыв священные обязанности службы и человечества, подвергал нас гибели" {Первое издание, т. I, стр. 214.}. В другом месте, по поводу недостаточной высоты комингсов люков на верхней палубе, он бросает Стоке обвинение в отрыве от практики. "Таковые и другие встречающиеся ошибки в построении происходят более от того, что корабельные мастера строят корабли, не быв никогда сами в море, и потому едва ли одно судно выйдет из их рук в совершенстве" {Там же, стр. 334.}. Шлюп "Восток" был построен из сырого соснового леса и не имел никаких особых скреплений, кроме обыкновенных; подводная часть была скреплена и снаружи обшита медью, причем эти работы были выполнены уже в Кронштадте русским корабельным мастером Амосовым. Корпус шлюпа "Восток" оказался слишком слабым для плавания во льдах и в условиях непрерывной штормовой погоды и его приходилось неоднократно подкреплять, перегружать все тяжести в трюм, ставить дополнительные крепления и уменьшать площадь парусности. Несмотря на это, к концу плавания "Восток" сделался так слаб, "что, дальнейшие покушения к зюйду казались почти невозможными. Беспрестанное отливание воды изнуряло людей чрезвычайно... Гниль показалась в разных местах, притом и полученные от льдов толчки принудили капитана Беллинсгаузена оставить поиски слишком месяцем прежде и думать о возвращении" {Письмо М. П. Лазарева к А. А. Шестакову от 24 сентября 1821 г.}. "Шлюп имел сильное движение, вадервельсовые пазы, при каждом наклонении с боку на бок, чувствительно раздавались" -- пишет Беллинсгаузен 1 декабря 1820 г. {Первое издание, т. II, стр. 188.} Шлюп даже не имел дополнительной ("фальшивой") наружной обшивки {"Восток" имел только одну обшивку и незаделанные промежутки шпангоутов в подводной части (первое издание, т. II, стр. 210).}, чего требовал при подготовке к экспедиции М. П. Лазарев, наблюдавший за снаряжением обоих шлюпов ввиду того, что назначение Беллинсгаузена состоялось лишь за 42 дня до выхода экспедиции из Кронштадта.

Несмотря на такие неудовлетворительные конструктивные и мореходные качества шлюпа, русские военные моряки с честью выполнили сложное задание и полностью завершили обход всего антарктического водного пространства. Беллинсгаузену неоднократно приходилось раздумывать над вопросом, следует ли на столь

поврежденном корабле все снова и снова форсировать ледяные поля, но каждый раз он находил "одно утешение в мысли, что отважность иногда ведет к успехам" {Первое издание, т. II, стр. 157.} и неуклонно и твердо вел свои корабли к намеченной цели.

Зато прекрасные мореходные качества показал второй шлюп -- "Мирный", построенный русским корабельным мастером Колодкиным в Лодейном поле. Вероятно, проект этого корабля был составлен замечательным русским корабельным инженером И. В. Курепановым, который строил в Лодейном поле однотипный шлюп "Благонамеренный" (всего построил за свою службу 8 парусных линейных кораблей, 5 фрегатов и много мелких судов); Колодкин был только исполнителем этого проекта. Шлюп "Мирный" имел значительно меньшие размеры, и первоначально числился в списках флота в качестве транспорта "Ладога". Он был несколько перестроен, чтобы придать ему внешний вид военного корабля. Кроме того, командир его, прекрасный практик морского дела лейтенант М. П. Лазарев, приложил много стараний в подготовительный период перед отправлением в дальнее плавание, чтобы улучшить мореходные качества этого шлюпа (он был снабжен второй обшивкой, сосновый руль был заменен дубовым, были поставлены добавочные крепления корпуса, такелаж был заменен более прочным и т. д.), построенного, правда, из хорошего соснового леса с железным креплением, но рассчитанного для плавания в Балтийском море. М. П. Лазарев дает положительную оценку своему шлюпу: однотипные "Мирный" и "Благонамеренный", по его словам, "оказались впоследствии самыми удобнейшими из всех прочих как по крепости своей, так вместительности и покою: один лишь недостаток против "Востока" и "Открытия" был ход", и далее: "своим же шлюпом я был очень доволен", и "стоя в Рио-де-Жанейро, капитан Беллинсгаузен почел за нужное для скрепления "Востока" прибавить ещё 18 книц и стандерсов; "Мирный" же ничем не жаловался" {Все цитаты из письма М. П. Лазарева к А. А. Шестакову, от 24 сентября 1821 г.}. И Беллинсгаузен и Лазарев неоднократно сетуют на то обстоятельство, что в обе дивизии были включены по два совершенно разнотипных корабля, значительно друг от друга отличающиеся по скорости хода. Беллинсгаузен пишет по поводу переименования транспорта "Ладога" в шлюп "Мирный": "не взирая на сие переименование, каждый морской офицер видел, какое должно быть неравенство в ходу с шлюпом "Востоком", следовательно, какое будет затруднение оставаться им в соединении и какая от сего долженствовала произойти медленность в плавании" {Первое издание, т. I, стр. 4.}. Лазарев выражается более резко: "для чего посланы были суда, которые должны всегда держаться вместе, а между прочим такое неравенство в ходу, что один должен беспрестанно нести все лисели и через то натруждать рангоут, пока сопутник его несет паруса весьма малые и дожидается? Эту загадку предоставляю тебе самому отгадать, а я не знаю" {Цитированное письмо М. П. Лазарева к А. А. Шестакову.}. А загадка разрешалась малой морской опытностью тогдашнего морского министра Траверсе, приведшего сначала Черноморский флот, которым он командовал, а затем и весь русский флот к упадку по сравнению с предшествующим блестящим периодом Ушакова и Сенявина, и последующим, не менее славным, периодом Лазарева, Нахимова и Корнилова.

Лишь благодаря изумительному морскому искусству М. П. Лазарева шлюпы ни разу не разлучались за все время плавания, несмотря на исключительно плохие условия видимости в антарктических водах, темные ночи и непрерывные штормы. Беллинсгаузен, представляя еще в пути из Порт-Жаксона командира "Мирного" к

награждению, особенно подчеркивал именно это неоценимое качество М. П. Лазарева.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ

Еще И. Ф. Крузенштерн писал о подборе личного состава для первой русской кругосветной экспедиции {И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1806 и 1806 годах на кораблях "Надежда" и "Нева", изд. 1809 г., стр. 19.}: "Мне советовали принять несколько и иностранных матрозов; но я, зная преимущественные свойства Российских, коих даже и английским предпочитаю, совету сему последовать не согласился. На обоих кораблях, кроме ученых Горнера, Тилезиуса и Либанда, в путешествии нашем ни одного иностранца не было". На кораблях же Беллинсгаузена и Лазарева вообще не было ни одного иностранца. Это обстоятельство подчеркивает участник экспедиции профессор Казанского университета Симонов, который в своем слове, произнесенном на торжественном заседании в этом университете в июле 1822 г., заявил, что все офицеры были русские, и, хотя некоторые из них носили иностранные фамилии, но "будучи дети российских подданных, родившись и воспитавшись в России, не могут быть названы иностранцами" {"Слово о успехах плавания шлюпов "Востока" и "Мирного" около света и особенно в Южном Ледовитом море, в 1819, 1820 и 1821 годах". Изд. 1822 г.}. Правда, по приглашению русского правительства на корабли Беллинсгаузена, при стоянке их в Копенгагене, должны были прибыть два немецких ученых, но в последний момент, очевидно испугавшись предстоявших трудностей, они от участия в экспедиции отказались. По этому поводу Беллинсгаузен высказывается следующим образом: "В продолжении всего путешествия мы всегда сожалели, что не позволено было идти с нами двум студентам по части Естественной истории, из русских, которые сего желали, а предпочтены им неизвестные иностранцы" {Первое издание, т. I, стр. 47.}.

Все участники экспедиции, как офицеры, так и матросы, являлись добровольцами. Ф. Ф. Беллинсгаузен получил назначение начальником первой дивизии и поднял на шлюпе "Восток" свой брeid-вымпел почти в самый последний момент, незадолго до ухода в плавание. Поэтому он не смог по своему желанию подобрать офицерский состав и взял с собою из Черного моря лишь своего бывшего помощника на фрегате "Флора" -- капитан-лейтенанта И. И. Завадовского, а прочие офицеры уже были назначены на "Восток" по рекомендации различных начальствующих лиц. М. П. Лазарев, вступивший в командование шлюпом "Мирный" несколько ранее, находился в лучших условиях и имел возможность более тщательно подобрать своих помощников, причем некоторые из них настолько с ним сплавались, что были приглашены участвовать в его третьем кругосветном плавании на фрегате "Крейсер" с 1822 по 1825 г. (лейтенант Анненков и мичман Куприянов, а Анненков -- и на корабле "Азов").

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ УЧАСТНИКАХ ЭКСПЕДИЦИИ

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен {Использованы следующие источники: Общий морской список, ч. VI, изд. 1892 г.; Русский биографический словарь, т. II, изд. 1900 г.;

Полный послужной список адмирала Беллинсгаузена, 1850 (ЦГАВМФ); М. А. Лялина. Русские путешественники-исследователи. Русские мореплаватели арктические и кругосветные, изд. 1892 г.; жизнеописание адмирала Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, "Северная пчела", 1853 г., No 92; некролог в журнале "Морской сборник", 1853 г., No 7.}. Начальник экспедиции и командир шлюпа "Восток" Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен родился в 1779 г. на острове Эзель (ныне остров Хиума, входящий в состав Эстонской ССР). близ города Куресааре (Аренсбург). Часть своего детства он провел в этом городе, часть -- в доме своих родителей, в его окрестностях. Он с раннего детства мечтал быть моряком и всегда говорил о себе: "Я родился среди моря; как рыба не может жить без воды, так и я не могу жить без моря". Его мечте суждено было исполниться; с юности до преклонных лет и самой своей смерти он почти ежегодно находился в море. В десятилетнем возрасте он поступил кадетом в Морской корпус, находившийся тогда в Кронштадте; в 1795 г. был произведен в гардемарины, а в 1797 г. -- в первый офицерский чин мичмана. Еще будучи гардемаринном, он совершил плавание к берегам Англии, а затем, вплоть до 1803 г., находясь на различных судах Ревельской эскадры, плавал по Балтийскому морю. Успехами в науках и по службе Беллинсгаузен обратил на себя внимание командующего флотом вице-адмирала Ханькова, который рекомендовал его к назначению на корабль "Надежда", находившийся под командованием И. Ф. Крузенштерна, для участия в первой русской кругосветной экспедиции. В "Предуведомлении" к описанию своего кругосветного плавания Крузенштерн дает следующую оценку Беллинсгаузену: "Все почти карты рисованы сим последним искусным офицером, который в то же время являет в себе способность хорошего гидрографа; он же составил и генеральную карту". В центральном Военно-морском музее хранится целый атлас с многочисленными подлинными картами молодого Беллинсгаузена. Способности гидрографа и штурмана Ф. Ф. Беллинсгаузен выказывал неоднократно и впоследствии.

После возвращения из кругосветного плавания в 1806 г., в чине капитан-лейтенанта, Беллинсгаузен плавал в течение 13 лет в должности командира на различных фрегатах сначала на Балтийском море, а с 1810 г.-- на Черном море, где принимал участие в боевых действиях у Кавказского побережья. На Черном море он уделял большое внимание гидрографическим вопросам и много содействовал составлению и исправлению карт {См. статью историка Ал. Соколова "Гидрографические труды капитана (впоследствии адмирала) Ф. Ф. Беллинсгаузена на Черном море", журнал "Морской сборник", 1855 г., No 6.}. В 1819 г., командуя фрегатом "Флора", он получил ответственное поручение командующего флотом: определить географическое положение всех приметных мест и мысов. Однако это поручение ему выполнить не пришлось ввиду срочного вызова морским министром в Петербург для нового назначения. 23 мая 1819 г. капитан 2-го ранга Ф. Ф. Беллинсгаузен вступил в командование шлюпом "Восток" и одновременно принял начальство над антарктической экспедицией. Ему в это время было 40 лет, и он находился в полном расцвете своих сил и способностей. Служба в молодые годы под командованием опытного старого моряка адмирала Ханькова, участие в первом русском кругосветном плавании под руководством И. Ф. Крузенштерна, наконец, 13-летнее самостоятельное командование кораблями выработали основные деловые и личные особенности Беллинсгаузена. Современники рисуют его смелым, решительным, знающим свое дело командиром,

прекрасным моряком и ученым гидрографом-штурманом, истинным русским патриотом. Вспоминая совместное плавание, М. П. Лазарев впоследствии "не называл его иначе, как искусным, неустрашимым моряком", но к этому не мог не прибавить, что он был "отличный, теплой души человек" {Ф. Нордман. По поводу предложения поставить в Кронштадте памятник адмиралу Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену, газета "Кронштадский вестник", 1868 г., No 48, 28 апреля.}. Такая высокая оценка, исходившая из строгих уст одного из крупнейших русских флотоводцев -- М. П. Лазарева, многого стоит. Свою гуманность Беллинсгаузен проявлял неоднократно: в жестокий век аракчеевщины он за время кругосветного плавания не применил ни разу телесного наказания по отношению к подчиненным ему матросам, а впоследствии, занимая высокие должности, всегда проявлял большую заботу к нуждам рядового состава. С М. П. Лазаревым его связывали сердечные, дружественные отношения, и за весь период совместного плавания, насколько известно, лишь один раз между начальником экспедиции и его ближайшим помощником возникли разногласия: несмотря на исключительную собственную смелость и опытность, М. П. Лазарев считал, что Беллинсгаузен слишком рискует, маневрируя большими ходами между ледяными полями в условиях плохой видимости. В своих замечаниях о плавании, к сожалению до нас не дошедших, М. П. Лазарев говорил: "хотя мы смотрели с величайшим тщанием вперед, но идти в пасмурную ночь по 8 миль в час казалось мне не совсем благоразумно" {Первое издание, т. 1, стр. 212. }. На это замечание Беллинсгаузен отвечает: "Я согласен с сим мнением лейтенанта Лазарева и не весьма был равнодушен в продолжение таких ночей, но помышлял не только о настоящем, а располагал действия так, чтобы иметь желаемый успех в предприятиях наших и не остаться во льдах во время наступающего равноденствия" {Равноденствие связано с сильными штормами.}.

Вернувшись из исключительно удачного плавания прославленным открывателем новых земель и самой таинственной Антарктиды, Ф. Ф. Беллинсгаузен первое время, повидимому, занимался обработкою своих замечаний, шханечных журналов и воспоминаний своих соплавателей, так как в это время он занимал различные береговые должности, что было для него необычно; в конце 1824 г. он представил Адмиралтейскому департаменту описание своего путешествия с приложением карт и рисунков. Однако, как уже указывалось в предисловии, несмотря на исключительный интерес к этому труду и ходатайство Морского штаба об его издании, он тогда не был напечатан. Можно думать, что восстание декабристов настолько испугало и отвлекло в то время Николая I и все высшее морское начальство, что все другие вопросы были на время отложены (издание состоялось лишь через 10 лет после возвращения экспедиции, в 1831 г.).

Вся дальнейшая служба Беллинсгаузена (в отличие от других знаменитых мореплавателей, как, например, Крузенштерна, Головина и Литке, посвятивших себя более научной деятельности и береговой службе) протекала в почти непрерывных плаваниях, строевой и боевой службе и на высших командных должностях. Это был настоящий строевой командир. В 1826--1827 гг. мы видим его командующим отрядом судов в Средиземном море; в 1828 г., будучи контр-адмиралом и командиром гвардейского экипажа, он вместе с последним выступил из Петербурга сухим путем и прошел через всю Россию на Дунай для участия в войне с Турцией. На Черном море он играл руководящую роль в осаде турецкой крепости Варны, а затем, имея свой

контр-адмиральский флаг на кораблях "Пармен" и "Париж",-- и во взятии этой крепости, а также ряда других городов и крепостей. В 1831 г., уже вице-адмиралом, Беллинсгаузен является командиром 2-й флотской дивизии и ежегодно крейсирует с нею в Балтийском море.

В 1839 г. он назначается на высший строевой пост в Балтийском море -- главным командиром Кронштадтского порта и Кронштадтским военным губернатором. Эта должность совмещалась с ежегодным назначением командующим Балтийским флотом на время летних плаваний, и вплоть до самой своей смерти (в возрасте 73 лет, в 1852 г.) Беллинсгаузен продолжал выходы в море для боевой подготовки подведомственного ему флота.

Как главный командир Кронштадтского порта, адмирал (с 1843 г.) Беллинсгаузен принял исключительно большое участие в строительстве новых гранитных гаваней, доков, гранитных фортов, готовя Балтийскую твердыню к отпору нашествия западноевропейской коалиции, точно так же как подобную же задачу выполнял его прежний соплаватель адмирал М. П. Лазарев на юге -- в Севастополе. Беллинсгаузен усердно тренировал свой флот и для улучшения качества артиллерийской стрельбы разработал и вычислил специальные таблицы, изданные под названием "О прицеливании артиллерийских орудий на море" (Изданы Ученым комитетом Морского министерства в 1839 г.). Как уже отмечалось, Беллинсгаузен был прекрасным моряком и до конца дней своих умело тренировал своих командиров в маневрировании и эволюциях. Современники, участвовавшие в этих эволюциях, давали ему аттестацию "мастер своего дела", а присутствовавший на морских маневрах 1846 г. шведский адмирал Норденшельд воскликнул: "Я держу пари с кем угодно, что этих эволюций не сделает ни единый флот в Европе" (Газета "Кронштадтский вестник", 1868 г., No 48.). К чести старого адмирала нужно сказать, что он высоко ценил смелость и инициативу молодых командиров, и когда в 1833 г. во время осеннего плавания в устье Финского залива в бурную ненастную ночь командир фрегата "Паллада", будущий знаменитый флотоводец П. С. Нахимов, поднял своему адмиралу сигнал "Флот идет к опасности", последний беспрекословно изменил курс всей кильватерной колонны, благодаря чему эскадра была спасена от аварии на камнях (За исключением головного линейного корабля, выскочившего на камни.).

Ф. Ф. Беллинсгаузен всю жизнь интересовался географическими вопросами, читал все описания кругосветных плаваний и переносил на свою карту все новые открытия. Его имя значится среди первых избранных действительных членов Русского Географического общества, причем рекомендацию для приема в члены ему дали адмиралы Ракорд и Врангель (Дело No 3 архива Географического общества Союза ССР "Об избрании новых членов", 1845 г.).

Конечно, Беллинсгаузену нехватало таланта и широты масштабов, свойственных М. П. Лазареву; он не являлся флотоводцем в полном смысле этого слова и не создал на Балтике такой прославленной морской школы с целой плеядой знаменитых моряков (Нахимов, Корнилов, Истомин, Бутаков и др.), как Лазарев на Черном море, но он оставил заметный след в истории русского флота и высоко поднял мировой авторитет русских мореплавателей и русской океанографической и гидрографической науки своим замечательным плаванием к Южному полюсу.

В бытность свою главным командиром в Кронштадте он проявлял много заботы о подъеме культурного уровня морских офицеров, в частности он был основателем одной из крупнейших русских библиотек того времени -- Кронштадтской морской библиотеки. Его большому практическому опыту многим обязаны своим успехом русские кругосветные экспедиции того периода, когда ему было подведомственно их снаряжение в Кронштадте.

Характерны для Беллинсгаузена его гуманность по отношению к матросскому составу и постоянная забота о нем; в Кронштадте он значительно улучшил бытовые условия команд построжкой казарм, устройством госпиталей, озеленением города. Особенно много им сделано было для улучшения питания матросов. Он добился увеличения мясного пайка и широкого развития огородов для снабжения овощами. После смерти адмирала на его письменном столе нашли записку следующего содержания: "Кронштадт надо обсадить такими деревьями, которые цвели бы прежде, чем флот пойдет в море, дабы на долю матроса досталась частица летнего древесного запаха" {Газета "Кронштадтский вестник", 1868 г., No 48.}. В 1870 г. Ф. Ф. Беллинсгаузену был установлен памятник в Кронштадте {Памятник выполнен скульптором И. Н. Шредером и архитектором И. Л. Монигетти. Беллинсгаузен на памятнике изображен во весь рост, опирающийся на земной глобус.}.

Михаил Петрович Лазарев {Использованные материалы: Общий морской список, т. VII, изд. 1893 г.; Русский биографический словарь, изд. 1914 г.; Подлинный послужной список адмирала Лазарева, 1860 г.; П. Ф. Морозов, К. И. Никульченков "Адмирал Лазарев", журнал "Морской Сборник", 1946, No 6; Письма М. П. Лазарева к А. А. Шестакову, рукопись.}. Ближайшим помощником капитана Беллинсгаузена по экспедиции и командиром шлюпа "Мирный" был лейтенант Михаил Петрович Лазарев, впоследствии знаменитый флотоводец и создатель целой морской школы. М. П. Лазарев родился в 1788 г. в семье небогатого владимирского дворянина. Имея около 10 лет от роду, Лазарев был отдан в Морской корпус, и в 1803 г. произведен в гардемарины {Почти одновременно в Морском корпусе учились его братья Андрей и Алексей, также совершившие кругосветные плавания; первый из них умер вице-адмиралом, второй -- контр-адмиралом.}. В числе наиболее способных выпускников корпуса он был в 1804 г. командирован на суда английского флота для практического изучения военно-морского дела. На английском флоте Лазарев пробыл четыре года, непрерывно находясь в плавании в Вест-Индии и на Атлантическом океане, и участвовал в боевых действиях против французов. За это время он был (в 1805 г.) произведен в первый офицерский чин мичмана. В Россию Лазарев вернулся, имея большой практический и боевой опыт; однако, в отличие от некоторых других русских морских офицеров, также проплававших на английских судах, он не стал слепым поклонником иностранщины, а навсегда остался подлинным русским патриотом, и в дальнейшей своей службе всегда боролся против оказания предпочтения иностранцам, служившим тогда в большом числе в русском флоте,-- немцам и грекам. Как опытному моряку, Лазареву уже в 1813 г. вверили в командование корабль Русско-американской компании "Суворов", на котором он, 25-летним молодым человеком, совершил самостоятельно четырехлетнее кругосветное плавание -- следующее по счету в русском флоте после кругосветных экспедиций Крузенштерна -- Лисянского и Головнина. Вот как расценивался в то время Лазарев его современниками: "Все отдавали полную справедливость отличным знаниям лейтенанта Лазарева по морской

части; он считался одним из первых офицеров в нашем флоте, и был действительно таков, обладая в высокой степени всеми нужными для этого качествами" ("Южный полюс", из записок бывшего морского офицера, изд. 1853 г. (анонимная брошюра, написанная П. М. Новосильским, плававшим на шлюпе "Мирный" в чине мичмана).). Естественно, что на лейтенанта М. П. Лазарева пал выбор при назначении командира второго шлюпа в ответственную антарктическую экспедицию 1819--1821 гг. Выбор этот оказался чрезвычайно удачным. Благодаря высокому мореходному искусству Лазарева оба шлюпа смогли, ни разу не расставаясь (за исключением отдельного плавания Лазарева, совершенного по приказанию начальника экспедиции), столь блестяще закончить это труднейшее плавание. Беллинсгаузен высоко ценил своего ближайшего помощника и сотоварища: в своей книге он неоднократно подчеркивает его исключительное искусство в управлении под парусами, что давало возможность тихоходному шлюпу "Мирный" все время следовать совместно с более быстроходным шлюпом "Восток". Когда же оба шлюпа следовали в Порт-Жаксон различными маршрутами, то Лазарев пришел в этот порт всего лишь через неделю после прибытия туда Беллинсгаузена. Качества командира и воспитателя молодых офицеров в это плавание ярко проявлялись Лазаревым, о чем образно повествует мичман П. М. Новосильский, которому командир пришел на помощь при сложном маневрировании среди плавающих льдов: "каждая секунда приближала нас к страшно мелькавшей из-за тумана ледяной громаде... В эту самую минуту вошел на палубу М. П. Лазарев. В одно мгновение я объяснил начальнику, в чем дело, и спрашивал приказаний. -- Пойдите! -- сказал он хладнокровно. -- Как теперь смотрю на Михаила Петровича: он осуществлял тогда в полной мере идеал морского офицера, обладавшего всеми совершенствами! С полной самоуверенностью, быстро взглянул он вперед... взор его, казалось, прорезывал туман и пасмурность... -- Спускайтесь! -- сказал он спокойно" {В цитированной брошюре "Южный полюс".}.

На участие в экспедиции он смотрел с чрезвычайной ответственностью и, как истинно русский патриот, прилагал все усилия к тому, чтобы высоко поднять авторитет своей Родины и завоевать ей славу и на поприще научной экспедиции. Он говорил: "Кук задал нам такую задачу, что мы принуждены были подвергаться величайшим опасностям, чтоб, как говорится, не ударить в грязь лицом" {Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову, рукопись, письмо от 24 сентября 1821 г., из Кронштадта.}. И действительно, русские моряки блистательно провели плавание. М. П. Лазарев мог с полным правом воскликнуть: "Каково ныне Русачки наши ходят?" {Там же.}.

Представляя Лазарева к награждению, Беллинсгаузен писал морскому министру: "Во все время плавания нашего, при непрерывных туманах, мрачности и снеге, среди льдов, шлюп "Мирный" всегда держался в соединении, чему по сие время примеру не было, чтобы суда, плавающие столь долговременно при подобных погодах, не разлучались, и потому поставяю долгом представить вам о таком неусыпном бдении лейтенанта Лазарева" {ЦГАВМФ, фонд ДММ, 1819 г., дело 660, т. II, листы 239--245.}.

По возвращении из экспедиции Лазарев был произведен через чин непосредственно из лейтенантов в капитаны 2-го ранга и получил еще ряд наград. Но недолго Лазарев высидел на берегу: уже через год, в 1822 г., мы видим его снова на палубе корабля -- теперь уже в должности начальника кругосветной экспедиции и командира фрегата

"Крейсер". Лазарев был одним из очень немногих русских офицеров, совершивших три кругосветных плавания, и единственным, трижды обогнувшим земной шар в должности командира. Фрегат "Крейсер" вернулся через три года в Кронштадт в таком исключительном порядке, что на него все смотрели, как на недостижимый образец. На "Крейсере" зародилась дружба двух великих моряков -- Лазарева и Нахимова, который был тогда в чине мичмана. После возвращения из этого третьего кругосветного плавания капитан 1-го ранга Лазарев назначается командиром лучшего и новейшего линейного корабля "Азов", на котором переходит из Архангельска в Кронштадт, а еще через год, в 1827 г., направляется в составе эскадры контр-адмирала Гейдеина к берегам Греции. Здесь Лазарев в качестве командира "Азова" и одновременно начальника штаба эскадры особенно отличился храбростью и умелым маневрированием в Наваринском бою, за что получает чин контр-адмирала. На "Азове" с Лазаревым плавали лучшие представители его морской школы -- будущие прославленные адмиралы Нахимов, Корнилов и Истомина. Впервые в истории русского флота, кораблю Лазарева было присвоено высшее боевое отличие -- Георгиевский флаг. В 1829 г. Лазарев впервые командует эскадрой и с нею возвращается в Кронштадт.

В 1832 г. он переводится в Черноморский флот, сначала на должность начальника штаба, а в 1837 г. -- уже вице-адмиралом -- назначается командиром Черноморского флота и портов и николаевским и севастопольским военным губернатором.

Здесь, на южных рубежах нашей Родины, широко развернулась энергичная деятельность Лазарева как флотоводца, воспитателя личного состава, строителя флота, портов и крепостей. Семнадцать лет стоял он во главе Черноморского флота и довел его до блестящего состояния. Этот период в истории Черноморского флота принято называть "Лазаревской эпохой". Опираясь на лучших офицеров своей школы, он подготовил черноморский театр военных действий, корабельный и личный состав Черноморского флота к отпору чужеземного нашествия -- Крымской войне 1853--1856 гг. Тем же самым, но с меньшим блеском и талантом, в этот же период занимался на Балтийском театре Беллинсгаузен. В один и тот же день в 1843 г. оба бывших антарктических мореплавателя были произведены в полные адмиралы. Почти одновременно они и окончили жизненный путь (Лазарев в 1851 г., Беллинсгаузен в 1852 г.), лишь немного не дожив до боевого испытания созданной ими обороны русских морских границ.

Михаил Петрович Лазарев в Николаеве и Севастополе много потрудился над тем, чтобы создать культурные условия жизни офицерам и матросам. Любимым его детищем была Севастопольская морская библиотека. За свои географические заслуги в кругосветных плаваниях Лазарев был избран в 1850 г. почетным членом Русского Географического общества (30 марта 1851 г. (Список членов Географического общества по времени избрания).).

Среди постоянных плаваний, боевых подвигов и крупной государственной деятельности Лазареву не оставалось времени для обобщения своих мыслей в научных трудах. Он обладал, однако, хорошим литературным даром и острой наблюдательностью, что видно из содержания его писем к А. А. Шестакову (Напечатаны в журнале "Морской сборник" за 1918 г., No 2--3.). Его официальный

отчет за время отдельного плавания с 5 марта по 7 апреля 1819 г. был при подготовке к печати кем-то сильно искажен, а подлинник до нас не дошел.

В честь Лазарева в его любимом Севастополе в 1870 г. был поставлен памятник, возвышавшийся над Севастопольской южной бухтой и созданным им "Лазаревским адмиралтейством" {Автор проекта памятника скульптор Н. С. Пименов.}.

Сведения о прочих участниках экспедиции. Среди офицерского состава шлюпа "Восток" наиболее выдающимися личностями были помощник командира капитан-лейтенант Иван Иванович Завадовский {В книге Беллинсгаузена и целом ряде изданий принята транскрипция Завадовский; иногда писали Завадовский (в архивных делах имеется его собственноручная подпись "Завадовский", фонд 408, кн. 178, стр. 268).} и лейтенант Константин Петрович Торсон.

И. И. Завадовский был взят Беллинсгаузенем с Черного моря, где он тоже был его помощником на фрегате "Флора"; он являлся участником боевых действий в Эгейском и Средиземном морях на эскадрах знаменитых русских флотоводцев адмиралов Ушакова и Сенявина; впоследствии он вернулся на Черное море, и последняя должность, которую он занимал в чине контр-адмирала перед выходом в 1829 г. в отставку, была должность командующего Дунайской флотилией. К. П. Торсон был чрезвычайно знающим и культурным морским офицером, и в своем описании путешествия Беллинсгаузен наиболее часто упоминает именно о нем, в связи с его бдительностью на вахте и наличием чувства ответственности к служебным поручениям, которые ему давались. Торсон являлся одним из морских офицеров-декабристов, был осужден в 1826 г. на каторгу и скончался в Селенгинске в 1852 г. К чести Беллинсгаузена нужно сказать, что, несмотря на выход в свет описания путешествия только в 1831 г., уже после восстания, фамилия Торсона везде сохранена без всяких комментариев, и лишь остров Торсона был переименован в остров Высокий.

Лейтенант Аркадий Сергеевич Лесков был еще два раза назначаем в кругосветные плавания.

Большинство офицеров впоследствии сравнительно рано вышло в отставку.

На шлюпе "Восток" в плавании находился еще выдающийся астроном -- профессор Казанского университета Иван Михайлович Симонов {В списках экспедиции и книге Беллинсгаузена принята транскрипция Симаков, сам же он, повидимому, писал Симонов.} (1794--1855) и художник Павел Николаевич Михайлов (1786--1840), впоследствии академик живописи. Первый из них оставил после себя ряд крупных научных трудов ("О разности температуры в южном и северном полушарии", а также неопубликованные "Записки о кругосветном плавании"); в конце жизненного пути Симонов был назначен ректором Казанского университета, сменив в этой должности гениального математика Лобачевского; он передал Казанскому университету свои богатые этнографические коллекции, собранные во время плавания.

Из состава офицеров шлюпа "Мирный" с М. П. Лазаревым в кругосветное плавание на фрегате "Крейсер" пошли лейтенанты Михаил Дмитриевич Анненков и Иван Антонович Куприянов; последний был впоследствии одно время главным правителем Российско-американской компании, затем командовал различными кораблями и

бригадами кораблей и в 1857 г., в чине вице-адмирала, скончался; Анненков под начальством Лазарева отличился на корабле "Азов" в Наваринском бою и в течение трех лет командовал бригом в его эскадре.

Мичман П. М. Новосильский, написавший анонимную книжку: "Южный полюс", вскоре после возвращения из кругосветного плавания был назначен преподавателем высшей математики, астрономии и навигации в Морском кадетском корпусе, и в 1825 г., выдержав в Петербургском университете экзамены, перешел на службу в Министерство народного просвещения.

На шлюпе "Мирный" в плавании находился также иеромонах Дионисий (не упомянутый в книге Беллинсгаузена) {Характерно, что на первое приказание взять священника оба командира шлюпов -- и Беллинсгаузен и Лазарев -- ответили отказом, мотивировки это "отсутствием приличного места" (ЦГАВМФ, ДММ, дело 660, ч. 1, лист 365).}

По невыясненной причине (возможно, что по вине редакторов первого издания) в книге Беллинсгаузена были перечислены лишь фамилии офицеров, участвовавших в экспедиции, в то время как Крузенштерн и Лисянский помещали и списки матросов. Крузенштерн, объяснял это обстоятельство следующими словами: "Я поставляю обязанностью поместить здесь не только имена офицеров, но и служителей, которые все добровольно первое сие столь далекое путешествие предприняли" {И. Ф. Крузенштерн. "Путешествие вокруг света", глаза I, изд. 1809 г.}

Считаем необходимым исправить эту несправедливость и приводим полный список матросского состава экспедиции {Имена и фамилии взяты из "Списка шлюпа "Восток" о выданных командиру единовременного пособия, а офицерам и служителям по их окладам жалования за год". ЦГАВМФ, ДММ, 1819 г., д. 660, ч. 2, листы 92--97 и из такого же списка шлюпа "Мирный".}

1. ШЛЮП "ВОСТОК"

1. Унтер-офицеры: подштурмана Андрей Шеркунов и Петр Крюков, шхиперский помощник Федор Васильев, фельдшер 1 класса Иван Степанов.

2. Квартирмейстеры: Сандаш Анеев, Алексей Алдыгин, Мартын Степанов, Алексей Степанов, флейщик Григорий Дианов, барабанщик Леонтий Чуркин.

3. Матросы 1 статьи: рулевой Семен Трофимов; марсовые Губей Абдулов, Степан Сазанов, Петр Максимов, Кондратий Петров, Олав Рангопль, Пауль Якобсон, Леон Дубовский, Семен Гуляев, Григорий Ананьин, Григорий Елсуков, Степан Филиппов, Сидор Лукин, Матвей Хандуков, Кондратий Борисов, Еремей Андреев, Данила Корнев, Сидор Васильев, Данила Лемантов, Федор Ефимов, Христиан Ленбекин, Ефим Гладкий, Мартын Любин, Гаврила Галкин, Юсуп Юсупов, Габит Немясов, Прокофий Касаткин, Иван Кривов, Матвей Лезов, Мафусаил Май-Избай, Никифор Аглоблин, Никита Алунин, Егор Киселев {Автор дневника, озаглавленного "Памятник", изданного Географгизом и книги "Плавание шлюпов "Восток" и "Мирный" в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах". М. 1949 г.}, Иван Салтыков, Иван Шолохов, Демид Антонов, Абросим Скукка, Федор Кудряхин, Иван Яренгин, Захар Попов, Филимон Быков, Василий Кузнецов, Алексей Коневалов, Семен Гурьянов, Иван Паклин, Иван

Гребенников, Яков Бизанов, Михаил Точилов, Матвей Попов, Елизар Максимов, Петр Иванов, Григорий Васильев, Михаил Тахашиков, Петр Палицин, Денис Южаков, Василий Соболев, Семен Хмельников, Матвей Рожин, Севастьян Чигасов, Данила Степанов, Варфоломей Копылов, Спиридон Ефремов, Терентий Иванов, Ларион Нечаев, Федот Разгуляев, Василий Андреев, Кирилл Сапожников, Александр Барешков, Алексей Шиловский, Афанасий Кириллов.

4. Различные мастеровые: слесарь Матвей Губин, тиммерман Василий Краснопевов, кузнец Петр Курлыгин, плотник Петр Матвеев, конопатчик Родион Аверкиев, парусник Данила Мигалкин, купор Гаврила Данилов.

5. Канониры: артиллерии унтер-офицеры Илья Петухов и Иван Корнильев, бомбардир Леонтий Маркелов, канониры 1 статьи Захар Красницын, Ян Яцылевич, Якуб Белевич, Егор Васильев, Василий Капкин, Феклист Алексеев, Семен Гусаров, Степан Ядыновский, Никита Лебедев, Глеб Плысов и Иван Барабанов.

2. ШЛЮП "МИРНЫЙ"

1. Боцмана и унтер-офицеры: боцман Иван Лосяков, баталер сержантского ранга Андрей Давыдов, фельдшер 1 класса Василий Пономарев, слесарь Василий Герасимов, шхиперский помощник Василий Трифанов, штурманский помощник Яков Харлав.

2. Квартирмейстеры: Василий Алексеев, Назар Рахматулов, барабанщик Иван Новинский.

3. Матросы 1 статьи: Абашир Якшин, Платон Семенов, Арсентий Филиппов, Спиридон Родионов, Назар Аталинов, Егор Берников, Габидулла Мамлинеев, Григорий Тюков, Павел Мохов, Петр Ершев, Федор Павлов, Иван Кириллов, Матвей Мурзин, Симон Таус, Иван Антонов, Демид Улышев, Василий Сидоров, Батарша Бадеев, Лаврентий Чупранов, Егор Барсуков, Яков Кириллов, Осип Колтаков, Маркел Естигнеев, Адам Кух, Николай Волков, Григорий Петунии, Иван Леонтьев, Анисим Гаврилов, Ларион Филиппов, Томас Вунганин. Данила Анохин, Федор Бартюков, Иван Козьминский, Фрол Шавырин, Архип Палмин, Захар Иванов, Василий Курчавый, Филипп Пашков, Федор Истомина, Демид Чирков, Дмитрий Горев, Илья Зашанов, Иван Козырев, Василий Семенов.

4. Различные мастеровые: слесарь Василий Герасимов, плотники Федор Петров и Петр Федоров, конопатчик Андрей Ермолаев, парусник Александр Темников, купор Потап Сорокин.

5. Канониры: артиллерии старший унтер-офицер Дмитрий Степанов; канониры 1 статьи Петр Афанасьев, Михаил Резвый, Василий Степанов, Василий Ку克林, Ефим Воробьев, Иван Сарапов.

СНАБЖЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Несмотря на большую спешку со снаряжением экспедиции, снабжена она была в общем хорошо. Однако снабжение это все же не вполне соответствовало основной ее цели -- плаванью во льдах. По этому поводу известный впоследствии мореплаватель и

географ Ф. П. Литке, видевший шлюпы "Восток" и "Мирный" на Портсмутском рейде {Первое издание, т. 1, стр. 53.} во время своего плавания на шлюпе "Камчатка", писал в своем неопубликованном дневнике {Дневник лейтенанта Ф. П. Литке, шлюп "Камчатка", 1819 г., 2 августа; дело ЦГАВМФ, фонд Ф. П. Литке, дело 9, лист 149.}, что их снабжение и оборудованье делалось "по примеру "Камчатки" и, если командный состав их с чем-нибудь не соглашался, то ему отвечали: "так сделано на Камчатке", хотя этот шлюп и был предназначен для обычного плавания, и, кроме того, не имелось еще и отзыва капитана Головнина об его качествах.

Особенно большое внимание было обращено на обеспечение кораблей лучшими по тому времени мореходными и астрономическими инструментами. Ввиду того, что в то время в царской России все эти инструменты не изготовлялись, за период стоянки в Портсмуте были закуплены в Лондоне хронометры и секстаны изготовления лучших английских мастеров. В этом отношении русские корабли были снабжены гораздо лучше английских: автор предисловия к первому переводу книги Беллинсгаузена на английский язык, Франк Дебенхем, особенно подчеркивает, что в то время как в английском флоте наблюдалось еще пренебрежительное отношение к хронометрам и существовали английские адмиралы, которые форменным образом изгоняли хронометры с подчиненных им кораблей (а официально они были приняты в английском флоте лишь с 1825 г.), на русском военном флоте этот необходимейший для определения долгот прибор вошел уже в штатное снабжение кораблей {Примечание в английском издании 1945 г., т. 1, стр. 39.}.

Хорошо снабжена была экспедиция и всевозможными противоцинготными продуктами питания, к которым относились хвойная эссенция, лимоны, кислая капуста, сушеные и консервированные овощи; кроме того, при каждом подходящем случае командиры шлюпов покупали или выменивали (на островах Океании у местных жителей) большое количество свежих фруктов, которые частично заготавливались впрок для предстоящего плавания в Антарктике, а частично предоставлялись для полного использования всем личным составом. Для обогрева матросов, замерзавших при работе на реях во время ледяных ветров и морозов в Антарктике, имелся запас рома; было закуплено также красное вино для добавления к питьевой воде при плавании в жарком климате. Весь личный состав на основании особой инструкции был обязан соблюдать строжайшую гигиену: жилые помещения постоянно проветривались и в нужных случаях протапливались, обеспечивалось частое мытье в импровизированной бане, предъявлялись требования к постоянному мытью белья и коек и к проветриванию одежды и т. п. Благодаря перечисленным мерам и высокой квалификации судовых врачей, никаких серьезных заболеваний на шлюпах не было, несмотря на тяжелые климатические условия плавания и частые переходы от жары к холоду и обратно.

Для связи между собою шлюпы имели телеграф, незадолго перед тем изобретенный русским морским офицером капитан-лейтенантом А. Бутаковым. Усовершенствованный им в 1815 г. телеграф этот "составлял ящик с 14-ю шхивами и планку с стольким же числом шхив, с основанными круглыми фалами, с привязанными к ним флагами, для поднимания на бизань-рею"; Бутаков издал и "Морской телеграфный словарь". Это русское изобретение принесло очень большую пользу экспедиции для переговоров шлюпов между собою на дальних расстояниях {А. Глотор.

Изыяснение принадлежностей к вооружению корабля, изд. 1816 г., и проф. А. А. Данилевский. "Русская техника", изд. 1948 г.}.

На каждом из шлюпов имелась значительная библиотека, содержащая все вышедшие в свет описания морских путешествий на русском, английском и французском языках, морские календари на 1819 и 1820 гг. и английские морские ежегодники "Nautical Almanac" еще на 3 года вперед, сочинения по геодезии, астрономии и навигации, лоции и наставления для плавания, различные мореходные таблицы, сочинения по земному магнетизму, небесные атласы, телеграфические словари, записки Адмиралтейского департамента и др. {Список книг, имевшихся на шлюпах, приведен в архивных делах (ЦГАВМФ, ДММ, дело 660, ч. I, листы 492--493 и 154).}.

ОБЩИЙ ХОД ЭКСПЕДИЦИИ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Шлюпы "Восток" и "Мирный" вышли из Кронштадта 4 июля 1819 г., с 14 по 19 июля простояли в Копенгагене, с 29 июля по 26 августа -- в Портсмуте. Во время месячной стоянки в английском порту были получены хронометры, секстаны, телескопы и другие мореходные инструменты, которые тогда еще не изготовлялись в России. Здесь же был пополнен запас провизии консервами и некоторыми специальными продуктами. Далее, небольшой отряд, выйдя 26 августа из Портсмута, направился в южную часть Атлантического океана и после непродолжительного захода (с 15 по 19 сентября) в Санта-Круз на Канарских островах пересек Атлантический океан с востока на запад и вошел на рейд Рио-де-Жанейро, для отдыха команды перед утомительным и сложным плаванием в Антарктике, для подготовки шлюпов к штормовым походам и для принятия провизии. В Рио-де-Жанейро шлюпы простояли с 2 по 22 ноября.

Согласно полученной инструкции, экспедиция должна была начать свои научно-исследовательские работы с острова Южная Георгия и открытой Куком "Земли Сандвича", Южные Сандвичевы острова, характер и размеры которой не были последним определены. 15 декабря русские мореплаватели увидели остроконечные вершины острова Южная Георгия и небольшого островка Уиллиса. Шлюпы, пройдя вдоль южного берега Южной Георгии, положили этот берег на карту, причем ряд географических пунктов получил русские наименования в честь участников экспедиции -- мысы Парядина, Демидова и Куприянова, бухта Новосильского, а вновь открытый островок получил имя впервые увидевшего его второго лейтенанта шлюпа "Мирный" -- Анненкова.

Далее экспедиция направилась к пресловутой "Земле Сандвича". По пути к этой "Земле", 22 декабря было сделано первое крупное открытие -- группа островов, названная Беллинсгаузенем, по фамилии тогдашнего русского морского министра, островами маркиза де-Траверсе, а отдельные острова были также названы по фамилиям участников экспедиции: остров Завадовского, остров Лескова и остров Торсона {Под таким названием он значится в подлинном альбоме рисунков художника П. Н. Михайлова, хранящемся в Историческом музее в Москве.} (после восстания декабристов царское правительство переименовало его в остров Высокий, ввиду того, что лейтенант Торсон принимал активное участие в этом восстании). 29 декабря экспедиция подошла к району "Земли Сандвича" и обнаружила, что пункты, которые

Кук считал мысами ее, на самом деле являются отдельными островами. Беллинсгаузен проявил исключительный такт, сохранив за открытыми русскими мореплавателями островами те наименования, которые Кук дал мысам, а за всей группой -- имя Сандвича {Беллинсгаузен проявил исключительную скромность и в том отношении, что его собственное имя нигде среди новых открытий не появляется, а именем Лазарева, уже на другом этапе экспедиции, был назван один из островов архипелага Россиян (море Беллинсгаузена и остров Беллинсгаузена получили свои наименования от последующих мореплавателей.); по этому поводу он пишет: "Капитан Кук первый увидел сии берега, и потому имена, им данные, должны оставаться неизгладимы, дабы память о столь смелом мореплавателе могла достигнуть до позднейших потомков. По сей причине я называю сии острова Южными Сандвичевыми островами" {Первое издание, т. 1, стр. 155.}. По поводу этого факта знаменитый советский географ академик Ю. М. Шокальский заметил, что благородный поступок Беллинсгаузена мог бы послужить хорошим примером для некоторых буржуазных географов наших дней. Совсем не так поступили английские географы и английское адмиралтейство, изъявшее с карты Южных Шетландских островов все русские наименования, данные Беллинсгаузену вновь открытым им островам. От группы Южных Сандвичевых островов Беллинсгаузен и Лазарев устремились на юг, делая первую попытку пройти насколько возможно прямо по меридиану на юг, в соответствии с инструкцией морского министра, гласившей, что после прохода восточнее "Земля Сандвича", Беллинсгаузену надлежит спуститься к югу и "продолжать свои изыскания до отдаленнейшей широты, какой только он может достигнуть" и что он должен "употребить всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли, и не оставит сего предприятия иначе, как при непреодолимых препятствиях". Далее в инструкции говорилось, что "ежели под первыми меридианами, под коими он спустится к югу, усилия его останутся бесплодными, то он должен возобновить свои покушения под другими, и не упуская ни на минуту из виду главную и важную цель, для коей он отправлен будет, повторяя сии покушения ежечасно, для открытия земель, так и для приближения к южному полюсу" {Там же стр. 16--17.}.

Как видно, инструкция предъявляла исключительно строгие и суровые требования к экспедиции, и Беллинсгаузен и Лазарев решительно и смело старались их выполнить.

Для этой цели русская экспедиция в первый период своего плавания, с января по март, т. е. за лето южного полушария, сделала в общей сложности пять "покушений", а именно: 1) с 4 по 5 января 1820 г., до южной широты $60^{\circ} 25' 20''$; 2) с 5 по 8 января -- $60^{\circ} 22'$; 3) с 10 по 16 января, причем 16 января она находилась почти вплотную к материке Антарктиды, всего в 20 милях от него, в широте $69^{\circ} 25'$ и долготе $2^{\circ} 10'$ (у берега, который теперь называется Землей принцессы Марты) и 4) с 19 по 21 января, когда экспедиция вновь достигла широты $69^{\circ} 25'$ и находилась опять в непосредственной близости от материка, в расстоянии от него менее 30 миль; 5) с 1 по 6 февраля, когда была достигнута широта $69^{\circ} 7' 30''$ {Широта указана по предварительному донесению Беллинсгаузена, отправленному из Порт-Жаксона, ввиду того, что в книге Беллинсгаузена не имеется этих данных, столь важных для установления крайних южных точек проникновения экспедиции. Долгота также взята из предварительного донесения Беллинсгаузена.} и долгота $16^{\circ} 15'$.

Если бы не плохие условия видимости, то уже 16 января Беллинсгаузен и Лазарев смогли бы дать совершенно точные сведения о землях антарктического материка. Автор предисловия к английскому переводу книги Беллинсгаузена, вышедшему в 1945 г., антарктический исследователь Франк Дебенхем, по этому поводу пишет: Беллинсгаузен "видел материк, но не опознал его как таковой" {Предисловие, стр. XVI.}, и далее -- "нельзя было дать лучшего описания сотням миль антарктического материка, каким мы теперь его знаем" {Там же, стр. XIX.}. Вторично экспедиция находилась вплотную к матерiku 21 января. В своем предварительном донесении, посланном в Россию из Порт-Жаксона, Беллинсгаузен следующим образом характеризует свои впечатления о льдах, которые он видел перед собою при весьма близком подходе к матерiku, с 5 на 6 февраля {Напечатано в "Записках, издаваемых Государств. адмиралт. департаментом", часть пятая, издание 1823 г., стр. 212.}: "Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу п_о_д_о_б_н_о_б_е_р_е_г_у" {Подчеркнуто нами (Е. Ш).}. В близости берега были уверены многие из офицеров экспедиции. Так, мичман П. Новосильский в своей брошюре писал о случае близкого подхода шлюпов к Антарктиде 5 февраля (в районе, впоследствии названном Землею принцессы Рагнхильды): "5 февраля при сильном ветре тишина моря была необыкновенная. Множество полярных птиц и снежных петрелей (буревестников) выются над шлюпом. Это значит, что около нас должен быть берег или неподвижные льды" {Цитированная брошюра "Южный полюс", изд. 1853 г., стр. 30.}.

Весьма интересно свидетельство советской китобойной антарктической экспедиции на пароходе "Слава", находившейся в марте 1948 г. почти в той же точке, в которой Беллинсгаузен находился 21 января 1820 г. (южная широта 69° 25', западная долгота 1° 11'): "Мы имели прекрасные условия видимости при ясном небе и отчетливо видели все побережье и горные вершины в глубине континента на расстояние 50--70 миль по пеленгам 192° и 200° из этой точки. Когда здесь же находился Беллинсгаузен, то дальность видимости была чрезвычайно ограниченная, и он не мог наблюдать и обозревать горных вершин, находящихся к югу и юго-западу. Описываемые Беллинсгаузенем бугристые льды, простиравшиеся с запада на восток в этом районе, вполне соответствуют форме рельефа береговой полосы Земли принцессы Марты".

Лишь исключительная честность и требовательность к вопросам достоверности открытия не позволила русским морякам утверждать, что они фактически видели низменную часть материка, а не ледяной береговой припай. За этот период русские корабли три раза пересекали южный полярный круг.

В начале марта, в связи с неблагоприятной погодой и необходимостью запастись свежей провизией и дровами и дать отдых личному составу, Беллинсгаузен решил покинуть высокие южные широты, направиться в Порт-Жаксон (Сидней) для длительной стоянки и после этого, согласно инструкции, на время зимы южного полушария итти для исследования юго-восточной части Тихого океана. Желая по пути обследовать более широкую полосу Индийского океана, Беллинсгаузен приказал шлюпу "Мирный" следовать в Порт-Жаксон более северным курсом. 5 марта состоялось разделение шлюпов, а 30 марта, спустя 131 день после выхода из Рио-де-Жанейро, шлюп "Восток" стал на якорь на рейде в Порт-Жаксоне, куда через неделю прибыл и шлюп "Мирный".

Через месяц, 7 мая 1820 г., оба шлюпа снялись с якоря и направились через пролив Кука в район островов Туамоту и островов Общества (Товарищества), как это и было рекомендовано инструкцией. К востоку от острова Таити русской экспедицией в июне 1820 г. была открыта целая группа островов, названная Беллинсгаузенем островами Россиян (среди них острова Кутузова, Лазарева, Раевского, Ермолова, Милорадовича, Грейга, Волконского, Баркляя-де-Толли, Витгенштейна, Остен-Сакена, Моллера, Аракчеева). После этого шлюпы "Восток" и "Мирный" посетили остров Таити, где простояли с 22 по 27 июля, а затем направились снова в Порт-Жаксон для отдыха, ремонта и приемки различных припасов перед новым походом в антарктические воды. На пути к Порт-Жаксону экспедиция открыла еще целый ряд островов (Восток, в. к. Александра Николаевича, Оно, Михайлова и Симонова).

9 сентября 1820 г. шлюп "Восток" вернулся в гостеприимный Порт-Жаксон, а на следующий день туда же пришел более тихоходный "Мирный". Здесь Беллинсгаузен и Лазарев приступили к возможно более тщательному ремонту обоих кораблей, в особенности шлюпа "Восток", имевшего более слабые крепления корпуса.

В Порт-Жаксоне экспедиция находилась почти два месяца и 31 октября 1820 г. вновь вышла в море для достижения высоких широт в других, еще не посещенных ею секторах Антарктики. По пути на юг шлюпы 10 ноября подошли к острову Макуэри (или, как его называет Беллинсгаузен, Маквария); остров был положен на карту и для его исследования на берег отправились Беллинсгаузен, Лазарев, художник Михайлов и несколько офицеров.

С конца ноября экспедиция возобновила свои попытки достижения материка Антарктиды. "Покушений" проникнуть возможно далее к югу в этот период было сделано пять (30 ноября, 1 декабря, 14 декабря, 29 декабря 1820 г. и 9--16 января 1821 г.), и три раза корабли проникали за Южный полярный круг. Однако в этом секторе Антарктики материк далеко не достигает Южного полярного круга, и лишь четвертое "покушение" увенчалось успехом: 9 января 1821 г. был открыт остров Петра I, а 16 января -- берег Александра I, о котором Беллинсгаузен пишет: "Я называю обретение сие берегом потому, что отдаленность другого конца к югу исчезала за предел зрения нашего" {Первое издание, т. II, стр. 255.}. 20 января Беллинсгаузен направился к Новой Шетландии, об открытии которой он узнал, находясь еще в Австралии, от русского посла при португальском дворе в Рио-де-Жанейро. 24 января экспедиция увидела землю и вплоть до 27 января обследовала ее южное побережье, обнаружив, что это группа из десятка крупных островов и многих более мелких. Все Южные Шетландские острова были положены на карту и всем им были даны русские имена (Бородино, Малый Ярославец, Смоленск, Березино, Полоцк, Лейпциг, Ватерлоо, остров вице-адмирала Шишкова, остров адмирала Мордвинова, остров капитан-командора Михайлова, остров контр-адмирала Рожнова, Три Брата). После обследования Южных Шетландских островов экспедиция направилась в обратный путь на Родину. С 27 февраля по 23 апреля шлюпы простояли в Рио-де-Жанейро, где был снова произведен их тщательный ремонт. На обратном пути была сделана лишь одна кратковременная остановка в Лиссабоне (с 17 по 28 июня) и, кроме того, шлюпы переждали ночь с 15 на 16 июля на якоре на Копенгагенском рейде. Наконец, 24 июля 1821 г. шлюпы "Восток" и "Мирный" стали на якорь на Малом Кронштадтском рейде, на

тех местах, с которых они более двух лет назад отправились в свой славный и опасный путь.

Плавание экспедиции продолжалось 751 день (из них ходовых дней под парусами 527 и якорных 224); она прошла почти 50 тысяч морских миль, что по протяжению в 2 1/2 раза превышает длину большого круга земного шара. Каковы же были результаты первой русской антарктической экспедиции?

Во-первых, экспедиция выполнила главное задание -- открыла материк Антарктиды и тем самым утвердила приоритет нашей Родины в этом отношении. Всего ею было вновь открыто 29 ранее неизвестных островов, в том числе 2 в Антарктике, 8 -- в южном умеренном поясе и 19 -- в жарком поясе.

Во-вторых, экспедиция провела громадную научную работу. Существенная заслуга экспедиции состояла в точном определении географических координат островов, мысов и других пунктов и составлении большого числа карт, что являлось излюбленной специальностью самого Беллинсгаузена. Нужно удивляться исключительной точности наблюдений как самих Беллинсгаузена и Лазарева, так и прочих офицеров экспедиции, и особенно астронома Симонова. Эти определения не потеряли своего значения до сих пор и очень мало отличаются от новейших определений, произведенных на основе более точных методов и более совершенными мореходными инструментами. Карта Южных Шетландских островов являлась наиболее точной вплоть до самого последнего времени, а зарисовки островов, сделанные художником Михайловым, используются в английских лоциях до сих пор; особенно точно были измерены высоты гор и островов Лазаревым. Астроном Симонов производил систематические наблюдения над изменением температуры воздуха, штурмана -- над элементами земного магнетизма. Экспедиция произвела много важных океанографических исследований: впервые доставались пробы воды с глубины помощью примитивного батометра, изготовленного корабельными средствами; производились опыты с опусканием бутылки на глубину; определялась впервые прозрачность воды помощью опускания на глубину белой тарелки; измерялись глубины, насколько позволяла длина имевшегося лотиня (повидимому, до 500 м); была произведена попытка измерения температуры воды на глубине; изучалось строение морских льдов и замерзаемость воды разной солености; впервые производилось определение девиации компасов на различных курсах.

Экспедиция собрала богатые этнографические, зоологические и ботанические коллекции, привезенные в Россию и переданные в различные музеи, где они хранятся до сих пор.

Большой интерес представляют некоторые личные научные наблюдения Ф. Ф. Беллинсгаузена. Он разрешил многие сложные физико-географические проблемы; однако, к сожалению, научная слава досталась не ему, а западноевропейским ученым, занимавшимся теми же вопросами значительно позднее. Так, задолго до Дарвина, Беллинсгаузен совершенно правильно объяснил происхождение коралловых островов, являвшееся до него загадкой, он дал правильное объяснение происхождению морских водорослей в Саргассовом море, оспаривая мнение такого авторитета в области географической науки его времени, как Гумбольдта; в теории льдообразования у Беллинсгаузена много правильных мыслей, не потерявших своего значения до

настоящего времени {Редактор и комментатор первого английского издания книги Беллинсгаузена, уже упоминавшийся антарктический исследователь Дебенхен, выражает удивление, что строевой русский моряк мог решать правильно столь сложные научные вопросы.}.

Особого внимания заслуживает альбом рисунков, составленный художником Михайловым и состоящий из 47 страниц; в числе рисунков находятся зарисовки островов, пейзажей, типов местных жителей различных стран, животных, птиц, рыб, растений, типов ледяных гор и т. п. Подлинные рисунки были обнаружены в Государственном Историческом музее в Москве лишь в 1949 г. Ввиду того, что в составе экспедиции не было натуралистов, Михайлов старался особенно тщательно зарисовать все, что касалось фауны и флоры; так, например, на его рисунках птиц вырисовано каждое перышко, на рисунках рыб -- каждая чешуйка.

Экспедиция была встречена на Родине с большим торжеством и ее открытиям придавалось громадное значение. Лишь спустя более чем 20 лет была послана первая иностранная экспедиция в антарктические воды. По этому поводу руководитель этой английской антарктической экспедиции 1839--1843 гг. Джемс Росс писал: "Открытие наиболее южного из известных материков было доблестно завоевано бесстрашным Беллинсгаузенем и это завоевание на период более 20 лет оставалось за русскими" {James Ross. A Voyage of discovery and research in the Southern and Antarctic regions during the years 1839--1843, изд. 1847.}.

В 1867 г. немецкий географ Петерман, отмечая, что в мировой географической литературе заслуги русской антарктической экспедиции оценены совершенно недостаточно, прямо указывает на бесстрашие Беллинсгаузена, с которым он пошел против господствовавшего в течение 50 лет мнения Кука: "За эту заслугу имя Беллинсгаузена можно прямо поставить на ряду с именами Колумба и Магеллана, с именами тех людей, которые не отступали перед трудностями и воображаемыми невозможностями, созданными их предшественниками, с именами людей, которые шли своим самостоятельным путем, и потому были разрушителями преград к открытиям, которыми обозначаются эпохи" {Dr. A. Petermann, Spitzbergen und die Arktische Central-Region, Mitteilungen, Ergänzungsbaad, IV, 1865-1867.}.

Академик Ю. М. Шокальский, сравнивая достижения антарктических экспедиций Кука и Беллинсгаузена, сделал следующий подсчет: из общего числа дней плавания в южном полушарии (1 003) дня, Кук провел южнее 60° параллели всего 75 дней, а Беллинсгаузен (из 535 дней) -- 122 дня. Кук находился во льдах 80 дней, Беллинсгаузен -- 100 дней; корабли Кука разлучились, а оба русских шлюпа в сложнейших условиях шли все время соединенно. Свой подсчет (произведенный еще в 1924 г.) Ю. М. Шокальский заключает следующими словами: "Беллинсгаузен совершил вполне беспрецедентное плавание, с тех пор и доныне никем не повторенное".

Заслугой русских моряков является их смелое маневрирование среди массы льдов, часто при исключительно штормовой погоде, в условиях тумана, снега и весьма малой дальности видимости. Этим трудностям плавания посвящены многие страницы труда Беллинсгаузена.

Наконец, нельзя не отметить исключительной гуманности русских мореплавателей по отношению к местным жителям вновь открытых островов. Уже в инструкции, данной Беллинсгаузену, значилось, что во всех землях, к которым экспедиция будет приставать, надлежит с местными жителями поступать с "величайшей приязнию и человеколюбием, избегая сколько возможно всех случаев к нанесению обид или неудовольствий... и не доходить до строгих мер, разве только в необходимых случаях, когда от сего будет зависеть спасение людей вверенных его начальству" {Первое издание, т. I, стр. 19.}. Беллинсгаузен и на самом деле отказывался от высадки на острова, если видел, что она могла быть сопряжена с применением огнестрельного оружия. Насколько это гуманное отношение отличается от жестокости многих иностранных мореплавателей, чего не избежал и сам Джеймс Кук! Характерен в этом отношении отзыв ближайшего помощника И. Ф. Крузенштерна старшего офицера шлюпа "Надежда" М. И. Ратманова, побывавшего вскоре после Кука на тихоокеанских островах: "Ежели рассмотреть все то, что Кук сделал для рода человеческого, -- ужаснуться должно. Он при открытии разных народов Южного океана стрелял, резал уши тем, которые его почти богом почитали и ни в чем ему не сопротивлялись. Конец жизни сего мореплавателя доказывает возмутительный его характер и грубое воспитание" {Журнал "Яхта", 1876 г., No 16.}.

Заслуживает внимания следующий отзыв Беллинсгаузена, непосредственно направленный против "расовой теории": "Последствие доказало, что природные жители Новой Голландии к образованию способны, невзирая, что многие европейцы в кабинетах своих вовсе лишили их всех способностей" {Первое издание, т. II, стр. 120.}.

Русские мореплаватели на русских кораблях первыми открыли Антарктиду и тем самым утвердили приоритет нашей Родины на это открытие. Это обстоятельство особенно надо помнить сейчас, когда ряд иностранных государств покушается произвести раздел Антарктиды без участия Советского Союза, к которому по преемству перешло это право приоритета. Необходимо помнить, что Россия никогда не отказывалась от своих прав на эти земли, а советское правительство никому не давало согласия распоряжаться территориями, открытыми русскими моряками.

Е. Е. Шведе

ДВУКРАТНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ В ЮЖНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ

И ПЛАВАНИЕ ВОКРУГ СВЕТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ УЧЁНОГО КОМИТЕТА ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА

Император Александр Павлович, побуждаем желанием способствовать распространению полезных сведений, повелел отправить для произведения изысканий в больших широтах Северного и Южного океанов два отряда, из двух судов каждый. Вследствие этого приказа, объявленного 25 марта 1819 года, избраны для действий в Южной океане шлюпы "Восток" и "Мирный", под начальством капитана 2-го ранга (ныне вице-адмирала) Беллинсгаузена; в Северном океане корвет "Открытие" и транспорт "Благонамеренный", под начальством капитан-лейтенанта (ныне контр-адмирала) Васильева.

Оба отряда отправились 4 июля 1819 года; первый возвратился в 1821, второй в 1822 году.

Капитан Беллинсгаузен в 1824 году представил Адмиралтейскому департаменту описание своего путешествия со всеми принадлежащими к оному картами и рисунками; департамент 1825 года марта 17 представил бывшему начальнику Морского штаба об исходатайствовании приказа государя напечатать 1 200 экземпляров сего описания с приложениями и об отпуске потребной для того суммы; но на сие представление не последовало никакого решения.

По открытии Ученого комитета Главного морского штаба, в октябре месяце 1827 года, вице-адмирал Беллинсгаузен просил Комитет употребить своё ходатайство о напечатании, для сокращения издержек, 600 экземпляров, присовокупляя, что обращение издания в его пользу он не просил и не просит, а желает токмо, чтобы труды его были известны.

Председатель Комитета предложил о сем своё мнение в следующих словах.

1. Путешествие капитана Беллинсгаузена, предпринятое по повелению императора Александра Павловича именно для открытий в больших южных широтах и изысканий коль возможно ближе к Южному полюсу, единственно по сему назначению уже особенного внимания и примечания достойно.

2. Повеленное дело совершено капитаном Беллинсгаузенем без сомнения с желаемым успехом, ибо он и все служившие с ним удостоились высоких наград.

3. Издание описаний его путешествия принесёт честь нашим мореплавателям, а неиздание подаст причину к заключению, будто они предписанного им не исполнили.

4. Мореплаватели разных народов ежегодно простирают свои изыскания во всех несовершеннo исследованных морях, и может случиться едва ли уже не случилось, что

учиненные капитаном Беллинсгаузенем обретения {Обретения -- открытия.-- Ред.} по неизвестности об оных послужат к чести иностранных, не наших мореплавателей.

По всем сим причинам я предлагаю Комитету представить и просить начальника Морского штаба об исходатайствовании повеления государя издать путешествие капитана Беллинсгаузена, согласно его желанию, шестистах экземплярах.

Комитет на сие предложение согласился и представил бывшему начальнику Морского штаба.

Император Николай I приказал нужную по исчислению на сие сумму 38 052 рубля отпустить из средств своего Кабинета и издание обратить в пользу капитана Беллинсгаузена.

В предлежащем описании, которое состоит в двух частях, с атласом из 19 карт и 44 литографированных разных рисунков, читатели увидят необыкновенные морские подвиги вице-адмирала Беллинсгаузена, контр-адмирала Лазарева, начальствовавшего другим шлюпом сего отряда, и всех бывших с ними.

С того времени, как вице-адмирал Крузенштерн совершил первое путешествие мореплавателей наших вокруг света, многие суда отправлены были для отвоза разных потребностей на Камчатку, в Американские селения, а некоторые и для изысканий и обретений; все весьма удачно совершили возложенное на них дело; но все они шли, так сказать, по следам вице-адмирала Крузенштерна, который подал пример к совершению таковых плаваний.

Действия вице-адмирала Беллинсгаузена были совсем в других странах, ни одним русским мореплавателем неприкосновенных.

Он простирал изыскания за полярный круг, среди льдов, противоборствовал крепким ветрам, при туманах, снегах и морозах; прекратил изыскания тогда токмо, когда встретил непреодолимые лдяные громады, между коих продолжал действовать три месяца. На зимнее время пошел в меньшие широты, но вскоре возвратился к тем же многотрудным изысканиям, продолжал оные среди тех же препятствий от льдов и погоды течение трех месяцев; и тогда только пошёл в обратный путь, когда увидел совершенную невозможность простирать плавание далее и, согласно данному предписанию, по совершении второй кампании, должен был итти к своим портам.

По сим необыкновенным морским подвигам, имена вице-адмирала Беллинсгаузена, как начальствовавшего отрядом, контр-адмирала Михаила Лазарева, как начальствовавшего судном, останутся навсегда знаменитыми в летописях российского мореплавания.

Председатель Комитета

Голенищев-Кутузов=

Глава первая

**Назначение двух отрядов для изысканий. -- Приготовление шлюпов "Востока" и
"Мирного". -- Плавание из Кронштадта до Англии.**

1819 года, марта 25-го дня, морской министр, адмирал маркиз де-Траверсе² объявил лейтенанту Лазареву 2-му, что император Александр I приказал отправить для открытий две экспедиции: одну к Южному, а другую к Северному полюсам.

Первой предназначено осмотреть те части Южного океана, в которых никто ещё не бывал, или в тех частях, которые уже известны, обозреть острова, коих не видали прежние мореплаватели. Сия экспедиция названа первым отрядом.

Другой надлежало, войдя в Берингов пролив, искать прохода по северную сторону Северной Америки и, обойдя оную, Западным океаном {Атлантическим океаном.-- Ред.} возвратиться в Россию. Сия экспедиция названа вторым отрядом.

В сей отряд назначены: корвет "Открытие" и транспорт "Благонамеренный" под начальством капитан-лейтенанта Васильева³ и лейтенанта Глеба Шишмарёва⁴, в первый отряд шлюп "Восток" и транспорт "Ладога". Для начальства над сими двумя судами призван в Петербург известный капитан-командор Ратманов⁵, который тогда, после претерпенного им кораблекрушения на мысе Скагене, находился в Копенгагене и ожидал лета, чтобы возвратиться в Россию. Слабое здоровье его, на службе расстроенное, не позволяло ему принять начальство в толь трудной предприятии. Капитан-командор Ратманов, с которым я был на Шлюпе "Надежда" под командою капитана Крузенштерна во время путешествия его вокруг света, предложил морскому министру, чтобы вместо его поручили мне начальство первым отрядом.

Вследствие сего, я получил от морского министра письмо от 24 апреля 1819 года, в следующих словах:

"Объявив приказание императора Александра I вице-адмиралу Грейгу о немедленном отправлении вас в С.-Петербург, уведомляю о сём и вас, оставаясь уверенным, что вы поспешите прибытием сюда, для принятия некоторых поручений государя, и проч."

Сей случай удалял меня из Севастополя, где я тогда с особым удовольствием служил командиром 44-пушечного фрегата "Флоры" и имел поручение от главного командира Черноморского флота вице-адмирала Грейга в продолжение лета обойти на сем фрегате Черное море и определить географическое положение всех приметных мест и мысов. Для меня было бы лестно и приятно исполнить волю всеми любимого начальника, но надлежало отправиться в С.-Петербург.

По прибытии моем в столицу 23 мая, морской министр сказал мне; "Государь поручил вам начальство над двумя шлюпами "Востоком" и "Мирным", которые назначаются для открытий в южных больших широтах и чтобы обойти льды вокруг Южного полюса".

Я немедленно отправился в Кронштадт для принятия шлюпов, которые уже были почти в готовности.

П р и г о т о в л е н и е ш л ю п о в. До избрания настоящего начальника на шлюп "Восток", для приготовления и вооружения оного, назначен был главным командиром Кронштадского порта вице-адмиралом Моллером 1-м лейтенант Игнатъев.

Шлюп "Восток", коего длина 129 футов 10 дюймов, ширина без обшивки 32 фута 8 дюймов {Длина 39,5 метра, ширина 10 метров, подробнее см. вводную статью. -- Ред.}, глубина интрюма 9 футов 7 дюймов, построенный в С.-Петербурге на Охтенской верфи корабельным мастером Стоке в 1818 году, признан от морского министра удобным для сего путешествия более потому, что капитан Головнин отправился кругом света в 1817 году на шлюпе "Камчатке" его же размера и конструкции; Шлюп "Восток" построен был из сырого соснового леса и не имел никаких скреплений, кроме обыкновенных; подводная часть была скреплена и снаружи обшита медью в Кронштадте корабельным мастером Амосовым, под надзором коего dokonчена столярная работа и прочее.

По приезде моем в Кронштадт, когда я увидел шлюп, первый бросился мне в глаза необыкновенной величины рангоут. А как мне надлежало простирать плавание не в лучшее летнее время, не в свободных и чистых местах при пассадных ветрах, не в хорошем климате и не поблизости своих или чужих портов, то я предполагал уменьшить рангоут и сделать некоторые другие перемены, но по причине позднего времени уже некогда было к сему приступить, и я довольствовался только тем, что ещё возможно было доделать. Запасные стеньги, по просьбе моей, корабельный мастер приказал сделать тремя с половиною футами менее настоящих, которые предполагал я в море переменить, а настоящие стеньги убавить своими мастеровыми.

Лейтенант Лазарев 2-й, бывший четыре года волонтёром на английских военных кораблях, потом продолжал служение в нашем флоте командиром принадлежавшего Российско-Американской компании судна "Суворов", благополучно совершивший плавание кругом света в продолжение 1813, 1814, 1815 и 1816 годов, определён начальником транспорта "Ладоги", который потом переименован военным шлюпом "Мирный". Не взирая на сие переименование, каждый морской офицер видел, какое должно быть неравенство в ходу с шлюпом "Востоком", следовательно, какое будет затруднение оставаться им в соединении и какая от сего должна была произойти медленность в плавании.. Величина "Мирного" была в 530 тонн, длина 120 футов, ширина 30, глубина 15 {Длина 36,5 метра, ширина 9,1 метра, см. подробнее вводную статью. -- Ред.}; построен корабельным мастером Колодкиным из соснового хорошего леса с железным скреплением, для плавания в Балтийском море. Дабы сделать шлюп сей удобным к предстоявшему трудному плаванию, и чтобы безопасно мог противостоять бурным стихиям Южного океана, государственная Адмиралтейств-коллегия предположила дать шлюпу достаточное скрепление и положить фальшивую обшивку.

Прекрасная погода благоприятствовала обшивке судов около двенадцати дней до такой степени, что плоты, на коих плотники и конопатчики работали, беспрестанно наполнены были зрителями из морских офицеров; они, принимая великое участие в отправлении сей экспедиции, к удовольствию нашему напоминали мастеровым о каждом гвозде, который, с намерением или без намерения, мог быть оставлен не вбитым; по окончании упомянутой работы приступлено к медной обшивке; железные

рулевые петли переменены на медные, сосновый руль на дубовый; битенги, крамболы, комельсы сделаны все из дубу, одним словом шлюп по возможности приведён в надлежащее состояние для предположенного плавания. После некоторых между корабельными мастерами споров об образе скрепления для сего судна, наконец решено было: чрез бимс в жилой палубе, также и на бимсы в кубрике, поставить железные стандерсы; в жилой же палубе чрез бимс приделать висячие кницы, удвоить рейдерсы, прибавить в носовой части два брештука цельного дерева к искусственным, сделанным из разных кусков; вверху и внизу в кормовой части транцы скрепить деревянными кницами.

Министр объявил приказание Александра I переименовать транспорт "Ладогу" в военный шлюп и дать название "Мирный", сообразно назначенному плаванию, а дабы шлюп имел вид военного судна, сделать на оном шек и стульцы.

Лейтенант Лазарев, с позволения министра, переменял на шлюпе своём рангоут, а паруса, такелаж и все внутренние переделки расположил по своему желанию. Артиллерия состояла из четырнадцати трехфунтовых пушек и шести карронад; гребные суда на оба шлюпа построены по планам, которые избрал лейтенант Лазарев.

Н_а_з_н_а_ч_е_н_и_е_о_ф_и_ц_е_р_о_в_и_с_л_у_ж_и_т_е_л_е_й. Когда шлюпы уже были почти готовы, мы приступили, по предоставленным нам правам, к избранию офицеров и служителей {Служители -- рядовой (неофицерский) личный состав кораблей.-- Ред.}. Не взирая на трудности и опасности, каковых надлежало ожидать в предназначенном плавании, число охотников из офицеров было так велико, что мы имели не малое затруднение в избрании. А как на шлюп "Восток" нужно было только три лейтенанта и два мичмана, а на "Мирный" -- два лейтенанта и два мичмана, то мы, к сожалению, не могли удовлетворить всех желающих быть нашими сотрудниками.

На шлюпе "Востоке" состояли следующие чиновники {Чиновники -- лица, имеющие офицерские или гражданские чины; биографические данные об офицерском составе шлюпов "Восток" и "Мирный" см. вводную статью.-- Ред.}:

Капитан 2-го ранга Фаддей Беллинсгаузен -- Начальник экспедиции и командир шлюпа "Востока".

Капитан-лейтенант Иван Завадовский -- Служил со мной семь лет в Черном море на фрегатах "Минерве" и "Флоре"; я знал достоинства сего офицера.

Лейтенанты:

Иван Игнатьев -- Определен главным командиром Кронштадского порта вице-адмиралом Моллером к вооружению шлюпа и по желанию Моллера оставлен на шлюпе.

Константин Торсон, Аркадий Лесков -- Приняты по хорошему о них отзыву известных морских капитанов.

Мичман Дмитрий Демидов -- По просьбе контр-адмирала Коробки.

Астроном Иван Симонов -- Экстраординарный профессор, обучавшийся в Казанском университете.

Живописец Павел Михайлов -- Академик Академии художеств.

Штаб-лекарь Яков Берх -- Избран флота генерал-штаб-доктором Лейтоном.

Штурман Яков Парядин.

Клерк офицерского чина Иван Резанов.

Гардемарин Роман Адамс -- Назначен морским министром по моей просьбе.

Подштурманов унтер-офицерского чина - 2

Шхиперский помощник унтер-офицерского чина -- 1

Квартирмейстеров -- 4

Флейщик -- 1

Барабанщик -- 1

Матрозов -- 71

Фельдшер -- 1

Плотничный ученик 2-го класса -- 1

Кузнец -- 1

Плотник 2-го класса -- 1

Конопатчик -- 1

Парусник -- 1

Купор -- 1

Артиллерии унтер-офицеров -- 2

Бомбардир -- 1

Канониров 1-й статьи -- 11

Деньщиков у чиновников -- 4

Итого: 117

На шлюпе "Мирном":

Лейтенанты: Михаил Лазарев Командир шлюпа.

Николай Обернибесов

Михаил Анненков

Мичманы:

Иван Куприянов

Павел Новосильский

Штурман офицерского чина:

Николай Ильин

Медико-хирург:

Николай Галкин

Подштурман унтер-офицерского чина -- 1

Подшкипер -- 1

Боцман -- 1

Квартирмейстеров -- 2

Матрозов 2-й статьи -- 44

Барабанщик -- 1

Баталер -- 1

Фельдшер -- 1

Плотников -- 2

Слесарь -- 1

Конопатчик -- 1

Парусник -- 1

Купор -- 1

Морской артиллерии унтер-офицер -- 1

Канониров 1-й статьи -- 6

Итого: 72

З а г о т о в л е н и е п р о в и з и и. Провизия и материалы для экспедиции изготовлены в С.-Петербурге, под надзором генерал-майора Миницкого, а потом, в отсутствие его, по указу государственной Адмиралтейств-коллегии, под присмотром капитан-лейтенанта Богдановича, деятельности и благоразумным распоряжениям коего мы весьма много обязаны.

Долгом поставляю упомянуть здесь об именах тех лиц, которые честностью своею способствовали успехам экспедиции; худо приготовленная провизия может произвести непредвиденные болезни.

Солонину приготавливали купцы: с.-петербургский, Петр Иванов Шпанский; нарвский, Петр Печаткин и с.-петербургский мещанин Акинф Обломков; последний известен уже по первому путешествию россиян вокруг света, под командою капитана Крузенштерна; тогда солил мясо, которое в продолжение трех лет, быв в различных климатах, не портилось. Мясо сие находилось в хороших дубовых бочках, около шести пудов в каждой.

Геррат, булочный мастер, поставил нам хорошие крупчатые и пеклеванные сухари. Хотя малая часть из оных и попортилась, но причиною тому была сырость шлюпов, а не неискусство хлебника.

Кислой капусты, которую, несколько пересолив, снова для лучшего сбережения уклали в прочные небольшие бочки, отпущено было достаточно; она во всё продолжение плавания нашего не испортилась.

Заготавливаемый для нас бульон дошатый {Бульон в таблетках. -- Ред.} не успел весь высохнуть, почему и взяли только осьмую часть заказанного количества, по два с половиной пуда на каждый шлюп. Мне кажется, ежели тот же приготовленный бульон, когда ещё не застыл, налить в хорошие, кругом запаянные и вылуженные жестянки, заткнуть оловянную пробкой и потом запаять, то наверно бульон сей, не имея сообщения с наружным воздухом, никогда или весьма долго не испортится.

С_н_а_б_ж_е_н_и_е_ с_л_у_ж_и_т_е_л_е_й_ о_д_е_ж_д_о_ю_ и_ о_б_у_в_ь_ю. Как опрятная одежда и чистое бельё, освежая тело, производят в человеке бодрость, и некоторым образом отвлекают его от дурных поступков, то и положено снабдить служителей следующими необходимыми вещами:

На одного человека:

Матрозских мундиров и фуфаек суконных -- 4

Брюк суконных -- 2

Брюк летних фламского полотна -- 6

Рабочих фуфаек канифасных -- 4

Рабочих брюк канифасных -- 4

Шинель серого сукна -- 1

Шапок кожаных теплых -- 1 фуражка

Шляпа круглая -- 1

Сапогов теплых с сукном внутри -- 1--2 холодных

Башмаков -- 4 пары

Одеяло -- 1

Постель -- 1

Подушка -- 1

Простынь -- 4

Чулок шерстяных -- 8 пар

Рубах холщевых -- 11

Рубах фланелевых -- 7

Н_а_г_р_а_д_ы_д_е_н_е_ж_н_ы_е_и_ж_а_л_о_в_а_н_ь_е. Дабы некоторым образом обеспечить состояние каждого и тем поощрить к трудным предприятиям, определено давать денежного жалованья около восьми раз более против производимого в обыкновенные кампании, а офицерам и учёным сверх жалования производить столовые деньги и, кроме того, ещё до отправления нашего в путь, государь приказал выдать мне в награду пять тысяч рублей, и на проезд из Черного в Балтийское море сверх обыкновенных прогонных денег тысячу рублей; лейтенанту Лазареву -- три тысячи, а всем офицерам и служителям годовое жалование не в зачёт. Мы чувствовали в полной мере участие, которое государь принял в нашем положении, предупреждая недостатки, могущие встретиться в толь многотрудном, продолжительном плавании.

И_з_б_р_а_н_и_я_п_о_у_ч_е_н_о_й_ч_а_с_т_и. При отправлении сей экспедиции, имелось в виду приумножить сведения о земном шаре и ознакомить дикие народы с европейцами, а европейцев с дикими, также приумножить познания в естественной истории, и для того по приказанию государя министром народного просвещения избраны разные ученые, назначенные в звание натуралистов: Мертенс в Галле и доктор Кунце в Лейпциге, которые обязаны были приехать в Копенгаген к 12-му числу июня; в должность астронома избран экстраординарный профессор Симонов, воспитанник Казанского университета; по живописной части Академии художеств академик живописи Павел Михайлов.

П_о_д_а_р_к_и,_н_а_з_н_а_ч_е_н_н_ы_е_д_л_я_д_и_к_и_х. В случае обретения островов и других ещё неизвестных берегов, также в память пребывания нашего в разных местах, повелено было оставлять и раздавать медали, важнейшим людям серебряные, а другим бронзовые. Сии медали нарочно были вычеканены в С.-Петербургском Монетном дворе; на одной стороне оных изображение императора Александра I, а на другой надпись: шлюпы "Восток" и "Мирный", 1819 года, т. е. время, в которое сии шлюпы отправлены.

Дабы побудить диких к дружелюбному с нами обхождению, а нам доставить возможность получить от них посредством мены свежие съестные припасы и разные изделия, отпустили в С.-Петербурге разных вещей, могущих нравиться народам, которые почти в первобытном природном состоянии:

Ножей разных -- 400

Ножей чеботарных -- 100
Ножей садовых -- 20
Ножей в три четверти аршина -- 2
Пил одноручных -- 10
Пил поперечных -- 10
Стругов в колодках -- 15
Клешей малых и больших -- 10
Долот -- 30
Тисков -- 10
Буравчиков -- 125
Терпугов и напилков -- 100
Рашпелей -- 50
Топоров -- 100
Шляхт -- 50
Напарий -- 50
Ножниц разных -- 50
Огнив -- 300
Колокольчиков, бубенчиков и свистушек -- 185
Пестряди красной и синей -- 500 аршин
Пуговиц старинных -- 12 дюжин
Платков выбойчатых -- 100
Бахромы разных цветов -- 60 аршин
Тику полосатого -- 100 "
Каламенку -- 250
Труту березового -- 10 фунтов
Ниток крашенных -- 10 "
Кремней -- 1000
Гусарских курток -- 10

Стаканов -- 120
Графинов -- 12
Проволоки медной -- 100 фунтов
" железной -- 80 "
Барабанов -- 1
Бубнов -- 2
Рогов охотничьих -- 5
Ночников в фонари -- 24
Гребней роговых -- 250
" деревянных -- 50
Игол разных -- 5 000
Запонок -- 100
Свинцу в двух с половиной кусках -- 10 пудов
Перстней -- 250
Сережек -- 125 пар
Бус -- 20 кистей
Гранатов -- 5 "
Бисеру мелкого и крупного -- 20 "
Пронизок -- 40
Светильни бумажной -- 80 фунтов
Свеч восковых -- 1 000
Ниток неводных -- 12 пудов
Чугунной разной посуды -- 27 1/2 "
Зеркал разных -- 1000
Семян огородных и цветочных -- 100 фунтов
Калейдоскопов -- 24
Зажигательных стекол -- 18
Уд рыболовных, железных больших -- 6

" из проволоки толстой и тонкой -- 1800

Красной байки -- 218 аршин

Синей и зеленой фланели -- 62 аршина

Одеял байковых -- 70

Табаку вилого -- 26 пудов 32 фунта

Перед отправлением моим я получил четыре следующие инструкции:

I. Инструкция морского министра.

Государь, вверив первую дивизию, назначенную для открытий, капитану 2-го ранга Беллинсгаузену, приказал руководствоваться касательно общего плана сей кампании нижеследующим:

Отправясь с Кронштадтского рейда, до прибытия в Бразилию, он должен будет останавливаться в Англии и Тенерифе.

Коль скоро наступит удобное время в сем году, он отправится для обозрения острова Георгия, находящегося под 55 градусом южной широты, а оттуда к земле Сандвичевой, и, обошед её с восточной стороны, пустится к югу и будет продолжать свои изыскания до отдалённой широты, какой только он может достигнуть; употребит всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли, и не оставит сего предприятия иначе, как при непреодолимых препятствиях.

Ежели под первыми меридианами, под коими он пустится к югу, усилия его останутся бесплодными, то он должен возобновить свои покушения под другими, и не упуская ни на минуту из виду главную и важную цель, для коей он отправлен будет, повторяя сии покушения ежечасно как для открытия земель, так и для приближения к Южному полюсу.

Для сего он употребит всё удобное время года; по наступлении же холода обратится к параллелям, менее удалённым от экватора, и, стараясь следовать путями, не посещенными ещё другими мореходцами, пойдёт к островам Аукландским, пройдёт проливом Королевы Шарлотты и спустится для снабжения провизиею и отдыха экипажу в Порт-Жаксон {Порт-Жаксон -- залив, в глубине которого расположен город Сидней.-- Ред.}, что может случиться около первых чисел апреля 1820 года.

Отдохнувши, запасшись всем нужным и исправившись, командир 1-й дивизии отправится из Порт-Жаксона и направит путь свой к востоку в параллелях Новой Зеландии и северной части Новой Голландии {Новая Голландия -- прежнее наименование Австралии. -- Ред.}; потом обратится к островам Общества и маркизы Мендозы; проходя наименее посещаемыми путями экваторной полосы, пойдёт к обитаемым островам, к которым приставал Коцебу, и сделает изыскания о других с ними соседственных, о коих упоминали жители первых; обозрит острова Соломоновы;

а ежели время позволит, и Новую Каледонию, и возвратится для отдыха в Порт-Жаксон или в южный порт земли Дименовой (Земля Дименова (или Вандименова) -- остров Тасмания. -- Ред.), когда, по предварительным осведомлениям, в сем последнем месте может он найти нужные провизии, подкрепить свежеею пищею экипаж и приготовиться к дальнейшим покушениям к Южному полюсу.

По наступлении удобного времени к концу 1820 года, 1-я дивизия снова отправится на юг к отдаленнейшим широтам; возобновит и будет продолжать свои исследования по прошлогоднему примеру с таковою же решимостью и упорством, и проплывёт остальные меридианы, для совершения пути вокруг земного шара, обратясь к той самой высоте, от которой дивизия отправилась, под меридианами земли Сандвичевой.

По окончании благоприятного для сих предприятий времени, совершит обратный путь в Россию.

Государь, полагаясь на усердие, познания и таланты капитана 2-го ранга Беллинсгаузена и не желая стеснять его в действии, ограничивается указаниями главнейших предметов, для которых он отправлен и уполномочивает его, судя по обстоятельствам, поступать как он найдёт приличным для блага службы и успеха в главной цели, состоящей в открытиях в возможной близости Антарктического полюса.

В особенности рекомендуется ему иметь неусыпное попечение о сохранении здоровья экипажей, что во всякое время и во всех случаях должно быть предметом ревностнейших его стараний.

Государь повелевает также во всех землях, к коим будут приставать, и в которых будут находиться жители, поступать с ними с величайшей приязнью и человеколюбием, избегая сколько возможно всех случаев к нанесению обид или неудовольствий, а напротив того стараясь всемерно привлечь их ласкою и не доходить никогда до строгих мер, разве только в необходимых случаях, когда от сего будет зависеть спасение людей, вверенных его начальству.

Государь приказал морскому министру вручить капитану 2-го ранга Беллинсгаузену особенные инструкции касательно подробностей его плавания, снабдить его всеми нужными сведениями, картами, сочинениями, инструментами, приличными цели его назначения, а также и вешами, нужными для мены с народами, с коими он будет иметь сношения.

По приказанию государя чиновники по учёной и художественной части, назначаемые в сию экспедицию, должны быть снабжены всеми потребностями, нужными для их взаимных действий и работ.

Государь также приказал, дабы, в случае весьма важных открытий, капитан 2-го ранга Беллинсгаузен отправил немедленно один из состоящих в команде его шлюпов с донесениями в Россию, но сие отправление судна должно быть учинено в несомненной уверенности о важности случая, продолжая между тем на другом предписанные ему действия.

Инструкцию для вверяемой вам 1-й дивизии, из шлюпов "Востока" и "Мирного" состоящей, утвержденную государем 22 мая, препровождаю при сем к вам для

надлежащего исполнения, прилагая вместе с тем в копии и данную капитан-лейтенанту Васильеву для 2-й дивизии.

Сверх сей инструкции и тех, которые получите от государственной Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейского департамента, за нужное считаю сообщить вам к исполнению:

Во всех местах, где будете приставать, должны стараться узнавать: нравы народов, их обычаи, религию, военные орудия, род судов, ими употребляемых, и продукты, какие имеются, также по части натуральной истории и прочее; равно узнавать, какой нации люди посещают более диких народов, кого они более любят, и другие подробности, касающиеся до торговли, мены и выгоды оных.

Должно всегда быть осторожну и на море и на якоре от нападения морских разбойников и диких народов.

Имеете стараться разведывать о военном положении тех стран и портов, в коих быть случится, как там велики силы, крепости, пушки, оружия и проч., описывая всё сие подробно и делая карты и планы всех портов, заливов и видимых берегов.

Чиновники ученой и художественной части в конце кампании обязаны отдать вам, как начальнику отряда, все журналы, подписав на оных каждый своё имя, дабы после можно было возвратить их, кому принадлежат, когда на сие последует приказание государя.

Когда случится быть у диких народов, то должно, лаская их, стараться обрести дружбу их, однако никогда не выпускать из виду опасения и быть всегда готовым предупредить не только покушение, но не подавать им и мысли к нападению. Дикие, видя таковую осторожность, не осмелятся нанести вред.

Не должно никогда и никакого судна посылать к берегу без того, чтобы оно не было хорошо вооружено пушками, ружьями, саблями, пиками и прочее. Равно не может быть излишним приказание офицерам, которые будут командированы на гребных судах, чтобы они имели всю осторожность и не разделялись бы и не удалялись от своих судов иначе, как оставя при них довольное число людей для обороны.

Если понадобится быть на берегу для обсервации, мены товаров и поправления здоровья людей, то вы обязаны выбрать там место для сего удобное и укрепить оное так, чтоб не могли опасаться нападения от диких; одним словом: место сие должно походить на крепость; содержать оное вооруженным.

Вам никогда не должно пропускать случаев извещать о своём плавании, для чего нужно иметь всегда в готовности донесение, и при встрече на море с судами, идущими в Европу, просить их пересылать оные из европейских портов к российскому морскому министру.

Когда вы признаете нужным и полезным разделиться с другим вверенным вам шлюпом, дабы заняться разными предметами и открытиями, в таковом случае не запрещается вам разлучиться на малое и даже на продолжительное время и назначить место соединения.

В продолжение кампании, ежели по некоторым важным обстоятельствам принуждёнными найдется возвратить в Россию одно судно, тогда предоставляется оставить на оном только нужное (на время пути) количество провизии и материалов, а остальное всё взять к себе на шлюп.

Прежде отправления в повеленный путь, вы должны на случай разлучения одного шлюпа с другим определить по начертанному плану вояжа место соединения (рандеву) {Рандеву -- специальный морской термин, означающий заранее назначенное место встречи или соединения (от французского rendez-vous). -- Ред.}.

Вы не оставите снабдить копию с своей инструкции командира сопутствующего вам шлюпа, на случай разлучения с ним.

Дабы, как командир дивизии, вы имели все способы на вверенных вам шлюпах и в порученных вашему начальству командах удерживать в полной мере надлежащий порядок, повиновение и должное почтение от низших к вышним, предоставляется вам право подчинённых вам офицеров и нижних чинов, кои из дворян, оказавшихся в нерадении, лености, непослушании, грубости или в каких-либо преступлениях, штрафовать по мере вины, со всею законною строгостью, положенными для того штрафами; вам же предоставляется право и отдавать оных под военный суд в нужных случаях, представляя судные дела по обыкновенному порядку, и меня уведомлять о всём том при удобном случае для доклада государю.

В рассуждении же нижних чинов, кои не из дворян, и служителей, наказывать их в меньших винах по усмотрению своему, в больших же преступлениях наряжать суд и чинить наказание по законам с утверждения вашего, яко главного начальника дивизии, исключая тяжкие наказания, положенные законом вместо смертной казни; в каковых случаях представлять дела об них с мнением своим при удобном случае, по команде обыкновенным порядком.

Для обеих дивизий по приказанию государя определены в звании натуралистов иностранцы: Мертенс и доктор Кунце, которые для принятия их в экспедицию будут находиться в Копенгагене и коих по сношению вашему с командиром 2-й дивизии следует оттуда взять и по одному из них определить на каждую дивизию.

Ваша дивизия снабжена серебряными и бронзовыми медалями на тот предмет, чтобы вы медали сии раздавали в знак памяти почётным особам, имеющим встретиться с вами на пути, а также можете оставлять оные на всех островах по вашему усмотрению, и особенно на вновь открытых.

При сем препровождается к вам открытый лист от министерства иностранных дел на российском, французском и немецком языках, и коллегия иностранных дел сообщила сверх сего для предварительного сведения находящимся в чужих краях нашим аккредитованным особам об отправлении вверенных вам шлюпов. Также прилагаются при особом реестре полученные для вас от находящихся здесь иностранных министров морских военных держав открытые листы.

II. Инструкция государственной Адмиралтейств-коллегии

По приказанию государя назначены вы командиром 1-го отряда судов, состоящих из двух шлюпов, в дальний вояж отправляемых, "Восток" и "Мирный". По сему Адмиралтейств-коллегия предписывает вам: по окончании вооружения и по укомплектовании сих двух шлюпов надлежащим образом, отправиться в предположенный вам путь немедленно по получении особой инструкции, которая дана будет по приказанию государя. Со стороны ж коллегии преподаются вам одни правила по части экономической: хотя правила сии изображены большею частью в морских регламентах, уставах и других узаконениях и известны всем флотским чинам, но, как с распространением познаний человеческих, из самых опытов в таких вояжах, в какой отправляетесь вы, почерпнутых, были по временам и обстоятельствам случаи, о коих в тех узаконениях не упоминается, оные в следующих статьях:

1. Как сохранение здоровья людей, составляющих экипаж, есть первая обязанность всех мореплавателей, и опытами доказано, что надлежащие для сего средства суть: опрятное судов и экипажей содержание, очищение воздуха в палубах и интрюме, достаточное, но не чрезъестественное упражнение людей в какой-либо экзерциции, крайнее наблюдение, чтобы в мокрой одежде люди не оставались на долго, а особенно не ложились в оной спать, доставление им наилучшей пищи и питья; то коллегия от попечения вашего и ожидает, что сии, равно и другие приличные правила, могущие споспешествовать благосостоянию экипажа, по совету медиков, конечно, исполнены будут вами со всею точностью.

2. В особенности имеете вы обращать внимание своё на больных и всеми мерами стараться об улучшении содержания их и излечения, поощряя к сему последнему и медиков, на суда, вам вверяемые, назначенных, о прилежании коих и усердии или нерадении, обязаны будете представлять начальству.

3. Всевозможную также долженствует иметь заботу о доставлении вообще людям свежей пищи и питья, для чего не упускать ни малейшего случая, и во время пребывания при берегах, снабжать экипажи лучшими съестными припасами посредством покупки наличных, а во время плавания в море, ловом рыбы, где позволят местные обстоятельства; также ромом и вином, употребляя оные по климатам и обстоятельствам; для покупки напитков и съестных припасов, предоставляется зайти в Копенгаген, в Англию, к острову Мадере или Тенерифу, а буде встретится нужда в дровах, то в С.-Яго7, наблюдая только, чтобы в С.-Яго не долго оставаться, ибо там вредно для здоровья людей. Солонину прежде вываривать паром в котле, наполненном морскою водою для отделения чрез то от нее всех нечистот и жирных частиц, способствующих к скорейшему зарождению цинготной болезни, но совсем вываренная таким образом солонина и положенная в кашницу делает оную свежее и довольно вкусною. В жарких краях давать масло коровье весьма умеренно, а когда оное покажется испортившимся, то и вовсе оно не производить, а с горохом обыкновенно приказывать мешать бульон. Когда на судах устроены будут печи, то нужно по временам раздавать людям печёный хлеб, который, как известно, гораздо здоровее сухарей; бочки водяные иметь внутри крепко обожжённые и таковое обжигание повторять чаще, дабы иметь всегда свежую и не испорченную воду, наблюдая за всем тем, чтобы они всегда были в чистоте, и когда нужда потребует налить бочки соленою

водою для содержания судна в грузу, а после понадобится налить оные пресною водою, тогда прежде должно очистить оные; ибо нет ничего вреднее для здоровья, и ничто так скоро не возрождает цынгу, как испорченная вода.

Для сбережения здоровья людей, вы снабжены будете запасом бульона, чаю, патоки, сахару, какао, сосновой эссенции, сула хорошего, уксусу и горчицы. Непременно должно запастись для больных достаточным количеством хины. Не бесполезно также взять с собою несколько бочек крепкого пива из последнего европейского порта, и когда одну бочку выпьют, то на её дрожжи наливать тёплую воду и сосновую эссенцию, смешав оную с патокою; наливка сия через 23 часа, а в тёплую погоду, через 10 часов, начнет бродить, и через три дня можно оную пить; таким образом из дрожжей двух выпитых бочек можно вываривать около двадцати ведер нового хорошего пива. Из прежних вояжей видно, что между островом Св. Елены и Копенгагеном, пропорция припасов, для сего употребляемых, была на бочку в 20 вёдер три горшка сосновой эссенции, полтора пуда патоки, а пропорция каждого человека состояла из полукружки, и как пиво здоровейшее питье на море, то потребно давать оное людям чаще; сие предположение предоставляется приводить в исполнение по ближайшему вашему рассмотрению.

4. Людей стараться не подвергать напрасно в ненастье и всякую влажную погоду, но смотреть, чтобы они не ложились на открытом воздухе; на солнце же голову всегда покрывали, постели их просушивать, как можно чаще, а в палубах раскладывать с надлежащею осторожностью огонь, как надёжнейшее средство к очищению воздуха.

5. Во время путешествия вашего, не оставляйте упражнять штурманов, экономических офицеров и других чинов, поступая в сем случае по содержанию изданных правил, коими снабжены будете.

6. Сбережение пороха от расходов хотя не маловажно в предлежащем вам пути, но не воспрещается вам однакож, судя по обстоятельствам, делать экзерции; причём поступать по Регламенту императора Петра Великого, и как для оной, так для салютов, прочистки орудий и прочих выстрелов, употреблять заряды по правилам, утверждённым государем в 13-й день апреля 1804 года. Всем иностранным чиновникам, посещающим ваши суда, делать почести по их чинам, руководствуясь в том уставом императора Петра Великого.

7. При всяком входе вашем в дружественные чужестранные порты для покупки свежей провизии, или для починки ваших судов, вы должны немедленно давать знать о вашем приходе тамошнему правительству, или кто есть со стороны российского двора и уведомлять также Адмиралтейств-коллегию о благосостоянии команды и судов.

8. Когда будете находиться в иностранных владениях и у народов различных стран, обходиться с ними ласково и сохранять всякую благопристойность и учтивость, внушая сие и всем подчинённым вашим; никаких дезертиров на вверенные вам суда вопреки прав народных не принимать, а если бы в числе их находились и русские подданные, то и их не брать до сношения с местным правительством или с доверенною особою от российского двора, там пребывающею.

9. В салютах кораблей и крепостей тех держав, с коими трактатов не заключено, поступать по силе морского устава государя императора Петра Великого, салютуя всегда в таком расстоянии, чтобы пальба могла быть видима и слышна. Впрочем, для сведения вашего и в чём следует исполнения, будут присланы вам от исполнительной экспедиции все договоры и трактаты, какие только с кем сделаны; также имеете взять от Кронштадтского порта для сведения вашего копию с инструкции, которая дана была прошлого 1805 года крейсерским судам, посылаемым в море, для воспрещения пути судам, шедшим из заражённых жёлтою горячкою мест.

10. Поелику звание ваше обязывает вас защищать достоинство флота Российского, то коллегия, надеясь, что вы не упустите ничего из вида к сохранению судов, вам вверяемых, и к недопущению их до оскорбления, предписывает вам содержать себя в готовности, чтобы кто-нибудь, встретясь с вами, не мог нанести обиды флагу и причинить судам вашим вреда. В случае неприязненного нападения стараться оборонить себя, как долг храброго и искусного офицера повелевает; судам же купеческим, с вами встретившимся, или купно с вами идущим, никаких обид не чинить, а напротив в возможном оказывать вспомоществование.

11. На случающиеся в пути надобности отпущена будет сумма, на записку которой в приход и расход истребовать от Кронштадтского порта шнурованную книгу.

12. В ознаменование доверенности, какую имеет к вам начальство ваше, предоставляется вам право выдавать при случае, по бывшему на шлюпе "Диане" примеру, нижним чинам награждение, годовое, полугодовое и третное жалование, из суммы, которая отпустится вам на экстраординарные расходы. На место умерших служителей повышать других нижних чинов, по достоинству; позволяется производить людям, по климатам тех стран, где суда вверяемые вам будут находиться, морской провиант и провизию, не по регламенту, но соображаясь с примером лучших мореходцев, по собственному вашему усмотрению. Также позволяется употреблять для сбережения здоровья служителей, сверх положенного, разное платье по климатам, бельё и прочее, из запасов, которыми каждое судно в достаточном количестве снабдится, и покупать, в случае нужды, потребные для судов припасы и материалы.

13. В рассуждении производства жалования и порционных денег, имеете вы поступать по утверждённой государем в 10-й день сего июня и при сём в копии прилагаемой записке.

14. Поелику плавание в морях обоих полушарий зависеть будет от свойств климатов и различных времен года, то и имеете руководствоваться путешествиями кругом света известных мореплавателей, кои послужат вам во многих случаях или примером, или усовершенствованием к сохранению и содержанию судов и экипажей в целости, и коими снабжены вы будете по особому распоряжению.

15. Что касается до цели плавания вашего, также до времени возвращения в свои европейские порты, о сем получите особенное предписание и наставление. Посему остается коллегии заключить, что вы яко искусный и отличный офицер исполните с точностью поручение вам делаемое и последуете, не обинуясь, изображённым в морском уставе, в коллежской должности и в прочих узаконениях предписаниям, до

командующего судном касающимся, благоразумными своими распоряжениями в предлежащем пути оправдаете ту доверенность, которая вам делается.

III. Инструкция государственного Адмиралтейского департамента

Как по повелению государя вы определены начальником двух шлюпов, отправляющихся из Кронштадта в дальнейшее мореплавание, и от морского министра получите надлежащее предписание о расположении вашего плавания, равно и о всех главных поручениях, на вас возлагаемых: то Адмиралтейский департамент за тем полагает дать вам только некоторые необходимо нужные правила, служащие к руководству для наблюдений во время вашего плавания.

1-е. Нужные для сего вояжа астрономические, математические и физические инструменты, некоторые отпущены вам из приуготовленных здесь, а прочие недостающие получите по прибытии в Англию; от морского министра писано о заготовлении оных к находящемуся там российскому послу. Все оные инструменты должны вы поверить, и ежели найдутся какие-либо в них погрешности, исправить.

2-е. Во время похода, по окончании каждых суток, означать счислимый и обсервованный пункт румбом и расстоянием до какого-нибудь известного места, предпочитая где можно те из сих мест, коих широта и долгота определены.

3-е. В случае немалой разности счислимого пункта с обсервованным, означать румб и расстояние между сими пунктами, стараясь делать замечания о причине таковой разности.

4-е. Для сего должны вы иметь разные карты, и на всех оных прокладывать счисление, замечая как несходства между ими, так и то, которую из них в какой части именно найдете вы вернейшею. А потому старайтесь делать сколько можно более астрономических наблюдений. Необходимо нужные для сего морские карты тех морей, по коим совершать будете плавание, многие препровождены уже к вам от департамента, а те, которых недостаёт, можете купить в Англии из числа издаваемых от английского адмиралтейства.

5-е. Для наблюдения широты не должно довольствоваться одною полуденною высотой солнца, но наблюдать также звезды при свете зари на меридиане и солнце вне меридиана, если в полдень не будет оно видно за облаками.

6-е. Для долготы брать расстояние между луною и звездами всегда, когда обстоятельства позволят, и выводы сих наблюдений сверять с теми, какие окажутся по хронометрам, которые должны вы пред отправлением в поход тщательно поверить наблюдениями соответствующих высот солнца. Да и в продолжение плавания вашего всегда, когда пристанете к берегу, или подойдете на вид земли, которой положение определено с точностью, не упускайте случая вновь поверять хронометры.

7-е. Для верного наблюдения хода хронометров, замечайте степени тепла и холода по термометру как при восхождении солнца, так и около полудня, дабы, в случае

непорядочного или неравномерного хода хронометра, можно было судить, не перемена ли тепла или холода тому причиною?

8-е. Все наблюдения, делаемые как для определения долготы и широты мест, так и для поверки компаса и часов, вносить в журнал со всякою подробностью, так, чтобы и после, если потребует надобность, можно было поверить вычисления оных.

9-е. Везде, где случай и время позволят, старайтесь сами делать наблюдения о высоте морского прилива и ссыкивать прикладный час; но когда того по краткости пребывания вашего сделать будет невозможно, то по крайней мере разведывать чрез лоцманов обо всём оном; также, если случится вам заметить построение кораблей, отличное чем-нибудь от нашего; особенное средство для сбережения лесов; судно, построенное особенным образом для особенного какого-нибудь намерения, морской порядок, наблюдаемый в команде и содержании служителей, инструмент какой-нибудь новый, или употребляемый с лучшим успехом, нежели у нас, не оставляйте ничего без описания. Сверх того, вы должны не только описывать, но и снимать модели со всех отличных судов, примеченных в разных странах, равно как и с лодок, употребляемых дикими народами. Также стараться собирать любопытные произведения природы для привезения в Россию в двойном числе, для Академии и для Адмиралтейского департамента, равно, собирать оружия диких, их платья и украшения, что более любопытно.

10-е. Когда же случится вам быть в местах мало посещаемых мореплавателями, и которые не были еще утверждены астрономическими наблюдениями и гидрографически подробно не описаны, или случится открыть какую-нибудь землю или остров, не означенные на картах, то старайтесь, как можно вернее описать оные, определяя главные пункты наблюдениями широты и долготы {Самое вернейшее средство для определения долготы почитается чрез закрытие звезд луною.}, и составьте карту с видами берегов и подробным промером, особливо тех мест, кои пристанищем служить могут. При описи же руководствоваться правилами, изложенными в морской геодезии, соч. вице-адмирала Сарычева.

11-е. Особенно старайтесь сделать полезным пребывание ваше во всех землях, принадлежащих России, или вновь открыться имеющим, для будущих российских мореплавателей. Вы будете иметь случай узнать верно во многих местах положение берегов морских, сделать известными, или вновь открыть выгоднейшие пристани; постарайтесь употребить весь ваш досуг на описание оных и положение на плане с нужными промерами, особенно в пристанях. Подробным познанием тех стран можете вы открыть виды к заведению там впредь постоянного судоходства, или строения судов. Для сего обратите особенное внимание ваше на познание климата и других потребностей жизни; старайтесь вернее узнать почву земли и способность её к произрастаниям; роды, свойство и количество тамошних произрастаний, особливо количество и доброту лесов и прочее.

12-е. Наконец, чтобы по возвращении вашем из записок ваших можно было составить любопытное и полезное повествование, не оставляйте без замечания ничего, что случится вам увидеть где-нибудь нового, полезного или любопытного, не только относящегося к морскому искусству, но и вообще служащего к распространению познаний человеческих во всех частях. Вы пройдете обширные моря, множество

островов, различные земли; разнообразность природы в различных местах, натурально, обратит на себя любопытство ваше. Старайтесь записывать все, дабы сообщить сие будущим читателям путешествия вашего. Для сего необходимо должны вы иметь описания знаменитых путешествий во всех тех местах, которые посещать будете. Читая их и сравнивая с собственными вашими наблюдениями, будете вы замечать, в чём они верны и в чём не верны.

13-е. Ведённый таким образом журнал путешествия вашего по окончании кампании должны вы представить, за подписанием вашим, в Адмиралтейский департамент.

14-е. Равным образом, если кто из офицеров особливо сделает какие-нибудь примечания и захочет сообщить оные, то их поместить особо при конце журнала, с подписанием имени его. За таковые примечания, если найдутся они полезными, может он приобрести себе честь и должную благодарность.

15-е. С вами отправляются астроном, натуралист и рисовальщик, которым даны будут от Академии наук особые инструкции; а вы, со своей стороны, обязаны доставлять им все возможные вспомоществования в их занятиях. Рисовальщик должен снимать виды всех мест примечательных, где случится быть, также портреты народов, их одежий и игры. Все и всякого рода собрания вещей, описания всего, рисунки и прочее в конце кампании обязаны художники вручить командующему отрядом, который всё без изъятия должен представить государю, через морского министра, по возвращении в Россию.

16-е. А как отправляется с вами из штурманского училища некоторое число учеников, то имеете вы, сверх неослабного за поведением их смотра, наблюдать и то, чтоб они занимаемы были продолжением наук, званию их приличных, дабы отлучкою на толь долгое время из училища не потеряли они приобретенных в нём знаний, а паче сделались бы полезными по службе чрез практические знания.

Копию с сей инструкции должны вы дать командиру другого шлюпа, для исполнения по оной.

IV. Вторая инструкция от морского министра

Академия наук, за краткостью остающегося времени, не приготовила инструкции для учёных, в дивизии вашей в вояж отправляющихся. Вследствие чего я препровождаю при сём, к руководству для них, начертание некоторых предметов по учёной и художественной части, поручая вам объявить, что морское начальство ожидает от их практических сведений и деятельности точного исполнения во всём, что токмо до их звания относится.

Начертания некоторых предметов по учёной и художественной части.

Кампания, предпринимаемая по повелению государя, имея целью приобретение полнейших познаний о нашем земном шаре, доставить отправляющимся в оную учёным способ и частые случаи производить полезные для наук наблюдения.

По геометрической, астрономической и механической части, они не упустят заниматься исследованием всех заслуживающих любопытства предметов, до сих наук

относящихся, будут делать свои замечания и вести журналы о последствиях ими извлекаемых.

Они должны производить опыты для определения долготы секундного маятника в различных широтах, что послужит к определению изменений тягости; дабы же выводимые последствия были достоверны, нужно, чтобы опыты были делаемы одними и теми же инструментами и лицами, и были бы повторяемы с возможною точностью во всех тех местах, куда суда приставать будут.

Определение долготы входит в число ежедневных трудов мореплавателя, астрономы должны также особенно и прилежно сим заниматься. Они обязываются сохранять подлинные их вычисления о сих наблюдениях, производимых по расстоянию луны от неподвижных звезд.

Зная по Эфемеридам время затмений, которые случатся в продолжении их путешествия, а также и места, где оные будут видимы, астрономы не ограничат себя единственно определением мгновений начала и конца затмений, но означат также положение родов 10 со всевозможною подробностью.

Приливы и отливы моря заслуживают особенное внимание; нужно замечать старательно двойной прилив в течение каждого дня.

По физической части путешественники обязаны делать наблюдения, до сего предмета касающиеся, к числу коих относится изменение компаса. Любопытно было бы испытать магнитную силу в тех точках, где есть наибольшее и наименьшее склонение магнитной стрелки.

Они должны вести верную записку о высоте барометра в разные часы дня.

Состояние атмосферы и ее непрерывные изменения будут ими прилежно замечаемы, равно как и направление высших и низших ветров, в сравнении с дующим близ поверхности моря; различие высших и низших ветров в безоблачную погоду можно замечать посредством небольших воздушных шариков, которыми они будут снабжены {Нужно думать, что по времени это было одно из первых шаропилотных наблюдений. -- Ред.}.

Они обязаны стараться замечать течения моря везде, где только будет возможно, и вести записки об учиненных ими по сему предмету наблюдениях.

Феномены, как то: метеоры, северные и южные сияния, будут прилежно замечаемы, и желательно было бы, чтобы означаемая была высота и полнота оных.

Должно внимательно наблюдать тромбы {Тромбы -- смерчи. -- Ред.}, и поелику еще по сие время не согласны в причине оных, стараться исследовать сей феномен, дабы можно было достигнуть до изъяснения оною.

Следует производить опыты касательно различной степени температуры моря и его солёности, в разных местах и глубинах в рассуждении различия тяжести вод и степени ее горькости, а также и на счет изменения теплоты в известной глубине противу замечаемой на поверхности моря.

Нужно делать наблюдения над льдинами различного рода, как плоскими, так и возвышающимися наподобие гор, и изъяснить мысли насчет образования оных.

Равным образом следует замечать свет, блистающий часто на море; было бы весьма занимательно и любопытно изъяснить причины оногo, с большею подробностью, нежели как то до сего было делаемо.

Относительно химии нужно обращать внимание по всем изысканиям, до сей науки относящимся, замечать краски, употребляемые народами для окрашения их изделий, вещества, из коих они их извлекают, и способы, изобретенные ими для их употребления.

По анатомической части будут вникать в познание всего того, что относится до изменений в человеческом роде, как то: в цвете, росте, сложении и проч. и проч. и не упустят распространить сих исследований и на внутренние части, если то представится возможным посредством анатомирования трупов; будут также осведомляться о долготе жизни и о времени возмужалости обоих полов.

По зоологии будут делаемы все наблюдения относительно сей части и, сколько возможность позволит, коллекция.

Равным образом и по минералогической части не оставят собирать коллекции, в особенности будут замечать почву земли и отношения оной в противоположных берегах проливов и различные слои, словом: не упустят никаких полезных по сей части наблюдений.

Равное старание будет употреблено и по ботанической части, как относительно коллекции растений, так и описания оных и собрания образчиков всякого рода деревьев; полезно было бы познавать силу и свойство тех, которые ещё мало известны.

Живописцы в их художестве имеют средство представлять зрению понятия о всём том, что имеется видимого в природе, и от трудов их ожидается верное изображение всех заслуживающих любопытство предметов.

Наконец, мореплаватели не упустят случая во всякое время делать исследования, замечания и наблюдения о всём том, что может споспешествовать вообще успехам наук и в особенности каждой части.

* * *

1819. Июнь. Шлюпы уже были в готовности, кроме некоторых столярных и малярных работ; по приказанию морского министра вытянулись на Малый Кронштадтский рейд, где против Средних ворот 11 на пять и три четверти саженьях положили якоря. Вместе с нами вышли также на Малый рейд шлюпы "Открытие" и "Благонамеренный", назначенные к изысканиям на Севере.

23 июня. Морской министр, заботясь о скорейшем отправлении нас, сам с главным командиром Кронштадтского порта осмотрел шлюпы, на которых ещё продолжали разные работы.

24 июня. Июня 24-го в Кронштадт прибыл государь для обозрения тех судов, которые по собственному его назначению понесут Российский флаг в отдалённые пределы Юга и Севера. Государь посетил шлюпы "Восток" и "Открытие"; осмотрев всё, и пожелав нам благополучного плавания, государь возвратился чрез Ораниенбаум в Петергоф. В продолжение сего дня работа адмиралтейских матрозов была остановлена, а на другой день вновь началась и продолжалась до самого снятия с якоря.

25 июня. Начальника второго отряда М. Н. Васильева и меня пригласили в Петергоф и мы были представлены государю. При сем случае государь передал приказание, "чтобы мы во время пребывания у просвещённых, равно и у диких народов, снискивали любовь и уважение; сколь можно дружелюбнее обходились с дикими народами и без самой крайности не употребляли огнестрельного оружия". Потом мы были приглашены к столу государя; после обеда возвратились на шлюп.

Князь Лобанов-Ростовский¹², который на собственной своей яхте прибыл из С.-Петербурга в Кронштадт, прислал мне в подарок путешествие Будена¹³ и атлас к оному. Подарок сей впоследствии времени был мне полезен и был тем для меня приятнее, что служил доказательством желанья нам успеха в предстоящих трудах.

26 июня. По указу государственной Адмиралтейств-коллегии я отправился в С.-Петербург для приёма денег, ассигнованных на жалование и другие надобности, а капитан-лейтенанту Завадовскому приказал стараться сколько можно успешнее привести все работы к концу, также принять порох, огнестрельные снаряды и фейерверки, приуготовленные для диких, чтобы дать им понятие о европейских пиротехнических забавах, особенно тем, которые гостеприимным принятием заслужат нашу признательность. Одним словом всё, что нужно для приобретения уважения и благоприязни диких народов, было предусмотрено, всё выбрано лучшее и доставлено на шлюп.

3 июля. Окончив предстоявшее мне дело в С.-Петербурге, я возвратился на шлюп и нашёл, к величайшему моему удовольствию, что все мои приказания исполнены с точностью и шлюпы совершенно готовы. Вскоре прибыл морской министр; он желал проводить нас некоторое расстояние на своей яхте.

4 июля. 4 июля назначено нам сняться с якоря. В 6 часов пополудни при свежем ветре от ОНО, проходя бастионы Средней и Купеческой гавани, где находились: главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор вице-адмирал Моллер, флотский начальник контр-адмирал Коробка и многочисленное собрание народа, мы видели изъявления всеобщего нам желанья счастливого плавания, зрители махали шляпами и кричали: "ура!". Мы отвечали, прокричав пять раз "ура"! С сердечным чувством благодарности и, отсалютовав крепости, прибавили парусов. Шлюп "Мирный" также снялся с якоря и следовал за шлюпом "Востоком". Скорый ход и темнота ночи скрыли от нас то место, которое сегодня казалось нам местом очаровательным.

Второй отряд, шлюпы "Открытие" и "Благонамеренный", снялись с якоря и последовали за нами.

5 июля. 5 июля ветер был благополучный, небо ясное; мы занимались прибирианием всего к своему месту и приведением в походный порядок. Мы шли так скоро, что в 8 часов утра миновали створ Гогландских маяков в расстоянии одной мили от берега, а в 7 часов вечера прошли Кокшарский маяк¹⁴. В 9 часов встретили эскадру под начальством вице-адмирала Крона¹⁵; она была в море для практики, состояла из шести кораблей линейных, двух фрегатов и одного брига. Упомянув о маяке, я должен сказать, что исправность нынешних маяков в Финском заливе и бдительное наблюдение за освещением оных старанием директора маяков генерал-майора Спафарьева столько облегчает плавание по Финскому заливу, что в ясную погоду нет нужды заботиться о точном счислении пути корабля, ибо днем маяки служат приметными местами, ночью верными указателями.

6 июля. В полдень по наблюдению мы находились в широте 59° 8' северной. Имея Дагерортский маяк на S, мы шли при благополучном ветре по шести с половиною и по семи миль. В половине 5-го часа маяк закрылся в расстоянии около двадцати четырех миль.

К вечеру ветер стих и сделалось безветрие. Мы тогда были в виду Естр-Гарнгольма¹⁶; следующие трое суток шли курсами, какими позволяло переменное маловетрие. Шлюпы "Открытие" и "Благонамеренный" были ещё видны на горизонте. Шлюп "Мирный" отставал от нас; вместо того, чтобы убавить парусов, я приказал вахтенному учить матрозов брать и отдавать у марселей рифы.

10 июля. Поутру погода была прекрасная; мы проходили очень близко датской крепости Христианс-Орт¹⁷. Я салютовал семью выстрелами; с крепости ответствовано тем же числом. Около полудня прошли северную оконечность острова Борнгольма в расстоянии полуторы мили. Сколько мы ни старались рассматривать предметы на острове, но за мрачностью ничего не возможно было отличить, а как шлюпы имели весьма быстрый ход, то и самый остров скоро исчез из глаз наших.

При свежем холодном ветре мы шли по семи узлов, и в 8 часов прошли Фальстербоу. С сего времени держали более к северу, чтоб войти в Зунд. В 11 часов ветер стих. Я приказал сделать сигнал "стать на якорь по способности". Глубина была девять сажен {Глубины везде даны в морских саженях по 6 футов. -- Ред.}, грунт -- ил с песком. Шлюп "Мирный" стал на якорь по близости шлюпа "Востока".

11 июля. В 6 часов утра следующего дня снялись с якоря, вылавировали до первого бакана; тогда ветер настал благополучный и тихий. Хотя часа за два пред сим поднят был на фор-брам-стенге гюйс при пушечном выстреле, что означает требование лоцманов, однакож они не приехали, и я решился итти прямо без лоцмана. Прошед первый бакан, который поставлен был на мели, от лоцманской деревни Драко¹⁸ к югу, шлюп "Восток" приткнулся к мели.

Бакан может быть волнением сдвинут с места, но вероятнее, что лоцманы для своей выгоды не поставили оною надлежащим образом, чтобы иметь случай снять с мели судно, или подать оному помощь и получить плату. Я отверг их пособия, потому что уже успел спустить барказ, и сказал им, что буду жаловаться начальству. Между тем на маленькой лодке приехали другие лоцмана, которых мы приняли на шлюпы. Завезли с

кормы верп с кабельтовом, весьма легко оттянулись и отошли на фарватер, где за противным ветром стали на якорь.

12 и 13 июля. 12-го и 13-го числа, за мрачною погодою и противным ветром, стояли на якоре.

14 июля. Утром снялись с якоря, лавировали при попутном течении и тихом ветре. В 5 часов пополудни, пройдя бакан на северной оконечности Мидельгрунта, спустились на малый рейд, салютовали крепости семью выстрелами, нам ответствовали равным числом: шлюпы "Открытие" и "Благонамеренный" уже стояли на якоре, их лоцмана были лучше наших. Мы положили якорь в близости от крепости.

15 июля. Поутру, узнав, что полномочный министр и чрезвычайный посланник нашего двора, барон Николаи IS, возвратился из загородного дома, я поехал к нему с лейтенантом Лазаревым, чтобы явиться, узнать от него о натуралистах Мертенсе и Кунце и спросить, каким образом скорее и дешевле можно получить некоторое количество рому, вина и уксусу. Благоприятным приёмом барона Николаи мы были весьма довольны.

Он объявил нам, что от натуралистов Мертенса и Кунца получил письма, которыми отказываются от сопутствия с нами, ибо им было дано очень мало времени для заготовления всего нужного к сему путешествию и чтобы потом поспеть в Копенгаген. Таковые известия были для нас весьма неприятны, и я тотчас просил барона Николаи постараться отыскать в Копенгагене охотника занять место натуралиста. Он обещал исполнить мою просьбу, однакож впоследствии объявил, что хотя и нашёл одного молодого натуралиста, который согласился на сделанное ему предложение, но родственники не решились его отпустить и увезли на время за город.

Таким образом мы лишились надежды делать обретения по естественной истории, нам осталось утешение набирать по сей части всё встречающееся и, по возвращении нашем, предоставить людям знающим отличить известное от неизвестного; в продолжение всего путешествия мы всегда сожалели и теперь сожалеем, что не было позволено итти с нами двум студентам по части естественной истории из русских, которые сего желали, а предпочтены им неизвестные иностранцы.

В продолжение семидневного пребывания нашего в Копенгагене мы имели удовольствие познакомиться с контр-адмиралом Левенёрном, который управляет королевским архивом морских карт и, можно сказать, трудится с величайшею ревностью; он снабдил нас некоторыми необходимыми картами, показывал нам описания разных путешествий и изъяснял лучший способ употребления секстанов, советовал в Копенгагене приделать к оным коротенькую трубочку вместо длинной. Я исполнил сие единственно из учтивости, ибо трубочка не принесла никакой пользы. Контр-адмирал Левенёрн советовал также купить машину для очищения воды и принял на себя труд показать, где оную получить можно. Машина сия была нам полезна в употреблении.

Контр-адмирал Левенёрн не любит англичан; он с великим жаром изъявлял неудовольствие на них за неисправность издаваемых ими карт и календарей. Вероятно карты, доставшиеся Левенёрну, были не из самых лучших; но морские календари,

изданные на 1816, 1817, 1818, 1819 и 1820 годы подлинно не приносят чести английской Комиссии долгот, и может быть, что они причиною крушения некоторых судов. Погрешности усмотрены ею весьма поздно в календаре на 1819 год, не прежде ноября 1818 года, и числом не менее ста восьми погрешностей. Кажется, что со смертью астронома Маскелина²⁰, который, можно сказать, был основателем полезного издания астрономических календарей, прекратилась и точность, коею они отличались при начале. Многие, желая оправдать Дж. Понда²¹, главного астронома Гринвичской обсерватории, доказывают, будто бы он в ошибках сих несколько не участвует и что всё происходит от самой Комиссии долгот, однакож трудно поверить, чтобы сей астроном, старший на Гринвичской обсерватории, от коего кажется должно зависеть и избрание членов для поверки сих изданий, мог не участвовать в неверности их.

Мы были на обсерватории, которая на башне; вход внутри по наклонной плоскости простирается до самого верху, подобно внутренней части улитки. Сверху можно рассмотреть город Копенгаген, красивые окрестности и Зунд. Инструменты показались нам не в лучшей чистоте; может быть достоинство их превосходит наружный вид.

Хотя Адмиралтейств-коллегия совершенно предоставила мне выдавать служителям ежедневную пищу сообразно климатам и прежде бывшим известным путешествиям, однакож в продолжении плавания от Кронштадта до Копенгагена я поступал согласно морскому уставу Петра Великого, т. е. в воскресные дни производил по фунту, а в прочие четыре дни по шестидесяти золотников²² говядины, которая варилась в каше; в среду и пятницу к обеду варили горох, а к ужину густую кашу с коровьим маслом. Пришел в Копенгаген, я приказал на обоих шлюпах производить ежедневно по фунту, а в воскресные дни по полтора фунта говядины, которую варили в шах с разною зеленью, и сверх сего давали по кружке пива на каждого человека. Хорошая и сытная пища весьма нужна, особенно при начале похода; она как будто приготавливает человека к выдерживанию всех предстоящих ему трудностей, и для того должно стараться сначала несколько с избытком довольствовать служителей.

Налив порожние бочки водою и вымыв служительское белье, мы изготовились к дальнейшему плаванью. С вечера поднятием гюйса при пушечном выстреле потребовали лоцмана, который вскоре приехал.

19 июля. Следующего утра в 10 часов, при ветре от OSO, снялись с якоря, салютовали крепости из семи пушек, и нам ответствовано равным числом. Мы вдали видели, что отряд Капитан-лейтенанта Васильева также снялся и следовал за нами.

Проходя остров Вен, усмотрели множество народа близ маленького дома, который по виду подобен был церкви. Идущие к острову пароход из Копенгагена и шлюпки, на коих было такое же множество людей, обратили наше внимание. Лоцман, у нас бывший, довольно хорошо изъяснил причину сего собрания и удовлетворил наше любопытство; он сказал, что на сем месте была первая обсерватория астронома Тихо-Браге²³, и, чтобы оно осталось известным и в будущих веках, признательные датчане построили помянутый дом, около коего ежегодно 19 июля бывает гуляние. Таким образом, память о сем великом астрономе, который умер в 1601 году, сохраняют не токмо упражняющиеся в науках, но все вообще; нам приятно было видеть сие доказательство, сколько датчане уважают просвещение.

21 июля. Несколько раз в продолжение моей службы мне случилось проходить Зундом, и я всегда с удовольствием видел по обеим сторонам зеленеющие берега, сады, хорошо обработанные поля, дома поселян и две крепости датскую и шведскую, но виды сии не могут сравниться с видами в Константинопольском проливе, коим подобных едва ли где найти можно.

В Гельсингере мы переменили лоцмана, наполнили паруса, и, отсалютовав крепости, получили в ответ выстрел за выстрел; нигде салютация не наблюдается с такою точностью, как в Дании.

Проходя маяк Кол и не имея надобности в лоцманах, мы их отправили на берег; в 10 часов вечера прошли Ангольмский маяк в расстоянии десяти миль, а следующего дня, обошед мыс Шкаген²⁴, вступили в Немецкое море.

По прибытии в Англию мне предстояло многое к исполнению относительно предназначенного нам плавания, а потому я почёл за нужное воспользоваться превосходством хода шлюпа "Востока" противу шлюпа "Мирного", чтобы прежде притти в Портсмут, назначил лейтенанту Лазареву рандеву в сём порте и, прибавя парусов, пошёл вперед.

Попутный ветер и прекраснейшая погода благоприятствовали нам до самой Англии; мы всегда несли парусов сколько было возможно.

26 июля. В 8 часов утра увидели маяк Галопер на W, в расстоянии одиннадцати миль. В полдень встретили бот, на котором лоцмана обыкновенно выезжают и держатся в море, чтоб иметь случай провести суда между мелей. Поднятием гюйса на фор-брам-стенге при пушечном выстреле я потребовал лоцмана, и он тотчас приехал; лоцманы только и ждут призыву. Ветр был очень тих, а потому я желал итти на Дильский рейд, чтоб простоять на оном в продолжении противного течения.

В 10 часов вечера при тихом ветре, за противным течением, положили якорь на Дильском рейде, на глубине восьми с половиной сажень, грунт хрящ²⁵. Норд-Форланд²⁶ находился от нас на NO 25° в расстоянии десяти с четвертью миль. С английского фрегата, стоящего на брандвахте, приезжал офицер и, поздравя нас с прибытием, делал обыкновенные вопросы; откуда, куда и прочее.

27 июля. С рассветом, когда течение было попутное, шлюп "Восток" снялся с якоря и вступил под паруса при противном ветре. В половине первого часа противное течение опять принудило бросить якорь на глубине семнадцати сажень, грунт жёлтый, мелкий песок с ракушками. Донженской²⁷ маяк находился от нас на NW 79° в семи милях.

В 6 часов вечера, течение и ветер настали попутные; мы вступили под паруса. В половине 9-го часа прошли Донженской маяк в двух милях.

28 июля. Поутру я взял другого лоцмана, уговорясь с ним, чтобы он не требовал с меня более положенного английскими законами за ввод на Портсмутский рейд. Сей лоцман в продолжение пребывания нашего на Портсмутском рейде был нам полезен. При входе на рейд офицеры по обыкновению ещё издалека в зрительные трубы рассматривали корабли и фрегаты, стоявшие на якорях, различая их красоту и достоинства.

К общему удовольствию нашему, увидели мы в числе судов, бывших на Спитгедском рейде, одно под русским флагом, угадать было нам нетрудно, какое судно: мы ожидали возвращения капитана Головнина²⁸ на шлюпе "Камчатке" из Северо-Западной Америки. Радость наша была тем большая, что сия нечаянная встреча случилась за границею, где кажется русский ещё больше любит и привязывается к русскому. Лишь только мы приблизились к якорному месту, приехали к нам некоторые из офицеров с шлюпа "Камчатки". Радость нашу при встрече соотечественников легко можно вообразить.

29 июля. В 7 часов вечера в Портсмуте, на Спитгедском рейде, на глубине семи сажен, положили якорь, имея грунт ил с жёлтым песком и ракушками. Главный начальник адмирал Камбель прислал лейтенанта поздравить нас с прибытием и спросить, не нужны ли нам какие-либо с его стороны пособия. Я, поблагодарив за учтивость, объявил, что нам нужно только запастись водою и свежими съестными припасами, и что всё то получим чрез нашего консула Марча.

Лейтенант Лазарев прошёл по другую сторону Годвинских банок, дабы неожиданная какая-нибудь перемена ветра не задержала его на Дильском рейде. В полночь шлюп "Мирный" положил якорь подле шлюпа "Востока". Отряд капитан-лейтенанта Васильева также прибыл и остановился подле острова Вайта.

30 июля. Следующего утра мы с лейтенантом Лазаревым посетили офицеров на шлюпе "Камчатке"²⁹; я увидел на шлюпе необыкновенный порядок, и что после многотрудного плавания все совершенно здоровы; сердечно наслаждался, нашед сослуживцев, так сказать, горсть предприимчивых россиян, возвращающихся из далёких стран в свое отечество здоровыми и весёлыми, приобретшими новые познания и большую опытность.

Мы поехали к адмиралу Камбелю поблагодарить его лично за сделанное им вчерашнего числа предложение в пособиях.

За несколько дней прежде нас прибыл в Портсмут на своей яхте принц-регент³⁰. Яхта была богато вызолочена, окружаема военными судами и множеством зрителей на прекрасных ботиках, шлюпках, яликах; такую живую картину можно видеть токмо в Англии. Мы при каждом разе, когда яхта проходила мимо наших шлюпов, ставили людей по реям и, прокричав семь раз ура, салютовали двадцать одним выстрелом.

1 августа. Сего утра начальники шлюпов, наняв дилижанс, поехали в Лондон.

Нам надлежало сколько возможно поспешнее исполнить всё нужное для снабжения судов наших и скорее отправиться в путь, но совершенно неожиданно мы пробыли в Лондоне около девяти дней. Хронометры и другие астрономические инструменты, для нас заготовленные, оказались не все соответственны нашим желаниям, следовательно, нужно было некоторые переменить, а отыскивание готовых секстанов и других инструментов, равно и потребных для путешествия нашего книг и карт сопряжено было с великими затруднениями.

Троутон, известный инструментальный мастер, удовлетворил нас по своей части, снабдив лучшими секстанами, пассажным инструментом, искусственными горизонтами; хронометры были двух мастеров, Арнольда и Барода; от Долонда получили мы

окаружные инструменты, также несколько секстанов и ахроматические телескопы, четырех- и трехфутовые.

Для плавания нашего карты получены от Аросмита³¹, книги от разных книгопродавцев. Пендула³² готового мы не нашли, а сделать новый мастера отказались за краткостью времени. Я просил графа Ливена³³ приискать натуралиста, который бы согласился отправиться со мною. Известный Сир-Жозеф-Бенкс³⁴, председатель Лондонского королевского общества, по просьбе графа хотя и взялся сие исполнить, но дело кончилось тем, что, получив всё нужное для шлюпа, мы должны были отправиться без натуралиста.

Особенно приготовленным свежим супом с зеленью и бульоном в жестянках и еловою пивною эссенциею достаточно снабдила нас фирма Донкин. Мне кажется, что ничего нет полезнее сих съестных припасов для здоровья мореплавателей, пускающихся в дальние страны, а особенно для больных, коим целительнейшее лекарство, без сомнения, свежая пища. Закупив в Лондоне всё, что было нужно для наших шлюпов, мы отправились обратно в Портсмут 10-го числа, и того же дня в вечеру туда прибыли.

10 августа. Хотя в Лондоне нам было много дела и к исполнению оногo не мало затруднений, однако мы имели и досужные часы, чтоб осмотреть достопамятности сей столицы, как-то: церковь Св. Павла, готическое здание Вестминстерского аббатства со всеми в оном редкостями, Товер, или древнейшую Лондонскую крепость, воксал и театры.

Мы полагали, что по возвращении в Портсмут найдем инструменты, карты и книги, которых ожидали из Лондона, но вместо того получили оные чрез российского генерального консула Дубачевского не прежде 20 августа.

В продолжение пребывания нашего в Лондоне на шлюпах производилась работа с великою деятельностью, и все приведено к окончанию, кроме работы плотничной. На шлюпе "Востоке" переделка портов, по неудобности оных, шла очень медленно, ибо консул Марч нанял мастеровых работать поденно, не условясь с ними в цене за всю работу; без сомнения ни один работник не упустит из виду своей выгоды и продлит дело, чтобы более получить платы.

20 августа. 20 августа мы имели удовольствие видеть прибытие принадлежащего Российско-Американской компании судна "Кутузова", которое под начальством капитан-лейтенанта Гагемейстера³⁵ совершило путешествие вокруг света; плавание сие невозможно назвать счастливым, ибо в продолжение оногo умерло на судне девять человек.

В последнюю с французами войну у англичан Спитгедский рейд представлял по временам прекрасные, живые на море картины; но ныне флот английский "в белой одежде" покоится на своих лаврах. Когда корабли стоят в гавани разгруженные, их красят белую краскою, чтоб жар от солнечных лучей не так драл дерево; с нами на рейде стояли на якоре один корабль, два фрегата и два шлюпа.

25 августа. Августа 25-го все работы на шлюпах и расчёты с консулом были кончены. Из Лондона я не получал никакого известия о натуралисте, а время года не позволяло

мне более медлить, а потому решился отправиться в путь. В случае разлуки от бурь или туманов, я назначил лейтенанту Лазареву место нашего соединения на рейде Санта-Круц при острове Teneriffe, где нам надлежало запастись вином, как для служителей, так и для офицеров.

При отправлении из Портсмута, по причине теплой погоды, мне невозможно было взять для служителей свежего мяса более как на три дня, а свежей капусты на неделю, луку же стало до самого прибытия к острову Teneriffe.

26 августа. В 5 часов пополудни 26 августа все гребные суда были подняты и по сигналу приехал лощман; снявшись с якоря, мы вступили под паруса при тихом, не весьма благонадёжном ветре от NW; в 10 часов сделалось безветрие и продолжалось до самого утра, что принудило нас простоять всю ночь на якоре на С.-Еленском рейде; следующего дня, рано поутру, при NW тихом ветре, снялись с якоря и лавировали, но ветер сей продолжался токмо до полудни, тогда сделался штиль, прилив принудил нас бросить стоп-анкер; в два часа задул ветер западный и мы опять лавировали, но к удовольствию нашему ветер скоро переменился.

Глава вторая

Плавание от Англии до острова Teneriffa, потом до Рио-Жанейро.

Пребывание в Рио-Жанейро.

29 августа. Следующего утра ветер отошёл в О, мало-помалу усиливаясь, и наконец установился в NO четверти. Шлюп "Мирный" поставил все паруса, а на шлюпе "Востоке" несли парусов столько, чтоб не уйти от "Мирного".

30 августа. В полдень широта места нашего по наблюдению была $49^{\circ} 46' 20''$; Северный Лизардский маяк виден был на NW 27° , следовательно, находился от нас в тринадцати с половиной милях. Мы шли на WSW, чтоб выйти из канала.

В Английском канале, по близости берегов Англии, вода в некоторых местах имеет беловатый цвет, что происходит вероятно от грунта.

Вышед в Атлантический океан, дабы предохранить здоровье служителей, я разделил их на три вахты и притом сделал следующее распоряжение: в случае каких-либо трудных для одной вахты работ, велел, чтобы выходила для пособия та вахта, которая сменилась, дабы третьей вахте, которой будет следовать на смену, дать время отдохнуть, и употребить сию часть служителей только в самых необходимых случаях; вахтенным начальникам поставлено в обязанность во время дождя стараться чтобы по возможности служители были от оною защищены и платье их не намокло, а ежели намокнет, то по смене с вахты переменить, не оставляя на палубе и выносить на назначенное место в барказ. Когда погода сделается ясною, служители, находящиеся на вахте, должны были сырое платье товарищей своих развесить для просушки, и, как чистота и опрятность много способствуют к сохранению здоровья, то я велел белье переменять два раза в неделю и строго за сим наблюдал для того, что иногда ленивый, желая избегнуть многого мытья, старается надеть в воскресенье белую рубаху заменить грязною в тот же вечер, дабы в следующую среду опять надеть ту же рубаху, хотя таковые поступки никогда не оставались без должного наказания. Для мытья белья по удобности назначены были два дня в неделю, среда и пятница, потому что в сии дни варят только в одном котле к обеду горох, к вечеру густую кашу с маслом; а чтобы остальной котел оградить от действия огня, в сем котле согревали воду, которую употребляли для мытья белья. Койки положено было мыть два раза в месяц, т. е. около 1-го и 15-го чисел; самые шлюпы и палубы мыли два раза в неделю под парусами, а на якоре ежедневно. Вахтенный лейтенант наблюдал, чтобы все служители, которые мыли белье, непременно снимали всю обувь, поднимали брюки выше колена; по окончании мытья все мыли ноги в чистой воде, вытирали их насухо и тогда уже одевались.

Вместо курения в палубах, я предпочел чаще иметь огонь, который разжижая воздух, переменяет оный и сушит, не оставляя по себе копоти; при курении копоть прилепляется к сырой палубе, стенам и ко всему, производит грязь, которая удобно принимает и удерживает в себе сырость; следовательно, разные употребляемые курения более для здоровья вредны, нежели полезны.

Служители обедали, как обыкновенно во время кампании, несколько ранее полудня, ужинали ранее 6 часов вечера, для того, что в полдень, и в 6 часов сменяются вахты, и чтоб те, которым следует выйти на смену, успели отобедать и отужинать; на вверенных мне шлюпах, когда погода позволяла, обедали и ужинали на шканцах и баке, чтобы в палубах не оставалось сырых от кушанья паров и нечистоты. Посуда и ложки хранились наверху в особо устроенном месте.

После 6 часов вечера, в хорошую погоду, никому не дозволено оставаться внизу до 8 часов вечера, т. е. до раздачи коек; в сии два часа обыкновенно занимались разными нашими простонародными увеселениями, как то: пением, рассказыванием сказок, игрою в чехарду и плитку, скачкою чрез человека, плясками и проч., а между тем в палубе очишался воздух; потом в 8 часов вечера шли спать; при сем строго наблюдалось, чтобы каждый вешал на свое место койку, и не ложился на палубе, или в другом месте.

Служителям, находящимся наверху, велено было в жарких климатах покрывать голову для того, что, ежели бы кто решился проспать или простоять с открытою головою во время действия солнечных лучей, конечно подвергся бы гибельным последствиям; напротив, служителям, оставшимся в палубе, велено быть без шляп или шапок, чтоб не привыкнуть закутывать голову и притом сохранить вежливость, требуемую порядком службы.

Вышед из Английского канала, я приказал штаб-лекарю Берху осмотреть служителей, дабы узнать нет ли наружных болезней. Берх меня весьма обрадовал, удостоверив, что на шлюпе "Востоке" нет ни одного человека чем-либо заражённого; сие можно почесть великою редкостью, ибо в Англии больше, нежели где-нибудь, развратных прелестниц, особенно в главных портах. Лейтенант Лазарев уведомил меня, что трое из числа лучших его матрозов заражены; медико-хирург Галкин обнадёжил в скором времени их вылечить; сие было тем нужнее, что самый способ лечения ускоряет зарождение цынги. Капитан Крузенштерн, во время путешествия своего вокруг света, зашёл не в Портсмут, а в Фальмут, для того, чтоб избежать сей заразы; в Фальмут заходят только пакетботы, отправляемые в разные места, и потому в городе менее распутных женщин.

Ветр нам благоприятствовал; мы расположили курс свой так, чтоб пройти мыс Финистер в расстоянии около шестидесяти миль.

1 сентября. В 8 часов утра я приказал держать SSW. Шлюп "Мирный" находился в весьма дальнем расстоянии от шлюпа "Востока"; я сделал при пушечном выстреле сигнал, чтоб держался тем же курсом, как мы, но за дальностью не можно было рассмотреть сигнала, а потому шлюп "Восток" лёг на WSW, дабы приблизиться к "Мирному", и подошед в недалёкое расстояние, я повторил сигнал, и оба шлюпа пошли на SSW. В полдень находились на широте 45° 56' северной, в долготе 10° 9' западной; с сего времени до 7 часов, пополудни ветер постепенно утихал, а потом сделалось безветрие.

2 сентября. В полдень ветер отошёл к западу; мы поворотили на другой галс и легли на S; к 6 часам пополудни ветер сделался от NO свежий, мы легли на StW 1/2 W. На шлюпе "Востоке" несли мало парусов, чтоб соразмерить ходы обоих шлюпов. Разность в ходе

была такова, что не следовало бы их употреблять вместе, и тем больше при толь важном и трудном предназначении.

3 сентября. В 7 часов утра для поджидания отставшего шлюпа "Мирного", я приказал взять по два рифа у марселей; мы встретили два лавирующие купеческие судна: французский бриг и голландский галиас.

В полдень находились в широте северной $43^{\circ} 18'$, в долготе $11^{\circ} 52'$ западной. Ветр поспешествовал нашему пути. В 9 часов вечера и в полночь на обоих шлюпах сожгли по фальшфейеру, дабы показать друг другу место.

Ветр вскоре развёл большое волнение, шлюп "Восток" качало с боку на бок, ходу было по восьми узлов; мы принуждены нести одни марсели рифленные двумя рифами, чтоб не уйти от шлюпа "Мирного". Ветр к ночи сделался ещё свежее. Шлюп "Мирный", хотя нёс все возможные паруса в продолжение ночи, но на рассвете, к сожалению моему, мы его не увидели, и для поджидания у грот- и фор-марселя взяли последние рифы; в четыре часа утра шлюп "Восток" привёл к ветру. "Мирный" тогда показался в горизонте; от нашедшего попутного шквала скоро присоединился к шлюпу "Востоку" и оба шлюпа шли тем же курсом, продолжая пользоваться благополучным ветром.

7 сентября. Попутный ветер от NW продолжался до 9 часов утра 7-го числа; с сего времени начал стихать и в 6 часов пополудни сделалось совершенное безветрие.

Дабы смыть лишнюю соль с солонины и чтобы она была лучше для употребления в пищу, я приказал следующее служителям количество на день класть в нарочно сделанную из верёвок сетку и вешать с езельгофта на бушприте так, чтобы солонина при колебании и ходе шлюпа беспрестанно обмывалась новою водою. Сим способом солёное мясо вымачивается весьма скоро и многим лучше, нежели обыкновенным мочением в кадке, при котором в середине мяса всё ещё остаётся не мало соли, способствующей к умножению цынготной болезни. Капитан Крузенштерн, во время плавания его кругом света, употреблял сие же средство.

В обширных морях взорам мореплавателей представляется токмо вода, небо и горизонт, а потому всякая, хотя маловажная, вещь привлекает их внимание.

Все служители сбежались на бак, галюнь и бушприт любоваться хищничеством акулы (длиною около девяти футов {9 футов составляют 2,7 метра. -- Ред.}), которая непременно хотела полакомиться частью служительской солонины, повешенной для вымачивания. Неудачные её покушения и удар острой в спину понудили её отдалиться от шлюпа.

8 сентября. К полуночи задул тихий противный ветер от юга, оба шлюпа были тогда в дальнем расстоянии один от другого; мы лавированием старались сблизиться; в полдень находились в широте $35^{\circ} 4'$ северной, долготе $13^{\circ} 56'$ западной; течение моря в одни сутки увлекло нас четырнадцать миль на SO 56° ; среднее склонение компаса у нахтоуза оказалось из шести наблюдений $22^{\circ} 28'$ западное.

По мере удаления нашего к югу мы чувствовали большую теплоту в воздухе; в полдень термометр возвысился до 16° и в полночь был на 15° ; посему я счёл за нужное запретить всем носить суконное платье и велел надеть летнее.

В первое моё путешествие вокруг света я замечал, что некоторые из бывших с нами учёных под экватором не снимали фризowego платья, и у них оказалось расположение к цынге; подобные охотники одеваться тепло, конечно, приведут в оправдание, что в теплых климатах Азии многие народы носят шубы, а цинготных болезней не имеют; но они с малолетства к сему привыкли и проводят жизнь на матером берегу, а не на море в продолжительных походах, когда одежда, солёная пища, не совсем свежая вода, воздух спертый от множества людей, гнилость воды, в судно втекающей, всегдашнее единообразие и рождающиеся от сего унылые мысли, малое движение, а во время качки слишком большое, производят цинготную болезнь и способствуют приумножению оной.

10 сентября. Большая зыбь, шедшая несколько дней от северо-запада, предвещала ветер, который и установился. Мы в полдень находились в широте северной $33^{\circ} 10'$, долготе западной $12^{\circ} 30'$, течение моря увлекло нас в одни сутки шестнадцать миль на $SO 80^{\circ}$. Пользуясь ветром от NW, мы направили путь наш к острову Tenerифу.

Уже несколько дней ощутителен был в моей каюте и по всему шлюпу гнилой запах, и после многих розысканий открылось, что сей запах происходит от сгнившей офицерской муки, которая хранилась в констапельской и подмочена была водою, вошедшею сквозь подзор от слабости кормовой части и худой конопати.

Чтоб таковой вредный воздух не распространялся по всему кубрику и чтоб впредь содержать в констапельской и броткаморе чистый воздух, провели из констапельской сквозь рундук и капитанскую каюту на шканцы из листовой меди трубу, посредством которой внутренний воздух сообщался с наружным.

11 сентября. Благополучный ветер и прекрасная сухая погода в следующие два дня позволили нам вынести для просушения сухари и подарки, для диких народов назначенные.

13 сентября. В полдень мы находились в широте северной $29^{\circ} 45'$, долготе западной $15^{\circ} 10'$. После полудня, по четырём выводам, из коих каждый был из пяти расстояний луны от солнца³⁶, я определил долготу, среднюю из всех четырех выводов, от Гринвича $15^{\circ} 16' 20''$; разности от средней, определённой по трём хронометрам, было $4' 53''$ к западу.

Лейтенант Лазарев из тридцати пяти взятых им расстояний, нашёл долготу $9' 6''$ восточнее, нежели по его трём хронометрам.

При захождении солнца открылся пик на острове Tenerифе, находившийся тогда от нас в девяносто четырех милях. Высота его над видимым горизонтом была $31' 5''$ с возвышения на шестнадцать футов, мы положили действие рефракции четырнадцатую долю всей высоты и из того вычислили, что она простирается до 1 797 тоазов³⁷ французских. Сие определение я не выдаю за верное и присовокупляю, что не всегда можно надеяться на подобные выводы в толь дальнем расстоянии, ибо не должно полагаться на глаз, на инструмент и на самую принятую рефракцию.

Гумбольд говорит {Путешествия Гумбольда, ч. 1, стр. 424, "Reise in die aequinoctial Gegenden des neuen Continents, von Humbold, in S^o, 1-ter Teil, 242 seite".}, что истинная высота пика Tenerифского определена Борда³⁸; сей отличный геометр делал

три измерения, два геометрические и одно барометрическое; по первому, в 1771 году, высота пика вышла 1 742 тоаза; потом Борда и Пингре, наблюдениями с моря, вывели 1 701 тоаз; наконец Борда был на Канарских островах в 1776 году с Шастене де Пюйсежур; они тогда сделали новое тригонометрическое измерение, по которому высота пика определена в 1 905 тоазов и почитается доныне вернейшею. Во время экспедиции Лаперуза в 1785 году сделано измерение помощью барометра Ламаноном и по наблюдению его высота пика по формуле Лапласа вышла 1 902 тоаза.

15 сентября. 15-го при тихом ветре мы подошли к мысу Наго, и в 6 часов утра направили курс прямо на Санта-Круцкой рейд. Берег между мысом Наго и городом Санта-Круцом состоит из груд огромных камней, набросанных в различных положениях, слоями, которые вероятно составились от подземного огня, как и самый остров. Неподалеку от города Санта-Круца мы прошли местечко Сант-Андре, находящееся в ущелине. Все с большим любопытством навели зрительные трубы и каждый из нас сказал: и здесь люди обитают! И подлинно! Смотря на сии островершинные неприступные скалы, между коими образовались, узенькие ущелины, временем и водою из гор текущую, по наружному виду невозможно и подумать о внутренней красоте и изобилии сего острова, на котором живут 80 000 человек.

В час по полудни мы были в двух милях от города Санта-Круц; в сем расстоянии уже все предметы нам ясно открылись. Тогда представился глазам нашим красивый город, выстроенный на косогоре в виде амфитеатра, украшенного двумя высокими башнями, из коих одна возвышалась на западной стороне города, с колоннадою вверху, а другая посреди города с такою же колоннадою и с куполом; первая в доминиканском, а последняя в францисканском монастыре. По берегу, для защиты города, выстроены четыре небольшие крепости; одна и самая главная называется Сант-Христоваль, на которой развевается испанский флаг. Некогда на высокой горе по северную сторону города находилась небольшая батарея, но губернатором маркизом Каскагигал скрыта по той причине, что неприятель, завладев оною, мог бы удерживать город в повиновении. За городом, по косогору, как видно вся земля разделена на разные участки, а далее красно-синеватые горы; когда же облака не покрывают остров, что обыкновенно, хотя изредка, случается по вечерам, тогда является взорам серебристая вершина пика, сего огромного исполина, поставленного на неизмеримом плоском пространстве; он первый встречает и последний провожает восхождение и захождение благотворного солнца.

В 2 часа пополудни мы положили якорь на глубине двадцати пяти сажений, грунт ил с песком, на самом том месте, где за шестнадцать лет перед сим капитаны Крузенштерн на шлюпе "Надежде" и Лисянский на "Неве" стояли на якоре. Северо-восточный угол острова находился от нас на NO 62°, а юго-западный на SW 34°, в городе на доме бывшей инквизиции башня на SW 71°.

Вскоре приехала с берегу к шлюпу "Востоку" под испанским флагом шлюпка, на коей был капитан порта, королевского флота лейтенант дон Диего-де-Меза; он делал обыкновенные вопросы: откуда, куда, нет ли больных и прочее. Лейтенант Меза объявил, что в Кадиксе свирепствует заразительная болезнь и, предостерегая нас, сказал, что лавирующие близ Санта-Круцкого рейда две бригантены пришли из Кадикса, но правительством в порт не впущены.

На вопрос мой: можно ли нам иметь сообщение с берегом? Лейтенант Меца сказал, что для нас нет никаких в том препятствий; почему спустив ял, я послал лейтенанта Демидова к губернатору генерал-лейтенанту шевалье де-Лабуриа, уведомить о причине нашего прибытия и переговорить о салютации. Мичман Демидов, возвратясь с берега, донес, что губернатор очень вежливо его принял, о салютации отозвался, что крепость будет отвечать выстрелом за выстрел, почему с шлюпа "Востока" салютовали из семи пушек; с крепости, на коей был поднят флаг, ответствовано равным числом.

К вечеру приехал с берега от губернатора испанской службы офицер поздравить нас с благополучным прибытием; с ним для перевода на французский и английский языки находился дон Педро Родригуа, уроженец города Санта-Круца, агент купца Литле и компании; сей торговый дом уже семьдесят лет производит непрерывно торговлю на острове Тенерифе. Я просил дона Родригуа о доставлении нам tenerifского вина; он охотно принял на себя сей труд, исправно и скоро доставил вино лучшего качества по 135 талеров испанских за пину³⁹, а молодое по 90 талеров; он же доставил и воду на своих барказах на оба шлюпа, что стоило нам одиннадцать фунтов стерлингов и два шиллинга.

15 сентября. Следующего утра я с лейтенантом Лазаревым ездил на берег к губернатору, он принял нас с отличною приветливостью, изъявил готовность вспомоществовать во всём, и сказал, что имеет на то повеление от своего правительства; поблагодарив его, я спросил только, чтоб приказал назначить место для поверения наших хронометров и позволил некоторым из офицеров посмотреть внутренние части острова; губернатор охотно согласился и присовокупил: мне очень известно неподражаемое гостеприимство россиян, и я крайне рад, что при старости лет моих ещё имею случай быть им полезен.

Мы удивились, увидя в числе многих орденов, его украшающих, российский военный орден св. Георгия 4-го класса; почтенный старец сей предупредил наше любопытство, сообщил нам, что он находился в российской службе в царствование императрицы Екатерины II, был в сражении противу шведов под начальством принца Нассау и участвовал в победах фельдмаршала Румянцева, о котором многое рассказывал; восхищался воспоминанием, что крест за храбрость и заслуги получил из рук государыни.

Приехавшим на лодках жителям острова с фруктами позволено было продавать оные, но с тем, чтоб не привозили горячих напитков. Покупку свежих фруктов я позволил производить во всех портах, зная на опыте, что приносят большую пользу, очищая кровь, и сим предохраняют от расположения к цинготной болезни.

Для поверения хронометров отвели нам дом морского начальника дон Антония Родриго-Руица. Плоская на доме крыша казалась довольно удобною для произведения наблюдений; но по причине большого сотрясения, происходящего от малого движения и самого морского ветра, который в полдень всегда бывает свежий, я поставил на крыше только инclinаториум⁴⁰, чтобы узнать наклонение магнитной стрелки; но инструмент показывал невозможное; после разных исследований нашли мы, что в самой извести, коею крыша и стены дома выштукатурены, много железных частиц.

При прогулках в городе я имел в кармане искусственный магнит, касался им до земли в разных местах на улицах и всегда усматривал множество железных частиц, пристававших к магниту; приказал привезти на шлюп песку, выбрасываемого морем на берег, и также нашел, что наполнен железными частицами. Привезенная мною в С.-Петербург часть сего песку хранилась в музее Государственного адмиралтейского департамента в минеральном кабинете Розенберга, и в С.-Петербургском Минералогическом обществе. Вероятно, что и весь вулканический остров Teneriff наполнен сим песком, и потому полагаю, что всякое испытание над магнитною стрелкою на берегу города Санта-Круца не принесёт никакой пользы.

По просьбе нашей позволили нам на крепости Сант-Христоваль делать наблюдения и поверить хронометры, но как тогда солнце часто закрывалось облаками, то поверение хронометров было не самое лучшее.

Комендант сей крепости дон Жозеф-де-Монтеверде принял нас приязненно, он женат на родственнице российского генерал-лейтенанта Бетанкура.

Город Санта-Круц ныне один из лучших маленьких городов; улицы хорошо вымощены, городская площадь почти вся вымощена на подобие тротуара большими плитами, где по вечерам жители прогуливаются. Ныне не видно уже того множества монахов и развратных женщин, которые путешественникам здесь встречались; первых не видно потому, что архиепископ и инквизиция переселились на остров Канарию, и многие монахи померли от бывшей в 1810 году чумы. Вероятно от той же болезни уменьшилось и число развратных женщин, а особенно от принятых правительством строгих мер, препятствующих их размножению.

Площадь украшают мраморный крест и мраморное изображение богородицы с крестом в руках, явившейся по преданиям в приморском городе Канделарии; на подножии изображены гванчи, древние жители острова, принявшие христианскую веру, обращающие взоры свои на богородицу; всё сделано из лучшего белого мрамора, доставлено за дорогую цену из Генуи и посвящено городу санта-круцким уроженцем, купцом Монтаньего.

Монастырей здесь два: св. Франциска и св. Доминика. В первом только четыре монаха, а в другом шесть; они, как нам казалось, в бедном состоянии; число их не умножается, конечно, от того, что почти нет никаких для них пожертвований от жителей, пользующихся большею независимостью от духовенства, нежели в других испанских колониях.

Домы в Санта-Круце все построены из камня; нижняя часть из твердого, а верхняя из мягкого. Лучшие дома имеют крыши плоские, огражденные стенами в три фута вышины так, что самая крыша служит балконом в хорошую погоду, в Санта-Круце почти непрерывную; в дождливое время собирающаяся на крышах вода стекает по водопроводам в водохранилища, которые почти при каждом доме, дабы, в случае летней засухи, или повреждения труб, ведущих воду с гор, не терпеть в оной недостатка.

Жителей на острове Тенерифе полагают до 80 000. В городе Санта-Круце 9 000; почти все происходят от испанцев, ибо поколение древних гванчиев большею частью

истребилось, а остатки смешались с испанцами. Милиция на острове состоит из 4 000 человек. Мушины и женщины лучшего сословия одеваются по-европейски; из простого народа мушины носят куртки, а женщины белое толстое байковое покрывало, сверх которого надевают круглую мужскую шляпу; и в сем одеянии, с смуглыми их лицами, имеют вид неприятный.

В пребывание наше в Санта-Круце мы познакомились с городским майором⁴¹ дон Жуаном Меглиорина, который родом итальянец; он пригласил нас в свой кабинет натуральной истории, и мы рассматривали с удовольствием множество редкостей из всех частей света, собранное трудами Меглиорина; он весьма искусен в набивании чучел и все находящиеся в кабинете его звери и птицы набиты им. В числе многих редкостей более всех обратили наше внимание сохранившиеся мумии гванчей⁴² и несколько их черепов и других частей, случайно найденных в пещерах; глиняная посуда и жернова ими употребляемые также внимания достойны. По мумиям и разным частям, равно и по описанию Гумбольда, не можно заключить, что гванчи были большого роста.

Множество обгорелых веществ и лавы с пика и несколько птиц, перелетающих из Африки, составляли все, что Меглиорина мог собрать на острове Тенерифе. Ядовитых змей и других пресмыкающихся, по словам его, нет на острове.

Лошади, верблюды, ослы, рогатый скот всякого рода, свиньи, кролики и другие животные завезены испанцами. Для езды и возки тяжестей более употребляются ослы и верблюды, по причине утесов, чрез которые проложены дороги из Санта-Круца.

Вид с Санта-Круцкого рейда представляет зрителю остров Тенериф в самом невыгодном положении. Горы, окружающие город, голы; некоторые из оных к востоку остроконечны и совершенно бесплодны, разделены глубокими промоинами; все сие не обещает, кажется, никаких приятностей жизни для населяющих остров; но многие из наших офицеров, именно астроном Симонов, лейтенанты Обернибесов, Лесков, Анненков и Демидов, пользуясь данным им сроком на три дня, решились ехать в город Оротаву {В первом издании неправильно Аратова. -- Ред.}, дабы увериться в противном видимому с рейда. Они по возвращении сказывали, что долина Оротавская прелестная, изобилует всеми дарами природы; имели удовольствие видеть место, которое некогда принадлежало завоевателю острова Тенерифа, Иоанну Бетанкуру, а ныне во владении его потомков. Достойное удивления драконово дерево, растущее недалеко от поместья Бетанкура, обратило внимание наших путешественников, оно на десяти футах высоты от земли имеет тридцать шесть футов в окружности.

В Крыму, на даче генерал-майора Говорова, называемой Албат, находится дуб в полной высоте, и не менее сего дерева достоин удивления: на пяти футах от земли -- толщиною в окружности тридцать шесть футов. Сей дуб в особенности знаменит тем, что под тенью оного завтракали Екатерина II и римский император Иосиф во время путешествия их по Крыму.

В пятидневное наше пребывание в Санта-Круце ночью дул тихий ветер с берега, а с 6 часов утра свежий с моря от NO и продолжался во весь день, а к вечеру стихал.

Из учиненных нами наблюдений на рейде по выводам на шлюпе "Востоке" оказалась широта нашего якорного места $28^{\circ} 28' 30''$ северная, долгота средняя по трем хронометрам $16^{\circ} 12' 57''$, по расстоянию луны от солнца из шести выводов, в каждом по пяти расстояний, $16^{\circ} 17' 29''$ западная.

По выводам на шлюпе "Мирном", широта якорного места вышла $28^{\circ} 28' 25''$ северная. Долгота по Барродову хронометру $16^{\circ} 23' 45''$ западная. Из четырех выводов, по шести расстояниям каждый, $16^{\circ} 14' 30''$ западная.

Склонение компаса 20° к W.

Бедно выстроенная пристань не достаточна для покоя приходящих гребных судов: дующий в продолжение дня свежий ветер с моря производит волнение, отчего набережная города всегда омываема буруном и приставать неудобно. О температуре и перемене воздуха в Санта-Крузе в продолжение дня сообщаю среднее показание термометра и барометра из замечаний в четыре дня, ежедневно через шесть часов.

По термометру {По Реомюру. -- Ред.}. В полночь $17,45^{\circ}$, в 6 часов утра $17,75^{\circ}$, в полдень $20,22^{\circ}$ и в 6 часов пополудни $18,35^{\circ}$.

Самая малая перемена термометра была по ночам, разность от средней в течение суток была $0,15^{\circ}$. Самая большая перемена в полдень, разности от средней $1,18^{\circ}$.

По барометру⁴³. В полночь 30дю, 18. В 6 часов утра 30дю, 16. В полдень 30дю, 21, в 6 часов пополудни 30дю, 15. Самое высокое стояние в полдень, а самое малое в 6 часов пополудни.

19 сентября. Запасшись теми съестными припасами, которыми остров изобилует, долив все бочки свежеею водою, исполнив все, что нам к исполнению предстояло, 19-го числа в 9 часов утра, при затихающем маловетрии с берега, мы снялись с якоря и направили путь многим мористее острова Канарии, дабы ночью не заштилеть близ острова.

В час пополудни ветер задул от NO с такою силою, что мы шли по пяти миль в час.

В вечеру, в широте $28^{\circ} 1'$ северной, долготе $16^{\circ} 16'$ западной, при курсе на StW, найдено склонение компаса $20^{\circ} 12'$ западное.

20, 21 и 22 сентября. 20-го, 21-го и 22-го зыбь продолжалась от севера, при том же северо-восточном пассадном ветре мы имели хода по пяти с половиною и до семи миль в час. Путь наш направляли по западную сторону островов Зелёного мыса; 22 числа в 3 часа пополудни перешли северный тропик в долготе $21^{\circ} 0'$ западной и вступили в так называемый жаркий пояс. Теплота была в тени по термометру Реомюра в полдень 20° , в полночь $18,1^{\circ}$; ветер становился тише, и мы лишились удовольствия скорого плавания.

24 сентября. Сего утра первый раз показались рыбы бониты (*Scomber relamis*), которые старались предупредить ход шлюпа; одна ранена острогой, но к общему нашему сожалению, сорвалась с остроги, и мы лишились хорошей ухи. Вместе с раненой и прочие бониты отплыли от шлюпа. Продолжавшаяся хорошая погода высушила канаты, которые по ненадобности в оных до самой Бразилии я приказал

отвязать и убрать, для того чтобы концы понапрасну не гнили и чтобы в палубе было просторнее.

25 сентября. В полдень, находясь в широте $21^{\circ} 29'$ северной, долготе $23^{\circ} 15'$ западной, в первый раз увидели летучих рыб.

Я имел намерение во время плавания при пассадных ветрах переменить все стеньги и поднять запасные, которые, по просьбе моей, в Кронштадте сделаны были тремя с половиною футами менее настоящих. К исполнению сего мы имели самое удобное время, и как шлюп "Восток" был в ходу многим превосходнее шлюпа "Мирного", то я надеялся, что от работы не будет в плавании остановок; но чтоб при жарах работа была для служителей легче, разделил оную на 3 дня: в первый день переменяли крьюс-стенгю, во второй фор-стенгю, а в третий грот-стенгю. Паруса также убавлены и переменены. Все работы я производил в море, потому что при берегу всегда бывает много других.

26 сентября. В широте $16^{\circ} 9'$ северной, долготе $26^{\circ} 37'$ западной, мы определили склонение компаса $14^{\circ} 51'$ западное.

Перед полуднем по наблюдениям расстояния луны от солнца, по средним из трех выводов, долгота наша оказалась восточнее нежели по хронометрам No 722 на $10' 16''$, No 518 на $18' 22''$, No 2110 на $15' 44''$. При наблюдениях расстояния лейтенантом Лазаревым, на $10' 22''$ восточнее, нежели по хронометру No 920.

27 сентября. Продолжая путь по западную сторону островов Зелёного мыса, 27 прошли южную оконечность острова св. Антония в расстоянии ста миль; по примеру всех мореплавателей, я взял курс SSO $1/2$ O; мы видели утку, которая облетела наши шлюпы несколько раз, из чего должно заключить, что птицы сего рода отлетают от берега на сто миль, и вероятно, ещё далее. Бониты во множестве следовали за нами, мы их ловили удами, но не поймали ни одной; сила бонитов достойна удивления; они выскакивают из воды, гоняясь за летучею рыбою, которой, кажется, предназначено быть добычею в разных стихиях: в воде бониты их пожирают, а как скоро, желая спасения, вылетают из воды, фаэтоны (*Phaeton tethereus*) и другие птицы хватают их на лету. Многие неоднократно залетали ночью на руслини, где их по утрам находили.

29 сентября. С самого отбытия нашего из Тенерифа до 29 сентября продолжалось течение моря в SW четверть компаса, параллельно положению африканского берега, к востоку от нас лежащего. В продолжение сего времени только одни сутки шло на восток на десять миль. Течение на юг, параллельное к берегу, происходит от так называемого Флоридского течения (*Gulf-stream*). Пассадные ветры между двумя тропиками гонят воды Атлантического океана непрерывно от востока к западу, и, наконец, напирают на матерый берег Америки, где образуется Мексиканский залив; тогда воды сии, доходя до мыса св. Роквея44, принимают течение в NW четверть, параллельно берегу Южной Америки; но, проходя между островами Караибскими, Сан-Доминго и Ямайкою, между мысами Катош и св. Антония, входят в Мексиканский залив, и, наполняя оный, продолжают направление своё параллельно всем изгибам пространного сего залива; потом, обходя полуостров Флориду, прорываются в канал Багамский {Гумбольд нашел 80 миль течения в одни сутки.} и в параллель восточного берега Флориды идут к северо-востоку по направлению северо-восточного берега

Америки; проходя мимо Ньюфундландской мели и подкрепляясь течением реки святого Лаврентия, принимают направление к востоку, и, по мере отдаления от берегов, разливаются на подобие ветвей пальмового дерева. Северное стремление сих течений достигает западных берегов Ирландии, Англии и Шотландии; среднее идёт прямо к востоку, а южное, расширяясь, проходит между Азорскими островами к SO и параллельно западного берега Африки дополняет воды океана, угоняемые в северном полушарии северо-восточным, а в южном юго-восточным пассадными ветрами.

30 сентября. В полдень поймали на уду прожору, {Акулу. -- Ред.} а вместе с оною подняли на шлюп рыбу прилипалу (*Echeneis remora*); последние всегда держатся около первых, пользуются остатками их добычи, к ним присасываются, около них ищут своего спасения от других рыб, ибо ни одна не смеет приближаться к прожорам, которые при всей своей жадности до прилипал не касаются.

Зная, что прожору можно употреблять в пищу, я советовал служителям не гнушаться сим явством. Художник Михайлов нарисовал обе добычи, а штаб-лекарь Берх снял их кожу и приготовил для сохранения.

В сей же день видели мы склизковатое морское животное, называемое португальским фрегатом или морскою крапивою (*Physalia*); скорый ход шлюпа не позволил нам точнее рассмотреть сие животное, радужными цветами украшенное.

1 октября. Пассадный ветер от ONO стоял тихий. В продолжение ночи небо было светло, на юге висели густые тучи, иногда освещаемые зарницею. В 9 часов ветер усилился, и пошёл проливной дождь. Чтоб собрать более дождевой воды, приказано было растянуть шханечный тент, приготовленный на сей случай, и опустить пришитые к оному для стоку воды рукава, к которым привешены были ядра. Всем служителям велено выйти на верх, вымыть бельё. Мы собрали дождевой воды две бочки и десять анкерков, которую впоследствии употребляли для скота и птиц.

2 октября. В три часа утра ветер из NO четверти перешёл в SO; вместе с сим перервался на время северо-восточный пассадный ветер. Широта места нашего была северная $10^{\circ} 43'$, долгота западная $23^{\circ} 52'$. Термометр в полдень стоял на $22,95^{\circ}$; в полночь в открытом воздухе на $20,4^{\circ}$; в палубе, где спали служители, на $22,2^{\circ}$.

3 октября. Ветер, отходя постепенно, вновь задул от востока; курсом нашим мы продолжали переходить к югу 4,5 и до 7 миль в час.

4 октября. С полуночи к востоку слышен был гром; дождевые тучи с шквалами шли перед носом шлюпов и за кормой, но шлюпы оставались покойны; ночью мы видели в море весьма много фосфорического света, происходящего от множества малых как будто искр и больших светящихся глыб. Величественное явление сие поражает зрителя; он видит на небе бесчисленное множество звезд и море, освещенное зыблящимися искрами, которые по мере близости шлюпов становятся ярче и в струе за кормою образуют огненную реку. Тот, кто сего никогда не видал, изумляется и совершенно в восторге. Фосфорическое блистание происходит, как известно, от склизких морских червей (*Molusca*). Для поимания сих искр и больших светящихся шаров с кормы шлюпа опущен был на веревке в воду флагдучный мешок; выташили во множестве как больших, так и малых блестящих животных, из коих по особенному блистанию

обратила внимание наше пирозома (*Pugosoma*), длиною до семи дюймов, в диаметре от $1 \frac{3}{4}$ до $1 \frac{1}{2}$ дюйма, с одного конца закруглена, а с другого находится внутри отверстие, которое почти доходит до другого конца; снаружи наросты разной величины; животное сие кажется будто стеклянное, когда в воде в спокойном состоянии, иногда лишается света; спустя несколько времени с наростов начинает светить, наконец, всё принимает огненный вид, после того снова постепенно тускнеет, а при малейшем потрясении воды мгновенно блистание возобновляется. Все сии изменения происходят доколе животное не мертво, но потом блистание исчезает. Для опыта дали кошке съесть большую половину сего животного; кошка съела охотно и никаких последствий не случилось. Кажется, что и для людей не было бы вредно, но может быть и питательно.

В продолжение нашего плавания сетка для ловления сего рода морских животных всегда висела за кормою. Странно, что они тогда попадались, когда становилось темно, днем весьма редко могли их в воде видеть; из сего не должно ли заключить, что пирозомы (*Pugosoma*), имеющие сами свойство светить, убегают света солнечного или дневного, который, вероятно, для них несносен, и что по сей причине в продолжение дня спускаются в глубину, где свет не так сильно на них действует. Впрочем, я несколько распространился о сем потому, что на шлюпах наших мы не имели натуралиста, который, занимаясь одним делом, конечно бы, обратил на оное все свое внимание.

Сопровождавшие нас частые дождевые тучи с шквалами предвещали конец северо-восточного пассата; в 6 часов утра следующего дня, когда мы находились в широте северной $7^{\circ} 40'$, долготы западной $22^{\circ} 12'$, вместо пассатного задул тихий ветер из SO четверти.

5 октября. Ветр хотя и был попутный, но так тих, что в продолжение суток мы мало ушли вперед. Пользуясь тихою погодою, спустили ялик; Симонов и Парядин бросили лот с привязанным к оному термометром, купленным у профессора Нория45 в Лондоне. Перемена температуры воды оказалась следующая: на глубине 290 сажень $79 \frac{1}{2}$ по размерению Фаренгейта, на поверхности воды $82,5^{\circ}$, в тени 85° { $79 \frac{1}{2}^{\circ}$ по Фаренгейту составляет $26,4^{\circ} \text{C}$; $82,5^{\circ} \text{F}$ -- $28,16^{\circ} \text{C}$; 85°F -- $29,4^{\circ} \text{C}$. -- Ред.}.

Около полудня жар был до $24,5^{\circ}$ по разделению Реомюра, самый большой, какового мы до сего времени ещё не имели.

Хотя я предостерег Симонова, чтоб он не трогал руками морской крапивы (*Physalia*), однакож из любопытства он коснулся сего растения и почувствовал воспаление многим сильнее, нежели от береговой крапивы; на руке сделались белые пятна и чрезмерный зуд.

В двух милях от нас под ветром мы видели водяной столб и ясно могли различить пенящуюся около одного воду. Известно, что подобные водяные насосы разбиваются ядрами и что даже одно сотрясение воздуха, происходящее от действия пушечных выстрелов, достаточно, чтобы разрушить сие опасное явление.

6 октября. Перед вечером мы видели несколько фонтанов, пускаемых большими рыбами, роду китов.

В вытасненном флагдушном мешке, который был опущен в воду за кормою, нашли множество прозрачных шарообразных животных, имеющих свойство светить в темноте; они величиною были в диаметре до двух линий.

7 октября. С сего числа начались штили и маловетрие, обыкновенно близ экватора встречаемые. Мы находились в полдень в широте северной $7^{\circ} 14'$, долготе западной $22^{\circ} 11'$. Течение увлекло нас к NW десять миль. В тени в полдень на открытом воздухе термометр возвысился до $24,4^{\circ}$, в полночь на открытом воздухе до $21,3^{\circ}$, а в палубе, где спали служители, до $22,9^{\circ}$.

Такой жар в летнее время бывает и в Петербурге, но продолжается токмо несколько часов после полудня, а потом наступает прохладный приятный вечер. Напротив, здесь днём и ночью весьма мало разницы, даже самая вода на поверхности моря в вечеру иногда теплее воздуха, а по утрам воздух теплее воды; следовательно, среднее состояние оных почти равно, и потому невозможно нигде укрыться от сильного зноя, равного в воде и в воздухе, особенно при долговременных штилях, когда поверхность моря имеет весьма мало движения и наполнена многочисленными различных родов моллюсками (склизкими животными), которых гниение заражает воздух.

К тем местам, где мы ныне находились, пассадные ветры гонят облака с обоих полушарий: северо-восточный с северного полушария, а юго-восточный с южного полушария; облака, встречаясь, производят так называемые экваторные дожди (проливные), которые несколько прохлаждают воздух, а с тем вместе, крупными своими каплями, приводя в движение поверхность моря, частью прерывают совершенную оною неподвижность и сим благотворным действием отвращают гнилость.

8 октября. По наступлении штилей мы весьма тихо шли вперед; в полдень 8-го числа находились в широте северной $5^{\circ} 32'$, долготе западной $20^{\circ} 53'$.

В 6 часов пополудни опущен был в воду привязанный к лоту, сделанный на шлюпе (на подобие машины, коею достают воду с глубины) жестяной цилиндр с термометром внутри оною; по сему опыту оказалось, что на глубине 310 сажен температура воды 78° по Фаренгейтову термометру { 78°F составляет $25,6^{\circ}\text{C}$; $80,6^{\circ}\text{F}$ -- 27°C ; $82,2^{\circ}\text{F}$ -- $27,9^{\circ}\text{C}$. -- Ред.}; вода при теплоте $80,6^{\circ}$ имела удельный тяжести 1089,5; на том же месте с поверхности моря таковое же количество взятой воды, при температуре $82,2^{\circ}$, имела удельный тяжести 1088,3. При сем не излишним считаю заметить, что вода, вошедшая в цилиндр на глубине 310 сажен, при поспешном подъёме, проходя расстояние до поверхности моря, уже успела несколько нагреться, равно по несовершенству сего, собственно нашей работы цилиндра, могла войти в оную часть воды из меньшей глубины и тем сделать некоторую перемену в тяжести и температуре. Чтобы определить течение моря для удержания нашего ялика на одном месте, опущен был на 50 сажен глубины осьмиведерный медный котёл, и по измерению лагом течение оказалось к NO по девяти миль в сутки.

В продолжение штилей сделано несколько опытов, удостоверивших нас, что возможно достать воду бутылкою из глубины от тридцати до сорока сажен, ежели взять пустую портерную бутылку, закупорить хорошею пробкою, привязать к лоту и опустить в море до упомянутой глубины; при поднятии бутылки она будет наполнена

водою и крепко закупорена, с тою разностью, что пробка оборотится другим концом кверху. Флота генерал-штаб-доктор Лейтон поручил лейтенанту Лазареву сделать по сему испытание. Опустили закупоренную бутылку в глубину 200 сажень, но как бутылку закупорили слабо, то пробка выскочила на глубине. Сие побудило лейтенанта Лазарева возобновить опыт; он закупорил бутылку сам, на пробке вырезал крест с наружной стороны, холстиною вчетверо сложенною перевязал, опустил бутылку на 200 сажень; когда вытащили, она была наполнена водою, холстина сверху прорвана, а пробка на месте, но другим уже концом вверх обращенная, и так плотно, что едва могли вытянуть пробочником. Признаться, сначала сие приводило всех нас в недоумение, но после многих таковых опытов, деланных на разных глубинах, мы заключили, что теплый воздух, в бутылке находящийся, достигнув глубины, где вода многим холоднее, сжимается, и сим действием всасывает пробку внутрь бутылки, которая наполняется холодною водою, а при поднятии её, по мере действия теплейшей температуры воды, холодная вода, в бутылке нагреваясь, требует более пространства, принуждает пробку войти в прежнее свое место; и как нижний её конец тонее верхнего, занимает в горле бутылки менее пространства, то пробка, повернувшись, удобнее идёт вверх нижним её концом.

Повторяя опыты на разных глубинах океана, мы удостоверились, что сие всегда последует с бутылкою, таким образом опущенною от тридцати до сорока сажень, а менее тридцати сажень сего не случится.

В малых морях, где температура воды в разных глубинах относительно к температуре поверхности имеет другое содержание, нежели в океане, мы не делали подобных опытов, но, вероятно, и там тоже окажется, ежели бутылку опускать на глубину более или менее означенной. Таковые опыты, хотя с первого взгляда покажутся маловажными; но в последствии послужить могут к важным открытиям, подобно упавшему с дерева яблоку, которое подало великому Невтону мысль о системе всеобщего тяготения.

9 октября. Приближаясь к тому месту, где французские мореплаватели в 1796 году будто бы нашли мель, которая и означена на карте, изданной Пурди 46 в широте 4° 52' 30" северной, долготе 20° 30' западной, я почёл за нужное исследовать, существует ли сия мель и определить её положение, и мы удостоверились, что существует только на карте; оба шлюпа при благополучном ветре, проходя прямо чрез сие место, и остановясь в дрейфе, бросали лот, но на 90 саженьях глубины дна не достали, а притом не видно было и в цвете воды перемены, которая обыкновенно усматривается там, где существуют мели.

Многие таковые банки и камни назначены на картах по близости экватора, но в самом деле их нет и потому Аровсмит, гидрограф в Лондоне, во вновь изданных картах весьма благоразумно сделал, что большую часть оных не назначил.

10 октября. Сегодня прошло мимо нас американское трехмачтовое судно, которое направляло курс в Америку. Мы несли мало парусов, ибо поджидали шлюпа "Мирного", довольно далеко от нас оставшего. Три дня ветер был тихий, переменный, сопровождаемый частыми дождевыми тучами.

12 октября. Нам удалось застрелить несколько близ шлюпа летевших малых бурных птиц, называемых погодовестниками (*Procelarria relagica*); полёт их сходствует с полетом ласточки; цвет перьев вообще чёрный, выключая белого пятна в полтора дюйма выше хвоста; верхний клюв на конце немного загнут, а сверху дудчатая разделённая ноздря; ноги чёрные с жёлтыми плавилками. Погодовестники величиною почти с ласточку; название их получили от того, что появление их около судов служит признаком наступающей бури; мы однако заметили противное: когда сии птицы окружали наши суда, -- по большей части наступало безветрие, продолжающееся не малое время. Мы застрелили несколько погодовестников, сняли шкурки и старались сберечь до возвращения нашего в Россию. Штаб-лекарь Берх на шлюпе "Востоке", а медико-хирург Галкин на шлюпе "Мирном", с удовольствием приняли на себя в течение всего путешествия сбережение подобных редкостей.

13 октября. Ветр часто переменался от SOtS и StW, лили дожди, от юга была большая зыбь, что предвещало скорое наступление южного пассата. Береговые ласточки нас провожали, питались около шлюпов мошками, садились ночью на веревки и нередко залетали в самые офицерские каюты. Ближний берег находился от нас в расстоянии шестисот миль. Следовательно, по сим птицам нельзя заключить о близости берега.

В продолжение штилей, мы имели течение с разных сторон, из чего видна неправильность оною, происходящая от ветров, господствующих неподалеку сего места, по причине направления африканского берега (который был самый близкий к нам) и от неровности морского дна.

Доколе шлюпы находились в сей штилевой полосе, что продолжалось двенадцать дней, мы имели гром, молнию и зарницу почти ежедневно.

По причине безветрия виндзейли весьма мало очищали воздух в шлюпах и потому на обоих через день разводили огонь в палубах; средство сие необходимо должно употреблять около экватора во время штилей, ибо сырость бывает так велика, что обувь, хранящаяся в палубе и в офицерских каютах, покрывается зеленью в двое суток.

Ют, шканцы, росторы и бак в продолжение дня в жарком климате были защищаемы от солнечного зноя, с самого утра до ночи, растянутыми тентами.

14 октября. 14-го числа в полдень, когда мы достигли широты северной $3^{\circ} 10'$, долготы западной $19^{\circ} 19'$, штили и переменные ветры кончились; сначала настал тихий южный ветер, по мере приближения нашего к экватору постепенно увеличивался и отходил к востоку.

Из северного пассатного ветра мы вышли в широте северной $7^{\circ} 14'$, южный же встретили в широте северной $3^{\circ} 10'$, следовательно линия равновесия температуры воздуха обоих полушарий была тогда в широте северной $5^{\circ} 12'$.

Когда капитан Крузенштерн проходил близ сего же места, равновесие температуры было в широте северной $4^{\circ} 45'$, а капитан Головин на шлюпе "Диане" нашёл оное в широте $4^{\circ} 1'$ северной.

В некоторых путешествиях, совершённых в разные времена и в разных частях экваторной полосы, места равновесия в температуре означены так, что покажутся неправильно расположенными; но проведённая посередине оных линия определит место равновесия температуры воздуха обоих полушарий.

15 октября. Штили, жары, дожди, громы и молния нам наскучили. Наконец, мы были обрадованы наступлением южного пассадного ветра, который, прохладя воздух, всех освежал и оживил надеждою, что скоро, оставим сии знойные и утомляющие места. С полудня находили тучи при проливных дождях. Около шлюпа на поверхности воды плавало множество моллюсков прекрасного синего цвета, подобного синей фольге; они длиною до 2 1/2, шириною в 1 1/2 дюйма; на середине верхней части прозрачная хрусталевидная, перпендикулярно поставленная наискось перепонка, как будто парус; нижняя часть моллюска представляет эллипс, обложенный синего цвета мохрами; в середине видны малые желтоватые соски, и около сего места тело вогнуто наподобие рыцарского шлема. Мы их признали за животных, которых путешественник Перон называет *Velelea scaphilia*.

17 октября. До полудня, находясь в широте северной 0° 41', долготе 20° 52' западной, определили склонение компаса 14° 9' западное, курс был на SSW 1/2 W. Ветр установился свежий от SO; мы несли марсели во всю стеньгу. Тучи дождевые набегали одна за другою.

18 октября. В 10 часов утра перешли экватор в долготе 22° 19' 56" западной, по двадцатидевятидневном плавании от острова Тенерифа. Большая часть мореплавателей согласны с капитаном Ванкувером, что лучше перейти экватор около 28° западной долготы, ибо в сей долготе нет штилей, господствующих поблизости африканского берега; при том же, проходя сим меридианом, можно ещё достаточно итти на ветре бразильского берега.

На шлюпе "Востоке" был только я один, проходивший экватор, и следуя общему всех мореплавателей обыкновению, почерпнутою с южного полушария морскою водою окропил офицеров и учёных, дабы, так сказать, познакомить их с водами южного полушария.

Комиссар, над коим вместе с прочими совершён сей обряд, исполнил тоже над командою, с тою только разностью, что, вместо капель, выливаема была полная кружка воды в лицо каждому. Все с удовольствием подходили к комиссару, и в ознаменование перехода в южное полушарие я велел раздать по стакану пунша, который пили при пушечных выстрелах.

Обыкновение особенным образом торжествовать переходы экватора, хотя кажется маловажным и совершенно детскою забавою, однако производит большое действие на мореплавателей. Скучный и единообразный путь между тропиками разделён экватором на две части; достигнув экватора, мореплаватель радуется, что совершил половину сего пути, празднует и начинает снова вести счёт дням, забывая прошедшие. Остальная часть плавания кажется ему не столь продолжительною; он не вспоминает о протекших скучных, томительных знойных днях, приятные чувствования удовольствия способствуют сохранению здоровья мореплавателей.

Состояние атмосферы на самом экваторе было следующее: 18-го в полдень ртуть в тени возвышалась до $21,5^{\circ}$, по утрам в 6 часов до $20,2^{\circ}$, в полночь до $19,9^{\circ}$, в палубе, где спали служители, $21,6^{\circ}$. Здесь должно заметить, что самый большой жар бывает не на самом экваторе, где южный пассадный ветер, проходя далее, прохладждает воздух. Сильнейший жар в полосе штиля между северными и южными пассадными ветрами; ртуть в Реомюровом термометре поднималась до $24,5^{\circ}$. 5 октября в широте северной $7^{\circ} 14'$; ночью никогда жар не превышал $21,5^{\circ}$.

От самого экватора мы направили курс к мысу Фрио. Как скоро южный пассадный ветер начал несколько прохладчать воздух, мы принялись за работы и между прочим снаружи конопатили шлюпы; для работы избирали такое время, когда люди могли производить оную в тени. По приближении к мысу Фрио, оба шлюпа были как снаружи, так и в палубе выконопачены, снова выкрашены, кроме бадхоута, ибо на ходу невозможно было повесить стелюг так, чтоб люди могли красить, не подвергая себя опасности упасть в воду.

Таковые работы мы производили во время плавания более для того, чтоб по прибытии в порт иметь оных менее и тем облегчить служителей.

В продолжение сего времени постоянная прекрасная погода доставила нам удобный случай заниматься астрономическими наблюдениями. Офицеры. Завадовекий, Торсон, Лесков, Демидов и астроном Симонов производили наблюдения секстаном работы известного мастера в Лондоне Траутона, и я употреблял таковой же секстан; штурман Парядин и его два помощника секстаном работы Долонда, лейтенант Игнатъев и гардемарин Адамс секстанами работы Стевинга, компасного мастера в Портсмуте; сверх того у нас было еще два окружных инструмента, но по тяжести их оставались без употребления. На шлюпе "Мирном" офицеры Лазарев, Обернибесов, Анненков, Новосильский имели секстаны мастера Траутона, а мичман Куприянов -- мастера Берджа, штурман Ильин и его два помощника -- мастера Долонда. Кроме двух стевинговых секстанов, разделенных чрез 20 секунд, на всех прочих разделение было чрез 10 секунд; сверх сего у лейтенанта Лазарева оставался без употребления секстан мастера Бенкса, сделанный по образцу траутонова.

На обоих шлюпах, исключая лейтенанта Лазарева, капитан-лейтенанта Завадовского и меня, до сего путешествия никто из наших офицеров не имел случая заниматься астрономическими наблюдениями, но в бытность нашу в Лондоне, каждый купил себе самый лучший секстан и все старались превзойти друг друга как в знании и точной проверке своих инструментов, так и в измерении расстояния луны от солнца, и не дошед ещё до Рио-Жанейро, все сделались хорошими наблюдателями. Лейтенант Лазарев особенно похвалял искусство мичмана Куприянова. На шлюпе "Востоке" лейтенант Игнатъев, по приключившейся ему болезни, лишён удовольствия заниматься наблюдениями.

27 октября. При свежем юго-восточном пассадном ветре мы успешно переменяли своё место; 27-го в полдень были в широте южной $15^{\circ} 38''$, долготе $33^{\circ} 32'$ западной; с сего времени ветер отходил к востоку, по мере приближения нашего к бразильскому берегу.

Течение моря с 15-го, когда задул южный пассадный ветер, имело направление от SO к NW по двадцати миль в сутки; потом, когда мы перешли 16° южной широты, приняло направление вдоль бразильского берега к югу по шести миль в сутки: от острова Тенерифа до Бразилии течение по счислению на обоих шлюпах было следующее: по счислениям на шлюпе "Востоке" $NW 64^{\circ} 51' 24''$ -- 9 миль в сутки; на шлюпе "Мирном" $NW 29^{\circ} 19' 24''$ -- 6 миль в сутки.

Средний румб из обоих счислений $NW 47^{\circ} 05' 24''$, 7 миль, а в продолжение сорока трех дней -- по пяти миль в сутки. Как течение сие происходит от постоянных пассадных ветров, то по справедливости можно назвать оное пассадным; наполняя вест-индские воды и Мексиканский залив, оно производит вышеупомянутое Флоридское течение.

29 октября. Ветр отошёл к ONO и дул свежее прежнего; ходу было от семи до осьми миль в час; мы тогда находились на высоте каменьев Абролгос.

30 октября. По утру в 7 часов, когда прошли параллель Колвадо47, ветер задул от севера с тою же силою. В полдень находились в широте $20^{\circ} 54'$ южной, долготе $37^{\circ} 25' 41''$ западной. К осьми часам ветер совершенно стих. В 9 часов задул слабый от SSO с пасмурностью, а в исходе десятого часа набежал сильный шквал с дождём со стороны ветра, который дул порывами, что и принудило нас взять рифы у марселей, потом закрепить оные и спустить бом-брам-реи, брам-реи и брам-стенги.

В 11 часов ночи, дабы показать место шлюпов, на обоих сожжено по фальшфейеру; мы узнали, что шлюп "Мирный" позади нас в одной миле.

31 октября. Ветр крепкий продолжался до шести часов утра 31-го, мы прибавили парусов; в полдень находились по наблюдению в широте $21^{\circ} 19' 29''$ южной, долготе $38^{\circ} 45' 30''$ западной.

1 ноября. Ветр продолжался противный, но умеренный, при зыби, идущей от юга. В 8 часов глубины оказалось 30 сажен, грунт мелкий песок. В полдень, по наблюдению, широта места нашего была $22^{\circ} 1' 16''$, долгота $40^{\circ} 24' 22''$, глубина по лоту 28 сажен, грунт жёлто-серый рыхлый песок. С полудня до четырех часов продолжалось совершенное безветрие; с четырех часов настал ветер тихий от OSO, и мы могли продолжать курс к SW. В 6 часов увидели в мрачности на $NW 66^{\circ}$ мыс Томас на бразильском берегу.

Благоприятная погода позволила нам 29, 30 октября и 1 ноября измерять расстояние луны от солнца. Таковых расстояний измерено наблюдателями Завадовским, Симоновым, Парядиным и мною 410, и долгота места нашего оказалась несколько западнее, нежели по хронометру под No 518.

2 ноября. Ночь была светлая, мы шли на SWtS по пяти миль в час; в пять часов утра переменили курс на W, чтоб обойти мыс Фрио, который с моря открывается двумя холмами, и в середине оных лошина, отчего из дальнего расстояния мыс кажется двумя островами.

От сего места держали вдоль низменного песчаного берега к Рио-Жанейро. Впоследствии времени по хронометрам оказалась разность долготы между

меридианами мыса Фрио и Рио-Жанейро $1^{\circ} 11' 30''$. Мы имели у себя книгу под названием "Лоция Бразилии" и по сей "Лоции" узнали наклонную гору, называемую Сахарною головою⁴⁸, образующую западную сторону входа в залив. Подошед несколько ближе, увидели крепость Санта-Круц на восточной стороне входа в залив. В 5 часов пополудни с крепости кричали к нам в большой рупор на португальском языке, но как у нас не было никого, понимающего по-португальски, то мы отвечали по-русски, что вероятно и вопрошающим было непонятно. Пройдя крепость Санта-Круц, продолжали плавание, оставя в левой руке малую крепость, называемую Далагея⁴⁹, выстроенную на небольшом острове. С первой крепости приехал к нам офицер на катере. Взошед на шлюп "Восток", сделал несколько вопросов: откуда? куда? сколько дней в море? Мы ему объявили, что шлюпы наши назначены для изыскания, относящихся до мореплавания, зашли сюда для того, чтобы запастись водою и освежить служителей. Все сие присланный записал для донесения начальству.

В половине 7-го часа положили якорь подле Крысьего острова⁵⁰, на глубине пятнадцати сажен, имея грунт ил. Город Санта-Круц находился от нас на SO 32° , Сахарная голова на SO 7° , середина крепости Дос-Ролес на SW 44° . Сего же вечера спустили все гребные суда. Шлюп "Мирный" стал на якорь подле шлюпа "Востока".

Мы весьма обрадовались, увидя в Рио-Жанейро шлюпы "Открытие" и "Благонамеренный", которые двумя днями после нас отправились из Портсмута и одним днем прежде нас пришли в Рио-Жанейро; сие последовало от того, что капитан-лейтенант Васильев никуда не заходил, а мы пробыли пять дней у острова Тенерифа.

Сир Томас Гарде⁵¹, начальствующий над двумя английскими кораблями "Супербом" и "Ванжером"⁵², прислал лейтенанта поздравить нас с прибытием и предложить свои пособия для получения воды и дров; он знал уже, откуда можно получить сии потребности. По пребыванию министра нашего в Рио-Жанейро мы были уверены, что получим все нужное, а потому благодарили Гарде за его приятное предложение.

Вскоре приехал с португальского линейного корабля "Иоанна VI", от контр-адмирала конте де-Виено, офицер поздравить нас с прибытием; подобно приехавшему из крепости Санта-Круца, делал те же вопросы. Потом посетил нас с берега российский вице-консул Кильхен; он нам с первого взгляда показался человеком услужливым. Ему поручено было, во время пребывания нашего здесь, ежедневно снабжать суда свежим мясом, зеленью и фруктами.

3 ноября. В 7 часов приехал на шлюп "Восток" наш генеральный консул коллежский советник Лангсдорф⁵³; увидя его, я сердечно обрадовался. Трехлетнее мое с ним знакомство на шлюпе "Надежде", в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах, во время плавания кругом света, когда он служил натуралистом, произвело между нами искреннюю дружбу. Лангсдорф, по должности своей, равно и по дружбе ко мне, обещал усердно способствовать удовлетворению всех наших потребностей.

В 10 часов утра я с лейтенантом Лазаревым отправился на берег, где коляска, нанятая вице-консулом Кильхеном, ожидала нас у пристани. Она была на двух больших колесах и запряжена двумя мулами, из коих на одном сидел верхом проводник или кучер; мы вышли на берег у самого дворца и сели в коляску; проводник хлопнул бичом, и мулы помчали по узеньким нечистым улицам. По прибытии к министру

нашему генерал-майору барону де Тойль-фон-Сераскеркину мы были им весьма ласково приняты; он предложил всевозможные услуги и поручил вице-консулу удовлетворить нашим требованиям.

Между тем под надзором капитан-лейтенанта Завадовского на шлюпе "Востоке" производилась работа. Оба шлюпа поставили фертоинг; после чего все служители мыли свое белье, одеяла, платье, палубы, и, наконец, сами мылись.

Следующего дня, по желанию моему, генеральный консул Лангсдорф выпросил нам позволение для поверки хронометров расположиться на небольшом каменном островке, называемом Крысий, по близости которого мы стояли на якоре. Палатки были там поставлены того же дня. Астроном Симонов и данные в помощь ему гардемарин Адамс и артиллерии унтер-офицер Корнильев переселились на сей остров. Следующего дня установили инструмент прохождения, но на первый раз не так удачно; сделанное возвышение из чугунного корабельного балласта с наложенною сверху деревянную доскою, хотя астрономом Симоновым было хорошо укреплено, но дерево от солнечных лучей коробило, а от сего инструмент переменял положение; хронометры были поверяемы по двум равным высотам и по полудню.

Залив Рио-Жанейро (Rio-Janeiro), т. е. река Иануария получил сие название при обретении оною Диасом де-Солисом в 1525 году в день святого Иануария. Залив сей с первого взгляда походит на реку, и потому, хотя залив, назван Рио-Жанейро.

На западном берегу залива на низменности построен город Сант-Себастиан. Низменность сия прилегает к высоким крутым горам, обросшим лесом. Город, хотя расположен довольно правильно, но улицы большею частью узкие; есть несколько хороших площадей и домов в два этажа; в нижнем лавки или мастерские, как то: столярные, купорные, сапожные, портные, шлифования камней, серебряных и золотых дел и прочее. В верхних этажах покои для живущих в домах. Сор и всю нечистоту бросают прямо на улицы; по вечерам, когда смеркается, невозможно ходить близ домов, не подвергаясь неприятности быть облиту с верхнего этажа; в городе вообще видна отвратительная неопрятность. Все вершины холмов заняты монастырями, украшающими наружный вид города. Можно сказать, что едва ли не одни монахи пользуются здесь свежим здоровым воздухом и наслаждаются приятными видами с высот. В нашу бытность мы почти ежедневно на улицах и в церквах встречали церковные ходы, в коих народ толпится; судя по сему, невольно приезжий иностранец заключит о склонности здешних жителей к праздности. Общественных учебных заведений в городе нет; воспитанием детей занимаются по большей части монахи. Хорошо выстроенный театр -- одно место, куда публика собирается.

Вдоль берега по обе стороны города представляется взору множество загородных домов с садами, а чрез залив по другую сторону на берегу видны строения в некоторых только местах. Перед городом два острова; на одном⁵⁴ крепость, где хранятся Адмиралтейству принадлежащие припасы и подымается портовый флаг; другой остров, называемый Крысий, состоит из гранита. Город Рио-Жанейро уже давно построен, а по открытым в близости оною в 1730 году алмазным копиям обратил особенное внимание правительства, и с того времени почти всегда был местом пребывания вице-роя {Вице-короля. -- Ред.}.

Здесь находится несколько лавок, в коих продаются негры: взрослые мужчины, женщины и дети. При входе в сии мерзостные лавки представляются взорам в несколько рядов сидящие, коростою покрытые негры, малые наперед, а большие позади. В каждой лавке неотлучно находится один из португальцев, или из негров прежних привозов; должность такового надзирателя состоит в том, чтоб стараться представить сих несчастных в лучшем и веселом виде, когда приходят покупщики. Он держит в руке плеть или трость; по сделанному знаку все встают, потом скачут с ноги на ногу, припевая плясовые песни; кто же из них, по мнению продавца, не довольно весело смотрит, скачет или припевает, тому он тростью придает живости. Покупщик, выбрав по желанию своему невольника, выводит его из рядов вперед, осматривает у него рот, ощупывает все тело, руками колотит по разным частям, и после сих опытов, уверясь в крепости и здоровье негра, его покупает. При нас продан один за 200 талеров испанских. В женской лавке все расположено в том же порядке, но с тою разностию, что прикрывают негритянок спереди небольшим лоскутком синего сукна, а у некоторых были прикрыты и груди. В лавку вошли вместе с нами старуха и молодая барыня; они повидимому были португалки. Торгуя одну молодую негритянку, осматривали у нее рот, подымали руки и двигали с грудей лоскут; наконец ощупала старуха обеими руками и живот; видно, что цена, назначенная хозяином, была слишком высока, и они, не купив сей негритянки, пошли в другую лавку. Осмотр, продажа, неопрятность, скверный запах, происходящий от множества невольников, и наконец варварское управление плетью или тростью, все сие производит омерзение к бесчеловечному хозяину лавки.

Португальцы в бытность нашу в Рио-Жанейро надеялись, что прекращение торговли невольниками еще отсрочится; они с малолетства, видя ежедневно подобные зрелища, унижающие человечество, так привыкли к оным, что смотрят бесчувственно; сему способствуют большая от такового торга выгода и нужда е работников для плантаций, которые с прибытия короля из Португалии весьма распространились. В нашу бытность приехали два француза, имея намерение заниматься кофейными плантациями. Великие выгоды и надежда разбогатеть привлекают людей и с небольшими деньгами. Григорий Иванович Лангсдорф рассказывал, что таковых выходцев в короткое время наехало множество. Число жителей в Рио-Жанейро полагают около 80 000.

Король⁵⁵ выписал колонистов из Швейцарии на весьма выгодных для них условиях. Им дают земли, скот и проч. нужное. При нас прибыло из Европы одно гамбургское судно, на котором отправилось в путь 400 человек, но дорогою умерло 130. Король был весьма недоволен сим происшествием. Ежели бы для первых поселенцев употребили военные или купеческие пространные суда, на коих можно иметь достаточно пресной воды и свободно дышать чистым воздухом, сего бы не случилось; колонисты принесут Бразилии великую пользу разведением картофеля, луку, чесноку и всех огородных овощей, также скотоводством и деланием масла, размножением европейских садовых плодовых деревьев и проч. Коренные жители сим весьма мало занимаются, и означенные плоды и растения получают от европейцев, особенно от англичан, покупая дорогою ценою. Бразильцы более пекутся о размножении плантаций кофейных, сахарных. Посаженные кофейные деревья на четвертом году приносят плод, и каждое таковое дерево, круглым числом в год доставляет франк или рубль.

Плантации кофейные расположены на косогорах и обрабатываются неграми. На каждые три тысячи дерев полагают одного негра. Сии невольники питаются маниоком⁵⁶, бобами, сушеным мясом; платье получают весьма редко.

Вице-консул Кильхен доставил нам случай видеть путешественниками перевозносимый водопад в шестнадцати милях от Рио-Жанейро. С утра верховые лошади и кареты были приготовлены; собрались все офицеры и ученые и несколько из городских жителей. Мы ехали весьма весело, то по обработанным прекрасным местам, то по крутым лесистым горам, имея иногда с одной стороны горы, а с другой пропасти. За 5 или 6 миль до водопада, по крутой и худой дороге в каретах далее ехать было невозможно, почему и надлежало идти пешком. Сильный жар и трудность спускаться и всходить с горы на гору нас утомили; наконец все в разное время, один за другим, так сказать, притащились к трактиру, в полмили от водопада; освежась лимонадом, мы пошли вместе узкою тропинкою, ведущею по косогору к водопаду, коего шум слышен был уже издали. Появление самого водопада, скрывавшегося от глаз наших доколе мы к нему не приблизились, быстро бегущие воды по крутым порогам в разных направлениях между большими камнями на пространстве осьмидесяти фут и наконец стремительное падение их в обширную равнину, по которой, извиваясь, теряются в неизмеримом океане вдали синеюшемся -- все сие поразило наши чувства тем сильнее, что высокие горы, с обеих сторон водопада вздымающиеся, препятствуют зрению видеть другие предметы; на одной из скал и на плите, вместо стола служашей, во множестве начертаны имена посещавших сие место, между которыми мы нашли наших соотечественников -- капитана Головина и других офицеров и начертали имена свои.

Заказанный вице-консулом Кильхеном и к водопаду на плечах негров доставленный обед особенно был вкусен после усталости. Между тем художник Карнеев, живописец отряда капитан-лейтенанта Васильева, снял вид водопада.

На обратном пути мы часто отставали друг от друга, потому что некоторые были верхом, а другие решились пройти сию трудную дорогу пешком. Я ехал верхом, а лейтенант Лазарев хотел непременно идти пешком, и за то, когда надлежало подыматься на гору, он принужден был держаться за хвост моей лошади, дабы взойти с меньшим трудом.

Прошедши пять или шесть миль, сели в кареты, доехали до города, где ожидали нас катера, и мы отправились на шлюпы.

9 ноября. Министр наш представил королю Иоанну VI начальников судов: Васильева, Шишмарёва, Лазарева и меня и генерального консула Лангсдорфа. Король был в загородном дворце, к которому дорога проложена через болото. При входе в комнату, где стоял король, следуя Г. И. Лангсдорфу, коему известны были обычаи двора бразильского, мы сделали все поклон в пояс, прошел несколько шагов, -- другой поклон и потом третий; король удостоил меня несколькими вопросами о Рио-Жанейро, о рейде, о намерении нашего плаванья, и, после обыкновенных приветствий, поклонился, и мы кланялись в пояс, и отступали назад не оборачиваясь спиною, а король, идучи от нас, при каждом разе поворачивался для принятия поклона. Подобные поклоны я видел, когда был на судне "Надежде" в Нагасаки в 1804 году. Японцы привели чиновников голландской фактории и двух капитанов судов на "Надежду", и по приходе в каюту сказали им: "Complement for de grote Herr" (поклон

знатному господину). После чего они поклонились в пояс японскому офицеру. Находясь довольно долгое время в сем положении, один из них, доктор фактории, спросил у переводчика: "Kanik up?" (могу ли приподняться?). Переводчик кивнул головою в знак согласия и все выпрямились.

Кратковременное наше пребывание в Рио-Жанейро, большие на шлюпах приготовления к новому походу, незнание природного здешнего языка, не позволяли мне сделать подробных замечаний и я упомянул только о том, что нам случилось видеть.

20 ноября. 20-го привезли на шлюпы всё, что консул Кильхен, по просьбе моей, заготовил для дальнейшего нашего плавания, а именно: два быка, сорок больших свиней и двадцать поросят, несколько уток и кур, ром и сахарный песок, лимонов, тыкв, лук, чеснок и другую зелень, собственно для служителей потребную.

Сего же дня с Крысьего острова перевезены обратно на шлюпы хронометры.

21 ноября. Ходы хронометров в Рио-Жанейро оказались: No 2110 впереди среднего полудня, 2 ч. 22 м. 14,86 с. и ежедневно уходил на 2,514 с; No 518 впереди среднего полудня, 3 ч. 1 м. 39,36 с. и ежедневно уходил на 6,748 с.

No 922 хронометр Баррода был впереди среднего полудня 2 ч. 40 м. 14,35 с. и ежедневно отставал на 7,487 с.

Нам надлежало только принять для быков и баранов сено, которое обещал доставить консул Кильхен, и привести к окончанию наши счёты; для исполнения сего лейтенант Демидов по утру отправлен в город.

Ветр в Рио-Жанейро по большей части ночью дует из залива тихий до восьми и девяти часов утра, потом штилет, с десяти или одиннадцати часов делается свежий с моря и продолжается до захождения солнца, а к ночи вновь штилет; посему почти все суда, дабы удобнее и безопаснее выйти в море, исполняют сие в два перехода: первым приближаются к выходу, а последним на другое утро выходят в море. Следуя таковому правилу, мы поутру 21-го снялись с якоря, пользовались сначала тихим попутным для нас маловетрием, а после 10 часов, когда ветер начал дуть с моря, лавировали и близ выхода в море на глубине четырнадцати сажень, где грунт мелкий песок с илом, положили якорь.

Поздно к вечеру лейтенант Демидов возвратился на шлюп с вице-консулом Кильхенем, с которым мы и кончили все счёты. Сено на оба шлюпа к вечеру было доставлено. После сего прекратили сношения с берегом.

Глава третья

Отбытие из Рио-Жанейро. -- Плавание по южную сторону острова Георгия. -- Обретение островов Маркиза де-Траверсе. -- Плавание по восточную сторону Южных Сандвичевых островов. -- Плавание в Южном Ледовитом океане.-- Прибытие в Порт-Жаксон.-- Плавание шлюпа "Мирного" во время разлуки с шлюпом "Востоком".-- Пребывание в Порт-Жаксоне.

22 ноября. В 6 часов утра, при маловетрии между 5 и О, я приказал сняться с якоря и в 8 часов мы прошли между крепостью Санта-Круц и горою, называемую Сахарная голова. В 10 часов ветер настал с моря обыкновенный дневной, при котором мы не могли пройти выше или восточнее острова Резерса, и, не зная прохода между островов Резерса и Круглого⁵⁷, я приказал поворотить на правый галс к бразильскому берегу; в 11 часов опять поворотили и сим курсом уже прошли в расстоянии на полмилю выше острова Резерса, которого широта $23^{\circ} 5' 18''$. Когда оба шлюпа вышли из тесных мест, мы направили плавание на юг к острову Георгия, теми путями, где мореплаватели Лаперуз, Ванкувер и Колнет искали острова Гранде, обретенного в 1765 году Антонию де-Ла-Рошем в широте южной 45° {"Chronological History of the Voyages and Discoveries in the South Sea or Pacific Ocean", part III, p. 398, by admiral James Burney, 1803--17.}. Место сего острова поныне на картах переменяют. В 4 часа ветер засвежел; взяли у марселей по рифу, спустили бом-брам-реи и бом-брам-стенги; к вечеру развело большое волнение; взяли ещё по рифу и закрепили крюсель. Ночью сожгли по фальшфейеру, чтоб показать свои места. Шлюп "Мирный" находился позади нас.

23 ноября. В 5 часов утра ветер при небольшом дожде несколько смягчился, и мы поставили все паруса. В полдень находились в широте $25^{\circ} 39' 49''$ южной, долготе $43^{\circ} 23'$ западной; в 6 часов в широте $26^{\circ} 10'$, долготе $43^{\circ} 21'$, нашли склонение компаса $4^{\circ} 36'$ восточное. Ночь была ясная, и мы продолжали плавание прямо на юг.

24 ноября. В 9 часов утра 24-го легли в дрейф; я велел спустить ялик и послал на шлюп "Мирный" лейтенанта Лескова пригласить священника и лейтенанта Лазарева на шлюп "Восток". В 10 часов лейтенант Лесков возвратился и с ним приехали священник, лейтенант Лазарев, медик-хирург Галкин, лейтенант Анненков и мичман Новосильский. Вскоре началась обыкновенная молитва и молебствие о испрошении благополучного и успешного окончания предлежащего нам плавания.

После сего я приказал лейтенанту Лазареву принять на шлюп "Мирный" жалование на двадцать месяцев и на такое же время порционных денег, дабы в случае какого-либо несчастья со шлюпом "Востоком" офицеры и служители "Мирного" не оставались без удовлетворения, а на случай разлучения с нами дал лейтенанту Лазареву предписание в следующих словах:

"Приступая к исполнению возложенного на меня поручения, прошу вас с вверенным вам шлюпом "Мирным" в дурные погоды держаться в расстоянии пяти кабельтовых в кильватере, а во время туманов ближе к шлюпу "Востоку"; напротив, в хорошую погоду

на траверзе в расстоянии четырех, шести и осьми миль, дабы нам пространнее обозревать горизонт. В ночное время, когда на шлюпе "Востоке" будет поднят фонарь, тогда и на "Мирном" поднять фонарь на том месте, откуда оный должен быть виднее. Может случиться, что суда, назначенные производить плавание вместе, разлучатся, и, как сему почти всегда бывает кто-нибудь виною, то прошу вас внушить вахтенным лейтенантам быть крайне бдительными. Когда же неожиданно последует разлука, тогда искать друг друга три дня на том месте, где в последний раз находились в виду один другого и производить пальбу из пушек; ежели и после сего не встретимся, то старайтесь поступать по инструкции, мне данной, с которой вы копию уже имеете; когда неожиданная разлука случится прежде острова Георгия⁵⁸, тогда рандеву назначаю на высоте залива Овладения⁵⁹, где, прождав четыре дня, поступать по инструкции, а ежели разлучимся близ Фалкландских островов, и время года будет еще позволять, то держаться около сих островов под ветром, и отыскав гавань, войти в оную, где и ожидать шесть дней, разводя на горах огни; после чего возвратиться чрез Куков пролив⁶⁰ в Порт-Жаксон⁶¹, и там ждать прихода шлюпа Востока. Все вышеописанное во время разлуки, будет с точностью исполняемо на шлюпе "Востоке".

В полдень мы находились на широте 27° 38' 46" южной, долготе 43° 32' 51" западной; течение моря было SW 64°, двенадцать миль в сутки; курс продолжали прямо на юг под всеми парусами. В 7 часов вечера шлюпу "Мирному" сделан сигнал подойти под корму к шлюпу "Востоку", и, когда сие исполнено, тогда мы пожелали взаимно друг другу счастливых успехов и продолжали путь. В 10 часов вечера ветер засвежел и взяли у марселей по рифу.

25 ноября. В продолжение ночи небо покрыто было облаками, ветер дул крепкий от О, и развело большое волнение; шлюп "Мирный" отстал далеко; мы принуждены иметь марсели на езьелгофте; в два часа пополудни, когда "Мирный" нас догнал, опять поставили марсели; в 4 часа пошел дождь, а в 8 часов набежал от NW сильный, но непродолжительный шквал; после чего ветер при пасмурной погоде начал дуть от NO тише прежнего. Около полуночи молнией освещало беспрерывно весь горизонт к SO и слышен был гром.

26 ноября. Ветер из северо-восточной четверти, постоянно сопровождавший нас от Рио-Жанейро до сего места, господствующий около бразильских берегов с сентября до марта месяца, в восемь часов вечера отошел к OtS, при пасмурной погоде и дожде, и засвежел столько, что мы взяли у марселей по рифу и спустили брам-реи.

27 ноября. 27-го мрачность и дождь продолжались при большом волнении; ночь была весьма тёмная; на сожженный фальшфейер шлюп "Мирный" не отвечал и по утра при рассвете не был виден. Рассчитывая, что должен находиться назади, мы убавили парусов, и в три часа после полудня направили путь по ветру, чтоб сыскать нашего спутника; вскоре, когда пасмурность несколько прочистилась, увидели его на NtO и пошли прямо к нему. В 4 часа, когда оба шлюпа сблизились, мы вновь привели на левый галс на SWtW. Ветер тогда дул крепкий от StO, с порывами. Солнце иногда проглядывало, волнение было велико.

28 ноября. С утра ветер стих; мы подняли брам-реи, отдали у марселей рифы и поставили брамсели. По Реомюрову термометру, тепла было 14,1°; к полудню заштилело, небо очистилось от облаков. Мы находились в широте 34° 19' южной,

долготе $44^{\circ} 41' 9''$ западной. В продолжении четырех суток течение увлекло нас на SW $3^{\circ} 14'$, пятьдесят шесть миль.

По двадцати расстояниям луны от солнца я определил долготу $44^{\circ} 40' 03''$, капитан-лейтенант Завадовский $44^{\circ} 55' 50''$, штурман Парядин $44^{\circ} 40' 31''$. В 6 часов в широте $35^{\circ} 4'$, долготе $44^{\circ} 44'$, склонение компаса было $6^{\circ} 15'$ восточное.

29 ноября. В 2 часа утра нашёл от SW шквал с дождём и градом, что принудило нас у марселей взять по два рифа; с рассветом ветер ещё усилился, мы закрепили фор-марсель, крьюсель и остались под зарифленным грот-марселем и штормовыми стакселями, спустили брам-реи и брам-стенги; по окончании сей работы, когда служители надели сухое платье, дано им по стакану пунша для подкрепления. В полдень мы находились в широте $35^{\circ} 46' 9''$ южной, долготе $43^{\circ} 48' 31''$ западной. В 3 часа пополудни набежал со стороны ветра сильный, но непродолжительный шквал с дождём и крупным градом.

30 ноября. Во время крепкого ветра, в сей день бывшего, нас окружали бурные птицы (Procellaria), величиною почти с утку; спина, хвост и голова их вверху светлобурые, а низ белый. В продолжение дня горизонт был чист, и мы могли видеть на пятнадцать миль во все стороны.

1 декабря. Декабря 1-го при тихом ветре шли к югу; в широте $36^{\circ} 10'$ южной, долготе $42^{\circ} 15'$ западной, определено склонение компаса $7^{\circ} 21'$ восточное. С утра подняли брам-стенги и рей, и отдали у марселей рифы. В 11 часов задул тихий ветер от N; в полдень находились в широте южной $36^{\circ} 17' 56''$, долготе $42^{\circ} 00' 37''$ западной; течение увлекло нас на SO 76° , двенадцать миль. С полудня ветер начал свежеть, и мы шли по шести, семи и восьми миль в час. В 11 часов вечера у марселей взяли по два рифа, а крьюсель закрепили, чтоб не удалиться от "Мирного". В продолжение дня летало около нас несколько альбатросов (Diomedea exullans) и вышеупомянутых бурных птиц; во весь вечер и всю ночь видна была зарница к юго-востоку.

2 декабря. В полдень 2-го, в широте $38^{\circ} 59' 33''$ южной, долготе $41^{\circ} 48' 23''$ западной; течение шло по направлению SO 54° , тринадцать миль. По горизонту был туман, подобно как в С.-Петербурге, когда река Нева вскрывается, и влажность от оной морским ветром приносит в город. Большие рыбы от 15 до 16 футов величиною, из рода китов, окружали наши шлюпы; все бросились за ружья. Лейтенанту Демидову удалось ранить пулею в голову одну, которая близ шлюпа высунулась из воды перпендикулярно футов на пять, и, быв ранена, бросилась прочь от шлюпа, оставляя кровавый след. Рыбы сии имели по одному перу на спине, горизонтальный хвост и небольшое дыхальце над головой. В вечеру найдено склонение компаса $8^{\circ} 15'$ восточное; с полудни до полуночи мы шли весьма тихо.

3 декабря. В 11 часов утра вахтенный лейтенант Игнатъев донёс мне, что на WSW виден бурун; я обрадовался, заключая, что можно ожидать близости берега, который мореплаватель Ла-Рош усмотрел в 1675 году в 45° южной широты, велел держать к буруну; но, подошед ближе, мы увидели мёртвого кита, на которого вода разбивалась; кит окружён был множеством морских птиц, летающих, плавающих и на нём сидящих. Лейтенант Демидов и штаб-лекарь Берг отправились на ялик, чтобы застрелить несколько птиц и им удалось убить одного альбатроса, длиною в 2 фута 8 дюймов, а от

одного конца крыла до другого в 7 футов 6 дюймов; цвет перьев на верхних частях сей птицы тёмнобурый, шея и низ белые. В полдень, по наблюдению, широта нашего места была $39^{\circ} 48' 36''$ южная, долгота $41^{\circ} 44' 29''$ западная, течение на SO 39° , пятнадцать миль.

В 2 часа проплыло мимо шлюпа большое стадо малого рода морских свиной или дельфинов с острыми головами. В 3 часа мы легли в дрейф и лот-линем в 200 сажень не достали дна. От четырех часов до вечера видели многочисленные стада летающих и сидящих на воде бурных птиц. Нам очень хотелось одну застрелить, но не удалось по причине их пугливости. В 6 часов вдали к NW видели фонтаны, пускаемые китами; погода продолжалась в течение всего дня прекраснейшая; по захождении солнца спустилась на шлюпы большая роса. Склонение компаса при захождении солнца было восточное.

4 декабря. В час по полуночи нашёл со стороны ветра густой туман, продолжавшийся до осьми часов утра. Когда прояснилось, мы увидели стада птиц того же рода, которые нас окружали накануне. Ветр постепенно свежел; к полудню имели ходу восемь с половиною миль в час. Широта нашего места была $41^{\circ} 30' 55''$ южная, долгота $41^{\circ} 55'$ западная.

Ртуть в барометре с утра начала опускаться, предвещая крепкий ветер, который и настал при захождении солнца; хотя по летающим птицам можно бы заключить о близости берега, но в продолжение всего дня, к прискорбию нашему, мы не могли видеть далее пяти или шести миль, ибо весь горизонт покрыт был мрачностью.

К восьми часам вечера увеличивающийся ветер от W принудил нас остаться под зарифленными двумя марселями, фок-стакселем и гротом. Во время крепкого ветра я находил за лучшее нести грот, а не фок, потому что шлюп "Восток", у которого фок-мачта поставлена была слишком близко на нос, с фоком всегда много зарывался, мы не имели покойной качки, и руль ходил всегда под ветром.

5 декабря. Ветр дул крепкий от SSW. В два часа ночи мы сожгли фальшфейер, шлюп "Мирный" отвечал тем же, находясь недалеко от нас. К рассвету развело большое волнение, и шлюп бросало довольно сильно. Горизонт был чистый и обширный, почему каждые полчаса ходили люди на все три салинга, и каждый особенно доносил вахтенному лейтенанту, что сверху видел. С самого отправления из Рио-Жанейро до окончания путешествия сие исполняемо было в точности, и вахтенный лейтенант не позволял посланным наверх между собою переговариваться. До полудня ветер зашёл от SSO, мы поворотили на правый галс. Широта в полдень оказалась $42^{\circ} 40' 52''$ южная, долгота $41^{\circ} 11' 26''$ западная; течение SO 49° , шесть миль в час {Повидимому опечатка и, вероятно, следует читать "шесть миль в сутки". -- Ред.}. У марселей отдали по два рифа и поставили крьюсель. В 2 часа бросили лот и линем в 200 сажень не достали дна; к вечеру ветер затих, но море ещё продолжало колебаться. Во весь день окружали нас птицы, о коих упомянуто 3-го и 4-го числа. Капитан-лейтенант Завадовский застрелил малую бурную птицу (*Procellaria relagica*) и, как голова её была совершенно раздроблена, то неудобно было приготовить для сохранения в числе чучел.

6 декабря. С полуночи при тихом от OtS ветре мы опять направили путь на юг. В 3 часа ветер отошёл к ONO и постепенно свежел, так что мы имели ходу по пяти и шести

миль в час. В сию ночь море было беловатого цвета, я полагаю, что перемена цвета воды в ночное время произошла от множества малых светящихся червей, которые в светлую ночь не могут светить ярко и сообщать морю огненного вида, как в тёмные ночи. С утра подняли брам-реи, поставили все паруса, но за туманными облаками не могли видеть солнца, и потому полуденного наблюдения не сделали. В 3 часа пополудни погода превратилась в пасмурную с дождём, и продолжаясь таковою до полуночи, не позволила нам во все сутки обозреть далее пяти миль вперед и во все стороны. Лейтенант Лазарев застрелил белого альбатроса и поднял на шлюп. Альбатрос был весом в 31 фунт, величиною от конца одного крыла до конца другого 10 футов и 7 дюймов.

7 декабря. Ночью море было наполнено светящимися червями и множеством китов, из коих два подле самого шлюпа пускали фонтаны. В 5 часов утра ветер утих и несколько спустя задул противный от SSW; мы легли к SO. В десять часов удалось штаб-лекару Берху застрелить одну из летавших около шлюпа бурных птиц, для поднятия коей положили грот-марсель на стеньгуб2 и спустили шлюпку. Длина сей птицы, от конца носа до конца хвоста, один фут шесть дюймов; верхняя часть клюва загнута вниз остриём; ноздря только одна, разделяется тонкою перпендикулярною перепонкою; верхняя часть головы, спина, крылья и хвост бурые, а брюхо и нижняя часть шеи белые, ноги короткие с тремя пальцами, которые между собой соединены перепонкою, и имеют на концах когти, а сзади шпоры. Когда птицу привязали лаглинем за ногу и пустили на воду с кормы, тогда другие бурные птицы собрались вокруг и, казалось, сожалеют об её жребии; в короткое время их застрелено десять, потом шлюпку подняли, и наполнили паруса.

8 полдень находились в широте 44° 46' 30" южной, долготе 41° 16' 49" западной. Течение было в продолжение двух суток девять миль; ветер дул от юга противный, а от SW шла большая зыбь; ртуть в барометре стояла на 29,47; в 3 часа сделалась погода пасмурная с дождём; вскоре нашедший шквал от SSO принудил нас взять все рифы у марселей и спустить брам-реи и брам-стеньги. Подняли из воды растение двух родов. Первого рода, *Gorgonia*, имеет стебель длиною в один фут, толщиною в диаметре 1 1/2 дюйма; перерезав оный ножом, заметили, что внутренность оного походит на роговое вещество; от стебля расширяется во множестве наподобие опахал, ветви разной величины и толщины, все цилиндрические, в середине пустые, цвет имеют грязносветлозелёный; всё сие растение простирается на 7 футов. На втором, от кудрявого корня, растут прямо гибкие длинные в две линии толщиною стволы; листья их длиною в два фута, плоские, волнистые, зубчатые, происходят из веретенообразных пустых ветвей; трава сия различной длины; мы нередко раскладывали ее во всю длину шканец и юта, т. е. на 70 футов английских, цветом грязножёлто-зеленоватая, и подобно всем плавающим на поверхности моря травам, служит убежищем ракушек.

8 декабря. В 7 часов утра ветер перешёл к SSW; мы поворотили по ветру; к полудню ещё отошёл и мы легли на StO; широта нашего места была 44° 36' 43" южная, долгота 42° 51' 02" западная, течение снесло нас на NW 55°, 27 миль. Около пяти часов пополудни пересекли параллель 45°, на которой полагают, что мореплавателем Ла-Рошем обретён остров Гранде. Тогда погода была ясная, мы могли видеть далеко, однакоже имели равную участь с Лаперузом, Ванкувером и Колнетом, которые в разные времена и в разных местах по сей параллели тщетно искали сей остров, о коем

в хронологической истории Бурнея, в III части, на стр. 397 сказано следующее: "мореплаватель Ла-Рош, обходя мыс Горн на возвратном пути из Южного Океана, по ошибке в счислении был подвержен опасности, и простирая плавание в позднее время года, в апреле месяце (который соответствует октябрю в северном полушарии), увидел берег, покрытый льдом и снегом; найдя глубину 20, 30 и 40 сажен, остановился на якоре. Когда погода прояснилась, усмотрел, что стоит близ гор, покрытых снегом, у мыса простирающегося к SO. Пробыв 14 дней на сем месте, в полтора часа прошёл проливом, находящимся между сим берегом и малым островом; после того держал на NW, а в следующие сутки, штормом от юга, увлечён был на север, в продолжение трех суток. Когда погода переменилась, почитал себя в широте 46° , откуда направил курс в залив Всех Святых (Bahia de todos los santos), в широте 45° , пришёл к большому острову, при котором было хорошее якорное место, а на восточной стороне свежая вода, дрова и рыба в изобилии, но людей не видали. Ла-Рош назвал сей остров Гранде".

Из такового описания невозможно узнать, где Ла-Рош видел берег, обойдя мыс Горн, и каким проливом прошёл, а потому нет возможности определить долготу острова Гранде. Некоторые мореплаватели и географы полагают, что Ла-Рош обходил мыс Горн с восточной стороны, и обретённый им берег, покрытый льдом и снегом, принадлежит к Фалкландским островам, а другие полагают, что видел остров Валлиса и прошёл у оною малым проливом, почему и можно заключить, что курс его был по южную сторону острова Георгия. Все сии мнения определяют долготу острова Гранде разную, и потому, направляя путь одним меридианом, можно токмо по счастью попасть к сему острову.

Приближаясь к параллели 45° , мы ежедневно встречали большие стада птиц, рыб и плавающую траву, что обыкновенно принимают за признаки близости земли, которой мы однакож не видали.

9 декабря. В 2 часа ночи, для поджидания шлюпа "Мирного", взяли ещё рифы у марселей и закрепили крьюсель. По рассвете в парусном горизонте напрасно искали шлюпа, и мне было весьма неприятно исполнить условие искать друг друга на том месте, где в последний раз виделись.

Вскоре пошёл дождь, и я ещё более потерял надежду встретиться с "Мирным", но, сделав пушечный выстрел, мы услышали ответ назади, почему тот же час привели к ветру, дабы лейтенанту Лазареву дать возможность нас догнать; весьма обрадовались, когда по прочищении пасмурности, увидели шлюп "Мирный" в близости, и немедленно наполнили паруса.

В полдень находились в широте $46^{\circ} 24' 57''$ южной, долготе $42^{\circ} 27' 47''$ западной; течение моря увлекло нас на NO 74° пятнадцать миль; после обеда имели возможность измерить несколько расстояний луны от солнца. Долгота места нашего в полдень определена следующая:

Мною, из 15 расстояний -- $42^{\circ} 22' 1''$

Капитан-лейтенантом Завадовским из 15 расстояний -- $42^{\circ} 22' 52''$

Лейтенантом Торсоном из 10 расстояний -- $42^{\circ} 7' 22''$

Астрономом Симоновым -- $42^{\circ} 17' 22''$

Долгота по хронометрам;

№ 518 -- $42^{\circ} 26' 18''$

№ 922 -- $42^{\circ} 25' 2''$

Склонение компаса найдено $7^{\circ} 48'$ восточное. Погода сделалась лучше, мы подняли брам-рей и продолжали курс на юг.

10 декабря. При благоприятной погоде вынесли на верх все служительское платье и постели для просушки. До сего времени чрез день всегда в палубах разводили огонь в чугунных печках, которые, по прекращении огня, выносили; с сего же дня, вступая в холодный климат, я велел поставить и укрепить печки на местах, трубы вывести в грот и фор-люки, а самые люки закрыть; в грот-люке для света вырезан был в 4 фута квадрат, в который вставили стекло, дабы не входила мокрота; остальная часть люка обита смоленой парусиной; вход в палубу оставлен был в фор-люке; в грот-люк позволялось ходить только в чрезвычайных случаях, а для облегчения шлюпа сняты ещё 4 крайние пушки и спущены в кубрик.

10-го в широте $47^{\circ} 52' 4''$ южной измерено нескольких лунных расстояний от солнца и определена долгота в полдень:

Мною из 20 расстояний -- $42^{\circ} 5' 29''$ западная

Капитан-лейтенантом Завадовским из 25 расстояний -- $42^{\circ} 4' 13''$ "

Штурманом Парядиным из 30 расстояний $42^{\circ} 6' 10''$ "

Долгота по хронометрам:

По № 518..... $42^{\circ} 15' 44''$

По № 922..... $42^{\circ} 15' 33''$

Из летающих около шлюпа разных птиц застрелили трех, которые подняты были на шлюп. Они принадлежали к роду бурных птиц (Procellaria), длиною в 1 фут 1/2 дюйма, нос их в 1 1/2 дюйма, с загнутым концом, перья белые, испещренные бурыми пятнами. Сии птицы признаны нами за самых тех, которые в путешествии капитана Кука названы Pintades; мы будем называть их пеструшками.

Теплота приметно уменьшалась, а потому я позволил всем употреблять платье нарочно для холодного климата приготовленное, как то: фланелевые рубахи и подштанники, а сверх рубашек -- суконное платье и прочее.

11 декабря. До осьми часов 11-го мы продолжали курс к югу, ветер задул тихий от SSO; поворотили к SW, откуда шла большая зыбь. В полдень находились в широте $49^{\circ} 3' 56''$ южной, долготе $41^{\circ} 57' 11''$ западной; течение было NO 12° , осьмнадцать миль в сутки; ртуть в термометре стояла на 6° теплоты; склонение компаса найдено $11^{\circ} 32' 1/2''$ восточное; в 4 часа ветер перешёл в SW четверть, мы опять поворотили. В продолжение сего дня видели несколько альбатросов, пеструшек и множество

хохлатых пингвинов или скакунов (*Aptenodites chrysocome*), мы старались хотя одного из них застрелить; но по причине осторожности их, нам не удалось исполнить нашего желания. В сии сутки проплыло мимо нас несколько морской травы.

12 декабря. При тихом ветре от NtW и большой зыби от юга мы продолжали курс к острову Георгия {Остров Южная Георгия.-- Ред.}. С утра ветер свежел от NO; в полдень находились в широте $50^{\circ} 9' 40''$ южной, долготе $41^{\circ} 22' 18''$ западной. После полудня пошёл дождь и мы несли мало парусов для того, что шлюп "Мирный" далеко отстал. С семи часов вечера 12-го ветер перешёл к WNW. В полночь теплота по термометру на воздухе была $3,7^{\circ}$, а в палубах, где спали служители, $6,8^{\circ}$. В продолжение ночи шёл дождь, с утра было по горизонту мрачно.

13 декабря. В полдень 13-го мы находились в широте $52^{\circ} 25' 18''$ южной, долготе $40^{\circ} 23' 42''$ западной; течение имели NW 57° , двадцать девять миль в сутки; лотом с линем в 250 сажен дна не достали. Склонение компаса было $10^{\circ} 48'$ восточное. В 10 часов вечера ветер сделался противный от StO; мы пошли на SWtW. В продолжение дня летали бурные птицы разных родов и в первый раз показались голубые.

14 декабря. В продолжение противного ветра мы легли в дрейф, спустили ялик и стреляли в птиц; в короткое время застрелили двух: одну белую, а другую голубую, из принадлежащих к роду бурных; первая названа капитаном Куком снежною, а последняя синею петрелью; они величиной с горлицу, цвета сизого, близкого к голубоватому; с одного конца крыла до другого проходит бурая полоса, и конец хвоста бурый, ноги и нос голубые. Я буду их называть голубыми бурными птицами.

В полдень мы находились в широте $53^{\circ} 10' 53''$ южной, долготе $40^{\circ} 8' 5''$ западной; термометр стоял выше точки замерзания $2,8^{\circ}$ и в первый раз выпало несколько снега. В 7 часов набежал от SWtS шквал со снегом, что и принудило нас зарифить марсели двумя рифами. Вскоре ветер сделался тише, мы отдали по рифу и поставили брамсели, чтобы скорее достигнуть до острова Георгия; в 10 часов ещё пробежал шквал с снегом и ветер установился тот же.

15 декабря. Ночь была ясная, от SW шла большая зыбь; термометр на открытом воздухе стоял выше точки замерзания $1,8^{\circ}$, а в палубе, где спали служители, $7,4^{\circ}$. В половине шестого часа, пришед на параллель острова Валлиса {Остров Валлиса, близ западной оконечности острова Южная Георгия. -- Ред.}, мы направили путь к OSO. Любопытство побудило всех встать весьма рано, в надежде увидеть остров Георгия. Хотя оно ещё не было видно при рассвете, однако то место, где должен находиться берег, отличалось от остальной части горизонта черно-густыми скопившимися тучами. Множество китов пускали фонтаны; бурные птицы голубые, снежные, малые, черные и пеструшки летали стадами и сидели на воде; местами появлялись плавно летающие альбатросы. Пеструшки, будучи всех смелее, близко подлетали к шлюпу; множество хохлатых пингвинов, выскакивая из воды и переключаясь друг с другом, нас обгоняли; травы, называемой *Fucus pyriformis*, несло много мимо шлюпов. В 8 часов, когда пасмурность несколько очистилась, мы увидели острова Валлис и Георгия в расстоянии двадцати одной мили; остроконечные их вершины, скрывающиеся облаками, конечно, покрыты вечным снегом; в полдень мы приблизились к острову Валлису, который был от нас на NO 37° , в двух милях. По наблюдениям в полдень мы находились в широте $54^{\circ} 5' 23''$ южной; по сему широта острова Валлиса выходит $54^{\circ} 4'$ южная; долгота

оного по двум хронометрам $38^{\circ} 22'$ западная, а по наблюдению расстояний луны 9-го, 10-го и 12-го числ на шлюпе "Востоке" $38^{\circ} 17' 18''$ западная; по наблюдениям лейтенанта Лазарева $38^{\circ} 27'$. Сей остров составляет часть высокого из моря выходящего каменного хребта; положение его O и W, пространством на четыре мили, вершины покрыты, а ущелины наполнены снегом. При северо-западной оконечности острова находятся три надводные камня.

Чрезмерно великая зыбь от SSW разбивалась с шумом о скалы. Я шел вдоль берега в расстоянии на одну с четвертью, на полторы и две мили. Имея ходу около семи миль в час, мы видели несколько заливов, в которых, вероятно, безопасно останавливаться на якоре; из одного залива шел под английским флагом парусный бот; по приближении оного мы просили пристать к шлюпу и для того легли в дрейф. К нам приехали на ялике штурман и два матроза; первый сказал, что издалека нас не узнали, и, полагая, что мы пришли также для промысла китового жира, они имели намерение провести наши суда в залив, надеялись, что за свои труды получают плату. Два трехмачтовые судна, принадлежащие английской компании для ловли китов, одно "Ниде-Шпенсебелла", другое "Мериан"63, под начальством капитанов Бруна и Торта, стояли в заливе, из коего вышел ял. Глубина их якорного места 18 сажень, грунт -- ил; большой ручей свежей воды впадает в сей залив, называемый гавань Мариин64. Суда стоят уже 4 месяца; промышленники из убитых морских слонов (*Phoca rososciclea*) вытапливают жир; ездят для сего промысла во все бухты, для ночлегов опрокидывают свои лодки, разводят огонь. Зажигая жир морских животных, вместо растопок употребляют шкуры пингвинов, которых в настоящее время года чрезвычайное множество. Они видели также альбатросов и других морских птиц весьма много, из береговых же только жаворонков и род голубей; растений никаких нет, кроме моха. За сии известия я приказал посетителей наших угостить гроком и сухарями с маслом. Один из матрозов был русский; бежал во время пребывания военных наших кораблей в Англии и скитается по трудным промыслам для пропитания. Гости наши отправились на свой бот; мы наполнили паруса и взяли курс на полторы мили мористее одного острова, впереди нас находящегося; в 9 часов, достигнув оного, по причине ночной темноты и нашедшей пасмурности привели шлюпы к ветру на правый галс; глубина на сем месте 75 сажень, грунт мелкий черный камень. Сей остров, в широте южной $54^{\circ} 31' 30''$, долготе западной $37^{\circ} 13'$; я назвал оный островом Анненкова в честь второго лейтенанта, служавшего на шлюпе "Мирном". Берег, в виду у нас бывший, состоит из каменных гор, коих вершины покрыты снегом, а ложбины и ущелины наполнены льдом. Хотя мы шли близко от берега, однакож тщетно зрительными трубами надеялись увидеть какое-либо растение, кроме местами желтозеленеющего моха, не видели ничего.

Для удобнейшего описания и измерения пространства сего острова я некоторые мысы назвал именами офицеров, служавших на шлюпах наших, как то: мыс острова Георгия, оканчивающийся к морю тремя острыми камнями и лежащий от восточного мыса сего острова на SO 30° в трех с половиною милях, назван Парядиным; от мыса Парядина берег принял направление к SO 69° , на тринадцать с половиною миль до мыса, названного мною Демидовым, который легко узнать можно по прилежащему у западной оного стороны высокому острову; от сего места до восточного мыса залива Марии берег имеет направление на SO $47^{\circ} 30'$ на расстоянии семнадцати миль. От острова Анненкова к острову Георгию видны три большие высунувшиеся из воды скалы, лежащие NO 67° .

Остров Анненкова почти круглый, в окружности 7 1/2 миль, на середине возвышенность, покрытая снегом и льдом, местами видны голые скалы^{б5}. К ночи ветер усилился, развёл большое волнение.

16 декабря. Мы держались под рифленными марсеями, при пасмурной погоде с дождём. По термометру теплоты было 2,3°. В три часа утра, хотя пасмурность и дождь продолжались, но оба шлюпа спустились, чтоб подойти к тому месту, где накануне кончили обозрение берега. Хотя в 7 часов утра мы приблизились к острову Георгию на расстояние восьми миль, находясь в то же время от острова Анненкова на пять миль, но пасмурность была ещё так густа, что ни того ни другого не видели, почему и принуждены вновь привести шлюпы к ветру и выждать доколе погода прояснится. В 8 часов с половиною, увидя остров Анненкова, шли прямо к оному; когда приблизидись на расстояние четырех миль, стали держать NO 43°, и чрез час находились от острова Георгия на три и три четверти мили; тогда пасмурность и снег опять скрыли от нас берега, что и принудило опять привести шлюпы к ветру, а в час пополудни, когда снег начал уменьшаться и открылся берег, -- мы пошли вдоль одного.

В три часа прошли между берегом острова Георгия и островом Пикерсгилем. Капитан Кук 1775-го года января 20-го, находясь у SW оконечности острова Георгия, видел в 9-ти милях остров, и назвал оный по имени лейтенанта на его судне островом Пикерсгиля. Остров сей в окружности имеет три мили, довольно высок, и от одного к острову Георгия находятся ещё два острова и все три занимают в длину с небольшим две мили. Лейтенант Лазарев поручил вышеупомянутым промышленникам привезти с берега пивгвинных шеек и яиц; сим был задержан, от нас отстал так, что мы потеряли из виду шлюп "Мирный"; дожидаясь одного, я не мог пользоваться благополучным ветром; по сей причине, равно и по наступившей после пасмурности, в 3 часа пополудни шлюп "Восток" привёл к ветру.

Осмотренный нами сегодня берег острова Георгия составляет продолжение берега, который мы видели накануне, также горист; верхи его покрыты снегом и долины наполнены льдом. Одни только крутые скалы, на коих снег и лёд не могут по своей тяжести держаться, имеют цвет темный. Близ берега, мы видели несколько плавающего льда, вероятно своею тяжестью от берега отделившегося. Между тем ветер скрепчал, развёл большое волнение, и настала пасмурность с дождём. С шлюпа "Востока" каждый час палили из пушки, чтобы шлюп "Мирный" знал место наше, но мы ответа не слышали, не прежде осьми часов вечера с ним соединились и легли в море к югу под рифленными марсеями.

17 декабря. В час ночи поворотили к берегу; ветер тогда перешёл от WSW к WNW и был сопровождаем мокрым снегом и дождем. Ртуть в термометре стояла только на 1,9° выше точки замерзания. В 6 часов утра подошли к берегу против залива, который назван мною залив Новосильского и лежит от залива Марии на SO 65°, в двадцати двух милях {Действительное расстояние, судя по "Атласу" Беллинсгаузена, 42 мили. -- Ред.}; бросив лот на глубине 80 сажень, достали дна, грунт -- ил. С сего пункта держали в параллель берега, в расстоянии двух миль, шли по осьми миль в час. От залива Новосильского берег имеет направление на StW пять с половиною миль, до отлогого мыса, подле которого три низменных острова. От сего мыса, названного мною мыс Куприянова, до мыса Ошибки^{бб} (так названного капитаном Куком) берег идёт на SO

50° 30' десять миль, наполнен островершинными каменными горами, между коими все ущелины покрыты снегом и льдом. На пути от мыса Куприянова к мысу Ошибки, в четырех милях от первого, находится подводный опасный камень в расстоянии от берега на полторы мили; по причине настоящего большого волнения разбивался бурун, в тихую же погоду сей камень может быть весьма опасен. Близ мыса Ошибки три островка: первый -- высокий камень у самого мыса, а последний, капитаном Куком названный Зелёным по причине- зеленоватого его цвета, от мыса на юг в трех милях⁶⁷. Гористый берег от мыса Ошибки идёт пять миль на SO 85°, а потом на NO 40°; сии два направления образовали Южный мыс острова Георгия, находящийся в широте 54° 25' южной, долготе 36° 2' западной. В 9 1/2 часов мы обошли мыс Южный, где окончили опись, соединили наше обозрение острова Георгия с частью берега, обретённого капитаном Куком за 44 года перед нами; за 19 лет до капитана Кука берег сей обретён судном "Леоном" и назван Сант-Педро (Sant Pedro), простирается на NW и SO 61°, на девяносто две мили.

При большой пасмурности, дожде и временно шедшем снеге; ветер усиливался; мы шли под двумя марселями, всеми рифами зарифленными, и под зашитую острова Георгия ожидали шлюпа "Мирного". Ветр более и более усиливался, мы спустили брам-рей. Около полудня "Мирный" с нами соединился. Я не надеялся скоро дожждаться благоприятной погоды, чтоб осмотреть какое-нибудь якорное место, при том же берег сей обитаем токмо пингвинами, морскими слонами и котиками; последних мало, ибо приезжающими промышленниками истреблены. Обошед с южной стороны большую половину сего берега, мы не заметили ни одного куста и никакого растения, видели только, что весь покрыт снегом и льдом. Дождаться здесь перемены погоды неделю или более, чтоб обозреть землю, охладевшую и, так сказать, мертвую, я почёл бесполезным, тем более что упустил бы летнее время, самое лучшее для плавания в опасном Ледовитом Южном океане; и так сделал шлюпу "Мирному" сигнал следовать за "Востоком" и лечь на SOtO прямо к северной оконечности земли Сандвича, которую намерен был осмотреть с восточной стороны, ибо капитан Кук, при обретении оной, осмотрел только западную сторону. В два часа пополудни мы закрепили грот-марсель, чтоб не уйти от шлюпа "Мирного", в мрачном горизонте едва видимого. Изредка, когда на несколько минут погода прояснивалась, рассмотрели мы остров Клерк, положение коего по пеленгам определили в широте 54° 55' южной, долготе 34° 46' западной. Сей остров обретён капитаном Куком и назван островом Клерка в честь первого лейтенанта на его судне. В 5 часов вечера мы принуждены были нести только один фор-стенъ-стаксель, для того, что шлюп "Мирный" отстал и пасмурность скрывала его от глаз наших. В 8 часов вечера солнце проглянуло из-за облаков; мы определили склонение компаса 7° 29' восточное, находясь в широте 54° 58' южной, долготе 35° 16' западной. К полуночи, когда лейтенант Лазарев нас догнал, поставили фор- и грот-марсели, зарифленные всеми рифами.

18 декабря. 18-го в 6 часов утра теплоты было один градус. До полудни при крепком ветре от NNW, большом волнении и пасмурности мы шли по осьми миль в час. Шлюп "Мирный" находился под ветром и несколько впереди нас. Лейтенант Лазарев поворотил и телеграфом уведомил, что видит землю. Нам со шлюпа "Востока" казался сквозь мрачность гористый берег, то посему мы поспешно поворотили, дабы дожждаться ясной погоды, не подвергаясь опасности при обозрении берега в бурную погоду; имели тогда грот-марсель зарифленный всеми рифами, фок-стаксель и апсель. Ртуть в

термометре стояла выше точки замерзания $1,7^{\circ}$. В два часа пополудни пасмурность умножилась так, что далее одного кабельтова мы не могли различать предметов.

19 декабря. Неблагоприятная погода продолжалась до полуночи; теплоты по термометру было только $1,2^{\circ}$. Шлюпы бросало с боку на бок, почему мы принуждены были поворотить по ветру на другой галс к северу; тогда волнение сделалось с носу, и тем чрезмерная качка с носу уменьшилась. Близ полудня прошли мимо мёртвого кита, который окружён был летающими над ним и около его на воде сидящими альбатросами и разными бурными птицами.

В полдень находились в широте $56^{\circ} 2'$ южной, долготе $32^{\circ} 57'$ западной. Течение моря было на NO 62° , в двой сутки -- тридцать девять миль; когда ветер затих, мы стреляли птиц: лейтенантом Игнатьевым застрелен альбатрос, длиною от одного конца крыла до другого 10 футов 5 дюймов; был дымчатого цвета, а голова, шея, крылья и хвост бурые; много походит с головы, ног и крыльев на белого альбатроса, с тою разностью, что глаза обведены белою полосой, шириною в одну линию, и вдоль чёрного клюва по бороздам на обеих челюстях идут белые узенькие полоски; хвост остроконечный и длиннее, нежели у белого альбатроса. Другими офицерами подстрелены четыре пингвина, из коих два жили сутки и странною своею походкою, переваливаясь с ноги на ногу, забавляли служителей, которые в первый раз смотрели на них вблизи.

В 3 часа увидели льдину на OtN; она накануне при мрачности показалась нам берегом. Киты в разных местах пускали фонтаны; от семи часов до полуночи мы шли в густом тумане.

20 декабря. При переменных тихих ветрах и большой зыби, шедшей от запада, мы направляли путь к востоку, и с рассветом видели впереди местами лёд. Лейтенант Завадовский застрелил два дымчатых альбатроса. В полдень находились в широте $56^{\circ} 13'$ южной, долготе $32^{\circ} 25'$ западной. Лотом на глубине 260 сажен не достали дна. Желая воспользоваться маловетрием, легли в дрейф, опустили термометр Нория на глубину 270 сажен на десять минут, и на сей глубине температура воды оказалась $31,75^{\circ}$ по Фаренгейтову термометру, т. е. четверть градуса ниже точки замерзания по Реомюрову разделению, при поверхности же воды $48,75^{\circ}$. К крайнему моему сожалению, неосторожностью штурмана сей термометр изломан; потеря была тем чувствительнее, что мы имели только один такой термометр. В 10 часов прошли возле ледяного острова, в окружности около полуторы мили, высотой от поверхности воды 180 фут. С северной стороны отлогий ледяной мыс был покрыт пингвинами; они все стояли, размахивая лапами. Плавающая громада льда, которую мы увидели в первый раз, привела нас в величайшее удивление; мы находились тогда в широте $56^{\circ} 4'$ южной, долготе $32^{\circ} 15'$ западной; сии огромные ледяные острова в южном полушарии бывают часто видимы. Капитан Кук встретил льды на пути от Доброй Надежды к югу 1772-го года декабря 10-го числа в широте $51^{\circ} 4'$ южной, долготе $22^{\circ} 23'$ западной {В подлиннике стоит $20^{\circ} 23'$, -- повидимому опечатка, следует $22^{\circ} 23'$. -- Ред.}. Два судна, отправленные Ост-Индскою компаниею 1739 года для открытия южных земель, видели льдину в широте 47° и 48° южной. Каждый просвещённый читатель сам из сего заключит о разности между двумя полушариями -- северным и южным. В продолжение

дня около шлюпов пингвины ныряли и плавали во множестве; летали бурные птицы и несколько эгмонтских куриц.

21 декабря. С полуночи задул ветер от StO тихий; от запада шла зыбь. Теплоты было $1,7^{\circ}$. В 3 часа ветер сделался свежий и выпадал снег, почему мы взяли у марселей по рифу; тогда же увидели впереди льдяный остров, мимо которого прошли в 8 часов. В 10 часов взяли все рифы и спустили брам-реи. К полудню остались под двумя марсеями и спустили брам-стенги. В вечеру, чтоб уменьшить ход, привели шлюпы к ветру на SWtW. От семи часов до полудня выпадал снег.

22 декабря. Ветр был крепкий и развёл большое волнение; луна светила; термометр стоял ниже точки замерзания $0,1^{\circ}$; ночью нам встречались льды огромными глыбами, на румбы OtN и SWtS; поутру шёл снег. Когда рассвело, мы спустились на OtS, но не более часа шли сим курсом: густая пасмурность принудила привести шлюпы к ветру. В 8 часов утра пасмурность несколько уменьшилась, и мы легли на ONO; временем шёл снег и скрывал всё то, что без препятствий от снега можно бы было усмотреть; в 11 часов, когда несколько прояснилось, открылся к северу в тринадцати милях неизвестный остров; мы к оному поворотили, прибавя парусов, старались держаться ближе, сколько ветер позволял; желали определить положение острова, мрачность сему препятствовала. В начале первого часа пополудни солнце из-за облаков на короткое время проглянуло, и астроному Симонову удалось взять оною высоту, посредством которой определили широту места нашего в полдень $56^{\circ} 43'$ южную, долгота была $28^{\circ} 1'$ западная; в то же время мы видели остров на NW 24° , в расстоянии пяти миль, что и определяет широту его $56^{\circ} 41' 30''$, долготу $28^{\circ} 10'$; по наблюдению лейтенанта Лазарева широта $56^{\circ} 41'$, долгота $28^{\circ} 7' 40''$. Остров имеет вид хребта горы, высунувшейся из океана, лежит NW и SO 37° , длиною несколько менее двух миль, ширина в половину длины; южная часть оканчивается небольшим, на сахарную голову похожим, возвышением, которое издалека кажется отдельным; весь остров покрыт снегом и льдом, не был ещё известен, а потому я назвал оный остров Лескова68, в честь третьего лейтенанта шлюпа "Востока". В 4 часа пополудни мы легли на SSO, для того, чтобы прийти на вид острова Сретения69, обретенного капитаном Куком. Сим курсом, при пасмурной погоде с снегом, шли до девяти часов вечера; тогда по великой темноте ночи, при тихом ветре от NNW, привели к ветру на левый галс, чтоб дожидаться следующего утра. В продолжение сего дня сопутствовали нам прежде упомянутые разные птицы и пингвины во множестве; они имеют свойство, вынырнув из воды, перекликаться, подобно как люди в лесах один другому подают голос.

23 декабря. В полночь термометр стоял на $0,8^{\circ}$; от WNW шла большая зыбь, из чего мы заключили, что по сему направлению большой земли быть не может, по крайней мере в близости от нас. Когда пасмурность и снег прекратились, мы увидели на NO высокий берег, коего вершина скрывалась в облаках; поутру на рассвете открылся остров, совершенно очистившийся от тумана, а на середине сего острова высокая гора; вершина её и скаты покрыты снегом; крутизны, на которых снег и лёд держаться не могут, имеют цвет темный. Остров круглый, в окружности двенадцать миль, по крутому каменному берегу неприступен; прекрасная погода позволила нам сделать полуденное наблюдение, и широта места нашего оказалась $56^{\circ} 44' 18''$ южная, долгота $27^{\circ} 41' 51''$

западная. По сему наблюдению гора на середине острова в широте $56^{\circ} 44' 18''$ южной, долготе $27^{\circ} 11' 51''$ западной. Я назвал сие наше обретение остров Высокой, потому что отличается от прочих своею высотой.

Поутру впереди нас к северу висели сгустившиеся чёрные тучи, которые как будто не переменили своего положения; сие служило поводом к заключению, что в близости должен быть берег и мы пошли на север к облакам. В самом деле, прошед несколько, увидели остров; по приближении рассмотрели на юго-западной стороне жерло, из которого беспрерывно поднимались густые смрадные пары. Когда мы проходили под ветром острова, пары сии составляли непрерываемое густое облако и издалика были подобны выходящему из трубы парохода дыму, только в большем виде. Я назвал остров, в честь первого по мне на шлюпе "Востоке" капитан-лейтенанта, острогом Завадовского. Большая на середине гора с пологими сторонами представляет вид двух наклонённых одна к другой латинских букв SS. Обходя остров с близкого расстояния, мы видели несколько снегу на горе и очень мало на низких местах, а со стороны, где находится жерло, и вовсе нет⁷⁰.

Вероятно, по сим причинам, пингвины избрали остров своим жилищем; от основания до половины горы все места ими покрыты.

Берега с SW стороны отвислы и неприступны; цвет имеют, как и самая гора, тёмнокрасный, а инде желтоватый. В 8 часов вечера обошед остров и окончив опись, взяли у марселей по два рифа, чтобы держаться до следующего утра на одном месте, ибо я намерен был осмотреть остров.

24 декабря. Ночью теплота по термометру была $0,5^{\circ}$, и мы прежде 10 часов утра подошли к юго-западному мысу; на расстоянии полторы мили легли в дрейф и спустили ялик, на котором отправились на остров капитан-лейтенант Завадовский, астроном Симонов и лейтенант Демидов. В то же время лотом на 110 сажнях дна не достали. Вскоре шлюп "Мирный" приблизился, чрез телеграф испросив позволения отправить также ялик с офицерами на остров.

В полдень мы находились в широте $56^{\circ} 15' 35''$ южной, долготе $27^{\circ} 34' 53''$ западной. По сим наблюдениям остров Завадовский в широте $56^{\circ} 18'$ южной, долготе $27^{\circ} 28' 53''$ западной; в окружности имеет десять миль, высота горы 1 200 футов от поверхности моря. В час после полудня ялик возвратился; капитан-лейтенант Завадовский мне донес, что они пристали хорошо, между камнями, влезали на 18 или 20 футов вышины по камням и нашли множество пингвинов, которые сидели на яйцах и не уступали дороги иначе, как по ударении их хлыстом.

Наши путешественники, достигнув почти до половины горы, везде находили топкий грунт. Необыкновенно дурной запах от множества помету пингвинов понудил их вскоре возвратиться на шлюпы; привезли с острова девять кур эгмонтских, несколько пингвинов и перегорелых камней.

Привезенные пингвины были двух родов: одни поменьше, для различия мы назвали их малый род "простыми" пингвинами; они имели клюв черный, острый, верхний конец загнут вниз, шея снизу белая с черною горизонтальною узкою полосой; спина бурая с голубо-серыми крапинами, лапы сверху того же цвета, как и на спине, брюхо белое,

лоснящееся и лапы снизу белые, ноги тельного цвета, глаза соломенного цвета с темным зрачком. Другого рода, то есть больше и красивее меньших: нос не такого вида, красный; глаза красные с черным малым зрачком, на голове желтые длинные перья, хвост несколько короче. Сих пингвинов, по расположению цветов их перьев, мы назвали "мандаринами"; они те самые, которых встретили, не доходя острова Георгия. Бывшие на берегу простые пингвины сидели только на двух яйцах. На возвратном пути с острова, они преследовали наших офицеров и готовы были вступить с ними в бой своими лапами, коими довольно сильно бьют. "Мандарины" имели под собою по одному яйцу; они по наружности горделивее, покойнее и миролюбивее простых пингвинов.

В тридцати или сорока саженях от берега глубина моря оказалась 25 сажен.

Сии обретенные мною, в совокупности лежащие три острова, назвал я островами маркиза де-Траверсе, бывшего тогда министра, который при отправлении шлюпов доказал свое доброжелательное к нам расположение.

Желая воспользоваться находящеюся по близости нас небольшою льдиною, подошли к оной, спустили ялики и отправили людей, чтоб нарубить льду и привезти на шлюп. В продолжение полутора часа привезено было столько, что наполнили шесть больших бочек, братские котлы и все артиллерийские кадки, после чего гребные суда были подняты и мы опять наполнили паруса. Из растаянного льда я для опыта велел, не сказав офицерам, приготовить воду на чай; все нашли, что она была превосходная и чай вкусен. Сие обнадежило нас, что во время плаванья между льдами всегда будем иметь хорошую воду.

Ежели бы к северу еще находились высокие острова, то при ясной погоде, какая была накануне с полудня до захождения солнца, и сегодня, острова сии могли бы быть видимы с салинга по крайней мере за сорок миль и далее. Но как мы ничего не усмотрели, то заключили, что гряда означенных островов не простирается далее к северу и потому решились итти к островам Сретения.

25 декабря. В полночь термометр опустился на 0,8° ниже точки замерзания. Мы лавировали при том же противном ветре от юга. Через телеграф я требовал, чтобы с шлюпа "Мирного" прибыл священник для совершения молебствия по случаю воспоминания -- избавления России от нашествия галлов и с ними двадцати язык {В память побед Кутузова над Наполеоном. -- Ред.}. Молебствие было совершено с коленопреклонением. Служителям в обыкновенные дни производили солонину пополам с свежую свининой, но для сего дня приготовили любимое кушанье русских, щи с кислую капустою и свежую свининою, пироги с сорочинским пшеном {Сорочинскоа пшено -- рис. -- Ред.} и нарубленным мясом. После обеда роздано каждому по полкружке пива, а в 4 часа по стакану пунша с ромом, лимоном и сахаром. После сего служители были столько веселы, как бы и в России в праздничные дни, не взирая, что находились в отдаленности от своей отчизны, в Южном Ледовитом океане, среди туманов во всегдашней почти пасмурности и снегах.

Лейтенант Лазарев с офицерами были угощаемы обеденным столом на шлюпе "Востоке", и приятная беседа наша продолжалась до вечера.

Лейтенант Демидов подстрелил одну из бурных птиц, какой мы еще не видали. Спина светлоголубоватая, концы крыльев белые с черными пятнами, низ белый же; когда она летает, то расширяет крылья многим более прочих такого рода птиц; величиною несколько больше голубя. Мы назвали сию птицу, как капитан Кук, большою голубою бурною птицею.

26 декабря. С утра до полудня продолжался густой туман; в полдень мы находились на широте $56^{\circ} 32' 12''$ южной, долготе $26^{\circ} 26'$ западной. С трех часов пополудни туман покрывал горизонт до ночи. В 6 часов встретили небольшую льдину, подле которой легли в дрейф и послали ялик, чтобы нарубить и привезть льду, но как по ружлости сего льда вошла в оный соленая вода, то не годился к употреблению.

27 декабря. В полночь ртуть на термометре была на точке замерзания и выпадал небольшой снег. При рассвете мы видели на юге в расстоянии глазомерном на тридцать миль берег, который при пасмурности и идущем по временам снеге то скрывался от глаз наших, то снова показывался. В 11 часов заметили между островами Сретения еще третий остров⁷¹. В путешествии капитана Кука упоминается только о двух островах и находящемся между ними камне; по сему близкому сходству, мы признали сии острова за острова Сретения, обретенные упомянутым; мореплавателем. Он их назвал по дню, в который увидел.

В 4 часа при наступившем штиле, когда шлюпы были без движения, мы опустили обыкновенный термометр в воду в цилиндре из железного листа. Сей цилиндр сделан был на шлюпе, имел по обеим сторонам клапаны, которые при опущении на глубину с лотом отворялись и вода пробегала насквозь; при подъеме же клапаны затворялись, вода, на глубине в цилиндр вошедшая, в оном оставалась, и температура ее не скоро переменится, ежели цилиндр с надлежащею поспешностью из воды будет вытянут. Реомюров термометр, таковым образом опущенный на глубину 220 сажен, вынутый из цилиндра, стоял на 1° ниже точки замерзания; в то же время на поверхности моря термометр показал $1/2^{\circ}$ теплоты. Хотя вытягивание цилиндра из глубины продолжалось только $4\ 1/2$ минуты, но и в сие короткое время термометр несколько успел нагреться, проходя воду, которая постепенно к поверхности моря становится теплее. При том же нельзя ручаться, чтобы в цилиндр, сделанный на шлюпе, нисколько не попало воды при приближении к поверхности, которая теплее и легче; удельная тягость воды из глубины 220 сажен, в сем цилиндре поднятой, при взвешивании оказалась 1100,9, а на поверхности моря, на точке замерзания, на том же месте весила 1 099,7. Опыт сей доказывает, что вода на глубине моря солонее находящейся на поверхности оною.

28 декабря. 28-го ничего примечания достойного не случилось. Ветр дул противный, как и в прошедшие два дня, с тою разностию, что погода беспрестанно переменялась: то было пасмурно, то ясно, то снег выпадал охлопьями, то шел дождь. Мы лавировали к югу.

29 декабря. Термометр в полночь стоял на 1° ниже точки замерзания, а в палубе, где жили служители, было $8,4^{\circ}$ теплоты.

При рассвете ветер отошел к югу. В 8 часов прошли створную линию островов Сретения на SW 70° . В 10 часов оставили на левой стороне большой льдяной остров, около которого плавало множество льда. В 11 часов от NW нашла густая пасмурность

со снегом, и я убавил парусов, чтоб шлюпу "Мирному" дать возможность к нам приближаться.

Острова маркиза де-Траверсе весьма высоки, определены были нами в ясную погоду, то и не сделав наблюдения в полдень, мы по сим островам определяли наше место и положение островов Сретения, из коих восточный находится в широте южной $57^{\circ} 9' 45''$, долготе $26^{\circ} 44'$ западной, лежит NO и SW 50° , в окружности шесть с половиною миль. Восточная сторона выше западной. Западный остров находится в широте $57^{\circ} 10' 55''$ южной, долготе $26^{\circ} 51'$ западной, лежит NO и SW 60° , в окружности четыре с половиною мили; третий в широте южной $57^{\circ} 9'$, долготе $26^{\circ} 47' 30''$ западной.

Мы шли по шести и семи миль в час, при дожде и мокром снеге. Теплота в полдень была $0,5^{\circ}$. В 3 часа пополудни сквозь мрачность на SSW в семи милях открылся берег острова Сандерса, обретенного и так названного капитаном Куком. Мы стали держать вдоль северо-восточной стороны острова, коего вершина была покрыта облаками, и он казался нам неприступным. От середины лежат большие подводные камни и простираются на две мили. Проходя в трех с половиною милях, мы имели глубины 42 сажени. Шлюп "Мирный", быв несколько ближе к берегу, имел глубины 27 сажень, грунт мелкий черный камень. С восточной стороны остров высок и отрубом, лежит SO и NO, на пространстве шести с половиною миль; в окружности семнадцать миль, покрыт льдом и снегом, но не так, как остров Торсона {Здесь Беллинсгаузен (вероятно, по недосмотру) сохранил первоначальное наименование острова Высокого. См. примечание. -- Ред.}, хотя находится южнее. Сие подало повод предполагать, нет ли огнедышащего жерла, подобно как на острове Завадовского, который более прочих обнажен от снега и льда. Средина острова Сандерса в широте $57^{\circ} 52'$ южной, долготе $26^{\circ} 24'$ западной. Капитан Кук определил широту северо острова $57^{\circ} 49'$ южную, долготу $26^{\circ} 44'$ западную. Склонение компаса из найденных среднее $4^{\circ} 52'$ к востоку.

После шести часов берега закрылись мрачностью, ветер сгонял нас несколько с прямого пути на StO, что продолжалось не более часа; тогда опять шли прямо на мыс Монтегю, так названный капитаном Куком. В 10 часов вечера, увидев берег, поворотили от оногo и держались под малыми парусами, а в половине второго часа, прибавя парусов, опять поворотили к берегу, чтоб с рассветом быть у мыса Монтегю.

30 декабря. В 5 часов утра, когда пасмурность прочистилась, мы увидели пред собою высокий остров, коего северная сторона, обращенная прямо к нам, представляла высокий в трех местах отрубистый берег, промежутки между отрубями несколько наклонны и покрыты снегом и льдом; около берега плавало много больших и малых льдин. Большие глыбы имели вид правильный, т. е. верх плоский с некоторою выпуклостью, а бока перпендикулярные, так как обыкновенно бывает у берегов; из сего мы заключили, что большие куски льда основались около берега и по тяжести своей от оногo оторвались. Находясь в шести милях от острова, мы шли параллельно северному берегу; в 8 часов утра, обойдя восточный мыс, держали на юг по направлению восточного крутого берега. Утро было прекрасное, остров Сандерс очистился от облаков, и при свете солнечных лучей представилась взору нашему величественная, покрытая снегом вершина горы, из жерла которой выходил густой дым, по воздуху расстилающийся, а по горизонту местами видны были разброшенные белеющие льдины.

Продолжая путь при свежем западном ветре между мелкими льдинами, в 10 часов достигли южной оконечности острова, имеющей вид сахарной головы и находящейся на самом мысу. В 11 часов, когда довольно уже подались к югу, увидели с сей стороны мыс Монтегю, где совершенно окончили обозрение всего острова. Итак берег, названный капитаном Куком мысом Монтегю -- остров, имеющий в окружности двадцать пять миль; северная сторона выше южной; весь покрыт льдом и снегом; якорного места, кажется, нет. Я назвал сей остров Монтегю, как капитан Кук назвал мыс⁷².

К полудню небо покрылось облаками, берега скрылись в мрачности. Капитан Кук, находясь у мыса Монтегю 1775 [года] февраля 1-го при ясной погоде, определил широту оного южную $58^{\circ} 27'$, долготу $26^{\circ} 44'$; мы не имели возможности сделать наблюдения в полдень, приняли широту мыса, определенную капитаном Куком за истинную, и поправили свое счисление, что при описи сего острова послужило нам вместо наблюдения.

В полдень термометр стоял $0,9^{\circ}$ выше точки замерзания; при густой пасмурности мы не могли видеть далее как на полторы мили. В 2 часа ветер зашел от WNW, поворотили на другой галс на NNO и убавили парусов. В 3 часа лотом на восьмидесяти саженьях не достали дна; в 5 часов, когда ветер переменился и задул от NWtN, поворотили на SWtN и остальную часть сих суток держались, лавируя за мрачностью под малыми парусами, встречая беспрестанно лдяные острова и разбитые мелкие льдины, которых старались избежать, чтобы за оные не задеть.

31 декабря. С полуночи при западном ветре с небольшими порывами и при пасмурной погоде удерживались на одном месте; по термометру было морозу $0,4^{\circ}$; в палубе, где спали служители, $8,4^{\circ}$ теплоты; лотом на 150 саженьях дна не достали.

В 2 часа, когда мрачность прочистилась, увидели на SSW берег, названный капитаном Куком мысом Бристоля; легли на SW прямо к сему берегу, шли между множеством мелкого льда, дабы подойти к западной оконечности, и потом при благоприятствующем нам ветре спуститься вдоль северной стороны. В 4 часа прошли подле большого плоского лдяного острова. Пасмурность все скрыла от глаз наших и не прежде половины девятого часа несколько очистилась; тогда увидели мы три небольших островка по западную сторону мыса Бристоля. Западный из сих островков, уподобляющийся сахарной голове, признали за пик Фризланд, который определен капитаном Куком в широте 59° южной. Мы направили путь на SO 17° , дабы пройти видимую нами восточную оконечность берега от мыса Бристоля. В 10 часов, в четырех милях от оного на NOtN, берег и все видимые льдины покрылись густым туманом; на 185 саженьях лотом не достали дна. Шлюп "Мирный" был не близко от нас, для чего мы и легли в дрейф; чрез полчаса к нам подошел, и мы тогда, наполнив паруса, пошли на SSO. В начале 12-го часа, по причине продолжавшейся густой пасмурности с великим мокрым снегом, встречая беспрерывно множество плавающего льда, принуждены были. привести шлюпы к ветру на левый галс.

В полдень термометр стоял выше точки замерзания $0,2^{\circ}$. Шлюп "Мирный" был у нас в кильватере, великий снег продолжался; по причине часто встречающихся лдяных островов и мелких льдин были расставлены люди кругом по бортам, чтобы прислушиваться к шуму буруна, разбивающегося о льды и служащего доказательством

близости оных. В начале шестого часа услышали весьма близко необыкновенный великий под ветром бурун. Капитан-лейтенант Завадоевский и другие офицеры полагали, что наверно мы находимся поблизости берега, о который волны разбиваются. Выпадающий снег был так густ, что мы впереди далее пятидесяти сажен ничего не видели; в таком случае оставаться на том же румбе и в том же положении было бы весьма опасно, почему я решился поворотить на другой галс; шлюпу "Мирному" сделал сигнал также поворотить, что им исполнено, и мы легли на NNW. Сим направлением я надеялся выйти из льдов; обходил множество лдяных островов и плавающего мелкого льда. В 10 часов, встретя непроходимый мелкий лед, принуждены поворотить, и остаться под одними марселями, чтоб уменьшить ход. Снега ложилось на паруса столько, что дабы стряхнуть оный, часто приводили шлюпы круче к ветру, и обзевтривали паруса. Вахтенные матрозы во все время едва успевали выметать и выбрасывать с палубы выпадающие, так сказать, снежные охлопья; наконец, в полночь снег перестал. В продолжение суток летало около шлюпов множество разных родов морских птиц; пингвины ныряли и сидели на обломках льда в большом числе.

1820 г., 1 января. В первый день Нового года мы пожелали друг другу счастливо выйти из опасного положения, и, окончив предлежащее нам затруднительное плавание в Ледовитом океане, увидеть любезное отечество.

Термометр стоял ниже точки замерзания $0,2^{\circ}$. Ветр дул свежий NOtN, от севера шла большая зыбь, мы было обрадовались, что перестал снег; но радость наша недолго продолжалась, вместо снега в 2 часа сделался густой туман с ветром; мы встречали множество мелкого льда, крик пингвинов повсюду был слышен. В начале 5-го часа утра, увидели сквозь туман к NO много лдяных островов в близком от нас расстоянии. Шум буруна, разбивающегося на льдины, с криком пингвинов, производил неприятное чувство. По сделанном сигналу шлюп "Восток" и "Мирный" поворотили от лдяных островов на правый галс; во время поворота, когда паруса заполаскивало и приводило весь такелаж в движение, падали с оного лдяные сосульки и лед намерзший около снастей; обмерзшие веревки казались продернутыми сквозь стеклярус, толщиной от полуторы до двух линий⁷³. Служители каждый час на вантах и стень-вантах околачивали лед драйками.

В 6 часов утра стужа по термометру была $0,5^{\circ}$; в 7 часов со шлюпа "Востока" выпалили из пушки, а в восемь сделан туманный сигнал, чтобы шлюп "Мирный" показал свое место, но весьма густой туман и рев волн, разбивающихся повсюду на льдины, препятствовали с шлюпа "Мирного" слышать наш выстрел, и на шлюпе "Востоке" не слышно было выстрелов, производимых "Мирным". В 10 часов ветр задул от O; до полудня мы прошли множество лдяных островов и плавающего льда, от которого нам надлежало иногда придерживаться круче к ветру, а иногда спускаться. В полдень туман сделался несколько реже, и, имея возможность рассмотреть предстоящие нам опасности, мы могли избегать оных; увидели шлюп "Мирный", о котором весьма беспокоились. На 120 саженях глубины лотом не достали дна.

Невзирая на дурную погоду и опасное положение между неизвестными льдами, все служители с утра оделись в мундиры для празднования Нового года. Поутру был завтрак, чай с ромом; к обеду добрые ши с кислой капустой и свиной; после обеда сверх обыкновенной порции дано по стакану горячего пунша, а в вечеру пред кашей,

из сорочинского пшена приготовленной, по стакану гроку; все служители были здоровы и веселы на обоих шлюпах; мы жалели только, что по причине опасного положения и дурной погоды не могли день Нового года провести вместе с капитаном Лазаревым и офицерами шлюпа "Мирного". В полдень тепла было $0,2^{\circ}$; в исходе первого часа, по приближении шлюпа "Мирного", наполнив грот-марсель, мы пошли на NNO. В два часа, чтоб уравнивать ход шлюпов, на "Востоке" взяли у марселей по другому рифу; до пяти часов мы шли между лдяных островов и плавающих льдин. В пять часов поворотили по ветру на другой галс и взяли курс WSW; видели несколько играющих китов, которые подымались из воды перпендикулярно на треть своей длины, и, ныряя, приподнимали горизонтальный хвост. Мы проходили между множества льда до девяти часов; тогда погода несколько прояснилась, увидели мыс Бристоль на SW 58° , в расстоянии по глазомеру на пять с половиною миль; по причине дурной погоды невозможно было сделать обозрение берега, и потому от оногo поворотили.

2 генваря. Ветр продолжался свежий от SOtO; шедшая зыбь от севера и волнение производили боковую и килевую качку. Морозу было $1,2^{\circ}$. Туман скрывал берега и горизонт. Курс наш привел нас прямо к лдяному острову, в 2 часа пополудни мы должны были поворотить на другой галс. В половине 5-го часа пошли прежним курсом. В 7 часов встретили огромную льдину, для обхода которой спустились на N, а потом привели шлюпы на NOtO; около сей льдины летало множество белых бурных птиц. В 8 часов погода начала несколько прояснивать, мы могли видеть оба берега мысов Молтегю и Бристоль, и по оным определили свое место. Тогда поворотили к мысу Бристолью, прибавя парусов, и до 11-го часа прошли мимо шести лдяных островов. Курс вел нас ниже восточной оконечности теперь упомянутого мыса, и потому, подойдя к оному в 11 часов, поворотили на другой галс, чтоб вылавировать и пройти по восточную сторону бристольского берега; с сей стороны капитан Кук не обозревал оногo. Сделав три галса, четвертым мы прошли выше восточной оконечности мыса Бристоля, и увидели, что сей берег и остров, имеющий направление NWtW и SOtO, в окружности семнадцать миль, неровной вышины. На восточной оконечности островершинная гора, совершенно покрытая снегом и льдом, кроме чернеющих самых крутых мест. Продолжая путь на SW 14° , в четыре с половиною часа усмотрели вдаль на SW 54° берег, который капитан Куком назван Южная Тюле {В древние времена почитали, что остров Исландия, самая северная страна на земном шаре и называли оную Тюле; по сей причине капитан Кук, увидя берег южнейший всех тогда известных стран на земном шаре, назвал сей берег Южного Тюле.}. В 6 часов мы находились в широте $59^{\circ} 13'$ южной, долготе $26^{\circ} 22'$ западной, и, усмотрев влево и впереди множество сплошного мелкого льда, шли на SW $54^{\circ} 30'$ между мелкого льда. В десять с половиною часов, когда разбитый лед уже становился весьма част, мы поворотили на другой галс, в намерении переждать ночь; для чего и убавили парусов.

3 генваря. В полночь термометр стоял ниже точки замерзания $0,8^{\circ}$. В 2 часа оставили один лдяный остров в правой, а другой в левой стороне. В 3 часа, когда рассветало, пошли опять на SW 40° , при ветре OSO, имели ходу по шести миль; с утра поставили все паруса, дабы воспользоваться ясною погодою; проходили сквозь гряды мелкого льда, похожего на речной, с тою только разностию, что многим толще. Вахтенный офицер стоял на баке, сам беспрерывно управлял шлюпом, командуя: право, лево, дабы не задеть за льды; в левой стороне лед был непроходимый, с марса и салинга

открывалось бесконечное лдяное поле, и в середине онога местами лдяные острова разных видов и величины.

Берег Тюле состоит из одного камня и трех небольших островов, из коих один меньше каждого из двух. Острова сии высоки и неприступны, широта их $59^{\circ} 26'$ южная, долгота $27^{\circ} 13' 30''$ западная. Средний, самый больший, длиною в шесть миль, назван мною островом Кука, в честь великого мореплавателя, который первый увидел сей берег и почитал оный южнее всех прочих земель, в южном полушарии существующих. Западные острова длиною в три мили, а меньший остров в две трети мили. Между двумя большими островами находится камень; все три покрыты льдом и снегом {Третий остров был впоследствии назван в 1930 г. островом Беллинсгаузена (английской экспедицией на корабле "Дисковери II")}. Капитан Кук по причине дурных погод держался недалеко к островам Тюле и Монтегю, а потому льды между оных показались ему берегом, который и назван в честь бывшего тогда первым лордом адмиралтейства, его покровителя, лорда Сандвича, землею Сандвича. Капитан Кук первый увидел сии берега, и потому имена им данные должны оставаться неизгладимы, дабы память о столь смелом мореплавателе могла достигнуть до позднейших потомков. По сей причине я называю сии острова Южными Сандвичевыми островами.

Мы продолжали курс на SW 40° , между весьма частыми льдами, а в 10 часов утра проходили под ветром мимо льдины в три мили в длину и в ширину; поверхность ее вся ровная, стороны перпендикулярны и с левой стороны, т. е. к востоку, вышиною около 30 футов. Мы видели повсюду сплошной лед, составленный из плоских один на другом в разных положениях находящихся кусков, а местами в середине поля большие, различного вида лдяные острова, из коих некоторые имели цвет бирюзовый, по моему мнению, от того, что льдина, потеряв равновесие, повернулась частию вверх и не успела еще на воздухе побелеть; в правую сторону к западу видно было менее мелкого льда, а весьма много лдяных островов. С самого утра, простирая плавание между мелкими льдами, мы не могли избегнуть, чтоб несколько раз не задеть за те, которые вдоль борта продирались и местами попортили медь и сорвали головки с медных гвоздей. Повреждение последовало такое малое оттого, что не было никакого волнения и шлюпы наши шли плавно.

В полдень определили широту $59^{\circ} 57'$ южную, долготу $27^{\circ} 32'$ западную; середина острова Тюле находилась от нас на NO 13е, в тридцати двух милях; остров Кука на NO 32° , в тридцати двух милях; ртуть в термометре стояла выше точки замерзания токмо на $0,2^{\circ}$.

В 2 часа пополудни положили грот-марсель на стеньгу, чтобы отставшему шлюпу "Мирному" дать возможность нас догнать; между тем, дабы не терять напрасно время, мы послали два ялика нарубить и привезти льду, а для удобного поднятия онога на шлюп укладывали в сухарные мешки и потом наполнили всю пустую посуду, какую могли собрать, даже оставляли в мешках для первого употребления. В трюм нисколько льду в бочки не клали, дабы не произвесть сырости, а водою из онога налили бочки. В дрейфе оставались до семи часов вечера; к сему времени успели наполнить льдом десять бочек средней руки, котлы и прочую посуду. Мы находились в широте $60^{\circ} 3' 33''$ южной, долготе $27^{\circ} 39''$ западной; склонение компаса было $7^{\circ} 4'$ восточное.

В 7 часов ветер, переходя чрез юг, установился в SW четверти; мы прибавили парусов, сквозь мелкие льдины по направлению на SO 40° продирались далее к югу в намерении обойти льды сплошные, видимые к востоку. Снег принудил нас убавить парусов и идти с большою осторожностью.

В продолжение сего дня видели токмо несколько белых бурных птиц и пингвинов, прочие же морские птицы, обыкновенно ежедневно нас провожавшие, скрылись.

4 января. В полночь по термометру было морозу 1,5°; в палубе, где спали служители, 8,6° теплоты; снег выпадал до двух часов утра; тогда мы опять прибавили парусов и шли к О при ветре от юга. В исходе четвертого часа, в широте 60° 15', долготе 27° 16', встретили сплошной, мелкий, непроходимый лед, между которым было много лдяных островов. Сие лдяное поле, вероятно, продолжение сплошного льда, у которого мы находились накануне, имеет направление к SSO, почему поворотили на левый галс и шли между многими лдяными островами.

В широте 60° 16' 47" южной, долготе 27° 24' западной найдено склонение компаса 7° 9'; в сие время шлюп держал на WSW.

В половине седьмого часа утра поворотили на правый галс и взяли курс к SO, имея по обеим сторонам лдяные острова и мелкий плавающий разбитый лед. В 9 часов утра не могли продолжать сего курса, встретя к востоку и к югу простирающееся поле разбитого льда. С салинга, кроме непрерывного льда и больших лдяных островов, ничего не было видно; по сей причине поворотили на другой галс. Погода стояла прекрасная; в полдень в широте 60° 25' 20" южной, долготе 27° 38' 30" западной с салинга зрение простиралось на 40 миль, но продолжения Сандвичевых островов далее к югу не было видно; лдяное поле чрез юг шло к западу.

Находясь между льдами и не предвидя возможности обойти оные в хорошую погоду с южной стороны, я счел за нужное оставить сие место заблаговременно и обойти с северной стороны, дабы не потерять напрасно времени и не подвергнуть шлюпов бедствию, при первой наступившей дурной погоде, что непременно бы случилось по тесноте между льдов. Пошли на WtN, сквозь частые лдяные острова и мелкий лед; пройдя пять миль, спустились на NtW в намерении обойти по западную сторону островов Тюле, Кука и Бристоля. Держали на сей румб двадцать две мили, оставляя по обеим сторонам весь горизонт, усеянный лдяными островами; снег, скрывая от нас льды, умножил опасности нашего плавания. В половине шестого часа легли на NtO, дабы пройти в виду острова Тюле и Кука. Идучи сим курсом, мы видели пингвинов, сидящих на некоторых лдяных островах и льдинах. Пасмурность умножилась, находили шквалы со снегом, почему мы принуждены иметь мало парусов, ибо снег иногда так был густ, что шлюп, приближась к льдине, едва успевал слушаться руля, чтобы миновать оную. Прошед тридцать миль, мы легли на N, и держали сим курсом девять миль до 11 часов вечера; дабы в темноте и пасмурности не быть слишком близко острова Тюле, который окружен лдяными островами, с 11 часов вечера легли на NOtN.

В некоторых местах в продолжение дня видели китов; они как будто забавляли нас пусканием воды наподобие фонтанов.

5 января. В продолжение ночи мы шли по пяти и шести миль в час; морозу было 1° . В пять часов утра прибавили парусов. Когда проходили с западной стороны между островами Бристоль и Монтегю, найдено склонение компаса $5^{\circ} 52'$ при курсе на NO. В 6 часов прошли на меридиане пика Фризланда, остроконечного высокого камня по западную сторону острова Бристоля; он обретен и так назван капитаном Куком.

Мыс Бристоль был от нас на SO 30° , а пик восточной оконечности на SO 37° . Проходя пик Фризланд, по наблюдению определили долготу оного $26^{\circ} 29' 6''$ западную. На шлюпе "Мирном" склонение компаса найдено $6^{\circ} 32'$ восточное, при курсе на NOto $1/2$ O.

С самого рассвета до полудня мы проходили множество лдяных островов и мелкого льда. Вахтенный офицер, стоя на баке, устремлял крайнее внимание, чтобы не задеть за льды.

В полдень находились в широте $58^{\circ} 39' 9''$ южной, долготе $25^{\circ} 51' 55''$ западной; имели пик Фризланд на SO, оконечность Монтегю на NW $62^{\circ} 30'$, в двадцати с половиною милях; ныне при проходе в ясный день тем местом, где 1-го и 2-го января лавировали при мрачной погоде, между льдами, и по одному только слуху знали наше к ним приближение, мы удивились множеству лдяных островов и нашему счастью, что могли избежать бедствия.

Берега, капитаном Куком обретенные и названные Сандвичевою землею, равно и три острова, обретенные мною и названные островами маркиза де-Траверсе, кажется, составляют вершины гор, которые Клерковыми камнями соединены с островом Георгия, а от сего острова камнями Авроры с Фалкландскими островами⁷⁴. В сем месте чрез извержения на островах Завадовского и Саундерса южное полушарие освобождается от заключающегося в оном не в великом количестве подземельного огня. Северное полушарие, кажется, должно быть повсюду теплее южного, не только в отношении воздуха, что каждому известно, но и самой внутренности земли. Сие последнее доказывается множеством огненных из земли извержений, происходящих в разных местах северного полушария, как то: на острове Исландия, берегах Италии, полуострове Камчатке с Курильскими островами, в проливе Вандемина у японских берегов, на Алеутских островах и прочее, каковых извержений в южном полушарии весьма мало. На острове Завадовского, лавы, которая обыкновенно составляется при огненных извержениях, видно немного, а может быть и самый состав внутренности острова неудобно превращается в лаву.

С полудня мы легли на SO 89° , чтоб отделиться от льдов и сделать новое покушение к югу на другом удобнейшем месте, для достижения в большие южные широты. До пяти часов, оставляя по обеим сторонам в неравном расстоянии рассеянные лдяные острова, мы прошли 32 мили. Увидя, что льды становятся реже, я приказал придерживать опять к югу; чтоб вместе с удалением нашим от льдов достигнуть большей широты, мы легли OtS, и, пройдя двадцать шесть миль, еще придерживались к SOto; тогда льдины были еще реже, в продолжение сих суток мало видели морских птиц, кроме пингвинов, которые во множестве сидели на льдах и ныряли около шлюпов.

К удовольствию нашему ясная погода доставила возможность просушить и проветрить служительское платье и постели.

6 января. При брамсельном ветре от W морозу было 1,2°; мы держали тем же курсом двадцать четыре мили до 6 часов утра; пройдя несколько ледяных островов, легли на SO 46°, и до полудня по сему направлению имели хода двадцать семь миль.

В 2 часа наполнили паруса; тогда с ветром настала пасмурность при снеге. В половине 3-го часа прошли большой ледяной остров, на котором белые бурные птицы сидели во множестве; вершины острова были как равнины. Когда шлюп "Мирный" нас догнал, мы прибавили парусов, и до полуночи шли на разные румбы, оставляя по обеим сторонам льды.

7 января. При переменном маловетрии и небольшой мрачности термометр стоял на 0,9° ниже точки замерзания. Мы шли весьма тихо к O, при рассвете видели голубых бурных птиц. В половине пятого часа сделался густой туман; мы убавили парусов, дабы шлюп "Мирный" к нам приблизился. В 6 часов утра морозу было 1 градус; в десять часов увидели кита подле шлюпа; чтоб показать "Мирному" наше место, выпалили из пушки, но ответа не было; при выстреле кит тотчас скрылся в глубину.

В 11 часов для определения течения моря спустили ялик и удерживали оный на одном месте посредством котла, опущенного на глубину 50 сажен; течения не оказалось. К полудню туман прочистился, и мы увидели шлюп "Мирный". В 4 часа пополудни задул свежий ветер от StO с снегом, и мы не могли много уходить к югу. До 6 часов, пройдя несколько льдин, остановились в дрейфе у одного низменного ледяного острова, на котором сидело множество пингвинов. Астроном Симонов и лейтенант Демидов отправились на ялике к острову ловить пингвинов; когда одних ловили руками и клали в мешки, другие спокойно сидели, а некоторые бросались в воду и, не дождавшись отхода ялика, при помощи волн вскакивали на льдину. Добыча наша состояла из 30 пингвинов; я приказал несколько раздать в артели для употребления в пищу, и несколько обратить в чучелы, а остальных оставить в шлюпе живыми и кормить свежую свининою, но пища сия, как видно, для них вредна, ибо они скоро похудели и на третьей недели околели. Служители сдирали шкуры, делали себе фуражки; жир или сало употребляли для смазывания сапогов. К офицерскому столу изжарили пингвина, и мы удостоверились, что от нужды они годятся в пищу, особенно ежели продержат несколько суток в уксусе, как поступают с некоторою дичью.

Взорам нашим представлялось непрерывное единообразие вод и льдов, а потому ловля пингвинов всех занимала и доставляла свежую пищу, которая была приготовляема пополам с солониною в братской кашице, и приправлена уксусом; мясо пингвинов служители охотно ели, видя, что и за офицерским столом хвалили. Мы отдали до пятидесяти пингвинов на шлюп "Мирный".

По окончании ловли, подняли ялик и наполнили паруса. В вечеру в широте 59° 49' 50" южной, долготе 20° 47' западной найдено склонение компаса 2° 34' западное; мы видели до 25 ледяных островов и много разбитого мелкого льда. Около нас летали белые и голубые бурные птицы и один альбатрос.

8 января. В полночь морозу было один градус. Мы держали к SO, дабы достигнуть большей широты. Ветр от StW отошел к SW; в три часа утра по горизонту было мрачно. От рассвета до 10 часов утра прошли мимо двадцати двух ледяных островов и множества плавающего разбитого мелкого льда. Подойдя к одному из ледяных островов, на котором видно было много пингвинов, легли в дрейф, спустили ялы, послали нарубить льду и наловить пингвинов, сколько можно. Астроном Симонов и лейтенанты Лесков и Демидов отправились на ловлю, взяв с собою от невода крыло, чтоб накрывать птиц; до полудня поймали 38; между тем рубили лед и в продолжение сего времени успели наполнить льдом шестнадцать бочек, все кадки и котлы. Пингвинов посадили в курятниках и в ванне, поставленной нарочно для того на юте.

В полдень мы находились в широте $60^{\circ} 6' 8''$ южной, долготе $18^{\circ} 39' 51''$ западной. Течением в продолжение трех дней увлечены были на SO 89° , тридцать девять миль.

Выпадавший временно снег и встречавшийся во множестве лед, принудили нас держать на разные румбы до шести часов вечера.

В сие время по измерению восьми лунных расстояний, определена долгота места нашего $18^{\circ} 12' 7''$ западная.

Ветр отошел к W; в начале седьмого часа, увидя на низкой льдине морское животное, спустились посмотреть, какое, и если удастся, то и застрелить. Лейтенанты Игнатъев и Демидов, почитая себя стрелками, зарядили ружья. Шлюп "Мирный" в то же время шел прямо к помянутой льдине и, подойдя на ружейный выстрел, с обоих шлюпов сделали нападение. Животное ранено в хвост и в двух местах в голову, льдина покрылась кровью; охотники приязненно спорили, кому должно отнести приобретение сей добычи, и спор остался нерешенным. Художник Михайлов нарисовал изображение сего животного: оно в длину 12, в толщину в окружности 6 футов, голова несколько похожа на собачью, хвост короткий, верхняя часть тела цвета серо-зеленоватого с бурыми пятнами, а низ желтый. В числе матрозов, служивших на шлюпе "Востоке", был один из городоархангельских жителей; он сказывал, что в их краю называют сие животное утлюгою; кажется принадлежат к породе тюленей или нерпов.

При встрече в Ледовитом океане подобных животных можно ли заключить о близости берега или нет? Сей вопрос остается нерешенным, тем более, что они могут шениться, линять и отдыхать на плоских льдинах, как мы теперь видели; известные же нам самые близкие берега, то есть, Сандвичевы острова, были в 270 милях.

По поднятии гребного судна, мы наполнили паруса и легли на OSO. В 7 часов увидели на юге сплошной лед. В 9 часов пошел мокрый снег; мы имели в виду 50 ледяных островов и множество мелкого разбитого льда, что и принудило нас в 10 часов, в широте $60^{\circ} 22'$ южной, долготе $17^{\circ} 18' 51''$ западной, взять курс O и для ночи убавить парусов. До полуночи шли между множеством льда.

9 января. При свежем западном ветре, пасмурности и мокром снеге продолжали курс к O, непрерывно переменяя курс по причине встречаемого множества плавающего льда. Термометр стоял на $0,5^{\circ}$ ниже точки замерзания. В половине первого часа, чтоб убавить ходу, которого имели шесть узлов, взяли у марселей по рифу, а у крьюселя два.

В час пополудни от густого тумана опасность плавания нашего усугубилась так, что шлюп едва успевал слушаться руля, чтобы не задеть за льдину; но, по счастью нашему, к двум часам туман прочистился, и мы увидели себя окруженных лдяными островами и мелким плавающим льдом; от NO до SSW простиралось лдяное поле, в котором затерто несколько больших плоских лдяных островов. Я пошел на NtO, а шлюпу "Мирному", находившемуся позади нас, сделал сигнал переменить курс влево на семь румбов. Хотя туман несколько прочистился, но все еще мы не далеко могли видеть вокруг себя, шли между множеством мелкого льда до пяти часов, беспрестанно действуя рулем со стороны на сторону. Когда таким образом прошли шестнадцать миль, погода, к нашему счастью, прояснилась, и мы увидели впереди от NNW до NOtN лдяное поле, окруженное со всех сторон мелким льдом. Ветр в сие время засвежел, невозможно было лечь к S, привести шлюпы к ветру не было места; между сим полем и другим, которое видели с двух часов ночи, которое простиралось до того места, где мы теперь находились и было окружено множеством лдяных островов и мелкого разбитого льда, я с салинга усмотрел тесный проход на NO и решился при переменившемся ветре от StO пуститься в лед, взял курс на NO; ходу было по восьми миль в час. Чтобы избежать ударов от мелких льдин, командуящий вахтой беспрерывно с баку сам управлял шлюпом, крича право и лево. Шлюп "Восток" имел отличительное достоинство весьма хорошо слушаться руля, и тем избегал несколько раз от ударения плавающих льдин. Когда мы прошли на NO восемь с половиной миль, с салинга сказали, что к NNO 1/2 O несколько чище, я лег на NNO 1/2 O, прошед семь с четвертью миль сквозь мелкий лед, в половине восьмого часа утра, находясь уже вне видимой опасности, взяли у фор-марселя еще один риф, чтоб шлюп "Мирный" мог нас догнать. В сие время попеременно шел дождь, и солнце проглядывало.

В 9 часов утра в широте $59^{\circ} 47' 27''$ южной, долготе $15^{\circ} 30'$ западной, найдено склонение компаса западное $3^{\circ} 48'$, при курсе на OtN.

Мы проходили близ большого лдяного острова, видом подобного канапе {Т. е. подобно небольшому дивану с приподнятым изголовьем. -- Ред.}, у которой спина загнута и украшена резьбой; все льды имели разные виды, одни только льдины с плоскими вершинами были большею частью единообразны.

В 10 часов, по крепости ветра, взяли еще рифы и остались под одними зарифленными марселями, а брам-реи спустили на низ.

В полдень по наблюдениям находились в широте $59^{\circ} 33' 51''$ южной, долготе $15^{\circ} 1' 33''$ западной. Ветр весьма засвежел от юга и развел большое волнение. По термометру теплоты было 1° ; течение моря оказалось в сии сутки на NW 11° , семь миль; мы держали на OtN с 9 часов утра до 5 пополудни, имея ходу по семи с четвертью миль в час, и, чтоб не притти в меньшую широту, легли прямо на O.

В 6 часов, проходя под ветром близ большого лдяного острова, заметили, что термометр, который стоял ниже точки замерзания $0,2^{\circ}$, опустился до $0,5^{\circ}$, а когда прошли лдяной остров, ртуть поднялась до $0,2^{\circ}$.

10 генваря. Мы держали на O до 4 часов следующего утра, шли по семи миль в час, оставляя по ту и другую стороны несколько больших лдяных высоких островов с плоскими вершинами; острова сии простирались грядами от S к N.

Полуночь в широте $59^{\circ} 15'$ южной, долготе $11^{\circ} 19'$ западной, нашли склонение компаса западное $4^{\circ} 8'$; оба шлюпа держали тогда на OSO; с 4 часов утра ветер стихал; ход к полудню уменьшился до одной мили.

В полдень находились в широте $59^{\circ} 12' 46''$, долготе $10^{\circ} 41' 46''$; течение моря оказалось NO 5° , восемнадцать миль в сутки. В прошедшую полночь морозу было $0,5^{\circ}$; в полдень столько же теплоты. Погода стояла прекрасная; по горизонту видно было в разных местах множество; ледяных островов и льдин; но, несмотря на сие, пользуясь ясною погодою, я пошел опять к SO, отдав рифы и поставя все паруса, потом на SSO. Ветр дул тихий SW, зыбь от бывшего волнения продолжалась с юга, из чего мы заключили, что к S менее льду, нежели сколько пред сим встречали. От полудня до 6 часов миновали пятнадцать ледяных островов. В вечеру в широте $59^{\circ} 27' 33''$ южной, долготе $9^{\circ} 50'$ западной, найдено склонение компаса $7^{\circ} 6'$ западное, при курсе на SSO. В 9 часов вечера небо покрылось облаками, и по горизонту простерлась пасмурность; видно было множество ледяных островов, ветер задул от NW. К ночи мы убавили парусов и остались под одними марсеями; скоро пошел мокрый густой снег, который препятствовал нам усмотреть не в дальнем расстоянии огромную льдину, но мы узнали о ее близости по шуму от разбивающейся зыби; в 10 часов снег прекратился; в 11, для уменьшения хода, взяли у фор-марсея еще один риф.

11 января. Вскоре опять пошел снег, морозу было 1° . В 1 час ночи, за темнотою от выпавшего густого снега, привели оба шлюпа к ветру на левый галс к NO. В половине третьего часа, когда прояснилось, мы увидели, что в близости нас льдов нет, а к SO было много. Взяли курс на O и, пройдя двадцать семь миль, оставляя по обеим сторонам несколько ледяных островов и отпавшего от оных мелкого льда, усмотрели, что зыбь, шедшая от NW, была уже от SO. Пасмурность с мокрым снегом продолжалась от 9 до 10 часов. Мы легли одним румбом левее, дабы миновать к югу пять ледяных больших островов, которые находились на нашем пути. В 10 часов, обошед сей остров, взяли курс на SO и прибавили парусов; зыбь от SO удостоверяла, что по сему направлению льдов мало или совсем нет.

В полдень находились в широте $59^{\circ} 43' 55''$ южной, долготе $8^{\circ} 11' 24''$ западной; течением увлечены на NO 82° , пять миль в сутки; теплоты было полтора градуса. Ветр отошел к SW; мы направили курс на SOtS. Около четырех с половиною часов были в широте $60^{\circ} 7' 7''$, долготе $7^{\circ} 18'$; склонение компаса имели западное $9^{\circ} 12'$.

От полудня до полуночи шли при свежем SW ветре, по шести и семи миль в час. Погода стояла темная, облачная и временно выпадал снег.

12 января. Ветр несколько стих; зыбь была от SW, теплота $1,2^{\circ}$. Мы взяли курс на SSO. В исходе пятого часа утра в широте $60^{\circ} 50'$, долготе $5^{\circ} 52'$, склонение компаса найдено западное $10^{\circ} 37'$.

С утра до полудня в широте $61^{\circ} 21'$ прошли мимо восьми ледяных островов. Ветр несколько засвежел; горизонт покрылся мрачностью, теплоты было $1,8^{\circ}$. В 6 часов прошли мимо ледяного острова с остроконечною вершиною; в 6 часов был дождь, но непродолжительный, а в 9 часов вечера, по причине темноты и пасмурности и чтоб отставший шлюп "Мирный" мог нас догнать, мы убавили парусов.

13 января. В полночь ртуть в термометре стояла на точке замерзания, а в палубе, где спали служители, -- на $8,4^{\circ}$ теплоты. Ветр дул свежий западный; горизонт был в пасмурности; в 3 и в 7 часов утра мы прошли мимо ледяных островов, курсом на StW.

В широте $63^{\circ} 18'$ южной, долготе $3^{\circ} 53'$ западной, найдено склонение компаса $9^{\circ} 55'$ западное.

14 января. Мы имели хода по восьми миль в час; в полдень были в широте $63^{\circ} 49' 21''$, долготе $2^{\circ} 36' 42''$. Мы держали на StW до половины шестого часа следующего утра января 14-го дня; тогда, с переменою ветра от севера, весь горизонт покрылся пасмурностью при снеге и дожде. Опасаясь еще худшей погоды, я взял у грот-марселя последний риф и привел шлюпы к ветру на правый галс.

В половине девятого часа, по причине крепкого ветра и большой килевой и боковой качки, мы спустили брам-стенги.

15 января. В 7 часов следующего утра, хотя погода не переменилась, но я не надеялся дожидаться благоприятной и потому опять взял курс на StW. До полудня прошли мимо трех ледяных островов; находились тогда в широте $66^{\circ} 53' 42''$ южной, долготе $3^{\circ} 3' 54''$ западной {15 января 1820 г. русская экспедиция впервые пересекла южный полярный круг.-- Ред.}. В 4 часа видели трех голубых бурных птиц.

16 января. Пасмурность с снегом, при крепком ветре от NW, продолжалась во всю ночь. В 4 часа утра увидели дымчатого альбатроса, летающего около шлюпа. В 7 часов ветер отошел к N, снег временно переставал и благотворное солнце из-за облаков изредка выглядывало.

В 9 часов утра в широте $69^{\circ} 17' 26''$, долготе $2^{\circ} 45' 46''$, найдено склонение компаса $8^{\circ} 48'$ западное. Продолжая путь на юг, в полдень в широте $69^{\circ} 21' 28''$, долготе $2^{\circ} 14' 50''$, мы встретили льды, которые представились нам сквозь шедший тогда снег в виде белых облаков. Ветр был от NO умеренный, при большой зыби от NW; по причине снега зрение наше не далеко простиралось; я привел в бейдевинд на SO, и, пройдя сим направлением две мили, мы увидели, что сплошные льды простираются от востока чрез юг на запад; путь наш вел прямо в сие ледяное поле, усеянное буграми. Ртуть в барометре, спустясь от 29,5 до 29 дюймов, предвещала еще худшую погоду; морозу было $0,5^{\circ}$. Мы поворотили на NWtW, в надежде, что сим направлением не встретим льдов {В этот момент Беллинсгаузен находился в расстоянии не более 20 миль от материка Антарктиды в районе так называемой Земли принцессы Марты. В своем предварительном донесении из Порты-Жаксона Беллинсгаузен писал, что 16 января он проник на юг до широты $69^{\circ} 25'$, в долготе $2^{\circ} 10'$ (западной). Пасмурная погода не дала Беллинсгаузену с уверенностью утверждать, что он открыл Антарктиду. -- Ред.}. В продолжение последних суток видели летающих снежных и синих бурных птиц и слышали крик пингвинов.

17 января. Пасмурность и снег не переставали во всю ночь. В 2 часа следующего утра оба шлюпа поворотили на левый галс. В 6 часов мы увидели прямо пред носом ледяной остров, от которого, однакоже, успели поворотить. Термометр стоял на точке замерзания; в то же время ветер начал крепчать, что и принудило нас взять по два рифа у марселей. В 8 часов шлюп "Восток", поворотив по ветру, сблизился с шлюпом

"Мирным". К полудню небо несколько прочистилось от снежных облаков и проглянуло солнце; мы успели сделать полуденное наблюдение, по которому широта места нашего оказалась $68^{\circ} 51' 51''$ южная, долгота $3^{\circ} 7' 6''$ западная; течение увлекло нас на NW 20° , тринадцать миль. Мы недолго наслаждались сиянием солнца, которое в сих местах так редко бывает видимо: туман и снег, неперемненные спутники мореплавателя в Южном Ледовитом океане, опять настали.

В больших широтах, в коих мы простирали плавание, море прекраснейшего синего цвета, что некоторым образом служит доказательством отдаленности берега. Пингвинам, коих мы слышали крик, нет нужды в берегу; они также покойно, и еще, кажется, охотнее живут на плоских льдах, нежели другие птицы на берегу. Когда пингинов хватили на льдах, многие, бросавшиеся в воду, не дождавшись удаления охотников, с помощью волн возвращались на прежнее свое место. Рассуждая по сложению их тела и пребыванию в покое, заключить можно, что одно только побуждение наполнить свой желудок гонит их с льда в воду; они весьма ручны. Когда лейтенант Лесков на льдине крылом невода покрыл их множество, непопавшие под сеть невода были покойны и нечувствительны к участи тех несчастных пингинов, которых в глазах их клали в мешки. Спертый воздух в сих мешках и неосторожное обращение при ловле, перевозке и подъеме пингинов на шлюпы и тесное необыкновенное жилище в курятниках произвело в пингинах тошноту, и они в короткое время выкинули множество шримсов, маленьких морских раков, которые, как видно, служат им пищею. При сем не излишне будет упомянуть, что мы в больших южных широтах никаких рыб, кроме принадлежащих к породе китов, еще не встречали.

В 8 часов шлюп "Восток" спустился к "Мирному", и, сблизясь с ним, мы привели к ветру на правый галс, дабы несколько удалиться от льдов и переждать пасмурную погоду.

Ветр все еще продолжался от севера с снегом и изредка без снега. По всему горизонту была мрачность. Со времени вступления нашего в большие южные широты мы всегда имели такую же дурную погоду при северных ветрах, а, напротив, при южных погода была сухая и ясная, горизонт чистый.

18 января. В полночь мы поворотили на левый галс. По термометру на открытом воздухе было теплоты $0,2^{\circ}$, в палубе, где спала команда, до $9,5^{\circ}$. К полудню ветер почти совсем утих, но продолжался от N. Погода прояснилась, а горизонт остался мрачным; льдов не было видно; мы находились в широте $68^{\circ} 35' 28''$ южной, долготе $2^{\circ} 33' 51''$ западной. Барометр стоял на 29,13.

Пользуясь безветрием и ясным днем с утра, посредством телеграфа мы пригласили к обеду с шлюпа "Мирного" лейтенанта Лазарева и всех от должности свободных офицеров; они прибыли в 1 час пополудни и не ранее 11 часов вечера возвратились на "Мирный". Погода была ясная, штиль и маловетрие от севера. День сей соответствовал 18 июля в северном полушарии; термометр стоял на полградуса выше точки замерзания.

Лейтенант Лазарев между прочим донес мне, что 9-го числа января в половине третьего часа утра, когда проходил в тесноте между полями льдов и мелкими

плавающими льдинами, шлюп набежал на довольно большую низменную льдину и ударился так сильно, что все выбежали наверх. Последствием сего удара было, что у форштевня под водою выломило греф около четырех футов длиною и в один фут толщиною. Таковой удар, вероятно, устрасит и самых смелых. Вахтою тогда управлял лейтенант Обернибесов; он находился на баке и оттуда командовал о действовании рулем.

Мы проводили сей день в дружеской беседе, рассказывая об опасностях и приключениях после последнего нашего свидания и совершенно забывая, что находимся в стране, никем необитаемой, кроме китов, пингвинов и бурных птиц, в стране, в которой почти беспрерывно господствуют густые туманы и часто выпадающие снега.

19 января. Штиль прекратился в 3 часа утра и наступил от SOtO тихий ветер с снегом; мы легли правым галсом в NO четверть; я имел намерение податься несколько к востоку и тогда уже обратиться на юг, чтобы в новом месте войти в большую широту. В 6 часов ветер от ONO сделался свежее; мы закрепили брамсели и взяли у марселей по рифу. В половине девятого часа поворотили на левый галс и поставили грот. В полдень находились в широте $68^{\circ} 36' 36''$, долготе $1^{\circ} 43' 59''$, теплоты было $0,2^{\circ}$; лотом на ста сажнях не достали дна; снег продолжал выпадать при противном ветре от O. Мы старались вылавивать по сему румбу короткими галсами и не встречали льда. Сегодня в первый раз удалось нам застрелить полярную птицу, которая так названа капитаном Куком. Она величиною с курицу, перья на спине, крыльях и на верху головы бурого цвета, а к шее и на груди многим светлее; брюхо и хвост белые; верхние перья хвоста с бурыми концами; наружный цвет всех правильных перьев разделен пополам, т. е. низ каждого пера бурый, а верх белый; глаза темные с черным зрачком, нос и ноги темные, на лапах перепонка грязнотемного цвета, к ногам темнее. Сия птица во всем подобна бурным птицам, а потому я буду называть оную полярною бурною птицею.

20 января. В половине пятого утра вылавивали к O, тридцать миль; видя упорство противного ветра от сего румба и убедясь замечаниям капитана Кука, что в больших южных широтах дуют всегда восточные ветры, я решился итти прямо на юг, до совершенной невозможности простирать плавание далее, потом возвратиться в средние широты; там уже при известных западных ветрах перейти более по долготе к востоку и вновь обратиться в большие широты. Итак я лег на S, погода была пасмурная, и до 3 часов пополудни шел снег, а в 7 часов видели льдяной остров, в окружности около трех четвертей мили, вышиною до семидесяти футов, стороны отвесные; зыбь была от востока с ветром; сие служило доказательством, что по направлению к востоку в близости от нас мало льда.

Около шлюпа летало несколько белых снежных, черных и полярных бурных птиц и погодовестников; последних мы встречали во всех широтах от экватора до самых льдов.

21 января. Мы продолжали путь на юг, при тихом ветре от SOtO и ясной погоде. Киты пускали фонтаны; полярные и снежные бурные птицы, предвестницы близости льда, летали около шлюпов; на юге становилось час от часу светлее. В 1 час пополудни

увидели впереди льды, а в 2 часа уже находились между мелкими плавающими льдинами; далее к югу представилось до пятидесяти лдяных разнообразных громад, заключающихся в середине лдяного поля. Обозревая пространство сего поля на восток, юг и запад, мы не могли видеть пределов оногo; конечно [оно] было продолжением того, которое видели в пасмурную погоду 16 генваря, но по причине мрачности и снега хорошенько рассмотреть не могли {Беллинсгаузен вновь находился в расстоянии около тридцати миль от материка Антарктиды. -- Ред.}.

В сем месте уже не было никакой возможности продолжать путь далее на юг. Мы находились в широте южной 69° 25', долготе 1° 11' западной; воздух был сух, морозу 2Э; лотом на ста сажнях не достали дна. Поворотя на другой галс на NOtN, мы крайне сожалели, что ветер не позволял итти вдоль льда или хотя по сей параллели на восток, дабы в другом месте достигнуть большей широты.

Попутру в широте 69° 00', долготе 0° 48', найдено склонение компаса западное 11° 28'; оба шлюпа шли на NOtN.

Хотя в палубе, где жили офицеры и служители, ежедневно протапливали печки и обтирали три раза в сутки потолок (на котором составлялись капли), сырое платье по возможности просушивали наверху, однакож непрерывные густые туманы, мокрый снег и слякоть довели нас до того, что мы чувствовали совершенную необходимость в хорошей погоде; сегодня при ясной и сухой погоде (которой не имели со времени отбытия от Южных Сандвичевых островов) постели и прочее вынесли наверх для просушки и проветривания. Людям на низ сходить не позволяли и старались палубы по возможности просушить.

В полдень, когда горизонт очистился к западу, мы увидели один лдяный остров; находились тогда в широте 68° 54' 1", долготе 0° 9' 58" западной, морозу было 0,3°.

Недолго наслаждались мы ясною погодою: в 6 часов небо покрылось облаками, а в 8 наша пасмурность с снегом и градом; ветер от SO засвежел, что и принудило нас взять у марселей по два рифа. В 10 часов шлюп "Восток" для ночи приблизился к шлюпу "Мирному".

22 генваря. В 10 часов утра я сделал сигнал шлюпу "Мирному" прибавить парусов; от шедшего снега мы не могли произвести полуденного наблюдения. В 4 часа пополудни на шлюпе "Восток" убавили парусов, чтоб "Мирный" мог нас догнать. По большой от SO зыби мы заключили, что вблизи по сему направлению нет льда. Около шлюпов летало много полярных белых снежных бурных птиц и один дымчатый альбатрос; в то же время видели одного кита.

23 генваря. Ночь была довольно светлая; морозу в полночь на открытом воздухе 3°; в палубе, где спали служители, 10,8° теплоты; в полдень мы находились в широте 67° 15' 40", долготе 2° 59' 22" восточной; течение в последние двое суток увлекло нас NW 12°, двадцать три мили; в 5 часов лотом на глубине 268 сажен дна не достали. Маловетрие от востока и штили продолжались до 5 часов утра 25-го; мы видели несколько полярных бурных птиц, альбатросов дымчатых и двух китов.

25 генваря. Горизонт был чист, льдов в виду не было; мы старались вылавировать к востоку и подняться несколько севернее в надежде, что в средних широтах скорее

встретим западный ветер, при котором могли бы пройти несколько градусов к востоку. Находясь в шпроте $66^{\circ} 12'$, долготе $3^{\circ} 12'$ восточной, определили склонение компаса $15^{\circ} 57' 30''$ западное; шлюпы держали тогда на NO.

Сего утра нам удалось взять лунные расстояния, по коим определена долгота в полдень {Долгота восточная. -- Ред.}.

Из сорока расстояний, мною измеренных, средняя -- $2^{\circ} 26' 25''$

Лейтенантом Завадовским, также из сорока расстояний -- $2^{\circ} 28' 10''$

Штурманом Парядиным из двадцати расстояний -- $2^{\circ} 27' 50''$

Средняя долгота по двум хронометрам No 952 и No 512 -- $2^{\circ} 42' 47''$ *

Широта в полдень по наблюдению определена -- $65^{\circ} 58' 19''$

Термометр стоял выше замерзания $0,8^{\circ}$. В 1 час пополудни по приглашению лейтенанта Лазарева я с некоторыми офицерами обедал на шлюпе "Мирный". Лейтенант Лазарев показывал нам набитых медико-хирургом Галкиным пеструшек и полярных бурных птиц, они были весьма хороши. В продолжение всего дня стояло маловетрие из юго-восточной четверти, небо было ясное, и море тихо. Вскоре по возвращении моем с офицерами на шлюп "Восток", в 11 часов вечера, ветер отошел к SSW, мы взяли тогда курс O. В продолжение дня полярных белых птиц и снежных бурных летало мало; мы видели двух китов.

26 января. Ночь была светлая, морозу один градус; мы шли при тихом западном ветре и в полдень были в широте южной $65^{\circ} 51' 45''$ долгота определена {Долгота восточная. -- Ред.}:

Из девяносто лунных расстояний мною -- $4^{\circ} 5' 52''$

Лейтенантом Завадовским из шестидесяти пяти расстояний -- $4^{\circ} 9' 40''$

Штурманом Парядиным из семидесяти пяти и расстояний -- $4^{\circ} 6' 29''$

По двум хронометрам средняя долгота -- $4^{\circ} 27' 19''$

На "Мирном", из двухсот тридцати четырех расстояний -- $4^{\circ} 20' 48''$

По хронометру No 920 -- $4^{\circ} 43' 45''$

Полутру видели впереди к востоку четыре больших лдяных острова, а как я уже давно ожидал хорошей погоды, дабы запастись льдом, тг сегодня и придержался к одному из сих островов. Небо было ясно, ветер дул тихий и малая зыбь шла от SO, что весьма редко случается в сей части отвсюду открытого океана; когда ветер не совершенно тих, тогда к лдяным островам, по причине всегдашних бурунов, которыми они омываемы, приставать невозможно.

Пользуясь благоприятною погодою, мы в 3 часа пополудни обошли лдяный остров и с левой стороны под ветром оногo в близком расстоянии легли в дрейф; я приказал спустить катер и два яла и послал несколько человек, чтоб наколоть льду. При сем

нужно заметить, что почти около каждого лдяного острова под ветром оного можно встретить плавающие льдины, отпавшие от лдяной громады; таковой лед не всегда бывает хорош, ибо носимый долго в море, по малой своей высоте омываем волнением, делается рыхл и наполняется морскою водою, несколько солоноватою. Впрочем по нужде можно оную употреблять, сделав предварительно следующее: набрав такового льда, подержать сутки в мешках, дабы вся морская вода, в сии куски попавшаяся, могла вытечь. В Южном Ледовитом океане весьма много высоких льдин, от которых можно откалывать чистый лед, то и нет надобности прибегать к сему средству.

Льдина, с которой мы брали лед, имела с одной стороны в вышину до двухсот, с другой до тридцати футов; вид плоский с наклоненною поверхностью, в длину около ста двадцати пяти, а в ширину до шестидесяти сажен. Матрозы с трудом взобрались на сию мерзлую громаду, и как откалывать, лед от краев было неудобно и опасно, то я приказал кончить работу, возвратиться обратно на гребные суда и держаться на веслах; между тем велел зарядить карронады, наполнил паруса, поворотил и, подошед к углу высокой лдяной скалы, положил грот-марсель на стеньгу и велел произвести стрельбу ядрами в самый угол. Силою выстрелов не только что отломили несколько кусков льда, но потрясли в основании огромную сию льдину, так что большие части с громом и треском ринулись в воду, произвели брызги, поднимавшиеся до трети высоты острова, произвели на несколько времени не малую зыбь. Все сие и притом нечаянное появление китов, которых мы пред сим не видали, представило взору нашему необыкновенное величественное зрелище, каковое можно видеть только в Южном Ледовитом океане. Когда лдяный остров, после нескольких колебаний, остановился, тогда верх низшей стороны его касался меря, т. е. низменный бок острова сел в воду на тридцать футов, а другая сторона поднялась вверх на столько же.

Второй лейтенант шлюпа "Восток", Лесков, праздновал сего дня свои именины; начальник шлюпа "Мирного" Лазарев и несколько офицеров пробыли у нас до вечера; по предложению лейтенанта Лазарева, мы стреляли из карронады ядрами в плавающих китов; однакоже как по кратковременному пребыванию их сверх воды, так равно и по роду сего орудия, которое для стреляния в цель не совсем удобно, наши выстрелы были неудачны: ядра ложились то ближе, то далее, а киты опускались на дно, показывая свои широкие и горизонтальные хвосты. Промышленники, занимающиеся китовою ловлей, называют сей род китов спермацет и узнают их единственно по выбрасываемым фонтанам, причисляя к сему роду только тех, которые в минуту пускают фонтан два раза; другого отличительного признака сей породы промышленники нам сказать не могли⁷⁵.

Мы немедленно послали катер и два яла нарубить льду от отпавших кусков. Для успешнейшей работы употреблены все служители; лед подымали с обоих бортов, рубили в мелкие куски в чане (нарочно для сего на юте поставленном) так, чтобы можно было насыпать бочки сквозь втулки, не расширяя оных; гребные суда беспрерывно подвозили лед, и, после каждой поездки, гребцы на каждом судне переменялись, дабы таким образом облегчить сию тяжелую при холоде и мокроте производимую работу. По окончании дела всем велено было переодеться в сухое платье, а для подкрепления дано каждому по хорошему стакану горячего пунша.

С 3 часов пополудни до 10 часов вечера наполнили льдом сорок девять бочек средней руки, все котлы и кадки и несколько мешков для первого употребления.

Все бочки, набитые льдом, расставлены были на юте, шканцах, шкафуте и баке, но ни одной не спускали в трюм или на палубу, дабы не произвести в шлюпе холодного и сырого воздуха, который происходит от растаяния льда. Наконец, подняв гребные суда, мы легли на О и шли сим курсом до 3 часов следующего утра, при небольшом дожде.

27, 28 генваря. В 9 часов с переменою ветра, который задул от севера, выпадал мокрый снег; в 11 часов весь горизонт покрылся густою мрачностью; с 8 часов пополудни дождь и мокрый снег продолжался до 5 часов следующего утра. С сего времени ветер сделался совершенно противный; дабы скорее достигнуть благополучного ветра, итти к востоку, ибо по мере отдаления от больших широт западные ветры дуют свежее, мы поворотили к северу. В 7 часов ветер от востока начал крепчать, принудил нас закрепить по два рифа у марселей, и вскоре развело большое волнение.

При появлении солнца нам удалось определить широту нашего места $65^{\circ} 49' 39''$, долготу $9^{\circ} 42' 27''$ восточную; склонение компаса найдено западное $19^{\circ} 58'$.

Мокрый снег шел весь день; мы видели дымчатого альбатроса, пеструшку и несколько полярных бурных птиц. К ночи взяли фок-грот на гитовы, и приблизились к шлюпу "Мирному". В полночь оыло полградуса морозу.

29 генваря. 29-го в полночь крепкий ветер смягчился, и от SO шла большая зыбь. В 4 часа утра мы прибавили парусов, но по причине большой противной зыби не могли оных нести много; к полудню сделался штиль; после обеда ветер опять задул из NO четверти, в 8 часам вечера скрепчал и принудил опять взять по два рифа у марселей. Сегодня летали около нас пеструшки и черные морские птицы, величиною со снежную бурную птицу; не подлетали близко к шлюпам, и потому и возможно было их хорошенько рассмотреть.

С 9 часов выпадал густой снег, который мы непрерывно принуждены выбрасывать лопатами, и за сим снегом ничего не могли видеть вперед; я сделал пушечными выстрелами сигнал шлюпу "Мирному", чтобы он поворотил к северу; шлюп "Восток" поворотил туда же; мы были уверены в своей безопасности, ибо шли по тому направлению, где прежде не встретили льдов.

30 генваря. Волнение было так велико, что принудило нас спустить брам-реи и брам-стеньги; ветер ночью дул порывами со снегов так что в 2 часа утра мы должны были взять у марселей последние рифы, а крьюсель закрепить; качка была сильная; ртуть в барометре опустилась до 28,25. С 10 часов утра ветер несколько утих. В полдень было теплоты полградуса; весь день продолжались попеременно пасмурность, дождь и снег. Морские птицы, как-то: альбатросы белые, дымчатые большие и малые голубые пеструшки и черные большие бурные птицы во множестве летали около шлюпов; нам не удалось застрелить ни одной.

От волнения, разведенного действием крепкого восточного ветра и от шедшей от NNW зыби, мы имели великую боковую и килевую качку; к полудню ветер отошел к югу; мы легли к востоку.

В полдень в широте $64^{\circ} 26' 31''$ южной, долготе $12^{\circ} 4' 15''$ восточной, склонение компаса найдено западное $22^{\circ} 39'$; ходу было по шести миль в час. К 7 часам вечера ветер еще отошел чрез юг к западу; тогда я велел держать румбом ближе к югу, дабы, переменяя долготу, быть несколько в большей широте.

1 февраля. В продолжение сих суток солнце иногда показывался и выпадал снег. Птицы летали около нас те же. Дабы воспользоваться ветром, я сделал сигнал шлюпу "Мирному" прибавить парусов. В вечеру приподнялось на короткое время из воды морское животное, но скоро скрылось, и нам оно рассмотреть не удалось; льду вовсе не видали.

Мы продолжали курс на OtS при том же, но слабом ветре и темной ночи; шлюпы наши бросало с боку на бок, и с кормы на нос; причиной сему были две противные зыби, шедшие от OSO и NWtW. С утра, отдав рифы у марселей, прибавили парусов; в полдень находились в широта $64^{\circ} 30' 9''$ южной, долготе $15^{\circ} 49' 46''$ восточной.

Сегодня лейтенант Демидов застрелил большую черную птицу, величиною с альбатроса малого рода; по признакам, птица сия рода бурных птиц. К вечеру ветер задул из NO четверти; мы продолжали курс левым галсом в SO четверть; в сие время, как и прежде случалось при NO ветрах, сделалась пасмурность. Льду, по причине удаления нашего из большой широты, не видали, и полярные бурные птицы нас оставили.

2 февраля. В полночь морозу было полградуса. Ветер задул совершенно противный. Мы уже успели довольно переменить долготы к востоку, и потому я намерен был вновь итти к югу и испытать, далеко ли нас допустят льды. Для сего продолжал курс в бейдевинд левым галсом; к 7 часам утра ветер так усилился, что мы принуждены закрепить брам-гели и взять у марселей по два рифа, а к полудню взяли и остальные рифы. Тогда развело великое волнение, пасмурность и выпадавший снег становились так густы, что мы не могли видеть далее пятидесяти сажен, и поворотили по ветру к северу. Сию предосторожность я принял, дабы не набежать на льдину или на неизвестный берег. Снегу на шлюпы и паруса выпадало много, веревки все обледенели. К 7 часам пополудни пасмурность и снег становились реже, тогда мы вновь по ветру поворотили к югу. Скоро после сего небо очистилось, но ненадолго, опять покрылось облаками; ночь была темная, термометр стоял на точке замерзания.

3 февраля. Поутру, отдав по два рифа у марселей, мы продолжали итти к югу при том же свежем восточном ветре с порывами и невзирая на непрерывный и часто весьма густой снег.

Поутру в широте $65^{\circ} 45'$ увидели опять полярных бурных птиц. В полдень находились в широте $66^{\circ} 00' 56''$ южной, долготе $17^{\circ} 35'$ восточной; склонение компаса было $22^{\circ} 59'$ западное.

В 10 часов вечера пересекли в третий раз Южный полярный круг и убавили парусов, чтобы дать возможность шлюпу "Мирному" догнать нас; он отстал далеко. В сии сутки

льда не видали. Полярные, голубые и черные бурные птицы и пеструшки летали около шлюпов. В полночь было морозу четверть градуса.

4 февраля. Погода продолжалась пасмурная; ветер дул свежий с порывами, развеял великое волнение; небо покрылось густыми облаками; снег шел густой, так что паруса, веревки и самые шлюпы оным были покрыты, и как временно снег шел мокрый и превращался в лед, то паруса и снасти были покрыты льдом.

В полдень мы находились в широте по счислению $67^{\circ} 16'$ южной, долготе $17^{\circ} 0' 45''$ восточной; склонение компаса найдено $23^{\circ} 14'$ западное, при курсе к югу; морозу было полградуса в самый полдень.

Сего дня видели морских птиц всех тех родов, которые нам попадались с вступления нашего в Ледовитое море, кроме пингвинов, коих уже давно не видали, вероятно потому, что давно не встречали льдов, служащих местом отдохновения для пингвинов; два кита неподалеку от шлюпов пускали фонтаны.

5 февраля. Ночь была светла; вскоре после полуночи ветер несколько стих. В 2 часа мы прошли льдину, оставя оную вправо. В 3 часа утра отдали по рифу; волнение было большое, шлюпы имели боковую и килевую качку. С 9 часов утра на юге по горизонту показался яркий блеск, признак сплошного льда. К полудню пасмурность и временно выпадавший сухой снег прекратились; небо осталось покрыто облаками; морозу на открытом воздухе было два градуса.

Пред полднем усмотренный с салинга к югу лед чрез час виден был с баку отдельными лдяными островами. В исходе третьего часа мы уже входили в средину льдов; тогда волнение приметно уменьшалось, и чем далее мы шли, тем лед становился чаще и чаще, наконец в четверть четвертого часа пополудни увидели множество больших, плоских, высоких лдяных островов, затертых плавающими мелкими льдами, и местами один на другом лежащими. Лды к SSW примыкаются к льду гористому, твердо стоящему; закраины оного были перпендикулярны и образовали заливы, а поверхность возвышалась отлого к югу, на расстояние, пределов которого мы не могли видеть с салинга {В третий раз русская экспедиция находилась вплотную к материку Антарктиды. Беллинсгаузен, повидимому, считал, что перед ним материк, что видно из следующих слов его предварительного донесения, присланного в Россию из Порт-Жаксона: "...не прежде как с 5-го на 6-е число дошел до широты $69^{\circ} 1' 80''$ южной, долготы $16^{\circ} 15'$ восточной. Здесь за лдяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу подобно берегу" (курсив наш). Лишь исключительная добросовестность не позволила ему уже тогда заявить об открытии русскими Антарктиды, поскольку все же у него не было полной уверенности, что "материк льда", "возвышаясь к югу подобно берегу", действительно является сушей. -- Ред.}. Между плавающим мелким льдом усмотрели несколько китов, в разных местах; пускающих фонтаны.

Видя лдяные острова, поверхностью и краями сходные с поверхностью и краями большого вышеупомянутого льда, пред нами находящегося, мы заключили, что сии лдяные громады и все подобные лды от собственной своей тяжести, или других физических причин, отделились от матерого берега, ветрами отнесенные, плавают по

пространству Ледовитого Южного океана; прочие же островершинные лдяные острова происходят от сих последних. Когда буря или другие причины отторгают от больших островов некоторые части оных, то сии острова, потеряв равновесие, плавают которым-либо краем или углом кверху или низом вверх; от сего составляются разнообразные их виды; мелкие плавающие льдины произошли из глыб, отделившихся от сих островов, и оттого под ветром каждого лдяного острова видно немало плавающих обломков льда.

Около льдов мы застрелили несколько бурных птиц -- полярную, снежную и погодовестника; сию последнюю можно встретить во всех широтах. Мы видели одну курицу Эгмонтской гавани, дымчатого альбатроса и множество голубых бурных птиц.

6 февраля. После полуночи небо покрылось облаками, ветер дул тихий SOtO, и от SO шла небольшая зыбь. Морозу было два с половиной градуса.

В 4 часа утра мы находились близко к мелким плавающим льдам. Я решился между оными сколько можно подойти к дальним лдяным горам, дабы их ближе рассмотреть. Мы беспрестанно переменяли направление курса, располагая так, чтобы избежать сильных ударов от льда. Плавающий лед похож на застаивающийся в заливах, т. е. плоский, толщиной от дюйма до четырех футов и более. Вода вокруг густа и подернута салом, которое, ветром сжимаемое, производит начало льда; когда зыбь не доходила к сему месту, то при первом штиле поверхность воды превращается в гладкий лед, а первый ветер от севера, разведя волнение, изломает оный в куски. В 6 часов утра плавающие льды становились так часты и крупны, что дальнейшее в сем месте покушение к S было невозможно, а на полторы мили по сему направлению видны были кучи льдов, одна на другую взгроможденных. Далее представлялись лдяные горы, подобные вышеупомянутым, и, вероятно, составляют продолжение оных. Мы тогда находились в широте южной 69° 6' 24", долготе 15° 51' 45" восточной {В первом издании опечатка: сказано "западной". -- Ред.}; лотом на глубине ста восьмидесяти сажень не достали дна; морозу было 4°; поворотили по ветру и старались рулем править так, чтобы избегнуть ударов плавающего льда. Дабы выйти из тесного места, легли к северу; однакож при входе, равно при повороте и выходе из льда, не избегнули, чтоб плавающие малые льды не попали под нос и не коснулись борта; но как шлюпы шли покойно, то от сего большого вреда не последовало, кроме что сорвало несколько шляпок с медных обшивочных гвоздей в носовой части и около бархоута. Шлюп "Мирный", находясь позади нас, также поворотил обратно из льда. Когда лед стал реже, тогда мы привели шлюпы в бейдевинд на правый галс на NOTO, при свежем брамсельном ветре от SOtO.

В вечеру накануне, для опыта, могла ли морская соленая вода от бывшей тогда стужи замерзнуть, я почерпнул оной в малый бак и повесил на штаг; с вечера было морозу 2,8°, в полночь 2,6°, в 6 часов утра 4°, и вода замерзла. Когда лед сей вынули из бака и дали несколько обтечь, то вода из оногo вышла свежая. Нет никакого сомнения, что лед, нами встреченный в широте 69°, составилсЯ и увеличился на месте от падающего снега и от беспрестанной сырости, которые, ложась на льды, примерзают и беспрерывным сим действием составляют громады льдов.

Ежели теперь, в летнее время, в 69° широты, было морозу четыре градуса, вероятно, что когда солнце надолго перестает согреть сии места, тогда при больших морозах

величина плавающих громад возрастает сугубо. Сегодня солнце и не проглядывало, а потому, как и в прошедшие дни, мы не могли сделать наблюдения; морозу в полдень было 2,5°.

После обеда, пригласив к себе лейтенанта Лазарева, я объявил ему, что по предлежащему нам дальнему плаванию к островам лорда Аукланда я намерен еще раз итти к югу в долготу восточной 60° и потом для безопасности удалиться к северу, дабы поспешить к Аукландским островам. Лейтенант Лазарев донес мне, что ежели плавание наше будет еще продолжаться, то он останется без дров. С некоторого времени сей недостаток оказывался и на шлюпе "Востоке", и для того я принял надлежащие меры, чтобы не пришлось доставать дров из-под водяных или винных бочек⁷⁶.

В 8 часов пополудни, проходя большой плоский лдяный остров на близком расстоянии, остановились в дрейфе; сделали десять выстрелов с ядрами в средину острова, но не могли отколоть потребного количества льда для наполнения бочек, и потому снялись с дрейфа и пошли прежним курсом. В вечеру лейтенант Лазарев и бывшие с ним два офицера возвратились на шлюп "Мирный".

Вокруг шлюпов летало много разных бурных птиц и плавало множество китов, пускающих фонтаны; вблизи к льдам китов было еще больше.

7 февраля. В полночь термометр стоял на 1 3/4° ниже точки замерзания; льды, хотя были далеко от нас, однакоже отсвечивание от оных видели мы подобно заре; изредка выпадал снег. В 6 часов утра, когда ветер зашел от ОНО, усмотря, что поворотом к СО можно выиграть несколько по долготу и там вновь итти в большую широту, я лег на СО 27°. В 4 часа пополудни встретили опять сплошные льды, из мелких горизонтальных льдин составившиеся; в середине их затерто было семь больших лдяных островов с плоскою поверхностью. С салинга не было видно конца льдам к югу, что и принудило нас поворотить на другой галс к НО и вновь итти к северу, дабы достигнуть западных ветров и, как в прошедшие плавания, итти к востоку.

При повороте мы находились в широте 68° 5' южной, долготу 16° 37' восточной. Морозу было 3°, ртуть в барометре стояла на 29,2. Ветр дул постоянный от востока.

Сегодня, кроме снежных и полярных бурных птиц, летало над шлюпами несколько птиц величиною с горлицу. Клюв и ноги у них красные, хвост длинный, раздвоенный, как у ласточек, крылья держат они в коленцах загнутые и тем отличаются в полетах от бурных птиц, летают очень высоко, кричат пронзительно и по большей части вертелись над вымпелом. Дабы узнать, к какому роду принадлежат сии птицы, мы желали застрелить хотя одну; послали матроза с ружьем на салинг, но, к сожалению, стрелец наш не попал ни в одну. Мы встретили подобных птиц около острова Южной Георгии⁷⁷; в течение дня видели одну курицу Эгмонтской гавани и много китов, пускающих фонтаны. Вновь появившиеся птицы и курица эгмонтская подают повод к заключению, нет ли где поблизости сих мест берега {Как видно, Беллинсгаузен опять высказывает предположение о близости материка Антарктиды.-- Ред.}, ибо первых нигде и никогда в открытом море мы не встречали.

В 8 часов вечера, по причине темноты, закрепили брамсели и взяли у марселей по одному рифу. В полночь морозу было два с половиною градуса; к югу над льдом

видели отсвечивание. Следующего утра, вновь прибавя парусов, продолжали курс на север, склоняясь к востоку, сколько позволял ветер, тот же свежий. Все офицеры и служители обрадовались появлению снова солнца, которого мы не видели семеро суток; все вышли на шканцы и бак, дабы, так сказать, насладиться лучами оживляющего светила.

8 февраля. В полдень находились в широте $67^{\circ} 25' 05''$ южной, долготе $19^{\circ} 2' 41''$ восточной; склонение компаса из найденных среднее было $24^{\circ} 44'$ западное, при курсе на NNO; морозу 1° .

В последние три дня сырной недели, следуя нашим русским обыкновениям, я велел к обеду для служителей печь блины из муки, которую матрозы натолкли в ступах из сорочинского пшена; в сии же три дня производили, сверх обыкновенной порции, по стакану хорошего пунша и пива, сделанного из эссенции.

Я почитал обязанностью на обоих шлюпах по возможности исполнять все относящееся до обрядов веры и до обычаев наших соотечественников: в каждый праздник все одевались в праздничное платье; в торжественные дни, сверх обыкновенной порции, производилась свежая свинина с кислую капустой, пунш или грок и вино. Доставляя таким образом удовольствие, я отвращал уныние и скуку, которые могли родиться в толь продолжительное время единообразия и опасности, когда льды, непрерывный снег, туманы и слякоть были нашими спутниками, Кому неизвестно, что веселое расположение духа и удовольствие подкрепляет здоровье; напротив, скука и унылость рождает лень и неопрятность, а от сего происходит цынготная болезнь.

Около полудня вновь появились пеструшки и голубые бурные птицы, дымчатые и обыкновенные альбатросы; несколько китов пускали фонтаны. Нас посетили и провели с нами весь день лейтенант Лазарев, мичманы Куприянов и Новосильской и медико-хирург Галкин.

9 февраля. Ночи были весьма темны, шел великий снег, ветер усиливался, развел большое волнение, так что к 2 часам пополудни 9-го числа мы принуждены взять все рифы у марселей и спустить брам-реи. Видели много китов и пегих морских свиней, которые стадами пересекали наш путь перед носом шлюпа.

Ртуть стояла на точке замерзания; от мокрого густого снега все веревки и паруса обледенели; на рассвете 10-го ветер смягчился; мы поставили все паруса и пошли к востоку.

10 февраля. По утру 10-го в широте $65^{\circ} 44'$ южной, долготе $23^{\circ} 18'$ восточной, склонение компаса из найденных среднее было $29^{\circ} 55'$ западное.

В 4 часа пополудни мы видели больших нам еще неизвестных птиц, у которых голова и спины темнобурые, крылья и брюхо белое, величиною несколько более пеструшек.

Вечер был светлый, и потому, не убавляя парусов, я приказал продолжать курс к востоку.

11 февраля. Зыбь шла от NOtO; в полдень мы находились в широте $65^{\circ} 12' 48''$ южной, долготе $28^{\circ} 15'$ восточной; склонение компаса среднее из найденных $32^{\circ} 11'$ западное; теплоты 2° .

До двух часов пополудни погода была прекрасная, а с сего времени ветер перешел к WSW; желая воспользоваться таковою переменою, я сделал шлюпу "Мирному" сигнал прибавить парусов. Около нас летали черные птицы величиною с голубя, которых мы также встречали при льдах, проходя Южные Сандвичевы острова; одну из сих птиц лейтенант Лазарев подстрелил; перья ее темнобурые, близки к черному, клюв и лапы белые, по всем признакам принадлежит к роду бурных птиц; я буду называть их, как до сего времени называл, малыми черными бурными птицами. Мы видели также тех птиц, которых встретили накануне. Полагал, что они живут на малых островах, от Доброй Надежды к югу лежащих; те и другие редко приближаются на такое расстояние, чтоб можно было застрелить. Мы еще видели малых голубых бурных птиц и двух альбатросов.

К вечеру ветер свежел и выпадал снег; у фор-марселя взяли последний риф, чтобы не уйти от шлюпа "Мирного" и для безопасности во время ночи, которая была темна и только временно прояснивало.

12 февраля. В полночь отдали марсели на эзельгофт78, ходу было шесть узлов. Шлюп "Мирный" не ранее 4 часов утра нас догнал; тогда отдали у грот-марселя два, а у фор-марселя и крьюселя по одному рифу. Зыбь, шедшая от NOtO, производила килевую качку. В 7 часов усмотрели на траверзе к югу лдяный остров, мимо которого вскоре прошли.

Имея благоприятствующий ветер для плавания к востоку и не встречая льдов, я приказал опять держать на юго-восток, дабы достигнуть большей широты и долготы, и на пути узнать в таком ли положении льды, в каком были во время плавания капитана Кука, за сорок семь лет пред сим. В 1773 году, генваря 6/17, сей великий мореплаватель в долготе $39^{\circ} 35'$ восточной находился в широте $67^{\circ} 15'$ южной (Точнее -- достиг указанной широты. -- Ред.), где, встретя непроходимые льды, пошел обратно в меньшие широты, и не простирал плавания далее к югу.

В продолжение дня мы шли по восьми миль в час, при свежем с порывами ветре от SW и большом волнении; небо было покрыто снежными облаками, временно выпадали снег и град; около нас летали голубые малые и большие бурные птицы стадами, несколько дымчатых альбатросов и одна курица Эгмонтской гавани.

В 8 часов вечера, по причине крайне темной ночи, мы взяли все рифы у марселей; я опасался встретить льды, так что невозможно бы было оных рассмотреть. В половине двенадцатого часа сделал сигнал шлюпу "Мирному" привести в бейдевинд на правый галс, дабы до рассвета не итти вперед. Морозу было 3° .

13 февраля. В полночь увидели к SW на горизонте небольшой свет, на зарю похожий и простирающийся почти на пять градусов; когда мы держали на юг, свет сей возвышался. Я полагал, что происходит от большой льдины; однако ж, когда начало рассветать, свет бледнел и при восхождении солнца на сем месте были белые весьма густые облака, а льду не видно. Подобного явления до сего времени мы не встречали.

В половине третьего часа, при рассвете, оба шлюпа снялись с дрейфа и, прибавя парусов, продолжали прежний курс на SO, при том же, но не столь сильном ветре, волнении от запада и выпадающем небольшом снеге, который к 7 часам утра прекратился. Мы находились в широте $66^{\circ} 59'$ южной, долготе $37^{\circ} 38'$ восточной; склонение компаса найдено $35^{\circ} 33'$ западное.

В полдень широта места нашего была $66^{\circ} 53' 17''$ южная, долгота $38^{\circ} 12' 20''$ восточная. Хотя солнце часто показывалось из-за облаков, но морозу было в полдень два, а в 6 часов пополудни три с половиной градуса. В двое суток течением нас снесло на NO 26° , девятнадцать миль.

С полудня переменный тихий ветер от юга и юго-востока, с густым снегом, продолжался до 9 часов вечера; тогда ветер вновь задул из SW четверти и я на ночь взял курс к O. Шлюп "Мирный" был в кильватере у "Востока".

В продолжение дня мы видели множество китов, пускающих фонтаны, дымчатых альбатросов, полярных и малых черных бурных птиц, также несколько из тех птиц, которых встретили 7-го числа. Птицы сии величиною с горлицу, имеют нос красный, шилообразный, верх головы и шеи черный; от носика до глаз перья с просединами; все другие светло-дымчатого цвета, только низ шеи и крыльев несколько побелее, хвост весь белый, раздвоенный вилообразно; когда крылья сложены, тогда большие перья продолжают длиннее хвоста на полтора дюйма. Ноги короткие, с тремя пальцами и острыми когтями, пальцы соединены перепонкою, как у всех водяных птиц, сверх сего на каждой ноге сзади по шпоре. Когда летают, всегда кричат наподобие куликов; имея длинные крылья, загнутые под тупыми углами, машут оными отлично от всех прочих морских птиц, которые держат крылья, вытянутые почти в прямую линию, и оными неприметно и плавно действуют. Птицы сии по всем признакам принадлежат к роду так называемых морских ласточек (Sterna). Я уже выше сказал, что подобных птиц никогда в открытом море в отдаленности от берегов не встречал. Ежели бы они могли держаться около льдов, мы бы и прежде и после их много встретили, и потому я полагаю, что непременно по близости сего места должен быть берег; самые же близкие и известные острова принца Эгмонта. Острова Пустые⁷⁹ и земля Квергелен находились от нас в 1 200 милях к северу. По таковому расстоянию невозможно предполагать, что птицы залетели с упомянутых берегов. Говоря о сем, я должен также заметить, что чем более мы шли в большие широты к сплошным льдам, тем более встречали китов, так что наконец умножающееся появление оных предвещало нам близость льдов.

14 февраля. 14-го ночь была темная, к югу по горизонту большой блеск; морозу 4° . В сие время мы пересекли путь капитана Кука. Видимый яркий блеск к югу служил достоверным доказательством, что и ныне множество льду в том месте, откуда капитан Кук 6/17 января 1773 года возвратился в меньшие широты; он тогда здесь встретил обширный сплошной лед, составившийся из плавающих, один на другой накинутах кусков. Вероятно, что в продолжение протекшего почти полвека с сими льдами последовали от непогод разные перемены: некоторые льды исчезли, а другие вновь возросли; но по тем же самым причинам, по которым Кук встретил непроходимые льды, место сие (от нас в тридцати милях к югу находившееся) и ныне покрыто множеством льдов.

В четверть третьего часа начало рассветать, мы прибавили парусов; когда совсем рассвело, в виду нас к SO насчитали до десяти лдяных островов и много плавающих небольших льдин.

По утру в широте $66^{\circ} 49' 5''$ южной, долготе $41^{\circ} 26'$ восточной найдено склонение компаса $40^{\circ} 13'$ западное. Капитан Кук на сем месте определил склонение $29^{\circ} 30'$; из сего видно, что оно в продолжение протекших сорока семи лет прибавилось на $10^{\circ} 43'$ к западу.

От полуночи до 9 часов утра имели маловетрие между S и O и штиль, после чего настал тихий ветер между N и O; я взял курс на SO 60° .

Пред полуднем, проходя близко небольшой льдины, мы остановились в дрейфе, спустили два яла и послали за льдом. Находились тогда в широте $66^{\circ} 52' 53''$ южной, долготе $40^{\circ} 55' 36''$ восточной.

Хотя по причине сильного буруна OtN и зыби затруднительно было колоть лед, однакоже когда оно нам привезли, я опять отправил ялы, но только что они достигли льдины, ветер перешел к O, начал дуть шквалами и покрывал горизонт туманом, а потому сделан сигнал ялам возвратиться; они тотчас прибыли и подняты на шлюп.

Когда с "Востока" суда отвалили, в то же время и с шлюпа "Мирного" два гребных судна пристали к льдине и набрали льду; но как он был дряблый, то по доставлении на шлюп оказался напитан морской водою, и лейтенант Лазарев велел выбросить за борт.

Ветр более и более усиливался с туманом и мокрым снегом. К 7 часам пополудни мы принуждены взять остальные рифы у марселей, спустить брам-реи и брам-стенги. Морозу было два градуса. Весь такелаж, паруса и самые шлюпы обледенели, мы не успевали очищать снег с бегучих веревок и с палубы. При таком сильном ветре, густом тумане и снеге весьма опасно было находиться среди лдяных островов.

Мы шли на NW 20° , неся мало парусов, дабы к ночи выйти из видимой опасности. Волнение было великое; темноту умножал туман и густой снег, от которых зрение могло простираться на самое малое расстояние; на пути нашем были лдяные острова. К великому счастью, в десятом часу вечера ветер уменьшился, но в продолжение ночи выпадал такой густой и мокрый снег, что покрывал паруса и такелаж, падая, ко всему примерзал, с трудом едва успевали от оногo очищаться.

15 февраля. Переменный со всех сторон ветер, при пасмурной погоде, с мокрым снегом, сделался противный, крепкий от востока. Шлюпы терпели ужасную, вредную качку, ибо огромная зыбь шла от WSW, встречаясь и соединяясь с волнением, разведенным от востока, возвышалась ужасным образом остроконечными вершинами, с коих ветер срывал кипящую седую пену и носил оную по воздуху. Сие волнение вредно судам, ибо бока от противных сил и неуступчивости с обеих сторон, близки к отвесному положению. Судно, восходя на таковую волну, с одной стороны встречает великое количество воды, в то время, когда с другой тем же волнением изрыта пропасть, в которую судно стремится упасть боком.

В продолжение сей неприятной ночи шлюпы взаимно не видали сожженных фальшфейеров, не слышали выстрелов из пушек.

До 3 часов ветер был переменный, морозу полтора градуса, ртуть в барометре стояла на 28,80. Полагая, что шлюп "Мирный", как обыкновенно, отстал и находился позади нас, я поворотил с полуночи чрез фордевинд, чтоб к рассвету соединиться. Нам обоим разлука была бы затруднительна, ибо по предписаниям, которые даны от меня лейтенанту Лазареву, надлежало искать друг друга три дня на том месте, где разлука последовала, чрез что каждый из нас потерял бы три дня, находясь в опасности между льдами при пасмурности, крепком ветре и беспрестанном снеге; к общей радости, мы скоро увидели нашего сопутника, сблизились и пошли к северу.

Хотя здоровье офицеров и служителей было в самом лучшем состоянии и позволяло продолжать покушение к югу, но как до Порты-Жаксона, ближайшей гавани, в которой я мог запастись дровами, водою и прочими свежими съестными припасами, оставалось еще по долготе 120° и по широте 31° , т. е. по кратчайшему пути надлежало идти пять тысяч миль, при том же плавание наше от Рио-Жанейро продолжалось уже тринадцатую неделю; погоды по наступающему позднему времени стояли бурные, морозу в широте около 67° было 4° ; по всем сим обстоятельствам я счел полезным выйти из больших южных широт, где всегда встречал восточные противные ветры, и обратиться к северу до той параллели, где встречу первый попутный ветер, и при сем ветре идти к востоку до долготы 90° восточной и широты 61° южной. При таком расположении я имел в виду обозреть ту часть Ледовитого океана, в которой никто еще не бывал. Капитан Кук представил сие будущим мореплавателям, а сам направил путь в меньшие широты, для отыскания земли, в недавнем времени обретенной французским капитаном Квергеленом {Мореплаватель Квергелен, начальствуя судами "Фортуною" и "Толстым Брюхом"⁸⁰, отправился от острова Маврикия или Иль-де-Франса в исходе 1771 года; генваря 31-го числа 1772 года увидел два острова и назвал Фортуною, а на другой день еще остров, который по виду наименовал Круглым; тогда же усмотрел еще берег, который назвал землею Квергелена (la terre de Kerguelin).}, которую многие почитали мысом южной матерой земли.

Когда совершенно рассвело, тогда на горизонте не видно было льда, а шлюп "Мирный" представился глазам нашим в обыкновенном зимнем виде, т. е. покрытый снегом.

К полудню ветер несколько стих, у марселей отдали рифы; по причине пасмурности не могли сделать наблюдения в полдень. В 4 часа пополудни увидели к OSO две льдины в дальнем расстоянии.

16 февраля. Ночь была темная, морозу полградуса и штиль; жестокая качка от двух зыбей продолжалась. От полуночи до утра выпало много снегу.

В полдень морозу было 2° . Широта места нашего оказалась $65^{\circ} 48' 31''$ южная, долгота $41^{\circ} 44' 19''$ восточная. Склонение компаса $40^{\circ} 33'$ западное.

Ветер перешел к северу и дул тихо. Мы держали к О, впереди увидели большую высокую льдину; подошел к оной в 5 часов, легли в дрейф, произвели из пушек пальбу с ядрами в льдину, но за качкою худо попадали. Однакож по другую сторону нашли несколько кусков льда, которые и привезли на шлюп, а между тем шлюп "Мирный", далеко позади отставший, нас догнал.

Сей льдяный остров имел в высоту более ста пятидесяти футов. Когда мы близко проходили, у нас все паруса обзвевались. Остров был в половину перевернувшийся, ибо часть, которая находилась в воде, была сверх воды, как из цвета льда видно; буруном обмытая часть была синевата; на больших выдавшихся под водою льдяных мысах ходил бурун зеленоватого цвета.

Между тем как набирали лед, капитан-лейтенанту Завадовекому удалось застрелить пингвина, который нырял около шлюпа; весом оказался в тринадцать фунтов, принадлежал к породе малых или простых пингвинов, тех самых, которых ловили со льдов. Мы давно уже не встречали сих птиц и не знали, чему отнести появление пингвина: близости ли берега, или что попавшийся нам отстал далеко от стада, а такого льда, на который им удобно взлезать, поблизости не было. В 10 часов вечера подняли гребные суда и легли к северу при ветре противном от ОНО.

17 февраля. В полдень 17-го находились в широте $65^{\circ} 5' 20''$ южной, долготе $41^{\circ} 21' 34''$ восточной. Склонение компаса было $38^{\circ} 9'$ западное.

18 февраля. Почти в продолжение суток выпадал снег при пасмурности. Мы шли прежним курсом к северу до 4 часов утра 18-го, тогда, дабы отдалиться от пути капитана Кука, которым держались против воли по причине противного восточного ветра, поворотили на SOTs, но сим курсом шли только до полудня; ветер сделался весьма крепкий, почему для безопасности опять поворотили к северу. Вскоре наступила буря с густою мрачностью и снегом; мы остались под штормовыми стакселями. Развело великое волнение, ветер нес снег и брызги вод, которые, упавая на паруса и снасти, тотчас замерзали, и веревки были покрыты льдом более дюйма в толщину. Шлюп "Мирный" находился далеко на ветре, а к 5 часам пополудни поднесло его близко. Лейтенант Лазарев, полагая, что мы были под ветром и за густою мрачностью его не видим, выпалил из четырех пушек и сделал весьма хорошо, ибо мы действительно худо его видели. Нам смотреть на ветер было затруднительно по причине весьма резкого ветра, имея три четверти градуса мороза, при густом снеге и при брызгах, которыми заслепляло глаза.

По сей причине я спустился в бакштаг и отошел на такое расстояние, чтоб быть в безопасности на всю ночь. Шлюп "Мирный" скоро скрылся. Едва успели привести к ветру, как закричали с бака: "перед носом, несколько под ветром, льдяный остров"; я приказал положить руль на борт, но медленное действие руля увеличило ужас. Погода при густом снеге была так бурна и пасмурна, что ежели бы и в самом деле встретили льдину, то не прежде бы оную увидели, как на расстоянии $3/4$ кабельтова. Пришел с офицерами на бак и с тщанием рассматривая во все стороны, мы все ничего не видали, и потому заключили, что часовой, поставленный смотреть вперед, видел токмо в густой мрачности пенящуюся вершину разрушающейся волны, а как у людей боязливых глаза велики и неверны, то он и почел сию волну за льдяный остров. Совершенно уверясь, что льда нет, или ежели и есть, то-за пасмурностью не виден, я приказал снова привести к ветру. Впрочем сей случай представил нам живо всю опасность, какой мы подвергались: неведение о льдах, буря, море, изрытое глубокими ямами, величайшие подымающиеся волны, густая мрачность и таковой же снег, которые скрывали все от глаз наших, и в сие время наступила ночь; бояться было стыдно, а самый твердый человек внутренне повторял: боже, спаси!

К ночи прибавили везде, где было нужно, часовых, и велели о малейшем призраке доносить вахтенному.

19 февраля. В 8 часов утра, когда на короткое время пасмурность прекратилась, к общей радости нигде льда не было видно. Шлюп "Мирный" находился от нас на $NO\ 60^\circ$ под зарифленными штормовыми стакселями. Тогда же мы заметили несколько летающих полярных бурных птиц, которых еще не встречали к северу от Полярного круга; вероятно сии птицы силою бури извлечены из места, природою для них предназначенного.

20 февраля. При пасмурности и густом снеге буря свирепствовала и прекратилась не прежде 4 часов утра 20-го числа; но мокрый снег продолжался.

В 5 часов мы поставили фок, а в 9 марсели, всеми рифами зарифленные. В 10 часов увидели опять шлюп "Мирный". В самый полдень на короткое время появилось солнце. Широта нашего места оказалась $63^\circ\ 20'\ 44''$ южная, долгота $40^\circ\ 18'\ 50''$ восточная.

Сего утра мы приведены в недоумение, увидя в море, недалеко на ветре, две дощечки, похожие на обшивку ялика. Как они были довольно новы, еще не обросли мхом и ракушками, то мы заключили, что у шлюпа "Мирного" разбило волнением ялик, или кто-нибудь из европейцев недавно потерпел кораблекрушение в сих широтах, ибо от течения, равно и от волнения, не могли бы сии дощечки в такую большую широту доплыть иначе, как обросшие мхом, ракушками и разными морскими слизями. При сем явлении мы делали друг другу вопросы: неужели кто-нибудь, кроме наших двух шлюпов, здесь еще простирает плавание? В вечеру все сие объяснилось: усмотрели, что доски сии были оторваны от нашего шлюпа внизу у подветренной шкафутной сетки.

Здесь читатель конечно заметит, что многие путешественники при встрече каких-либо обстоятельств, более или менее важных, не зная точной оным причины, делают часто неосновательные заключения, подобно как с нами случилось.

В продолжение минувшей бури мы весьма мало видели морских птиц; с шлюпа "Мирного" усмотрели одного пингвина и кита, пускающего фонтаны.

21 февраля. Ночь была лунная, звезды блистали, морозу один градус; в 4 часа утра рассвело; ветер постепенно затихал и отходил к SWtW; я взял курс прямо на восток, в намерении итти сим направлением, доколе не встречу каких-либо непреодолимых препятствий.

Мы находились в широте $62^\circ\ 44'\ 47''$ южной, долготе $41^\circ\ 31'\ 5''$ восточной; в сей широте я надеялся воспользоваться благополучным ветром, ибо в средних южных широтах господствуют западные ветры.

От долговременных непрерывно сырых и холодных погод, снега, слякоти, пасмурности и бурь сырость распространилась в шлюпе повсюду; хорошая погода была для нас необходима. Чтобы предупредить дурные от таковых обстоятельств последствия, я приказал развести в печках огонь для просушки в палубах, где жили нижние чины, а офицерские каюты просушивали калеными ядрами. Во время сильной бури употреблять сию меру для отвращения сырости было бы опасно.

Подняв брам-стенги и брам-реи на места, отдали у марселей по одному рифу. Парусов не могли более нести по причине продолжавшейся после бури великой зыби и потому, что шлюп "Мирный" отставал.

В широте $62^{\circ} 50'$ южной, долготе $42^{\circ} 5'$ восточной, определили склонение компаса $39^{\circ} 2'$ западное.

В 10 часов вечера прошли вблизи ледяного острова, который усмотрели уже перед носом шлюпа. Ежели бы ночь была не лунная, тогда который-нибудь из шлюпов не избежал бы несчастного приключения. Шлюп "Мирный" был в стороне к северу.

В продолжение дня временно выпадал снег, и мы видели несколько китов, дымчатых альбатросов, одну белую и много голубых и черных бурных птиц, также пеструшек.

22 февраля. При свежем ветре от StW продолжали курс на восток. Ночью иногда из-за облаков, в отраду нам, выглядывала луна; ходу было по семи узлов в час; в ночную трубу беспрерывно смотрели с баку вперед, дабы не набежать на льдину. Шлюп "Мирный" был в кильватере.

В продолжение суток временно находили порывы ветра, снежные тучи и шел крупный град.

23 февраля. В полночь морозу было один градус. Мы шли при том же ветре, под одними зарифленными марселями по семи миль в час. Я с нетерпением ожидал рассвета, ибо желал воспользоваться благополучным ветром и скорее достигнуть Новой Голландии, что было необходимо нужно для здоровья служителей.

К полудню солнце выглянуло из-за облаков; мы определили широту $62^{\circ} 27' 58''$ южную, долготу $52^{\circ} 26' 41''$ восточную. Находясь в той же широте, но при долготе $53^{\circ} 12'$, нашли склонение компаса $44^{\circ} 4' 5''$ западное.

В продолжение дня прошли мимо семи ледяных островов, около которых под ветром грудками плавали льды, вероятно силою прошедшей бури отторгнутые от островов.

Шлюп "Мирный" днем от нас держался к северу в расстоянии четырех миль, а к ночи, по обыкновению, входил в кильватер, дабы не разойтись.

24 февраля. В полночь морозу было 1° . Небо покрылось облаками, из коих временно светила луна; ходу было не более четырех миль в час.

С 3 часов утра ветер от SW перешел к западу и засвежел, а в пятом часу задул от севера. Горизонт покрылся пасмурностью и выпадал густой снег.

По причине темноты мы не могли видеть далеко и потому остались под одними марселями, обезветрив крьюсель, чтоб иметь менее хода.

При рассвете, за пасмурностью и густым снегом, не видали шлюпа "Мирного", я приказал каждые полчаса стрелять из пушки, последние выстрелы были с ядрами, однакож на "Мирном" оных не слышали. В 7 часов, когда на короткое время снег прекратился, мы увидели своего сопутника впереди, он пробежал мимо нас, когда мы для него убавляли парусов.

В 3 часа пополудни лейтенант Лазарев уведомил меня чрез телеграф, что видел в полдень урила⁸¹, который поднялся с воды и полетел к западу; мы тогда находились в широте 62° 32' южной, долготе 57° 41' 17" восточной, а в 10 часов вечера слышали крик пингвина. То и другое может быть доказательством близости берега, особенно первое; ибо урил, по тяжелому своему полету, не отлетает так далеко в море. Ближайший, известный остров Квергелена находился от нас на восемьсот миль к северу. Такое расстояние я почитаю слишком велико для перелета прибрежной птицы; разве крепкими северными ветрами отнесенная от острова Квергелена блуждает по морю.

В продолжение всего дня ветер дул свежий, при пасмурности и мокром густом снеге. Мы имели ходу по восьми узлов в час. Хотя пределы нашего зрения, по причине пасмурности и снега, весьма были стеснены, однакоже до полудня мы видели и прошли мимо трех, а после полудня мимо четырех лдяных островов. Ежели бы погода была ясная, вероятно, много бы оных увидели.

25 февраля. С тем же крепким ветром от NNW при пасмурности с мокрым снегом и при пол градусе мороза, мы шли ночью к востоку, имея крьюсель на стеньге для уменьшения хода.

В 4 часа утра посредством фальшфейера⁸² оба шлюпа показали свои места. "Мирный" держался в кильватере.

Лейтенант Лазарев в своих замечаниях говорит: "хотя мы смотрели с величайшим тщанием вперед, но итти в пасмурную ночь по восьми миль в час казалось мне не совсем благоразумно". Я согласен с сим мнением лейтенанта Лазарева и не весьма был равнодушен в продолжение таковых ночей, но помышлял не только о настоящем, а располагал действия свои так, чтобы иметь желаемый успех в предприятиях наших и не остаться во льдах во время наступающего равноденствия {Во время равноденствия обычно бывают особенно сильные штормы. -- Ред.}.

С утра прибавили парусов, чтоб воспользоваться благополучным ветром, но скоро после полудня остались опять под одними марсеями, закрепив все рифы, дабы шлюп "Мирный" мог догнать нас. В 4 часа в правой стороне видели несколько лдяных островов. В 9 часов вечера ветер зашел от NWtW, дул сильный с порывами, при пасмурности, мокром снеге и дожде; по дурной погоде ничего не видали впереди нас, что и побудило меня, поворотя, итти на другой галс, до следующего утра.

26 февраля. В 2 часа ночи крепкий ветер опять задул от W, с густым снегом и мрачностью; черные тучи быстро неслись по зоздуху. Мы поворотили на левый галс, держались к ветру до рассвета и закрепили крьюсель.

В половине пятого часа спустились на О. В 6 и в 10 часов прошли мимо двух лдяных островов; первый остался к югу на четыре мили, а последний в той же стороне в трех милях.

К 8 часам небо начало очищаться от облаков; день сделался ясный и погода была прекрасная, -- мы могли поверить свое плавание. Хотя брать высоты было не очень удобно по причине великой качки, однако же и сие сделали по возможности. Вывесили

для просушки служительское платье, койки, паруса, в чем давно настояла нужда, ибо они беспрерывно были подвержены сырому воздуху.

В полдень находились по наблюдению в широте $62^{\circ} 47' 46''$ южной, долготе $68^{\circ} 50' 28''$ восточной. Склонение компаса в той же широте и долготе $68^{\circ} 43'$ восточной оказалось $48^{\circ} 9'$ западное. Мы тогда прошли мимо льдины высотой в двести футов, а в окружности близ трех миль.

Ветр с полудня стихая, постепенно заходил к О; в 8 часов вечера дул противный ОНО, и мы поворотили на ночь к северу, ибо по сему направлению полагал я встретить меньше льда.

В продолжение частых крепких ветров и большого волнения румпель в гнезде ослабел; чтобы по возможности исправить сие важное повреждение и руль укрепить, я нес мало парусов. Румпель более ссадили и снова навинтили, но все остался не надежным. Около шлюпа летало несколько малых и больших черных бурных птиц, пеструшек и серых альбатросов.

27 февраля. Крепкий ветер, пасмурность, снег и дождь продолжались. В 7 часов мы прошли мимо ледяного острова.

Ветр к полудню затих. Волнение от прошедших ветров производило чрезвычайную боковую и килевую качку. Пасмурность, мокрый снег и дождь, иногда с перемешкою туман, не уменьшались.

Ненадежный наш румпель меня беспокоил; я вновь приказал исправить, но при осмотре, когда стали вынимать, к удивлению нашему, половина конца от гнилости осталась в руле, надлежало сколь можно скорее вставить запасный румпель. Нужные железные вещи не все приходились к оному. Неблагонадежность румпеля, столько нужного для безопасности судна, доказывает нерадение корабельного мастера, который, забыв священные обязанности службы и человечества, подвергал нас гибели. При сем не могу умолчать, что я в продолжение службы нередко был свидетелем неприятных объяснений морских офицеров с корабельными мастерами об отпускаемых на суда ненадежных вещах.

Сегодня издержали остальный лед; при бывшей бурной погоде не могли запастись оным, хотя часто встречали ледяные острова.

Кроме ежедневно встречаемых и часто упоминаемых птиц, летали вдали от шлюпов птицы величиною с ворону, у которых брюхо белое, а верх весь черный. Мы их несколько раз и прежде видели, но нам ни одной не удалось подстрелить. С шлюпа "Мирного" видели двух пингвинов.

28 февраля. Во всю ночь продолжалась пасмурность и беспрерывно выпадал снег. Плавание наше было беспокойно от встречаемых зыбей с разных сторон. Морозу имели 1° .

От рассвета до полудня погода стояла переменная, временем ясная или шел густой снег, который все от нас скрывал. Мы снег сей собирали и превращали в воду для свиней и баранов.

В полдень находились в широте $62^{\circ} 4' 14''$ южной, долготе $68^{\circ} 15' 40''$ восточной. Склонение компаса из найденного среднее $45^{\circ} 19'$ к западу.

С полудня при тихом восточном ветре мы достигли в меньшую широту. В вечеру небо совершенно очистилось от облаков и мы имели неописанное удовольствие видеть созвездие Ориона и Южный крест, которые несколько месяцев были скрываемы туманами, пасмурностью и снежными облаками. С обоих шлюпов видели трех пингвинов, сверх сего с шлюпа "Мирного" нырков, точно таких, каких встретили около острога Георгия; они служат доказательством близости берега. Из птиц летали стадами пеструшки черные и несколько синих бурных птиц и дымчатых альбатросов.

В 9 часов вечера к ночи взяли у марселей по рифу; небо вновь покрылось облаками, и пошел небольшой снег.

29 февраля. В 4 часа утра ветер столько отошел к югу, что позволил нам опять держать на восток. При рассвете увидели шлюп "Мирный" весьма далеко назад, для чего убавили парусов. В 6 часов утра ртуть в термометре стояла на точке замерзания.

В 11 часов шлюп "Мирный" все еще был от нас далеко; мы убавили парусов, но он лег в дрейф, чтобы взять застреленную курицу Эгмонтской газани, и я сделал при пушечном выстреле сигнал сняться с дрейфа.

В полдень находились в широте $61^{\circ} 21' 40''$ южной, при долготе $69^{\circ} 36' 57''$ восточной. Склонение компаса найдено $45^{\circ} 26'$ западное.

При умеренной стуже густой снег падал местами в стороне от нас; льду не было видно. На ночь остались под рифлеными марселями, чтобы иметь менее ходу. Когда снежные тучи прошли, мы могли видеть вперед на два кабельтова.

В продолжение сего дня показывались пингвины, альбатросы дымчатые и белые, пеструшки и голубые бурные птицы. Сих последних есть еще род, многим больше, величиною с ворону, крылья у них темные; к шлюпам близко не подлетали, и мы их видели реже других птиц; полет их быстрее, и они красивее всех известных бурных птиц.

Плаванию нашему, считая от выхода из Рио-Жанейро, прошло ровно сто дней. Мы включили сей день в число праздников, который офицеры отличили тем, что потчивали взаимно друг друга вареным на молоке шоколадом, приготовленным впрок Гамбелем, а для служителей зарезана была свинья и сварены ши с кислой капустой, со свиной, и сверх обыкновенного дано по стакану хорошего горячего пунша.

В сию ночь мы несли довольно парусов по причине тихого ветра, равно и потому, что не встретили ни одного лдяного острова. Во время темноты ночной видели светящуюся поверхность моря, чего в больших широтах не видали, потому что светящиеся морские животные не переходят далее известного им предела. Вероятно есть степень холода, которой они сносить не могут, подобно всему, что имеет жизненность на обитаемом нами шаре.

1 марта. В полночь оба шлюпа показали сожжением фальшфейеров свои места. "Мирный" находился в кильватере, недалеко от нас. Ветр перешел к SSO, мы продолжали плавание в бейдевинд правым галсом; ночь была темная.

В 2 часа по крепости ветра убавили парусов и взяли еще у марселей по рифу.

В продолжение суток ветер дул резкий, порывами, тучи наносили мелкий сухой снег и град; морозу было в 6 часов утра 3° , в полдень 2° , а в 6 часов вечера опять 3° .

Когда к вечеру по причине приближающейся ночи убрали фок, фока-галс не могли выдернуть, оттого что обливаем непрерывно брызгами, от большого холода замерз в шкиве. Равно все веревки под бушпритом толсто обледенели; хотя лед сей составил от соленых брызгов, но не был солен.

Мы видели великие стада черных бурных птиц, одного большого белого альбатроса с черными крыльями и кита.

Около полудня во множестве небольшие белобокие морские свиньи перерезывали непрерывно путь наш перед носом шлюпа, плыли по крайней мере в полтора раза скорее шлюпов, которые тогда имели ходу шесть с половиной и семь миль в час.

С 1 марта мы начали считать другую сотню дней нашего плавания. Офицеры и служители были совершенно здоровы. В продолжение всего времени умер на шлюпе "Мирном" один матроз нервною горячкой. Медико-хирург Галкин, сколько ни старался подать ему всевозможную помощь, но от сильного действия сурового климата все его усилия остались тщетны.

Паруса и бегучий такелаж на шлюпах от частой долговременной мокроты обветшали, количество дров и воды приметно уменьшалось, особенно первых. Я намерен был запастись водою, когда встретим лдяный остров, ежели только погода позволит.

2 марта. Мы продолжали путь на восток, при резком свежем ветре от SSW. Погода была сухая, морозу 2° ; временно скоро набегающие облака по ветру наносили сухой, мелкий снег и град; плавание было беспокойно от южной зыби и волнения, ветром производимого.

Я старался ночью иметь ходу как можно менее; паруса обрасопили, чтоб они заигрывали; но при всем том мы шли по пяти узлов в час.

К крайнему моему сожалению, должен был взять все рифы у марселей и итти под сими малыми парусами, дабы шлюп "Мирный" мог держаться за нами. Такое в ходе шлюпов неравенство, при всем искусстве и попечительности лейтенанта Лазарева, производило великое неудобство в столь важном предприятии; так сказать, почти на всяком шагу препятствовало успешному плаванию вверенного мне шлюпа; я неоднократно помышлял шлюп "Мирный" вовсе оставить, и конечно бы на сие решился, ежели б данная, мне инструкция не воспрещала нам разлучаться в больших южных широтах.

В полдень мы находились в широте $60^{\circ} 45' 44''$ южной, при долготе $76^{\circ} 51' 31''$ восточной.

В 2 часа пополудни увидели впереди лдяные острова, чрез час вошли между оных; в горизонте было до десяти, можно полагать и больше, но за пасмурностью мы недалеко видели. Чтoб обойти один из сих островов, мы должны были спуститься; жестокий резкий ветер и великое волнение воспрепятствовали нам помышлять о набрании льда.

Лейтенант Лазарев весь день держался от нас к северу в семи милях, а к ночи вошел в кильватер. Мы продолжали до полуночи итти по восьми узлов, но по причине темноты обезветрили грот-марсель, чтоб уменьшить ход.

Встретившиеся нам в продолжение дня лдяные острова подали причину к заключению, что будем видеть оные часто. Приближение ночи, крепкий ветер, большое волнение еще сильнее умножали опасность таковой встречи; ибо при крепком ветре и волнении в ночное время при большом ходе шлюпа весьма трудно отличать льды от кипящей на волнах пены; а притом самое внезапное приближение к лдяным островам во время свежего ветра и мороза может затруднить управление судном. При каждой неожиданной перемене движения шлюпов потребны были великие силы, ибо весь бегучий такелаж, посредством которого всякое движение судна производится, от мокроты и мороза затвердел так, что весьма трудно было веревки распрямить.

3 марта. Ртуть в Реомюровом термометре стояла ночью на двух с половиной градусах ниже точки замерзания. Лишь только офицер, управляющий вахтою, успел смениться, приметили по временам показывающееся мерцание света, причины коего мы сначала не знали. Наконец, в исходе второго часа ночи, когда облака стали реже, открылось взору нашему прекраснейшее и величественнейшее явление природы. На юге представилось нам сначала два столба бело-синеваго цвета, подобно фосфорическому огню, с скоростью ракет из-за облаков на горизонте исходящие; каждый столб был шириною в три диаметра солнца; потом сие изумляющее нас явление заняло пространство на горизонте около 120°, переходя зенит. Наконец, к довершению явления, все небо объято было подобными столбами. Мы любовались и удивлялись сему необыкновенному зрелищу. Свет был так велик и обширен, что от непрозрачных предметов была тень подобно как во время дня, когда солнце закрыто облаками; можно было без труда читать самую мелкую печать.

Явление мало-помалу исчезло и, освещая во всю ночь горизонт, приносило нам великую пользу, ибо уже за несколько дней пред сим в самую облачную ночь становилось по временам светло, чему мы не знали причины, а при сем свете могли смелее продолжать плавание.

Последнее такового рода явление показалось сначала небольшим бело-синеватым шаром, из коего мгновенно распространялись по своду небесному того же цвета полосы и некоторые простирались до противоположного горизонта; а иные, достигая зенита, переходили оный; иногда на небесном своде представляли подобие пера, а иногда все небо и даже горизонт на севере покрывались сим светом. При утренней заре прекрасное южное сияние постепенно исчезало.

Ветр дул крепкий от SW, мы шли к востоку. На рассвете увидели впереди четыре лдяных острова. Великое волнение с яростию разбивалось о ближайший к нам остров. Брызги, поднимаясь, уносимы были ветром чрез остров, который видом подобен был маяку.

До полудня мы прошли тринадцать ледяных островов и плавающих льдов. В полдень по наблюдению находились в широте $60^{\circ} 49' 11''$ южной, долготе $82^{\circ} 22' 16''$ восточной. Склонение компаса было западное $48^{\circ} 4'$, среднее из найденных.

От полудня до сумерек прошли мимо разных ледяных островов, которых число час от часу умножалось. В вечеру набежал от запада сильный шквал; при ночной темноте и великом снеге мы далее пяти шагов вперед не могли видеть, почему в 10 часов вечера привели к ветру на север и остались до рассвета в сем положении.

4 марта. В продолжение всей ночи ветер дул довольно свежий с порывами при чрезвычайно густом снеге, но как скоро перестал идти снег, открылось южное сияние во всем величии и блеске, совершенно отличное от того, которое мы видели 3-го числа; весь небесный свод, исключая от горизонта на 12 или 15° , покрыт был радужного цвета полосами, со скоростью молнии извилисто пробегающими от юга к северу и переливающимися из цвета в цвет. Сие явление, превосходящее всякое описание, приводя нас в величайшее изумление, спасло, может быть, от бедствия. Когда после снежной тучи осветило море сиянием, мы увидели, что прошли подле ледяного большого острова, оставя оный под ветром; почитали себя счастливыми, что не задели за остров.

Впоследствии лейтенант Лазарев мне рассказывал, что некоторые матрозы его шлюпа при сем внезапном явлении вскричали: горит небо и уже недалече! Я сему не удивился, ибо думаю, что таковое внезапное зрелище изумило бы и самого профессора, преподающего лекции по сей части, ежели ему не случалось прежде видеть подобных явлений.

В четыре с половиной часа, лишь только рассвело, я спустился на $SO 70^{\circ}$, и мы увидели вблизи нас двенадцать больших ледяных островов. К 8 часам прекратились порывы с густым снегом, но ветер продолжался тот же. Ледяные острова беспрерывно умножались на пути нашем, и многие были огромной величины.

В 10 часов утра, когда по великому числу ледяных островов они становились опасны, я лег на NO , и шлюпу "Мирному" чрез телеграф велел переменить курс влево на четыре румба.

В сие время проходили льдину, которая имела вид древних башен. Капитан-лейтенант Завадовский посредством секстана нашел, что высота сего ледяного острова в 357 английских футов от поверхности моря {108 м. -- Ред. }. Художник Михайлов нарисовал вид острова.

Лейтенант Лазарев в первое наше после сего свидание говорил мне, что когда шлюп "Восток" проходил вблизи одного из островов и был в расстоянии от "Мирного" около пяти миль, тогда казалось, что его рангоут вышиною в третью долю ледяной громады. Из сего лейтенант Лазарев заключил, что остров возвышался на 408 футов {124 м. -- Ред.}.

Таковая высота сверх поверхности моря -- средняя между спицами Петропавловскою в С.-Петербурге и Св. Михаила в Гамбурге. Первая в 385 английских футов, а последняя в 429. Лыдина имела верх острый.

Шлюп "Мирный" по причине дальнего от нас расстояния не скоро исполнил по сигналу, и для того сигнал повторен при двух пушечных выстрелах с ядрами.

В полдень мы находились в широте $60^{\circ} 29' 35''$ южной, долготе $86^{\circ} 6' 5''$ восточной. Склонение компаса было западное $49^{\circ} 40'$, среднее из найденных.

С самого утра и до 5 часов пополудни мы шли между лдяными островами и плавающими льдинами. Подле одного огромного острова, от которого волнением отбило несколько кусков льда, мы легли в дрейф и спустили ялы, набрали льда до десяти бочек, потом, подняв ялы, к ночи взяли у марселей по два рифа и направили курс на $NO 40^{\circ}$.

Во время дрейфа приехал к нам командир шлюпа "Мирного". Я объявил ему намерение мое оставить большие широты, как по множеству встречаемого льда и приближению равноденственного бурного времени, так и по темноте ночей и по беспрестанным снегам; объявил, что вместо Аукландских островов, к которым назначено мне дойти, пойду в Порт-Жаксон, где можно запастись всеми свежими съестными припасами, коих нет на Аукландских островах да и дров в Порт-Жаксоне больше. Вследствие сего предположения я сказал лейтенанту Лазареву, что близ пересечения пути капитана Кука шлюпы должны разлучиться. "Мирному" должно итти по параллели на $2\ 1/2$ или 3° южнее пути капитана Фюрно {Участник экспедиции Кука, командовал кораблем "Адвенчур". -- Ред.}; приближаясь к долготе 135° восточной, войти в широту $49^{\circ} 30'$ южную и продолжать плавание к востоку по сей параллели, дабы осмотреть остров Компанейский⁸³, означенный на Аросмитовой карте в широте $49^{\circ} 30'$ южной, долготе $143^{\circ} 4'$ восточной; потом, обзрев пространство от сего острова до южной оконечности Вандименозой земли {Вандименова земля -- остров Тасмания. -- Ред.}, итти в Порт-Жаксон. Шлюпу "Востоку" назначил плавание севернее пути капитана Кука, также на $2\ 1/2$ или 3° , дабы оба шлюпа перешли и обзрели пространство моря по долготе на 55° , по широте на 8° , которое еще никем из известных мореплавателей не было обозреваемо. Приблизившись к острову Компанейскому, я намерен был осмотреть оный и потом уже итти в Порт-Жаксон. Я присовокупил лейтенанту Лазареву, что когда наступит час разлучения, о сем ему дам знать чрез телеграф.

Ночью мы шли тем же курсом под малыми парусами. Два раза набегали шквалы от SW, с таким густым снегом, что на десять сажень ничего не возможно было видеть.

5 марта. В 3 часа утра мы вошли между множества льда, плавающего большими кусками, но, к счастью нашему, в сие время южное сияние осветило море, так, что мы могли все видеть и избрать путь, дабы миновать льды. Через час вышли на свободное место.

При рассвете открылось до одиннадцати лдяных островов в разных направлениях от шлюпа. Весь следующий день мы шли между лдяными островами. В полдень находились в широте $59^{\circ} 00' 31''$ южной, долготе $88^{\circ} 51' 9''$ восточной. Склонение компаса было среднее из найденных $48^{\circ} 2'$ западное; к вечеру лдяные острова показывались реже. В продолжение дня проходило несколько туч с снегом, и, как по наступающему равноденствию, я не надеялся иметь более благоприятного случая

нарубить льда, то выпадающий снег собирали в кадки и впоследствии времени поили им свиней и баранов.

На шлюпе "Востоке" служащих было многим больше, нежели на "Мирном", а потому, дабы по наступлении великого поста доставить им возможность исполнять обязанности христиан, я взял священника с шлюпа "Мирного" до соединения нашего в Новой Голландии {Австралии. -- Ред.}. Оба шлюпа легли в дрейф, и священник к нам переехал.

По поднятии яла шлюпы пошли прежним курсом на NO 40°. Вскоре потом, через телеграф, при семи пушечных выстрелах, я велел шлюпу "Мирному" итти в повеленный путь, пожелал ему всех возможных успехов и назначил местом соединения Порт-Жаксон. Лейтенант Лазарев отвечал двадцатью выстрелами, чрез телеграф также пожелал нам успехов и лег на NO 79°; в 7 часов вечера ночная темнота скрыла от нас спутников наших, и мы на долгое время с ними разлучились.

С вечера мы остались под рифлеными марсеями. При свежем ветре от SSW шли на NO 70° по семи миль в час, встречая несколько лдяных островов. Густой снег препятствовал нам различать предметы, и потому в предосторожность, от времени до времени, я уменьшал ход, обезветривая паруса.

6 марта. В полночь морозу было 1,2°; южное сияние, некоторым образом способствующее безопасности плавания нашего, продолжалось с 10 часов вечера до 3 часов утра.

Я сделал привычку при рассвете взглянуть за корму на шлюп "Мирный"; ныне, вышед на шканцы, взглянул и, не видя своего спутника, почувствовал, что мы находились одни в центре горизонта; в виду имели лдяные острова, прибавляли парусов, но не выходили из скучного одиночества.

Пеструшки, черные, голубые, бурные птицы и дымчатые альбатросы были свидетелями нашего плавания.

Число лдяных островов уменьшалось. В продолжение дня при большом ходе встретили оных не более десяти.

В 7 часов пополудни ветер задул от запада и шел небольшой снег; для ночи убрали все лисели.

7 марта. С полуночи до 4 часов южное сияние способствовало нашему плаванию. С рассветом поставили все лисели, ветер перешел к северу, с небольшою пасмурностью, дождем и снегом. Ртуть в термометре стояла на точке замерзания. В 7 часов прошли мимо льдину, оставя оную влеве.

Я уже давно хотел заpastись льдом, но до сего времени всегда встречал препятствия: то крепкую или благополучный ветер, которого не желал упустить, то большая зыбь не позволяла пристать и держаться с гребным судном около льдины. Сегодня в начале десятого часа утра, подошед к лдяному острову весьма близко, пятью выстрелами с ядрами мы отбили достаточно льда, легли в дрейф, спустили оба яла и отправили оные за льдом.

Во время дрейфа успели измочалившийся от непогод штуртрос переменить новым.

В полдень находились в широте $58^{\circ} 21' 48''$ южной, долготе $97^{\circ} 28' 38''$ восточной; склонение компаса было $42^{\circ} 51'$ западное.

Собрав лед, подняли гребные суда на боканцы, наполнили паруса и легли на $NO 80^{\circ}$, при свежем ветре от NW . Ходу было около восьми миль в час. От полудни до вечера видели вдали только два ледяные острова.

В 8 часов вечера спустили для ночи лисели; в 10 часов вечера прошли мимо льдины; пасмурность очистилась; в 11 часов началось южное сияние, которое простиралось от SW к NO .

8 марта. С 9 часов утра ветер начал крепчать от севера, что принудило нас, закрепля брамсели, взять у марселей по рифу. В 2 часа пополудни спустили брам-реи на росторы; с 3 часов покрылся горизонт мрачностью. В 5 часов у фор-марселя и крьюселя взяли остальные рифы и у грот-марселя закрепили предпоследний риф и спустили брам-стенги на найтовы; в 9 часов взяли грот на гитовы; в 11 -- прошли ледяной остров и увидели впереди еще несколько. Ветр все крепчал, что принудило нас повернуть на другой галс.

9 марта. В полночь ветер уже был так силен, что мы остались при зарифленном грот-марселе и штормовых стакселях. В 2 часа грот-стаксель-фал лопнул, мы скоро убрали и, переменяв новым, подняли стаксель. В 5 часов вдруг порвало грот-марса шкот, грот-стаксель и бизань стаксель-шкоты; положение шлюпа нашего могут себе представить только те, которые подобное испытали. Хотя марсель убрали скоро, равно и стаксели спустили, однакоже они к употреблению уже были совершенно негодны; устоял один фок-стаксель. Я приказал скорее спустить, дабы иметь хотя один парус на всякий случай. Ветр ревел; волны поднимались до высоты необыкновенной; море с воздухом как будто смешалось, треск частей шлюпа заглушал все. Мы остались совершенно без парусов, на произвол свирепствующей бури; я велел растянуть на бизань-вантах несколько матрозских коек, дабы удержать шлюп ближе к ветру. Мы утешались только тем, что не встречали льдов в сию ужасную бурю. Наконец, в 8 часов с баку закричали: льдины впереди; сие извещение поразило всех ужасом, и я видел, что нас несло на одну из льдин; тотчас подняли фок-стаксель и положили руль на ветер на борт; но как все сие не произвело желаемого действия и льдина была уже весьма близко, то мы только смотрели, как нас к оной приближало. Одну льдину пронесло под кормою, а другая находилась прямо против середины борта, и мы ожидали удара, которому надлежало последовать; по счастью, огромная волна, вышедшая из-под шлюпа, отодвинула льдину на несколько сажен и пронесла у самого подветренного штульца. Льдина сия могла проломить борт или отломить руслень и свалить мачты.

В 11 часов буря свирепствовала попрежнему; вершиною одной из огромных волн ударило в конец бушприта, так что разогнуло наветренные гаки, ватер-бакштаги и крамбал-бакштаги. При сем случае я много обязан расторопности и деятельности капитан-лейтенанта Завадовского, которому было поручено как можно скорее наложить двой сейтали на место бакштагов; скорым сего исполнением мы могли удержать бушприт и мачты.

В продолжение бури не видно было ни одной птицы, кроме дымчатого альбатроса, который прятался от жестокости ветра в бороздах волн и, удерживаясь в оных с распростертыми крыльями, перебирал ногами воду.

В 2 часа пополудни сила ветра несколько уменьшилась. В 3 часа мы видели большой ледяной остров в трех милях от нас. Ветр с полудни уклонился чрез север к NW. Поставя фок-стаксель, мы поворотили и взяли курс NO 80°. В 6 часов вечера, уже могли нести фок и грот зарифленные; тогда видели ледяной остров на N и несколько пеструшек; они все еще старались удерживаться на поверхности воды между волнами. Приближающаяся ночь умножала опасность нашу, ибо мы испытали, что плавание между ледяными островами во время шторма может быть бедственно, особенно, когда темнота ночи препятствует увидеть льды прежде самого близкого расстояния; при сильном ветре иногда нет средства управлять судном по желанию; может случиться, что не будет возможности ни пройти на ветер, ни спуститься, и тогда гибель неизбежна.

10 марта. В полночь ветер все еще свирепствовал попрежнему, сопровождаем дождем и снегом; каждый набегающий огромный вал подымал шлюп на свою вершину и потом низвергал в пропасть; шлюп находился то в прямом положении, то на правом и левом боку; весьма неприятно было видеть движение частей шлюпа и слышать, как они трещали.

В исходе второго часа рассмотрели под ветром ледяной остров, выше которого пройти не надеялись, и потому спустились под ветер. В 3 часа, проходя мимо сего острова, встретили отделившиеся от оною куски плавающего льда; весьма счастливо прошли между ими, не задев ни за один. Мы сначала обманулись, почитая сии куски льда пеною, происходящею от волн. В 11 часов утра ветер перешел опять к NO, мы поворотили вновь к NW, чтоб как можно менее податься к югу, опасаясь встретить более льда. При повороте видели на SSW в трех милях, и на NO 60°, в трех же милях, два огромных ледяных острова; вскоре, по прочищении пасмурности, открылся третий на NO в четырех милях.

К вечеру ветер начал стихать. В 7 часов пополудни спустились и обходили ледяной остров.

11 марта. В полночь было совершенное безветрие, дождь и снег. Прежнее волнение производило чрезвычайно вредную качку и несло нас по своему направлению. Сие положение не менее прочих опасно, ибо равно невозможно управлять судном.

Полутру переменили изорванный грот-марсель новым и по причине чрезмерной качки и мрачности поставили только марсели рифленные. Бесперывный мокрый снег затруднял все матросские работы.

С полудня задул ветер от WNW; я опять взял курс к NNO, чтоб скорее выйти из льдов; но чрезмерная зыбь, оставшаяся после бури, препятствовала нам воспользоваться сим ветром; к вечеру опять задул крепкий от севера и принудил нас итти к востоку. Мы тогда имели только грот-марсель зарифленный всеми рифами и фок рифленный; морозу было два с половиной градуса.

12 марта. В 2 часа ночи увидели под ветром ледяной остров; с теми парусами, которые мы имели, я не надеялся пройти на ветре оною, и потому обошел под ветром.

В 7 часов утра прошли еще одну льдину. В продолжение всей ночи и до полудня выпадал небольшой снег, в полдень перестал; тогда небо очистилось, и солнце выглянуло к отраде нашей.

По наблюдению в полдень мы находились в широте $58^{\circ} 39' 57''$ южной, долготе $108^{\circ} 16' 15''$ восточной; течением в продолжение шести суток нас снесло на юг, шестьдесят две мили.

Около полудня сила ветра несколько уменьшилась, а к вечеру задул ветер от NW; по сей причине, поставя фор-марсель и грот, мы шли на NO.

13 марта. До полуночи Луна светила по временам, выходя из-за облаков, а с первого часа ночи благодетельное для нас южное сияние хотя временно, но весьма хорошо освещало.

Сегодня мы также прошли мимо нескольких лдяных островов, один был вышиною в 250 футов; на краю его стоял лдяной столб наподобие обелиска. В 8 часов в широте $57^{\circ} 33'$ прошли льдину; она имела вид сопки и была последняя, которую мы встретили на пути к Порт-Жаксону.

14 марта. По крепости ветра на ночь убавили парусов, шлюп остался под одними зарифленными марселями, ходу имел семь с половиной узлов. Ночь была темная, временно мрачность, шел небольшой снег, и мы впереди ничего не видали. По сей причине я держал грот-марсель на стеньге, чтоб иметь не более четырех узлов хода. С утра прибавили парусов и шли весь день по восемь с половиной миль в час на NO 77° .

С вечера по темноте, происходящей от пасмурности, облачной и дождливой погоды, мы привели в бейдевинд и остались только под грот-марселем, фок-стакселем и апселем. Ветр дул крепкий, чрезвычайно большая зыбь произвела великую качку. В 11 часов небо прояснилось и луна осветила горизонт, тогда снялись с дрейфа. Ртуть в термометре стояла на $2,5^{\circ}$ выше точки замерзания.

15 марта. С рассветом отдали у грот-марселя один риф и поставили фор-марсель и крьюсель зарифленные. День был ясный, лучший, какового можно ожидать в Южном океане.

В полдень находились в широте $56^{\circ} 41' 40''$ южной, долготе $124^{\circ} 10' 7''$ восточной. Склонение компаса оказалось $21^{\circ} 5'$ западное. Течением нас увлекло в последние трое суток на SO 62° , семьдесят семь миль. Сие произошло от большого волнения и неверного определения склонения компаса, ибо склонение компаса невозможно определить с точностию, когда он от великого волнения сильно качается. Высоту солнца также нет возможности взять надлежащим образом, потому что когда шлюп подымается и опускается на волнений, самый горизонт переменяется.

С полудня, дабы войти в меньшие широты, я взял курс на NO 40° , но сим румбом мы шли только до 9 часов вечера, тогда сделался ветер противный, от NO.

В продолжение дня встретили голубых бурных птиц, пеструшек, одного белого альбатроса, а около вечера видели курицу Эгмонтской гавани.

16 марта. Ночь темная, пасмурность и дождь. По термометру теплоты было 3°. В 3 часа утра ветер задул от NW, почему мы поворотили на NOtO. Ветр крепчал и к 8 часам утра выбил нас из парусов, так что с нуждою могли нести один рифленный грот; в 3 часа пополудни и сей парус убрали и остались под одним бизань-стакселем. Во время сей бури, в 10 часов вечера, ветер отходил к W и смягчался; мы поставили тогда штормовые стакселя и фок, пошли к NO. Вскоре пасмурность начала прочищаться и луна осветила горизонт.

17 марта. К утру ветер сделался тише; мы поставили все паруса; по причине крепких ветров давно не имели к сему возможности, и паруса, быв мокры от продолжавшихся девятидневных штормов, требовали просушки; вывесили для просушки сырое служительское платье.

В полдень по наблюдению находились в широте 55° 3' 37" южной, долготе 129° 7' 51" восточной. Склонение компаса было 8° 45' западное

18 марта. В продолжение всего дня мы имели благополучный западный ветер; к ночи на короткое время сделался несколько противный; в час опять отошел к западу, и мы переменными румбами продолжали плавание к NO.

В полдень находились в широте 54° 28' 54" южной, долготе 131° 9' 52" восточной. Течением увлечены были к востоку на семнадцать миль; прошли мимо травы, плавающей на поверхности моря.

С полудня ветер задул от NO с пасмурностию и туманом. Желая скорее достигнуть меньшей широты, я поворотил к NW.

19 марта. С полуночи ветер неожиданно перешел через O к SO и до утра дул жестокий; шлюпу было весьма трудно итти против зыби. Выбило мартингал {Мартингик. -- Ред.}. С утра от 7 часов ветер сделался SW и обратился в шторм. Мы имели ходу по десяти узлов; часто встречали морскую траву.

В полдень находились в широте 53° 1' 58" южной, долготе 133° 9' 42 восточной.

До 6 часов пополудни свирепствовал шторм, гнал перед собою отделявшиеся с вершин волн брызги, которые наполняли воздух; солнечные лучи, проницая сквозь облака и преломляясь в сих брызгах, представляли взору нашему на поверхности моря множество малых радуг. Волнение было велико, шлюп имел боковую и килевую качку. Из птиц провожали нас голубые и средние черные бурные птицы, пеструшки, дымчатые и белые альбатросы; к полуночи ветер несколько смягчился и перешел к W.

20 марта. Мы продолжали курс NO 50° при лунном свете, который показывался сквозь облака. В 8 часов утра ветер задул от ONO с дождем, я поворотил к NW. Зыбь от SW все еще продолжалась и производила большую боковую качку; с полудня ветер перешел опять к NW и SW и, так сказать, едва двигал шлюп наш к NO; мы видели несколько морской травы и девять пингвинов.

21 марта. С полуночи ветер при дожде усилился от юга так, что мы могли продолжать путь на NO 56°, по семи и восьми миль в час. В 6 часов ветер был весьма крепкий с

сильными порывами; развело большое волнение, качка сделалась ужасная. Мы несли грот-марсель и фок зарифленные.

Всем известно, что в продолжение долговременного плавания на судах от сильных ветров, качки и прочего люди, лазя по снастям на верх, оттуда иногда падают и ушибаются, а иногда и вовсе погибают в море. В продолжение всего путешествия с нами случилось токмо одно следующее подобное несчастье.

21-го в 10 часов утра от большого волнения шлюп непомерно лег на бок, и его так сильно толкнуло, что священник, беседуя в кают-компани, не удержался на ногах. Штурман Парядин, желая ему помочь, по неловкости своей, вместе с ним свалился и ударился головой о продольную переборку в кают-компани, прошиб переборку и проломил себе голову. Священник был счастливее, ибо упал на штурмана и, вставая, удивился, что видит его лежащего на полу. Лекарь Берг подал скорую помощь, однако ж штурман Парядин не прежде прибытия нашего в Порт-Жаксон совершенно выздоровел.

22 марта. В полдень 22-го мы находились в широте $49^{\circ} 44' 37''$ южной, долготе $142^{\circ} 29' 39''$ восточной.

Ветр дул тот же WSW свежий, погода с утра была пасмурная, временно шел дождь. Мы не могли видеть далее шести миль. С полудня я взял курс NO, дабы приблизиться к широте острова Компанейского, который в $49^{\circ} 30'$ южной широты; пройдя к NO девять миль, я лег на NO 85° . Сим румбом шел по карте Аросмита чрез упомянутый остров и, держась одним курсом до 5 часов вечера еще семнадцать миль, не заметил берега. Я полагал также встретить шлюп "Мирный", которому надлежало итти сим же местом, но острова не видел, а шлюпа не встретил. Ежели широта острова Компанейского неверно определена, то в настоящую погоду легко можно пройти мимо, и потому с 5 часов вечера к ночи, я взял курс к южной оконечности Вандименовой земли (Тасмании.-- Ред.), на NO 18° . Остров Компанейский предоставляю сыскать тому, кто счастливее меня в подобных поисках. При сем повороте найдено склонение компаса $6^{\circ} 53'$ восточное. Тогда же видели двух куриц Эгмондской гавани.

Встречая беспрерывно морскую траву, нырков, несколько пингвинов и куриц Эгмондской гавани, мы имели доказательство близости Вандименовой земли, и вероятно были недалеко от нескольких небольших островов, которых однако же не видали.

К вечеру в 11 часов, по причине нахождения сильных порывов от NWtW, закрепили у марселей все рифы.

23 марта. С полуночи ветер отошел к западу, дул сильно, с пасмурностию и дождем; я взял курс на N 1/2 O. Мы шли по девяти с половиною и десяти миль в час.

В полдень находились в широте $47^{\circ} 18' 26''$ южной, долготе $144^{\circ} 45' 53''$ восточной.

24 марта. При крепком ветре от WtS с порывами, дождем и большим волнением мы продолжали курс на NtO. В 1 час ночи, в широте $45^{\circ} 40'$ южной, увидели блистание молнии, чего во время бытности в больших южных широтах не видали. В 4 часа утра набежал шквал, сопровождаемый дождем и снегом.

В полдень находились в широте $47^{\circ} 18' 26''$ южной, долготе $144^{\circ} 45' 53''$ восточной.

В начале третьего часа пополудни посланный для усмотрения берега на салинг закричал: "виден берег"! "виден берег", -- повторял вахтенный лейтенант; "виден берег", - все повторяли, и на лице каждого изображалось удовольствие. Тогда взяли курс параллельно южному берегу земли Вандимен, вскоре прошли на траверсе высокий камень, находящийся на западной стороне мыса Педра Бланка.

Ветр дул крепкий от SW с порывами, облака неслись во множестве, временно шел дождь, большое разводило волнение, шлюп бросало всячески. Ртуть в термометре показывала $7,5^{\circ}$ теплоты; мы шли по десяти миль в час. В 7 часов убрали грот и фок и легли на NO 50° .

25 марта. Ночь была весьма темная, временно шел дождь, пенящееся море наполнено было светящимися искрами. С полуночи взяли курс NO 18° и закрепили грот-марсель. В 7 часов утра ветер переменялся, задул от запада; мы поставили грот-марсель и крьюсель рифленные, посадили фок и грот.

В полдень находились в широте $42^{\circ} 4' 40''$ южной, долготе $149^{\circ} 24' 25''$ восточной. Все чувствовали большую перемену; небо очистилось от облаков; ветер дул тихий с Вандименовой земли; теплоты было 13° , барометр поднялся до 30 дюймов, чего в большой южной широте никогда не случалось. Мы просушили все паруса, которые были очень сыры и давно уже требовали просушки. Я приказал опять отворить все люки и заняться приведением шлюпа в лучший порядок.

В 5 часов пополудни, в широте $41^{\circ} 41'$ южной, долготе $149^{\circ} 37' 25''$ восточной, найдено склонение компаса $11^{\circ} 22'$ восточное.

26 марта. Прошедший день и всю ночь имели благополучный ветер. В полдень 26-го были в широте $39^{\circ} 2' 19''$ южной, долготе $149^{\circ} 46' 50''$ восточной.

27 марта. В 7 часов утра увидели к западу берег Новой Голландии; находились тогда в широте $37^{\circ} 17'$ южной; склонение компаса было $8^{\circ} 34'$ восточное. Настало маловетрие.

В следующий день служители занимались мытьем и чищением, чтобы встретить праздник пасхи. Приятная погода оживила всех, на лице каждого изображалась радость. После столь долговременной мокроты от снега, дождей, изморозья, тумана и прочего всего с особенным удовольствием просушивали свои вещи.

В первый день праздника пасхи все оделись в летнее чистое праздничное платье, по обыкновению соотечественников наших отслушали заутреню и все молитвы. Служители разгавливались куличами. С утра тихий ветер от юга дал шлюпу покойное положение. Мы шли в виду высоких гор Нового Южного Валлиса и уже мечтали назавтра быть в Порт-Жаксоне, иметь разные удовольствия, но ветер стих, и потом задул от севера противный.

29 марта. Мы лавировали в виду берега; все наслаждались прекрасною погодою, шутили, играли и забавлялись, выносили наверх платье, книги, карты и прочее; приготавливали секстаны, вытирали стекла в зрительных трубах, дабы яснее видеть

приметное на берегу; одним словом, все находились в приятной деятельности, а, напротив того, только три дня тому назад никто не выходил на верх без должности; тогда термометр в самый полдень показывал не более восьми градусов теплоты. Все каюты внутри шлюпа от прежнего холода отпотели, их беспрерывно вытирали, и сие продолжалось, доколе корпус шлюпа не приобрел теплоты, равной теплоте с окружающим воздухом.

В полдень мы были в широте $35^{\circ} 57' 42''$ южной, долготе $150^{\circ} 57' 51''$ восточной; тогда возвышенность на берегу Новой Голландии {Австралии.-- Ред.}, называемая (Pigeon House) была от нас на SW $87^{\circ} 30'$, а самый крайний берег, мыс Отвесный (Perpendicular), на NW $6^{\circ} 46'$; сим определяется положение упомянутой возвышенности Pigeon House на $4'$ южнее, а мыс Отвесный на $4' 30''$ западнее, нежели по атласу Флиндерса {Определения Беллинсгаузена верны.-- Ред.}. В сие время крайний в виду нашем берег находился от нас в двадцати милях. В 2 часа, подошед к берегу южнее залива Георгия (George Sound), на расстоянии шести миль, поворотили. На низменном, против нас находящемся берегу, желтел песок; далее виден был повсюду лес, а неподалеку от моря белый домик.

К 9 часам вечера, после непродолжительного штиля, ветер переменился, задул тихий благополучный, и мы взяли курс на NtO. В половине восьмого часа прошли мимо залива Ботанического, так названного капитаном Куком в первое его путешествие. При самом входе в Порт-Жаксон выехал на лодке лодчман, которого мы приняли для ввода шлюпа на якорное место. На первый наш вопрос о прибытии шлюпа "Мирного", отвечал, что еще не приходил, а были два русских шлюпа -- "Открытие" и "Благонамеренный", которыми начальствовал капитан Васильев, и что уже недели с три тому назад отправились в Камчатку. Я полагал, что как шлюпу "Мирному" путь предстоял большею частию вне льдов и с меньшими опасностями, нежели наш, то и надлежало бы ему прибыть прежде нас, и, не нашед его, заключил, что вероятно лейтенант Лазарев в ночное время при бурных погодах приводил шлюп чаще к ветру для предосторожности, дабы не пройти какой-либо еще неизвестный берег. В 10 часов мы шли между среднею высокостью и буруном, омывающим каменную подводную банку.

Зеленюшие берега Порт-Жаксонского залива, обросшие лесом, местами красивые долины и желтеющий песок в малых заливах казались нам превосходными видами после толь продолжительного, облачного, единообразного горизонта, на котором разбросаны были льды, омываемые свирепыми волнами, и где голодные бурные птицы, рассекая воздух, ищут себе пищи. В сей мрачной суровой стране, кажется, будто сердце человеческое охладевает, чувства сближаются с окружающими предметами, человек бывает пасмурен, задумчив, некоторым образом суров и ко всему равнодушен, но, напротив, под чистым небом и благотворным влиянием все оживляющего светила, взирая на разнообразные красоты природы, наслаждается ее дарами и чувствует всю их цену.

На половине пути от входа в залив с моря до города Сиднея встретил нас весьма приятно капитан порта Пайпер и предложил нам стать на якорь на рейде против самого города. Мы воспользовались сим предложением и в 11 часов утра против города Сиднея, на глубине шесть с половиной сажень, имея грунт ил с серым мелким

песком и малыми ракушками, бросили якорь, пробыв 131 день под парусами со времени выхода из Рио-Жанейро. Вновь строящаяся крепость на мысе Бенелонге находилась от нас на $SO\ 14^\circ$, в трех кабельтовых. Сие якорное место тем более было нам приятно, что все иностранные суда должны становиться в так называемой Неутральной бухте, где стояли и французского флота капитаны Бодень и Фресине, посланные правительством для произведения разных исследований и, буде можно, обретений. Мы отвязали все паруса и спустили гребные суда.

Капитан порта Пайпер, отправляясь с шлюпа, предложил мне ехать с ним на берег к губернатору генерал-майору Макварию; я с признательностью сие исполнил, когда мы совершенно установились на якорь. За несколько дней до нашего прибытия в Порт-Жаксон, у двух матрозов на ногах оказались синие пятна, несомненные признаки цынготной болезни. Один был из татар пожилых лет, а другой русский, молодой, превосходный марсовой матроз, но, к сожалению, слабых сил.

Штаб-лекарь Берх поил их отваром из сосновых шишек. Почитая сие средство недостаточным, я приказал тереть ноги их лимонным соком и давать им выпить по полурюмке того же сока; сим средством, которое при отправлении нашем советовал мне вице-адмирал Грейг, только что могли удерживать болезнь в одной степени. Мы старались употреблять все средства противу сей злой заразы, но долговременное 130-дневное плавание в холодном, сыром и бурном климате превозмогает все усилия. Я почитаю себя счастливым, что на пути не лишился ни одного человека.

От мокроты и холода свиньи и бараны также заразились цынготною болезнью, и несколько из оных умерло в продолжение нашего плавания; у них посинели и распухли ноги и десны, так что бараны по прибытии в Порт-Жаксон не могли хорошо есть свежую траву от боли и слабости в распухших деснах.

Поставляю обязанностью отдать справедливость всем офицерам, что они споспешествовали благополучному совершению плавания нашего деятельностью и точностию в исполнении своих должностей, без чего не могли бы мы достигнуть толь успешного окончания трудной и долговременной нашей кампании. Я особенно признателен капитан-лейтенанту Завадовскому, который, занимая капитан-лейтенантскую должность по шлюпу, разделял свою опытность и службу со мною. Без помощи его я должен бы переносить всю тягость сего многотрудного похода, или иногда принужден бы, для облегчения моего, делать сигналы лейтенанту Лазареву итти форзелем (Форзель, или форзейль -- корабль, высланый впереди эскадры. -- Ред.), чего я в продолжение всего путешествия избегал, для того, что шлюп его ходил дурно, не мог бы много нести парусов, и мы бы медленно шли вперед; когда же шлюп "Мирный" шел в кильватере в надлежащем расстоянии, тогда действовал по моим сигналам с желаемым успехом.

Мы нашли в Порт-Жаксоне 40-пушечный английский транспорт "Коромандель", под начальством штурмана королевской службы Доуни; он привез ссылочных из Англии. На возвратном пути в Европу назначено ему зайти в Новую Зеландию за лесом в залив Островов (Bay of Islands); другой такой же транспорт "Дромедери", не задолго пред нами отправился туда же.

Они имели повеление взять в Новой Зеландии леса, годные на стены 74-пушечных военных кораблей. Тендер "Мермейд", под начальством лейтенанта Кинга, который описывал северную часть Новой Голландии, в скором времени отправляется для окончания описи; кроме сих судов мы нашли двенадцать купеческих судов, большую часть из Индии и Кантона, откуда лавки в Порт-Жаксоне наполнились произведениями Китая и Индии.

Около полудня на европейской неопрятной лодке с северного берега прибыло к нам семейство природных жителей; они несколько изъяснялись исковерканным английским языком, кланялись по-европейски очень низко, кривляя лица, чтобы изъяснить радость. Один из них имел на себе худые брюки английского матроза, на лбу повязку из шнурков, выкрашенных красною землею, на шее медную бляху, наподобие четверти луны, с надписью: Bongaree Chief of the Broken-Bay -- Tribe 1815.

Сия бляха висела на медной крепкой цепочке; по надписи мы узнали, кто был наш гость, а он прибавил, что провожал капитана Флиндерса и лейтенанта Кинга в их путешествиях около берегов Новой Голландии. Бонгаре представил нам свою жену Матору, которая была полузакрита байковым английским одеялом, а голова ее украшена зубами животного кангору. Дочь ее полубелая, довольно приятного лица и стана, кажется, что происходит от европейца, а сын черный, похож на отца; все были нагие. Бонгаре говорил, указывая на своих товарищей: "это мой народ"; потом, показывая на весь северный берег, сказал: "это мой берег". Я приказал дать им по стакану гроку, сухарей и масла, сколько съедят. Видя такую щедрость, они просили табаку, старого платья, гиней и всего, что им попадалось на глаза. Я велел дать им несколько бразильского витого табаку, и сказал, что платья и гиней получают, когда привезут рыбы, живых птиц, кангору и других животных. Ответ их был: "о, есть, есть!". Со шлюпа они поехали полупьяные, с ужасным криком; Матора называла себя королевою, поступала с большею неблагопристойностию, нежели все прочие посетители.

Я немедленно поехал на берег, взяв с собой лейтенанта Демидова {Мичман Демидов в феврале 1820 г. произведен в лейтенанты. -- Ред.} для перевода. Мы пристали прямо к дому капитана над портом Пайпера и с ним пошли к губернатору генерал-майору Макварию, которого застали в саду небольшого сельского домика. Он принял меня весьма благоприсяженно, тотчас позволил нам устроить обсерваторию на северной стороне залива, против нашего якорного места, и дал приказание в Адмиралтействе исполнять все наши требования. На шлюпе не было никаких значительных повреждений, которых бы мы не могли исправить своими мастерскими; я поблагодарил губернатора за его добрые намерения, и только просил позволения рубить нужный для нас лес на северной стороне Порт-Жаксонского залива.

31 марта. На другой день прибытия нашего я отправил палатки на мыс, где назначено место для обсерватории и астрономом Симоновым избрано для установления пассажного инструмента. Инструмент сей по неопытности в Рио-Жанейро установлен дурно, и потому был там без употребления; ныне же для надлежащего установления избрали чугунную небольшую печку без трубы, утвердили на камне, наполнили песком, а отверстие, в которое вставляют трубу, залили свинцом, толщиной в два с половиною дюйма. На сем твердом основании астроном Симонов поставил пассажный

инструмент и во время пребывания нашего в Порт-Жаксоке ежедневно был инструмент употребляем для наблюдения днем истинного полдня, а ночью прохождения через меридиан звезд южного полушария. Ночными наблюдениями занимался астроном Симонов, тем более, что, после произведенных астрономом де-Лакалем на мысе Доброй Надежды, таковых наблюдений никто в южном полушарии не делал. Ученые разберут и оценят похвальное астронома Симонова предприятие и труд на пользу астрономии. В помощники к себе избрал он двух подштурманов и артиллерии унтер-офицера, которым поручил замечать время по хронометрам.

Для караула и нарезывания веников для шлюпа отряжены те два матроза, у которых оказались признаки цынготной болезни, кузнеца с походного кузницею также свезли на берег.

Поблизости палатки, где производили наблюдения, поставлены еще две: одна для караульных, которые в ночное время были с заряженными ружьями на случай нападения диких и покушения ссылочных что-либо украсть, а другая для бани. В сей последней из чугунного баласта была устроена печь с жерлом и местом, откуда выходил дым. Когда топили баню, открывали палатку и множеством дров печь накачивали, воду разогревали в сих печах и еще в особом месте, посредством каменных ядер. Приготовляя все, закрывали палатку и из брандспойтов непрерывно обливали оную водою, чтобы пар, произведенный накачиванием воды на раскаленный баласт, не выходил сквозь парусину. Многие из офицеров и служителей предпочитали сию баню настоящим, приводя в доказательство, что в парусных банях воздух легче, нежели в деревянных или каменных.

1 апреля. По устройении бани, 1 апреля, служители в два дня перемыли свое белье, наволочки с постелей и подушек и все перебивали в бане. Людям, привыкшим с малолетства мыться и париться раз в неделю, сие сделалось необходимым, но под парусами невозможно. Однакож в последнее плавание в больших южных широтах, в каждые две недели один раз, приводя воду льдяную в теплоту летней, т. е. в 12 или 13° теплоты по разделению Реомюра, я велел в палубе всем мыться, и могу сказать, что чистота тела немало способствовала поддержанию здоровья служителей в нашем долговременном путешествии.

В 1 час пополудни губернатор и вице-губернатор, начальствующий полком подполковник Эрскин, к нам приехали; мы их встретили и провожали с почестью, положенною по морскому уставу {По приезде на военное судно генерал-майора караул выходит во фронт при офицере. При отдании чести бьют одну дробь, при отъезде караул делает то же; когда отваливают от борта, матрозы разбегаются во фронт по реям, откуда по команде кричат три раза "ура", после равного ответа, еще кричат "ура" два раза, и по последнему слову с судна производят семь пушечных выстрелов для салюта генерал-майору, генерал-лейтенанту девять, а полному генералу одиннадцать выстрелов.}.

Пустые бочки для починки, все росторы, чтобы сколько возможно облегчить шлюп, отправили к палаткам; нам необходимо было нужно шлюп приподнять из воды, чтобы

исправить медные листы, оторванные небольшими ударами о льдины, и чтобы вместо вырванных медных гвоздей в медной обшивке вколотить другие.

В воскресенье погода была прекраснейшая, служители не занимались работой по шлюпу; я разделил их на две части: половину свезли на берег до обеда, а по возвращении их другую после обеда для прогулки по лесу около палаток, или, так сказать, в нашем Адмиралтействе. Прогулку в лесу предпочитал я гулянию в городе потому, что служители не были подвержены разным искушениям, для здоровья их вредным.

5 апреля. С утра в понедельник отправили тимермана {Тимерман -- старший корабельный плотник.-- Ред.} с плотниками отыскать и вырубить лес, нужный для исправлений шлюпа, и пятнадцать человек матрозов с квартирмейстером для рубки дров в запас к походу. Шлюп начали исправлять и перевязывать такелаж, который в больших южных широтах от холода и сырости был чрезмерно туг, а в Порт-Жаксоне в теплоте отошел и ослаб так, что принуждены были все стороны и весь клетинг вновь переделать.

7 апреля. По приглашению губернатора в 8 часов утра я приехал к нему со всеми офицерами. После завтрака он предложил нам осмотреть нововыстроенный маяк. Мы двое, капитан-лейтенант Завадовский и я, поехали с губернатором в карете, а все офицеры и адъютант губернатора отправились на катере морем. Дорога к маяку очень хороша; проложена по высокому каменистому месту в параллели Порт-Жаксонскому заливу, который почти во все время был у нас в виду, вместе со всеми его изгибами, а вправо залив Ботанибай и несколько хижин на берегу одного. Мы приблизились к маяку, я был обрадован, увидя шлюп "Мирный", лавирующий в заливе. От города Сиднея обыкновенною рысью в пятьдесят минут достигли маяка. Он построен близ входа в залив, на южной стороне, на высоком крутом берегу. От поверхности моря до вершины 427 футов английских; самый же маяк вышиною семьдесят футов. По сторонам сделаны пристройки, в коих живут начальники и работники и хранятся материалы. В фонаре реверберов {Рефлекторов. -- Ред.} девять, освещены лампами, которые по три приделаны к углам треугольной вертящейся пирамиды. Пирамида сия совершает свой оборот в шесть минут один раз, а каждые три ревербера показывают свет свой в море через две минуты.

Вертящийся маяк предпочтен здесь неподвижному для того, чтобы суда, идущие ночью с моря, не ошиблись, приняв за маяк непостоянные ночлеги природных жителей, которые без огня никогда не бывают и повсюду оный разводят. Осмотрев маяк, мы поехали обратно; капитан-лейтенант Завадовский сел в катер, чтобы возвратиться морем.

Около полудня ветер, противный шлюпу "Мирному", переменился, задул с моря благополучный, и вскоре "Мирный" положил якорь подле шлюпа "Востока". Свидание офицеров обоих шлюпов произвело неизъяснимую радость.

Весьма тихие ветры по восточную сторону Новой Голландии продержали в море лейтенанта Лазарева семью днями долее нас. Все на его шлюпе были здоровы, исключая одного матроза, который имел признаки цынготной болезни; он из

прилежных к работе, но ушибся, по сей причине не имел довольно движения и заразился цынгою.

Шлюп "Мирный" по разлучении с нами шел назначенным ему путем и так же, как мы, прошел тем местом, на котором по карте Аросмита находится остров Компанейский, будто бы обретенный испанцами; но сего острова и никакого нового берега на сем пути не видал. Лейтенант Лазарев представил мне следующее донесение о своем плавании {В письме к своему другу Алексею Антиповичу Шестакову от 26 января 1834 г. М. П. Лазарев пишет: "Ясно вижу, что слог в донесении моем к Беллинсгаузену после разлучения нашего и по прибытии в Порт-Жаксон изменен совершенно -- а кто взял на себя это право не знаю". М. П. Лазарев считал, что виноват в погрешностях издания книги "Двукратные изыскания в Южном Ледовитом Океане" -- председатель Морского ученого комитета Л. И. Голенищев-Кутузов (см. примечание I). -- Ред.}.

4 марта. "Марта 4-го пополудни, когда мы легли в дрейф близ лдяного острова для наполнения льдом порожних водяных бочек, я воспользовался сим случаем, ездил на шлюп "Восток" и узнал, что вы решились по наступающему позднему времени оставить дальнейшие покушения к зюйду, и следовать прямо в Порт-Жаксон. Дабы пространство между путями капитана Кука и Фюрно, которое не менее 65 градусов по долготе и 8 градусов по широте, не оставить неисследованным, вы предписали мне итти параллельно линии курсов капитана Фюрно, в расстоянии от оной на 2 1/2 или 3 градуса, и потом, войдя в параллель 49° 36' под меридианом 138° восточной долготы, или как я найду более способным, продолжать курс к осту для обозрения означенного на аросмитовой карте острова под названием R. Comranys Island, который будто бы обретен испанским судном, "Рафаэлем". После чего мне надлежало следовать к южному мысу земли Вандимена и, наконец, поспешать в Порт-Жаксон, названный местом нашего соединения".

"По возвращении моем на шлюп увидел я, что привезенный лед был дряблый и до того напитанный соленою водою, что чрез четыре с половиною часа, на которое оставили оный на палубе, в том предположении, что когда вытечет излишняя морская вода, лед будет годен, сего не последовало: соленый вкус не истребился. Нет сомнения, что ежели б оставить лед на палубе во всю ночь, мы бы получили из оного свежую воду, но ни погода, ни обстоятельства сделать того не позволили, ибо все шанцы были завалены. И так мы принуждены были выбросить столько льду, что наполнили бы оным 20 бочек средней руки. Я сожалею о сем, не потому, однако, чтоб мы в пресной воде нуждались, ибо при умеренном употреблении довольно бы нам было еще месяца на три, невзирая, что на шлюпе все пили сколько хотели; поутру все служители пили чай, а после ужина, со времени прибытия нашего в большие широты, давали им слабый пунш; я сожалел о негодности льда потому, что самая работа в набирании оного сопряжена всегда с немалым затруднением и употребляемые к сему делу матрозы, перемокнув в холодной воде, нередко подвергались простудам. Добываемая из льда вода полезна на судах, для того что сохранение здоровья служителей много зависит от опрятности тела и чистоты их белья, а сею водою они мылись и мыли белье. Обстоятельство сие послужит примером на будущее время, что не всякий лед, в море взятый, может быть в скорости годен к употреблению, но именно только тот, который крепок и еще недавно от больших льдин отломился".

"Ночью мы видели южное сияние в полном блеске. Сие чрезвычайное явление для мореплавателей, окруженных льдами, можно почитать спасительным, ибо распространяет такой свет, что ледяные громады видны за пять и за шесть миль, и несколько раз случалось, что по сему свету мы определяли безопаснейший курс".

"Мы шли около пяти узлов под одними марселями, и лишь только небо осветилось блестящею полосой, усмотрели около двадцати небольших льдин впереди нас и по сторонам, так что привести к ветру и взять выше их было уже невозможно, а потому при свете от южного сияния продолжали курс между льдами совершенно как днем, но получили несколько толчков. Шлюп "Восток" в сие время находился в расстоянии около двух миль от нас на левом траверзе и вероятно миновал сии льды. При сем случае не можно не отдать справедливости замечанию капитана Кука, что малые льдины опаснее больших, ибо последние даже и в самую темную ночь, по происходящему от них свету, можно усмотреть за 1/2 мили, а те, которые я называю малыми по той причине, что с великими теми громадами никакого сравнения не имеют, бывают однако же такой величины, что могут проломить обшивку в подводной части шлюпов и тогда неминуемо бедственны, обыкновенно от поверхности моря весьма низки, так что и днем, ежели ветер силен и волнение велико, не иначе оные усмотреть можно, как разве в самом близком расстоянии".

5 марта. "По совершенном рассвете следующего дня мы имели в виду одиннадцать ледяных островов, а к 7 часам показалось еще впереди до двадцати; мы тогда находились в широте 59° 34' южной, долготе 88° 32' восточной; склонение магнитной стрелки по нескольким азимутам, обсервованным у нахтгауза {Нактоузом называется шкапик из тикового дерева, на котором устанавливается компас на корабле. -- Ред.}, найдено 48° 40' западное, и было самое большое из определенного на шлюпе "Мирном" в продолжение всего плавания; по удалении нашем к осту, начало уменьшаться. В 5 часов пополудни, после взаимных салютов с шлюпам "Востоком" и некоторых чрез телеграф приветствий, состоящих в пожелании друг другу счастливого успеха, мы расстались и пошли под всеми парусами. Место разлучения нашего было в широте 58° 50' южной, долготе 89° 51' восточной".

"Мне весьма приятно, что разлучение сие последовало от собственного произвола капитана Беллинсгаузена и единственно для пользы общего предприятия, а не от каких-либо других непредвидимых причин, которые могли бы легко встретиться, как-то: тумана, пасмурности или когда мы были окружены со всех сторон ледяными островами, что часто случалось; однако шлюп "Мирный" с "Востоком" до сего времени не разлучались. Такое необыкновенное счастливое событие я должен отнести единственно ревностнейшему исполнению обязанностей вахтенных офицеров, о которых упоминаю здесь с чувством особенного удовольствия и признательности. К вяшему доказательству сего справедливого одобрения должно присовокупить, что преимущественный ход шлюпа "Востока" принуждал нас нести и днем и ночью все возможные паруса, и мы со времени отбытия нашего из России не изломали не только бом-брам-рея, но ниже лисель-спирта; все сие служит доказательством искусства и предусмотрительности офицеров на шлюпе "Мирном".

"Ночью находили тучи с градом; взяв курс на ОНО под малыми парусами, мы ходу имели до 6 1/2 узлов и в самую полночь прошли очень близко один из ледяных

островов. Тогда по термометру было 3° морозу; холод в море весьма чувствителен, но мы уже с некоторого времени к оному привыкли, и нам было сносно".

6 марта. "Поутру 6-го в широте 57° 25', долготе 90° 59' восточной вычислениями из многих азимутов, взятых у нахтгауза, склонение магнитной стрелки найдено 42° 50' западное. В сие время вблизи нас находилось только два лдяных острова, а с салинга видно было еще два впереди, и много кусков разбитого льда; я держал к NNO, дабы скорее войти в широту около 55°, и потом продолжать плавание параллельно линии курса капитана Фюрно. Пополудни был дождь; в продолжение почти двух месяцев мы оного не видали и почти ежедневно имели град и снег. Пеструшки, давние сопутницы наши по сию и по ту сторону полярного круга, скрылись, а провожали нас одни дымчатые с большими белыми бровями альбатросы и голубые бурные птицы. Сих последних видели мы ежедневно".

7 марта. "В 6 часов утра 7-го показался один пингвин, и мы слышали крик еще двух; с 8 часов, находясь в 156 милях от пути капитана Фюрно, я лег на О при переменившемся ветре, который из западного сделался северный. Вместе с сею переменою небо начало покрываться облаками, что в больших широтах одно с другим неразлучно, и, сколько мы могли заметить в продолжение плавания нашего в Южном Ледовитом океане, при северных и восточных ветрах почти всегда бывает облачное небо и пасмурная с снегом погода; напротив того, при южных и западных ветрах погода всегда бывает ясная. В полдень мы находились в широте 55° 16', долготе 94° 23' восточной; имели в виду только четыре лдяных острова. Пополудни проплыло мимо нас много травы роду Гоесмона. Следующего дня видели ту же траву в разных местах. Ветр северный, усиливаясь постепенно, продолжался при дождливой и пасмурной погоде и развел великое волнение. К полудню мы принуждены взять все рифы у марселей, закрепить крьюсель и спустить брам-стенги; широта места нашего была 55° 24', долгота 98° 36' восточная. После полудня ветер начал отходить к О, при густом снеге, дул с тою же силою до самой полуночи, тогда вдруг стих и сделался от NW. Тишина сия была кратковременная, в час ветер окрепчал вдруг до такой степени, что мы принуждены закрепить марсели и нижние паруса и остаться под штормовыми рифлеными триселями. Ветр, переменившийся с такою жестокостию и вдруг на девять румбов, произвел волнение неправильное и от того чрезвычайно сильную качку. Волны, встречавшиеся близ шлюпа, разбиваясь одна о другую, вливали на палубу весьма много воды".

"Около 2 часов шторм продолжался с ужасною свирепостью, и новый наш фок-стаксель изорван в мелкие куски. Я уверен, что никакой штормовой парус, поднимаемый на леере, не мог бы противостоять силе сего ветра, но гафельные трисели, которые по предложению моему сделаны в Кронштадте, во время сего шторма всеми рифами зарифленные, стояли совершенно безопасно. Преимущество их против обыкновенных штормовых парусов видели мы довольно ясно, а потому весьма бы полезно было ввести в употребление в нашем флоте ежели не оба, по крайней мере грот-трисель, который бы служил вместо апселя и мог бы заменить бизань-стаксель и крьюс-стенг-стаксель. Барометр около сего времени опустился до 28 дюймов; причем должно заметить, что из трех барометров Доллонда, на шлюпе моем находившихся, два по чрезвычайному колебанию ртути совсем были бесполезны, а третий также мало приносил пользы, потому что никогда не был предвозвестником

наступающей бури или ясной погоды, а обыкновенно понижался или возвышался несколько часов после".

"Приятно было видеть, что шлюп наш в шторм при чрезвычайно сильном и неправильном волнении так крепок, что малая течь, которую обыкновенно мы имели, стоя в тихий ветер на якоре, т. е. по два дюйма в сутки, нисколько не прибавлялась. Сим обязаны мы деятельному присмотру в Кронштадте при килевании и скреплении шлюпа. Какова была у нас килевая качка (которая без сомнения главнейшая причина расслабления членов у судов), можно судить по великому множеству морской травы, коею гальюн наш при рассвете был наполнен, и вероятно, что при всяком ударе носом трава попадала чрез поручни, а не снизу, ибо нижняя часть гальюна так хорошо заделана решеткою, что не выбило ни одной перекладки. При всем том качка была плавная, и бушприт изредка воды касался, тогда как мне известно, что многие большие суда теряли бушприты свои от волнения, которое, так сказать, смывало оные. Сие доказывает некоторым образом, что шлюп "Мирный", кроме многих удобств для груза и покойного помещения как для офицеров, так и для служителей, имел еще качества доброго морского судна. Один недостаток и притом довольно важный, который чувствовали мы в продолжение всего похода, был тот, что шлюп весьма худо слушался руля, а причиною сему излишняя полнота в кормовой подводной части".

"В 8 часов утра казалось, что шторм начал уменьшаться; чрез час уже ветер довольно приметно стихал; тогда, поставя рифленные марсели и фок, по сильному боковому волнению мы спустились на ОтN. При всех стараниях наших в содержании людей как можно суше, от холодной и мокрой погоды, после шторма, показались у некоторых простудные лихорадки и ревматизмы. Сие побудило меня, кроме обыкновенной полуденной порции водки в полдень и слабого пунша с сахаром и лимонным соком, приказать дать им еще порцию водки за завтраком. Последствия доказали, что прибавление сие много способствовало к сохранению здоровья служителей. В полдень мы находились в широте 55° 35', долготе 100° 38' восточной. Около 6 часов вечера ветер отошел в NtO и начал крепчать; по сему же направлению скоро бегущие облака предвзвешали приближение шторма, которого, судя по барометру, мы не ожидали, но, как выше упомянуто, что к барометру мы не могли иметь доверия, то я приказал закрепить фор-марсель и крьюсель и остался под грот-марселем и рифлеными триселями".

10 марта. "Ветр в продолжение ночи дул весьма сильный с жестокими порывами и к 6 часам утра следующего дня превратился опять в шторм и принудил нас закрепить грот-марсель. К полудню начал стихать, показалось солнце, и пасмурность прочистилась; однако ж волнение было чрезвычайно великое. Я не помню, чтобы мне случилось когда-либо видеть такое большое и такой чрезмерной высоты волнение. Казалось, что при погружении судна с волны вниз хребты высоких гор окружали нас со всех сторон; по наблюдению мы находились в широте 56° 04', долготе 103° 30' восточной. Вскоре после полудня с марса увидели льдяной остров к SO. Я полагал не далее шести миль, но сильное волнение не позволяло видеть оно с шканец. Можно сказать, что великое счастье сопутствовало нам в продолжение сих бурь, ибо мы не встретили ни одной из льдяных громад, которые могли быть для нас бедственны, а теперь упомянутый остров показался уже тогда, когда равноденственных ветров, дувших с великою свирепостию, сила уменьшилась. Шлюп "Восток" по моему мнению был в опаснейшем положении,

ибо, ежели капитан Беллинсгаузен находился тремя градусами нас южнее, вероятно, он мог встретить льды, о коих я не один раз вспоминал с чувствами великого беспокойства".

11 марта. "11-го была сильная зыбь от N, но ровный умеренный ветер и ясная погода, с которою, можно сказать, и все больные наши выздоровели. В 7 часов утра в широте $56^{\circ} 11'$, долготе $104^{\circ} 04'$ восточной, склонение компаса по нескольким азимутам найдено $37^{\circ} 26'$ западное. Вскоре ветер начал отходить к NW, и я приказал держать на NOtO, чтобы вознаградить потерянное направление от прошедших штормов, в продолжение коих невольные курсы удалили нас к югу почти на градус более, нежели я желал. Сегодня восстановился на шлюпе тот чистый воздух, которым наслаждались в продолжение почти всего плавания нашего от Кронштадта. Камельки в палубах были затоплены, и все служительское платье и постели проветрены и просушены. Ночью находили частые шквалы, сопровождаемые градом, потом небо опять прочищалось и было совершенно безоблачно. Южное сияние показывалось три раза в великом блеске".

"Со времени разлучения нашего с шлюпом "Востоком" я старался по возможности подражать благоразумному правилу капитана Флиндерса, т. е. чтобы никакая встреча не уходила из виду, он поставил себе правилом пройти в ночное время не более сорока миль, дабы вечерние пределы зрения впереди судна могли видны быть поутру назад; но как мне предстояло еще довольно продолжительное плавание, то правило сие иногда нарушалось в ясные лунные ночи, когда горизонт в ночную трубу простирался также не менее 10-миль. Ежели бы и встретился на пути нашем какой-либо берег, который без сомнения в широтах сих должен быть высокий, мы бы усмотрели оный и в дальнейшем расстоянии".

12 марта. "Следующего дня го полудни ветер дул от NW с сильными шквалами и весьма крупным градом, во время коего любопытно было смотреть, как голубые бурные птицы укрывались от оною между волн. В полдень ветер сделался тише и небо совершенно прояснилось; по наблюдению мы находились в широте $55^{\circ} 13'$ южной, долготе $108^{\circ} 48'$ восточной, а пополудни в широте $56^{\circ} 03'$, долготе $109^{\circ} 33'$; склонение магнитной стрелки по взятым азимутам найдено $31^{\circ} 16'$ западное.

13 марта. "13-го при равном северном ветре я держал на ON под всеми парусами. В 7 часов утра в широте $54^{\circ} 49'$, долготе $113^{\circ} 07'$ восточной склонение магнитной стрелки было $27^{\circ} 49'$ западное. Около того же времени мы видели много носимой по волнам травы и двух нырков, совершенно похожих на тех, какие показывались в виду острова Георгия. Хотя таковые признаки и подавали причину думать, что мы находились в недалеком расстоянии от берега, но в которой стороне искать оною решить было весьма трудно, а потому я продолжал идти тем же курсом; мы опять видели ныряющих птиц и много травы каменного перелома {Оторванный от камней.-- Ред.}. Я не сомневался, что вблизи нас были какие-либо голые острова, ибо ныряющие бурные птицы, сколько случалось нам видеть в продолжение плавания нашего, никогда далеко от берега не отлетают {Ныряющих птиц видели мы поблизости островов Южная Георгия, Новой Зеландии и Маквария. Неподалеку от последнего одну такую птицу застрелили и тогда только уверились, что то не обыкновенные нырки, которые несколько похожи на бурных птиц.}. Ближайшая известная земля была SW оконечность

Новой Голландии, почти в 1 200 милях, и при ее берегах ныряющих бурных птиц никто не видал. Прежние примеры неоспоримо доказывают, что сии птицы предвозвещали берег; капитан Кук, который в третье путешествие отыскал землю Квергелена и определил положение ее с величайшей точностью, видел ныряющих бурных птиц за 150 и 350 миль от сего берега. Земля Квергелена находилась от нас в 1 600 милях. Капитан Кук видел сих птиц также в 100 милях от Огненной земли, в 150 от острова Овладения, одного из обретенных французским капитаном Крозетом вблизи островов Южной Георгии и Новой Зеландии. По таковым примерам мы должны были заключить, что находимся в соседстве какого-нибудь голого острова, а потому я обратил всевозможное внимание, чтобы увидеть берег, беспрестанно имея человека на салингах, назначил награждение тому, кто первый усмотрит берега; последствия доказали, что обретение земли в сих местах предоставлено было не нам, а может быть другим мореплавателям, более нас счастливым. Таким образом продолжал я курс к ОНО и в полдень, по наблюдению, мы находились в широте 54° 36', долготе 140° 02' восточной. Пополудни опять видели нырков и много травы. С 8 часов вечера шли под одними марсельями, к полуночи ветер начал отходить к норду, при пасмурной погоде и дожде".

14 марта. "На другое утро ветер продолжался от NNW, при пасмурной погоде и дожде. Мы опять видели нырков и траву. К полудню погода не переменилась, но ветер еще усилился и волнение увеличилось. Таковые препятствия к усмотрению берега, коего однакож к северу от себя я не полагал, решили меня не упустить, по крайней мере, попутного ветра, который уже был весьма крепкий, почему у нижних парусов взяты рифы, брам-стенги {Вероятно, следует: "брам-стенги спущены".-- Ред.}, крюсель закреплен, реи обезопасены превентер-брасами; мы шли по восемь узлов при сильном боковом волнении, от коего получали частые удары. Я имел достаточные причины спешить совершением предстоящего нам пути, ибо знал, что капитан Беллинсгаузен намерен был отправиться из Порт-Жаксона в начале мая месяца, дабы провести сколь возможно более времени в тропиках для поверения положения некоторых островов. Мне было известно и то, что, по преимущественному ходу шлюпа "Востока", должен он многим прежде нас прибыть в Порт-Жаксон, где служащие с ним долее могут пользоваться свежими жизненными потребностями, столь необходимыми для подкрепления здоровья после такового продолжительного и многотрудного плавания; по сим причинам терять время для отыскания какого-нибудь голого островка и потом притти поздно в Порт-Жаксон было бы безрассудно, тем более, что мы уже 114 дней находились в море.

Пополудни мимо шлюпа четыре раза проплыла трава каменный перелом, но нырков мы не видали; а сопутствовали нам черные и еще нового рода бурные птицы, я думаю те самые, которых капитан Кук называет большими синими петреями. В 11 часов ветер сделался умереннее и начал отходить к W, от чего и небо прочишалось. Ночь от показавшейся луны была довольно светла, а потому я продолжал курс на ОНО, неся большие паруса".

15 марта. "К 6 часам утра 15-го числа ветер стих и небо совершенно прояснилось; но великая зыбь от NW качала шлюп весьма сильно. К 9 часам подняли брам-стенги и поставили брамсели. Опять появились признаки земли, нырки и много плавающей травы. Неоднократно облака близ горизонта принимали такой вид, что многим из нас

казались берегом, но в скором времени мнимый сей берег исчезал. По наблюдению, в полдень, определили широту места нашего $53^{\circ} 41'$, долготу $123^{\circ} 03'$ восточную, на три с половиной градуса к югу от курса капитана Фюрно.

Ясную погоду, которую доставил нам западный ветер, наслаждались мы недолго; в 6 часов вечера ветер опять задул северный и пошел дождь, а к 9 часам так скрепчал, что принудил нас убирать паруса многим скорее, нежели мы ставили оные поутру, когда все предвещало продолжительную благоприятную погоду. К полуночи находились уже под марсельями, всеми рифами зарифленными, брам-реи и брам-стенги были спущены".

16 марта. "К полудню следующего дня ветер постепенно усиливался и превратился в шторм, при пасмурной с дождем погоде, и принудил нас вскоре закрепить все марсели, грот и фок и остаться под одними рифлеными триселями. В продолжение двух часов, начиная с четырех и до шести пополудни, ветер силою своею подобен был урагану, и хотя погода сделалась ясная и не было дождя, но сила ветра срывала верхи с волн и осыпала нас дождем, из одной морской воды состоящим. В сие время казалось, что на море снежная выюга, какие обыкновенно случаются в степях, так что при совершенно ясной погоде невозможно было видеть далее одной мили. Буря сия продолжалась до 8 часов, и тогда для уменьшения боковой качки, которую производило увеличивающееся волнение, мы поставили грот-марсель, а к 10 часам, так как ветер, отойдя к NW, постепенно ослабевал, еще прибавили парусов; продолжавшееся волнение качало шлюп весьма сильно".

17 марта. "Утро 17-го, хотя не обещало ясной погоды по причине висевших над горизонтом густых облаков, но к величайшему удовольствию нашему около полудня они совершенно рассеялись, и день сделался ясный. Таковой погоды, признаюсь, ожидал я с большим нетерпением для осушения служительского платья, которое все было мокро в продолжение уже нескольких дней, и ничего сухого у них не осталось. Воздух в палубе был также очень тяжел, по той причине, что как сильная качка, так и вливавшаяся вода не позволяли ни топить камельков, ни открывать люков; но пред полуднем, к удовольствию моему, все приняло хороший вид, и больных на шлюпе не было. Упомянув теперь о больных, не простил бы я себе, ежели бы не засвидетельствовал об усердии того достойного человека, которому больные на шлюпе, по доказанному его искусству, вверены были -- нашему медико-хирургу Галкину; он, при обширных познаниях, отличался неусыпным старанием, неутомимыми трудами и крайнею заботливостью о сохранении здоровья всех служащих на шлюпе; я приношу ему изъявление чувствования совершенной моей благодарности, которая навсегда сохранится в сердце моем.

В полдень по наблюдению определили широту места нашего $52^{\circ} 26' 41''$, долготу $128^{\circ} 09' 30''$ восточную; а чрез 5 часов в широте $52^{\circ} 15'$, долготе $129^{\circ} 12'$ восточной склонение компаса по нескольким азимутам найдено $8^{\circ} 48'$ западное. Разного рода бурные птицы и дымчатые с белыми бровями альбатросы летали около нас в продолжение всего дня в великом множестве. Примечания достойно, что последние живут на весьма большом пространстве Южного океана, ибо мы их видели по обеим сторонам полярного круга между параллелями 50° и почти 70° южной широты. Можно утвердительно сказать, что сего рода альбатросы занимают большее пространство,

нежели другие птицы, выключая одних черных малых бурных птиц (*Procellaria relagica*), которых мы видели и в северном полушарии, и на экваторе и в самых больших южных широтах. Я слышал, что они водятся даже и около Норд-Капа".

18 марта. "Ночь была довольно ясная и мы ожидали лунного затмения, которого началу надлежало последовать около двух часов, но ожидали напрасно, ибо пред самым тем временем луна закрылась облаками; конец затмения был виден довольно ясно в исходе пятого часа. Некоторые из наблюдавших затмение на шлюпе, следуя способу капитана Ванкувера, наблюдали секстаном в обратный телескоп, приводя светило к горизонту, что на качке конечно удобнее, ибо легче удержать оное в фокусе трубы, но ежели колебание судна не так велико, то хорошая зрительная труба может служить с лучшим успехом, ибо видно многим явственнее. Впрочем, капитан Ванкувер говорит токмо о солнечных затмениях, которые, вероятно, по его способу могут быть наблюдаемы с большею верностию, нежели лунные, и вообще можно сказать, что определение долготы по лунным затмениям не имеет желаемой точности, в особенности на море, где большого ахроматического телескопа навести почти невозможно, и даже в такой телескоп затмевающая тень никогда хорошо не окраевается, а всегда край виден бывает пасмурен и окружен как будто какою-то атмосферою; а потому и кажется разным наблюдателям в одно и то же время не одинаково.

Наблюдения затмения секстанами разнствовали между собою очень много, и для того мы оставили их без внимания, а из наблюдений помощью телескопов, долгота оказалась: по моим наблюдениям $130^{\circ} 10' 45''$, мичмана Куприянова $130^{\circ} 20' 15''$; истинная же наша долгота в сие время была $129^{\circ} 50' 25''$ восточная. В 7 часов вечера мы видели пингуина, подобного тем, каких встречали на Южных Сандвичевых островах, т. е. имеющего красный нос и желтый хохол на голове. Появление сей птицы послужило нам также признаком берега, ибо сего рода птицы никогда далеко от берега не отплывают, и проносимая в разное время трава еще более меня обнадеживала в близости берега. После полудня ветер начал отходить к О и погода становилась пасмурная, а потому я поворотил к N. Вскоре пошел сильный дождь и продолжался при северном безветрии до двух часов следующего утра, тогда задул ветер южный, который вскоре сделался свеж, и я взял курс на ОНО под всеми парусами. В сие же время приказал осмотреть всех нижних служителей, дабы удостовериться, не имеет ли кто признаков цинготной болезни, чего должно было ожидать после 17-недельного нашего плавания, в продолжение коего погода стояла самая мокрая и холодная; к удовольствию моему, медико-хирург Галкин нашел всех совершенно здоровыми. Запас наш, взятый в Рио-Жанейро, так был избыточен, что ни офицеры, ни служители не нуждались в свежей пище. Сегодня убили свинью, и сваренная в горохе доставила служителям обед весьма вкусный. Прошедшие штормы были причиною, что мы лишились нескольких свиней из взятых нами в Рио-Жанейро, померли от ушибов во время качки.

В полдень мы находились в широте $51^{\circ} 16' 51''$, долготе $132^{\circ} 07'$ восточной. Желая войти в параллель острова, обретенного испанцами, по крайней мере, на 4° к западу от нашего места, я переменял курс еще на румб к норду. Сия предосторожность была необходимо нужна, потому что все испанцами обретенные острова, как найдено другими мореплавателями, означены на картах ошибочно не только на несколько

градусов по долготе, но даже и по широте, а от того таковые обретения испанцев отыскивать весьма трудно; неоднократно употребляемо было на сие немалое время без всякой удачи. Многие заключают, что испанцы при открытиях своих нарочно вымышляли ложные широты и долготы, дабы не допустить других морских держав воспользоваться сими обретениями, но я полагаю, что таковая неверность происходила всегда от недостатка нужных инструментов, а может быть и самых познаний начальствовавших судами, ибо какие выгоды могли побудить испанцев скрывать положения некоторых голых островов, или, лучше сказать, камней, которые могут быть полезны токмо морским птицам.

20 марта. "Ветр, постепенно отходя к западу, 20-го числа дул от NW, при довольно ясной погоде. По наблюдениям, произведенным в полдень, оказалось, что в последние сутки мы увлечены были против счисления нашего 22 мили. Сие произошло не от одного течения, а некоторым образом и от весьма большого волнения от W. Пополудни, находясь в широте $49^{\circ} 59'$, долготе $136^{\circ} 19'$ восточной, определил склонение компаса среднее из нескольких азимутов $1^{\circ} 10'$ западное, и вскоре по амплитуде $0^{\circ} 52'$ западное же. В 6 часов сделался штиль, продолжался около двух часов, потом опять задул попутный западный ветер и вскоре установился в SW четверти".

21 марта. "В 2 часа пополудни по меридиональной высоте луны определили широту нашего места $49^{\circ} 46'$ южную, счислимая же тогда была $49^{\circ} 44'$; чрез два часа, находясь почти в самой широте искомого нами острова, я приказал держать по компасу прямо на ост, полагая, что склонения компаса здесь совсем не было, а если и должно быть несколько, то не более 1° к востоку. В 8 часов видели мы двух куриц Эгмонтской гавани, которые летели прямо над нами и хватались за флюгарку; сии птицы, которым наименование их дано капитаном Куком, могут также служить признаком земли, особенно, когда их две или три вместе.

"С восьми часов и до полудня ветер непрестанно крепчал, при всём том, что барометр не только не понизился, но ещё несколько возвысился, а к полудню ветер при пасмурной погоде усилился до того, что принудил нас с большим трудом закрепить все паруса и, при наставшем великом волнении, привести на правый галс в бейдевинд под одними рифлеными триселями. Сие тем более было нужно, что при пасмурной и бурной погоде, не имев возможности произвести наблюдения в полдень, мы бы могли миновать вышеупомянутый остров, а ежели в самом деле оный существовал, то легко бы подверглись опасности, ибо зрение наше простиралось не далее пяти миль. Я решился остаться в сем положении до полуночи, и тогда, ежели погода будет несколько благоприятнее, спуститься под небольшими парусами, дабы то пространство, которое мы пройдем ночью, можно видеть назади по рассвете".

22 марта. "С полуночи и до 8 часов утра погода продолжалась довольно светлая, но мы ничего не видали: с 8 часов до полудня шёл мелкий дождь при пасмурной погоде; я не надеялся иметь возможность к произведению наблюдения в полдень, что по обстоятельствам было бы крайне нужно. Наконец, пред самым полднем погода прояснилась, явилось солнце, мы определили широту $49^{\circ} 56' 34''$, долгота оказалась $142^{\circ} 00' 00''$ восточная, на 11 минут западнее середины острова, означенного в карте аросмитовой, и на шестнадцать с половиной миль южнее южной оконечности оного.

По сей причине в начале первого часа я велел привести на N, с тем намерением, чтобы войти в широту острова и продолжать плавание по параллели к востоку; к трем часам пополудни мы достигли сей параллели, т. е. широты 49° 39'. В сие время так было светло, что остров, который возвышен, мог бы нам показаться с салинга за тридцать миль или ещё и далее; но все старания наши усмотреть оный остались тщетны, однако же мы видели траву и куриц Эгмонтской гавани. В шесть с половиной часов вечера в широте 49° 39', долготе 142° 47' восточной легли в дрейф. В сие время находились на самом том месте, где на карте Аросмита назначен искомый остров под названием Comranys Island с прилежащими к западной стороне двумя островами.

23 марта. "На рассвете следующего дня, как скоро в некотором расстоянии можно было различить предметы, мы поставили все паруса и продолжали плавание к востоку. В полдень, по наблюдениям, широта была 49° 07', долгота 145° 03' восточная; из сего оказалось, что течением в продолжение сих суток увлекло нас к NO 47°, на 39 миль. И так перешед чрез самое то место, где назначен остров, и пройдя ещё далее на два с половиной градуса к востоку и не видя никакого берега, я решился оставить продолжение исканий, взял курс к SW мысу земли Вандимена, который желал видеть для поверения хронометров, ибо уже прошло 25 дней после того, как мы имели случай брать лунные расстояния. Ночью усмотрели на поверхности моря светящиеся места, подобные тем, какие видел я в первое моё путешествие в 1804 году при приближении к земле Вандимена. Капитан Гунтер в обоих путешествиях своих к Новой Голландии {Австралии. -- Ред.}, уподобляя свет сей фонарям, раскиданным по морю, замечает притом, что сии плавающие огни могут служить верным признаком недалекого расстояния от земли Вандимена {Тасмании.-- Ред.}. Я нашёл, что замечание капитана Гунтера весьма основательно, ибо мы были не далее двухсот пятидесяти миль от упомянутого берега, и сих светящихся мест на поверхности моря прежде не видали. Примечания достойно, что они многим более нежели те, которые случалось мне видеть в других частях сего океана".

"Ветр продолжался от SW весьма крепкий с сильными порывами, с градом и дождём, от свирепости коих мы принуждены спускаться на фордевинд. Боковое волнение было весьма великое и при всяком ударе в шлюп наводняло палубу более нежели на фут; нам ещё в первый раз случилось нести большие паруса при таком волнении, и я признаюсь, что ежели бы не желание скорее окончить продолжительное сие плавание, и чрез то доставить утомлённым служителям хотя малое отдохновение, полезнее бы было привести шлюп к ветру и переждать. В полдень по наблюдениям широта оказалась 46° 33', долгота 145° 17' восточная; течение продолжало увлекать нас к востоку значительным образом, и именно в сии сутки на шестнадцать с половиною миль, а следующего дня в полдень в широте 43° 50', долготе 145° 18' восточной, найдено, что течение к востоку в сутки было тридцать одна миля. Беспрестанные западные ветры, дующие в сих местах с необыкновенною жестокостью, единственная причина таковых течений".

25 марта. "Находясь в сие время только на восемнадцать миль южнее SW мыса земли Вандимена, я переменял курс более к востоку. В 2 часа пополудни увидели мы купеческое судно, которое держало также к берегу; оно было английское и шло в реку Дервент с грузом. В четыре с половиной часа усмотрели SW мыс прямо почти на ост, почему и переменяли курс более на SO. Пришел точно на меридиан самого мыса,

лежащего по лучшим известным определениям в долготе $146^{\circ} 06'$ восточной, мы удостоверились, что от хода наших хронометров всей погрешности в долготе было 42 минуты к востоку от настоящей. Разность весьма малозначущая в толь продолжительное плавание, а потому все долготы, в сем описании упомянутые, исправлены многократно прежде взятыми лунными расстояниями и по оказавшемуся ходу хронометров в Порт-Жаксоне. В седьмом часу убавили парусов; небо вокруг нас покрылось облаками и предвешало ночь бурную, почему я удалился на несколько миль к югу, а с рассветом следующего дня поставил все паруса и взял курс на NO. В 11 часов усмотрели мыс Тасмана на NW 17° ; в полдень он был от нас на NW 41° , в расстоянии тридцати пяти миль. В час пополудни, когда мы находились на меридиане мыса Пиллара, к югу от оною, в расстоянии тридцати четырех миль, по взятой высоте для поверения хронометров оказалась та же погрешность в высоте, т. е. 42 минуты".

27 марта. "27 марта с наступившим прекрасным днём труды, опасности и беспокойства наши все миновались, и, действительно, день был так хорош, что во время всего плавания нашего от Бразилии такого мы не видали. Удовольствие наше могут представить себе только те путешественники, которые совершили плавание, подобное нашему, видели утесистые и вечным снегом покрытые скалы и берега Петра I и Александра I {Упоминание об открытиях следующего года показывает, что донесение Лазарева было пересоставлено после возвращения экспедиции в Россию.-- Ред.}, и потом увидели плодоносные берега земли Вандимена, покрытые прекрасною зеленью. Участником радости нашей может быть только тот, кто в продолжение почти четырех с половиною месяцев подвержен был непрестанному холоду и сырости, при 3 и 4° мороза, и теперь наслаждается теплотою до 13° . Казалось, что южная оконечность Вандименовой земли поставлена пределом бурям и огромному волнению, с коими в продолжение последнего времени мы так часто боролись".

28 марта. "28-го в широте $40^{\circ} 26'$, долготе $150^{\circ} 53'$ восточной, по среднему из многих азимутов склонение магнитной стрелки оказалось $10^{\circ} 26'$ восточное. На другой день, по наблюдениям, в полдень мы были в широте $37^{\circ} 32'$, долготе $151^{\circ} 39'$ восточной и удостоверились, что течение увлекло нас в последние сутки двадцать четыре мили на NO 37° . В первом часу сделался штиль и продолжался до полуночи, а потом, к удовольствию нашему, задул тихий ветерок от SO, и мы, направляя курс к северу, мечтали на другой день быть уже в Порт-Жаксоне; но около 7 часов вечера ветер перешёл к N и лишил нас сей надежды. Противный северный тихий ветер продолжался до 9 часов вечера следующего дня, и тогда, после кратковременного штиля, превратился в южный, и мы опять взяли курс к N".

2 апреля. "На рассвете 2 апреля усмотрели берег Новой Голландии на NW 55° . Я заключил, что берег сей мыс Георгия близ залива Джарвиса. В 8 часов, приблизившись к оному на расстояние четырнадцати миль, в сем заключении удостоверились, ибо чрезвычайно приметный мыс Перпендикулярный виден был на NW 51° .

Течение, которое шло к N и NO, в близости берегов Новой Голландии принимает почти совершенно противное направление и в предпоследние сутки было тридцать три мили на SW 19° , а сегодня по наблюдению в полдень оказалось, что в последние сутки увлекло прямо на S тридцать семь миль; имея мысы Перпендикулярный и Георгия в

створе на SW 35°, мы находились в расстоянии от первого на шесть миль; широта места вышла 35° 00' 21", долгота 151° 03' 30" восточная.

Южный ветер с полудня начал стихать, и к 8 часам вечера обратился в штиль. Ночью, находясь против Красной оконечности, так названной капитаном Куком в первое его путешествие, видели временем на берегу огонь, вероятно, разведённый дикими ново-голландцами, ибо в сих местах не было английских селений".

3 апреля. "Следующего утра в широте 34° 21', долготе 151° 13', склонение магнитной стрелки по многим азимутам оказалась 9° 20' восточное, а пред сим по амплитуде выходило 9° 6'; глубина по лоту была семьдесят сажен, грунт -- белый песок. В полдень южный мыс при входе в Порт-Жаксон виден был на NW 21°, в расстоянии двадцати с половиной миль; ветер задул тихий от NO, и мы легли правым галсом к берегу. Пришед на глубину тридцати пяти сажен, поворотили, и в сие время мыс Банка и Красная оконечность находились в створе на SW 25°.

"Переменные тихие ветры, штили и течение, действовавшее к югу, причиною, что мы достигли к Порт-Жаксону не прежде ночи 6-го числа, и, тогда, немного пройдя упомянутые мысы, при сделавшемся безветрии, положили якорь во внутренности залива на глубине семнадцати сажен, грунт был белый песок. В сие время вновь построенный прекраснейший маяк находился от нас на SW 20°, в двух милях. В 8 часов следующего утра при NW ветре и приливе снялись с якоря и лавировали в заливе до двух с половиною часов пополудни; внезапно переменявшийся ветер доставил нам удовольствие вскоре бросить якорь вблизи шлюпа "Востока", но мы ещё не успели стать на якорь и имели уже вящее удовольствие увидеть капитана Беллинсгаузена. Он приехал ко мне на шлюп и сказал, что прибыл в Порт-Жаксон только за 6 дней пред нами и что все, под начальством его состоящие офицеры и нижние служители, в лучшем здоровье, нежели были, когда отправились из Кронштадта. При вторичном осмотре всех матрозов на шлюпе "Мирном" я нашёл их также здоровыми, исключая одного, который был ушиблен, что препятствовало ему иметь нужное движение и, вероятно, было причиною синих пятен на его ногах. Сохранение здоровья в столь влажном и холодном климате, в море, требующем частого присутствия на открытом воздухе, достойно особенного внимания мореплавателя".

Сим оканчивается донесение капитана Лазарева.

С шлюпа "Мирного" палатки поставили подле наших. Лазарет, кузница, скот и все лишние материалы были туда же свезены. Лейтенант Лазарев весьма заботился скорее починить форштевень на шлюпе, повреждённый во льдах. Для сего тотчас отправил своих мастеровых осматривать лес и приискать хорошее дерево, но труды были напрасны, ибо по близости города потребных для сего деревьев нет. Хотя весь лес крупный, но как растёт на каменном грунте, то сердцевина почти у всех деревьев выгнила, однако же они слишком крепки и тяжелы для приделывания к сосновым деревьям, из коих построен шлюп "Мирный". Из лесов, растущих в Новой Голландии, дерево сидер {Кедр. -- Ред.} самое удобное и мягкое для кораблестроения; мы употребили оное для заделки повреждений.

13 апреля. С позволения губернатора лейтенант Лазарев ввёл шлюп "Мирный" в первый залив по западную сторону наших палаток и поставил оный при большой воде

носом на мель, а когда вода убыла и повреждённое место оказалось наружи, тогда увидели, что грёв на четыре с половиной фута вовсе измочален в шепу. Для скорейшего окончания работы я дал в помощь тиммермана и плотника; последний был также хороший брызгас {Брызгас -- рабочий, просверливающий обшивку судна, заколачивающий тяжёлым молотом сквозные болты и заклепывающий их. -- Ред.}. 16-го починку около форштевня кончили и шлюп оттянулся с мели. После сего лейтенант Лазарев, вышед на рейд, занимался приуготовлением шлюпа к вступлению под паруса.

Облегчив сколько можно носовую часть шлюпа "Востока", 13-го кончили починку меди в подводной части; на степсе у бушприта оказалась трещина, его подкрепили толстыми железными обоймами с обеих сторон, и упёрли сзади двумя длинными кницами наискось. Я полагал, что с сим подкреплением степс будет, наверно, крепче всякого нового, за которым работы много, да и лесу к сему годного и потребной величины в близости нас, равно и в Адмиралтействе, не было.

16 апреля. Пользуясь гостеприимством и благоприязнию губернатора, капитан-лейтенант Завадовский, лейтенант Лазарев и я, мы втроём поехали в его карете, прочие в гичках {Гички -- шлюпки. -- Ред.} и на катере, в город Парамату, отстоящий от Сиднея в пятнадцати милях.

Дорога была прекрасная, по обеим сторонам видны домики, селения и труды рук человеческих. Приближаясь к городу Парамате, мы видели, что все холмы и возвышения отложе, и потому удобнее для заселения и обрабатывания пашен и пр. Леса состоят из крупных, редко растущих деревьев, так что повсюду между ними можно ездить в карете. Город Парамата расположен правильно на плоской ложине, при реке того же имени; улицы широкие, ровные, проведённые перпендикулярно; дома по большей части деревянные, чистые, с садами или огородами к улице, что, освежая воздух в городе, придаёт оному приятную сельскую наружность. Некоторые жители вместо деревянных домов уже строят каменные.

Мы проехали городом прямо к губернатору; он принял нас весьма приязненно, водил по саду, показал дом, привёл в верхний этаж, расположенный для принятия гостей, и назначил Завадовскому, Лазареву и мне, каждому по особой горнице⁸⁴, а астроному Симонову и живописцу Михайлову обоим вместе одну, примолвля: науки и художества должны быть в самой близкой связи. Прочие офицеры приуготовляли себе ночлеги в трактирах. Мы пробыли у губернатора три дня. Дом его невелик, в два этажа, стоит на возвышенном месте и окружён садом; выстроен первым приехавшим сюда из Англии губернатором, Филиппсом.

После завтрака мы пошли прогуливаться в городе с губернаторским адъютантом поручиком Макварием {Далее в первом издании следует описание госпиталя и фактория, занимающее около полутора страниц текста. В настоящем издании это описание опущено. -- Ред.}.

День был особенно жаркий, переходы велики, мы устали и были весьма довольны, когда возвратились домой. Гостеприимный наш хозяин стаканом мадеры с водою подкрепил силы наши.

17 апреля. В следующий день в 8 часов, после завтрака, губернатор пригласил меня с собою прогуляться в карете по Виндзорской дороге; для всех офицеров наших были приготовлены верховые лошади. Дорога сия прекрасно выровнена, на отлогих возвышенностях видны сельские домики с садами, подле коих засеянные поля; леса местами выжжены, чтоб землю приуготовить к посеву. Стада белых какаду с резким криком пересекали нам дорогу; с дерева на дерево порхали маленькие птицы, называемые прекрасными певцами, увеселяя нас своим пением; красные лори, распстренные розетки и отличной красоты синегорские⁸⁵ попугаи -- сидели попарно и стадами на деревьях. Проехав семь миль, губернатор, заметя усталость непривыкших к верховой езде моряков наших, приказал поворотить назад.

По прибытии домой, несколько отдохнув, мы прохаживались с супругою губернатора в саду. Задний сад ограничивается с одной стороны полукруглым, довольно крутым, деревьями обросшим косогором, на поверхности коего находится аллея из вновь посаженных и обстриженных лимонных дерев, вышиною в три с половиною фута. Подле забора, окружающего сад, растут пушистые наполненные жёлтыми цветами мимозы. Деревья сии служат саду большим украшением; под косогором выровнено место, на коем изредка посажены фруктовые деревья и огородные овощи. Из европейских фруктовых растений видны здесь яблони, грушевые, персиковые деревья, смородина, крыжовник, клубника и малина. Другая сторона сада прилегает к реке Парамате. Из сего сада мы перешли во второй, называемый английским, находящийся пред домом. Прогуливаясь по извилистым дорожкам, между апельсиновыми, померанцевыми и лимонными деревьями, на каждом из коих представлялось несколько периодов их произведений; зрелые желтеющие фрукты, вовсе зелёные, сильно ароматный белый цвет, и, наконец пупочки. Как ни разительна сия прекрасная цветущая природа, но чрезмерно знойный климат, солнечный жар и самый аромат, невольно побуждают мысленно обратиться и вспомнить приятный прохладный весенний вечер отечества нашего в берёзовой или липовой роше, коих запах касается только слегка, чувствами.

18 апреля. Поутру мы были у лейтенанта королевско-английской службы Кинга. Он командует небольшим военным тендором и находится здесь для приведения в известность всех изгибов северного берега Новой Голландии и земли Вандимена. Лейтенант Кинг одну половину уже обозрел, теперь остается ему обойти другую.

Губернатор обедает не ранее шести часов, почему, имея ещё время, повёл нас прогуляться в лес. Показывал искривлённые, наклонные, изрытые дождями прежние дороги, самую природою образованные. Сии неудобопроходимые дороги затрудняли сообщение одного селения с другим. Дабы взаимные их избытки не оставались бесполезными, и чтобы уделить оных в недостаточные селения, которые получали потребное им за весьма дорогую цену, губернатор сделал удобно проходимые дороги и поправил все прочие. В торговые дни ныне на рынке в Сиднее можно найти все излишества других селений, ибо из оных привозят лишнее на продажу, потому что в сем городе жителей больше нежели в других, сверх того приходит много кораблей, которые все нуждаются в съестных припасах; каждый поселянин надеется продать произведение трудов своих дороже, и в замену купить вещи необходимые, или для роскоши привезённые из Китая, Восточной Индии и с мыса Доброй Надежды.

19 апреля. В понедельник, поблагодарив губернатора и его почтеннейшую супругу за их особенное внимание и гостеприимство, мы возвратились на шлюпы по реке Парамате на гичке. В Парамате прилив и отлив; течение было тогда нам попутное и мы весьма скоро шли. При самом городе река узка и перегорожена плотиною, дабы от прилива с моря вода речная не смешивалась с морскою и не была солонa; сею водою пользуются все жители.

Проезжая далее, мы увидели, что река становится шире, по берегам построены дома, при коих апельсинные и лимонные роши. Деревья сии завезены в Новую Голландию и произрастают весьма хорошо. Далее почти на середине дороги от Параматы к Сиднею, на левой руке, находятся красивые, пологие, обработанные поля, засеянные пшеницею и проч. Поля сии названы Марсовым полем, потому что земля отдана была первым приехавшим в Новую Голландию солдатам в 1788 году. На правой стороне реки видны дома фермеров и завод солеварный. Остальная половина берега не представляет ничего приятного для зрения; видны по сторонам одни утесистые берега из песчаного серо-жёлтого камня, покрытые тонкожелтоватою песчанною землею. Камни сии к воде совершенно голы, верх берега оброс крупным лесом, но большая часть оного обожжена природными жителями, которые скитаются иногда по лесам, промышляя себе дневную пищу; обожжённый лес придаёт берегу вид весьма дикий и унылый.

Мы заехали к пивовару, живущему у реки Параматы. Я ему заказал привезти несколько бочёнок пива и капусты, что он в следующий день исправно исполнил.

По возвращении на шлюпы, мы нашли, что приуготовление оных к вступлению под паруса шло успешно. Мы ежедневно ездили на северный берег, где на мысе устроена была наша обсерватория и Адмиралтейство. Недалеко от сего места в лесу расположился с своим семейством Бонгари. Мы нередко, прогуливаясь, заходили к нему. Хотя он себя называл королём сего места и имел титул Chief of Brocken Bay, однако же дворец его не соответствовал сему знаменитому титулу, ибо состоял из одной полукруглой стены, вышиною от четырех до пяти фут, сделанной из свежих сучьев; стена сия всегда ставится по ту сторону, откуда идёт холодный ветер или дурная погода; кровлею жилищу Бонгари служит небесный свод. Мужчины и женщины были наги, исключая некоторых, укутанных байковыми одеялами. Кто из них в состоянии, тот покупает табак; перед ними всегда дымится огонь, для которого употребляют сухие сучья. На сём огне жарят рыбу со всею внутренностью и жадно пожирают; они также едят ракушек, раков и всякого рода животных, птиц, змей и гадов, которых по лесам промышляют.

В нашу бытность цвело множество дерев из породы банксов. Женщины ходили по лесам, собирали цвет оных и клали в большие кошелки, из древесных волокон сплетённые, приносили домой и из цветов высасывали сладкие частицы; иногда положили их в корыто в свежую воду, выжимали сладкий сок и выбрасывая оставшиеся шишки, пили сию сладкую воду. Вероятно она питательна.

Губернатор Макварий, желая отвратить жителей Новой Голландии от кочевания и приучать их к одному постоянному жилищу, подарил Бонгари в заливе Брокен-бае нарочито устроенный домик с садом, наименовал его начальником сего места, повесил ему на шею медный знак с надписью: начальник в Брокен-бае. Но волшебные

сладости, т. е. крепкие напитки и табак, к коим жители пристрастились, сильнее всех приятностей постоянной, изобильной и покойной жизни и заманивают их всегда к окрестностям города Сиднея.

Бонгари имеет для своей семьи лодку, которая ему подарена от правительства; другие из ново-голландцев получили также лодки от жителей города Сиднея с договором, чтоб ежедневно отдавали часть изловленной рыбы. На сих лодках они выезжают ежедневно к выходу из бухты в море, удят рыбу и спешат в город, дабы отдать условленную часть; остальную же пропивают или меняют на табак.

При возвращении из города в свои жилища на северный берег им надлежало ехать мимо наших шлюпов. Каждый вечер возвращались пьяные, с ужасным криком, угрожали друг другу, а иногда брань их оканчивалась дракою.

Они также промышляют себе рыбу со скал, при береге находящихся, имея в руке из стебля дерева, называемого гумми-плант, длинную пику, которая оканчивается наподобие вил; к концам сих вил укреплены острые косточки с зазубринами; а как стебель гумми-планта длиной недостаточен, то наставляют другим таковым же стеблем, связывая их вместе накрепко волокнами из древесной коры и чтобы соединить крепче, засмаливают смолою из разных деревьев.

Из сих же волокон, называемых англичанами Stric Wood, они вяют веревки для связывания своих челноков. Содрав кору с дерева в одиннадцать, двенадцать и более футов длиной, шириною в три и три с половиною фута, сгибают оную, чтоб была плоская; отступя несколько от конца коры, ставят распорки, а самые концы связывают вышеупомянутыми веревками. В такой плохой лодке разъезжают по заливам, и на лодке всегда разведён огонь.

Однажды поутру Бонгари заехал на шлюп, чтоб променять рыбу на бутылку рому. На вопрос мой -- "кто тебе проломил голову?" -- он равнодушно отвечал: "мой народ, быв пьян". Из сего видно, какую он власть имеет над так называемым своим народом.

Мы из любопытства пошли ночью посмотреть, каким образом приятели наши располагаются на ночь и как они спят. При приближении нашем, верная их собака залаяла, они тотчас проснулись; увидя нас, Бонгари встал и подошёл к нам, а прочие оставались в том же положении, как лежали. Телось несколько огней, между которыми они спокойно спали, мужчины не отдельно от женщин, огонь грел каждого с двух сторон; группу сию составляло семейство Бонгари.

Природные жители Новой Голландии роста среднего, худошавы, особенно ноги и руки очень сухи, голова по соразмерности роста велика, цвет тела несколько светлее арапов, волосы курчавые, носы широкие, по большей части загнуты как у попугаев, рот велик и губы толсты. У некоторых отрезаны мизинцы на левой руке.

Они рассказывают, что странному сему обыкновению причиною мнение будто мизинец мешает наматывать рыбью уду, и потому оный в малолетстве отрезают. Тело их местами исчерчено параллельно и намарано красною краскою; по лицу и телу проводят белые полосы; сквозь средний носовой хрящ продевают кусок дерева. Когда ходят в лесу, всегда вооружены пикою из стебля гумми-планта.

По желанию моему Бонгари доставил мне употребляемые природными жителями оружия: щит, копьё и трезубец для битья рыбы; все сии вещи срисованы. Они также доказывают, что жители Новой Голландии несколькими веками отстали от прочих островитян южного моря.

20 апреля. К общей нашей радости, признаки цинготной болезни у двух матрозов наших исчезли. Свиньи и бараны ещё скорее от той же болезни облегчились. Опухоли и багровый синий цвет на их ногах прошли, и мы должны были держать их на привязи, чтобы не убежали в лес.

Офицеры ежедневно ездили на берег, более на северную сторону в лес на охоту, откуда всегда возвращались, имея охотничьи сумки полные разными настрелянными птицами, между которыми по большей части находились особенно красивые попугаи, перепёлки, разные зимородки, из коих больших, величиною в галку, называют здесь королевскими рыболовами (King-fisher), прекрасные певцы и другие.

По приближении к окончанию работ на шлюпах, мы послали служителей на северный берег мыть все белье и платье и часто посылали их в баню, разделяя обыкновенно всех на две части.

6 мая. Предположив по совершённом изготовлении шлюпов тотчас вступить под паруса, я велел перевезти с берега обсерваторию и все инструменты по разным мастерствам, прежний и ныне заготовленный скот и птиц.

Место нашей обсерватории, как выше упомянуто, находилось на северном берегу Порт-Жаксонского залива, на мысе прямо против залива Сиднея.

Широта обсерватории

Средняя из 5 выводов по наблюдениям около полудня -- $33^{\circ} 51' 12''$ южная

Средняя из многих высот полуденных -- $33^{\circ} 51' 8''$ --

Завадовским из 12 наблюдений при обсерватории -- $33^{\circ} 51' 24''$ "

Долгота, определенная мною из 125 расстояний луны от солнца -- $51^{\circ} 16' 58''$
восточная

Завадовским из 125 расстояний -- $151^{\circ} 23' 28''$ "

Штурманом Ильиным из 120 расстояний -- $151^{\circ} 16' 54''$ --

Склонение компаса

На "Востоке" -- $8^{\circ} 3' 0''$

На "Мирном" -- $8^{\circ} 28' 8''$

Полная вода -- через 9 часов 2 минуты по пришествии луны на меридиан.

Самое большое возвышение воды было четыре фута пять дюймов, 17 апреля и 5 мая
в полдень.

Большой Арнольдов хронометр No 518 был впереди среднего времени 2 ч. 17 м.
16,79 с. В сутки уходил 5 м. 10 с.

Барода хронометр No 922 впереди среднего времени 1 ч. 13 м. 20,79 с. В сутки
отставал 10 м. 31 с.

Малый Арнольдов хронометр впереди среднего времени 2 ч. 20 м. 53,79 с. В сутки
уходил 6 м. 8 с.

Глава четвертая

Отбытие из Порт-Жаксона к Новой Зеландии. -- Пребывание в проливе королевы Шарлотты. -- Плавание в Великом океане. -- Обретение островов Россиян. -- Прибытие к острову Отаити.

7 мая. Имея намерение в следующий день выступить в море, мы снялись с фертоинга заблаговременно, приподняли гребные суда, и в 5 часов пополудни при пушечном выстреле подняли гюйс на фор-бом-брам-стеннге; по сему сигналу в 7 часов вечера приехал с берега-лоцман и ночевал на шлюпе, дабы назавтра поутру с рассветом мы могли сняться с якоря.

8 мая. Ночью дул ветер западный, временно шёл дождь и блистали звёзды. В 7 часов утра приподняли якорь и наполнили паруса; вскоре шлюп "Мирный" последовал за шлюпом "Востоком". В исходе девятого часа утра мы уже были вне залива, тогда отпустили лоцмана. На шлюп "Мирный" лоцман не приехал, и лейтенант Лазарев вышел из залива без лоцмана.

При выходе из залива встретило нас сильное волнение с носу и произвело большую килевую качку, а когда мы несколько удалились от берега, тогда ветер перешёл через S и дул StO свежий, что принудило нас закрепить брамсели, взять у брамселей по два рифа и спустить брам-реи. В первый день мы держали NO 86°, дабы скорее отдалиться от берега, а потом шли в бейдевинд, как ветер позволял. По инструкции мне надлежало итти севернее Новой Зеландии к островам Общества⁸⁶; не полагая возможности сделать какое-либо обретение в близости Новой Голландии, я решился итти севернее Новой Зеландии, к острову Опаро, обретенному капитаном Ванкувером, располагая плавание таким курсом, коим не следовали известные мореплаватели. У острова Опаро я назначил место свидания в случае разлуки шлюпов. Оттуда, зайдя восточнее островов Общества, намерен был простирать плавание между тою частью океана, которую Рогевейн назвал Сердитым морем, и между Опасным архипелагом, обретенным Бугенвилем. Наименования, неприятные для слуха мореплавателей, отдаляют их от сих морей, а потому я и надеялся найти ещё неизвестные острова или мели. Обретение первых и последних полезно для мореплавателей.

11 мая. В полдень 11-го мы находились в широте 32° 13' 43" южной, долготе 157° 39' 6" восточной.

От самого вступления нашего под паруса ветер дул свежий, временно с дождём; в семь часов вечера сделался противный, от OtS; мы поворотили на юг, дабы дожидаться перемены ветра.

К крайнему нашему сожалению, сего числа умер слесарь Гумин от раны, полученной 2-го числа мая в Порт-Жаксоне при падении с гротового свит-сарвиня, где обвивал медью мачту, дабы стропами оной не терло. Потеря сия была для нас тем прискорбнее, что мы лишились доброго человека и искусного слесаря.

При отправлении из Порт-Жаксона я хотел оставить Гумина в городской госпитали, но штаб-лекарь утверждал, что опасность прошла и излечение его весьма верно. К

сожалению, не всегда надежды наши исполняются, а когда дело идёт о спасении жизни человека, не должно иметь излишнего на себя надеяния.

12-го и 13-го мая. 12-го и до полудни 13-го мы лавировали при противном ветре; я располагал не подаваться много к югу, чтобы после северными ветрами нас не задержало по сию сторону Новой Зеландии. Мы встречали альбатросов, синих петрелей и пеструшек. В полдень 13-го находились в широте $34^{\circ} 8' 55''$ южной, долготе $158^{\circ} 36' 26''$ восточной.

При осмотре служителей в пятый день по выходе из Порт-Жаксона оказалось заразившихся венерической болезнью на шлюпе "Востоке" один, а на шлюпе "Мирном" несколько матрозов. Во время пребывания нашего в Порт-Жаксоне мы принимали все возможные меры противу сей язвы, но усилия наши остались тщетны. Болезнь распространилась в Порт-Жаксоне и непрерывно вновь из Англии завозима ссылочными.

Вымыв совершенно и высуша канаты, убрали их на места. Сию предосторожность всегда наблюдал я с крайнею точностью для того, что невысушенные канаты производят дурной, сырой воздух, от которого происходят опасные болезни.

15 мая. С 15-го ветер отошёл более к северу и дул с переменною силою. Курс левым галсом был нам выгоднее; мы подавались несколько к востоку, но столько же и к югу. До следующего дня небо было облачно, и мы не видали солнца.

16 мая. В полдень находились в широте $36^{\circ} 1' 25''$ южной, долготе $163^{\circ} 30' 59''$ восточной. Склонение компаса оказалось восточное $10^{\circ} 36'$, среднее.

Лейтенант Лазарев с офицерами посетил нас, и мы день провели весело, невзирая на скучное плавание при постоянном противном ветре.

18 мая. До полудня 18-го ветер позволял нам подвинуться прямо на восток; я говорю подвинуться, потому что мы шли весьма тихо и держали круто к ветру, который был свеж при облачном небе, изредка днём проглядывало солнце, а по ночам луна. Широта места нашего по исчислению оказалась $35^{\circ} 51' 58''$ южная, долгота $166^{\circ} 37'$ восточная. Небо и горизонт были мрачны, накрапывал дождь, ветер крепчал; мы взяли у марселей по рифу и спустили брам-реи.

19 мая. Ветер от NOtN час от часу свежел, при густой мрачности с дождём, так что по полудни мы принуждены взять у марселей все рифы и вскоре остались под одним зарифленным грот-марселем и потом взяли рифы у фока и грота, но по крепости ветра оных не поставили. С четырех часов был шторм, при пасмурной погоде с дождём; тогда мы остались под грот- и бизань-стакселем, и, как последний несколько разорвало, то его спустили. В сие время сделалось величайшее волнение, и ночь была весьма темна.

Шторм от севера был нам только неприятен, а не опасен, ибо каждый из офицеров наших в продолжение своей службы неоднократно таковые штормы испытал, но мгновенно наставший штиль в 8 часов вечера в самую тёмную ночь произвёл ужаснейшую боковую качку, так что шлюп "Восток", хотя высок, однако черпнул подветренным бортом чрез шкафутную сетку так много воды, что в палубу налилось

около фута, а в трюме от тринадцати дюймов дошло до двадцати шести; сетку с шкафута совершенно сорвало. По безветрию делать было нечего. Ожидая ещё подобных неприятных случаев, я приказал все чехлы на люках прибить плотнее гвоздями, чтобы вода не текла в палубу; весьма обрадовался, что люди оказались все налицо и никого из них не снесло в воду.

Когда вахтенный командовал, чтобы все вышли наверх, капитан-лейтенант Завадовский спешил также выбежать в парадный люк, вода хлынула подобно каскаду; пробираясь сквозь воду, он так сильно ушиб плечо, что оно посинело, и опухоль осталась на несколько дней. Лейтенант Лесков в то время находился близ схода на шкафуте, он держался за верёвку, к общему нашему удовольствию сим спасся от гибели.

Ветр едва дул от SW, я приказал убрать задние стаксели и поставить передние, дабы привести шлюп против волнения и облегчить чрезмерную качку; грот-марсель отдали для ходу. Целость мачт была сомнительна. Ядра, вышедшие из кранцев и стремительно катящиеся из борта в борт, препятствовали работе, и без того уже затруднительной. Приведением шлюпа против ветра я полагал, что спасу чрезмерно великий наш рангоут, который по скорости отправления из Кронштадта не имели времени уменьшить.

В дополнение к неприятным случаям, вахтенный офицер донёс, что якоря имеют движение. Я приказал тотчас подкрепить, прибавя найтов; исполнение сего стоило много труда, ибо борт весь погружался в воду, и работа была сопряжена с опасностью для жизни.

Дождь всех вымочил, и потому для поддержания здоровья служителей им дали гроку.

В продолжение всей ночи как на "Востоке", так и на "Мирном" жгли фальшфейеры и производили выстрелы из пушек с ядрами; но сих сигналов ни на котором шлюпе не видали и не слышали. Когда рассвело, с марса увидели шлюп "Мирный" на OSO.

20 мая. С утра было маловетрие от NW с величайшею зыбью от севера и чрезвычайною качкою. Оставшиеся обломки железных секторов нашей сетки найдены на своих местах; я приказал всё привести в прежний порядок, открыть люки, выскоблить и протопить палубу и просушить все мокрое платье и паруса. На шлюпе "Мирном" тем же занимались.

В полдень мы были в широте $37^{\circ} 9' 56''$ южной, долготе $168^{\circ} 21' 49''$ восточной. Склонение компаса найдено восточное среднее $14^{\circ} 16' 46''$.

В 7 часов вечера оба шлюпа опять были в самом близком расстоянии и при ветре NtO подвигались к востоку.

21 мая. Ночь стояла лунная; к WNW сверкала молния; ветер к восьми часам утра скрепчал и принудил нас закрепить у марселей по рифу. Против воли мы ежедневно находились южнее, и уже вошли в 37° южной широты.

Морские птицы, обыкновенно встречаемые в больших широтах, как-то: альбатросы, пеструшки, большие чёрные бурные птицы и другие показывались во множестве. По

упорным противным северным ветрам я начал сомневаться, удастся ли нам пройти севернее Новой Зеландии.

22 мая. В полдень мы были в широте $37^{\circ} 32' 42''$ южной, долготе $169^{\circ} 34' 3''$ восточной; склонение компаса оказалось среднее $12^{\circ} 18'$ восточное.

По крепости ветра принуждены иметь у марселей по два рифа, и я совершенно потерял надежду вскоре дожждаться благополучного ветра, а потому решился пройти проливом капитана Кука. В 4 часа пополудни дал знать телеграфом лейтенанту Лазареву, что ежели ветер нам не позволит обойти по северную сторону Новой Зеландии, свидание наше назначается в заливе королевы Шарлотты.

К вечеру с пасмурностью и дождём ветер ещё более засвежел и принудил остаться под марселями, закрепив все рифы; зыбь была большая от севера, ночь мрачная, море повсюду усеяно светящимися фосфорическими морскими червяками. Они нам казались продолговатыми трубочками, мы их уже прежде встречали (*Pirosoma atlantica*). В полночь теплоты на открытом воздухе было только $10,8^{\circ}$. Ночью сожгли по фальшфейеру, чтоб показать друг другу места свои. Увидя, что шлюп "Мирный" далеко назади, мы убавили парусов. В 4 часа утра к западу в густых тучах было игранье молнии около зенита; на противной стороне из-за облаков проглядывали попеременно звезды и луна.

23 мая. В полдень мы находились в широте $37^{\circ} 54' 37''$ южной, долготе $172^{\circ} 10' 38''$ восточной.

Ветр хотя отошёл к NW, но дул крепкий, при большой зыби от севера, и оттого был столько же бесполезен, как самый противный. И так, потеряв уже много времени в ожидании благоприятного ветра, я решился не испытывать более подобной неудачи. В 2 часа пополудни при поднятии сигнала шлюпу "Мирному" следовать за "Востоком", спустился в пролив капитана Кука, разделяющий Новую Зеландию на две части, на северную и южную {В первое свое путешествие кругом света капитан Кук 1770 года января 11 нашел сей пролив и с сего числа по 7 февраля прошел весь пролив.}.

24 мая. К полуночи ветер дул несколько тише. При ясной ночи небо было усеяно звездами, к востоку на горизонте были густые облака, и изредка блистала молния. Мы догадывались, что облака держатся над берегом.

До рассвета увидели разведённые огни не в дальнем расстоянии от шлюпов; берег оказывался ближе, нежели мы рассчитывали, а потому придержались несколько к югу и шли в параллель берега. В 7 часов, когда рассвело, увидели Новую Зеландию, покрытую облаками. Хотя величественную гору Эгмонт можно было хорошо отличить, но вершина её покрыта облаками, ниже коих виден снег. Отлогий берег, окружающий сего южного исполина, местами порос лесом и кустарником. Утренняя роса расстилалась на пологих долинах, по берегам местами направлялся дым по ветру и был единственным признаком небольшого народонаселения.

25 мая. В полдень широта места нашего оказалась $39^{\circ} 47' 38''$ южная, долгота $174^{\circ} 58' 56''$ восточная, а посему выходила широта мыса Эгмонта $39^{\circ} 19' 40''$ южная, долгота $173^{\circ} 47' 45''$ восточная. По наблюдениям, на шлюпе "Мирном" широта сего мыса 39°

24', долгота $173^{\circ} 57' 30''$. Разность сия в широте, вероятно, происходит от того, что мыс Эгмонт круглый и не имеет особенно приметного места.

Гора Эгмонт в широте $39^{\circ} 14' 40''$ южной, долготе $174^{\circ} 13' 45''$ восточной. По наблюдениям на шлюпе "Мирном" широта горы $39^{\circ} 15' 30''$, долгота $174^{\circ} 14'$.

До четырех часов пополудни ветер был благополучный, а с четырех отошёл к югу, крепчал и принудил нас лавировать.

Около шлюпа плавало и ныряло множество малых нырков.

Склонение компаса при входе в пролив найдено: $13^{\circ} 1'$ восточное.

26 мая. С утра 26-го ветер начал крепчать, так что в 8 часов от SOTs дул порывами и принудил нас взять у марселей по два рифа. Мы тогда держали курс в SW четверти. По наблюдениям определили мыса Стефенса широту $40^{\circ} 43' 10''$ южную, долготу $174^{\circ} 3' 20''$ восточную. На частной карте капитана Кука остров Стефенс в широте $40^{\circ} 36' 10''$, долготе $174^{\circ} 53' 40''$. Разность довольно значительная {Цифры Беллинсгаузена совпадают с данными новейших современных карт. -- Ред.}. Вероятно положение сие определено по связи треугольников на проходе, а не астрономическими наблюдениями.

Южный берег Кукова пролива образует несколько заливов, закрытых островками и камнями. Берега сих заливов состоят из островершинных хребтов, один над другим возвышающихся; высшие покрыты снегом, а ближайšie к морю местами обросли лесом и кустарником, особенно по ущелинам.

В половине первого часа, подошед близко к наружным камням, лежащим пред заливом Адмиралтейства, поворотили на правый галс к NO.

В 4 часа гора Эгмонт совершенно очистилась от облаков; она была от нас в 87,3 милях, и потому мы видели только возвышающееся над горизонтом гордое серебристое её чело. Капитан Кук во втором своём путешествии вокруг земного шара, обходя сей мыс в 1774 году 6 октября, говорит: "Мы увидели на SO 1/2 O в осьми милях от нас гору Эгмонт, покрытую вечным снегом. Гора сия имеет вид величественный, не ниже известного пика Tenerifского, коего высота 12 199 футов, измеренная де-Бордою"87.

Форстер, сопутник капитана Кука в качестве натуралиста, говорит: "Во Франции в северной широте 46° найден вечный снег на высоте 3 280 или 3 400 ярдов сверх поверхности моря". Но, как Форстер испытал, что в разных широтах южного и северного полушарий, в первом холод сильнее, то и сравнивает климат мыса Эгмонта, почти в 39° южной широты, с Францией в 46° широты северной, и по сему линию снега на горе Эгмонте Форстер полагает на высоте 3 280 ярдов, и как треть сей горы была покрыта снегом, то, по его мнению, высота оной 14 760 футов английских. Я полагаю, что такое сравнение линии, где начинается снег на горах в разных полушариях, неосновательно; ибо известно, что в летнее время в северном полушарии у берегов Гренландии на самом горизонте бывает всегдашний снег; на горах в Норвегии в тех же широтах и в то же время нет снега. Мне случилось у острова Сахалина, в широте 48° северной, встретить плавающий лёд 27 мая 1805 года. Широта

сия соответствует широте Бискайской бухты, где вероятно никто плавающего льда не видал. Из сего каждый усмотрит, что по снегам и льдинам невозможно определять высоты гор.

Капитан Кук, равномерно и соотечественники наши на судах Российско-Американской компании, в реке капитана Кука, или так называемой Кенайской бухте, льда не встречали. Напротив того, в соответствующих широтах в Гренландии на самом горизонте снег, и в море плавающего льда много. Примеры сии доказывают неравенство температуры воздуха на поверхности моря в одинаковой широте того же полушария, и потому я полагаю, что определять вообще высоту гор по снежной линии невозможно, исключая только те горы, которые на разных островах в недалеком между собою расстоянии.

Таким образом, ежели одна из гор находится на острове, а другая простирается во внутрь матерого берега, линия снега будет иметь неровное возвышение от поверхности моря, потому что берег, нагретый в продолжении дня солнечными лучами, сообщает теплоту окружающему воздуху, и сим во внутренности берега возвышает линию снега; напротив, море мало принимает, мало отражает теплоты в воздухе и оттого на прибрежных или приморских горах линия снега ниже.

Натуралист Форстер, основываясь на сих неверных сравнениях двух полушарий, определяет высоту горы Эгмонта 14 760 футов, многим больше истинного. Ныне при проходе нашем капитан-лейтенант Завадовский помощью измеренной секстаном высоты и расстояния до горы, основываясь на астрономических своих наблюдениях, определил возвышение горы Эгмонта 9 947 английских футов от поверхности моря.

Лейтенант Лазарев определяет высоту сей горы 8 232 фута. Сличая сии измерения, хотя и находим довольно разности, но все же высота горы многим менее определённой натуралистом Форстером и капитаном Куком, который гору сию равняет с пиком Tenerifским {По новейшим данным, высота горы Эгмонта 8 260 футов, что почти совпадает с определением М. П. Лазарева.-- Ред.}.

27 мая. К вечеру ветер утих, мы всю ночь и весь следующий день, т. е. четверг 27-го, старались держаться ближе к середине залива для того, что шёл дождь и берега покрыты были мрачностью. В 2 часа пополудни прилетели на шлюп "Восток" два зелёных попугая, которые нас много занимали; они также посетили шлюп "Мирный", но никому в руки не давались и возвратились опять на берег. Мы видели одного пингвина, множество малых нырков и малых морских свиной.

28 мая. С утра установился ветер из SO четверти, мы успешно лавировали под всеми парусами; течение много нам способствовало. Погода благоприятствовала определить широту мыса Камара $41^{\circ} 5' 10''$ южную и долготу $174^{\circ} 26' 46''$ восточную. Мыс Джаксон в широте $40^{\circ} 58' 20''$ южной, долготе $174^{\circ} 23' 50''$ восточной.

Мы лавировали смело, полагаясь на частную карту залива королевы Шарлотты, сделанную в первое путешествие капитана Кука. В 4 часа пополудни, за совершенно противным ветром, течением и наступающею темнотою, я остановился на якорь по северо-западную сторону острова Матуаро, на глубине девяти сажен, грунт иловатый.

Мы были тогда окружены высокими крутыми горами, по большей части покрытыми лесом; к северу синелся южный берег северной части Новой Зеландии, который также довольно высок. На западной стороне заметили огороженное место, оно казалось обитаемым. Вскоре с сей стороны пригребли к нам две лодки, на одной было 23 человека, а на другой, которая поменьше, 16 человек. Лодки имели на носу резьбу сквозную, улитковыми линиями и изображение человеческой головы с высунутым языком и глазами из ракушек. Кормовая часть возвышалась прямоугольным брусом около шести футов. Вёсла подобные лопаткам, как у всех жителей южного моря; всё сие выкрашено тёмнокрасною краскою. Люди сидели и гребли попарно, в нескольких сажнях от шлюпа остановились; один человек встал и громко говорил речь, размахивая руками; мы ничего из его слов не поняли, и я отвечал общим у всех народов знаком мира и дружбы: распустил белый платок и манил к себе. Островитяне, посоветовав между собою, вскоре пристали к судну. Я позвал на шлюп старика, говорившего речь, который, повидимому, был начальник; он взошёл, дрожал от робости и был сам не свой. Я его обласкал, подарил некоторые безделицы, как-то: бисер, зеркало, выбойки⁸⁸ и ножик; подарки сии его весьма обрадовали. Потом я ему объявил, что желаю получить рыбы, слово сие произнёс на новозеландском языке -- "гийка" (рыба); он тотчас меня понял, громко засмеялся и сообщил своим товарищам желание наше, произнося слово гийка. Все в лодках обрадовались, повторяя то же слово, причём выражали свою готовность нам служить. Когда начало смеркаться, поспешили к берегу.

На всех зеландиах, была одежда из тканей, почти до колена, и на груди застегнута костью или базальтом; все подпоясаны верёвкою, а сверх сего платья накинут на плечи кусок ткани наподобие бурки. Весь наряд сделан искусно из новозеландского льна, которого здесь по берегам растёт множество. Лица островитян испестрены накальванием правильных фигур цвета чёрно-синего, но, повидимому, украшение сие принадлежит более знатным и старшинам. Колена их необыкновенно толсты, вероятно оттого, что сидят, поджав ноги.

Шлюп "Мирный", имея ход посредственный, не успел до темноты войти в залив и лавировал при свежем противном ветре под всеми парусами. Когда сделалось темно, я приказал на шлюпе "Востоке" поднять два фонаря, один над другим, и по временам жечь фальшфейры, дабы лейтенант Лазарев не принял берег, где жители местами разводили огонь, за шлюп "Восток", по которому он рассчитывал свои галсы. Течение, шедшее из залива, много ему препятствовало, а когда переменялось, он сделал несколько поворотов и в 11 часов вечера положил якорь поблизости шлюпа "Востока", на одиннадцати сажнях глубины, грунт зелёный ил.

Я приказал, чтобы стоявшие на вахте имели ружья заряженные, и все были в готовности к действию оными. Сия предосторожность нужна по известным коварным поступкам зеландцев, которые между собою в непрестанной войне и едят мясо неприятелей.

29 мая. Свежий ветер дул всю ночь от StO. Небо было покрыто облаками и дождь накрапывал; теплоты 7°.

Якорное наше место не обещало совершенной безопасности от сильно дующих здесь NW ветров, и наливание бочек свежую водою по дальнему расстоянию сопряжено

было с затруднением, а потому около девяти часов утра оба шлюпа снялись с якоря и лавировали между островами Долгим⁸⁹ и Мотуаром, при совершенно противном ветре от юга. Глубина между островами уменьшилась от десяти до семи сажен.

Сделав 25 поворотов, мы положили якорь в полдень за островом Мотуаром, на глубине двенадцати сажен. Острова Мотуара W угол находился от нас на NO 16°, а южный мыс Корабельной бухты (Ship Cove) на SW 37°; якорное место наше было безопасно, закрыто от всех ветров, глубина небольшая, грунт хороший, и при всяком ветре можно сняться с якоря, вода и дрова под руками. Для поверения хронометров, поблизости острова Ганка не было нужды ставить палатку.

Когда мы лавировали, две лодки, наполненные зеландцами, желали пристать к шлюпам. Они гребли за нами, следуя за каждым поворотом поперёк залива; вероятно не понимали движения шлюпов. Когда же мы положили якорь, вчерашние наши гости пристали к шлюпу "Востоку"; они привезли для продажи рыбу. По приказанию моему комиссар выменял до семи пудов, за пронизки⁹⁰, зеркальцы, гвозди и другие безделицы; при сем случае также выменены разные вещи их рукоделия.

Старика, которого я накануне одарил по-новозеландски так щедро, мы признали за начальника. Я встретил его со всею вежливостью Южного океана, обнялся с ним и прикосновением наших носов мы как будто утвердили взаимное дружество, которое с обеих сторон сохраняли в продолжение пребывания шлюпов в заливе королевы Шарлотты. Уже было время обеденное, я пригласил начальника к себе в каюту с нами отобедать. Его посадили в первое место между мною и лейтенантом Лазаревым. Он все столовые вещи с удивлением перебирал и рассматривал, но есть не принимался прежде, нежели другие показали пример; тогда осторожно, и притом неловко, вилкой клал кушанье в рот. Вино пил неохотно. За столом уверяли мы друг друга в взаимной приязни знаками и несколькими словами, мне известными, а когда, желая ещё убедительнее уверить его в моей дружбе, я подарил ему полированный прекрасный топор, то он от радости не усидел за столом, бросился наверх на палубу, куда я его проводил. Отсюда прямо бросился к своим землякам и, обняв меня, с большою радостью повторял: "токи! токи!" (топор! топор!).

Прочих зеландцев угощали на шканцах сухарями, маслом, кашицею и ромом. Они охотно всё ели, но рому достаточно было на всех одной чарки. Таковая трезвость их служит доказательством весьма редкого посещения просвещённых европейцев, которые, где только поселятся, приучают жителей пить крепкие напитки, курить, за губу класть табак и напоследок, когда сии люди непросвещённые испытают бедственное употребление горячих напитков, тогда принимаются доказывать им, как гнусно вдаваться в пьянство и прочие вредные склонности.

Зеландцы, по окончании своего обеда, сели в два ряда друг против друга, начали петь довольно изрядными напевами и весьма согласно. Один из них всегда запевал, а потом все вдруг подхватывали и оканчивали весьма громко и отрывисто; тогда тот же человек снова запевал и таким же образом все к его пению приставали и отрывисто оканчивали. Нам казалось, что напев их некоторым образом похож на наш простонародный, и пение зеландцев состоит из разных небольших куплетов. Наш барабан с флейтою хотя на некоторое время и обратил внимание наших посетителей,

но они равнодушно слушали звуки сих инструментов, и начальник объяснял, что и у них есть музыкальное орудие, звуком флейте подобное.

Художник Михайлов нарисовал портрет начальника.

Пробыв с нами немалое время, зеландцы отправились обратно на берег и были крайне довольны удачною торговлею; снабдили нас свежую рыбу достаточно на оба шлюпа для ужина. При отъезде пригласили нас приехать на берег, и чтобы более возбудить к тому желание, показывали знаками, что мы будем угощаемы прелестным полом.

После обеда я приказал с "Востока" выпалить из нескольких пушек, а когда смерилось, пустил несколько ракет, дабы сим уведомить о прибытии нашем жителей, внутри обширного острова находящихся, полагая наверное, что на другое утро из разных мест они соберутся к нам в большом числе.

Сего же дня на обоих шлюпах спустили гребные суда и принялись вытягивать такелаж, который от продолжительной борьбы против крепких ветров ослаб.

Поставили походную кузницу, чтобы вновь сделать шкафутные секторы, которых мы лишились во время мгновенного штиля после последней сильной бури.

30 мая. Следующего утра на тех же лодках зеландцы посетили шлюп "Мирный" и одна часть приехала на "Восток". В числе бывших на "Мирном" находился тот же самый начальник, а также и другие особенные старшины.

Лейтенант Лазарев угостил их обедом, они всего охотнее ели коровье масло, и даже попортившееся жадно глотали.

В сие время на шлюпе "Мирном" вытягивали ванты и подымали из трюма бочки. Зеландцы с удовольствием и величайшею ревностию помогали работать, тянули веревки, производя громкий довольно согласный крик в такту. Когда случалось, что верёвка обрывалась, и они от сильного напряжения падали, тогда громко смеялись.

После сего забавлялись своею пляскою, состоящею из разных кривляний при громком пении, топании ногами и движении руками; лица искривляли так, что неприятно было смотреть; глаза иногда подводили под лоб. Пляска сия казалась воинственною, изъявляла презрение к неприятелю и победу над оным.

Художник Михайлов нарисовал сию пляску; изобразил все кривляния лиц, глаз, положение частей тела и чрезмерно напрягаемые мускулы. Нарисовал портрет одного из старшин; его пригласили в каюту и посадили на стул, чтобы спокойно сидел, занимали разными для него новыми предметами, а лодку, на которой были его жена и семейство, подвели под корму, дабы он мог их видеть.

До полудня офицеры ездили со мною в Корабельную бухту (Ship Cove), чтоб осмотреть и избрать место, где удобнее налиться водою. При входе нашем в бухту, прекрасное пение множества береговых птиц отзывалось подобно фортепианам с флейтами и обворожало слух, давно чуждый подобных приятностей. Мы пристали в самом заливе и вышли на каменья. В нескольких сажнях увидели речку со свежую прекрасною водою, которая течёт с высоких гор, пробираясь сквозь густой

непроходимый лес, составившийся из кустарников и переплетения одного дерева с другим от вьющихся лианов {Лианы особенного рода растения, природные в Америке и Антильских островах, где их употребляют вместо верёвок. Лианы растут, извиваясь около деревьев, иногда достигают их вершины, спускаются отвесно на землю, вырастают в одну, потом вновь растут сверху, и таким образом, многократно опускаясь, поднимаясь и переплетаясь около других деревьев, составляют непроходимый лес. Лианы бывают толщиною в руку, и иногда обвиваются около деревьев так крепко, что они сжимаются и гнивают или засыхают. У некоторых лиан сок так ядовит, что стрелы, напитанные сим соком, более года не теряют смертоносной своей силы. (Примечание в Приложении 2 путешествия капитана Кука.)}, толщиною равных лозам дикого винограда. У сей речки при самом лесе мы увидели небольшой шалаш из листьев и в нём несколько рыбы, множество ракушек, называемых морскими ушами {Японцы их называют "абави", внутренность оных вялят и сушат впрок.}. Шалаш сей повидимому служил убежищем малочисленному семейству. Бывшие со мною офицеры настреляли несколько бакланов, с голубою, фольге подобною, оболочкою глаз, несколько малых птиц, вероятно того рода, которые в путешествии капитана Кука описаны обоими Форстерами. Пробыв несколько на берегу, я возвратился на шлюп, и тогда же с обоих шлюпов отправили за водою вооружённые барказы. Случилось, что от места, где наливали воду, жители находились за непроходимую гору, и работа окончена без препятствий. Тут же закидывали невод, но рыбы попало весьма мало.

По приезде моём на шлюп капитан-лейтенант Завадовский сказывал мне, что хотел купить у одного зеландца орудие из зелёного базальта, подобное маленькой лопатке, но продавец потребовал шинели Завадовского, и покупка не состоялась.

31 мая. Поутру я пригласил художника Михайлова, астронома Симонова и некоторых офицеров шлюпа "Востока", лейтенанта Лазарева и офицеров шлюпа "Мирного" посетить островитян, и мы отправились на двух катерах, на которых поставили по фальконету, при том каждый из нас имел ружьё, а сверх сего у иных было по паре пистолетов. При таком вооружении нисколько не опасались вероломства, жителей.

Мы пристали к ближайшему селению, за первым мысом к северу от Корабельной бухты (Ship Cove), на том самом месте, где капитан Кук во время своего здесь пребывания увидел человеческое мясо: Жители разбежались; нас встретил только один из них, и то с большою робостью, но когда мы его обласкали, то и все выбежали к нам. Начальник? человек в летах, сидел на рогоже в открытом шалаше; я к нему пришёл. Любопытство, свойственное женщинам, превозмогло их робость. Сперва явилась жена, потом и дочь, и сели также на рогоже. Я сделал начальнику и жене его несколько подарков, а дочери, как она была недурна, подарил зеркало, чтоб сама могла увериться, что красотою превосходит других женщин. Меня тотчас отдачи куском ткани из новозеландского льна, обложенный узорами. Жена начальника предлагала мену, и я согласился на её предложение. Все селения весьма малы и скудны. Пробывши недолго в сём месте, мы поехали далее на север, к моему приятелю старику. Он нас встретил, мы обнялись и коснулись носами; старик очень обрадовался нашему приезду. Мы все вышли на берег, оставя только караул на гребных судах.

С морской стороны селение закрыто палисадником несколько выше человеческого роста; чрез калитку в сем палисаднике пришли в селение; между жилищами, которые были разбросаны неправильно, извивалась малая речка; берег выложен булыжником, мы перешли по перекадинам к дому начальника. Я не входил, а только взглянул во внутренность дома. Строение состояло из столбов, в три ряда поставленных; средние высоту в два роста человеческого и на каждом безобразно вырезано изображение человека и выкрашено красною краскою; на сих столбах и на боковых, которые несколько ниже плеча, положена перекадина и укреплена кровля, составленная из брусев, покрытых листьями; на шесть футов от входа отгорожена передняя комната. Вся внутренность опрятно обтянута тонкими рогожами; на полу, где живущие обыкновенно садятся или спят, также постлано несколько рогож. По стене вдоль домика повешены были пики, длиною в двадцать четыре фута, жезл, начальнические знаки и разные человеческие изображения из дерева, выкрашенные красною краскою. Прочие жилища были не так отделаны. Далее к лесу, куда мы пошли из любопытства, увидели на высоте двадцати футов небольшой шалаш. Что в оном находится, по невозможности взглянуть и по незнанию языка, осталось нам неизвестно. Под сим же шалашом висела шкура альбатроса, распяленная на обруче, несколько чёрных и белых перьев, связанных наподобие султанов. Вероятно, что наряд сей употребляют при воинственных сходбищах. Далее стояло обрубленное прямое дерево, вышиною в два с половиной роста человеческого, в диаметре полтора фута; вершина вырезана наподобие человека. Я полагал, что не на кладбище ли мы зашли, но никаких бугров или других признаков могил не заметили; не относится ли сей истукан до их веры, по краткости нашего пребывания, утвердительно сказать не могу.

По прибытии на берег встретили нас одни мужчины, а потом присоединились и смешались в толпе женщины. Старый начальник, мой приятель, вероятно имея в свежей памяти полученные от меня подарки по приезде его на шлюп в первые два дня, желал равномерно меня угостить и обязать; для сего избрал не старую, но довольно отвратительного лица женщину, которую предлагал мне во временное супружество. Я старику отказал, потрепав его по плечу. Вероятно, европейцы, прежде нас посетившие сие место, подали новозеландцам повод предлагать такие услуги или торговать женским полом, при том же торг сей, принося островитянам много драгоценных для них вещей, поощрял их к таковым постыдным промыслам. Форстер говорит о сем следующими словами: "Служители возобновили прежние свои забавы с зеландками. Одна из женщин имела порядочные черты лица, при некоторой нежности и приятности в глазах. Родственники всякий день предлагали её в замужество за одного из наших квартирмейстеров, которого все зеландцы особенно любили по причине ласковых его поступков. Тангари, так называлась сия девка, крайне была верна своему нареченному, с сердцем отвергала все просьбы других служителей, говоря, что она замужем за Тира-Танне. Сколько квартирмейстер наш ни любил свою зеландку, но никогда не привозил её на судно, боясь завести у нас вшей, коими наполнены были её голова и платье. Он виделся с нею только на берегу, и то днём, угощал её гнилыми, брошенными сухарями, которые она очень любила. О-Едидей, житель острова Улитеи, сопутствовавший капитану Куку, был ему полезен в Новой Зеландии для переговоров (по некоторому сходству языка островов Общества), привыкнув с младенчества невозбранно следовать всем понуждениям природы, нимало не останавливаясь, удовлетворял сладострастные свои желания, хотя видел разницу зеландских женщин с женщинами обитаемого им

острова. Сему не должно удивляться -- он следовал примеру просвещённых европейцев".

На возвратном пути к тому месту, где пристали, мы видели полуоткрытый шалаш, в котором было множество разных родов деревянных, рыбьих крючков и снурков для ловли рыбы; должно заключать, что прибор сей общий, принадлежащий нескольким семействам, ибо для одного семейства было слишком много, торговать же сими рыболовными припасами невозможно, потому что всякий легко таковые же сделает. В продолжение пребывания нашего в селении, мы выменяли несколько оружий и разных рукоделий.

При прощании старик меня удержал. По приказу его вынесли жезл длиною в восемь футов, коего верх наподобие алебарды был резный со вставленными раковинными глазами, а низ похож на узкую лопатку. Я полагал, что подарит мне сей жезл, но когда, приняв оный, хотел отдавать на катер, старик ухватился обеими руками, и я тогда понял, что он мне не дарит, а променивает.

Чтоб удовлетворить его желанию, я дал ему два аршина красного сукна; он крайне обрадовался удачной мене, и во весь голос рассказывал о сём своим землякам.

Возвращаясь на шлюпы, мы шли вдоль берега, видели на мысах, при довольной высоте, землю обработанную; в одном месте пристали и увидели длинный ряд корзин с картофелем, только что вырытым из земли; взяли несколько с собою; сварив сей картофель, нашли, что весьма вкусен и не уступает английскому.

Далее мы пристали к острову Мотуару. Я хотел набрать семян новозеландского льна, чтобы его, по сходству климата и почвы земли, развести на южном берегу Крыма. Надеялся доставить немалую пользу жителям сего края и отечеству. Хотя и не отыскал желаемых семян, однакож не раскаивался, что приставал к берегу, ибо мы столько набрали по берегу дикорастущей капусты и сельдерея, что было достаточно для всех офицеров и для служителей на одну варку свежих шей.

1 июня. Капитан-лейтенант Завадовский ездил на берег в Корабельную бухту. Возвратясь на шлюп, рассказывал мне, что лейтенант Лазарев с ним там соединился, и они оба отправились вверх по реке, пробираясь с трудом сквозь лес, заросший и переплетённый лианами, не в силах были пробраться далее одной мили. Едва ли человеческая нога переступала сие место, ибо всё заросло разными растениями так, что на каждом шагу надлежало прочищать проход; попадавшие птицы так непугливы, что матроз одну легко поймал руками. Капитан-лейтенант Завадовский застрелил чёрную птицу с проседью около шеи и двумя белыми курчавыми перышками на груди, величиною с дрозда, она очень хорошо свистела, подобно нашему соловью. На берегу не встретили ни одного зеландца.

2 июня. С вечера 1 июня ветер перешёл к W, а потом к NW; берега покрылись густыми тучами. К одиннадцати часам утра 2-го ветер начал разыгрываться жестокими порывами из ущелий гор между островом Мотуаром и матерым западным берегом. В 3 часа пополудни катер и барказ, посланные с лейтенантом Лесковым в Корабельную бухту для налитая бочек свежю водою, возвратились. Лейтенант Лесков донёс, что когда он вышел на плёс между матерым берегом и островом Мотуаром, откуда дул

ветр, барказ залило, и потому, желая оный облегчить, выбросил за борт до пятнадцати анкерков пятиведёрных с водою и все кряжи, вырубленные для возвышения камельцов около люков на верхней палубе. Самые опыты во время бури нам доказали, что камельцы около люков корабельные мастера кладут слишком низкие; в море поневоле должно сие исправлять, что сопряжено с большим затруднением и беспокойством.

Порывы ветра час от часу становились свежее, стеньги и реи были спущены, канату было семьдесят сажень на клюзе. Шлюп "Восток" при каждом жестоком порыве подавался назад. Дабы не вовсе приблизиться к Долгому острову, мы положили другой якорь, и тогда уже были покойны. Быстрота воздуха имела такую силу, что у берегов, противулежащих стремлению ветра, делались вихри, с чрезвычайною силою вертели воду, и шквалы на шлюпы набегали с разных сторон.

В продолжение сего времени шёл сильный дождь и блистала молния. Громовые удары отражаясь в теплах казались необыкновенным образом сильнее. В начале седьмого часа дождь прекратился, а в 7 часов и ветер стих; небо очистилось от облаков, звёзды и луна светили по-прежнему.

3 июня. Рано утром послан гардемарин Адаме на катере собрать анкеры, выброшенные из барказа; нашли девять, некоторые были разломаны, и жители уже разбирали обручи; но по требованию беспрекословно возвратили.

Мы приподняли якоря, и под стакселями, при благополучном ветре, перешли на прежнее место. Я поехал с лейтенантом Лазаревым во внутренность залива. Мы приставали в разных местах, набрали много капустного листа, сельдерея и крес-салату; прошли во внутренность залива на тринадцать миль, местами находили оставленные временные шалаши. Вероятно, что когда случается жителям, поселившимся на западном берегу противу Мотуара, ездить в залив, они в сих шалашах имеют пристанища; селений мы не видали, да оных и быть не могло по неудобству места для продовольствия, ибо главная пища зеландцев состоит в рыбе, которая всегда более водится при устьях в неглубоких местах, во внутренности же залива повсюду глубина 25 сажень. Чем далее въезжали мы в залив, тем более видели гор, обнажённых от зелени, имеющих жёлтый цвет, лес же только на низких местах, ближе к поверхности воды. На пути застрелили несколько бакланов, к вечеру возвратились на шлюп Ежelib нас задержала погода, мы бы не скоро от голода пострадали, ибо лейтенант Лазарев не забыл взять разной провизии достаточно, притом все имели с собою ружья, порох и дробь, зелени же огородной, как выше упомянуто, везде находили во множестве.

По возвращении на шлюп мне донесли, что жители приезжали на оба шлюпа и производили торг попрежнему; привозили копья, разные резные коробочки, рыболовные крючки, жезлы, знаки начальников, из зелёного камня кистени, топоры и разные застёжки и украшения из зелёного базальта, которые они обыкновенно носят на шее; привозили также ткани. Все вещи, с величайшим трудом из крепкого камня и дерева ими сделанные, старались променивать на топоры, долота, буравьё, корольки, рубахи, зеркальцы, огнивы и на бисер.

С утра мы были в совершенной готовности сняться с якоря. Между тем зеландцы не упустили посетить нас (желая выменивать безделицы, которые для них драгоценны). Я сделал ещё несколько подарков начальнику, дал знать ему, что от них отправляюсь; оя

изъявил непритворное сожаление, и все просили чтоб мы к ним возвратились. Когда они заметили, что мы уже снимаемся с якоря, начальник, прощаясь, обнимал меня и печально повторял слова: э! э! э! Один из молодых островитян желал остаться с нами, но все прочие его упрашивали и уговаривали, чтобы возвратился на берег. Я предоставил сие на его волю.

Жители залива королевы Шарлотты роста среднего, сложением тела крепки и довольно стройны, только колена несколько толстоваты; лицом и телом смугло-желтоваты, глаза чёрные, быстрые, волосы чёрные, у всех проколоты уши, а у большей части и средний носовой хрящ. Лица испестряют набивными, кривыми, но правильными линиями и натирают чёрно-синю краскою, знатные люди более нежели прочие. У некоторых женщин только губы были испестрены. Сим обычаем жители Новой Зеландии подобны жителям островов маркизы Мендозы, а по наречию принадлежат к которой-нибудь из групп островов Дружественных, Общества или маркизы Мендозы.

От привычки с юных лет не обуздывать своего нрава и следовать всем худым и добрым движениям сердца, жители Новой Зеландии хотя и горячи в дружбе, но непостоянны, за малейшую причину доходят до ссоры, которая производит пагубные последствия.

Зеландцы в движениях тела проворны и кажется всегда готовы сразиться, но при нас никаких сшибок не происходило. Когда старый начальник у меня обедал, я спросил его, ест ли он человеческое мясо и показал на руку? Он объяснил, что очень охотно ест, и кажется в том нет никакого сомнения, ибо капитан Кук был сам очевидцем, как зеландцы с удовольствием ели мясо своих неприятелей, убитых в сражении. В 1772 году несчастный Марион и 17 человек, сопутствовавших ему, в заливе островов, были жертвою сего омерзительного мщения; посланные в помощь на вооружённой шлюпке известили, что они видели остатки, изрубленные для еды, и уже изжаренные куски своих сослуживцев. 1773 года английский морской офицер Рове и 10 человек с английского судна "Адвентюра", по причине излишней вспыльчивости против одного островитянина, укравшего камзол у матроза, были также жертвою мщения зеландцев. Посланная шлюпка нашла на берегу платья и изрубленные части тела, головы и желудки своих товарищей.

Жители залива королевы Шарлотты покрывают тело, начиная из-под груди до половины ляжек, куском белой ткани, которую перевязывают узким поясом: чрез плечи набрасывают кусок белой или красной ткани, весьма искусно сделанной, с тёмным вокруг узором, и на грудях зашлифовывают шпильками, длиною в четыре или пять дюймов из зелёного базальта и костей, вероятно человеческих или собачьих; ибо, кроме собак, других зверей никто из путешествовавших здесь не встречал. Сии шпильки висят на тонких верёвочках, чтоб не потерялись. Когда прохладно, сверх всего надевают мохнатую бурку наподобие черкесской {Черкесские бурки, род войлока, которой наружная сторона мохната, по большей части цвета черного, надевают на плечи и затягивают ремнем или серебряными скурками около шеи. Длина бурки простирается почти до колен; без рукавов, лучшие -- из шерсти ангорских коз.}. Так одевался старый начальник, мой приятель; прочие помоложе имели на плечах только один из вышеупомянутых нарядов; молодые по большей части кроме бурок

ничем не прикрывались, да и бурки были нараспашку. Голову убирают, завязывая на теме волосы в пучок, воткнув в оные несколько белых перьев. В уши продевают кусок птичьей шкуры с белым пухом. На груди носят безобразные человеческие изображения, застёжки или род ножичка из зелёного камня, а у других просто косточки. Все сии вещи променивают, и потому невозможно полагать, что принадлежат к их кумирам. Они вооружаются тонкою, прямою, острою пикою из крепкого темноватого дерева, длиною до тринадцати футов, также короткими кистенями, которые называют "пету" -- они сделаны из костей морских животных или из зелёного камня, с резьбою, длиною от пятнадцати до восемнадцати дюймов, шириною в четыре, а толщиною в два дюйма; к концу сглажены со всех сторон, а к рукоятке сведены тонко, чтоб удобно можно было держать в руке; в сем же месте высверлена дыра. Кистень обыкновенно держится в руке на верёвочке, поодетой сквозь дыру. У зеландцев ещё два рода оружия из упомянутого крепкого тёмного дерева. Одно величиною в восемь футов, книзу несколько шире, верхний конец подобен алебарде, с резным изображением уродливого лица, глаза в оное вставлены из раковин отражающего зелёного цвета. Другое оружие, наподобие топора, длиною в половину первого. Повидимому сии вещи принадлежат более к знакам отличия начальников и служат им обороною.

Капитан Кук смерил большие зеландские военные лодки и нашёл, что они длиною в шестьдесят восемь футов, но в нашу бытность самая большая лодка была в сорок семь футов, шириною в 4 3/4 фута. На сих лодках, так же, как на вышеупомянутых, резное изображение лица человеческого, с высунутым языком и глазами из ракушек, называемых морскими ушами, отражающими зеленоватый цвет. Позади лица продолжается сквозная резьба в виде нескольких кругов с поперечниками, наподобие так называемых филигранов. Корма сей лодки загибается гребнем вверх на пять футов. Подводная часть выдолблена из одного дерева, а кверху наставлены ещё по две доски, каждая шириною в семь дюймов, одна с другой и с краями подводной части связаны верёвками, а дабы не было течи, то в самых пазах положен камыш, который придерживается как с внутренней, так и с наружной стороны длинными пластинками из древесной коры, шириною в два с половиною дюйма. Наставленная верхняя доска, изображение, находящееся впереди, и гребень кормовой части выкрашены тёмнокрасною краскою. Лодки сии хотя не с таким искусством сделаны, как описанные в первом путешествии капитана Кука лодки в северной части Новой Зеландии, но досужество и терпение, с которыми сопряжена сия работа, при неимении железа, приводит европейца в удивление.

Островитяне ещё ныне считают подаренный гвоздь за великое приобретение и променивают на опый воинское своё оружие "петту", на которое употребляют много труда и времени; вёсла их также украшены резьбой и обыкновенно в длину до пяти с половиною футов. Когда они кого преследуют, тогда гребут стоя, и лодки идут скорее.

Капитан Кук в первое своё пребывание в заливе королевы Шарлотты встречал на берегах сего залива несколько семей, в которых было до 400 человек. В продолжение второго путешествия капитан Кук заходил к сему же месту и говорит следующее: "Может быть большая часть зеландцев, живших в окрестностях залива королевы Шарлотты в 1770 году, изгнаны или добровольно перешли в другое место. Я утвердительно могу сказать, что к 1773 году число жителей уменьшилось более,

нежели на две трети противу прежнего. Повидимому их поселение на оконечности Мотуара давно уже было оставлено, ибо мы находили множество пустых шалашей".

Ныне же, 1820 года в июне месяце, число жителей не превышало 80 человек. Таковое уменьшение народа, живущего малыми семействами, беспрестанно между собой воюющими, неудивительно. В первое своё пребывание в сем заливе, капитан Кук вероятно увеличил число жителей, по неведению включив приехавших из соседних селений из любопытства видеть в первый раз пришедшее большое судно, а сверх того островитяне даже могли надеяться, без потери своих людей, похитить или убить кого из европейцев, ибо им вероятно по преданиям было известно, что приходили два большие судна в залив Убийц⁹¹, и тогда удалось убить и съесть несколько человек. Голландец Абель Тасман, вышед из Батавии 1642 года декабря 13-го, имея под начальством своим два судна "Хемскерк" (Heemskerck) и "Зеган" (Zeehahn) увидел неизвестный берег и назвал оный Штаген-Ланд; впоследствии времени обретение сие переименовали в Новою Зеландею. 18-го числа Тасман остановился в заливе Убийц, где природные жители умертвили трех человек из бывших с голландским мореплавателем. Капитан Кук полагает, что залив, в коем останавливался Тасман, самый тот пространный залив, который находится от мыса Фарвель на восток в восемнадцати милях и закрыт от моря низменным мысом {James Cook. Second Voyage, vol. I, стр. 105.}.

Губа, названная капитаном Куком в первое путешествие Слепою (Blind-Bay), находится на SO от Тасмановой губы Убийц.

Зеландцы по малому их числу, кажется, иметь не могут недостатка в пище. Коренья папертника, множество рыбы, которую ежедневно ловят, и ракушек достаточно для прокормления. Мы ежедневно своими людьми ловили рыбы столько, что было довольно для обоих шлюпов. Ныне к прежде употребляемым съестным припасам, зеландцы прибавляют прекрасный картофель, не уступающий английскому, который они в огородах своих разводят. Капитан Кук во время второго путешествия в 1773 году, мая 29-го дня, показал одному зеландцу посаженный штурманом судна "Адвентюра" Фанненом⁹² картофель, который тогда хорошо цвёл {James Cook. Second Voyage, vol. I, стр. 125.}; вероятно, жители залива королевы Шарлотты, увидя что сие будет им полезно, разводили и ныне разводят картофель. Хотя после 47 лет довольно оного разрослось, но получать от зеландцев ещё невозможно, ибо сажают только для собственной потребности. Итак, по справедливости имя штурмана Фаннена останется навсегда в повествованиях о Новой Зеландии и её жителях; в то же время посеянная разная огородная овощь повсюду при основании гор на взморье, сама собою растёт.

В бытность нашу в заливе королевы Шарлотты я дал своему приятелю-начальнику и прочим старикам семян разных растений, которые могут быть им полезны, как-то: репы, брюквы, моркови, тыквы, бобов крупных и гороха; я показал и сколько мог растолковал, как сии семена сажать в землю и к чему плод их служит. Островитяне меня хорошо поняли, были весьма довольны и обещали посадить в своих огородах.

Не одни хорошо выделанные военные орудия, ткани и разные узорчатые ящички доказывают способности зеландцев, они в Парамате с успехом употреблены для делания сукон.

Из четвероногих животных, мы видели здесь только собак небольшой породы. Капитан Лазарев купил две новозеландские собаки. Они ростом невелики, хвост их пушистый, уши стоячие, пасть широкая, ноги короткие.

Вероятно, что на прибрежные камни Новой Зеландии иногда выходят отдыхать котики, ибо я выменял у зеландцев из шкуры сего зверя сделанные одежды наподобие фуфаяк.

При отбытии шлюпов 3 июня, время соответствующее в северном полушарии 3 декабря, все деревья сохраняли ещё совершенно зеленеющие листья. Мы не видели признака последней осени. Термометр в продолжение нашего, пребывания показывал теплоты в полдень от 16 до 4,5° {В подлиннике опечатка, вероятно следует 14,5°. -- Ред.}, а в полночь всегда 7°. Барометр не возвышался более 30,10 и не опускался ниже 29,51.

Мы определили якорного места нашего долготу 174° 23' 52" восточную. Пребывание капитана Кука в сем месте было долговременно, он мог определить положение оногo с большею точностью. По его наблюдениям долгота 174° 25' 15" восточная.

Когда мы проходили между островами Мотуаром и Долгим, ветер от запада засвежел и принудил нас закрепить брамсели. Обойдя подводный камень, коего мы не видели, шли разными направлениями в SO четверть, чтоб выйти из пролива, уже были у Terra Vitta⁹³ и радовались успешному нашему плаванию, как вдруг пред вечером ветер переменялся, задул противный от юга, с пасмурною и дождливою погодою, потом скрепчал до того, что принудил нас лавировать в узкости под марсеями, закрепив все рифы.

5 июня. К полуночи ветер ещё более скрепчал и дул сильными порывами с дождём, снегом и градом; по временам молния, сопровождаемая громом, освещая берег, показывала нам близость оногo и опасность. Порывы ветра наносили ужасные густые облака, и кроме водяных насосов [смерчей], мы в сию ночь, испытали всё, что производит атмосфера южного полушария. К рассвету ветер еще усилился и свирепствовал во весь день, нанося густейшие тучи то с дождём, то с снегом или градом, так что мы среди дня около себя ничего не могли видеть, хотя находились в узкости между берегами. В продолжение дня изорвало фор-стенги-стаксель, а фор-марса-брас лопнул, что принудило закрепить и сии паруса. К ночи ветер превратился в бурю; ревел жестоким образом, порывы сквозь узкость канала были так сильны, что шумом своим подобились иногда громовым ударам.

Ночью луна и звёзды редко показывались из быстро несущихся облаков. Шлюп "Мирный" на сожженные наши фальшфейеры не отвечивал. Я полагал, что он ближе к северному берегу пролива.

6 июня. В полдень мы находились, по наблюдениям, в широте 40° 16' 15" южной, долготе 174° 5' 46" восточной. Из сего видно, что штормом нас отнесло назад внутрь пролива на шестьдесят пять миль.

С полудня ветер в силе уменьшился, но был ещё противный. Мы поставили все паруса; шлюпа "Мирного" не видали до следующего утра.

7 июня. В полдень ветер задул тихий из SW четверти, для нас благоприятный. Я опять направил путь к выходу из пролива. Ветр засвежел. Шлюпы шли по восьми и девяти миль в час. В 10 часов вечера ветер стих и в продолжение ночи был переменный.

В 4 часа утра, когда мы находились в самом выходе из пролива в море, опять задул юго-восточный крепкий противный ветер с снегом, градом и дождём. Мы опять боролись с жестокостью ветра, не допускающего нас толь долгое время выйти из сего дикого и опасного пролива и простирать плавание в благотворные тёплые страны.

Крепкий ветер с открытого океана, отражаясь от берегов в устье пролива, стремился с жесточайшею силою; до девяти часов утра мы держались в самой узкости, сделали пять поворотов; волнение развело чрезвычайное. Судя по силе свирепствующей бури, шлюпам надлежало бы остаться без парусов, или с оными потерять мачты. Я спустился во внутренность пролива, закрепив марсели, и за мысом Стефенсом под штормовыми стакселями привёл в бейдевинд. Лейтенант Лазарев сему последовал, но когда спускался, тогда шлюп его, имея великий ход, не слушался руля и шёл прямо в берег, доколе не закрепили крьюсель и грот-марсель.

9 июня. Около трех часов следующего утра сделался штиль; в шесть часов, при лёгком западном ветре, мы опять направили курс к выходу из пролива королевы Шарлотты, увидели бурун на подводных камнях, они были от нас на створе с горою, которая от мыса Жаксона в берег первая на SW 24°.

В 4 часа пополудни я принуждён убавить парусов, чтоб не уйти от шлюпа "Мирного", который был далеко назади; я опасался, чтоб тихий, и непостоянный ветер не сделался опять от SO. В сие время на горизонте скоплялось множество густых чёрных туч.

Самое узкое место в канале Кука, между мысами Терра Витта и мысом Камару, шириною в пятнадцать миль. При выходе из канала за мысом Терра Витта большой залив. Нам показалось, что внутри одного остров, поросший лесом, но за отдалённостью невозможно было хорошо рассмотреть; за средним высоким мысом и Пализером ещё залив. Берега сей части кажутся удобны для воздвигания пашен и заведения европейских селений. На среднем мысу горел большой огонь; жители вероятно желали, чтоб мы их посетили.

10 июня. В полночь мыс Пализер был от нас на NO 18°, в одиннадцати с половиной милях. Ветр дул тихий от юга и к утру заштилел.

В продолжение темноты я жёг неоднократно фальшфейеры с нока грота-рея, но шлюп "Мирный" не отвечал, ибо не видал наших огней; не прежде десяти часов утра показался на горизонте на SW.

В полдень широта места шлюпа "Востока" была 41° 50' 4" южная, долгота 175° 50' 28" восточная. Мыс Пализер находился от нас на NW 70°; из двух высочайших снежных гор при устье канала, первая на SW 70°, а вторая на SW 62°; dna моря на двести пятидесяти пяти сажнях не достали; около шлюпов летали белые и дымчатые альбатросы с белыми бровями, также большие бурные птицы и пеструшки.

13 июня. С полудня 10-го числа, при западном и юго-западном ветре и большой зыби от юга, мы шли до полудня 13-го числа. На пути видели несколько морской травы, вероятно оторванной от подводных мелей Новой Зеландии.

Мы находились в широте $40^{\circ} 9' 6''$ южной, долготе $177^{\circ} 53' 34''$ западной {В первом издании настоящего труда за время плавания экспедиции Беллинсгаузена в Тихом океане счет долгот к востоку от Гринвича велся и при переходе на восток от меридиана 180° ; во втором издании сделан перерасчет восточных долгот, превышающих 180° , -- на западные долготы, как это сейчас общепринято. -- Ред.}. Склонение компаса было $10^{\circ} 21' 30''$ восточное. Ветр совсем заштилел. Лейтенант Лазарев с офицерами посетил нас. В дружественной беседе мы не видели, как прошло время до вечера и скучно было расстаться с любезными товарищами.

14 июня. С полудня до девяти часов вечера ветры были разные; в 9 часов настал от NNO, свежий; шлюпы шли левым галсом в бейдевинд до полудня 15-го числа. Иногда задевали нас порывы ветра и наносили небольшой дождь. Мы были в широте $40^{\circ} 38' 52''$ южной, долготе $174^{\circ} 48' 39''$ западной; видели в довольно большом количестве в море плавающей морской травы. Со всех трех салингов прилежно смотрели берега, но ни в которой стороне не видали.

Ветр отошёл в NW четверть и дул свежо; весьма часто набегали тучи с дождём; от NW была большая зыбь и производила большую качку; мы направили курс в NO четверть. При сем я наблюдал, чтоб не коснуться пути, которым, шли известные мореплаватели.

17 июня. В полдень находились в широте $39^{\circ} 14' 16''$ южной, долготе $170^{\circ} 56'$ западной; склонение компаса было 10° , восточное. В 5 часов ветер дул тихий из NW и SW четвертей, я продолжал курс на NO 70° ; около шлюпов летали пеструшки; 21-го и 22-го ветер был крепкий с дождём и порывами.

23 июня. По измерению 75 расстояний луны от солнца, мы определили долготу в полдень 23-го: $157^{\circ} 58' 42''$ западную, а по хронометру No 508 было $157^{\circ} 45' 16''$, на $13' 26''$ восточнее.

Сегодня видели пеструшек в последний раз; они уже больше не показывались.

На обоих шлюпах исправляли паруса, которые были в употреблении в больших южных широтах, и как шлюп "Восток" от тяжести огромного рангоута терпел великую качку, то я паруса уменьшил; имея свободное время и находясь в хорошем климате, мы могли заняться убавлением парусов и толстоты всех реев. Грота-рей убавили в длину на шесть футов, а прочие по соразмерности.

Корабельный мастер Стоке, который строил шлюп "Восток", обнёс все люки на верхней палубы весьма низкими комельцами, отчего часто бывала мокрота на палубе. Таковые и другие встречающиеся ошибки в построении происходят более от того, что корабельные мастера строят корабли, не быв никогда сами в море, и потому едва ли одно судно выйдет из их рук в совершенстве. Имея лес, вырубленный в Новой Зеландии, мы исправили сии недостатки.

В 5 часов утра ветер от W кончился штилем, который стоял четыре часа, потом задул свежий ветер от SSO, мы продолжали плавание успешно.

В полдень находились в широте $31^{\circ} 49' 42''$ южной, долготе $155^{\circ} 35' 18''$ западной. В вечеру и ночью видели к северо-западу играние зарницы. Почти во всё время плавания от Новой Зеландии имели зыбь от юга.

26 июня. С полудня ветер опять перешёл к юго-западу и дул свежий с шквалами; зыбь была от юга и производила боковую и килевую качку. Сим ветром мы пользовались до восьми часов утра 28-го, потом продолжали курс при пассадном ветре. В полдень находились в широте $28^{\circ} 4' 56''$ южной, долготе $146^{\circ} 32' 28''$ западной. Склонение компаса было 7° восточное. Термометр в тени стоял на $13,8^{\circ}$, а в полночь на $12,5^{\circ}$; барометр на 30,13. Таковая умеренная теплота в воздухе поддерживала на обоих шлюпах совершенное здоровье служителей, которые занимались днём переделыванием такелажа. По вечерам я велел им быть на верху на чистом воздухе, они пели песни, играли, забавляясь русскою, казацкою и цыганскою плясками; иные пускались в английские контрдансы, которым выучились на шлюпе; перескакивали друг чрез друга {При сей игре от сотрясения, производимого беганием, нередко повреждается остриё шпильки, на которой утверждена картушка компаса. На таковые случаи компаса портсмутского компасного мастера Стевинга преимущественнее прочих по той причине, что картушка с медною тонкою шпилькою лежит на агате, совершенно выполированном в полушарие, следовательно, никакого повреждения иметь не может от сотрясения, случающегося на судах при бегании, пальбе, игре и проч.}. Все сии забавы служили к поддержанию здоровья, ибо от движения тела, сопряжённого с внутренним удовольствием, питаются жизненные силы, а потому я старался служащим под начальством моим доставлять и то и другое.

С полудня мы взяли курс ближе к параллели и легли на NO $63^{\circ} 45'$, при ветре StO, с порывами и дождем. Зыбь от юга производила небольшую качку.

29 июня. С полуночи мы склонились ещё к параллели острова Опаро⁹⁵; ходу имели пять узлов. В продолжение ночи видно было по всему горизонту играние зарницы; к утру ветер стих.

В 6 часов утра, только что рассветало, увидели остров Опаро на NO 88° , в расстоянии шестнадцати миль; показался нам довольно высоким, имел четыре особенные холма или возвышения.

Ветер заходил более к востоку и не позволял нам приближаться к острову. Я надеялся достигнуть оного, лавируя, но жители предускорили нас; в начале первого часа пополудни показались лодки, идущие к нам от берега. Я приказал положить грот-марсель на стеньгу. Мы не долго ждали, лодки скоро приблизились; на каждой было по 5, 6 и 7 человек; сначала останавливались, не доезжая шлюпа, с жаром громко обращали к нам речь. Когда я им показал некоторые вещи, маня их к себе, они тотчас решились взойти на шлюп. Я с важнейшими здоровался прикосновением носа и сделал им разные подарки. Спустя несколько времени приехал на таковой же лодке человек большого роста, стройный и плотный; наружность его и уважение прочих островитян доказывали, что он начальник, за какового и сам себя выдавал. Я его пригласил в каюту, на что он сперва не соглашался, но после с робостью вошёл и всему удивлялся. Я

подарил ему топор, зеркало и несколько аршин выбойки. Жители острова Опаро обнаруживали великую склонность к воровству, и старались красть всё, что только им попадалось в руки. Часовые с заряженными ружьями везде присматривали за ними. Один из островитян, бывших в кают-компании, успел украсть спинку от стула и бросился с оною прямо в воду. Лишь только сие увидели, прицелили на него ружьё, он испугался и возвратил украденное. Действие огнестрельного оружия им известно и производит в них большой страх; когда на шлюпе "Мирном" выпалили из пушки, они все бросились за борт. Островитяне ничего не привезли, кроме раков, мелких кореньев таро и чёрствого жесткого теста, завёрнутого в листьях, приготовленного впрок, мы выменяли несколько вёсел и леек, коими они выливают воду из лодок. Пробыв некоторое время на шлюпе, гости наши возвратились на берег. Они приезжали на пятнадцать лодках.

Лейтенант Лазарев находился далее назад и потому островитяне у него не были.

В половине второго часа, когда они от нас отправились, мы наполнили паруса. К ночи поворотили к западу, дабы с утра приблизиться к острову.

30 июня. Ветр дул весьма тихий от юга, откуда шла небольшая зыбь, небо было усеяно звёздами. Мы сегодня за тихостью ветра не могли подойти к острову ближе четырех с половиною миль. В 8 часов утра, когда находились прямо против залива, жители опять приехали на шлюпы. Хотя накануне я просил их привезти рыбы, свиней, кур, показывая на сих животных, у нас бывших, но островитяне не исполнили моего желания и привезли только небольшое количество раков и таро.

Островитяне удивлялись величине шлюпа и всем предметам для них новым. Один мерил маховыми саженьями длину шлюпа по верхней палубе, ложась при каждом разе на палубу, дабы распространить руки; мерил ширину на шканцах. Гости наши не сходили по ступеням со шлюпа, а бросались прямо в воду и потом уже влезали на свои лодки. Я их всех дарил разными безделицами: серёжками, зеркальцами, огаивцами, ножами и проч.

Лодок сегодня приезжало на оба шлюпа до двадцати; и как шлюпы были близко один от другого, то островитяне переезжали с шлюпа на шлюп, ибо получив подарок от меня, спешили за тем же к лейтенанту Лазареву. Одаренные им, возвращались ко мне, протягивали руки и знаками объясняли, что ещё ничего не получили. Пробыв более часа на шлюпе, вдруг все второпях бросились один за другим в воду, кроме одного, который просился остаться, на что я согласился. Он стоял у шкафута, смотрел на своих земляков, они убеждали его возвратиться к ним. Островитянин долго не соглашался, наконец начал внимать их увещаниям и просьбам, стоял, как вкопанный, на лице его видна была сильная борьба внутренних чувств. С одной стороны, как думать должно, какое-то ожесточение против земляков своих, а с другой, врождённая каждому человеку любовь к своей родине, производили в нём сильное противоборство. Но когда последнее похвальное чувство превозмогло неудовольствие на соотечественников, тогда просил у меня позволения возвратиться к ним; я нимало его не удерживал и не гнал, а совершенно предоставил на его волю. Подождав немного, он простился со мною, бросился в воду и соединился с своими земляками.

Причину скорого и внезапного удаления островитян с шлюпов объяснил мне лейтенант Лазарев. Один из островитян, бывших на шлюпе "Мирном", избрав удобный случай, когда матрозы отвлечены были для убирания парусов, выдернул железный сектор с фалрепом, бросился с ним в воду, и как видно, о намерении своём заранее дал знать всем товарищам, находившимся на шлюпе, ибо все они мгновенно один за другим бросились в воду с разных мест, кроме одного старика, которому преклонность лет препятствовала следовать за ними; капитан Лазарев приказал его задержать в виду всех островитян. Ему показали лодку, на которой был украденный сектор и объяснили, что ежели возвратят сию вещь, будет свободен. Островитяне изъявляли сему старику повинование, по которому видно было, что он принадлежал к числу начальников. По его призыву показанная ему лодка подошла ближе, и после нескольких переговоров, старик уверял, что на оной ничего нет украденного. Когда находящиеся на лодке видели, что намерение лейтенанта Лазарева было непременно получить обратно сектор и без того не освободить старика, тогда один из бывших на лодке выдернул фалреп из сектора, показывал оный, и как будто в недоумении спрашивал: не эту ли вещь от них требуют? Коль скоро он показал фалреп, тогда совершенно удостоверились, что и сектор украден сим же островитянином, а потому настоятельно одного требовали. Виновный в похищении рукою шарил внутри лодки и вытаскивал то изломанную корзинку, то куски камыша, и потом, подняв отверстые руки, объяснил, что в лодке нет больше ничего. Наконец, видя, что все его обманы не действуют, вытащил сектор, держа его в руке, бросился в воду и возвратился на шлюп. Тогда все островитяне громко закричали, все казалось его бранили, а особенно старик, который с радостным лицом бросился к лейтенанту Лазареву и несколько раз коснулся с ним нос к носу; вся брань была притворная, вероятно старик сам главный виновник похищения, или, по крайней мере, похищение сделано с его согласия и ежели бы не успели его задержать, он уже был готов броситься за борт, и уплыл бы на одну из лодок. Однакож лейтенант Лазарев не показывал никакого подозрения на старика и подарил ему гвоздь, которым он был крайне доволен, бросился в воду и уплыл на своей лодке вместе с прочими островитянами.

Остров Опаро обретён капитаном Ванкувером в 1791 году на пути из залива Дюски (в южной части Новой Зеландии) к островам Общества, и наименован Опаро потому, что островитяне весьма часто выговаривают сие слово. Капитан Ванкувер не нашёл удобного якорного места при острове Опаро. За противным маловетрием мы не могли подойти ближе четырех с половиной миль, но рассмотрели остров, который представляется в виде хребтов островершинных, довольно высоких гор, имеющих направление на восток и запад. Низменности и покатоности гор обросли лесом; места, где нет лесу, имеют вид жёлто-красный; на северной стороне были небольшие взрытые площади совершенно красного цвета, вероятно от красной охры. На северо-восточной стороне водопад, стремящийся в море по скалам. На северо-западной стороне, повидимому, находится изрядный залив.

Остров в длину по параллели шесть, в ширину три с половиной мили; в окружности около пятнадцати миль. На некоторых из вершин гор видны некие устройства, как будто бы укрепления, куда токмо по тропинкам входить можно. Положение острова определено посредством наблюдений, а именно:

На шлюпе "Востоке":

Широта -- 27° 37' 45" южная

Долгота -- 141° 14'55" западная

Склонение компаса -- 5° 21' восточное

На шлюпе "Мирном":

Широта -- 27° 36' 40" южная

Долгота -- 144° 25' 15" западная

Склонение компаса -- 6° 24' восточное

Ванкувер в 1791 году декабря 22-го определил:

Широту -- 27° 36' 0" южную

Долготу -- 144° 01' 32" западную

Склонение компаса -- 5° 40' восточное

Островитяне, приезжавшие на шлюпы, были вообще среднего, а некоторые довольно высокого роста, по большей части все стройны, крепкого сложения, много дородных; в телодвижениях ловки и проворны, волосы имеют кудрявые, особенно быгросверкающие чёрные глаза, бород не бреют, цвет лица и тела тёмнокрасный, черты лица приятные и не обезображены испестрением, как то водится у многих жителей островов сего Великого океана. Один только из опарцев, 17 или 18 лет от роду, весьма стройный телом, имел самые светлорусые волосы, голубые глаза, несколько горбоватый нос, цвет лица и тела подобный жителям северной части Европы. В его происхождении можно легко усомниться, не родился ли он от опарки и путешествующего европейца; художник Михайлов нарисовал весьма похожий портрет сего островитянина и некоторых других.

Желая что-нибудь получить, островитяне разнообразно кривляли лица и протягивали руки, сим смешили матрозов и приобретали от них европейские безделицы. Неотступно приглашали нас к себе на остров, но опасно было отважиться на таковом расстоянии ехать на берег, ибо тихий противный ветер препятствовал шлюпам подойти ближе.

Как по близости сего острова нет других островов, то кажется, что островитяне, находясь в хорошем климате и не нуждаясь в жизненных потребностях, могли бы наслаждаться вечным миром, а выстроенные на вершинах гор укрепления, в коих были домики, подают повод к заключению, что островитяне разделены на разные общества, имеют также свои причины к прерыванию взаимных дружественных сношений, и в таком случае укрепления служат им убежищем и защитой.

Из произведений рукоделия и искусств кроме лодок, на которых островитяне приезжали, нам ничего не удалось видеть; лодки, вероятно, по неимению на острове достаточной толщины дерев, составлены из нескольких досок, вместе скреплённых верёвочками, свитыми из волокон древесной коры. Некоторые длиною до двадцати пяти футов, но не шире одного фута и двух дюймов; с одной стороны вдоль лодки на

отводах был брус в три с половиной дюйма толщиной, заостренный с обеих сторон наподобие лодки, которой служит для равновесия. По узкости лодок, дородные островитяне не усаживаются в оные, а местами прикреплены дощечки, на которых они покойнее сидеть могут. Лейтенант Лазарев доставил модель таковой лодки в музей государственного Адмиралтейского департамента. Вёсла и лейки для выливания воды похожи на новозеландские, но с рукоятками, без всякой резьбы; лейки удобнее употребляемых европейцами для выливания воды из гребных судов.

Мы видели несколько белых небольших птиц с раздвоенными хвостами. Не имея надобности переждать ветра, чтобы зайти за небольшой островок, по северную сторону острова Опаро или залив при северозападной стороне (где, повидимому, удобнее стать на якорь), по отбытии островитян я продолжал курс ещё к востоку до самых сумерек и достиг широты $27^{\circ} 36' 30''$ южной, долготы $143^{\circ} 43'$ западной. В продолжение всего дня погода была прекраснейшая, небо безоблачно, горизонт чист; ежели бы к востоку или в другие стороны были острова равной высоты с островом Опаро, мы могли бы оные увидеть на расстоянии сорока миль, но сколько ни смотрели с бом-салинга, ничего не видали. В сей круг зрения входили по аросмитовой карте предполагаемые Бассом острова Четырёх Корон (Las quatro Coronadas), усмотренные Квиросом. По сему названию можно бы заключить, что испанский мореплаватель видел остров Опаро: когда подходишь к сему острову с западной стороны, он открывается четырьмя возвышенностями или вершинами; но сие заключение было бы несообразно следующим словам в путешествии Квироса: "1606 года, февраля 5-го, прошел 25 миль от усмотренного нами берега, в вечеру увидели 4 острова, расположенные треугольником, в пять или шесть миль каждый (в диаметре или в окружности, не означено), которые бесплодны, необитаемы и вообще походят на острова, пред сим нами обретенные". Торрес называет сии острова Las Virgenes, а Квирос Las quatro Coronadas.

Прежде обретенные ими острова были все почти равные с поверхностью моря, а по сему и остров Опаро не принадлежит к оным, притом весьма легко можно доказать, что когда Басе полагает острова Четырёх Корон в широте $27^{\circ} 45'$ южной, то и прочие обретенные Квироса, до сих островов на сем же пути должны находиться южнее, как и остров La Encarnacion, южнейший из всех, должен быть в широте южной $32^{\circ} 12'$, и до сего времени ещё никто в таковой большой широте не находил коральных островов с лагунами; они не простираются в южном полушарии далее южного тропика или широты 23° , и то только поблизости Новой Голландии. Из сего видно, что Квирос шёл севернее, нежели предполагал Басе, следовательно сии острова должны исключить из широт, в коих они назначены на картах Аросмита и прочих гидрографов.

1 июля. Не видя ничего с салинга, я на ночь направил путь к югу, склоняясь несколько к востоку. Время становилось прекрасное, все наслаждались приятными тропическими вечерами; ночи были ясные, по временам метеоры перелетали с места на место, оставляя по себе слабый свет; барометр поднялся до 30,37. Следующего дня мимо нас проплыло несколько кустов морской травы, подобной траве, о которой предполагают, будто она выносится из Мексиканского залива и плывет в множестве около Азорских островов. С полудни ветер сделался от OSO; мы увидели первую тропическую птицу.

2 июля. Ветр перешёл и дул свежий OSO с небольшими порывами. В полдень мы находились в широте $23^{\circ} 10' 13''$ южной, долготе $142^{\circ} 31' 19''$ западной. В сие время видели двух фаэтонов, а в 7 часов пересекли вторично тропик Козерога. К ночи убавили парусов, чтоб иметь менее хода.

3 июля. С утра прибавили парусов; в полдень ветер дул O, свежий; теплота в тени доходила до $28,18^{\circ}$, а в полночь было 10° ; все чувствовали быструю перемену из прохлады в жар.

4 июля. К ночи убавили парусов; с 8 часов утра видели двух фаэтонов и одного фрегата (*Pelicanus aguilas*). С вступлением в тёплые страны, сегодня показалась первая летучая рыба. В полдень находились в широте $20^{\circ} 25' 50''$ южной, долготе $141^{\circ} 36' 27''$ западной. Склонение компаса было $5^{\circ} 31'$ восточное. Все сии дни шли на NO $16^{\circ} 35'$; при захождении солнца были близ широты островов принцев Гейнриха, Кумберленда и Глочестера, и потому на ночь привели к ветру и держались на том же месте, делая короткие галсы.

5 июля. В 6 часов утра с рассветом опять оошли на NO $16^{\circ} 35'$; спустя с час времени с салинга увидели к NO берег, и я лёг прямо к оному на NO 50° , прибавя парусов. В 9 часов утра, находясь в расстоянии $1 \frac{2}{3}$ мили от низменного небольшого острова, у которого в середине была лагуна, а на SO стороне малое отверстие, я прошёл на N в параллель корального берега, шириною в 300 сажень, а местами многим уже; в 10 часов, приблизясь к северной оконечности, послал лейтенанта Торсона на ялике осмотреть берег, который также местами порос кустарником. Астроном Симонов, штаб-лекарь Берх, лейтенант Демидов поехали с лейтенантом Торсоном. Лейтенант Лазарев послал ялик с штурманом.

День был прекрасный; по наблюдению определена широта места нашего $19^{\circ} 11' 34''$ южная, долгота $141^{\circ} 17' 56''$ западная; середина острова оставалась от нас на SO 26° , а посему широта оного выходит $19^{\circ} 12' 21''$ южная, долгота $141^{\circ} 16'$ западная.

Астроном Симонов, производя наблюдения на берегу северной оконечности, определил широту оной $19^{\circ} 11' 10''$ южную; ежели к сему прибавить половину длины острова (которая не более трех с половиной миль), широта середины будет $19^{\circ} 12' 53''$; ширина острова $1 \frac{3}{4}$ мили, окружность восемь миль.

Хотя сей остров по наружности подобен острову принца Гейнриха или Кумберленда, который обретен капитаном Валлисом июня 13-го 1766 года, но в широте острова принца Гейнриха разности одиннадцать с половиной минут, в долготе тринадцать с половиной минут к западу, а остров Кумберленд южнее пятью минутами, в долготе девятнадцать с половиной минут восточнее. При сем в сравнении я положил острова, обретенные Валлисом двадцатью четырьмя минутами западнее, по той причине, что он определил Матавайскую рейду на острове Отаити двадцатью четырьмя минутами западнее истинной долготы, определенной в первое путешествие капитана Кука. По сим несходствам в определении положения упомянутых островов, я полагаю, что Валлис прошёл в дурную погоду, и оттого сделал погрешности при выводе широты острова, однакож принял оный за остров принца Гейнриха.

Определив географическое положение сего острова, выстрелом из пушки я дал знать гребным судам, чтобы возвратились с берега, и в половине первого часа они к нам прибыли. Торсон, Симонов, Берх и Демидов объявили, что сей узкий берет состоит из кораллов разных цветов; лес же растёт невысокий, кривой; они настреляли морских птиц; с собою привезли довольно крупных морских ежей (*Echinus*), коих иглы или колюшки в шесть дюймов длины, лилового цвета, подобны грифелям. Из многочисленного рода морских ежей нам только случилось видеть сей род на Коральных островах. Художник Михайлов привёз с берега плод дерева, называемого натуралистами *Randanus*. Подняв гребное судно, я продолжал путь на N, склоняясь несколько к O.

По 25 лунным расстояниям, мною измеренным, определили долготу в полдень $141^{\circ} 2' 6''$; из такового же числа расстояний, измеренных штурманом Парядиным, $141^{\circ} 19' 6''$.

Когда мы находились около острова, фрегаты и бакланы подлетали к нам близко; лучший наш стрелок, матроз Гайдуков подстрелил их несколько. Они были только ранены, и после того ещё жили, но их окормили ядом, дабы набить в чучелы. Сих бакланов некоторые натуралисты называют кусающими, потому что они кусали проходящих и тех, кто их дразнил. Но мне известно, что все морские птицы кусают, и прибавление к названию, сделанное, чтоб отличить породу, кажется неосновательно.

Птицы-фрегаты бросались с высоты перпендикулярно в воду и хватали в струе за кормую шлюпа, что выброшено было из кухни. При рассмотрении их внутренности увидели, что грудная кость и вилка составляют одну кость, отчего и могут так смело бросаться грудью в воду.

В 5 часов пополудни, когда отошли на десять миль от острова, он скрылся. В 9 часов вечера на ночь привели в бейдевинд на правый галс. Лейтенант Лазарев, исполняя сделанный ему ночной сигнал, последовал шлюпу "Востоку".

6 июля. Ветр дул тихий; рассеянные изредка облака не препятствовали звёздам блистать во всю ночь. В пять с половиной часов, с рассветом открылись небольшими группами кокосовые деревья, и мы легли прямо к восточнейшим из оных. В 9 часов утра находились близ южной оконечности острова, в одной мили от кокосовой роши, и простыми глазами видели несколько человек, вооруженных пиками. Все красно-медного цвета, совершенно нагие; знаками приглашали нас на берег. Я пошёл вдоль оною, и два островитянина бежали по берегу наравне с шлюпами, наконец устали, остановились, поглядели вслед за нами и возвратились к своим товарищам. Подле кокосовой роши вытащена была лодка, а вдали в лагуне были видны две лодки, которые спешили на гребле к сему же месту. Большой бурун, разбивающийся с великим шумом о коральный берег, препятствовал нам послать гребное судно. Оставшийся у нас в правой руке, в расстоянии около полутора миль противулежащий берег мы также имели в виду. На ближней к шлюпу части были песочные небольшие насыпи; в некоторых местах повыше -- мелкий лес и кустарники; низменности ближе к воде состояли из корального оплота, а где чрез рифы море с лагунами сообщается, кокосовые пальмы, отличаясь высотой своею от прочих дерев, составляли весьма красивый вид. Восточная и северная стороны острова более обросли лесом; но

местами лесу нет. У северо-западной оконечности мы видели, несколько островитян, и разведённые огни доказывали, что остров довольно населён.

В полдень, по наблюдению, находились в широте $18^{\circ} 6' 41''$ южной, долготы $141^{\circ} 3' 44''$ западной. Западный мыс острова был от нас на NOtN, на $1 \frac{1}{4}$ мили. Лишь только мы успели взять полуденную высоту, с переменою ветра от StW, пасмурностью задёрнуло солнце и пошёл небольшой дождь, который был непродолжителен. Мы определили широту северной оконечности острова $18^{\circ} 1' 30''$ южную, долготу $140^{\circ} 58' 4''$ западную; самая южная оконечность в широте $18^{\circ} 22' 50''$ южной, долготы $140^{\circ} 45' 24''$ западной; середина в широте $18^{\circ} 12' 10''$ южной, долготы $140^{\circ} 52' 32''$ западной. Положение острова простирается на NW 40° на двадцать пять миль. Самая большая ширина семь миль, окружность тридцать девять миль. В лагуне показываются также кораллы, некоторые уже вышли сверх воды и имеют одинаковое направление в длину острова, а местами виден молочный цвет воды, что означало небольшую глубину до кораллов. Остров сей тот же самый, который обрётён капитаном Куком и назван островом Лука (Bow).

После полудни, пройдя ещё с милю на NNO, легли к N, склоняясь несколько к O, в намерении пройти сим курсом до широты 16° , а потом уже по сей параллели итти к западу, дабы обозреть пространство между Сердитым морем {Шутен и Лемер, первые прошед по параллели около 15° широты, назвали море сие Сердитым по причине дурных погод, сильных ветров и найденных на пути коралвых опасных островов.} и Опасным архипелагом {Бугенвиль, простирая плавание по параллели между 18 и 19° , нашел низменные коралвые острова, и по причине опасного плавания между оными назвал часть сию Опасным архипелагом.}. Хотя к острову Отаити и другим островам сего Великого океана приходило много судов, но пространство по сей параллели в близости Отаити не осмотрено, кажется единственно по причине устрашающих названий, данных голландским мореплавателем Шутеном и французским командором Бугенвилем.

В половине третьего часа пополудни с салинга увидели берег, простирающийся от NO до OtS; по сей причине я придержался в бейдевинд на NO 55° , на юго-восточную оконечность берега, сколько тихий ветер от SO позволял. В половине четвертого часа ветер сделался от O и воспрепятствовал нам приблизиться к берегу, и доколе стемнело мы шли вдоль западной части оною, в расстоянии трех миль, однакоже могли хорошо рассмотреть, что берег, подобно острову Лука, состоит из узких низменных кораллов; в середине лагун. Та часть, которая к нам была ближе, покрыта лесом и кустарником; местами видны кокосовые роши, над другим лесом возвышающиеся; мы приметили два малых отверстия или входа в лагун, чрез один из оных несколько островитян перебирались в брод. Западная сторона, о которую разбивался бурун, ниже состояла из корального надводного рифа, на коем виден был растущий лес.

В 6 часов вечера за пасмурною погодою ничего не видали, кроме зажженных в двух местах огней на среднем мысу, где находится самая большая кокосовая роша, близ которой конечно островитяне живут в большом числе.

7 июля. Ночью мы держались на одном месте, под малыми парусами, но поутру, когда рассвело, увидели, что течение нас увлекло от берега, а как я имел намерение быть ближе к берегу, дабы увидеть жителей, то и лавировал к острову, но

бесперывный переменный и тихий ветер воспрепятствовал нам достигнуть северной оконечности острова прежде двух часов пополудни 8-го числа.

8 июля. Восточный берег от среднего мыса до сей оконечности также покрыт лесом, имеет несколько кокосовых деревьев, но менее нежели от средней части к югу, по западному же берегу.

Лагун у северной оконечности с западной стороны острова также сообщается с морем посредством малого прохода. Восточная сторона, противолежащая пассадному ветру, всегда омываема большим буруном и состоит большею частью из коральной гряды.

Подошед к северной оконечности острова, я поехал на ялике на берег, взял с собою художника Михайлова и лейтенанта Демидова; лейтенант Лазарев отправился на катере, с ним были медико-хирург Галкин, лейтенант Анненков и мичман Новосильский. Все офицеры и гребцы вооружены на случай неприязненных поступков островитян. Когда мы подошли к коральному берегу, о который разбивался большой бурун, и, без опасения повредить гребное судно на подводный коралл пристать было трудно, на берегу к сему же месту сбегались до 60 мужчин, число коих непрерывно умножалось. Некоторые были с бородами, волосы на голове у всех не длинные, а курчавые, чёрные; островитяне среднего роста, тело и лицо, загоревшие от знойных солнечных лучей, бронзового цвета, подобно как у всех островитян сего Великого океана; детородные части закрыты узкою повязкою. Все были вооружены длинными пиками, а некоторые в другой руке держали деревянную лопатку, коею, как и в Новой Зеландии, неприятелей бьют по головам. Женщины стояли поодаль у леса саженьях в двадцати, также вооружены пиками и дубинами; с пупка до колен тело их обвёрнуто тонкою рогожею.

Лишь только мы приблизились, чтоб пристать к берегу, островитяне все с ужасным криком и угрозами замахали пиками, препятствуя нам приставать. Мы старались ласками, бросая к ним на берег подарки, привлечь и склонить их к миру; но в том не успели. Брошенные вещи охотно брали, а допустить нас к берегу не соглашались. Мы выпалили из ружья дробью поверх голов их, они все испугались, женщины и некоторые из молодых людей отступили подалее в лес, а прочие все присели. Видя, что сим никакого вреда им не делаем, они ободрились, но после при всяком выстреле приседали к воде и плескали на себя воду, потом дразнили нас и смеялись над нами, что им никакого вреда сделать не можем. Сие явно доказывает, что смертоносное действие огнестрельного оружия им неизвестно. Видя исходящий огонь из ружья, вероятно, заключали, что мы их хотим обжечь, для того мочили тело водою, которую черпали руками из моря. Когда шлюп "Мирный" подошёл, и по сигналу пушено было с оною ядро из пушки в лес выше островитян, все испугались, присели и мочили тело водою; женщины и некоторые молодые мужчины бежали и зажигали лес на взморье, производя длинную непрерывную линию ужасного огня с треском и сим прикрывали своё отступление на великое пространство. Из подарков они больше всего обрадовались колокольчику, которым мы звонили. Я бросил им несколько колокольчиков, предполагая, что приятный их звон установит между нами согласие; но лишь только приближались гребные суда к берегу, островитяне с ужасным криком от большой радости приходили в великий гнев.

Такое упорство принудило нас возвратиться. Упорство сие, конечно, происходит от совершенного неведения о действии нашего огнестрельного оружия и превосходства нашей силы. Ежели бы мы решились положить на месте несколько островитян, тогда, конечно, все прочие пустились бы в бегство, и мы бы имели возможность без всякого препятствия выйти на берег. Но, удовлетворив своё любопытство в довольно близком расстоянии, я не имел особенного желания быть на сем острове, тем паче, что хотя и представилось бы небольшое поле к изысканиям по натуральной истории, особенно по части кораллов, ракушек и несколько по части растений, но как я натуральною историею мало занимался, а натуралиста у нас не было, то пребывание на берегу мало бы принесло пользы. Не желая употребить действие пороха на вред островитян, я предоставил времени познакомиться их с европейцами. Когда мы от острова уже довольно удалились, тогда из лесу на взморье выбежали женщины и приподняв одежду, показывали нам задние части тела своего, хлопая по оным руками, другие плясали, чем вероятно хотели нам дать почувствовать слабость сил наших. Некоторые из служителей просили позволения, чтоб островитян наказать за дерзость, выстрелить в них дробью, но я на сие не согласился.

По наблюдениям широта острова оказалась $17^{\circ} 49' 30''$ южная, долгота $140^{\circ} 40'$ западная. Самое большое направление на NO шестнадцать миль, широта семь миль. Остров сей я назвал остров Моллера⁹⁶, в честь контр-адмирала Моллера 2-го, который имел флаг свой на состоявшем под моим начальством 44 пушечном фрегате "Тихвинской Богородице". От острова Моллера, дабы притти в широту 16° , я шёл на N, склоняясь к O.

9 июля. Ночь была лунная; ветер тихий от востока и по мере уменьшения широты места нашего переходил в северо-восточную четверть.

В полдень мы были в широте $16^{\circ} 46' 21''$ южной, долготе $141^{\circ} 1' 54''$ западной; имели склонение компаса 6° восточное.

Теплота по термометру в тени доходила до $20,2^{\circ}$; в полночь до 19° . Я не заметил, чтобы кто из служащих со мною жаловался на непрерывный несносный жар во время плавания между тропиков.

10 июля. От полудня до шести часов утра следующего дня ветер непрестанно колебался, заходя и отходя на два и на три румба; я из сего заключил, что мы простирали плавание под ветром у неизвестных островов. Видели одного большого кита; уже давно не встречали китов.

При рассвете с марса нас обрадовали извещением, что на ветре открылся берег, и в самом деле увидели оный на ONO; по рассвете начали лавировать, дабы подойти ближе. Лейтенанту Лазареву по просьбе его чрез телеграф, я позволил привести берег в полдень на O, для точного определения широты места.

Перед полуднем, когда шлюпы находились от острова в расстоянии двенадцати миль, островитяне удивили нас своею отважностью. С салинга усмотрели лодку, потом показалась другая, третья, и наконец всех до шести, идущих к нам. Приблизясь на небольшое расстояние от шлюпов, остановились и держались против борта; часто принимались кричать, но приставать к шлюпам никак не решались. Наконец, одна лодка

приближалась к корме шлюпа "Мирный", потом подошла к шлюпу "Востоку", и островитяне держались за верёвку, опущенную с кормы.

Все были среднего роста, более худощавы, нежели дородны. Телом и лицом смуглы и сим последним несколько отличаются от европейцев; волосы связаны в пучок на самом теме, бороды небольшие, живот почти у всех подтянут верёвкой, свитой из травы, детородная часть закрыта поясом, который составляет всю одежду для прикрытия их наготы.

Я желал получить хотя один упоминаемый пояс, но островитяне никак не хотели, их променивать. Сие служит доказательством, что обнажение части тела, прикрываемого поясом, почитают неблагопристойностью.

Лодки, на которых островитяне встретили нас в дальнем расстоянии от берега, длиною около двадцати футов, ширина их такова, что два человека могли сидеть рядом; сделаны из нескольких искусно вместе скреплённых досок; разрез лодок видом подобен невысокому кувшину; с одной стороны для равновесия отвод; вёсла почти такие же, как и у всех островитян сего океана. Лодки довольно хорошо ходят и для открытого моря удобнее других, мне известных сего рода лодок. На каждой было 3 или 4 проворных островитянина; каждый имел по аркану из сплетённых травяных верёвок, пику, небольшую булаву. По всем сим признакам нам казалось, что островитяне выехали в намерении напасть на нас с разных сторон и, ежели возможно, овладеть шлюпами. Может быть, не видав никогда европейских судов, по дальности расстояния заключили, что видят лодки, идущие с одного острова на другой для промысла или неприязненных действий, и что можно ими овладеть. Когда приблизились, вероятно удивились необычайной величине судов, несоизмерных ни их силе, ни военному их искусству, однакоже при всем том, держась за веревку у кормы, тянули её беспрестанно к себе, чтоб отрезать. Они старались коварным образом пикой ранить офицера, который из каюты им изъявлял благоприятное расположение. Как я, так и лейтенант Лазарев дарили им топоры, выбойки, серебряные и бронзовые медали, но не могли их убедить подойти ближе к шлюпам, а ещё того менее взойти, на оные; в 4 часа островитяне отправились обратно на берег.

Ветр отошёл сначала несколько к северу и позволил шлюпам в одно время с островитянами достигнуть берега; поворота чрез оверштаг на правый галс, я лёг вдоль западного берега, местами держал менее мили от оногo. Островитяне в виду нашем пристали к берегу, с помощью нескольких на берегу находящихся товарищей вытащили лодки и, подняв их на плечи, понесли во внутренность лагуна, потом, не медля, зажгли во многих местах кустарники и лес на берегу против нас и произвели ужасный огонь. Я полагаю, что сия огненная линия означает неприязненность и служит сигналом приближения и нападения неприятелей, как случилось при свидании нашем с жителями острова Моллера.

Средины сего острова широта 15° 51' 5" южная, долгота 140° 49' 19" западная. Положение оногo представляет сферический треугольник, острым углом к SSO; одна сторона, к северу обращенная, вдалась внутрь и в сем месте особенно приметны кокосовые роши, прочие же стороны острова низки. Мы были так близко, что могли хорошо отличить красные кораллы от белых; действием солнечных лучей они

превращены в известь. Окружность острова, которой я назвал островом графа Аракчеева⁹⁷, около шестнадцати миль.

Ртуть в термометре стояла на 20,7°, а в полночь опустилась до 19,7°.

В 6 часов вечера, когда шлюп "Восток" прошёл вдоль западной стороны острова и находился уже у северо-западной оконечности, затемнело; тогда взяв у марселей рифы, я лёг под малыми парусами к западу, склоняясь несколько к югу, дабы держаться ближе широты 16°, по которой имел намерение итти к западу.

Чтобы занять островитян и внушить им, какую силу имеет европейский огонь, мы пустили с обоих шлюпов по несколько ракет; некоторые в воздухе рассыпались разноцветными огнями. Таковые огневоздушные искусственные явления, занимающие еще и поныне просвещённых европейцев, должны были удивить людей, живущих на малом острове посреди океана; они подобное сему видели только с воздушных метеорах, по отдалённости в малом размере, без звука и блестящих огней.

11 июля. До половины второго часа пополуночи, при лунном свете, мы имели хода от трех до четырех миль в час; я сделал сигнал привести в бейдевинд на правый галс, дабы остаться в продолжение ночи на месте; ветер дул тихий от NOtN, зыбь от O доходила до нас весьма слабая, что также доказывает близость берега на O от острова графа Аракчеева. В 6 часов утра, с рассветом, спустясь от ветра, мы легли на WSW и прибавили парусов. В 11 часов с салинга увидели берег на NW, я придержался в бейдевинд на WNW, при ветре от N.

По наблюдению, в полдень широта места нашего была 15° 53' 25" южная, долгота 141° 50' 22" западная.

В продолжение всего дня ветер был так тих, что я не положился на верность измеренного нами хода, служашего основанием для определения величины острова; при таком тихом ветре ход судов более подвергается неизвестному влечению морской быстроты; по сей причине я держался в продолжение ночи близ острова; мы видели одного кита, пускающего фонтаны, также несколько летучих рыб. Рыбы сии не больше сельдей, имеют боковые перья необыкновенной величины и довольно широкие. Избегая гонящихся за ними бонитов, стадами поднимаются из воды в косвенном направлении и потом летят по прямой линии не выше двадцати футов от поверхности моря во время безветрия. Когда боковые перья начинают высыхать, тогда обратно склоняются к воде и погружаются, когда же во время полёта ветер случится с боку, тогда уклоняются дугою под ветер и, по мере большей силы оногo, кривой путь их приметнее изгибается.

В близости, или в виду сего острова, не было никогда европейских судов, а потому без сомнения всё внимание островитян обращено на шлюпы "Восток" и "Мирный", как на неприятелей. Когда стемнело, я приказал пустить 12 ракет поодиночке. Огненные сии струи, конечно, вселили необыкновенный страх в людях, которые ничего подобного не видали.

12 июля. В час пополуночи поворотили обратно к берегу, ветер продолжался самый тихий из NO четверти до 9 часов утра, потом задул несколько свежее от ONO, и я лёг

на SWtS 1/2 W вдоль южного берега, в расстоянии одной мили; мы пришли на траверс южного мыса.

Остров сей принадлежит также к коральным островам с лагунами в середине. Восточный коральный узкий берег оного около ста сажен в ширину и почти весь голый, только изредка видны поодиночке кустарники; северный, западный и южный берег обросли лесом, между коим было несколько кокосовых деревьев.

В лесу местами расстился по ветру дым, который доказывал, что остров обитаем. Средину его по наблюдениям широта $15^{\circ} 47' 20''$ южная, долгота $142^{\circ} 11'$ западная; положение его NNO 1/2 O и SSW 1/2 W, длина двенадцать миль, ширина три. Сие обретение наше назвал я островом князя Волконского.

Вскоре мы усмотрели впереди ещё остров, от южной оконечности острова князя Волконского на SW 28° , отделённый проливом шириною в четыре мили. Продолжая идти по тому же направлению, в полдень находились по NO сторону последнего острова, на одну милю от берега. По наблюдению, широта места шлюпа "Восток" была $15^{\circ} 57' 52''$ южная, долгота $142^{\circ} 12' 11''$ западная. С полудня до темноты мы держали в расстоянии от полумили до двух миль вдоль восточного узкого корального берега, на коем росли отдельные кустарники и низменный лес; бурун с рёвом разбивался на сей коральный берег. Вся северная и западная сторона, в которой виден лагун, покрыта лесом; местами на NW стороне из-за лесу шёл дым, доказательство, что остров обитаем; капитан Лазарев сказывал мне, что он видел на берегу людей и лодки.

Северная оконечность сего острова в широте $15^{\circ} 55' 45''$ южной, долготе $142^{\circ} 15' 19''$ западной. Южной оконечности широта $16^{\circ} 13' 35''$, долгота $142^{\circ} 24' 36''$; средину широта $16^{\circ} 5' 35''$, долгота $142^{\circ} 19'$. Направление острова NtO 1/2 O и StW 1/2 W; длина, по моему мнению, двадцать одна, а лейтенант Лазарев полагает шестнадцать миль, большая ширина семь, окружность сорок четыре мили. Остров сей назвал я островом фельдмаршала князя Барклая-де-Толли⁹⁸.

Разность в определении длины острова Барклая последовала от того, что капитан Лазарев проходил южную часть в темноте, и приняв колено, где берег переменил направление далее к W, за южный мыс, заключил, что остров пятью милями короче противу величины, определённой на шлюпе "Востоке".

Капитан Кук в первом путешествии кругом света определил величину и положение обретенного им острова Лука, проходя вдоль берега по южную сторону острова; не взирая на ночное время, продолжал опись по гулу, происходящему от буруна, разбивающегося в берег с шумом; но как курс, которым он шёл, отдалял его неприметно от направления берега, и расстояние от оного более и более увеличивалось, то, потеряв гул от буруна, заключил преждевременно о величине острова, им обретенного, и определил длину оного тринадцать, вместо тридцати пяти миль. Таковые ошибки часто на море случаются.

В 6 часов вечера сделалось темно, убрали на шлюпе все лишние паруса как для предосторожности на ночь, так и для того, чтоб доставить возможность шлюпу "Мирному" нас догнать. Ход "Востока" был не более полутора узлов, я держал на SSW до полуночи.

13 июля. С шести часов взяли курс по параллели к западу, в широте $16^{\circ} 23'$ южной. Весьма редкие на небе облака не препятствовали луне и звёздам освещать горизонт во всю ночь. Шлюп "Мирный" нас догнал, и мы с рассветом могли опять идти вперед под всеми парусами.

Когда совершенно рассвело, увидели с салинга на WSW $1/2$ W низменный берег и я направил путь к оному. Вскоре открылся к югу ещё другой такой же берег; я предпочёл осмотреть наперёд сей последний, для того, что от оного мы могли идти к первому берегу, по сей причине лёг на юг. Прекрасная погода нам благоприятствовала, только ветер был тих и мы не имели такого хода, какого желали.

В 11 часов прошли в полумиле северо-западный низменный коралловый мыс, омываемый шумным буруном; весь остров был пред глазами нашими. Вся северная сторона возвышенная, покрыта мелким лесом, на прочих же частях лес местами; мы рассмотрели только три пня кокосовых деревьев без листьев, может быть сорваны бурей, или спали от старости деревьев. Бурун, с ужасным ревом разбиваясь о коралловые возвышенности, перекачивался чрез оные в лагун внутри острова. Положение оного N $1/2$ W и S $1/2$ O; длина семь, ширина две, окружность семнадцать миль.

Вскоре к удовольствию моему я увидел лодку, идущую на гребле к шлюпу "Востоку"; чтобы дать ей возможность скорее подойти, лёг в дрейф; после сего лодка, на которой было два человека, по приглашению моему, без дальних околичностей, пристала к шлюпу. Мы удивились необыкновенной смелости островитян: один из них прямо взошёл на шхифут, предложил нам к мене употребляемые ими для рыбной ловли крючки, сделанные из ракушек и улиток. Потом, вынув из-за пояса небольшой свёрток, перепутанный кокосовыми волокнами, содрал с свёртка зубами волокны и дал мне несколько мелкого жемчуга. На вопрос мой: "есть ли ещё?" он отвечал: "нью, нью", т. е. много, много, указывая рукою на берег. Когда спросил его -- "есть ли женщины?" он тотчас отправил на берег своего товарища, повидимому работника, на своей лодке, а сам остался на шлюпе. По рассказам его, мы поняли, что он начальник с острова Анюи, а на остров, при коем мы находились, приехал для промысла.

Время пришло к обеду, я посадил гостя за стол подле себя; он ел всё, но с великою осторожностью, старался в действиях своих подражать нам, но при употреблении вилки встречал немалое затруднение, боясь уколоться. Между тем лейтенант Лазарев с некоторыми из офицеров обоих шлюпов поехал на остров на двух гребных судах, но приближась к берегу, увидел, что нет возможности пристать по причине подводных кораллов и большого разбивающего буруна, почему и возвратился на шлюп. При сем случае потеряли дрек, который так зацепился за кораллы, что вынуть было невозможно.

После обеда на шханцах мы одели нашего гостя в лейб-гусарский красный мундир. Внутренняя радость видна была на лице его. Потом при троекратном "ура", я повесил ему на шею серебряную медаль, и, в изъявление дружбы, мы коснулись носами. Дабы придать более важности и цены медали, каждый из нас подходил рассматривать оную и удивлялся. После сего, вероятно, островитянин побережёт медаль, по крайней мере до встречи с первыми европейцами, а тогда он ещё более узнает все достоинства подарка нашего, ибо медаль доставит ему скорее новых знакомых, а чрез то и новые подарки.

Посланный островитянин свободно пристал к берегу на своей малой лодке, которая плоска, легка и без киля. Вскоре возвратился и привёз с собою молодую женщину, вяленых каракатиц, внутренности ракушек, также вяленые и нанизанные на волокна из коры древесной. Вероятно, сии привезённые с берега съестные припасы составляют цель их промысла и странствия по необитаемым островам. Женщину пригласили мы в кают-компанию; я подарил ей зеркальце, сережки, перстень и кусок красного сукна, которым она окутала нижнюю часть тела до колен; свою же рогожу из травы, искусно сплетённую, оставила нам, и она теперь хранится в числе редкостей в музее государственного Адмиралтейского департамента. Островитянка с особенною стыдливостью, при переодевании своего платья старалась сколь возможно скрыть части тела, которые благопристойность открывать воспрещает.

Гости наши были среднего роста, волосы имели кудрявые; у начальника на ляжках и бёдрах чёрно-синевого цвета испестрения, подобно как на лицах жителей островов маркизы Мендозы и Новой Зеландии. Нагота его была закрыта узким поясом, по обыкновению всех островитян Южного океана. Женщина невысокого роста, все части тела её были полные, волосы чёрные, кудрявые; приятное смуглое лицо украшалось чёрными пылающими глазами.

Художник Михайлов изобразил с точностью посетителей наших, начальника стоящего, женщину и мужчину сидящих; рисунок его изображает также коральный берег и растущий на оном лес.

В полдень по наблюдению определили широту острова Нигира (наши гости так называли сей остров) $16^{\circ} 42' 40''$ южную, долготу $142^{\circ} 44' 50''$ западную.

У островитян была в лагуне большая лодка, на каковых они ездят к другим островам; лодка стояла от нас за лесом, мы не могли хорошо рассмотреть; вероятно, посетившие нас островитяне имели ещё товарищей; но они не показывались. В 4 часа я подвёз гостей несколько к берегу; распротясь с нами, они нагрузили малую лодку приобретенными от нас сокровищами и возвратились на берег.

Окончив обозрение острова Нигира, я лёг на NW, к острову, который при рассвете мы увидели с салинга к WSW. Ветр дул тихий из SO четверти. Для безопасности в ночное время мы держались на одном месте, лавируя короткими галсами, а с утра прибавили парусов, но вскоре заштило. Берег к северу был виден с салинга. В 9 часов утра, хотя мы пользовались благополучными переменными тихими ветрами, но шли весьма медленно и не прежде 10 часов утра увидели с баку низменный берег. Тогда взяли курс на NW 50° , вдоль южной части острова; курс сей приблизил нас к юго-западной части.

В полдень широта места шлюпа "Восток" по наблюдению была $16^{\circ} 28' 38''$ южная, долгота $143^{\circ} 7' 26''$ западная. В сие время остров простирался от NO 68° до NW $29^{\circ} 40'$; ближайший коральный мыс находился от нас в трех милях. По всему южному берегу видна была шероховатая гряда сребристой пены, происходящей от буруна, который с рёвом разбивался о коральную стену, подобную мулле {Т. е. молу. -- Ред.}. Северную сторону можно было усмотреть чрез лагун, она казалась лесистою; напротив, на южной только местами низменный лес и кустарник, и местами бурун перебегают чрез коральную муллу. В лагуне мы видели две лодки, идущие под

парусами, и за дальностью, кроме треугольного паруса углом вниз ничего не рассмотрели. Мне кажется, что островитяне приезжают для промысла с прочих островов, и что сей остров необитаем, ибо нигде не видно признаков населения; нет и кокосовых деревьев, доставляющих прохлаждение и пищу островитянам.

Широта острова $16^{\circ} 21' 45''$ южная, долгота $143^{\circ} 5' 36''$ западная; направление WNW и OSO, длина пятнадцать с половиной, ширина пять с половиной, в окружности тридцать четыре мили. Я назвал сие наши обретение островом генерал-лейтенанта Ермолова⁹⁹.

От полудня до пяти часов ветер дул тихий из SW четверти и поезд краткого безветрия опять перешёл в NO четверть. До пяти часов я продолжал курс в параллель острова и прошёл западный лесной край оного в расстоянии трех с половиной миль. С салинга усмотрели к SW лесистый берег, о чём лейтенант Лазарев уведомил меня чрез телеграф. Окончив опись острова Ермолова, я привёл на ночь в бейдевинд на левый галс, для того, чтобы в продолжение ночи приблизиться к теперь упомянутому лесистому берегу. В вечеру усмотрели на оном разведённый огонь, а в начале десятого часа с боку увидели бурун прямо перед носом. Я приказал поворотить на правый галс и убавить парусов, чтоб дожидаться рассвета.

15 июля. В полночь теплоты на открытом воздухе было $19,2^{\circ}$, а на палубе, где спали служители, 22° ; для русских, которые родились и выросли в климате умеренном, такой жар кажется должен быть тягостен, однакож не производил никакого действия над здоровьем служителей.

В половине четвёртого часа утра я поворотил опять к берегу, а когда рассвело, восточный лесистый мыс находился от нас на ветре в восьми милях. Я желал приблизиться, но по причине переменного ветра не мог сего исполнить, и потому прошёл в расстоянии на полторы мили вдоль коральной муллы, покрытой кустарником. К востоку виден был узкий вход в лагун. Ветр несколько засвежел, мы шли вдоль лесистого берега, имеющего направление к западу. Вскоре увидели лодку, на которой два человека отвалили от берега. Я привёл в бейдевинд, положил; грот-марсель на стеньгу, но островитяне не решились приблизиться к шлюпу, а потому, не теряя времени, я наполнил паруса и продолжал курс вдоль узкого берега, поросшего лесом и кустарником. Берег сей составляет северную сторону корального острова и отделён от южного пространым лагуном; на южный берег разбивался бурун. С утра погода переменилась, находили тучи с дождём, иногда пасмурность так сгушалась, что скрывала берег, от которого мы были в расстоянии одной мили. К полудню погода сделалась лучше.

В полдень шлюп "Восток" по наблюдениям находился в широте $16^{\circ} 25' 38''$ южной, долготе $143^{\circ} 55' 57''$ западной; тогда западный мыс острова был от нас на SSW, в трех милях. На северо-западной стороне мы увидели узкий вход в лагун внутри острова.

Северо-восточная сторона в широте $16^{\circ} 36' 40''$, долготе $143^{\circ} 24' 32''$; западная оконечность в широте $16^{\circ} 27' 35''$, долготе $143^{\circ} 56'$. Направление острова WNW 1/2 W и OSO 1/2 O, длина тридцать две, широта семь, окружность семьдесят одна миля. Мы прошли мимо самой большой в лучшей части острова, но видели только двух человек, не заметили нигде разведённого огня, также ни одного кокосового дерева,

служашего для продовольствия островитян, и потому мы заключили, что сей остров, который я назвал островом князя Голенищева-Кутузова-Смоленского 100, необитаем, а два человека были, вероятно, для промысла. Мы не успели ещё отдалиться от острова, как с салинга вновь увидели два других, первый на SWtS, другой на WtS.

В три четверти третьего часа, когда шлюп был в широте $16^{\circ} 32' 35''$ южной, долготе $144^{\circ} 4' 25''$ западной, мы видели лесистый северный берег острова, находящегося от шлюпа к югу в глазомерном расстоянии на десять миль. По причине противного ветра нам не удалось приблизиться к острову, а потому и не могли определить истинной его величины; северный лесистый берег в широте $16^{\circ} 43'$, долготе $144^{\circ} 11'$. Длина той части, которую мы видели, простирается на одиннадцать миль. Сей остров я назвал островом генерала Раевского 101.

Капитан Кук во второе своё путешествие кругом света, на пути из Новой Зеландии к острову Отаити, 1773 года августа 13, видел низменный коральный остров с лагуном и назвал оный Адвентюром. Сей остров, из всех известных поныне европейцам, ближайший к острову Раевского. Капитан Кук {Cook. II "Voyage", Vol. I, стр. 142.} не упоминает о величине и направлении острова Адвентюра. Ежели оный из числа островов сего архипелага, то легко может статься, что северный берег острова Раевского один и тот же с Адвентюром, и что оба составляют один большой остров. Ежели же остров Адвентюр по пространству своему принадлежит к средним или малым островам, то остров Раевского -- новое обретение.

Ветр способствовал нам к обозрению острова, который видели мы к западу. Я взял курс в параллель берега по восточную сторону, а потом обошёл и по северную. Обе стороны покрыты небольшим лесом. С восточной два узких входа в лагун внутри острова, коего широта $16^{\circ} 28' 35''$ южная, долгота $144^{\circ} 17' 33''$ западная, направление NWtW и SOtO, длина двенадцать с половиной, ширина шесть с половиной, окружность около тридцати миль. Жителей не заметили. Сей остров назвал я островом генерала графа Остен-Сакена 102; спешил до темноты окончить обозрение и по сей причине ушёл далеко вперёд от шлюпа "Мирного".

При окончании обозрения острова графа Остен-Сакена, затемнело. Отойдя несколько от берега, для ночи мы взяли у марселей по рифу и убавили парусов. Между тем шлюп "Мирный" нас догнал, и лейтенант Лазарев прислал на ялике несколько свежей рыбы, которую он получил в подарок от приезжавших к нему на малой лодке двух островитян с острова Голенищева-Кутузова. Лейтенант Лазарев мне сказал, что у сих двух островитян ляжки были также исколоты и натёрты чёрно-синею краскою, как у Эри-Татано, посетившего нас с острова Нигиру, и что сии лодки уже вероятно видели европейцев, ибо просили бритв, указывая на бороду, и без боязни весьма охотно ели, что им подавали. Их одарили медалями и разными европейскими изделиями.

В продолжение дня мы видели кита и множество летучей рыбы. Ночь была лунная, светлая, облака изредка пробегали; мы лавировали короткими галсами, держась на одном месте.

16 июля. С рассветом опять увидели к SW низменный берег. Отдав рифы у марселей, прибавили парусов и продолжали курс на StW до девяти часов утра; тогда подошли на

одну милю от острова и легли на W, подле узкого лесистого берега, в расстоянии местами менее полумили. В 10 часов прошли западную оконечность острова; от сей оконечности берег имеет направление к югу под прямым углом. Широта сего острова, который я назвал островом адмирала Чичагова¹⁰³, $16^{\circ} 50' 05''$ южная, долгота $144^{\circ} 52' 43''$ западная, направление OtN и WtS, ширина одиннадцать, длина тридцать пять миль. В середине острова пространный лагун.

По окончании обозрения сего острова, мы шли далее на запад к другому, который был виден с салинга, когда мы находились при острове Чичагова. В 10 часов 45 минут, приблизясь к новому берегу, держали на NW 28° и, прошед северо-восточный мыс в расстоянии $1/2$ милии шли вдоль узкого корального берега.

В полдень широта места шлюпа "Востока" по наблюдениям оказалась $16^{\circ} 41' 57''$ южная, долгота $145^{\circ} 9' 53''$ западная; тогда северный берег острова был южнее шлюпа на $1' 10''$; мы шли на WtN в параллель берега. В половине второго часа западный мыс уже был у нас на траверсе.

Остров сей подобен близлежащим островам и состоит также из корального берега. Северная сторона поросла лесом, прочие же стороны образуют как будто муллу, о которую бурун с шумом разбивался; на восточной небольшой вход в пространный лагун, в середине острова. На северном берегу, в двух милях от западного мыса, было несколько кокосовых деревьев. В сем месте мы увидели двух человек, которые, вероятно так же, как и на островах Нигире и Кутузове, приехали для промысла. Широта сего острова, который я назвал островом графа Милорадовича¹⁰⁴, южная $16^{\circ} 47' 20''$, долгота западная $145^{\circ} 12' 43''$, направление WNW $1/2$ W и OSO $1/2$ O, длина пятнадцать, ширина пять с половиной, окружность тридцать девять миль.

Проходя западный мыс острова Милорадовича, мы увидели на NW берег, к которому я немедленно направил путь. В начале третьего часа, находясь от южного мыса сего берега в трех милях, я шёл разными курсами, ведущими мимо юго-восточной оконечности в полумили. Оба мыса обросли лесом и соединены низменным коральным берегом, о который с большим рёвом разбивался бурун в виде серебристой пены. Обогнув южный мыс, мы шли в параллель извилистому узкому коральному берегу, который местами оброс лесом и редким кустарником; видны были места, на коих, кроме бесплодного коралла, в известь превратившегося, мы ничего не приметили. В половине шестого часа вечера, перед темнотою, находясь у мыса почти на середине острова, увидели на берегу до сорока человек, стоящих на голом перешейке. Некоторые имели ткани или рогожи, чрез плечо накинутые, махали нам рогожею или тканью, навязанною на длинном шесте, и разными другими вещами. Подле островитян на сем узком коральном перешейке были выташены две большие лодки, одна о двух мачтах. Я крайне сожалел, что позднее время дня, крепкий ветер и большое волнение разбивавшееся о коральный берег, препятствовали послать на остров; оба шлюпа находились тогда на одну милю от оною. Ветр дул свежий, порывами от OtS, прямо на берег. Надлежало отдалиться и быть вне опасности в ночное время, и для того, когда начало смеркаться, мы несли большие паруса не по силе ветра.

17 июля. Ночь была так темна, что скорее можно было набежать на берег, нежели успеть отворотить от оною; небо покрылось густыми чёрными облаками, ветер дул крепкий с порывами и дождём. Мы держались в продолжение ночи на одном месте,

неся небольшие паруса, не отдаваясь от берега более пятнадцати миль, т. е. на то расстояние, где накануне ввечеру, при заходе солнца берега с салинга не было видно.

С рассветом опять поворотили к острову при свежем ветре, который препятствовал шлюпам достигнуть того самого места, где в последний вечер видели людей на берегу. В половине восьмого часа утра, подошед ниже среднего мыса на три мили, спустились на NtW 1/2 W в параллель берега узкого, обросшего лесом и кустарником, местами же совершенно голого; в двух милях от северного мыса мы видели несколько кокосовых деревьев. Обогнув сей мыс в половине десятого часа, легли на WSW и, прошед от северного мыса пять миль, находились против узкого входа в лагун. Вода при сем входе довольно струилась, вероятно от силы и направления прилива и отлива. Расстояние между северным и северо-западным мысом одиннадцать миль; берег местами покрыт мелким лесом и кустарником, а большая часть коральная и голая. Западный берег, кроме лесистых мысов, состоит из корального рифа; мы за дальностью не могли с точностью рассмотреть, но видели, что сребристая и возвышенная гряда буруна простирается по всей западной стороне острова, который я назвал островом графа Витгенштейна¹⁰⁵. Северный мыс в широте 16° 4' 50" южной, долготе 145° 33' 55" западной.

Северо-восточный мыс в широте 16° 9' 20", долготе 145° 44' 31".

Юго-восточный мыс в широте 16° 29' 45", долготе 145° 18'.

Южный мыс в широте 16° 33' 30", долготе 145° 23' 18".

Средина в широте 16° 20' 40", долготе 145° 33'.

Хотя на сем острове, как выше упомянуто, мы и видели людей, но мне кажется, что они были только для промысла и расположились подле вытасненных лодок.

Когда шлюп "Восток" находился от северного мыса острова графа Витгенштейна в расстоянии одной мили, тогда увидели с салинга к WNW берег, отделяющийся от сего острова проливом, шириною в девять миль. В начале одиннадцатого часа, окончив обозрение острова графа Витгенштейна, я направил курс к южной оконечности вновь усмотренного берега.

В полдень мы были в широте 16° 4' 28" южной, долготе 145° 49' 4" западной. Лесистый южный мыс находился пред нами на NW 58°, в расстоянии около трех миль, а юго-восточный, лесистый же мыс на NO, в четырех милях. Берег между сими мысами большею частью коральный, без леса.

С полудня мы шли по направлению восточной оконечности, потом по северную сторону узкого корального, местами лесистого берега; лагун внутри острова усеян небольшими лесистыми же островками и высунувшимися из воды кораллами. В три четверти пятого часа мы обогнули северный песчаный мыс, за которым увидели узкий вход в лагун. На западном мысе большие камни, издали казались домиками. Южный берег большею частью коральный, лес растёт изредка; хотя мы местами приблизились к острову на полмили, однакож не видели никаких признаков, что остров обитаем. Положение оно следующее:

Восточная оконечность в широте $16^{\circ} 00' 40''$ южной, долготе $145^{\circ} 47' 20''$ западной.
Западная оконечность в широте $15^{\circ} 53' 35''$, долготе $146^{\circ} 6' 16''$.

Средина в широте $15^{\circ} 55' 40''$, долготе $145^{\circ} 56'$.

Длина острова девятнадцать по направлению OSO и WNW, ширина шесть, окружность сорок шесть миль.

Я признаю сей остров за тот самый, который обретён капитаном Куком на пути его от острова маркизы Мендозы к островам Общества 1777 года, апреля 19, и назван с тремя другими, островами Пализера. Я их буду отличать номерами, так как они обретены один после другого. Когда капитан Кук прошёл остров первый Пализер и находился у южной оконечности оного (в широте $15^{\circ} 31'$ южной, долготе $146^{\circ} 23'$ западной), тогда видел с высоты мачты к SO берег {James Cook. Second Voyage, стр. 315.} и ежели бы луч зрения можно было продлить на двадцать четыре мили по сему направлению, конечно капитан Кук увидел бы остров, ныне нами обозренный. Находясь сегодня у северной оного оконечности, мы с салинга усмотрели на NWtW тот берег, подле которого был капитан Кук, именно первый остров Пализер, а тот берег, у коего мы были, второй Пализер; на аросмитовой карте сей остров назван остров Елисаветы, положен в той же широте, и только на $12'$ восточнее; нет сомнения, что остров второй Пализер тот же самый, что Аросмит назвал островом Елисаветы.

Находясь от западной оконечности острова второго Пализера на одну милю к западу, с салинга увидели мы к западу берег; в сие время уже смеркалось, а потому для безопасности на ночь я придержался бейдевинд под малыми парусами на StW, при свежем пассадном ветре. Небо, покрытое облаками, изредка было освещаемо лунным светом.

18 июля. После полуночи облака разошлись, луна светила и ветер был умереннее. В начале второго часа ночи бдительностью вахтенного лейтенанта Торсона в ночную трубу усмотрен бурун прямо перед носом шлюпа; мы тотчас поворотили, а с рассветом опять пошли к берегу. На пути поймали два шарка {Акулы. -- Ред.}, из которых сварили для служителей на завтрак уху; а для лучшего вкуса приправили красным перцем, или каяном. Я был очень доволен, что матрозы не имели предрассудков и ели всегда все, что для них приуготавливали, в полной доверенности, что им не дадут ничего вредного.

Когда довольно рассвело, мы увидели пред собой небольшой остров, выше всех прочих до сего времени нами усмотренных коральных островов, коих не мало осталось позади нас.

В половине девятого часа утра подошли к восточному краю острова менее нежели на полмили, и легли вдоль берега к западу по северную сторону; в половине девятого часа находились против северо-западного крутого мыса, состоящего из слоистого плитняка. За сим мысом море было совершенно тихо и у берега весьма малый бурун, так что гребные суда свободно могли пристать к кораллам, составляющим взморье острова. Я сим воспользовался, придержался к берегу на расстояние менее полумили, спустил ялик и отправил на остров лейтенанта Торсона и художника Михайлова, с ними позволено было ехать астроному Симонову, лейтенанту Лескову и штаб-лекарю Берху.

При всяком таком удобном случае я вспоминал и жалел, что натуралисты Куне и Мертенс, дав слово с нами отправиться, переменили своё намерение тогда, когда уже было поздно найти других. Они отказались для того, что будто бы им дано мало времени на приуготовление к путешествию; может быть они и правы, но я как военный, думаю, что учёному довольно привезти с собою одну свою учёную голову, книг же в Копенгагене у книгопродавцов во всех родах множество, ежели бы некоторых и недостало, в таком случае все книжные лавки в Лондоне были к их услугам, они бы ни в чём недостатка не встретили.

Лейтенант Торсон, художник Михайлов и прочие, побыв недолго на берегу, возвратились на шлюп. Они нарубили разных сучьев от растущих деревьев, которые все мягкой породы, наломали кораллов, набрали раковин и улиток, застрелили малого рода попугая, величиною с воробья, у которого перья прекрасного синего цвета, ноги и нос красные, совершенно подобные сафьяну; застрелили также малую горлицу серо-зелёного цвета, набрали несколько греской губки, обложенной мелкими кораллами.

Лейтенант Торсон по возвращении объявил, что приметил следы людей и даже места, где разводили огонь, но жителей не видал. Видели разных малых береговых птиц, малых ящериц, небольших черепах, которые уползали в воду и прятались в кораллы. В лагуне была вытщенная на берег старая лодка; вероятно, на сей остров, подобно как и на многие другие, жители больших островов приезжают для промысла.

Все мои сопутники были довольны, когда увидели остров, который выше прочих коралльных островов; полагали что мы уже вышли из архипелага, коим плавание несколько затруднительно, как утверждают и прежние мореплаватели: Рогевейн, Шутен и Лемер, командор Бирон, Валлис, Бугенвиль и Кук. Хотя остров более прочих оброс высокими деревьями, однако с салинга чрез лес виден был лагун; на берегу нашли глинистые каменя.

В полдень шлюп "Восток", по наблюдению, был в широте $16^{\circ} 10' 4''$ южной, долготе $146^{\circ} 19' 46''$ западной, от западного мыса прямо на N, в расстоянии на одну милю. Средина острова в широте $16^{\circ} 11' 18''$, долготе $146^{\circ} 15' 50''$; диаметр средины пять с половиной миль. Я назвал сие обретение наше островом вице-адмирала Грейга, под начальством которого служил на Чёрном море.

Скоро после полудня, кончив опись острова Грейга, я пошёл на NtW прямо к восточному мысу того острова, который мы ввечеру накануне с салинга усмотрели на запад. Ветр дул свежий от востока, волнения не было, и мы имели хороший ход. Берег показался с салинга в расстоянии восемнадцати миль, прямо по водорезу.

В 4 часа 17 минут пополудни мы подошли к восточному, лесом поросшему мысу сего коралльного острова; берег имел направление в NW четверть и, склоняясь дугою к W, терялся из вида. Южный берег, вдоль коего мы шли на SWtW, состоял из коралльного рифа. Некоторые кораллы возвышались из воды до шестнадцати футов и были подобны безлиственным старым дубам тёмного цвета; мы держались на расстоянии полумили и более, в параллель сего страшного для мореплавателей рифа, о который величайший бурун с рёвом разбивался. Отойдя от восточного мыса вдоль рифа восемь миль, опять увидели несколько лесистого берега. По белесоватому цвету воды в лагуне я заключаю, что оный не глубок, и в разных местах видны вершины кораллов; у NO стороны в

лагуне вода синеватого цвета, следовательно глубина немалая. Вскоре по наступившей темноте я привёл шлюп к ветру на юг и короткими галсами во всю ночь под малыми парусами держался на одном месте.

Лейтенант Лазарев шёл за нами в кильватере; на шлюпе "Востоке" несли, мало парусов, чтоб не уйти из вида от "Мирного" и не разлучиться при ненастных погодах. Теплота на шканцах в полночь была до 20° , в палубе, где спали служители -- до $21,5^{\circ}$.

19 июля. Ночью ветер дул свежий пассадный от О. В половине шестого часа утра я лёг на NNW, но когда увидели с салинга, а потом с марса на коральном рифе бурун, тогда склонил курс к западу, дабы подойти около полудня к западной оконечности острова и определить положение оного.

В 11 часов приблизились к острову, увидели перед собой лесистый мыс. Южная сторона большею частью состоит из корального рифа, северного же берега по дальности и наступившей темноте мы не видали. Капитан Кук проходил от восточной оконечности вдоль сего берега и говорит, что остров совершенно таков же, как и прочие низкие острова, только меньше совокупного берега, состоит как будто из нескольких небольших островов; идучи вдоль берега около полумили, видел пиками вооруженных островитян, их шалаши, лодки и строения, в которых они вялят рыбу; приблизясь к западной оконечности, увидели берег на NNO в шести милях {James Cook. Second Voyage, стр. 315.}. Мы также рассмотрели на западном берегу у леса несколько шалашей, около которых стояли островитяне и бегали собаки. Два островитянина сели в лодку и пригребли к шлюпу. Мы легли в дрейф, чтоб дать им возможность пристать. Они по первому приглашению взошли на шлюп; сначала были несколько робки, но когда я повесил им на шею медали, дал каждому пояс из выбойки, нож и другие вещи, они скоро ободрились и были так свободны, как будто бы уже давно с нами знакомы. Один из них, подобно вышеупомянутому Эри на острове Нигире, вынул из-за пояса свёрток с несколькими мелкими жемчужинами, отдал мне и, указывая рукою на берег, говорил: Нюй! Нюй! (много, много!); я ему дал зеркало. Оба островитянина телом и лицом смуглы, вероятно от того, что подвержены на рыбных промыслах непрерывному солнечному зною; чертами лица от европейцев не отличаются, волосы имеют кудрявые. Художник Михайлов весьма сходно нарисовал их портреты, они сами находили сие сходство и радовались, как дети., После полуденного наблюдения мы определили:

Восточной оконечности острова широту $15^{\circ} 50' 20''$ южную, долготу $146^{\circ} 25' 55''$ западную.

Западной оконечности широту $15^{\circ} 41' 20''$, долготу $146^{\circ} 48' 30''$.

Капитан Кук определил восточного угла широту $15^{\circ} 47'$, долготу $146^{\circ} 30'$.

Протяжение острова определили:

На шлюпе "Востоке" двадцать три с половиной мили, WNW и OSO.

На шлюпе "Мирном" двадцать шесть с четвертью мили, WNW и OSO.

Капитан Кук -- двадцать одна миля, WNW и OSO.

По таковому сходству в определении места, величины и положения острова, не остается никакого сомнения, что сей остров третий из числа названных островами Пализера¹⁰⁶.

Вся сия гряда коральных островов, начиная от острова графа Аракчеева до острова Крузенштерна, описана и приведена в известность российскими мореплавателями; в числе сих островов хотя находятся четыре острова Пализера и хотя они обретенны капитаном Куком, но как после описаны лейтенантом Коцебу и нами и определено их настоящее протяжение и вид, то я почитаю приличным всю гряду назвать островами Россиян.

Рассматривая поверхность обитаемого нами земного шара, мы видим повсюду, что она на твёрдой земле волнам подобна, прерываема высокими хребтами гор, глубокими оврагами, крутизнами, ложбинами и равнинами. Морское дно в таком же положении; сему служит доказательством: глубина океана, местами неизмеримая, острова, которые составляют вершины высоких гор, от самого дна идущих, нередко гряды таковых островов показывают нам направление подводного хребта гор, сокрытого от глаз наших в непроницаемой глубине; наконец, подводные мели и каменные скалы скрывающиеся под водою или с оною наравне находящиеся, также хребты подводные, подобные надводным вершинам гор. Коральные острова и мели -- также хребты гор, имеющие направление параллельно горам Кордильерским на Панамском перешейке, и главным из моря поднимающимся хребтам, которых вершины образуют острова Общества, Сандвические и даже малые острова Питкаирн, Опаро и другие, имеют одно и то же направление. Коральные острова и мели тихо воздвигнуты малыми черепокожными, в течение многих веков. Положение сих островов ясно доказывает направление и изгибы подводных хребтов, которые им служат основанием. Из числа островов коральных, мною обретенных, остров Грейга представляет часть вершины хребта, несколько вышедшего из моря и состоящего из слоистого камня, прочие же части коральные. Изображение сих коральных островов на карте ясно доказывает мое мнение; я уверен, что когда все коральные острова на картах будут положены верно, тогда пересчитают, на скольких значущих подводных хребтах они основаны.

Натуралист Форстер, бывший с капитаном Куком, говорит: "Небесполезно бы исследовать, отчего на ветре у островов Общества низкие острова составляют обширный и многочисленный архипелаг, а под ветром их так мало?". Причину сему я, полагаю, соразмерное углубление верхних частей подводных гор по восточную сторону островов Общества; что способствует существованию морских животных, производящих коралл. Самую большую возвышенность гор около сих мест составляют остров Отаити и прочие острова Общества. К западу от оных вдруг весьма великое углубление под горизонт моря, так что глубина сия или препятствует жизни упомянутых животных, или они ещё не достигли до поверхности моря.

Коральные острова, воздвигнутые малыми черепокожными животными, представляют нам огромнейшие на земном шаре здания, ум человеческий изумляющие. Совершение оных ускоряется наносимым разным сором, склизкими и другими червями, которые, наполняя промежутки, пристают к наружным краям кораллов и составляют начальный оплот. Когда края сии приближаются к поверхности моря, бурун на оные разбивающийся, превращает некоторые в коральный песок, и тем споспешествует

засыпать пустоты между коралами. Ныне сии края довольно возвысились сверх воды и образовали острова, коих берега различной высоты. Почти в каждом острове -- вход в лагун, и по большей части мы видели оный под ветром пассада. Морская трава, сор, волнами моря выброшенные, птичий кал и мёртвые птицы, всё сие согнивая, положило начало земле, удобной для произрастаний, а приносимые волнами семена, смытые дождями с высоких островов, были началом тех произрастаний, в тени коих ныне от солнечного зноя жители сих невысоких островов укрываются.

Самые полезнейшие растения для островитян кокосовые деревья, которые, утоляя жажду прохладительным, так называемым молоком {В тех местах, где водятся кокосовые деревья, в орехе находят чистую воду, несколько сладковатую, которая, как говорят, играет при наливании в стакан. Когда же морем орехи перевозят в дальнее расстояние, вода сия приобретает вид сыворотки, которую в России называют кокосовым молоком.}, в тени их под широкими длинными листьями дают убежище от жара. Сверх того, из кокосов употребляют в пищу белую внутренность их тела, толщиною в четверть дюйма, приставшую к скорлупе, которая служит вместо посуды; листьями покрывают сараи и шалаша, из коры вяжут верёвки, коими скрепляют лодки, и делают арканы, чтобы ловить людей. Самое кокосовое дерево, по мягкости своей, кажется, никуда не годится, кроме для сожжения. Примечания достойно, что на тех островах, где мы видели много кокосовых деревьев, видели также жителей.

Другого рода деревья, растущие в множестве на сих коральных островах, жители называют фаро; они ноздреваты, не так высоки, как кокосовые, имеют листья большие, продолговатые, с острыми колюшками, исходящие во все стороны из концов сучьев; островитяне покрывают ими крыши своих жилищ; в середине между листьями плод, величиною с человеческую голову, созрелый, цветом желтоват и имеет наружный вид ананаса. Островитяне, разнимая сей плод, сосут его внутренние части.

Мы видели еще другие деревья с плодами, нам неизвестные; множество кустарников, с которых падающий лист утучняет и возвышает острова. Двойные лодки, вытасенные на берега и стоящие в лагунах, доказывают, что на сих островах можно найти деревья достаточной толщины, для построения таковых лодок.

В коральном архипелаге глазам европейцев представляются острова с их произрастаниями в приятном и вместе странном виде. У воды некоторые кораллы красного цвета; несколько выше бледнее, а потом коральный песок; куски кораллов и пустые раковины, превращенные солнечным зноем в известь, совершенно белые; далее зеленеющая трава, потом кустарники и необыкновенные живописные деревья жаркого климата.

В сей части Великого океана долгота мыса Венеры определена с большой точностью астрономами Грином и Байлеем, сопутствовавшими капитану Куку в первом и втором его путешествии кругом света, а потому я избрал остров Отаити пристанищем, предпочтительнее прочим островам Общества, дабы поверить хронометры по долготе мыса Венеры, и точнее определить долготы, выведенные из последних наблюдений и долготы обретенных нами коральных островов, и положение их относительно к островам Общества. Я назначил остановиться при острове Отаити и для того, чтобы налить бочки пресною водою и освежить людей чистым береговым воздухом, свежими съестными припасами и фруктами, коих на острове Отаити такое изобилие.

Плавание я расположил так, чтобы на пути принести возможную пользу географии. 19-го мы шли от полудня до вечера на запад, при тихом пассадном ветре от OtS и при облачном небе; зыбь была небольшая от SW; остров Пализер последний скрылся позади нас в расстоянии восемнадцати миль на восток. В сие время склонение компаса найдено $6^{\circ} 48'$ восточное. В 6 часов вечера мы были от острова Пализера к западу на двадцать шесть миль, а пред сумерками зрение наше могло простираться вперед ещё на пятнадцать миль, но мы острова не видали; к ночи, убавя парусов, переменили курс к югу, имея весьма малый ход.

В продолжение ночи редкие на небе облака не препятствовали свету луны и звёзд. Теплоты на открытом воздухе было $19,8^{\circ}$; в палубе, где спали служители, $20,9^{\circ}$. В половине седьмого часа, когда совершенно рассвело, с салинга и на горизонте признаков берега не заметили. Мы находились тогда на паралели острова Матеа, который на карте Аросмита в широте $15^{\circ} 53'$ {В первом издании опечатка -- $13^{\circ} 53'$. -- Ред.} южной, долготе $147^{\circ} 28'$ западной. Я лёг на запад под всеми парусами, дабы на пути проверить географическое положение острова Матеа¹⁰⁷; не видя оного при рассвете, надеялся найти далее к западу.

Поутру лейтенант Лазарев чрез телеграф уведомил нас, что, по его мнению, берег, бывший в виду вчера и третьего дня -- тот самый, который видел лейтенант Коцебу {Лейтенант Коцебу, находясь по южную сторону острова, названного Рюриком, видел с салинга к SSW берег. См. "Путешествие лейтенанта Коцебу кругом света", ч. I.}; заключение сие весьма основательно и я с оным согласен; капитан Кук обошёл сей остров по северную сторону {Третий из Пализеровых островов, обретенный и так названный капитаном Куком.}.

Мы имели довольно хороший ход, но прежде половины десятого утра не видали острова Матеа, который был от нас на W в расстоянии двадцати миль.

В полдень шлюп "Восток" находился в широте $15^{\circ} 53' 28''$ южной, долготе $148^{\circ} 2' 24''$ западной. Средина острова была от нас на NW 82° в расстоянии десяти с половиной миль. Берег имел тогда вид клина; на север отрубом, а на юг склонялся к поверхности воды; на середине было небольшое возвышение. В час пополудни, приблизясь к восточному краю острова, мы пошли по северную сторону оного, в расстоянии местами на одну милю. Вся сия сторона состоит из крутой скалы, на вершине коей кокосовая роща и другие деревья. Находясь против северовосточного угла острова, мы увидели на берегу четырех человек. Трое махали нам ветвями, а один куском рогожи, навязанной на шесте. Погода благоприятствовала, за островом не было ни волнения, ни буруна, а потому я придержался к мысу, подняв кормовые флаги, лёг в дрейф и на спущенном ялике отправил на берег лейтенанта Игнатьева, художника Михайлова, клерка Резанова и гардемарина Адамса. Лейтенант Лазарев также отправил ялик.

Погода была теплее обыкновенной, ртуть в термометре поднялась и стояла на 21° до ночи, тогда спустилась на 1° . К общей нашей радости, мы опять увидели, после восьминедельной болезни вставшего с постели и, можно сказать, вырвавшегося из челюстей смерти сотрудника нашего капитан-лейтенанта Завадовского, в выздоровлении коего сомневались; ибо лекарства от частых перемен климата потеряли свою силу.

В 3 часа посланные на берег возвратились на шлюпы с неожиданным приобретением: привезли с собою двух мальчиков. Одному было около 17, а другому около 9 лет, ещё двое отвезены на шлюп "Мирный". Лейтенант Игнатъев сказал мне, что кроме сих четырех мальчиков, никого не видал, и что свежей воды на берегу много. Плоды хлебного дерева и кокосовые орехи, которые были у мальчиков, доказывают, что на сем острове достаточно пропитания для небольшого числа людей. Имущество привезённых к нам состояло в уде, сделанной из камня породы аспида, нескольких чашках из кокосовых орехов, которые им служили вместо посуды. Нет никакого сомнения, что сии островитяне, подобно шотландцу Александру Зелкирку, коего похождение послужило поводом к сочинению известного романа Робинзон Крузо, вымышляя разные средства, дабы отыскивать жизненные потребности, счастливо оные находили и не претерпевали большой нужды. Ежели бы провидение с сими четырьмя мальчиками, чудесным образом спасшимися, спасло несколько девочек, история народонаселения острова Матеа началась бы с сего времени. Вероятно, что и население других, ныне многолюдных островов Великого океана, подобное имеет начало.

Западная сторона острова Матеа также лесиста, пристать к оной удобнее, потому что берега не круты. Мы определили широту острова южную $15^{\circ} 52' 35''$, долготу $148^{\circ} 13' 4''$ западную; положение NWtW $1/2$ W и SOtO $1/2$ O; длина четыре с половиной, ширина две, окружность двенадцать миль. Широта места, нами определённая, сходна с широтою острова Матеа по аросмитовой карте, а долгота на $51' 40''$ западнее.

Морепоплаватель Турнбул, в продолжение путешествия своего с 1800 до 1804 гг., был у острова Матеа и говорит об оном следующее: "мы нашли, что сей остров в подданстве короля отаитского Помари и управляем чиновником, от него назначенным".

"На Матее видели двойную лодку с острова Отаити, которая 6 месяцев тому назад пришла для собирания податей. Жители доставили нам множество хлебных плодов и кокосовых орехов, променивая оные на зеркала и гвозди. Свиной мы не видали; большая часть пищи получается от моря. Сии островитяне по наружности и обычаям много походят на отаитян, однако в образованности несколько от них отстали. Прибытие наше вселило в сем народе более любопытства, нежели на коральных островах. На шее имели они вообще повязки из ракушек; у многих на плечи накинута была рогожа, которая закрывала тело до колен. Ткани их в отделке не таковы, как отаитские. Лодки в построении превосходили отаитские и украшены были резьбою".

Жителей на сем острове мы не видали, и потому я полагаю, что островитяне, которых видел Турнбул, приезжали на время для промысла с коральных островов, к юго-востоку лежащих.

Подняв ялики, мы наполнили паруса и взяли курс на StW $1/2$ W при свежем пассадном ветре от SOtO; я шёл смело во время ночи, ибо знал, что на пути до острова Отаити не мог найти островов. В полночь ртуть в термометре стояла на воздухе на 20° , а в палубе, где спали служители, поднялась до 22° .

21 июля. Поутру мы дознались кое-как с большим трудом от старшего из привезённых мальчиков, что они с острова Анны, крепким ветром от онога отбиты и принесены к острову Матеа, и что на сей же остров спаслись ещё жители с другого

острова. Сии островитяне были в непрерывных между собою сражениях; те, к коим принадлежали мальчики, все побиты и съедены неприятелями, а мальчики спрятались во внутренности острова в кустах; наконец, когда неприятели уехали, одни остались на острове.

Я приказал их остричь и вымыть, надеть на них рубахи и сделать им из полосатого тика фуфайки и брюки. Наряд сей весьма занимал их и они охотно были в платьях; но башмаки по непривычке всегда сбрасывали и ходили босиком.

Я неоднократно спрашивал у старшего мальчика, в которой стороне находится остров Анны, он всегда прежде ответа осведомлялся, где Таичь {Так все они называли Отаити.}, и когда я показывал ему, в которой стороне остров Отаити, он указывал рукою на SO четверть, против направления пассадного ветра. Когда я ему говорил, что не так показывает положение своего острова и что оный находится от нас на север {По аросмитовой карте, остров Анна находился от нас на север.}, мальчик с сим не соглашался, а настоятельно утверждал своё мнение, и всегда показывал по направлению близко на остров Цепи {Обретен и назван капитаном Куком в первое его путешествие кругом света.}.

В 9 часов утра с салинга увидели к SW вдали двумя отделениями над горизонтом синеющий остров Отаити {Таити. -- Ред.}. Большой хребет, принадлежащий к Отаити Норс (Большой Отаити) был от нас на SW 13° 30', меньший, принадлежащий к Отаити Тиарабу (Малый Отаити), -- на SW 2° 20'. Мы продолжали курс StW при тихом пассадном ветре от SOtO. Погода была прекрасная. Все нетерпеливо желали скорее достигнуть острова. Ветр несколько нас порадовал, задул с полудня посвежее, так что к 7 часам вечера мы находились только в четырёх милях от северо-восточного края острова. Хотя в сие время затемнело, однакож разведённые огни по берегу показывали места жилищ островитян, столько похваляемых капитаном Куком и спутниками его Банксом и Форстером.

Ночь была тёмная; густые чёрные облака стлались по высоким горам; у взморья на едва видном берегу сверкали огни; частые небольшие волны отличались по тёмному морю огненными грядами, местами на глубине в разных направлениях медленно исчезали слабые огненные струи пробегающих рыб. При таком разительном зрелище, мы проводили всю ночь под малыми парусами, лавируя, чтоб не удалиться от берега.

22 июля. С утра шли вдоль берега близ мыса Венеры. Мы все были наверху и любовались прекрасным видом берегов. Высокие горы покрыты лесами, глубокие ущелины, крутые скалы, ровная и широкая зеленеющая низменность у подошвы гор, покрытая кокосовыми банановыми и хлебного плода деревьями, в тени которых видны были опрятные домики жителей, желтеющее взморье, катящиеся с гор ручейки, местами суеотящиеся островитяне, плывущие на гребле и под парусами лодки с отводами, всё сие вливалось в сердце каждого из нас приятнейшие чувствования. Такие разнообразные виды благосостояния в лучшем климате побуждают к какой-то особенной доверенности к народу, населяющему сей прелестный край.

Прибывший с острова европейский ялик прервал размышления наши. В гребле сидели островитяне; о сидевшем на почётном месте мы заключили, хотя после и узнали нашу ошибку, что должен быть один из миссионеров, которые находятся на Отаити с

того времени, как приходил к сему острову капитан Вильсон в 1797 году. Дабы ялику дать возможность пристать к шлюпу, я приказал лечь в дрейф. Человек большого роста, собою плотный, лицом смуглый, у которого волосы наперед выстрижены, а сзади все завитые в один локон, как у женщин, вошёл на шлюп. На сем островитянине была коленкоровая рубашка, нижняя часть тела до самых пят завернута также коленкором. Я его пригласил в каюту; он тотчас вошел и сел. Когда я его спросил на английском языке, "что имеет мне объявить?", тогда вынул из-за пояса письмо, вручил мне и на исковерканном английском языке сказал несколько слов, которых я не понял. Письмо было в следующих словах:

Tuesday morning.

Sir!

I have sent off a Pilot to conduct you in to Matavai Bay, and shall be glad to see you safe at anchor.

I am Sir

Jours etc Pomare {*}.

{* Вторник по утру.

Государь мой!

Я послал лоцмана провести вас на Матавайский рейд и буду рад вас видеть в безопасности на якоре.

Ваш и проч. Помаре.}

Худо разумея дурное английское наречие сего отаитянина, я пригласил к себе лейтенанта Лазарева, но он также не хорошо понимал его слова, однакоже узнал, что гость наш лоцман, и что ещё другой лоцман на ялике. Я предложил лейтенанту Лазареву взять его к себе на шлюп, и объявил, что мы остановимся на якоре за мысом в Матавайской гавани.

Снявшись с дрейфа, я направил курс к мысу Венеры и мы скоро прошли мимо наружного кораллового рифа, который ограждает мыс от ярости моря, так что за сею стеною островитяне могут смело простирать плавание. Приведя шлюп в бейдевинд, я пошел узким фарватером на рейд, между теперь упомянутым коралловым рифом и мелью, которая находится от онога к западу. Глубины на сей мели только две сажени. В 10 часов утра пришед в Матавайский залив, на глубине восьми сажен, имея грунт ил с песком, я положил якорь, на самом том месте, где капитан Валлис в 1767 году июня 14 имел сражение с жителями острова, а потом в 1769 году апреля 13, капитан Кук и известный покровитель наук сир Джозеф Банкс были так дружелюбно приняты тем же самым народом. Вскоре шлюп "Мирный", обошед вокруг мели, стал на якорь подле шлюпа "Востока".

ДВУКРАТНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ В ЮЖНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ И ПЛАВАНИЕ ВОКРУГ СВЕТА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава пятая

Пребывание на острове Отаити {Таити.-- Ред.} -- Обратное плавание из Отаити к Порт-Жаксону. -- Обретение островов: Востока, великого князя Александра Николаевича, Оно, Михайлова, Симонова. -- Вторичное прибытие в Порт-Жаксон и пребывание в сем месте. -- Замечания о Новой Голландии и земле Вандимена.

1820 г. 22 июля. Повсюду островитяне собирались к берегам, садились в лодки, а некоторые уже были на пути к нам. При солнечном сиянии, в спокойном море, все предметы ясно отражались как в зеркале.

Перо моё слишком слабо, чтобы выразить удовольствие мореплавателя, когда после долговременного похода положит якорь в таком месте, которое с первого взгляда пленяет воображение. Мы были почти окружены берегом. Матавайская зеленеющая равнина, к морю кокосовая роща, апельсиновые и лимонные деревья, занимающие ближние места к берегу, огромные деревья хлебного плода, превышающие кокосовые; с правой стороны высокие горы и ущелины острова Отаити, обросшие лесом; на песчаном взморье небольшие домики; всё сие совокупно составляло прекрасный вид.

Мы не успели ещё убраться с парусами, отаитяне на одиноких и двойных лодках, нагруженных плодами, уже со всех сторон окружили оба шлюпа. Друг пред другом старались променять апельсины, лимоны, кокосовые орехи, бананы, ананасы, кур и яйца. Ласковое обхождение островитян и черты лица, изображающие доброту сердца, скоро приобрели нашу доверенность. Дабы сохранить и не расстроить взаимных приятельных сношений, учредить порядок при вымене съестных припасов и прочих вещей и удержать умеренную цену оных, я поручил надзор за меню лейтенанту Торсону, назначив ему в помощь клерка Резанова, который был на шлюпе "Востоке" в секретарской и комиссарской должности и имел, сверх того, достаточно времени заняться другим делом.

С отаитянами приехали два матроза, которые поселились на сем острове и живут своими домами. Один из них американец Виллиам остался с американского судна, служил несколько времени Российско-Американской компании, знает всех чиновников в нашей колонии и выучился говорить по-русски наречием того края, отправился на английском судне на остров Нукагиву, где в заливе Анны-Марии женился на

прекрасной молодой островитянке. Проживши там недолго, при первом удобном случае, с женою на американском судне переехал на мирный остров Отаити, где нынешний владетель Помари дружелюбно принял его, отвёл приличное место для построения дома, и Виллиам проводит золотые дни в собственном своём жилище, в 75 сажнях от взморья, на берегу Матавайской гавани. Я его взял на шлюп "Восток" переводчиком. Другой матроз был англичанин. Лейтенант Лазарев взял его также переводчиком, на шлюп "Мирный". Они объявили нам, что жители островов Общества миролюбивы, благонравны и все приняли христианскую веру.

Мы приугововошсь на случай неприязненной встречи: пушки и ружья были заряжены, фитили на местах, караул усилен, никто из жителей не имел права взойти на шлюпы без позволения, и к сему сначала были допущены только одни начальники. Потом, видя кротость и спокойствие отаитян, я позволил всем без изъятия всходить на шлюпы. Тогда в самое короткое время они уподобились муравейникам: островитяне наполняли палубы, каждый с ношей ходил взад и вперёд, иные предлагали плоды, желая скорее променять, а другие рассматривали приобретенные от нас вещи. Я приказал закупать все плоды, не отвергая самые малополезные коренья кавы, дабы каждый островитянин, возвратясь домой, был доволен своим торгом. В числе торгующих и посетивших нас мы имели удовольствие видеть и женщин.

Всё съестное, как-то: апельсины, ананасы, лимоны, отаитские яблоки, бананы садовые и лесные, кокосовые орехи, хлебный плод, коренья таро, ямс, род имбиря, арорут, кава, курицы и яйца островитяне променивали на стеклярус, бисер, коральки, маленькие зеркальца, иголки, рыбы крючки, ножи, ножницы и проч. Мы всё купленное сложили в один угол и служителям позволено было есть плоды по желанию.

В час пополудни посетил нас английский миссионер Нот, прибывший на острова Общества с капитаном Вильсоном в путешествии его в 1797 году. С того времени Генри Нот безотлучно на сих островах просвещает жителей христианскою верою. Он сказал нам, что король едет на шлюпы; для каждого из нас видеть его было любопытства достойно; все стремились к шкафуту, повторяя: "вот он едет". Двойная лодка, в которой сидел король, приближалась медленно; на высунутых горизонтально передних частях сей лодки (подобных утиным носам) был помост и на сем месте сидел Помари108. Сверх коленкоровой белой рубахи на нём был надет кусок белой ткани, в которой проходила голова сквозь нарочито сделанную прорезь, а концы висели книзу, сзади и спереди. Нижняя часть тела завёрнута была куском белого коленкора с поясницы до самых ступней. Волосы спереди острижены, а задние от темя до затылка свиты в один висячий локон. Лицо смуглое, впалые чёрные глаза с нахмуренными густыми чёрными бровями, толстые губы с чёрными усами и колоссальный рост придавали ему вид истинно королевский.

На задней части лодки под крышею, наподобие верха наших кибиток, сидела королева, десятилетняя её дочь, сестра и несколько пригожих женщин. Королева была завёрнута от груди до ступней в белую тонкую ткань, сверх которой наброшен, наподобие шали, кусок белой же ткани. Голова обстрижена и покрыта навесом из свежих кокосовых листьев, сплетённых наподобие употребляемого у нас зонтика для защиты глаз от яркого света. Приятное смуглое лицо её украшалось зоркими маленькими глазами и маленьким ртом. Она среднего роста, стан и все части тела

весьма стройны, от роду ей 25 лет, имя её Тире-Вагине. На дочери было европейское ситцевое платье, на сестре одежда такая же, как на королеве, с тою разностью, что пестрее. Свита состояла из нескольких пригожих девушек. Все прочие женщины также были в белом или жёлтом платье с красными узорами, похожими на листья, и, равно как и все островитяне, имели на голове зелёные зонтики, сплетённые из свежих листьев. Гребцы сидели на своих местах и гребли малыми вёслами {В Великом океане на всех островах веслы одинаковы.}. Расстояние от берега было не велико, лодки скоро пристали к шлюпу "Восток". Король взошёл первый, подал мне руку и подождал на шкафуте, доколе вошло всё его семейство. Я пригласил в каюту, и они сели на диваны. Король повторял несколько раз р_у_ш_е_н_ь, р_у_ш_е_н_ь (русские, русские), потом произнес имя Александра и, наконец, сказав: "Наполеон", -- засмеялся. Сим, конечно, он желал выразить, что дела Европы ему известны. Королева, сестра её и прочие девушки осматривали все, между тем пальцы их были также заняты: они ошупывали материи на диване, стульях, сукно и наши носовые платки.

Миссионер Нот, зная совершенно отаитянский язык, сделал нам одолжение, служил переводчиком в разговоре с королём. Я пригласил его отобедать с нами, извиняясь, что будет мало свежего, а всё солёное. Король охотно согласился остаться и, улыбаясь, сказал: "Я знаю, что рыбу всегда ловят при берегах, а не на глубине моря". За стол сели по приличию: первое место занял он, по правую его сторону королева, потом Нот и Лазарев, по левую сторону дочь и я. Сестра королевы не рассудила сесть за стол, а избрала себе место у борта по удобности, она нянчила маленького наследника островов Общества. Король и все его семейство ели охотно и запивали исправно вином. Как вода у нас была из Порт-Жаксона, следовательно, не совсем свежая, то король приказал одному островитянину подать кокосовой воды; островитянин, принеся кокосовых орехов, искусно отбил молотком верхи оных, и король, который пил воду, смешивая с вином, при сем беспрестанно обтирал пот, катившийся с здорового лица его. Когда пил несмешанное вино, при каждом разе, по обряду англичан, упоминал чьё-либо здоровье, наклоня голову и касаясь рюмкой о рюмку. Отобедав, спросил сигарку, курил и пил кофе. Между тем заметил, что художник Михайлов его срисовывает украдкою; чтоб он был покойнее, я подал ему мой портрет, нарисованный Михайловым. Он изъявил желание, чтобы его нарисовали с сим портретом в руке; я ему отвечал, что ежели желает быть нарисован, держа чьё-либо изображение, я дам несравненно приличнейшее, и вручил ему серебряную медаль с изображением императора Александра I, чем он был весьма доволен.

В то время, когда художник Михайлов рисовал с Помари, королева взяла грудного сына своего от сестры, кормила его грудью при всех, без малейшей застенчивости. Из сего видно, что на острове Отаити матери еще не стыдятся кормить детей грудью при зрителях и исполняют нежнейшую свою обязанность.

Я повёл короля в палубу, показал в деке пушки, канаты и прочие вещи и тогда же велел ему салютовать пятнадцатью выстрелами. Он был крайне доволен сею почестью, однако ж, при каждом выстреле, держа мою руку, прятался за меня.

После обеда посетили нас главный секретарь короля Поафай, его брат Хитота (которого считают хорошим военным начальником) и один из чиновников -- хранитель общественного кокосового масла, собираемого в пользу Библейского общества.

Каждый из сих моих гостей, когда случалось быть со мною наедине, уверял, что он истинный мой друг, и потом просил или носового платка, или рубахи, ножика, топора; прежде всего, я дал им по серебряной медали и не отказывал ни в чём, ибо имел много разных вещей, назначенных единственно для подарков и вымена съестных припасов. Вельможи сии предпочитали грок обыкновенному tenerифскому вину, вероятно, по той причине, что крепость выпиваемого ими грока зависела от их произвола.

В 5 часов подъехала другая королевская лодка, на коей привезли мне от Помари подарки, состоящие из четырёх больших свиней, множества кокосовых орехов, толчёного ядра сих орехов, завёрнутого в листья, хлебных плодов сырых и печёных, коренья таро и ямсу печёного, бананов обыкновенных и горных, отаитских яблоков и несколько сахарного тростника. Не имея почти ничего свежего, кроме неприятных с виду куриц, оставшихся от похода, которые одна у другой выщипали перья и хвосты, мы вдруг чрезвычайно разбогатели, ибо ко множеству вымененных съестных припасов присоединились полученные в подарок от короля, и даже нас затеснили и занимали много времени на убирание оных. Таковое изобилие во всём и приятное обхождение отаитян весьма понравилось нашим матрозам. Они с островитянами непрестанно брали друг друга за руки, повторяя: "юрана, юрана!", что означает приветствие.

В 6 часов вечера король отправил королеву и всех к ней принадлежавших на своей двойной лодке, а сам еще остался; все островитяне разъехались. Когда совершенно стемнело и Помари пожелал возвратиться на остров, я изготовил свой катер, назначил лейтенанта Демидова на руль, велел поставить два зажженных фальшфейера на нос катера для освещения. При прощании король меня просил, чтоб положил бутылку рому в катер, и сказал мне, что у него на острове делали ром и могут делать много, но как отаитяне употребляя крепкий напиток, беспокойны, то он вовсе запретил приготавливать ром, невзирая, что сам принадлежит к числу первых охотников до сего напитка. При отбытии катера от шлюпа, зажгли на носу оного два фальшфейера и тотчас для увеселения короля пустили 22 ракеты; некоторые были с звёздочками.

Лейтенант Демидов по возвращении сказал мне, что катер пристал за мысом Венеры прямо против дома короля, который был сим весьма доволен, просил лейтенанта Демидова несколько подождать и вскоре сам явился с подарками; отмерил ему восемь, а каждому гребцу по четыре маховых сажени отаитской материи, сделанной из коры хлебного дерева.

23 июля. Еще солнечные лучи не осветили мачт наших, а уже со всех сторон островитяне на лодках, нагруженных плодами, старались каждый наперёд пристать к шлюпу. Но как нам нужен был простор, чтобы заняться вытягиванием стоячего такелажа, -- островитяне весьма стесняли нас на шлюпе и могли мешать производству работ, -- то для избежания сего я приказал клерку Резанову взять разного рода вещей на ялик, оттянуться за корму и там производить мену. На шлюп велел впускать только одних почётных господ эри109. Сим средством отвлекли мы стечение народа за корму; там окружали ялик разные лодки, наполненные островитянами обоого пола; все старались променять свои вещи по желанию.

Мы преимущественно выменивали кур и лимоны. Сии последние я имел намерение посолить впрок для служителей и употреблять вместо противуцынготного средства в больших южных широтах.

В 8 часов утра я с лейтенантом Лазаревым поехал на берег к королю, его секретарю Поафаю и к миссионеру Ноту. Мы вошли прямо на берег у дома Нота. Дом сей построен на взморье, лицом к заливу. Застали хозяина, и он познакомил нас с своею женою. Молодая англичанка привыкла к уединенной жизни; хотя не красавица, но имеет дар сократить скучный образ жизни Нота. Оба они, выехав из Англии, не желают ныне возвратиться в своё отечество, считают себя счастливее на острове Отаити.

Миссионер Нот обязал нас, приняв на себя труд, проводить к королю. Мы пошли вдоль по песчаному взморью к мысу Венеры, где нашли художника Михайлова и астронома Симонова, окруженных множеством островитян обоого пола и различного возраста. Художник Михайлов занимался рисованием вида Матавайской гавани, а астроном Симонов -- поверкою хронометров, на самом том месте, где капитан Кук, Бенкс и Грин наблюдали, за 51 год пред сим, прохождение Венеры и с такою точностью определили долготу сего мыса. Я пригласил художника Михайлова итти с нами, надеялся, что он увидит предметы, достойные его кисти. Отсюда нам надлежало переехать речку, которая течёт с гор и, извиваясь на Матавайской равнине, впадает в море. Старуха, стоявшая по другую сторону речки, по просьбе Нота вошла в воду по колено, пригнала к нам лодку, в которой поташила нас к противоположному берегу, и в награду за труд получила две нитки бисера, чему весьма обрадовалась.

Мы вышли на берег, прямо в кокосовую рощу. Невзирая, что солнце было уже очень высоко, за густотою листьев пальмовых деревьев лучи его редко местами проникали, образуя в воздухе светлые косвенные параллельные пути свои. В тени высоких пальмовых деревьев мы подошли к королевскому дому; он обнесён вокруг дощатым забором в 2 1/2 фута вышины.

Мы перешли посредством врытых в землю с обеих сторон толстых колод, вышиною в половину забора, который необходимо нужен, чтобы оградить дом от свиней; они ходят на воле и питаются упавшими с деревьев плодами и кокосовыми орехами. Сделав несколько шагов, мы прошли сквозь дом, длиною около 7, шириною около 5 сажен. Крыша лежит на трех рядах деревянных столбов; средний ряд поставлен перпендикулярно, а два крайних, не выше шести фут, имеют наклон внутрь, покрыты матами; крыша состоит из двух наклонных плоскостей, покрыта листьями дерева, называемого фаро. В горнице по обеим сторонам стояли широкие кровати на европейский образец, и были покрыты жёлтыми одеялами.

Из дома мы опять перешли чрез забор в другую сторону, где возле малого домика, на посланных на земле матах, король с своим семейством сидел, сложив ноги, и завтракал поросячье мясо, обмакивая в морскую воду, налитую в гладко обделанных черепках кокосовых орехов. Завтракающие передавали кушанье из рук в руки, ели с большою охотою, облизывая пальцы; оставшиеся кости бросали собаке. Вместо воды пили кокосовую воду из ореха, отбив искусно верх одного топориком. В левой стороне от сего места островитянин приуготавливал кушанье из хлебного плода и кокоса; в правой возле самого дома стоял разный домашний прибор.

Король, пожав нам руки, сказал: "юраана". По приказанию его принесли для нас низенькие скамейки, ножки коих были не выше шести дюймов, каждому подали стеклянный бокал, полный свежей кокосовой воды. Сей прохладительный напиток весьма вкусен. Разговоры наши были обыкновенные: здоровы ли вы, как нравится вам Отаити и сему подобное. Между тем художник Михайлов, отошед шагов на шесть в сторону, срисовывал всю королевскую группу, сидящую за завтраком. Прочие островитяне окружали художника Михайлова, сердечно смеялись, и о каждой вновь изображаемой фигуре рассказывали королю.

Когда завтрак кончился, король вымыл руки и нас оставил с королевою. Возвратившись, взял меня за руку и повёл в малый домик, шириною в 14, длиною в 28 фут. Домик сей разгорожен поперёк на половине длины. Та половина, в которую мы вошли, служила кабинетом. К одной стене поставлена двухспальная кровать, а у другой, на сделанных полках, лежали английские книги и свёрнутая карта земного шара; под полками стоял сундук с замком и шкатулка красного дерева, подаренная английским Библейским обществом.

Я заметил, что присутствие миссионера Нота не нравилось королю, и он поспешил запереть дверь; потом показал свои часы, карту, тетрадь начальных правил геометрии, которой он учился с английской книги, и что понимал, описывал в сию тетрадь на отаитском языке. Вынул из шкатулки чернильницу с пером и лоскутом бумаги, подал мне, прося написать по-русски, чтоб подателю сей записки отпущена была бутылка рому. Я написал, чтоб посланному дать три бутылки рому и шесть tenerифского вина. В сие время вошли Нот и Лазарев. Король смутился, поспешно спрятал записку, чернила, бумагу, геометрическую тетрадь и переменял разговор.

Побыв недолго у короля мы последовали за миссионером Нотом извиристою тропинкою в тени лимонной и апельсинной роши. Сии плодоносные деревья, под открытым небом, в благообразном климате, растут, как другие деревья, без всякого от островитян попечения.

Мы видели несколько опрятных домиков, и в один растворённый зашли. В доме не было никого; посредине стояла двухспальная кровать, покрытая опрятно жёлтым одеялом; над изголовьем в крыше за жердью положено было евангелие. Небольшая скамейка на низких ножках, камень, которым растирают кокосовые орехи, и несколько очищенных черепков сих орехов составляли весь домашний прибор счастливых островитян. Съестные припасы их почти непрерывно в продолжение года готовы на деревьях, когда им нужны -- снимают; нет никакой надобности заготовлять в запас и беречь для будущего времени. Вероятно, хозяева сего дома уверены в неприкосновенности собственности каждого, совершенно покойно полагаясь на честность соседей, оставили жилище своё. Где, кроме как на острове Отаити, можно сие сделать и потом не раскаиваться?

Прошед ещё несколько далее по тропинке, между кустарниками и небольшим лесом, мы достигли к церкви; она построена наподобие королевского дома; по середине во всю длину проход между деревянных по обеим сторонам поставленных скамеек, к одной стороне сделана на четырёх столбах, вышиною в пять фут, окружённая перилами кафедра, с которой миссионер проповедует слово божие. Вообще по внутреннему устройению церковь подобна реформаторской.

Из церкви мы вышли на взморье и, пройдя к востоку с полмили, достигли к дому секретаря Паофая. Врытые в землю колоды, как выше упомянуто, и теперь способствовали нам перейти чрез низкий дощатый забор. Одна сторона дома была на взморье, во внутренности мы увидели молодую прекрасную отаитянку, жену Паофая, сидящую с подругами своими на посланных на землю матах; она кормила грудью своего ребёнка; все были одеты весьма чисто в белое отаитское платье, за ушами имели цветы. Паофая не было дома.

Миссионер Нот показал нам весьма чистую спальню, в коей стояла двухспальная кровать, покрытая жёлтым одеялом с красными узорами, столик и на оном шкатулка. Добродушная хозяйка, по просьбе Нота, отворила шкатулку и показала нам хранящуюся в оной книгу; в сию книгу все дела, заслуживающие внимания, записываются на отаитском языке весьма хорошим почерком. Миссионер Нот выхвалял дарования сего островитянина. Потомство, конечно, ему будет благодарно за таковое хорошее начало истории островов Общества, а имя его останется незабвенно в летописях острова Отаити. При прощании я подарил жене Паофая несколько пар серёжек, а подругам её каждой по одной паре. Они казались довольны нашим посещением и подарками; рассматривали серёжки, подносили их к ушам.

Время уже было за полдень, мы пошли назад тою же дорогою, несколько оную сократили тем, что островитяне на плечах перенесли нас чрез речку. В доме миссионера Нота отдохнули и освежились кокосовою водою. Вода сия, когда свежа, при усталости в знойный день кажется лучше всех существующих известных напитков

Мы встретились на мысе Венере с капитан-лейтенантом Завадовским и астрономом Симоновым; первый съезжал на берег для прогулки после сорокадневной простудной болезни, чтоб подышать береговым бальзамическим воздухом в тени пальмовых и других цветущих деревьев; у мыса Венеры мы сели в катер и отправились на шлюп "Восток".

После обеда король приехал к нам со всем семейством и приближёнными. Хотя я приказывал пускать на шлюп одних начальников, однако сего невозможно было исполнить, ибо сами начальники приводили островитян, называя их своими приятелями, просили, чтоб их пустить; таковых гостей в продолжение дня набралось много. Угощение наше было обыкновенное. Нет ни одного отаитянина или отаитянки, которые бы не выпили с большим удовольствием грок, а как весьма часто графины осушались, и при каждом таковом случае я приказывал моему денщику Мишке вновь наполнять оные, то нередко оставлял графины на довольно время пустыми, дабы не беседовать с пьяными островитянами. Желание пить преодолело их терпение. Король и некоторые чиновники сами начали кликать: "Миса! Миса!" и когда он на призыв их приходил, показывали, что графины пусты. Он брал графины поспешно, но возвращался медленно, и то с весьма слабым гроком. За таковую хитрость они его не полюбили и считали весьма скупым. Когда по просьбе их я им что дарил, и приказание о сем делал кому-нибудь иному, они радовались, а когда приказывал денщику, чтоб подал такую-то вещь, неудовольствие обнаруживалось на их лицах, и они повторяли: "Миса! Миса!". Таким образом он навлек на себя неблагоприятное положение знатных людей острова Отаити.

Сегодня я представил королю двух мальчиков, пришедших ко мне на острове Матеа110. Он их расспрашивал, смеялся и передразнивал, когда они с ужасом вспоминали, рассказывая, как были преследуемы людоедами, делали все те кривляния, которые островитяне обыкновенно делают при своих празднествах и когда едят взятого пленника. Через переводчика Вклиама мы вернее узнали причину несчастного приключения четырёх мальчиков. Они с острова Анны занесены крепким ветром к острову Матеа; их было всех 10 человек; вскоре после сего пристали лодки с острова Тай, жители коего называются вагейту. Они перебили всех прежде приехавших и, по беспрестанной между ними вражде, всех съели, кроме сих четырёх, которые спаслись в кустах во внутренности острова; а жители с острова Тай, не видя неприятелей, отправились. Усмотрев приближающиеся европейские суда, мальчики обрадовались, ибо от родственников слыхали, что европейцы обходятся ласково и людей не едят, и потому спешили к мысу, делали знаки, чтоб с судов увидели. Я предоставил им на волю остаться на шлюпе или на острове Отаити. Коль скоро они объявили желание остаться на острове, я поручил старшего покровительству Паофая, а младшего, его брату военному начальнику. Лейтенант Лазарев привезённых им двух мальчиков оставил в покровительство двух других начальников.

Мальчики нашли на острове Отаити своих земляков с острова Анны {Правильнее остров Анаа. -- Ред.} и весьма обрадовались, увидя их. Старший подвёл одного ко мне и сказал, что он с острова Анны; когда я в том усомнился, он показал на теле испестрения, которые были такие же, как у него и какие я видел на ляжках у приехавшего к нам с острова Нигири. Из сего заключаю, что лодка на острове Нигири была там для промысла с острова Анны.

К 8 часам вечера число гостей наших весьма умножилось; чтоб их несколько занять, я приказал пустить с юта 20 ракет разных родов. Король при сем явлении всегда прятался за меня. По окончании забав все разъехались довольны и, прощаясь с нами, повторяли: юрана! юрана!

Капитан-лейтенант Завадовский и прочие офицеры, бывшие сегодня на берегу, не могли довольно нахвалиться честностью и дружелюбным обхождением островитян. Каждый из них старался услужить нашим путешественникам, быть их проводником. Лейтенант Демидов оставался весь день на берегу у налития пресной воды, пристал с барказом прямо к песчаному взморью, от мыса Венеры к югу на полмили. В шестидесяти сажнях от сего места вдоль берега протекает речка; наливание производилось весьма успешно. Отаитяньские мальчики охотно входили в речку, наполняли анкерки и доставляли к берегу. Нашим матрозам оставалось только носить бочонки к гребным судам, и они едва успевали ходить взад и вперёд. Островитяне изъявляли служителям свою благоприязнь и гостеприимство, приглашали их в ближние дома, угощали кокосовыми орехами и апельсинами.

Миссионер Нот и лейтенант Лазарев приехали ко мне завтракать на шлюп "Восток" в 8 часов утра, и вскоре потом я с ними отправился на берег, чтоб осматривать место бывшего моряка {Морая жители островов Великого океана называют место и здание, где хоронят мертвых и совершают жертвоприношения.}. Оно находится от мыса Венеры к западу на 2 1/2 мили. Море было тихо, мы скоро переехали сие расстояние и пристали к берегу в гавани Тоархо, где капитан Блей стоял на якоре в 1788 году; не

дошед до морая, мы остановились у так называемой королевской церкви. Она обнесена забором в 2 1/2 фута вышиною; земля вокруг вымощена камнем. Миссионер Нот приказал отворить двери и открыть ставни; мы вошли в сие большое здание, коего длина 70 футов, а ширина 50 футов; крыша держалась на трёх рядах столбов из хлебного дерева, средний ряд стоял перпендикулярно, а боковые два, коих высота в половину средних, наклонены несколько с обеих сторон внутрь строения; верхние концы крайних столбов вырезаны наподобие вилок глубиною в 6 дюймов; в сии вырезки вложена на ребро толстая доска вдоль всего строения. На средний ряд столбов положены брусья; на среднем бруссе и досках, ребром поставленных, к крайним столбам, утверждены стропила, на ребро же поставленные, поперек оных жерди из лёгкого дерева, искусно сплетённые верёвками из волокон кокосового и хлебного дерева. Сия кровля покрыта листьями дерева фаро. Здание оканчивается к обоим концам полукругом. Вместо железа или гвоздей всё связано разноцветными верёвками весьма искусно и красиво. Бока во всю длину обиты досками, для света сделаны продолговатые окна, которые задвигаются ставнями. К северной стороне для проповедников три возвышенных места, каждое на четырёх столбах. Скамейки поставлены поперёк церкви в два ряда, а посередине проход, точно так, как в прежде описанной церкви. Внутренность украшена, по обыкновению отаитян, разноцветными тканями, которые прицеплены кое-как к жёрдочкам и стропилам, составляют необыкновенное, но приятное украшение. В построении сего большого здания видны лёгкость и крепость, нет лишнего, тяжёлого или какого-нибудь недостатка. Сие служит доказательством природного остроумия и искусства островитян.

Миссионер Нот повёл нас к тому месту, где прежде был морай, огромное и великого труда стоившее здание, которое описано капитаном Куком; мы удивились, когда нашли только груды камней; по принятии христианской веры островитяне разрушили морай.

Потом мы шли вдоль берега к западу в тени кокосовых и душистых деревьев хлебного плода; пройдя около мили, увидели на взморье в маленьком открытом шалашике на посланных чистых рогожах сидящего старика высокого роста, одетого в белое платье. Бледность лица, впалые глаза и щёки доказывали, что он с давнего времени удручён болезнью. Его окружали дети; старшей дочери было около тринадцати, а сыну около пяти лет; они подали нам, по приказанию его, низенькие скамейки, и мы сели. Миссионер Нот объявил, что мы капитаны военных шлюпов российского императора Александра, простираем плавание Южным океаном для обретения неизвестных стран. Старик спросил, не желаем ли мы после усталости укрепиться пищей, но мы с признательностью отказались. Тогда велел принести свежих кокосовых орехов. Слуга, отбив искусно верх каждого ореха нарочно для сего сделанным топориком из самого крепкого дерева, подносил каждому из нас по ореху. Прохладная кокосовая вода утолила жажду и подкрепила силы наши. При прощании я подарил дочери зеркало и несколько ниток разноцветного бисера, а сыну ножичек и зеркальце. Старик, коего имя Меноно, любил своих детей; за ласку к ним на бледном лице его изображалось чувство благодарности. Он управляет островом и первый вельможа при короле; в шалашике сидит у взморья единственно для дневного морского прохладительного ветра. В сарае у Меноно мы видели несколько небольших пушек и 24-фунтовых каронад.

На обратном пути к катеру дорогою заворотили в большой сарай, где строилась двойная лодка; нижние части её из цельного дерева, называемого а_п_о_п_е, которое вырубает на горах; верхняя часть лодок из хлебных деревьев, которые сплывают, сшивают верёвками весьма плотно и залепляют смолою. Вместо стругов для очищения деревьев употребляют кораллы; в сем же сарае было множество колод из бамбу в 2 2/2 фута длины, в 2 и 2 1/2 дюйма в диаметре, для сохранения кокосового масла, пожертвованного жителями в пользу распространения христианской веры, на издержки для печатания библии и прочего. Миссионер Нот ожидал судно из Порт-Жаксона с бочками, в которые вливают сие масло, и доставляют в Лондон. Кроме сего, приносят также в дар немало ароту111.

Возвратясь к катеру, мы отправились на шлюп "Восток". Ветр и течение были тогда прямо от шлюпов; идучи сею струею, удивлялись, великому множеству плывущих апельсиновых корок, брошенных с двух шлюпов, и утешались, что служители пользуются таким изобилием плодов.

В то время, когда мы осматривали королевскую церковь, капитан-лейтенант Завадовский зашёл к Паофаю, где застал всех домашних его, занимающихся разными рукоделаниями: одни красили ткани, другие починивали оные, подкладывая куски той же ткани, а прочие приготавливали красную краску, которую составляют из маленьких ягод, содержащих в себе желтый сок; из ягод выжимают сей сок на зелёный древесный лист и, завернув, мнут пальцами, доколе обратится в красную краску, на что потребно весьма мало времени. Ягоды сии величиною с наши вишни, цветом жёлто-красноватые.

Добродушная хозяйка показывала, каким образом они клеивают свои ткани. Клей, род крахмала, составляется из аротута, весьма много наружностью похожего на картофель, но несколько желтее. Его размачивают, а потом приготавливают клейкость, подобную крахмалу. Молодая прекрасная хозяйка потчевала капитан-лейтенанта Завадовского и художника Михайлова, по обыкновению отаитян, свежеею кокосовою водою. Каждый из них при прощании дарил её за ласковое гостеприимство.

К обеду король со всеми приближёнными приехал на шлюп "Восток". После обеда изъявил желание быть у лейтенанта Лазарева на шлюпе "Мирном". Для сего подали к борту двойную королевскую лодку. Женщины поместились в кормовой части; Помари, несколько начальников, я и два офицера заняли места на передней площадке лодки. Хотя море было совершенно гладко, как зеркало, однако лодка от большого числа дородных людей едва держалась на поверхности вод.

Лейтенант Лазарев принял гостей и отвёл их в свою каюту, где угощал любимым их напитком -- гроком. Король скоро проголодался и приказал из находящихся за кормою лодок подать печёных кореньев таро и ямсу. Лейтенант Лазарев, увидя сие, велел подать несколько жареных куриц, и все гости ели весьма охотно, невзирая, что недавно на шлюпе "Востоке" обедали.

Королева, нашед случай быть наедине с лейтенантом Лазаревым, просила дать ей бутылку рому, и когда он сказал, что послал к королю, она отвечала: "он всё выпьет один и мне ни капли не даст"; после сего приказано дать ей две бутылки рому.

Когда гости наши осматривали пушки на шлюпе "Мирном", их более всего занимали рикошетные выстрелы.

По множеству прибывших с берега посетителей, я скоро возвратился на шлюп. Всех чиновников, жён их потчевали чаем, шоколадом и вареньем; но они всему предпочитали грок. Когда кому удавалось быть со мною наедине, каждый уверял меня, что мне истинный друг, и просил подарка, невзирая, что его уже прежде дарили.

Обыкновение сие вошло со времён капитана Кука, оттого, что он, Форстер, Грин, Валлис и многие офицеры имели по необходимости каждый своих друзей, которые их оберегали и не давали в обиду другим островитянам. С того времени и поныне отаитяне, видя большую выгоду быть европейцу другом для подарков, при первой встрече говорят на английском языке слова: "You are my friend" (ты мой друг); а потом: "give me a handkerchief" (дай мне платок).

Мена продолжалась обыкновенным образом, только куриц привозили меньше и просили за них дороже; свиней же, которых на острове много, мы ни одной не могли купить оттого, что король наложил запрещение (табу) на свиней по следующей причине: на острове Эimeo миссионеры строили небольшой бриг; король рассчитывал, что он имеет долю в сем судне, потому что лес и другие пособия даны им; но когда бриг был готов, тогда ему предложили оный купить за 70 тонн свинины. На сие предложение король Помари согласился и запретил подданным своим есть и продавать свиней.

25 июля. В воскресенье солнце взошло уже высоко, но ни один островитянин к нам не приехал, мы сему крайне удивились. Переводчик Виллиам объяснил нам, что они все были в церкви.

По окончании работ на обоих шлюпах отпустили половину числа служителей на берег с тем, чтобы вымыли своё бельё, а потом гуляли сколько кому угодно.

Капитан-лейтенант Завадовский, лейтенант Лазарев, я и почти все офицеры с обоих шлюпов поехали в церковь. Сойдя на берег, мы увидели около домов только одних детей, а все взрослые островитяне отправились на молитву. Когда мы пришли, церковь уже была полна. Королева несколько подвинулась и дала мне место сесть. Все островитяне были весьма чисто одеты, в лучших праздничных белых и жёлтых нарядах, вообще все на голове имели зонтики, а у женщин, кроме того, свех уха воткнуты белые или красные цветы. Все с большим вниманием слушали христианское поучение миссионера Нота; он говорил с особым чувством. Вышед из церкви, островитяне поздоровались с нами; все разошлись по домам, а мы пошли к катеру. После обеда офицеры с обоих шлюпов ездили на берег, их принимали дружелюбно и потчевали кокосовою водою. Некоторые из островитян для воскресного дня не принимали подарков.

Такое строгое наблюдение правил веры относительно бескорыстия в народе, у коего еще не могло совершенно изгладиться из памяти дикое, необузданное самовольство, почеть можно примерным.

26 июля. Сегодня островитяне при произведении мены больше всего требовали серёжек, которых сначала отнюдь выменивать не хотели, почитая их бесполезными. А

как серьги можно иметь в карманах, то при каждом отправлении на берег я брал по несколько пар с собой, дарил ими знатных женщин, и они серьги надевали в уши. Другие островитяне, увидя сие украшение и желая равняться в нарядах с знатными, приезжали сами или присылали своих родственников, чтоб выменивать непременно серьги, так что мена сегодня была отлично выгодна, и у нас серёг, наконец, не стало, невзирая, что оных было много.

Король со всеми своими приближёнными обедал у меня; после обеда подарил мне три жемчужины несколько крупнее горошинки и просил, чтобы я показал подарки, которые намерен ему послать. Вещи сии он уже и прежде неоднократно видел, но просил, чтобы оных не отсылать, доколе не пришлёт своего поверенного, и отправить, как смеркнется, дабы никто из подданных не приметил. Вероятно, Помари опасался, что чиновники, увидя подарки, пожелают сами иметь часть оных или будут завидовать его отличному богатству в приобретенных европейских вещах. Подарки сии состояли в красном сукне, нескольких шерстяных одеялах, фламском полотне, полосатом тике, платках пёстрых, ситце разного узора, зеркалах, ножах складных, топорах, буравах и стеклянной посуде. Все сии вещи принадлежали к числу отпущенных с нами Адмиралтейством для подарков народам Великого океана. Помари более нуждался в белом коленкоре и миткале, ибо его одежда состояла единственно из сих тканей; за неимением оных, я принуждён был подарить ему некоторые из своих простынь, которым он более обрадовался, нежели прочим вещам. Все вообще подарки доставлены к нему, когда было темно.

27 июля. Король и все островитяне знали, что мы налили уже водою и совершенно готовы сняться с якоря, а потому с утра все спешили что-нибудь выменять, привозили разные изделия свои, которые выменены и доставлены нами в музей государственного Адмиралтейского департамента.

В продолжение нашего пребывания при островах Отаити мы выменяли столько апельсинов и лимонов, что насолили оных впрок по десяти бочек на каждый шлюп. Нет сомнения, что сии плоды послужат противуцынготным средством; прочих осталось еще много, хотя не было запрещения оных есть всякому, сколько угодно; кур также осталось немало.

Сегодня посетил нас король с приближёнными. Он мне вручил посылку к государю императору с сими словами: хотя в России есть много лучших вещей, но сей большой мат работы моих подданных, и для того я оный посылаю. Потом Помари дарил всех офицеров. Капитан-лейтенанту Завадовскому положил в карман две жемчужины и сверх сего подарил ему большую белую ткань; лейтенантам Торсону, Лескову и другим дарил также ткани. Каждый из них с своей стороны старался отблагодарить короля разными подарками.

По просьбе моей Помари сдержал слово своё и доставил на шлюп "Восток" шесть свиней, на шлюп "Мирный" четыре, множество плодов и корней, годных для употребления во время похода. Переводчик Виллиам, несмотря на запрещение, доставил на шлюп "Восток" четыре свиньи, за что, равно и за труды по должности переводчика, я его щедро одарил европейскими вещами и платьем, также порохом и свинцом, потому что он имел ружья. Во время последнего свидания с королём, я ему крайне угодил, надев на верного его слугу красный лейб-гусарский мундир и привеся

ему через плечо мою старую морскую саблю. Подарок сей отменно был приятен слуге, и он занимался своею новою одеждою.

Нас посетили сегодня все начальники, и каждый из них принёс мне в подарок по куску ткани. Я их отдал ситцами, стеклянною посудою, чугунами котлами, ножами, буравами и прочим. Сверх того дарил чиновников серебряными медалями, а простых островитян бронзовыми, объясняя чрез миссионера Нота, что сии медали оставляют им для памяти, и что на одной стороне изображён император Александр, от которого мы посланы, а на другой имена наших шлюпов "Востока" и "Мирного". Хотя островитяне обещались хранить медали, но уже при нас променивали оные матрозам за платки.

Приехавшие с королевой молодые девушки пели псалмы и молитвы, составляющие ныне единственное их пение; со времени принятия христианской веры островитяне считают за грех петь прежние свои песни, потому что напоминают идолопоклоннические их обряды; по собственному произволу оставили не только все песни, но и пляски.

Калейдоскопами несколько времени забавлялись в Европе, а потому, предполагая, что они забавят и удивят островитян Великого океана, я купил в Лондоне несколько калейдоскопов, но островитяне не обратили внимание своё на сии игрушки.

Я сказал королю, что сего же вечера снимусь с якоря, когда ветер задует с берега. Он меня убедительно просил остаться ещё на несколько дней, а когда увидел, что я принял твёрдое намерение отправиться, пожав мне руку, просил не забывать его; весьма неохотно расставался с нами, сошед в лодку, потупил голову и долго шептал про себя, вероятно, читал молитву, -- говорят, что он очень набожен; таким образом, в короткое время мы приятенно познакомились с сими островитянами, и, вероятно, навсегда с ними расстались. Некоторые желали со мной отправиться, но я никого не взял, исполняя желание короля, который убедительно просил, чтоб я его подданных не брал с собою.

ЗАМЕЧАНИЕ ОБ ОСТРОВЕ ОТАИТИ

Остров Отаити обретен 1606 года испанцем Квиросом, на пути из Кальяо, и назван La Sagittaria. После сего заходили к оному другие мореплаватели в разные годы и называли: английский капитан Валлис -- островом короля Георгия III; французский командор Бугенвиль -- Новою Цитерою, по причине множества пригожих женщин. Наконец, со времени пребывания капитана Кука, остров сохранил своё настоящее название -- Отаити. Два круглые острова, соединенные низменным узким перешейком, составляют остров Отаити. В середине каждого из сих двух островов горы, верхи коих часто бывают покрыты облаками. К взморью находятся места пологие, обросшие прекраснейшими пальмовыми хлебными и другими плодоносными деревьями и кустарниками.

Хлебные деревья достигают значительной высоты и толщины и употребляемы на делание верхних частей лодок, на столбы в больших строениях, на скамейки в домах,

которые обыкновенно на низких ножках из одного дерева. С коры собирают смолу для замазывания пазов на лодках, а из сырой коры вырабатывают ткани. Срубленное дерево начинает вновь расти от корня и через 4 года опять приносит плоды от 6 до 7 дюймов в окружности, несколько продолговатые. Островитяне пекут сии плоды и питаются ими большую часть года.

Кокосовое дерево также велико, в орехах вода, или молоко, составляющие прохладительный напиток; ядро островитяне едят просто сырое или толчёное; выжимают из оногo большое количество масла, а остающимися выжимками кормят кур и свиней. Выполированные ореховые черепки употребляются вместо посуды; из волокон коры вьют верёвки, которые служат к строению домов и лодок; из молодых кокосовых листьев искусно плетут зелёные зонтики, которые носят на головах вообще все островитяне обоего пола и всякого возраста.

Отаитянские яблони приносят плоды, которые имеют вид зрелых наших яблоков, вкусом весьма хороши, кроме самой середины, она крепка; цветы красные и белые, женщины украшают оными голову; из коры шелковицы островитяне приготавливают самые тонкие ткани.

Банановое дерево приносит плоды, превосходные для пищи; молодые отростки по цвету трудно отличить от крупной спаржи, а варёные вкусом лучше спаржи.

Толстое дерево, называемое отаитянами апопе, растёт на горах и употребляемо на нижние части лодок.

Деревья, называемые фаро, роду пальмовых, листьями их, по причине плотности и удобства, кроют все крыши на домах. Плод сего дерева сосут жители коральных островов; вероятно, и отаитяне употребляют в голодные годы.

Крепкое дерево айто, из коего островитяне делают пики и другие оружия, также малые топоры для очищения кокосовых орехов и четырёхугольные колотушки с рукоятками, которыми разбивают размоченные волокна коры хлебного и других дерев, для приготовления тканей.

Дерево пурау лёгкое, употребляемое в строениях на стропилы.

Бамбу, род тростника, растёт весьма высоко; коленцы длиною в два с половиной фута, толщиной в диаметре от двух с половиной до трех дюймов, служит для хранения кокосового масла.

Виноград произрастает хорошо, но в малом количестве и разводится только миссионерами. На острове Отаити много деревьев, доставляющих хлопчатую бумагу. И еще другие, которые приносят плоды, похожие на небольшие тыквы. Из листьев дерева тау, смешанных с желтоватым соком из ягод маже, составляют красную краску; в сию краску обмакивают листья или стебли разных трав, смотря по желанию, и прикладывают к разным тканям, на которых от сего остаются красные, совершенно напечатанные узоры.

Фиговые, каштановые, апельсиновые, лимонные деревья во множестве разведены европейцами и составляют также некоторую часть пищи для островитян. У

миссионеров прекрасный сад, наполнен еще многими другими хорошими деревьями и кустарниками. Из огородных овощей, по краткости времени, мы видели только ямс, таро, картофель, имбирь, колган, ананасы, арбузы, тыквы, капусту, огурцы, стручковый перец и табак.

На отмелях острова, морские черви основали местами коральные стены, между которыми и самым берегом образовались хорошие закрытые гавани.

Высокие горы притягивают влажные тучи; они, ниспадая, образуют много ручейков и рек, которые, извиваясь, орошают пологости и равнины острова Отаити.

Нагорные места острова совершенно пусты; напротив того, пологие и равнины к взморью населены.

Отаитяне роста одинакового с европейцами, мужчины телом и лицом смуглы, глаза, брови и волосы имеют чёрные; у женщин вообще лица круглые и приятные. Волосы у всех возрастов обоего пола обстрижены, под гребёнку. Хотя многие путешественники находят между жителями, населяющими Отаити, разные поколения {Т. е. разные племена. -- Ред.}, но я сего не заметил. Видимому различию между начальниками и народом причиною различный образ их жизни. Первостепенные отаитяне побольше ростом и дороднее, цвета оливкового, а простой народ краснее. Вельможи отаитянские ведут спокойную сидячую жизнь; простой народ в непрестанной деятельности, всегда без одежды, и нередко под открытым небом, на коральных стенах весь день занимается рыбною ловлею.

Отаитяне приняли нас с особенным гостеприимством; каждый из них радовался и угощал каждого из нас, когда кто заходил в дома их. Ежедневно приезжая на шлюпы, всегда были веселы, и мы никогда не заметили, чтоб между ими происходили размолвки или споры.

Число всех жителей на острове Отаити путешественники полагают разное, и разность сия так велика, что не было примера в истории, чтоб какие-нибудь болезни или политические происшествия произвели в народонаселении такое уменьшение, какое читатель увидит из следующего.

Капитан Кук в первом своём путешествии вокруг света говорит: "по вероятным известиям, собранным от Тюпия, число островитян, могущих носить оружие, на острове Отаити простирается до 6 780 человек" {"Cook' s First Voyage", в издании "Hawkesworth's collection of voyages", Vol. II, стр. 185, изд. 1773 г.}. Ежели принять, что число людей, могущих носить оружие, составляет 5/12 частей населения, по сему число жителей на острове было до 16 272 человек мужеского пола. Капитан Кук во втором своём путешествии полагает народонаселения на Отаити до 240 000, а натуралист Форстер -- до 120 000 человек. Испанец Буенево, бывший на сем острове в 1772 и 1774 годах, полагал от 15 до 16 тысяч. Мореплаватель Вильсон в 1797 году заключил, что островитян было 16 000 человек.

Предположение последних двух мореплавателей довольно сходно, но весьма различно от заключения капитана Кука и натуралиста Форстера во втором путешествии. Слишком увеличенное ими число жителей, вероятно, произошло или от незнания языка, или начальник острова, желая дать лучшее понятие о своём

ополчении, сказал капитану Куку, что собранный тогда флот отаитский, состоявший из 210 больших и 20 малых лодок принадлежит только четырём округам, а не всему острову, но сказал неправду. Капитан Кук принял показание сие за истину и, полагая остальные округи равными сим округам, заключил о числе всего народонаселения. Ныне миссионер Нот сказывал нам, что в первых числах мая месяца 1819 года были собраны все островитяне в королевской церкви, и собралось до 8 тысяч человек. Ежели к сему числу прибавить 2 000 человек старых, малолетних и хворых, которые не могли явиться, число народонаселения будет до 10 тысяч человек. Уменьшение жителей против показания Вильсона, Буенево и капитана Кука в первом его путешествии произошло, по словам Нота, от частых междоусобных военных действий, от свирепствовавших в протекших годах болезней и от жестокосердного древнего обычая матерей умершвлять детей своих, так что из семи рождённых оставляли в живых только четырёх, а из пяти -- троих, для лучшего об них попечения.

Остров Отаити и все острова Общества состоят во владении короля Помари, сына короля Оту, бывшего при капитане Куке. Помари высокого роста, имеет вид величественный. Он начал учиться читать и писать в 1807 году. В 1809 году возгоревшаяся междоусобная война принудила миссионеров удалиться с острова Отаити на острова Эimeo и Гуагейне. Король Помари переехал на Эimeo. Два года остров Отаити был от него независим; но когда Помари, по принятии в 1811 году христианской веры, получил подкрепление с острова Гуагейне {Нынешняя королева Тире Вагаие родилась на острове Гуагейне.} и Райатеа от жителей, принявших также христианскую веру, тогда с сею новою силою напал на неприятелей, хотел покорить остров, но был отражён и с потерей возвратился обратно на Эimeo. Наконец в 1815 году, когда уже число христиан на островах Общества умножилось, тогда все они под начальством Помари на многих лодках опять пошли к Отаити и вооружённых островитян высажено 1 500 человек в 5 милях к западу от залива Матавая. Отсюда Помари шёл к SW около двадцати миль навстречу неприятелю; лодки его следовали вдоль берега в параллель войску. В наступившую субботу король остановился, дабы следующего дня по обряду христианскому совершить службу. Бывшие с ним миссионеры предостерегли его, что неприятель наверно воспользуется удобным случаем, дабы напасть в то время, когда всё его войско будет на молитве, по сей причине все молились с оружием в руках; у некоторых были ружья, а другие имели пики и булавы, также праши и луки со стрелами. Король часто смотрел в ту сторону, с которой ожидал неприятелей, и только увидел их, велел миссионерам ускорить богослужение. Приближаясь к идущим на них, островитяне, сделав несколько шагов вперед, преклоня колена, просили всевышнего о даровании победы, и сие моление продолжалось доколе совершенно сблизились с неприятелем.

Король начальствовал с лодки, окружённый множеством других лодок. При первой ошибке королевское войско опрокинуто, но вскоре ободрилось, и неприятели обратились в бегство. Тогда Помари, вопреки прежних обыкновений отаитян, приказал шадить побеждённых, что весьма изумило бежавших, и, как рассказывает миссионер Нот, немалым было поводом к убеждению их принять христианскую веру, так что ныне все жители островов Общества и соседственных -- христиане. Нот считает до 15 000 человек.

В 1819 году в первых числах мая месяца, когда по повелению короля весь народ был собран в королевскую церковь, Помари после молитвы, взошед на среднюю кафедру, в краткой речи к народу объяснил о пользе законов для обеспечения каждого в его жизни и собственности и предложил следующие постановления: учредить из двенадцати знатных островитян Совет, в котором сам король должен председательствовать; составить несколько законов на первый случай: за смертоубийство наказывать смертью; за воровство виновным вымашивать камнями место около церкви и окладывать берег, чтоб водою не размывало; уличённых в прелюбодеянии приговаривать к работам на знатных островитян и проч. Наказания сии должны быть строго исполняемы. Поднятием вверх рук, народ изъявил королю своё согласие. И с того времени островитяне блаженствуют под кротким управлением малого числа законов.

Помари присоединил ещё к своим владениям остров Райвовай, или High-Island, назначенный на карте Аросмита в широте 23° 41' южной, долготе 188° 3' западной. Поводом сего присоединения были дошедшие до него слухи, что жители на Райвовае, узнав о его могуществе, пожелали быть его подданными. В ноябре месяце 1818 года Помари отправился на американском судне к сему острову; слухи оказались справедливы. Островитяне отдались в его подданство.

В то время, когда он распространял пределы своих владений, на Отаити возникло новое смятение. Один островитянин из уезда Аропая решился воспользоваться отсутствием короля и заступить его место. Панагиа (так называется возмутитель) сначала объявил войну приверженным к королю округов Паре, или Матавай, и Фаа, и, по обыкновению островитян Общества, зажёл дом свой с той стороны, которая ближе к противникам его (чем изъявляют решимость вести войну до крайности), но ещё до возвращения короля был взят под стражу. Как скоро Помари прибыл, не довольствуясь тем, что виновника возмущения имел уже в своих руках, хотел объявить войну всему округу Оропаа; однакож по уважению к предложению миссионеров, решено повесить токмо двух главных зачинщиков, что немедленно исполнено.

Остров Отаити для внутреннего управления разделён на пять частей, из коих в каждой несколько округов и столько же начальников:

- 1) часть Тепорионнуу -- 8 округов
- 2) " Теоропаа -- 2 округа
- 3) " Тетавазай -- 4 округа
- 4) " Тетавуата -- 4 округа
- 5) " Тефана -- 1 округ

Итого: 19 округов

Всех главных начальников девятнадцать; в каждом округе свой суд и расправа, согласно с вышеупомянутыми законами, предложенными народу.

Множество островитян читают и пишут хорошо; буквы приняты латинские. В Отаити из корня, называемого ти, делали ром; вероятно, по внушению миссионеров король

запретил делать сей напиток, невзирая, что сам до одного охотник. Жаль, что вместе с просвещением островитян отменены народные невинные их забавы, пляска и другие игры. Миссионеры говорят, что все празднества и пляски островитян тесно сопряжены с идолопоклонством, и потому отаитяне, будучи от сердца привержены к христианской вере, сами оставили пляски и песни, как занятия, напоминающие им прежние их заблуждения. Обыкновенное любопытство побудило меня просить короля, чтоб велел островитянам плясать; но он мне сказал, что это грешно.

Хотя шлюпы наши ежедневно наполнены были множеством посетителей, но мы никогда не имели повода сомневаться в их нерасположении или ожидать какой-нибудь шалости. Они всегда к вечеру возвращались домой, расставаясь с нами дружелюбно.

У короля и его семейства на ногах, на четверть выше ступни, узенькая насечка звёздочками, также и на руках на каждом суставе; у некоторых жителей на теле насечка, но ныне они себя сим уже не украшают.

Миссионер Нот доставил нам случай видеть некоторых отаитян, бывших на коральных островах, от Отаити к востоку лежащих. Во время нашего пребывания, ежедневно приезжали к нам на двойной лодке островитяне с одного из сих островов, называемого Анна. Отбирая сведения о названиях коральных островов от жителей с острова Анны, равно и от отаитян, мы слышали различные наименования, однакож все согласно показывали, что остров Анна от Отаити на OtN, а Матеа на середине пути от Отаити к Анне. Сие служит доказательством, что остров Анна самый тот, который обрётён капитаном Куком и назван остров Цепи 112. Жители сего острова имели точно такие же насечки на ляжках, как те островитяне, коих я встретил на коральном острове Нигире, приехавших для промысла. Они всегда в мореплавании отважны и предпринимают дальние и трудные пути морем; от отаитян отличаются только в испестрении ляжек и распушении длинных волос. Хотя я старался уверить их, что остров Анна от Отаити к северу, как на карте Аросмита назначено, но они сему смеялись и никак не хотели со мною согласиться, представляя доказательством, что дабы возвратиться домой, им надлежало итти на Майтеа, а не на Матеа {Макатеа.-- Ред.}.

В продолжение нашего пребывания при острове Отаити, термометр подымался в тени до 24,5°, а ночью стоял на 18 и 17,5°.

Широта мыса Венеры лейтенантом Лазаревым определена 17° 29' 19" южная, а мы определили 17° 29' 20"; долгота 149° 27' 20" западная. Сие определение почитается вернейшим. Мы поверили по оному свои хронометры; оказавшуюся неверность в ходе их, в 53-дневное плавание наше из залива королевы Шарлотты к мысу Венеры, разделили по содержанию арифметической прогрессии, полагая, что ход хронометров изменялся не вдруг, а постепенно. Таким образом все долготы, упоминаемые в описании путешествия и означенные на картах, поправлены.

В бытность нашу на острове Отаити ветры дули умеренные днём ОНО, а ночью весьма тихие с берега.

27 июля. В 6 часов вечера 27-го мы снялись с якоря при лёгком ветре с берега. Прошед коральную мель, придержались к северу, чтобы скорее отделиться от острова.

Некоторые из островитян следовали за шлюпами и просили, чтоб мы их взяли с собою, но как я дал слово Помари никого из его подданных не увозить, то и отказал их просьбе.

Отошед несколько от берега, мы встретили в 9 часов вечера пассадный ветер от ОНО. Шлюп "Мирный", не вышед за предел берегового ветра, имел мало хода; я убавил парусов, чтоб не уйти далеко. За темнотою ночи берег скоро скрылся из глаз наших, только ряд огней на низких местах показывал нам положение острова Отаити.

28 июля. С утра безмолвная тишина царствовала повсюду, один лишь шум небольших волн, пенящихся от разрезающего шлюпа, прерывал сию тишину. Мы тогда чувствовали какую-то пустоту, ибо привыкли к шуму, крику и толкотне от тесноты между островитянами, коими каждый день, с самого утра до ночи, суда наши были наполнены; кроме того, они во множестве сидели на лодках окружавших шлюпы; обыкновенно предлагали свои вещи на обмен друг пред другом, с криком производя шум, неприятный для слуха.

При рассвете мы увидели позади себя низменный остров Тетура на SW 50°. Ежели принять широту одного 17° 2' 30" верною, долгота выходит 149° 31' 12" западная.

Я весьма был рад, что мы опять имели возможность вычистить шлюпы, а стоя на якорю, по беспрестанной тесноте от посетителей, сего сделать не могли. Убрали вымененные съестные припасы, как-то: арбузы, тыквы, бананы, хлебные фрукты и таро; развесили за кормою и над русленями апельсины, которые ежедневно раздавали служителям, и в мешках хранили на русленях, а некоторые подвешивали в сетках под марсы и к штагам. Кокосовые орехи также хранили развешенными по борту и на марсах и раздавали ежедневно, а лимоны обмывали в пресной воде и укладывали в бочки, прибавляя в каждую несколько свежих стручков красного перца, потом наполняли рассолом, который обыкновенно употребляют при солении огурцов. Часть апельсинов и лимонов обратили в сок. Как солёные лимоны, так и сок, я приказал беречь до прибытия в южные широты. Вымененные разные отаитские ткани просушивали; пики и другие оружия, ракушки и крючки из раковин, кораллы и все собранные редкости уложены по местам. Наконец, вымыв шлюпы, просушили и очистили воздух, разведя огонь в печках, и, к удовольствию нашему, увидели шлюпы опять в прежней чистоте.

Хотя пребывание наше у острова Отаити было кратковременно, однако по многим обстоятельствам нам послужило в пользу. Главною причиною, побудившею меня зайти к сему острову, было немалое число обретенных нами коралльных островов; долготы их, которые мы определили, надлежало поверить по долготе мыса Венеры и сим утвердить всё географическое положение сего для мореплавателей опасного архипелага.

На острове Отаити, к удовольствию моему, здоровье моего помощника капитан-лейтенанта Завадовского, после долговременной болезни, восстановилось. Признаки цынги исчезли на заражённых сею болезнью пред прибытием нашим в Порт-Жаксон, где они не совершенно излечились. На острове Отаити мы вскоре увидели удивительное действие климата: синих пятен на ногах в три дня как будто не бывало. Сему более всего способствовала трехдневная свободная прогулка в тени прекрасных

плодоносных деревьев, между народом кротким, приветливым, гостеприимным и услужливым, свежая пища из куриц, зрелые апельсины и целительная кокосовая вода; сверх того бывшим в цынге я велел непременно тереть ноги свежими лимонами. Все вообще служители были приметно веселее и здоровее.

29 июля. Я продолжал курс к северу, склоняясь несколько к востоку, и придерживаясь пассадному ветру от ОтС; мы не прежде следующего утра с салинга увидели остров, который признали за Матеа {Макатеа. -- Ред.}, усмотренный нами на пути к острову Отаити.

В 8 часов с шлюпа "Мирного" потребована была шлюпка для принятия свежей свинины; я уговорился с лейтенантом Лазаревым, чтобы свиней кололи не в один день на обоих шлюпах, а по очереди, и делить мясо, дабы в знойное время не портилось. Некоторые из свиней весом были до 180 фунтов, и жир их не имел приторного вкуса, вероятно от корма.

В полдень мы находились в широте $15^{\circ} 39' 03''$ южной, долготе $148^{\circ} 38' 10''$ западной; продолжали курс по тому же направлению. Сим путём я надеялся достигнуть острова Денса {Правильнее -- Динса. -- Ред.} (назначенного на рукописной карте капитан-лейтенанта Коцебу), потом итти к западу вдоль южного берега сего острова и проливом между оными и островом Крузенштерна, обретенным {Обретенным -- открытым. -- Ред.} капитан-лейтенантом Коцебу 26 апреля 1816 года, во время путешествия на бриге "Рюрике", принадлежащем государственному канцлеру графу Румянцеву. В вечеру с салинга закричали, что виден берег на NNO. После сего скоро затемнело, и для того в 7 часов мы поворотили от берега на другой галс.

30 июля. В 2 часа пополудни опять поворотили в NO четверть. В 6 часов, когда довольно рассвело, увидели берег, накануне усмотренный, а скоро после того к востоку -- и другой, низменный, лесистый берег. Прошли между сими берегами безопасным проливом шириною в 14 миль. В 10 часов 40 минут утра, находясь восточнее восточной оконечности первого острова, в расстоянии на две третьих мили, я лёг в параллель берега, по направлениям оного переменял курс. В полдень мы были в широте $14^{\circ} 55' 27''$ южной, долготе $148^{\circ} 03' 09''$ западной. Северный мыс острова находился тогда от шлюпа прямо на запад в четырёх с половиной милях. Плавание продолжали вдоль изгиба берега в полмиле от оного, до трех часов пополудни. Мы соединили обозрение западного берега с обозрением восточного. Обойдя вокруг острова в самом близком расстоянии, я имел случай хорошо рассмотреть, что берег непрерывный, узкий, коральный; местами растёт лес. К юго-западной стороне узкий вход в лагун, составляющий средину острова. В сем лагуне несколько островков, поросших лесом. Окружность острова 44 мили. Самая большая длина 16, по направлению NO; ширина 10 миль. Широта средины острова найдена $15^{\circ} 00' 20''$ южная, долгота $148^{\circ} 08'$ западная 113.

По карте капитан-лейтенанта Коцебу, данной от Адмиралтейского департамента, должно бы нам увидеть южный берег острова Денса восточнее западной оконечности вышеописанного острова на 18 миль, но оказалось противное; я прошёл проливом шириною в 14 миль, из чего и заключаю: что сей пролив между островами Крузенштерна и Денса. И так остров, который мы вчера видели, и сегодня обошли, я признал за остров Крузенштерна, потому что он назначен в широте $15^{\circ} 00'$, сходно с

определением нашим, и пролив, которым мы прошли, столько же широк, как назначенный на карте между островами Крузенштерна и Денса.

Капитан-лейтенант Коцебу, описывая первый из сих островов, говорит: "Вскоре достигли мы близлежащей земли, состоявшей также из куппы [группа] небольших, рифами между собою соединённых, коралловых островов, коих протяжение в самой большой длине куппы от NNO к SSW составляло 13 миль. Острова сии образовали сомкнутый круг, который легко можно узнать по находящемуся внутри одного озера, в середине коего есть остров, покрытый густым лесом". В сем описании острова, разность против сделанного нами описания, вероятно, происходит от того, что Коцебу далее нас держался от берега, как на карте видно, и бриг "Рюрик", с которого Коцебу и его спутники смотрели, ниже шлюпа "Востока".

Я полагаю, что Коцебу вернее мог определить восточную оконечность острова Крузенштерна, ибо находился ближе к оной в полдень, когда производил наблюдения; долгота сей оконечности, им назначенная, на 32' 55" западнее нами определённой.

И так, ежели Коцебу, определяя ход хронометра в заливе Концепцион, нашёл на пути из сего залива некоторые острова и, в 48 дней достигнув острова Крузенштерна, поверил хронометры и увидел, что долгота сего острова западнее истинной на 32', то и все долготы, определённые на пути Коцебу, по близости острова Крузенштерна, западнее истинного на 32'. Из сих островов исключая я острова Румянцева и Спиридова, или Оура, ибо положение их поверено Коцебу марта 9, 1824 года в плавание его на шлюпе "Предприятии". Положение других островов, которые он видел до прибытия к острову Крузенштерна, невозможно принять за верное, ибо в описании путешествия на бриге "Рюрике" Коцебу говорит, что сомневается в верности хронометра и что течением был увлечён на 30 миль к западу, и потому исправленные долготы островов, им обретенных и усмотренных в первое его путешествие, будут следующие.

Острова Рюрика, или 1-го Пализера, северо-восточной оконечности широта 15° 11' 45" южная, долгота 146° 00' 15" западная; юго-западной оконечности широта 15° 30' 00", долгота 146° 14' западная; северо-западной оконечности широта 15° 20' 00", долгота 146° 18' 40" западная.

Острова Мух114 (Vlieghen) так названы Лемером и Шутеном, а на аросмитовой карте островами Оанна и Денс. Сие последнее наименование дано в 1803 году капитаном судна "Маргариты", которому Коцебу придерживался в своём путешествии. Командор Бирон называет сей остров островом принца Валлийского, а я оный признаю за 4-й Пализер, обретенный капитаном Куком. Восточная оконечность в широте 15° 16' 30" южной, долготе 146° 38' западной; юго-западная оконечность в широте 15° 23' 00", долготе 146° 49', западная оконечность в широте 15° 00' 00", долготе 147° 50' западной.

По таковом исправлении долготы островов, которые видел Коцебу, оказывается, что остров Рюрик -- тот самый, который обретен капитаном Куком на пути от островов Маркиз [Маркизских островов] к острову Отаити во время второго путешествия вокруг земного шара. Капитан Кук увидел только часть берега, обращенную к SO, и определяет одного длину 15 миль; широта южная, им найденная, 15° 26' сходна с

широтою сих частей острова Рюрика, долгота по капитану Куку $146^{\circ} 20'$ западная; острова Рюрика SO части долгота $146^{\circ} 8'$. По всем сим сходствам я заключаю, что остров, названный Коцебу по имени начальствуемого им брига Рюриком, тот самый, который капитан Кук видел 1774 года апреля 19 поутру и назвал в числе прочих Пализером; я почитаю сей остров обретением капитана Кука и буду называть оный 1-й Пализер, потому что из четырёх Пализеров усмотрен был прежде других.

Капитан Кук, находясь у южной оконечности 1-го Пализера, видел, берег к SSO на ветре. Я признаю сей берег за остров, который я обозревал и сохранил оному название 2-й Пализер. Сей же самый остров на вышеупомянутой карте Аросмита назван Елисавета.

От южной оконечности 1-го Пализера, капитан Кук направил путь к 3-му Пализеру. Остров сей самый тот, который Коцебу с салинга видел на SWtS от южной оконечности, названного им островом Рюрика и признанного мною за 1-й Пализер. Я обозрел сей остров с южной стороны, а капитан Кук, обходя вдоль северную сторону и быв уже близ западной оконечности, усмотрел к северу берег 4-го Пализера. Взглянув на карту, принадлежащую к второму путешествию капитана Кука, можно видеть, что им обретён 4-й Пализер, который ныне именами богаче всех прочих островов: Лемером и Шутеном назван остров Мух, капитаном судна "Маргариты" остров Денс, командором Бироном остров принца Валлийского, а как долгота, определённая капитаном Куком, вернее, то я сохраняю название 4-го Пализера в память знаменитого мореплавателя, которым сей остров обретён; известно, что обретения прочих, часто по догадкам в кабинетах совершаются.

Лейтенант Коцебу, в 1816 году 23 апреля, в 11 часов утра, усмотрел с салинга вдруг два острова, первый назвал Рюриком, а влеве находящийся принял за Пализер. Остров Рюрик признал я за Пализер, а как тот остров, который Коцебу принял за Пализер, не точно Пализер, но вновь им обретенный, то, дабы сохранить память обретения Коцебу, я называю остров, влеве им усмотренный, остров Рюрика.

В путешествии своём Коцебу говорит: "острова, которые ясно видны были в левой стороне" (вероятно, был только один остров); далее -- "исчисленная мною долгота Пализеровых островов разствовала от куковой только 3-мя минутами" (не сказано к западу или востоку), "а в широте не нашлось ни малейшей разности". Вероятно, Коцебу сравнил долготу и широту, Куком определённую, острова первого Пализера, а не всех, и от сего заключил, что остров Рюрик к востоку от первого Пализера, в широте $15^{\circ} 26'$ южной, долготе $145^{\circ} 32'$ западной.

На карте Аросмита назначены ещё два острова Holts и Philip, которых направление и величина не видны, а долготы и широты несходны с положением коральных островов; быть может, что сии острова те же самые, но по теперь упомянутым причинам я их наименования не принял.

Окончив описание острова Крузенштерна, я лёг к западу, дабы до темноты пройти большее пространство и рассмотреть, нет ли ещё островов по сему направлению; чрез час с салинга сказали, что виден берег на NWtW, я взял курс несколько севернее сего острова; в 6 часов вечера, приближась к NO оконечности, пошёл по северную сторону прямо к западу в параллель берега. В половине 7-го часа, когда уже было темно, мы

кончили обозрение острова. Тогда я переменял курс к северу и, отойдя несколько, убавил парусов.

На сем острове, как и на всех прежде нами усмотренных коралловых островах, внутри лагун. Берега с северной стороны выше, нежели на других островах; весь остров покрыт лесом и казался выдавшимся из моря хребтом горы; на таковых вершинах лежит коралловый архипелаг, как я уже упоминал. Сей остров отделяем от острова Крузенштерна к западу проливом, шириною в двадцать две мили, в широте $14^{\circ} 56' 20''$ южной, долготе $148^{\circ} 38' 30''$ западной. Положение имеет WtN и OtS, длина пять с половиной, ширина две мили. Жителей мы не приметили. Я назвал сие обретение наше по имени капитана шлюпа "Мирного" -- островом Лазарева 115 и причислил к островам Россиян.

От острова Лазарева мы продолжали путь к северу, восточнее пути капитана Ванкувера, при свежем пассадном ветре от OtN и OtS; иногда встречали нас порывы с дождём. Ночи были тёмные, звёзды блистали, изредка пробегали облака одни за другими, зыбь была большая от NO; всё подтверждало, что по сему направлению нет близко берега. Для безопасности в ночное время, я приводил к ветру и держался под малыми парусами.

1 августа. Сим путём мы шли до рассвета 1-го августа, тогда в широте $12^{\circ} 59' 5''$ южной, долготе $148^{\circ} 59'$ западной, не видя с салинга по горизонту, мглою покрытому, признака берега, я переменял курс на NWtN 1/2 W; ветер был довольно свеж, мы имели ходу по восьми миль в час. До полудня видели несколько летучих рыб, одного баклана и одного фаэтона.

В 5 часов пополудни, находясь в широте $11^{\circ} 53'$ южной, долготе $149^{\circ} 51'$ западной, склонение компаса определили $6^{\circ} 49'$ восточное. В 8 часов вечера, закрепив все паруса, привели к ветру, имея одни марсели, у коих взято было по одному рифу. Таковая предосторожность необходима в сих опасных местах, где можно легко в темноте набежать на низменный и ещё неизвестный коралловый остров; курс наш вёл по месту, где никто из известных мореплавателей не простирает пути.

2 августа. С рассветом мы опять взяли курс на NWtW 1/2 W; я имел намерение, достигнув 10° южной широты, пойти к западу по сей параллели, чтоб решить, существуют ли усмотренные Рогевейном острова Гронинген и Тиенговен, которые Флерье поместил на своей карте в широте южной 10° , долготе 159° и 162° от Парижа, или $156^{\circ} 4'$ и $159^{\circ} 40'$ от Гринвича.

Пассадный ветер дул свежо от O и гнал облака одно за другим, однако так, что они не препятствовали нам делать наблюдения; по всему горизонту была густая мрачность. Большая зыбь шла от ONO.

В 9 часов утра я переменял курс несколько ближе к параллели, дабы подойти к пути Ванкувера, но недолго держаться тем же направлением. В полдень широта нашего места была $10^{\circ} 53' 46''$ южная, долготы $150^{\circ} 46' 25''$ западная. В 2 часа опять переменял курс и пошёл прямо по параллели на запад.

Сегодня вечер был лунный, и мы не ранее 9-ти часов привели в бейдевинд к северу и убавили парусов.

3 августа. С рассветом, осмотря горизонт, по которому была густая мрачность, продолжали курс на NWtN 1/2 W. С утра показывались бакланы и фрегаты, час от часу в большем числе. Нас занимал плавный полёт фрегатов, их пролетало множество и они, держась вымпела, осматривали наш шлюп. Большие крылья их казались совершенно недействующими; на груди имели коричневые пятна наподобие сердца. В 9 часов утра я переменял курс к западу, считая себя близ 10° южной широты и полагая, что мы недалеко от берега, но в которой стороне найти оный оставалось ещё под сомнением, доколе с салинга закричали: впереди, кажется, виден берег. В самом деле лейтенанты Торсон и Лесков, рассматривая с салинга в зрительные трубы, удостоверились в истине сказанного.

Ещё до полудня мы обошли остров в самом близком расстоянии; он оброс небольшим густым лесом; белые берега его казались коральными, нечувствительно возвышались до самого леса. Самая большая его длина на NWtN несколько побольше полумили, а ширина несколько менее полумили. Я назвал сей остров по имени шлюпа остров Восток.

После наблюдения в полдень, мы определили широту острова Востока 10° 5' 50" южную, долготу 152° 16' 50" западную. Над островом непрерывно вилось бесчисленное множество фрегатов, бакланов, морских ласточек и ещё особенного рода, неизвестных мне, чёрных морских птиц, величиною не более голубя. Как остров не был ещё известен, то, вероятно, человеческая нога не прикасалась к сему берегу, и ничто не препятствовало птицам здесь гнездиться. По большому буруну около берега, я не посылаю набрать птичьих яиц и редкостей. Природа, общая всем мать, бдительно печётся о всех творениях, доставляет сим птицам безопасное место, где они размножаются спокойно, и сей остров предназначен, кажется, в особенный удел морским птицам.

По окончании обозрения острова Востока, мы продолжали путь к западу; до самой ночи встречали птиц, которые по мере удаления нашего от острова, показывались реже. Луна сопутствовала нашему плаванью до 8-ми часов вечера, в сие время мы привели к ветру.

4 и 5 августа. Ночью держались на одном месте, а с утра вновь наполнили паруса. Простирая плавание только днём мы не прежде 5-ти часов пополудни следующего дня прошли чрез остров Тиенговен, помещенный на карте Аросмита в широте 10° 13' 16" южной, долготе 156° 56" западной по предположению Флерье; никаких признаков берега не заметили, а только изредка встречали фаэтонов и фрегатов, невзирая, что шлюп "Мирный" всегда держался от нас на четыре и шесть миль в сторону; таким образом мы вместе обозревали широкую полосу горизонта, но ничего не видели. На случай дальних между шлюпов расстояний, мы учредили между собою сигналы верхними парусами: закреплённый фор-брамсель означал -- виден берег влеве; закреплённый грот-брамсель -- виден берег вправо.

В продолжение всего дня ветер дул свежий; нередко по обеим сторонам от нас пробегали тучи с ветром и дождём; по горизонту было мрачно.

Сегодня кончили конопачение палубы, где жили служители. Сею работою и многими другими я занимал людей под парусами, дабы по прибытии в Порт-Жаксон иметь меньше дела.

В 7 часов вечера ветер засвежел, мы взяли по два рифа и продолжали путь при лунном свете до 10-ти часов, тогда привели к ветру на правый галс.

6 августа. В 2 часа ночи поворотили по ветру, дабы к рассвету притти к тому месту, до которого в прошедший вечер с салинга можно было видеть. При таковых мерах мы никогда не могли проглядеть берега, ежели бы оный в близости находился.

По рассвете с салинга на горизонте ничего не приметили, и потому я вновь направил путь к западу при пассадном постоянном сзежем ветре и большой зыби от NO. К северу не было больших островов, ибо зыбь по сему направлению не преставаала в продолжение всего нашего плавания.

Я уже упоминал, что намерен был в тёплом климате заняться уменьшением всех реев; дело сие приведено к окончанию, и все стропы на блоки сделаны вновь, ибо настоящие были слишком просторны. Парусов один комплект к прибытию в Порт-Жаксон также был готов.

В полдень мы находились в широте $10^{\circ} 8' 23''$ южной, долготе $158^{\circ} 18' 35''$ западной. Склонение компаса было $7^{\circ} 54'$ восточное. По полудни ветер стих, мы продолжали тот же путь до 2-го часа ночи, при свете луны.

7 августа. Тогда привели к северу, а с рассветом вновь пошли по параллели. До полудня ничего не заметили, кроме множества летучих рыб.

В полдень были в широте $10^{\circ} 5' 9''$ южной, долготе $160^{\circ} 39' 19''$ западной. Склонение компаса найдено $8^{\circ} 26'$ восточное. Погода была прекрасная, день ясный; шлюп "Мирный" держал тогда южнее нас на 4 мили. Не найдя островов Тиенговен и Гронинген, я уже потерял надежду видеть берег, тем более, что по сей самой параллели шёл некогда Мендана и также ничего не видал; но с нами не так случилось. В два с половиной часа пополудни на шлюпе "Мирном" закрепили фор-брамсель, и мы услышали пушечный выстрел, что по условию нашему означало: виден берег влеве; тогда и от нас с салинга усмотрели берег несколько левее нашего пути. Я лёг на SWtW $1/2$ W к южной оконечности видимого острова. Приближаясь к оному, заметили, что принадлежит к коральным островам, густо покрыт кокосовыми деревьями и в середине лагун. На наветренной стороне и в некоторых местах прерывается и образует небольшие острова и пенящуюся серебристую стену от буруна, разбивающегося о коральную мель. Подходя к южной оконечности, мы увидели на взморье множество островитян совершенно нагих (кроме обыкновенных повязок, коими все островитяне Великого океана прикрывают средние части тела). Островитяне были вооружены пиками и палицами. Когда мы проходили мимо острова, они бежали по берегу вслед за нами, держась наравне против шлюпа. Обошед южный мыс на SW стороне, мы усмотрели в тени густой кокосовой роши селение и несколько лодок, вытасненных на берег, покрытых тщательно листьями, дабы не драло их от солнечного зноя; видели также множество мужчин и женщин, вооружённых пиками. Женщины были обвёрнуты

тканями или матами, от поясницы до колен. От мыса к SO продолжался риф, как видно было по буруну. Мы подняли кормовые флаги.

Вскоре имели удовольствие увидеть идущие к нам лодки; тогда под защитою острова мы легли в дрейф. Лотом на 90 сажнях не достали дна; как по сей причине, так равно и потому, что приближалось время, в которое надлежало возвратиться в Порт-Жаксон для приуготовления шлюпов к плаванию вновь в южных больших широтах, я имел намерение не останавливаться на якорь, а только держаться под парусами для того, чтобы иметь сношение с островитянами; между тем они спешили к нам, но не подошли ближе полукабельтова от шлюпа.

Лодки их были разной величины, с отводами на одну сторону и лучше всех до сего времени нам известных; весьма остры, нос и корма отделаны чисто и притом так, что воды черпнуть не могут; украшены правильно врезанными жемчужными раковинами, что придавало им хороший вид; на каждой лодке было от шести до десяти островитян; они похожи на отаитян, волосы у них распушенные, длинные, изгибисто висели по плечам и спине, а у некоторых головы были убраны, как у перуанцев, красными лентами из морского пороста или листьев; на шее и в ушах искусно выделанные жемчужные раковины, сверх сего на шее надето для защиты лица во время сражения забрало, сплетённое из волокон кокосовой коры круглыми обручиками, наподобие хлыстика, толщиной в шестую долю дюйма, в двадцать один ряд, сзади одна треть связана в четырёх местах тонкими плетёнками. Когда сие забрало на шее, оно сжато вместе, а когда приподнято на лице, передняя часть расширяется и покрывает всё лицо; спереди некоторые части украшены искусно выделанными из раковин и черепах четырёхугольничками; забрало упруго и тем более зашишает от ударов; закрываемая часть тела обвязана тканью, или лучше сказать плетёнкою, наподобие той, из которой делают в Европе соломенные шляпы; плетёнка шириною в шесть дюймов и столько длинна, что обходит вокруг всего тела и между ногами; некоторые из островитян употребляли для сего зелёные кокосовые ветви, и у иных они надеты на шее. В лодках были пики, булавы и множество кусков кораллов, составляющих приморский их берег. Они все кричали громко, звали нас к себе, а мы разными подарками приманивали их на шлюпы, бросали подарки в воду, но островитяне ничего не брали и не приближались к нам, невзирая, что в руках имели мирные кокосовые ветви.

Видя их непреклонность, я послал лейтенанта Торсона на вооружённом ялике к лодкам с подарками; островитяне по наступающей темноте поспешили к берегу. Лейтенант Торсон следовал за ними, но как их лодки далеко были впереди, то я ему дал знать пушечным выстрелом, чтобы возвратился на шлюп.

Сего же вечера по приглашению моему приехал ко мне лейтенант Лазарев и сказывал, что был счастливее меня, островитяне приблизились к шлюпу "Мирному" под самую корму и держались за спущенные верёвки; лейтенант Лазарев успел сделать им несколько подарков и раздать медали.

8 августа. Ночью мы держались под малыми парусами; к 8 часам утра выехали островитяне, сегодня хотя с большим трудом, но мы успели приманить их, чтоб они приближались и схватились за верёвки, спущенные за корму. Тогда им произносили на отаитянском языке слова таио (друг), юрана (приветствие при встрече друг с другом). Казалось, что некоторые из них понимали сии слова. Я их дарил медалями

серебряными и бронзовыми, на проволоке, чтобы вместо украшения носили на шее, не так скоро оные потеряли и, может быть, сберегли на долгое время.

При получении топоров и прочих железных вещей, островитяне не изъявили такой радости, как жители Новой Зеландии, острова Опаро и графа Аракчеева. Когда же я приказал плотнику перерубить топором кусок дерева, тогда они узнали цену сего орудия и обрадовались. Мы выменяли несколько небольших палиц, забрал, красных лент из морского пороста, матов и шляхт {Шляхты -- топоры. -- Ред.} из раковин. Из съестных припасов островитяне ничего не привезли, кроме кокосовых орехов, и те были негодные, вероятно, привезённые для того только, чтоб нас обмануть. Вымененная нами небольшая палица, видом подобная четырёхугольному вальку, сделана из тяжёлого дерева, которое, кажется, того же рода, каковые мы видели в Новой Голландии; шляхты из больших раковин привязаны к сучку дерева плетёными верёвочками из волокон кокосовой коры; а дабы при употреблении в действие сии верёвочки не перетирались, они обложены крупною рыбьею чешуею. На всех коральных островах шляхты делают из ракушек, потому что базальту или другого рода крепкого камня нет. Вместо пил островитяне употребляют челюсти больших рыб с зубами; держась на лодках за кормую шлюпа, они старались сими пилами перепилить ту самую верёвку, за которую держались.

Изделий из костей животных мы не заметили. Одному островитянину, который по наружности казался мне из отличных, я подарил петуха и курицу, с тем, чтоб он их сберег, на что он охотно согласился и изъявил мне, что непременно сбережёт. Многие из островитян, увидя сих птиц, называли их боа; на острове Отаити и на других островах так называют свиней.

Когда мы вылаивали к берегу и поблизости одного поворачивали оверштаг, тогда служители разошлись по своим местам. При сем удобном случае островитяне начали бросать на ют и шканцы кусками кораллов, величиною от 26 до 27 кубических дюймов. Таковыми кусками ежели попадешь в голову, легко можно ранить, даже и убить человека. Холостой выстрел из ружья более ободрил, нежели устрошил сих вероломных посетителей; неприязненные их поступки принудили меня наказать первого зачинщика. Я сказал лейтенанту Демидову, чтоб он выстрелил в сего островитянина в мягкое место; сие исполнено, раненый закричал, тогда все люди разбрелись в разные стороны и коральный крупный град прекратился. Всех лодок, окружавших шлюп "Восток", было до тридцати. Раненого тотчас повезли на берег, а прочие отгребли далее в сторону и остановились, как будто бы вероломство их до них не касалось.

Нетрудно было вновь приманить островитян под корму, ибо они уже видели нашу щедрость, но мы ни одного не могли убедить, чтобы взошёл на шлюп, невзирая на все изъявления приязненного нашего расположения.

Действие европейского огнестрельного оружия не было им известно; ибо, невзирая на наши дружественные поступки, они старались с лодок пикою ранить выглядывающих из каюты, вовсе не опасаясь ружья.

После сего я не решился послать гребное судно на остров, которого жители так вероломны и держат в одной руке мирную ветвь, а в другой для убиения камень; я не

мог послать иначе, как подобно Рогевейну и Шутену сильный вооружённый отряд, и показать островитянам ужасное действие европейского оружия. Тогда только можно бы быть уверену в безопасности посланных, но я не хотел наносить вред островитянам, тем паче, что первое изустное мне приказание от государя было, чтобы везде шадить людей и стараться в местах, нами посещаемых, как у просвещённых, так равно и у диких народов, обходиться ласково и тем приобрести любовь и оставить хорошую о себе память и доброе имя.

Лейтенант Лазарев сказывал мне, что когда шлюп "Мирный" был довольно далеко под ветром сего острова, тогда один островитянин на лодке пригрёб к шлюпу, но никак не согласился взойти на оный. Лазарев спустил с другой стороны ялик, так что островитянин сего не видел и его перехватили. Когда он взошёл на шлюп, тогда поворачиваясь на все стороны и смотря на окружающие для него новые предметы, был от удивления. Лейтенант Лазарев, щедро одарив его, отпустил.

Широта сего острова южная $10^{\circ} 2' 25''$, долгота западная -- $161^{\circ} 02' 18''$, направление NtO и StW, длина 2,5, ширина 0,75, в окружности 8 миль. Я отличил сей остров наименованием острова великого князя Александра 116.

В половине 3 часа пополудни опять взял курс к западу. Шлюп "Мирный" последовал за шлюпом "Востоком".

9 августа. Хотя ночь была облачна и находили шквалы с дождём, но луна иногда освещала горизонт, и мы при сем свете шли до половины второго часа ночи, тогда за темнотою привели к ветру, и ветер задул от SOtO, но вскоре опять от ONO. Таковые частые перемены нередко могут предвещать близость берега, однако сего не случилось. Мы при рассвете ничего не видели. Тогда вновь легли к западу, шли сим путём до широты $10^{\circ} 11' 8''$ южной, долготы $165^{\circ} 58' 29''$ западной; в сем месте склонение компаса найдено $9^{\circ} 24'$ восточное. Мы не имели признаков близости берега, кроме того, что ветры были несколько переменнее.

Таким образом, не находя островов Тиенговена и Гронингена обретенных Лемером и Шутеном и положенных Флерье на самом том месте, коим мы прошли, я взял курс к югу.

11 августа. В 8 часов утра 11-го, я направил путь к Порт-Жаксону, сначала одним градусом восточнее пути Лаперуза, для того, что надеялся на ветре у островов Навигаторских и Фиджи иметь свежие ветры, ибо при проходе под ветром сих островов можно несколько времени иметь штили или лёгкие ветры, что продлило бы наше плавание. Пройдя севернее острова Вавао, я положил итти прямо к Новому Южному Валлису.

С утра ветр дул от O, при великой зыби от O' SO. Мы видели разных птиц, четыре фрегата, два большие и два малые, несколько бакланов и одну морскую ласточку.

Согласно вышеизъясненному расположению, мы шли к югу в расстоянии шлюп от шлюпа на семь миль. В самый полдень лейтенант Лазарев сигналом посредством парусов дал знать, что виден берег. Сей берег от нас с салинга видели к SO, я придержался с шлюпом "Востоком" ближе к ветру, дабы пройти близ берега, который мы признали за острова Опасные {Острова Дейнджер. -- Ред.}, обретенные и

названные командором Бироном на пути его от острова короля Георгия к Сайпану в 1763 году июля 21 числа ("Hawkesworth's collection of voyages", vol. I, стр. 109.).

С марса можно было ясно рассмотреть все острова и мели. Изгибистая гряда возвышенной морской сребристой пены, происходящей от буруна, разбивающегося о кораллы, соединяла три лесистые, кокосовыми деревьями обросшие острова в один остров, коего лагун в широте $10^{\circ} 54'$ южной, долготе $165^{\circ} 48' 08''$ западной. Шлюп "Восток", по причине противного ветра, не подходил ближе 6-ти миль к сим, так называемым, Опасным островам. Лейтенант Лазарев проходил двумя милями ближе, почему и мог лучше рассмотреть. По сей причине в атласе помещён план сего острова, сделанный на шлюпе "Мирном".

В четыре часа пополудни, когда острова Опасные были на траверсе у шлюпа "Востока", я вновь пошёл к югу. Шлюп "Мирный" последовал за нами; мы шли всю ночь при лунном свете; ветер дул умеренный от востока.

13 августа. В четыре часа утра 13-го мы пересекли пути Бугенвиля и Эдварда, и я лёг к SW; в полдень находились в широте $14^{\circ} 42' 9''$ южной, долготе $166^{\circ} 9' 7''$ западной. В четыре часа пополудни стадо птиц чёрных и белых, летящих далеко на ветре, обратило наше внимание, но за дальностью их рассмотреть не могли.

14 августа. Мы шли к SW до следующего утра; тогда легли SW 78° , на вид острова Вавао, принадлежащего к группе Дружеских островов {Острова Тонга или Дружбы. -- Ред.}.

15 августа. В полдень находились в широте $18^{\circ} 15' 40''$ южной, долготе $171^{\circ} 46' 10''$ западной. Склонение компаса было $11^{\circ} 7'$ восточное.

16 августа. Следующего утра в 7 часов увидели к западу северный возвышенный берег острова Вавао, переменили курс на WtN, при ветре от ОНО и пасмурной погоде, и пошли севернее северной оконечности острова. Склонение компаса найдено $11^{\circ} 48'$ восточное.

Проходя с восточной стороны острова Вавао, мы видели несколько заливов, которым кокосовые роши придавали особенную красоту. Нам показалось, что остров обитаем; на северном мысу в малом заливе увидели шесть островитян; они были совершенно нагие, кроме обыкновенного пояса. Весь северный берег, равно и западный, вышиною в 430 футов отрубом; таковые берега неудобны для народонаселения; остров весь оброс лесом.

В полдень мы находились по западную сторону Дружеских островов. Пасмурность воспрепятствовала нам сделать наблюдения и в полдень мы принуждены довольствоваться выводом из высот, взятых около полудня. Широта места шлюпа "Востока" оказалась $18^{\circ} 45' 26''$ южная, долгота $174^{\circ} 6' 37''$ западная. Невзирая, что мы тогда от берега были на полторы мили, однако лотом на 100 сажнях не достали дна. Ближний к шлюпу берег был самый большой остров после Вавао, который показывался с западной стороны высоким хребтом; вершины его обросли кокосовыми деревьями; другие острова, между сими двумя и далее к SW по тому же направлению нами видимые, весьма малы и едва заслуживают названия островов.

Вавао, самый большой из сих островов, в широте $18^{\circ} 43' 10''$ южной, долготе $173^{\circ} 56' 20''$ западной, лежит NO и SW, длина оного 11, ширина от $4 \frac{1}{2}$ до $5 \frac{1}{2}$, окружность до 34 миль. Первое сведение о существовании сего острова мы имеем от капитана Кука в последнем его путешествии. Испанский мореплаватель Моурелла в 1781 году был при острове Вавао и назвал оный *Islas don Martin de Mayorga*, по имени вице-короля мексиканского. Потом Малеспина нашёл, что гавань, в которой он остановился на якорь, в широте $18^{\circ} 38' 45''$ южной, долготе $173^{\circ} 57' 44''$ западной {*Krusenstern*, "Hydrographie der Grossen Oceane", стр. 158.}; вероятно, стоял на якоре в заливе при северо-восточной стороне острова, которого широта ближе к означенной Малеспиною. Капитан Эдвард в 1791 году определил долготу залива $173^{\circ} 53'$ западную. По наблюдению на шлюпе "Востоке" широта $18^{\circ} 40' 10''$, долгота $173^{\circ} 52' 50''$.

После острова Вавао, первый остров (по величине) к SW от оного в широте $18^{\circ} 45' 8''$ южной, долготе $174^{\circ} 05' 15''$ западной; прочие острова все весьма малы; мы насчитали до 15, а как они один другим закрываются, то и невозможно было с точностью определить числа оных.

Не видя выезжающих островитян и не желая потерять время на искание якорного места, я опять направил путь на SWtW, к Порт-Жаксону.

Прошед несколько по сему направлению, в половине 3 часа, мы увидели на SW 81° высокую конусообразную гору, которую признали за остров Поздний (Late). В исходе шестого часа прошли на перпендикуляре курса высокую вершину сего острова и тогда находились от ближнего его берега в пяти с половиной милях. Склонение компаса было $12^{\circ} 40'$ восточное.

Остров сей продолговат, лежит O и W; длиною $2 \frac{3}{4}$, шириною $1 \frac{1}{4}$, в окружности $6 \frac{1}{4}$ миль. Берег со всех сторон к середине возвышается в гору, коей высота по измерению капитан-лейтенанта Завадовского до 1 320 футов, и от низа до половины поросла частым лесом. Остров в широте южной $18^{\circ} 55' 50''$, долготе $174^{\circ} 34' 20''$ западной; по карте Аросмита в широте $18^{\circ} 50'$. Других двух островов, на его карте в близости острова Позднего назначенных, мы не видели, хотя перешли по широте их. Ежели бы взаимное положение сих островов на карте было назначено настоящее, то, невзирая на погоду, не совсем ясную, нам надлежало бы увидеть и другие два острова. К ночи мы убавили парусов.

17 августа. С полуночи я начал держать на один градус ближе к параллели, чтобы простирать плавание между путями капитана Кука и Лаперуза, в надежде найти по сему направлению какие-либо острова; сигналом дал знать о сем лейтенанту Лазареву. Когда мы проходили Дружеские острова, ветер дул от NO, нередко с дождём, а сегодня с девяти часов перешёл в NtO и также наносил дождь. По наблюдениям мы находились в широте $19^{\circ} 36' 40''$ южной, долготе $175^{\circ} 53' 13''$ западной. В четыре часа пополудни видели множество морских свиней {Бурые дельфины. -- Ред.}.

Продолжая итти тем же курсом при тихом ветре N и O, не встретили ничего примечания достойного и признаков берега не заметили.

19 августа. Поутру видели одного летающего фрегата. В полдень 19-го были в широте $21^{\circ} 7' 20''$ южной, долготе $178^{\circ} 25' 34''$ западной. В начале третьего часа с салинга

закричали, что на NWtN 1/2 W виден берег; я пошёл прямо к оному и посредством парусов уведомил лейтенанта Лазарева, что мы видим берег. Шлюп "Мирный" был от нас далеко к югу и по сему привёл в кильватер. Вскоре с салинга увидели ещё другой берег на NWtN.

Приблизясь к сим двум малым островам, мы рассмотрели, что один от другого на SW и NO 78°, в шести с половиной милях, поросли кокосовыми деревьями, каждый окружён особенным коральным рифом, о который бурун с шумом разбивался. Восточнейший из сих островов в широте 21° 1' 35" южной, долготе 178° 40' 13" западной, длиною в одну милю, шириною в половину длины, в окружности две с половиной мили, окружён коральным рифом к WNW и OSO на милю от берега, к NO и SW на одну треть мили, так что коральные гряды в окружности пять с половиной миль. Я назвал сей остров по имени бывшего с нами искусного художника в живописи Михайлова¹¹⁷. Другой остров в широте 21° 2' 55" южной, долготе 178° 46' 23" западной, величиною почти равен острову Михайлова, также окружён коральной мелью, восточной, северной и западной сторон на полмили, а к SSO на четверть мили от берега; вся сия коральная мель в окружности пять и три четверти мили, также покрыта сребристою пеною, происходяшею от разбивающегося буруна. Сей остров назвал я по имени И. М. Симонова¹¹⁸, находящегося на шлюпе "Востоке" в должности астронома, ординарного профессора Казанского университета.

В сие время мы были вновь обрадованы, услыша с салинга: виден берег на NtW; с первого взгляда открывшийся остров показался больше прочих, оттого что открылись токмо гористые места.

В 5 часов окончили обозрение островов Михайлова и Симонова и прошли створ оных. Ветр дул тогда NOtO свежий и препятствовал нам держать прямо к видимому берегу, почему я продолжал курс в бейдевинд на NNW 1/2 W, имея в ночное время большие паруса, дабы лавированием приблизиться к берегу.

В 8 часов вечера за темнотою мы не видали шлюпа "Мирного" и для сего сожгли фальшфейер. Шлюп "Мирный" ответственал и оказалось, что он от нас на NW.

Я смело шёл в темноте, оттого что в вечеру с салинга ничего не было в виду, кроме берега, к которому мы желали вылавировать. В начале 10-го часа вечера показалось пред носом шлюпа белое зарево, которое то потухало, то снова светило. Пройдя ещё некоторое расстояние, мы услышали от разбивающегося буруна о коральную мель ужасный рёв, почему я тотчас приказал повернуть чрез фордевинд на другой галс; при самом повороте мы были так близко от сей мели, что невзирая на темноту, ясно различали каждую разбивающуюся волну. Несколько минут промедления и гибель наша была бы неизбежна, ибо ежели бы по несчастью приблизились к катящимся волнам, тогда первый удар о кораллы проломил бы шлюп, а при последних ударах надлежало бы искать спасения на гребных судах, или погибнуть.

20 августа. Следующего утра в половине девятого часа мы находились близ корального надводного сплошного рифа по SO сторону острова, который окружён был сим рифом в разном расстоянии. Тогда мы увидели на берегу жителей, из коих некоторые на нескольких лодках ехали к коральному рифу. Весьма великий бурун омывал сей риф так, что невозможно было иметь никакого сообщения с

островитянами и потому я скоро поворотил, дабы вылавировать более на ветер и обойти острова и, ежели островитяне приедут, то послать гребное судно на берег. Не прежде 11 часов следующего утра удалось нам обойти северную сторону корального рифа, окружающего сии острова; тогда мы легли в дрейф и поджидали островитян, ехавших на лодках; две были под парусами, а прочие на гребле; когда две лодки пристали к шлюпу, мы наполнили опять паруса.

Лодки сии имели с одной стороны отводы, и на каждой было по три человека. Двое из островитян по первому нашему призыву тотчас взошли на шлюп; когда мы их обласкали, они скоро ознакомились и были как между своими. Одну из сих лодок, на которой оставался один только островитянин, от большого хода шлюпа поставило поперёк, опрокинуло и оторвало верёвку, коею она была прикреплена. Для сего я принуждён был опять лечь в дрейф, послать ялик спасти островитянина и прибуксировать лодку. Товарищи его находящиеся на шлюпе, нимало о сем не заботились, но ещё веселились, смотря на барахтающегося в воде земляка. Вскоре островитяне приехали во множестве и все взошли на шлюп. Некоторые из них были начальники, мы их дарили и надели на шею медали. Они старались производить мену. Мы им щедро платили за все их безделицы, ибо уже после сих островов не надеялись на пути к Порт-Жаксону найти другие населённые острова. Из Порт-Жаксона нам надлежало итти в Южный Ледовитый океан, где и по климату на островах жителей не может быть. Начальникам, которые приезжали на двойных парусных лодках, я препоручил доставить некоторые подарки для короля, бывшего на берегу. Я уверен, что островитяне, доказавшие свою честность в торговле, непременно исполнят моё поручение.

Вскоре мы узнали, что в числе начальников находились два сына короля. Я их повёл в каюту, надел на них также медали и сделал им особенные подарки: дал каждому по лоскуту красного сукна, по большому ножу, зеркалу, по несколько железных ремесленных инструментов, а сверх того отправил с ними на берег подарки собственно для короля, и они уверили меня, что он сам скоро к нам будет. В самом деле один из островитян, приехавший с его сыновьями, остался у нас. Мы узнали, что он из приближённых королю и его называют Пауль; он с острова Тангатабу, с некоторыми другими земляками своими бурей занесён на сей остров, на коем все они пользуются приязнию жителей. Когда лодка королевская приехала, Пауль привёл меня к шкафуту и указал на короля. Фио, так называли его, лет пятидесяти, роста большого, испестрение имеет только на пальцах, и то весьма малыми звёздочками на суставах. Волосы с проседью и убраны тщательно на подобие парика. Цвет тела и лица смуглый, глаза чёрные. Перевязан узким поясом вокруг тела, как и все островитяне Южного моря.

Когда король взошёл на шлюп, мы приветствовали друг друга прикосновением носов; потом, по желанию Фио, я и капитан-лейтенант Завадовский сели с ним на шканцах на полу. Пауль и ещё один островитянин, пожилых лет, также сели, и мы составили особенный круг. Тогда, по приказанию Фио, подали с его лодки ветвь кокосовую, на коей были два зелёных ореха. Он взял сию ветвь, отдал Паулю, который, держа оную за конец кверху, начал громко петь; в половине пения пристали два островитянина, потом все хлопали в ладоши и по своим ляжкам. После сего Пауль начал надламывать каждый отросток от ветви, прижимая их к стволу и при каждом надламывании

приговаривал нараспев какие-то слова; по окончании сего все запели и били в ладоши, как и прежде. Без сомнения, действие сие изъявляло дружелюбие, ибо островитяне всячески старались доказывать нам свои дружественные расположения.

Я повёл короля в каюту, надел на него серебряную медаль, подарил ему пилу, несколько топоров, чугуновой и стеклянной посуды, ножей, зеркал, ситцев, разных иголок и прочей мелочи; он сим подаркам весьма обрадовался и тот же час отослал их на берег на своей лодке, а между тем объяснил мне, что первые мои подарки, посланные чрез сыновей получил. Фио пил с нами чай. Всё, что он видел, было для него ново, и потому он с вниманием все рассматривал.

21 августа. Сегодня мы выменяли у островитян разные их оружия, как-то: пики, палицы, кистени и булавы, так же нечто похожее на ружейный приклад; все сии вещи искусно обделаны резьбой; выменяли ещё широкую лопатку с резьбою, выкрашенную белую сухою краскою; кажется, сия лопатка составляет принадлежность одних начальников, и, может быть, знак отличия. Кроме орудий выменяли ткани, зарукавья, гребни, шпильки, разные украшения из ракушек, кусок жёлтой краски, похожей на так называемый шижгель (Шижгель -- желтая краска из отвара березовой листы. -- Ред.), шнурки, искусно сплетённые из человеческих волос, разные верёвки из волокон кокосовой коры, и пр. Из съестных припасов островитяне доставили нам: таро, ямс, кокосы, хлебные плоды, ещё какие-то коренья, род картофеля, сахарный тростник, садовые и горные бананы.

В 2 часа пополудни, приблизясь к берегу, увидели мы на вершине горы большие пушистые деревья, в тени коих находилось селение. Дома снаружи похожи на отаитские, но несколько ниже. Почти все близлежащие острова казались обработанными и должны быть плодоносны.

Жители во многом подобны отаитянам; головы убирают весьма тщательно следующим образом: все волосы разделяют на несколько пучков, которые перевязывают тонким шнурком у корня, потом концы сих пучков с тщанием причёсывают, и тогда головы их похожи на парики; некоторые островитяне насыпают на волосы жёлтую краску; у других были таким образом причёсаны одни только передние волосы, а задние и виски висели завитые в мелкие кудри. У многих воткнуты гребни, сделанные из крепкого дерева или черепахи, и черепаховые шпильки в фут длиною, которые вложены были в волосы с одного боку горизонтально. Сию шпильку употребляют островитяне, когда в голове зачесется, дабы не смять прекрасной причёски. Шеи по большей части были украшены очищенными перламутровыми ракушками, тесьмами из человеческих волос, на которых нанизаны мелкие ракушки, и ожерельями, выделанными из ракушек, наподобие стекляруса. В правое ухо вкладывают цилиндрический кусок раковины, толщиною в один с четвертью дюйм, длиною в два с половиною или три дюйма, отчего правое ухо казалось многим длиннее левого. На руках выше локтей носят кольца, выделанные из больших раковин. Таковой убор головы и прочие украшения придают им, конечно, необыкновенный, но довольно красивый вид. У многих я заметил по четыре пальца на руке, а мизинца не было, отнимают оный в память о смерти самого ближнего своего родственника.

Мы вообще нашли, что островитяне весёлого нрава, откровенны, честны, доверчивы и скоро располагаются к дружеству. Нет сомнения, что они храбры и воинственны,

ибо сему служат доказательством многие раны на теле и множество военного оружия, которое мы выменяли.

В последнем путешествии капитана Кука упоминается, что он слышал на острове Тангатабу, что на три дня ходу к NWtW находится остров Фейсе, которого жители весьма воинственны и храбры. Капитан Кук видел двух островитян с острова Фейсе и говорит о этих островитянах: "У них одно ухо висело почти до плеча, они искусны в рукоделиях, и остров, ими обитаемый, весьма плодороден". Я нисколько не сомневаюсь, что остров, при котором мы находились, точно Фейсе, ибо всё сказанное об оном сообразно тому, что мы нашли, кроме только, что острова сии называют Оно и они управляемы королём, коего имя Фио, и имя сие переходит от отца к сыну, а потому и неудивительно, что жители Тонгатабу самый остров Оно называют Фио. На Дружеских островах имена королей переходят от отца к сыну и ныне на сих островах король называется Пулаго, как и предместники его.

С приближением ночи все островитяне возвратились на берег, а король, ожидая свою лодку, остался с Паулем и одним стариком. Лодка пришла не ранее следующего утра; гости наши отужинали с нами и при действиях ужина во всём подражали нам. Когда сделалось совершенно темно, я приказал спустить несколько ракет. Сначала островитяне испугались; король во время треска крепко держался за меня; но когда увидели, что ракеты спущены единственно для забавы и совершенно безвредны, тогда изъявили удивление восклицаниями с трелью, которую производили голосом протяжным и громким, ударяя в то же время часто пальцами по губам. Более всего занимал их искусственный магнит, который притягивал железо, и они особенно смеялись, когда иголка, положенная на лист бумаги, бегала за магнитом, коим водили внизу под листом. Для ночи приустроили им в моей каюте госпитальные тюфяки всем вместе вповал и каждому по простыне, чтобы одеться. Сначала они улеглись, но худо спали и беспрерывно выбегали наверх.

Острова за темнотою не было видно. Я спрашивал короля и каждого из островитян порознь: где острова Оно? Взглянув на небо, они хорошо угадывали положение островов, ибо с вечера заметили, по которую сторону мы держались. Из всего видно, что имеют о течении светил понятия, им необходимо нужные для различия частей суток, или вообще времени и узнания страны света в случае дальнего их плавания к соседственным островам Фиджи и Дружеским. Пауль нам рассказал, что к W находятся острова более Оно, называл Пау, а на WNW Лакето, но в каком расстоянии, мы понять не могли. Узнали от островитян следующие слова их языка:

Кавай	род картофеля свинья
Пуака	ножик
Сели	кокосовый орех
Амбу	собака
Коли	оружие, наподобие ружейного приклада

Малук	кость
Ейколо	кольцо на руке
Леру	шпильки в волосах
Атоку	заплати
Сакюн	ножницы
Сайтаж	ухо
Тарига	борода
Кумми	земля
Фалуа	лопатка, оружие
Киникин малум	палки
Гланджи	оружие
Малум	копье
Амбале-мато малум Маида малум	род булавы
Ейводи	весло
Сун-сюп	кривая булава
Амаси	ткань
Э-амба	рогожа
Итакой	лук
Манау	стрела
Були-гон-го	ракушки, называемые фарфоровые
Едиба	жемчужная ракушка
Валло-а	снурок или тесьма сплетенная из волос
Аванго	судно
Вакко	гвоздь
А-рфено	желтая краска
А-споа	петух
Мона	кураца

Еолу-Алатолу	три звезды царя Ориона
Еолу-Вулло	луна
Минако	хорошо
Алинсангу	рука
Индути	палец
Ауту	нос
Нрако	рот
Амбачи	зубы
Айанри	лоб
Амата	глаза
Аме	язык
Аулу	волосы
Акокуппо	ноготь
Бери	нога
Андаку	спина
Амбука	огонь

22 августа. В продолжение ночи мы удерживались короткими галсами на одном месте. С рассветом поворотили вновь к берегу и по восхождению солнца островитяне пустились к нам на семи парусных и тридцати гребных лодках; на парусных сидело до десяти и более, а на прочих по три и по четыре человека. Они навезли множество прекрасно сделанных оружий, разных украшений, больших раковин, в которые трубят в случае внезапного сбора народа или призыва к оружию; тканей разных, в виде набойки клетчато-красной и кофейной, самые же тонкие, величиною с большой носовой платок, были белые; таковой доброты тканей мы на Отаити на видали. Платки так искусно и красиво сложены, что мы, развернув, не могли опять их также сложить.

В числе парусных лодок пришла и королевская, на которой привезли нам в подарок две свиньи, кокосовых орехов, коренья таро и ямсу. Я за сие подарил короля, а старшему королевскому сыну дал большой кухонный ножик, пистолет, несколько пороху и пуль, показав ему, каким образом должно употреблять сии огнестрельные орудия против неприятеля; дал королю и некоторым островитянам апельсинов; и разных семян, растолковал, как семена сажать в землю. Казалось, что островитяне были довольны сими подарками и обещали заниматься рассадкою, в чём я и не

сомневаюсь, ибо на берегу их острова видны были обделанные огороды, где они, вероятно, разводят коренья таро, ямс и пр.

Островитяне охотно брали всё, что мы им дарили, а наконец, ножи и ножницы всему предпочли, даже и самым топорам. Они нас неотступно звали к себе на берег; но как не было видимой пользы посылать на остров гребное судно без натуралиста, а останавливаясь на якоре, мы бы непременно потеряли несколько дней, ибо надлежало прежде сквозь коральную муллу найти проход к якорному месту. Приближение весны в Южном полушарии не позволяло мне терять времени потому, что я желал долее пробыть в Порт-Жаксоне, дабы переменить степс бушприта, совершенно ненадёжный для плавания в больших южных широтах.

Остров Оно состоит из нескольких малых гористых островов, из которых самый большой длиною две и три четверти, шириною одна и три четверти мили. Все они, так сказать, окружены коральной стеною, которая местами сплошная сверх воды, а к северу местами открыта, и с сей стороны выходили лодки. Направление коральной стены на NOtN и SWtS, длина 7 миль. Средине оной в широте 20° 39' южной, долготе 178° 40' западной. Пологие места на сих островах обработаны и обросли разными деревьями, в том числе и кокосовыми.

23 августа. В 9 часов утра мы простились с королём Фио, с которым я в короткое время подружился; он отправился на берег. Тогда сослав островитян с шлюпа, я приказал отвалить лодкам от борта, но они все держались за ахтертай, бросили оный тогда, когда увеличившийся ход шлюпа их к сему принудил и волнение начало прижимать лодку к лодке; одну опрокинуло, и они перестали держаться у борта.

Один из молодых островитян желал остаться на шлюпе, я согласился его взять с собою, но он непременно хотел, чтоб мы и товарищей его взяли, а мне невозможно было на сие согласиться по опасению, что они не выдержат климата южного полушария.

Я направил курс к островам Михайлова и Симонова, дабы поверить положение оных. Проходя по западную сторону острова Оно, мы с салинга увидели тот самый бурун, от коего в вечеру 19-го с поспешностью отворотили и избежали очевидной опасности. Я придержался к сему буруну, чтобы рассмотреть и определить самую мель и тем предохранить будущих мореплавателей от неминуемой гибели в ночное время. В 11 часу мы прошли мель, которая образуется лагуном. Она приметна по гряде белой пены и водяных брызгов наподобие пыли, происходящих от разбивающего буруна. Теперь только изредка местами видны сии кораллы, но со временем они совершенно образуются подобно всем коральным островам, покроются зеленью и, без сомнения, будут обитаемы сначала дикими птицами и морскими животными, а наконец, и людьми.

Направление сей мели O и W, длина четыре, ширина две, окружность около десяти миль; она отделена от рифа острова Оно каналом, шириною в шесть миль. Широта средине 20° 45' южная, долгота 178° 49' 49" западная. Я назвал сию мель: Берегись 119.

В 2 часа остров Симонова был от нас на О, потом вновь увидели оба острова, т. е. Михайлова и Симонова, которые покрыты кокосовыми деревьями. Жителей нет. Вероятно с Оно приезжают на сей остров за кокосовыми орехами.

Мы направили путь в SW четверть, между путями капитана Кука и Лаперуза. Погода начинала быть переменная: небо покрывалось облаками, нередко шёл дождь, ветер на короткое время переходил в NW четверть, зыбь была не малая.

Хотя обретение островов, ещё неизвестных, весьма лестно для каждого мореплавателя, и вообще способствует распространению географических сведений, при всей том, не желая на пути к Порт-Жаксону найти на новые обретения, дабы они нас не задержали, я спешил в сей порт, для приуготовления шлюпов к настоящей цели нашей, т. е. к плаванию в Южном океане.

24 августа. Небо покрылось облаками, ветер дул весьма тихий с разных сторон. Мы лишились восточных ветров, которые нам толь долгое время способствовали простирать плавание по желанию. Ночью море было покрыто необыкновенным множеством мелких огненных искр, а густые чёрные облака угрожали дурною погодою.

В продолжение нашего плавания между тропиков со времени вступления в пассадный ветер, до приближения нашего к островам Россиян, ветер дул от SOtS, а потом нередко от N, еще более от ONO, что продолжалось до самого выхода из сих островов, т. е. до острова 3-го Пализера.

Неверность счисления на шлюпе "Востоке", от вступления в южный тропик до прибытия к Отаити, оказалась на NW 79° 138 миль, в 19 суток, в каждые сутки 6,47 миль. По счислению на шлюпе "Мирном", в продолжение того же времени, неверность была на NW 86° 12' 126,5 миль, в сутки 6,66 миль.

В продолжение пути нашего от острова Отаити до островов Опасности ветер дул более OtS свежий, потом перешёл в NO четверть и был умереннее до выхода из тропика, т. е. когда мы пришли в долготу 180° восточную.

Почти во всё время плавания нашего в тропике облака отделённо одно от другого неслись по ветру, отчего часть неба к зениту была ясная; напротив, к горизонту зрение наше пресекало сии облака косвенно, одни закрывали другие, и от сего нам всегда казалось, будто на горизонте гнездились тёмные тучи. Кроме сих воздушных призраков, от испарений, поднимаемых солнечными лучами, поверхность моря вокруг всего горизонта была покрыта мрачностью. Ночи по большей части стояли ясные. Нередко нас занимали звёзды, с места на место перебегающие, оставляя на короткое время слабый огненный путь по прекрасно тёмнолазоревому небесному своду.

Неверность в счислении пути от острова Отаити до долготы 180° восточной, т. е. до выхода из тропика, оказалась на шлюпе "Востоке" 114 миль, на SO 82° 5', в продолжение 28 дней, следовательно, средняя неверность в сутки была 4,7 миль. На шлюпе "Мирном", в те же 29 дней, на 181 милю на SW 62° 7', в каждые сутки по 6,47 миль. Сии неверности в счислении последовали не от одного течения моря к западу, но также и оттого, что шлюпы по большей части шли благополучным ветром, следовательно, волнами и зыбью всегда приближало лаг к шлюпам, а от сего суточное

плавание по счислению выходило меньше настоящего, и из суточных течений среднее должно быть многим менее предполагаемого, по пяти и шести миль в сутки, от востока к западу.

25 и 26 августа. При свежем юго-восточном и восточном ветре и пасмурном горизонте мы шли по восьми и девяти миль в час. Ветр временно переходил к О, даже несколько к N, и я ожидал, что сделается от NO. Сегодня увидели альбатроса, который долго и плавно летал около шлюпов.

Мы начали шить новые штормовые стакселя из парусины, вынутой из запасных марселей, которые уменьшили по причине уменьшения всего рангоута. При сем я имел в виду, чтоб те работы, которые можно производить на пути, кончить до прибытия в Порт-Жаксон, дабы там заняться важнейшими поправлениями.

27 августа. До полудня 27-го при свежем северо-восточном ветре, погода была сырая и дождливая; продолжая тот же курс, мы в полдень достигли широты $26^{\circ} 31' 28''$ южной, долготы $171^{\circ} 19' 46''$ восточной. Склонение компаса найдено $14^{\circ} 2'$ восточное.

По мере приближения нашего к западу тучи более и более подымались по сему направлению; в 3 часа пополудни слышен был в той же стороне гром, а в 4 часа задул ветер от W с дождём, и нас согнало с настоящего пути к югу.

Простирая плавание толь долгое время с попутными ветрами в благорастворении климате, мы, так сказать, изнежились, и первый противный ветер с дождём произвёл неприятное на нас впечатление.

28 августа. При сем противном западном ветре принуждены продолжать путь к югу; 28 числа в полдень достигли широты $27^{\circ} 41' 18''$ южной, долготы $170^{\circ} 7'$ восточной. Тогда все почувствовали перемену в воздухе и ртуть в термометре опустилась до 15° . Сия теплота в России была бы самая приятная, но, по привычке к двадцати градусам, мы почувствовали перемену так, что принуждены были надеть суконное платье.

В 6 часов вечера, дабы не удалиться от предположенного пути, я поворотил к северо-западу, в ожидании, что ветер сделается благополучный; постепенно переходил к югу, а по мере приближения его к сему румбу погода становилась яснее; не прежде 7 часов утра 30-го задул попутный ветер, и мы могли итти желаемым курсом.

30 августа. Погода позволила лейтенанту Лазареву и прочим офицерам проводить весь день у меня на шлюпе, и мы, сердечно зспоминая о любезном отечестве, о родных и друзьях, в мыслях сокращали безмерное между нами расстояние. Во время утешительного беседования, внезапно поражены были необыкновенным с баку криком: человек упал! все выбежали наверх и, к прискорбию нашему, хотя все меры приняты были и лейтенант Анненков на ялике долго искал упавшего, по причине бывшего тогда большого хода, волнения и темноты ночи, усилия наши спасти упавшего остались тщетны. До сего случая мы были весьма счастливы, и мы сию потерю почувствовали тем более, что утонувший матроз Филипп Блоков был из самых здоровых и проворных матрозов. Закрепляя кливер, он шёл по бушприту назад в шлюп и в сие время упал.

В начале 10-го часа вечера гости наши возвратились на шлюп "Мирный", для сего приводили шлюпы к ветру, потом вновь легли SW 57° и продолжали сей курс при ветре юго-восточном, с пасмурностью и дождём до 7 часов вечера 1 сентября; тогда ветер от NO стих и наступил переменный тихий.

1--2 сентября. В продолжение дня летало несколько альбатросов дымчатых и белых, несколько бакланов и пеструшек.

Около полудня увидели идущее к нам контр-галсом трёхмачтовое судно; по поднятии нашего флага, на судне явился английский флаг. В полдень по наблюдению широта места наших шлюпов была 30° 7' 55" южная, долгота 162° 16' 24" восточная.

3 сентября. В 3 часа утра мы поймали большого прожору или шарка, в кильватере нашем плавающего; около шарка, как обыкновенно, шли малые рыбы, так называемые лощмана, или спутники, величиною в восемь дюймов и менее, испестрённые полосами синеватого цвета, наподобие окуня, также несколько прилипал.

Прожоры скоро хватаются за уду, и шедший за нами то же сделал, мы опасались, чтоб крючѣк не разогнулся, и для того сначала держали его только в полводы, а между тем набросили петлю под ласты и, затянув оную, подняли шарка на шлюп, но с трудом его убили. Вместе с прожорою достались нам две прилипалы, они присосались под ластами у прожоры, которая была величиною в девять фут и два дюйма, и когда снимали её кожу, всё ещё имела судорожное движение, а сердце по вынятии долго шевелилось. Во внутренности подле каждого бока нашли по одному пузырю или мешку, а в каждом из оных по двадцать четыре живых красивых шарков, длиною в четырнадцать дюймов, от начала головы до конца хвоста. Они уже могли плавать, мы некоторых пустили в море, одниплы по поверхности, а другие пошли в глубину и изгибались, подобно выюнам. В желудке прожоры нашли ракушку весьма нежной породы, которую называют бумажным ботиком, в диаметре шесть дюймов, толщиною два с половиною дюйма. Из сего ясно видно, как велика пасть и горло прожоры.

Рыбы, называемой лощманом, нам не удалось поймать, ибо они на уду не идут, а ежели бы мы имели греческие намѣты {Греческий намет делают наподобие матни у невода, из шелку, конусообразный; по низу или по большому кругу привязывают множество свинцовых колец, сквозь которые проходит шнур, и матню можно сим шнуром затянуть. Греки и турки, сидя на скале или лодке и увидя близко в воде рыбу, бросают искусно сей намет так, что широкая часть оного, ровно падая на воду над рыбою, поспешно погружается в воду от свинцовых колец; когда рыбак усмотрит, что добыча его в намете, тогда, потянув за шнур, затягивает намет и вытаскивает оный с рыбою.}, непременно бы поймали.

Когда совершенно стихло, я приказал спустить ялик и капитан-лейтенант Завадовский отправился на охоту; ему в добычу достался альбатрос, белый с кофейными крыльями; когда крылья распростерли, протяжение от конца до конца было девять футов шесть дюймов.

4 сентября. К вечеру сделался тихий ветер от NW, мы шли всю ночь к острову лорда Гау, которого горы увидели с салинга. Следующего утра в 7 часов, подходя к сему острову, встретили множество черных бурных птиц, серых бакланов, белых бакланов с

красными носами, которых англичане называют Gannet, а Линней Pelicanus Jiila. Мы определили долготу середины острова Гау $159^{\circ} 8' 54''$ восточную; по наблюдениям лейтенанта Кинга, который после был губернатором острова Норфолка в 1788 году, долгота сего места $159^{\circ} 00'$; капитан Гунтер в третий день по выходе из Порт-Жаксона определил долготу $159^{\circ} 10'$; он же по расстоянию луны от солнца -- $159^{\circ} 8'$ восточную.

Остров Гау не обитаем и начальство в Новом Южном Валлисе не печётся о населении оною, изредка мимо идущие суда заходят, чтобы набрать черепах для стола чиновников колоний.

5 сентября. Мы имели попутный свежий северный ветер до следующего полдни, небо было покрыто облаками, на горизонте мрачно. Пред полуднем ветер отошёл к западу и скоро стих; тогда мы увидели впереди идущее мимо нас английское судно; я послал лейтенанта Демидова узнать, нет ли новостей из Европы. По возвращении лейтенант Демидов донёс, что судно называется "Фаворит", принадлежит купцу в Калькутте, седьмой день как вышло из Порт-Жаксона и идёт в Батавию, а оттуда в Калькутту, что английский король Георг III и герцог Кентский умерли и принц регент взошёл на престол великобританский.

В полдень мы были в широте $32^{\circ} 16' 46''$ южной, долготе $156^{\circ} 00' 43''$ восточной. К вечеру ветер установился тихий от SO и постепенно свежел, при дожде и пасмурности.

6 сентября. В 3 часа пополудни 6-го взяли у марселей все рифы и спустили бом-брам-реи и бом-брам-стенги. В 5 часов ветер ещё более усилился и дул жесточайшими порывами. Вскоре после сего мы привели под штормовыми парусами в бейдевинд, а между тем переменили марсели, которые при взятии последних рифов разорвало, и они от большого употребления обветшали. Шторм продолжал свирепствовать от OSO, при пасмурности и дожде, до следующего утра, тогда увидели берег Мыса Стефенса, но шлюпа "Мирного" и с салинга не было видно, а в продолжение ночи ни сожженные на шлюпе "Востоке" с фока-рея фальшфейеры не было ответствовано. Как мы уже приближались к самому входу в Порт-Жаксон и притом не настояло нужды входить обоим шлюпам вместе, то я и не искал "Мирного", хотя положение его мне по расчётам было известно; я заключал, что идучи порознь, каждый из нас постарается притти прежде в Порт-Жаксон.

В полдень по наблюдениям были в широте $32^{\circ} 49' 26''$ южной, долготе $152^{\circ} 35' 31''$ восточной. Ртуть в термометре стояла на $11,5^{\circ}$. Ветр по мере приближения нашего к Порт-Жаксону более и более заходил с берега и дул порывами от WSW, но волнение осталось ещё прежнее от SO, что производило большую качку. Барометр во время шторма не опускался ниже 29,35 дюймов.

В час пополудни я поворотил на другой галс к югу, ветер всё ещё дул с порывами, но пасмурности уже не было, и солнце ярко сияло из-за облаков. Морские птицы во множестве летали около шлюпов, казалось, что искали себе пищи. К вечеру ветер постепенно отходил к NW.

Мы продолжали тот же курс до 4 часов пополудни следующего дня, тогда усмотрели впереди порт-жаксонский берег и маяк на WW. Берег от входа к северу казался

неровным и по большей части шаровидными горами, а к югу был ровен и многим ниже. До ночи мы не могли подойти по причине крутого ветра.

9 сентября. Я лавировал, дабы к утру более выиграть на ветер. В продолжение ночи горел вертящийся маяк, вновь построенный при входе в Порт-Жаксонский залив, он был открыт и светил 25 секунд, а 108 секунд был закрыт.

Ночью я держался у самого входа; поутру с рассветом достиг к северному мысу, и, как лоцман не тотчас приехал, то я пошёл в залив без лоцмана, который наконец явился в то время, когда шлюп был в самом проходе залива. Коль скоро мы приближались к городу, капитан порта Пайпер немедленно к нам приехал. Тогда начались салюты пушка за пушкой. Шлюп остановился на самом том месте, где прежде сего стоял, именно против Сиднейского залива.

Лишь только положили якорь, течение и ветер сделались противные для входа в залив, и ветер так скрепчал, что мы принуждены спустить бом-брам-реи, бом-брам-стенги, брам-реи и брам-стенги. Сей крепкий ветер попрепятствовал шлюпу "Мирному" войти в залив в тот же день. По положении якоря, я поехал к губернатору и был у капитана порта, а астроном Симонов и штурман Парядин для поверения хронометров съезжали на северный берег, на самый тот мыс, где мы за четыре месяца поверяли и производили все наблюдения и имели наше Адмиралтейство.

10 сентября. Следующего дня, по сделавшемуся попутному ветру, шлюп "Мирный" вошёл в залив и остановился на якоре на том же месте, где прежде стоял. Обсерваторию свою мы устроили там же, где прежде была, разоружили шлюпы совершенно, дабы вновь приуготовить и обделать весь такелаж. Тимермана и плотников разослали в лес, против нас на северном берегу залива находящийся, для приискания книц в перемену лопнувших, и лесу на постройку хлевов для свиней, ибо во время первого нашего путешествия в большие южные широты я испытал, что сим полезным для нас животным необходимо нужно покойное и закрытое место от сырости и холода. Мы отправили по пятнадцати человек матрозов с унтер-офицером туда же для рубки дров и велели рубить красные деревья (Mahogany) {Местные эвкалипты, имеющие красную древесину. -- Ред.}, которые лежат, или хотя на корне, но совершенно высохли, дабы с привозом сырых дров не завести сырости на шлюпах.

Для перемены нашего степса и бушприта, годного дерева тимерман поблизости не сыскал, а губернатор Макварий предложил мне, что велит порту доставить материалов и людей, дабы привести к окончанию сию важную для нас работу; но в порте не приискали такового дерева, а из леса привезли не прежде 30 сентября. Хотя сие замедление делало нам большую остановку, но я весьма обязан губернатору за пособие.

Наш тимерман не был в состоянии сделать сего исправления, столько для нас нужного, а потому против моего желания, я принуждён принять предложение губернатора Маквария, который, кроме снабжения нас вырубленными сухими деревьями из породы железного дерева (Iron Wood), приказал ещё, чтобы переделка степса и бушприта была произведена его плотниками под смотрением корабельного мастера. Губернатор старался предупредить желания наши во всём, что только могло быть для нас полезно.

Работу производили плотники английского Адмиралтейства под присмотром портового корабельного мастера, по приказанию губернатора.

Все работы купорные {Купорные работы -- связанные с изготовлением, ремонтом и закупориванием бочек. -- Ред.}, кузнечные и парусные и поправку всего такелажа производили на берегу около палаток, поставленных для обсерватории; всеми другими работами, какими только было можно, занимались не на шлюпе, а на берегу, единственно для того, чтобы служителям дать более случаев пользоваться береговым воздухом и приуготовиться к перенесению предстоящих трудностей в сыром и холодном климате.

Время нашего пребывания в Порт-Жаксоне мы провели весьма весело. Нас приглашали беспрестанно на обеды, нарочно для нас были общественные и частные вечера с танцами. За таковые доказательства благоприязни мы старались изъявить благодарность, не взирая, что искреннее гостеприимство иногда отрывало нас от занятия по службе.

30 октября. Шлюп "Восток" был совершенно вновь вооружен, и я весьма доволен, что предпринял многотрудную работу, т. е. уменьшить рангоут, ибо после сего с большею доверенностью отправлялся в трудный и опасный путь.

31 октября. Сегодня с утра занимались перевезением на шлюп всего нашего Адмиралтейства и обсерватории и разных вещей. Обсерватория была устроена на северном берегу Жаксонского залива, на выдавшемся мысе, прямо против залива Сидней.

Мыс сей мы называли мысом Русских {Современное наименование -- мыс Киррибилли.-- Ред.}, широта оного южная мною определена $31^{\circ} 51' 12''$, лейтенантом Лазаревым -- $31^{\circ} 51' 21''$.

Долгота восточная:

Из 455-ти расстояний луны от солнца, измеренных мною, капитан-лейтенантом Завадовским и штурманом Парядиным, средняя $151^{\circ} 9' 53''$.

Лейтенантом Лазаревым из 288 расстояний -- $151^{\circ} 11' 7''$

Лейтенантом Торсоном из 390 -- $151^{\circ} 21' 36''$

Лейтенантом Лесковым из 40 -- $151^{\circ} 0' 22''$

Мичманом Куприяновым из 126 -- $151^{\circ} 11' 17''$

Поверение хронометров окончено 27 октября. Выводы оказались следующие:

Месяц и число	Малый Арнольд No 2110, впереди среднего времени	Уходит в сутки	Большой Арнольд No 518	Уходит в сутки	No 922 Барода	Отстает в сутки
27-го октября.	2 ч. 46 м. 21,09 с.	12,00 с.	2 ч. 39 м. 5,10 с.	9,30 с.	0 ч. 36 м. 17,23 с.	15,16 с.

Наконец, когда уже все относящееся до снаряжения шлюпов приведено к окончанию, мы послали на берег за запасной живностью. Кроме кур, уток, баранов, взяли сорок шесть свиней. Сии последние размещены в продолговатых хлевах, нарочно устроенных вдоль обоих шкафутов, и так плотно сделанных, что морская вода, сырость и снег никак в оные попасть не могли.

КРАТКОЕ ИЗВЕСТИЕ О КОЛОНИИ В НОВОМ ЮЖНОМ ВАЛЛИСЕ {*}

{* В данном разделе второго издания опущены статистические таблицы, представляющие чисто местный исторический интерес, а также сведения по организациям судопроизводства, полиции, войск, финансовых учреждений и пр. -- Ред.}

Новая Голландия, сия обширная страна, где находится Новый Южный Валлис, означена на древних португальских картах 1542 года; обретаема известным голландским мореплавателем Тасманом, который обошёл южную её часть в 1642 году в конце ноября и начале декабря месяцев и назвал землю Вандимен, по имени генерал-губернатора голландских владений в Ост-Индии. После Тасмана, капитан Кук в 1722 году первый увидел, описал и привёл в известность весь восточный берег и назвал сию часть Новой Голландии Новым Южным Валлисом (New South Wales) и сие название донныне сохранила колония, основанная английским правительством.

В конце XVIII века английское правительство приняло решение отправлять осуждённых за различные преступления в такое место, где они или бы сами собою исправлялись, или исправлялись поневоле, не имея возможности быть вредными, и со временем могли бы сделаться полезными обществу. Для исполнения сего намерения на первый случай избрали местом ссылки берега залива в Новом Южном Валлисе, обрётённого капитаном Куком в первое его путешествие вокруг света. По причине собранных на сих берегах во множестве разных растений, залив назван Ботаническим (Botany-bay) и признан тогда лучшим местом для основания поселения в Новом Южном Валлисе, ибо о других заливах при берегах сего обширного острова или матёрого берега ещё не имели сведения.

Английского флота капитан Артур Филипп назначен первым губернатором и был основателем колонии, он же начальствовал и над конвоем, состоящим из одиннадцати судов, на которых отправлены первые поселенцы.

Эскадра сия снялась с якоря с Модербанка {Спитхедский рейд. -- Ред.} у острова Вайта 13 мая 1787 года, на пути заходила к Канарским островам, в Рио-Жанейро, к мысу Доброй Надежды и прибыла благополучно в Ботани-бай 1788 года 8-го и 9-го января. Губернатор Филипп нашёл, что залив не закрыт от восточных ветров, а по сырости на берегах поселение несчастных в сем месте будет вредно их здоровью и потому приискал другое удобнеее около малого залива, который назвал Сидней-ков (Sidney-cove), в честь лорда Сиднея. В сем заливе суда могут становиться к самому берегу для выгрузки и нагрузки товаров, что много облегчает торговлю во всякое время. Сидней-ков на три мили севернее Ботани-бая, в продолговатом заливе, в котором стояние на якоре весьма удобное и великое число судов может поместиться. Капитан Кук назвал сей залив Порт-Жаксон.

Колония тогда состояла из двухсот двенадцати человек офицеров и морских солдат или гарнизона, 28 жён солдатских и 17 их малолетних детей; ссылочных было 558 мужчин и 229 женщин.

1788 года января 15-го губернатор Филипп поставил на берегу Нового Южного Валлиса великобританский флаг. Заложенный на сем месте новый город назван по имени же лорда Сидней. С сего времени ежегодно посылаются из Англии в Сидней суда с ссылочными обоюго пола. Число жителей в колонии, с добровольно приезжающими из Европы, в 1820 году простиралось до 31 571 человек; они ныне занимают обширное пространство земли и следующие города: Сидней, Парамату, Виндзор, Ливерпуль, Ньюкастль, Батурст, Гобард и Дальримпль.

Население сие составляют: англичане, ирландцы, шотландцы, весьма малая часть других европейцев и природных жителей Новой Голландии. Все они могут быть разделены на четыре отделения: первое состоит из вольно-прибывших; второе из свободных, которые были привезены ссылочными; третье из ссылочных; четвёртое из природных жителей Нового Южного Валлиса.

По привычке природных жителей к кочующей жизни, не могли их довести до того, чтобы они оставались на одном месте; невзирая на все попечения губернатора Маквария, приверженных к колонии мало; старшины сих станиц отличены медными знаками с надписью названия их и места, где по большей части имеют пребывание; знаки сии носят на груди на медной цепочке. Старшины иногда полезны правительству в случае преследования и поисков бежавших ссылочных. Для переездов и для рыбной ловли им дают лодки от правительства.

Просвещение природных жителей то же, какое было при заведении колонии, и сожаления достойно, что от ссылочных они переняли бранные слова, проклинания и божбу. Когда между собою ссорятся, что ежедневно и почти ежечасно случается, тогда прибегают к сим словам брани, которых в памяти имеют полное собрание.

Они роста среднего, сложением тела сухошавы, руки и ноги имеют особенно тонкие, головы несоразмерно великие, цвет тела шоколадный и почти чёрный, носы загнуты и

выгибом похожи на носы попугаев, ноздри разверсты, рты большие, губы толстые, грудь, руки и спину исчеркивают рыбьею чешуею. При празднествах, которые состоят по большей части в плясках, намарывают обыкновенно лицо и тело в разных местах красною землею и проводят большие белые полосы. Женщины украшают волосы, привешивая к оным рыбы зубы или зубы кенгуру.

Все живут обществами по двадцати пяти, пятидесяти до шестидесяти человек и более, каждое имеет своё название; в одном, называемом Бурра-Бурра, в прошедшем годе считали до сто двадцати человек.

Правление их до прибытия англичан было патриархальное, каждое общество управлялось старейшим; но разные английские губернаторы заблагорассудили сами избирать между ними особенных начальников. Сие достоинство и отличие вышеупомянутым знаком, на шее носимым, дают тем, которые оказывают более приверженности к англичанам.

Таковые постановления сделаны для того, чтобы приучить природных жителей к повиновению и через них узнавать о беглых ссылочных, для чего они весьма полезны, ибо служат провожатыми военному отряду или полиции.

Они живут по большей части на пространных местах, но не имеют постоянных устроенных жилищ, невзирая, что уже слишком 32 года видят примеры удобной и спокойной жизни англичан. В описании первого моего пребывания в Порт-Жаксоне я упоминал, что в дурную погоду скрываются в пещеры, или закладывают хворостом в полкруга ту сторону, откуда погода их беспокоит. В сем полукруге в нескольких местах разведённый огонь согревает их достаточно по их желанию. Женатые спят вместе, а прочие в некоторой отдалённости от них, но также все вместе. Огонь почти всегда с ними неразлучен; они его носят с собой, и даже берут на лодки, когда едут на рыбный промысел. В лесах повсюду видно множество поваленных деревьев, ими подождённых, и редкое дерево близ моря, где они более проводят время, осталось неподожжённым.

Когда наступает время женщине разрешаться от бремени, тогда относят её в хижину, сделанную из древесной коры, или в каменную пещеру. Женщины говорят, что они легко освобождаются от бремени, редко рожают двойни и редко же имеют более двух или троих детей. Новорождённое дитя обмывают холодной водой и обтирают травкою; мать прикладывает его к грудям и обыкновенно по прошествии суток с ним уже прогуливается. Едва ему минет месяц, мать сажает его к себе на плечи, спустив ножки на груди, а природа сама научает его держаться за волосы матери. Женщины, имеющие старые одеяла, завёртывают в оные детей сеоих и носят их на спине, подобно как цыганки в Европе. Когда ребёнку минет полгода, тогда часто ставят его на землю и он научается ходить. Игры детские состоят, как и везде, в подражании занятиям родителей их, как то: в борьбе, пении, пляске и других забавах.

Увеселение взрослых состоит в пении, плясках, метании копья, а иногда в примерных сражениях. Матери приучают дочерей плести лесы для рыбной ловли и убивать рыбу острогою. Впрочем, вообще как мужчины, так и женщины редко помышляют о следующем дне, от чего часто терпят голод, наипаче, когда погода неблагоприятна для рыбной ловли.

Новоголландцы не различают времён года, но от непрерывной жизни под открытым небом предузнают состояние и перемену погоды.

Язык их различен. Живущие около Сиднея понимают друг друга; но те, которые занимают места около Ньюкастля или Порта-Стефенса и по ту сторону реки Непеана, их вовсе не понимают.

Каждый почитает своё общество лучшим. Когда случится им увидеть одноземца из другого общества, и ежели кто-нибудь его похвалит, непременно начнут его бранить; говорят, что он людоед, разбойник, или великий трус и пр.

Живущие около Сиднея по утрам приходят в сей город и стараются что-нибудь получить, но лишь только погода начинает переменяться, особливо ежели услышат гром и увидят молнию, с чрезвычайною поспешностью убегают в свои жилища. Лодки их весьма непрочны, обыкновенно из древесной коры. Природные жители снабжены железными инструментами и имеют всегда способ получать их сколько нужно, однако же все ещё предпочитают свои каменные топоры.

Хотя ходят нагие и любят женский пол, но не было примера, чтоб явно удовлетворяли своё любострастие.

Неприязненность их против англичан почти вовсе прекратилась, но европейцы сами часто подают причину к раздорам. Иногда природные жители врываются на поля и утаскивают пшено, плоды и всё, что попадается. Англичане мстят им по возможности. Несколько лет тому назад один из них убил англичанина, его судили английскими законами, и он повешен; товарищи его, бывшие зрителями, пришли вне себя от ужаса. Когда белый обругает или прибьёт чёрного, обиженный тотчас идёт жаловаться к директору полиции, или по крайней мере угрожает жалобой; ибо им сказано, что они состоят под покровительством правления. Случается, что прибегают с жалобами даже к самому губернатору.

Обряды похорон их уже многими описаны; однако я ныне заметил, что обычай сожжения мёртвых тел почти истребился.

Им известны некоторые целебные травы; в болезнях их жуют и часто оттого выздоравливают, но природа им более всего помогает. Когда же кто, захворав, повесит голову, мало говорит и мало ест, то друзья его уверены в его смерти; посему я заключаю, что смерть многих ускоряется от воображения. Никак невозможно уверить их, что не всякая болезнь опасна, и что лекарства могут доставить облегчение; ничем не убедишь, чтобы приняли лекарство, и оттого часто умирают по недоверию или упрямству.

Когда я вторично зашёл в Порт-Жаксон, старые наши знакомые, Бонгари и состоящие под его начальством, тотчас нас посетили. Бонгари жаловался, что в продолжение зимы был нездоров сильным кашлем. На мой вопрос: чем он вылечился? Отвечал: единственно гроком, и много его выпил!

Хотя страна сия наполнена змеями, однако природные жители редко бывают ими ужаливаемы. Сие происходит от двух причин: 1 -- оттого, что они беспрестанно вокруг себя содержат огонь; 2 -- что весьма зорки, видят змею даже под травую лежащую и

тотчас её убивают; скитаясь по лесам, они беспрестанно в землю смотрят. Когда случится, что один из них уязвлён, другой тотчас высасывает яд и сим доставляет облегчение без всякого себе вреда. Замечено, что от ужаления змеи никто у них не умирает.

Относительно уязвления змеями мне рассказывали следующий невероятный случай, но меня так уверяли, что я неизлишним почитаю о сем сообщить. Один солдат роты ветеран в Ливерпуле уязвлён на поле чёрною змеею, опаснейшею из всех здесь находящихся, и едва имел столько сил, чтобы дотащиться до квартиры, где тотчас упал без чувств. Искусственное человеческое пособие казалось тщетно, ибо в полчаса он распух и ослеп. К счастью, находился недалеко старый природный житель, который узнав о сем случае, пришёл к солдату, сделал верёвку из древесной коры, которою перевязал ему ногу поверх раны, так крепко, что страждущий вскричал, -- не отрезана ли нога его? Потом старик выдавил из раны гной и яд и отделил кончиком ножа, рана обнаружилась в величине двух малейших булавочных головок; тогда врачующий три раза обсасывал ужаленное место и перевязал оное холстиною. Спустя несколько минут развязал верёвку, ободрял солдата быть покойным и утверждал, что он выздоровеет. С сего времени больному сделалось легче, он выздоровел и теперь ещё жив. Дабы изъявить своему врачу благодарность, солдат отдал ему всё своё имущество, которое состояло в пяти фунтах стерлингах.

Орудия их во многих путешествиях описаны; но я сообщу об оных подробнее. Для военных действий они употребляют обыкновенно пики из дерева, или лучше сказать, стебля смолистого дерева (Gummy plant); сие необыкновенное дерево, принадлежавшее собственно Новой Голландии, изображено в помещенном в атласе виде Порт-Жаксона, отличается длинным прямым стеблем от семи до десяти футов, вырастает прямо из середины невысокого чёрного пня, который кажется совершенно обгоревшим; листья узкие, плоские и длинные, от нечаянного прикосновения к оным, даже на проходе, можно легко обрезать руки. Когда дерево коротко для делания пик, наставляют другим таким же, и обыкновенно в замок, посредством связывания снурками, свитыми из коры дерева, называемого англичанами верёвочное дерево (Stric wood), которого в лесах повсюду много, кору распластывают наподобие лыка. Для большей крепости, пики сии мажут смолою из разных дерев, более же употребляют смолу из мимозы (Mimosa); к острому концу иногда прикрепляют острую зазубренную кость, дабы наносила более вреда. Действуя сим оружием, употребляют ещё особенную палку с сучком под острым углом и, держа оную в руке, наклонив назад упирают малым сим сучком в задний конец пики, потом махнув палкою, придают большую силу удару пики. Употребляют также плоский кусок дерева, длиною в три фута, шириною в два с половиной дюйма, загнутый наподобие серпа; сей кусок дерева искусно и метко бросают рикошетом, ударяя концом в землю [Бумеранг. -- Ред.]; имеют и дубины длиною в три фута, а для обороны деревянные щиты, выкрашенные белую сухую краскою, на коей выведены красные полосы.

Острога или оружие, которым бьют рыбу, также сделана из вышеупомянутого смолистого дерева гумми-планта и разнствует от обыкновенной пики тем, что оканчивается гремя и четырьмя острыми концами из сего же дерева; концы сии также с острыми костяными зазубринами.

Природные жители Новой Голландии весьма вздорны между собою, они грозят и ругают друг друга по несколько часов, как весьма часто слышать можно, однакож редко доходит у них до драки; в последнем случае ловко владеют своим оружием и щитами.

Сражение между ими происходит по большей части за похищение женщин, и тогда все и сами женщины выступают в поле. Когда с обеих сторон устроились в боевой порядок, тогда пред началом всеобщего сражения несколько женщин выходят вперёд, осыпают себя пылью и грязью, и каждая сторона бранною песнию возбуждает противников своих к бою. Сражение оканчивается по большей части несколькими ранеными; обе стороны возвращаются в свои места с восклицаниями, криком и пением. Иногда вражда продолжается не один день, так что они по несколько раз сходятся и после небольших сшибок опять расходятся. Иногда неприятелей своих убивают спящих, ибо чрезмерно мстительны, и кажется, только кровь их примиряет. Причиною раздоров и смертоубийств обыкновенно бывают женщины, которые впрочем весьма снисходительны.

Когда юноша вступает в мужской возраст, ему выбивают передние два зуба, для сего прежде сажают его на плечо к другому человеку или на пень дерева, и потом выбьют зубы, и тогда почитают его уже возмужалым и он может носить всякое оружие, сражаться и жениться. Выбирает себе жену обыкновенно в другой станице и чтоб её похитить, пользуется отсутствием ближних и друзей. В сем случае никакое затруднение мужчин не удерживает; они несколько времени терпеливо выжидают удобного случая и наконец успевают в своём предприятии. Поймавши невесту, жених поспешно с нею убегает, неся на своих руках, или иногда волоча за руку чрез камни и пни. Несчастная почти всегда бывает полумертва, когда достигнет места пребывания жениха; но для него всё равно, в каком бы положении она ни была. Первый встретившийся после сего куст служит свидетелем их сочетания, новобрачная принадлежит уже к станице своего мужа и не предпринимает покушения от него бежать.

Вообще мужья поступают с жёнами своими как с рабами. Около Сиднея, или где только море близко их местопребывания, бедные жёны должны весь день сидеть в лодках и ловить рыбу, между тем мужья их скитаются или спят. Ежели ловля была удачна, тогда жён ласково принимают, а в противном случае нередко бьют; другие работы также возложены на женщин; они собирают дрова, разводят огонь, собирают цвет с дерев банксии и пр.

Природные жители, живущие около морского берега, питаются рыбою, которую, лишь только поймают, бросают на уголья и едят, не отделяя внутренности; точно так поступают и с прочими животными. Змеи составляют лакомое для них яство.

Курительный табак и крепкие напитки сделались им необходимыми, и, невзирая на чрезвычайную леность, они за табак и вино принуждают себя к работе, рубят дрова и носят воду.

Содержатели трактиров по большей части нанимают природных жителей выполаскивать водочные бочки. Первую воду, которая имеет ещё сильный водочный запах, они называют булл, принимают платою за труд их, наливают в сосуд и по окончании работы допьяна оною напиваются. Хотя сие запрещено, однако хозяева трактиров находят такую плату за разные работы весьма выгодною и потому не смотрят

на запрещение. Природные жители наперёд делают договоры с хозяевами, и ежели придёт другой на работу, или просить милостыни, они его с сердцем прогоняют. Во многих домах употребляют их для разной работы, особливо для чищения стёкол; большими своими перстами они сие исполняют весьма искусно, так что ни один европеец их в том не превосходит; невзирая, что работники совершенно наги, по привычке смотрят на них без отвращения.

Все, живущие в близости городов, особенно около Сиднея, умеют несколько объясняться по-английски, как-то: дай мне денег, или, не дадите ли вы мне гинею (около 6 рублей серебром), или думп (около 40 копеек), и пр.

Дети, прижитые с европейцами, смуглы. В изображении группы ново-голландцев под начальством Бонгари ясно отличить можно молодую приятного вида девочку, дочь Бонгари; сам Бонгари признавался мне, что она на него не похожа. Таковое сношение европейцев распространило болезни; а как природные жители не умеют лечиться, то больные их редко выздоравливают.

Завезённая европейцами оспа также производила пагубные следствия и уменьшила число жителей. Нам рассказывали, что в пещерах около Брокен-бая видны кости людей, без помощи умерших.

Жители Новой Голландии вскоре после рождения младенцев отрезают два сустава мизинца левой руки; полагают, что при ловле рыбы без сих суставов удобнее наматывать лесы на челнок. Мне кажется, что причина сия весьма маловажна для предпринятая такого болезненного действия над младенцами и не могла бы побудить жителей мест, отдалённых от приморского берега, лишать детей сих суставов; вероятно, что истинная причина сему обыкновению забыта. У некоторых других народов Великого океана то же делают; поводом к сему бывает смерть самого ближнего родственника, как мы видели у жителей острова Оно. Вероятно и на островах Фиджи, ближних к Оно, таковое же обыкновение существует.

До прибытия европейцев в Новый Южный Валлис природные жители не имели никакой одежды, кроме узенькой повязки, которая даже худо покрывала обыкновенно закрываемые части, и то только у мужчин. Уже 33-й год европейцы стараются обратить внимание жителей Новой Голландии на пользу и приличие одежды; но всё тщетно. Многие, получа полное одеяние, отдавали оное за ром или табак. Но как им было объявлено, что они не получают никакого вспомоществования, ежели будут ходить вовсе без платья, то в город ходят в рубишах, а по возвращении домой тотчас оное снимают. Женщины в холодное время покрываются шерстяным одеялом чрез плечи. В сём состоит их одежда.

Природные жители весьма хорошо помнят свою собственность. Некоторые объясняют права свои на известные места, говоря, что принадлежали их предкам. Легко себе представить можно, что они неравнодушно видели изгнание своё из собственных любимых ими мест. Невзирая на делаемые им вознаграждения, искра мщения тлеет в сердцах их.

Правительство старалось, чтоб природных жителей не вовсе отдалить, и для того назначило им поблизости некоторые места для их пребывания. Сия мера принята в

феврале месяце 1815 года, и шестнадцати семействам отведена земля в местечке, называемом Джоржес-лед (Georges-lead), и Бонгари назначен начальником сих семейств. Они получили земледельческие орудия и одежду, а ссылочные должны были наставлять их в земледелии. Сначала ревностно принялись за работу, но вскоре, наскучив оною, продали земледельческие орудия и возвратились к прежнему образу жизни. Бонгари дан был сад, обработанный нарочно для него одним европейцем. Он и ныне сим садом владеет и собирает ежедневно некоторую сумму денег от персиковых деревьев, изобильно в оном растущих.

Бонгари достоин того, чтобы иметь о нём подробные сведения. Ему около пятидесяти пяти лет; он всегда отличался добрым сердцем, кротостью и другими хорошими качествами и был полезен колонии. Служил провожатым капитану Флиндерсу при описи берега Новой Голландии в 1801, 1802 и 1803 годах и лейтенанту Кингу в 1819 году. Часто для восстановления нарушаемого спокойствия в семействах, под его начальством состоящих, подвергал жизнь свою опасности. Несколько лет тому назад попался один убежавший ссылочный в руки другого семейства; беглого ограбили, отняли топор и хотели его умертвить. Бонгари явился туда, взял сего человека под свою защиту, исходатайствовал ему свободу, потом в три дни, на спине своей, принёс его в Порт-Жаксон, переходя с ним реки и питая его кореньями; в награду ничего не просил, кроме прощения спасённому беглецу. Правительство колонии подарило Бонгари ялик. Сей великодушный человек вообще любим за подобные примерные поступки.

Губернатор Макварий завёл в 1814 году училище в Парамате для воспитания детей. Много труда стоило согласить родителей отдать детей в сие училище; вероятно, они думали, что их будут принуждать к тяжёлым работам; наконец, некоторых уговорили. Последство доказало, что природные жители Новой Голландии к образованию способны, невзирая, что многие европейцы в кабинетах своих вовсе лишили их всех способностей. Они успели в чтении, арифметике и рисовании. С обучающимися обходятся весьма благосклонно. В совершенных летах им позволяют жениться и снискивать пропитание разными рукоделиями.

По разным незначущим причинам между природными жителями происходили непрерывные ссоры. Дабы искоренить сию междоусобную злобу, приучить их к согласию и лучше познакомить с колонию, губернатор Макварий объявил, что приглашает природных жителей один раз в год, именно 28 декабря, являться в Парамату. Сия благоразумно предпринятая мера имела хорошие последствия. Прошедшего года собрание по причине жаров было не так многочисленно, как в другие времена, однакоже состояло почти из 300 человек мужчин и женщин. Все они сидели на земле в одном кругу, начальники их впереди; губернатор Макварий с женою своею и множеством европейцев входил в сей круг и обращался дружественно, детей привели из училища. Привязанность и любовь родителей обнаруживаются одинаково у всех народов, начиная от самого просвещённого европейца, до жителя на Огненной земле. Они смотрели на своих детей с радостью, прижимая их к сердцу, с нежностью и слезами, так что многие из зрителей прослезались. Когда дети начали показывать свои тетради, рисунки и рукоделия, тогда весь круг пришёл в неизъяснимый восторг; отцы и матери едва могли постигнуть, чтоб дети их имели такие понятия. Отец одной девушки несколько минут стоял в изумлении, потом в слезах долго обнимал дочь свою. По

окончании заседания всех накормили хорошим обедом, и сим празднество окончилось.

Мне неизвестно мнение английского общества миссионеров, и потому, может быть, ошибаюсь в моём заключении, но удивляюсь, что сие общество, имея всюду миссионеров, по сие время ни одного не прислало в Новую Голландию; может быть, страшится больших издержек, не имея в виду никакого возмездия. Новая Зеландия, острова Общества и Сандвичевы щедро награждают сословие миссионеров. Товары их весьма выгодно промениваются, суда возвращаются нагруженные кокосовым маслом, арорутом, вероятно и жемчугом; напротив, жители Новой Голландии ничего не имеют, и потому в 33 года не только не сделали никаких успехов в образованности, но не имеют никаких понятий об истинной вере, когда другие народы сего океана, которых земли бог благословил превосходной почвой, а дно моря, их окружающего, драгоценностями, приметным образом просвещаются познанием христианской веры.

Качество земли и произведения. Около четырёх и до шести миль от моря земля по большей части песчаная, камениста, неплодородна и производит несколько кустарников и искривлённые деревья, или даже такие, у которых сердцевина внутри как будто выгнила; за сим, так сказать, пустырём следует лучшая земля, на коей растут прекраснейшие высокие смолистые деревья, которые известны под следующими названиями: Terpentine-tree, Cork-wood, Plumb-tree, Ti-tree, Red-gum, White-gum, Black-butt-gum, Pear-tree, Pepper-mint, Mahogany, Beef-wood, или Forest-oak, Iron-wood, Cedar и др., лес част, трава дурная. Таким же точно образом продолжается почва ещё на восемь миль далее от берега, и можно сказать, что земля на четырнадцать миль от моря к земледелию мало или совсем неудобна; но чем дальше идёшь во внутренность, тем более представляется взорам обработанных полей. Лучше всего поспевают пшеница; а для овса и ячменя климат слишком жарок. Начиная с сей полосы, плодоносность умножается, лес и самые деревья необыкновенного рода, как-то: синей смолы (Blue-gum, Stringybark, Mimosa) и пр.

Четыре мили далее в берег земля превосходная, открывается бесконечное разнообразие отлогих гор и долин, повсюду видны селения, при оных и стада. Замечания достойно, что в сих местах деревья уже не так высоки, не в таком изобилии, кустарников так мало, что жители свободно на лошадях преследуют кенгуру.

Долины распространяются при соединении рек Нипена и Гавкесбури; берега последней ещё плодороднее, нежели берега первой. Она может быть некоторым образом сравнена с Нилом, потому что иногда выступает из своих пределов, и по стечении воды остается благотворный ил, который утучняет землю.

В Порт-Жаксоне меня уверяли, что один акр земли произвёл в один год 50 бушелей пшеницы и 100 бушелей кукурузы. Французский мореплаватель Фрейсине в описании первого своего путешествия упоминает, что пшеницы приходилось на одно зерно до 95, ячменю 140, кукурузы до 200; в сем-то месте, говорит он, главная житница английской колонии.

Как сия часть Нового Южного Валлиса, сколько поныне известно, лучшая, то она более обрабатываема, и, невзирая на убытки, часто от разлития реки происходящие,

полей никогда не оставляют, невозделанными, ибо в один плодородный год на сих местах родится более, нежели на другом, постоянно плодоносном, в три года.

Главная причина разлития реки Гавкесбури -- близость Синих гор. Реки Грос и Варагонбиа текут из сих гор, а Непен около шестидесяти миль течёт тем же направлением и принимает множество источников, которые низвергаются с гор. Все сии воды вдруг впадают в Гавкесбури, и, невзирая, что берега её везде около тридцати фут возвышения, вода выходит из берегов. Со времени заведения колонии в Новом Южном Валлисе река сия разливалась до десяти раз.

Как все горы, в отдалённости от глаз находящиеся, кажутся синими, вероятно, оттого и сии горы получили название Синих. Высота их многим менее европейских гор. Землемер Гоклей, по особенному к нам дружелюбию, сообщил свои барометрические замечания на Синих горах, и астроном Симонов по возвращении в Россию вычислил оные по таблицам Биота, основанным на лапласовых формулах. Высоты Синих гор могут быть для многих любопытства достойны, а потому оные здесь сообщаю:

Чёрная высота, Blackheath -- 3 554 англ. футов

Река Кокс, Cox's River -- 2 187 " "

Рыбная река, Fish River -- 2 694 " "

Река Кампбелля, Campbell's River -- 2 330 " "

Батурст, Bathurst -- 2 190 " "

Самая высокая часть гор, отделяющая восточные воды от западных -- 4 051 " "

Вершина Батурста, Bathurst lake -- 2 142 " "

Вершина Георга, Lake George -- 2 319 " "

Ныне проложена дорога чрез Синие горы к западу на пространстве пятидесяти восьми миль; начинается с восточной стороны от пункта Эму Форд (Emu Ford), от Сиднея до сего места девяносто восемь миль.

Дороги в Новом Южном Валлисе весьма хороши, местами поправлены, а местами совершенно вновь проложены. В нашу бытность губернатор и комиссионер Бик предпринимали путешествие из Порт-Жаксона чрез Синие горы в карете для осмотра найденных озёр на SW, в двухстах милях от Сиднея; по донесениям, начальству доставленным, одно с пресною водою и до девяти миль в окружности, а другое с солёною водою, около тридцати миль в длину, и в сем последнем множество рыбы и бесчисленные стада водяных птиц. Губернатор по обозрении озёр нашёл, что донесения были ложны и в озёрах вода пресная {Озера Батурст и Джорж. -- Ред.}. Землемер Гоклей, бывший с ним, нам рассказал, что первое озеро длиною девять, шириною три мили, а другое длиною двенадцать, шириною четыре мили.

За хребтами Синих гор заложен город Батурст в честь лорда Батурста, статс-секретаря, начальствующего тем департаментом, коему принадлежит управление Новым Южным Валлисом. Город сей расположен при реке Маквари, которую

описывали около семидесяти миль на шлюпках, нарочно для сего построенных. Ожидание, что река впадает в море, оказалось тщетно, ибо окончание её найдено весьма необыкновенное, т. е. она впадает в болотистое озеро, которое иногда высыхает. Главная дорога, называемая Большая западная дорога (the Great Western Road), проведена от Сиднея до города Батурста на 140 миль; прочие дороги также весьма хороши, но не так велики.

Гавань Порт-Жаксон образует длинный залив, который имеет с обеих сторон несколько небольших бухт. При одной из сих бухт выстроен город, а весь залив составляет безопаснейшую гавань, закрытую от всех ветров и легко может вместить весь английский флот. На берегах строения ещё мало, но когда будет больше, тогда внутренний вид сего залива будет картинный. При входе на южной стороне поставлен на возвышенности вертящийся новый маяк, называемый Маквари-Товер (Macquarie Tower).

Берега сего залива усеяны цветами и деревьями разного рода. Я сохранил по нескольку каждого растения, которые естествоиспытателями Эйхенвальдом и Фишером разобраны {Далее Беллинсгаузен приводит список около семидесяти растений ка латинском и русском языках, который в настоящем издании опущен. -- Ред.}.

Сидней. Главный город и порт в семи милях от входа в Порт-Жаксон, занимает ту часть мыса, которую Сидней-ков отделён от Лане-ков (Lane-cove), исключая самый мыс, где находится батарея Давес.

Глубина в заливе такова, что всякого рода корабли могут приставать к берегу. На восточном берегу Сидней-кова сад губернатора и правительству принадлежащий Ботанический сад, в котором стараются разводить произрастения всех стран; я послал для сего сада привезённые мною отаитские яблоки, сахарный тростник и кокосы с отростками и для сада капитана Пайпера дал несколько корней таро.

Город выстроен не по общему плану. До прибытия губернатора Маквария мало занимались правильностью в построении, но теперь дома и улицы лучше; несколько общественных и частных строений таковы, что не обезобразили бы хорошие города в Европе. Как город занимает большое пространство, то при первом взгляде путешественник может заключить, что число жителей велико, однакоже не превосходит одиннадцати тысяч. Дома по большей части в одно жильё и при каждом сад; цена их и наём квартир весьма дороги.

В Сиднее местопребывание губернатора; общественные здания следующие: одна церковь, а другую ныне отстраивают; гражданский и военный госпиталь, казармы военные и для ссылочных, сиротский дом для мальчиков, банк, два народных училища, небольшое Адмиралтейство, рабочий двор для общественных и казённых зданий, магазины, конюшни и проч.

Парамата. У окончания залива Жаксонского, при впадающей в залив узенькой речке с пресною водою. Сведение о сем городе сообщено в первой части, при первом моём пребывании в Порт-Жаксоне. Число жителей простирается до 4 000.

Виндзор. В тридцати пяти милях от Сиднея, близ соединения рек Соут-крик (South-creek) и Гавкесбури (Hawkesbury), расположен на холме около 100 футов вышиною,

строением одинаков с Параматою. В Виндзоре церковь, губернаторский дом, госпиталь и другие здания. Большая часть жителей состоит из поселян, в окружности живущих, несколько мелочных купцов и ремесленников. Число всех их простирается до пяти тысяч. Река Гавкесбури в сем месте велика, и суда в сто тонн могут проходить четыре мили и далее до селения; несколько выше соединяется с рекою Непеаном.

Ливерпуль. При берегах реки Георга, от Сиднея в восемнадцати милях, составляет средоточие между Сиднеем, Брингеллем (Bringelly), Кабраматою (Cabrattatta) и пятью островами (Five Islands) и по таковому положению места со временем может быть большой важности. Река Георга почти в половину менее Гавкесбури, и суда о двадцати тоннах, чрез Ботанибей, доходят до сего места; иногда, но редко и не высоко, выступает из берегов.

Так называемые "паствы" заключаются между рекою Непеаном, Синими горами и кустарниками; границы их в виде продолговатого эллипса, пространство около 100 тысяч акров.

Сие место получило название от следующего случая: спустя несколько недель по прибытии губернатора Филиппса, пропали три коровы и два вола, которые были привезены с мыса Доброй Надежды; полагали, что природные жители их убили. Спустя семь лет возвратился один беглый из ссылочных с известием, что нашёл несколько сот рогатого скота; сие побудило бывшего в сие время губернатора Гунтера туда отправиться, и он увидел, что донесение не ложно. Правительство дало повеление сей рогатый скот не истреблять, дабы размножился и принёс пользу колонии. При всём том стада размножились так, что в 1814 и 1815 годах всего пасшегося скота насчитали от десяти до двенадцати тысяч. Потом по причине случившейся засухи все вымерли, а между тем как бедные окрестные поселяне, так и ссылочные, много употребили в пищу; полагают, что ныне осталось не более 400.

По английским законам вор, укравший скотину, должен быть повешен, но таковой приговор совершён только над тремя виновными. Ныне обличённых в сей краже отсылают на положенный срок в Ньюкастль.

Пять островов (Five Island). Воды, пересекающие в разных направлениях сию часть берега, при первом взгляде кажутся образующими острова, что и было поводом к наименованию сей части твёрдой земли островами.

Округ сей начинается на сорок миль к югу от Сиднея и простирается до реки Мелководной гавани (Shoal-haven River). Как по сей реке суда от семидесяти до восьмидесяти тонн могут ходить почти на двадцать миль, то округ пяти островов имеет против других большие выгоды, а притом и почва земли лучше. Единственный проход берегом так крут, что с опасностью на верховой лошади по оному проезжают; в сем округе торгующие скотом содержат свои запасы. Растения прекрасные и во множестве, между прочим деревья, называемые англичанами цедры, употребляемые по мягкости их преимущественно на мебели, обшивку мелких судов и другие изделия.

Ньюкастль (Newcastle, или Coal River). Округ сей и река получили название от угольных слоев, в окрестности находящихся. Уголь добывают ссылочными, которых присылают в Ньюкастль, ежели поведение их в Новом Валлисе сделалось хуже. Около

700 человек сих преступников разрабатывают и столько добывают угля, что правительство имеет оно в излишестве. В сем округе великое множество устриц, из их раковин выжигают великое количество извести.

В гавани Ньюкастльской несколько песчаных мелей, однакоже глубины достаточно для судов в 300 тонн; в окрестностях много cedровых дерев; но вырублено столько, что хороших не иначе достать можно, как за сто миль вверх по реке. Начальник в Ньюкастле, капитан, имеет неограниченную власть, исключая на смертную казнь.

Порт-Маквария. Сия гавань найдена в прошедшем году в 170 милях от Ньюкастля. Река, из внутренних стран текущая, впадает в гавань, а как в окрестностях открыто много каменного угля, кремня и железа, то наверное сказать можно, что правительство в скором времени заселит сие место.

Климат, особенно во внутренних странах Нового Южного Валлиса, весьма здоров, невзирая, что летом жар бывает несносный, во время жарких ветров. В самые знойные дни летних месяцев декабря, января и февраля в Сиднее ртуть в термометре поднимается до 21,4, 23,5 и 25,8° по разделению Реомюра, но от благотворного северо-восточного ветра, с месяц продолжающегося, с девяти часов утра до шести часов вечера, жар некоторым образом сносен; ветер WSW или W следует за NW и дует во всю ночь. В самые знойные дни ветер отходит к северу и производит бурю, которая однакож, продолжается не более одних или двух суток.

Жаркие ветры дуют от NW и WNW, и сила их жара умножается от великого пространства нагретой ими земли; в сие время периодические ветры перестают, и обыкновенно следует холодный южный бурный ветер и дожди; термометр опускается до 15,1° по Реомюрову размерению.

В продолжение трёх летних месяцев бывают ужасные бури; молния, громы и проливные дожди освежают землю. Ежели летом в течение одного месяца нет дождей, тогда трава, ручейки и пруды высыхают, люди и скот терпят великий недостаток. В продолжение зимних месяцев ртуть в термометре опускается по утрам до 3,5 и 5,8°, а в полдень поднимается до 10,2° и 12,5° Реомюра.

Болезни в Новой Голландии -- по большей части чахотка и кровавый понос. Врачи утверждают, что первая происходит от частой перемены температуры в воздухе, а вторая от многого питья воды и последовавшей потом простуды.

Ископаемые. В открытии минералов ещё мало сделано успехов, ибо никто из переселившихся не принимается за горные промыслы. Накипи железа почти везде показываются, золото и медь также недавно открыты, и не подвержено сомнению, что в недрах сей обширной страны находятся благородные металлы и камни. Тяжеловесы {Топазы. -- Ред.} Новой Голландии превосходят американские и мало чем уступают бриллиантам.

Четвероногие животные. Хотя мало разных пород, но они почти все отличаются особенным видом от находящихся в других частях света, например:

Опоссум. Летяги разных пород; иные величиною с кошку. В Новую Голландию были привезены для разведения зайцы, но ныне их не видно; вероятно, природные жители перебили, или ядовитые змеи истребили.

Кенгуру. Во множестве во всех местах; они так смелы, что подходят к самым селениям, где их убивают в большом количестве. Прыгают весьма быстро на задних ногах; их стреляют из ружей и травят борзыми собаками. Кенгуру весьма полезны. Кроме вкусного их мяса для пищи, хорошую шерсть и кожу выделывают и употребляют на обувь.

Кенгуру-крыса многим менее первой, но во всём похожа на обыкновенную кенгуру.

Дикие собаки -- смесь, между собакою и лисицею; не лают, людям никакого вреда не делают, а заедают овец и уносят кур.

Вомбат (*Phascolomis Wombat*) -- весьма похож на маленького медвежонка, серого цвета, водится за Синими горами.

Утконосы (*Ornithorhynchus*) достойны особенного примечания. Водятся, как поныне известно, только в Новом Южном Валлисе, длиною иногда до двух футов. На всех четырёх ногах длинные перепонкою соединенные пальцы с когтями, на задних ногах с боков шпоры, подобно, как у петухов; сими шпорами защищаются. Местный житель, поймав одного утконоса у берега озера, был уколот шпорою, вдруг открылись все те же признаки, как от уязвления змеи, однакож он выздоровел. По рассмотрении сих шпор, оказалось, что в самой оконечности оных отверстие, из коего утконос испускает яд. Сие животное имеет нос плоский, роговатый и похожий на утиный, шерсть довольно мягкую, подобную бобровой, под брюхом белесоватую. При анатомировании утконоса были найдены в нём яйца; сие доказывает, что утконосы не одним только клювом, но и воспроизведением [способом размножения] походят на птиц.

Птиц разнообразных в Новой Голландии весьма много; отличаются видом и превосходными перьями, и именно: эму, или новоголландский казуар, чёрные лебеди, фазаны новоголландские, какаду белые и чёрные, несколько пород попугаев, как-то: королевские розетки синегорские; много параклитов; различных пород зимородки, некоторые значительной величины; птица, называемая аббатом, величиною с голубя, дымчатого цвета, с голою шеею и головою, на носу небольшой горб; перепёлки, голуби, вороны и многие другие. У некоторых птиц замечания достойна перемена цвета перьев по возрасту, особенно у попугаев, так что можно одну и ту же породу принять за две совершенно различные породы, например молодые королевские попугаи зелёные имеют только под брюхом едва слабые красные перья, но по прошествии трёх лет вся голова и шея и подбрюшье принимают красный цвет. В сем я удостоверился, имея с собою в путешествии королевских попугаев, которые все по возвращении моём в Петербург, в августе 1822 года, линяли и после того на голове и шее выросли перья красные вместо зеленых.

В Новой Голландии множество змей и ящериц; первых мы не видали длиннее восьми футов, а последних от шести дюймов до двух футов. Природные жители их боятся,

особенно змей; но убив, охотно едят их мясо. Нам рассказывали, что некоторые европейцы так же едят, и что женщины пристрастились к сей пище.

ЗЕМЛЯ ВАНДИМЕНА {*}

{* Остров Тасмания.-- Ред.}

Берега сего обширного острова на взгляд лучше берегов Новой Голландии, внутренние части без исключения все удобны для земледелия. Весь остров горист, а на многих вершинах гор большие озёра -- источники рек: Дервента, Гуона, Тамара и других. Хорошие гавани следующие: Дервент, Порт-Деви, Порт-Маквари, Порт-Дальримпль и Ойстербай.

В земле Вандимена нет тех деревьев, которые во множестве растут в Новом Южном Валлисе, но в чёрном дереве, сосне гуанской и дереве там изобилие; последнее весьма крепко и имеет приятный запах; трава многим лучше, нежели в Новом Южном Валлисе, и оттого рогатый скот, особенно овцы, весьма размножились; пшеница также лучше, и можно сказать, что земля Вандимена -- запасный магазин английской колонии.

Капитаном Куком обретён остров к востоку от Новой Голландии и назван Норфольк. На сей остров при основании колонии в Новом Южном Валлисе привезены поселенцы и по причине чрезвычайной его плодородности ожидали, что будет доставлять хлеб; но как при острове Норфольке нет безопасного якорного места и удобной пристани для гребных судов, то поселенцы свезены, невзирая на все чрезвычайные преимущества почвы земли, и в 1803 году избрали землю Вандимена, где плодородие одинаково с островом Норфольком, и сверх того при берегах находятся хорошие закрытые и безопасные гавани.

Земля Вандимена изобилует железом, медью, квасцами, каменным углем, шифером, известковым камнем и базальтом, но золота и серебра до сего времени ещё не сыскано. На Синих горах золотая руда открыта в 1820 году натуралистом Штейном, который был с капитан-лейтенантом Васильевым в путешествии вокруг света.

Природные жители земли Вандимена в непрерывной вражде с европейцами; часто истребляют стада их овец, не по нужде, а единственно, чтобы нанести чувствительный вред своим неприятелям. Ненавидят вообще всех европейцев, но так боятся огнестрельного оружия, что три человека, оным вооружённые, могут пройти безопасно весь остров.

Причина толь глубоко вкоренённой ненависти природных жителей к европейцам произошла от непростительного поступка первых английских пришельцев к реке Дервент. Вандименцы изъявили сим гостям дружбу и приверженность, конечно и поныне продолжали бы поступать таковым же образом, ежели бы начальствующий офицер не приказал в них стрелять картечью, полагая, что сии добродушные люди, привлечённые любопытством, имеют неприязненные намерения. Неожиданный выстрел произвёл ужасное впечатление в диких; все дружелюбные сношения мгновенно прервались, и ненависть их к пришельцам дошла до такой степени, что о примирении и теперь ещё помыслить невозможно (Помещенные Беллинсгаузен

заметки о "Правлении" опущены в настоящем издании ввиду их исключительно местного интереса. -- Ред.}

Гобарт-Тоун (Hobart Town). Главный город и местопребывание вице-губернатора, от устья реки Дервент в девяти милях, основан не более шестнадцати лет, не так хорошо выстроен, как Парамата, расположен на двух холмах, посреди коих проток лучшей воды, выходящей из горы Стола {Гора Веллингтон. -- Ред.}; название сие дано горе по сходству её с горою Стола на мысе Доброй Надежды. В течение девяти месяцев она покрыта снегом и ужасные ветры дуют вокруг.

Дервент. Гавань и вход в реку сего же названия, не уступает никакой гавани, и лучше многих. Река имеет два входа, которые разделены островом Питта {Остров Бруни. -- Ред.}; один залив называют Данте-Касто, а другой Бурный {Сторм-бей. -- Ред.}.

Река Дервент имеет довольно глубину, суда всякого рода могут входить на одиннадцать миль далее города Гобарта; пролив Дантре-Касто образует от порта Колинс до города Гобарта хорошую безопасную гавань, в коей глубина от четырех до тридцати сажен.

Бурный залив открыт от юга и юго-востока, исключая некоторых мест, где суда по нужде могут укрываться. Лучшее убежище залив Адвентюр, хотя открыт с северо-восточной стороны, но несколько защищен островом Пингвинов, и суда, снабжённые хорошими якорями и таковыми же канатами, могут стоять на якоре.

Бурный залив ведёт к другой хорошей гавани, называемой Северным заливом {Норт-бей. -- Ред.}, сия гавань имеет шестнадцать миль в длину и в некоторых местах ширины шесть с половиной миль; в большей части залива хороший грунт, глубина от двух до пятнадцати сажен.

Залив Норфольк в Северном заливе образует гавань длиною в девять миль; лучше всех защищен от ветров и нигде не имеет глубины менее четырёх сажен. Вообще заливы сии наполнены китами, которые обыкновенно в ноябре месяце оставляют неизмеримые глубины океана, дабы здесь воспроизводиться; для сего выбирают спокойные воды и пребывают в оных около трёх месяцев.

Порт Дальримпль. Обретён капитаном Флиндерсом в 1798 году и так назван губернатором Гунтером, находится при устье реки Тамар, которая впадает в пролив Басса.

Лаунчестаун -- при той же реке. По причине нездорового воздуха вокруг сего места четыре года тому назад заложен другой город, на три мили далее вверх реки и назван Георг-Тоун. Военный начальник имеет пребывание в сем городе. В нескольких милях от Лаунчестоуна груды железных штуфов, которые так богаты, что содержат на 70 процентов металла. Рудников ещё не обрабатывают по причине малолюдства поселенцев в Новом Южном Валлисе.

Климат в земле Вандимена для европейцев благоприятнее, нежели в Порт-Жаксоне, ибо не производит великих внезапных перемен в температуре воздуха: летом не слишком жарко, а зимою не слишком холодно. Зима, конечно, несколько холоднее, нежели в Новом Южном Валлисе, и вершины гор бывают покрыты снегом, но в

Ф. Ф. Беллинсгаузен
Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение
1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном"

долинах редко снег остается на несколько часов. Разность в температуре воздуха Порт-Жаксона и города Гобарта до 10° по Фаренгейтову термометру ($5,6^{\circ}$ по Цельсию).

Глава шестая

Отбытие из Порт-Жаксона к острову Маквария. -- Плавание в Ледовитом океане. -- Обретение острова Петра I. -- Берега Александра I. -- Плавание по южную сторону Ново-Шетландских островов.--Обретение островов: Трех братьев, Мордвинова, Шишкова, Рожнова. -- Прибытие и пребывание в Рио-Жанейро.

31 октября. В воскресенье, октября 31-го, мы подняли все гребные суда, и когда с утра по требованию моему обыкновенным сигналом приехал лоцман, шлюп "Восток" тотчас снялся с якоря. Невзирая, что на шлюп "Мирный" по призыву лоцман еще не приехал, лейтенант Лазарев снялся с якоря и последовал за "Востоком". Оба шлюпа остановились в дрейфе и поджидали едущего к нам капитана порта Пайпера. Во все пребывание в Сиднее мы пользовались особенно его благоприязнью; простясь с ним, прокричав друг другу взаимное "ура!" и отдав крепости салют, на который нам ответствовали равным числом, мы наполнили паруса. Капитан Пайпер не довольствовался сим изъявлением своего дружелюбия, поехал на свою дачу, мимо которой шлюпам надлежало итти, и салютовал нам вслед из своих малых пушек. Не без сожаления оставили мы место, где все время нашего пребывания проводили с большим удовольствием.

Лишь только приблизились к выходу из залива, зыбь от SO нас встретила и, по мере отдаления нашего в море, увеличивалась. Ветр, дувший в заливе от W, перешел к SW. Ясное небо задернулось облаками, мрачность покрыла берега и пошел дождь. Все повторяли русскую пословицу, при дожде употребляемую: богато жить.

1 ноября. К вечеру ветер скрепчал, принудил нас спустить брам-стенги и остаться под фор- и грот-марсельями. Ноября 1-го погода была бурная, от юга, сопровождаемая пасмурностью, а иногда и дождем.

2 и 3 ноября ветер дул противный от юга и временем набегали дождевые тучи; я старался удерживаться на одном месте до попутного ветра. Черные большие бурные птицы, альбатросы разных величин и цвета, непрерывно нам сопутствовали.

4, 5 и 6 ноября. Ветр все еще был хотя противный, но тихий, при ясной погоде. Мы воспользовались, сими хорошими ведренными днями, просушивали паруса, все служительское мокрое платье, сено, взятое для баранов; вычистили и просушили палубы. По причине недостаточной твердости в шлюпе спустили все пушки с дека на кубрик, оставя одни каронады на шканцах для сигналов; запасный рангоут, в пребывание наше в Порт-Жаксоне, я убрал в нижнюю палубу, оставя самонужнейшие вещи на росторах, и к укреплению верхней части шлюпа употребил все возможные средства, как-то: положены найтовы из борта в борт у самой кормы и около бизань-мачты; под все бимсы подбили пиллерсы, ибо они были не под всеми; переправляли переборки, которые при качке судна выходили из своих мест. Парадный люк на шлюпе был в кают-компани, столяры обгородили оный переборкою, дабы холод и сырость менее пробирались в судно; привели все люки в порядок, обив их смоленую парусиною; в грот-люке вставили посредине стекло для света, а для входа и выхода команды остался один фор-люк; в оба люка команде предоставлено выходить тогда

только, когда опасность востребует скорой помощи. Докончили уменьшение лисель-спиртов по соразмерности убавленных реев.

6-го погода была прекраснейшая, почему вынесли на шканцы купленных в Порт-Жаксоне разных птиц, как-то: белых и одного черного какаду, лорий, королевских и синегорских попугаев и одного маленького попугая с острова Маквария, промышленниками привезенного в Порт-Жаксон, где я его купил; сию птицу и черного какаду ценили более всех прочих; сверх того, у нас были два голубя с Синих гор и один с острова Отаити. Мы насчитывали на шлюпе "Востоке" восемьдесят четыре птицы. Они производили большой шум, некоторые из какаду произносили разные английские слова, а прочие птицы дикими голосами кричали и свистали. Мы взяли также кенгуру, который бегал на воле, был весьма ручной и чистоплотный; часто играл с матрозами и требовал мало присмотра; ел все, что ему давали.

7 ноября. В полдень мы находились в широте южной $34^{\circ} 41' 41''$; долготе восточной $150^{\circ} 46' 26''$; теплоты было $16,5^{\circ}$; склонение компаса оказалось $90^{\circ} 12'$ восточное.

В первые два дня от выхода из Порт-Жаксонского залива, когда мы еще не отделились от берега, течение шло к SW 57° , семьдесят две мили, а потом ежедневно сносило нас к NW по тридцати пяти миль.

Во всю ночь был штиль, небо облачно, и временно луна из-за облаков освещала поверхность моря; ртуть в термометре в полночь стояла на $13,8^{\circ}$. С утра сделалось маловетрие от востока, потом ветер час от часу свежел; мы сим воспользовались и направили путь к югу.

7 ноября было воскресенье, а потому мы не позволили служителям завтракать, доколе они не окончили очистки шлюпа и не вымылись теплою морскою водою.

В полдень находились в широте $35^{\circ} 30' 18''$ южной, долготе $152^{\circ} 16' 43''$ восточной. Течение моря шло на SW 68° , тридцать восемь миль в сутки. В час пополудни по приглашению моему приехал лейтенант Лазарев с некоторыми офицерами к обеду. Я объявил ему, что не намерен итти к Аукланским островам, ибо сей курс нас много отвлечет на восток, по причине господствующих западных ветров в средних широтах, и приблизит к путям капитана Кука, и для того, вместо сих островов, я положил итти к острову Маквария. В случае разлучений назначил, как и прежде, искать друг друга три дня на том месте, где в последний раз виделись, а ежели, сверх чаяния, не встретимся, тогда ожидать неделю у северо-восточной оконечности Новой Шетландии, которую я имел намерение осмотреть; потом итти в Рио-Жанейро, и ежели там не сойдемся, прождав месяц, исполнять по инструкции, с которой лейтенант Лазарев имел копию.

В 6 часов пополудни гости наши возвратились на шлюп "Мирный". В сие время все небо покрылось облаками, горизонт мрачностью, пошел дождь, и продолжался во всю ночь.

8 ноября. 8-го небо было также покрыто облаками, горизонт мрачен и шел дождь. Мы имели хода по семи и восьми миль в час на StO, при северо-восточном ветре; зыбь была большая от SO и производила сильные удары в носовую часть. Мы непрестанно встречали бурных птиц и плавно летящих альбатросов, разного цвета и величины:

В полдень в носовой каюте около форштевня оказалась течь. Капитан-лейтенант Завадовский осматривал оную, вода входила так сильно, что слышно было ее журчание, но в какое место, невозможно было видеть за обшивкою. В Порт-Жаксоне, сколько могли, обдирали медь в носовой части, проконопатили под оную весьма хорошо и потом обили медью до самого баргоута, но и после таковой предосторожности, к крайнему всех сожалению, течь оказалась; надлежащих против сего мер в нашем положении взять не было возможности и места, а время года, лучшее для плавания в южном полушарии, нам не позволяло переменять нашего намерения.

К ночи ветер отошел к О, а потом к SO, скрепчал и дул порывами с дождем, производя большое волнение, что принудило нас взять у марселей по другому рифу.

Убавление всего рангоута и парусов, постановление всех пиллерсов и понижение тяжести всей артиллерии довольно ощутительно уменьшило движение верхней части шлюпа "Восток", однакоже я не смел нести много парусов, дабы чрез то, умножая ход, не увеличить течи в носовой части. Итак, мы, с большим трудом преодолев одно неудобство шлюпа, были заняты другим, несравненно важнейшим, которое могло произвести гибельные следствия. Не имея средства сему помочь, я имел одно утешение в мысли, что отважность иногда ведет к успехам.

9 ноября. При том же юго-восточном свежем ветре, облачном небе, накроплении дождя и мрачности горизонта мы продолжали курс левым галсом к югу, склоняясь несколько к западу. В 6 часов утра прошли мимо плавающей морской травы. В полдень находились в широте $40^{\circ} 10' 45''$ южной, долготе $151^{\circ} 42' 28''$ восточной. Ртуть в термометре уже начала понижаться: в самый полдень теплоты было только 11° . Сегодня, кроме обыкновенных птиц, которые ежедневно показывались, летало около шлюпов несколько погодовестников.

10, 11 и 12 ноября. Три дня ветер дул тихий от востока и позволял нам продолжать путь к югу. Мы все еще приуготавливали наши шлюпы для плавания в больших широтах Южного океана. Плотники обшивали корму наглухо, ибо я полагал, что сия обшивка несколько послужит скреплением для кормы и предохранит оную от волн. В полдень 12-го находились в широте $44^{\circ} 53' 58''$ южной, долготе $150^{\circ} 41' 48''$ восточной; течение моря в последние двое суток оказалось SW $75^{\circ} 30'$. Мы встретили трех китов; на одном из них видны были неровности, вероятно оброс ракушками 120.

13 ноября. Ночь темная; по термометру теплоты 7° ; мы продолжали курс к югу до самого полудня. Широта места нашего была $47^{\circ} 18' 58''$ южная, долготы $150^{\circ} 21' 44''$ восточная. С сего времени я взял курс SSO $1/2$ О, дабы приблизиться к острову Маквария. Зыбь, которая шла от NO, сделалась от NW и в продолжение ночи качала нас с одного бока на другой.

14 ноября. С вечера 14-го ветер перешел в NW четверть и дул свежий; ночь была темная; мы держались тем же курсом, имея мало парусов, дабы не уйти от шлюпа "Мирного". С утра нашел от WN густой туман, после 8 часов начал редеть, и солнечные лучи слабым сиянием проникали сквозь мрачность. От сильной качки и скрипа переборок, лестниц и разных частей шлюпа весьма было неприятно оставаться в каютах, и мы большую часть времени проводили на шканцах; дождь, мрачность и туман сближали горизонт нашего зрения, и нас ничто не занимало, кроме нескольких птиц,

изредка летавших. В полдень мы находились в широте $50^{\circ} 15' 9''$ южной, долготе $152^{\circ} 13' 27''$ восточной. В продолжение дня проплыло множество морской травы; мы видели эгмондских куриц и других птиц и потому предполагали, что берег близко; от мрачности зрение наше простиралось только на пять миль. В 11 часов вечера, по причине скрепчавшего ветра с порывами, мрачностью, и предполагая, что берег близко, я сделал сигнал привести к ветру. Сила западного ветра принудила нас всю ночь остаться под зарифленным грот-марселем и фоком. В полночь сожженные фальшфейеры показали положение каждого шлюпа.

15 ноября. К полуночи ветер вдруг стих; большое волнение от запада продолжалось, шлюпы сильно качало с боку на бок. В 3 часа утра при рассвете поставили рифленный фор-марсель, и я взял прежний курс на SSO 1/2 O; шлюп "Мирный" последовал за "Востоком". Ветер тогда же перешел к SW и скрепчал попрежнему. С возрастающею широтою места наших шлюпов температура воздуха приметно переменялась; по утру теплоты было только $4,5^{\circ}$, и все чувствовали скорое приближение холода; уже несколько дней мы надели суконное платье. В полдень находились в широте $52^{\circ} 20'$ южной, долготе $153^{\circ} 57' 22''$ восточной. Склонение компаса найдено 13° восточное.

Сегодня в первый раз пробежали тучи с снегом и градом; ртуть в термометре во время порывов опускалась на 3° теплоты; широта места шлюпов была тогда 53° , время года соответствовало в северном полушарии половине мая, т. е. самой приятнейшей весне. В продолжение дня проплыло множество морской травы, которая, переплетаясь между собою, составляла как будто плоты разных величин. Шлюпы наши были окружаемы пеструшками, голубыми и черными бурными птицами и малым числом дымчатых и белых альбатросов, плавно летающих.

Прошедшие четыре дня течением моря нас ежедневно сносило в SW четверть по четырнадцати миль в сутки.

16 ноября. В ночь 16-го на небе было немного облаков; звезды блистали ярко; теплоты 3° . На шлюпе "Востоке" несли мало парусов, чтоб не уйти от "Мирного". До полудня нам удалось взять по двадцати лунных расстояний, по которым определена долгота:

Мною -- $155^{\circ} 40' 53''$ восточная

Капитан-лейтенантом Завадовским -- $155^{\circ} 42' 18''$

Штурманом Парядиным -- $155^{\circ} 42' 51''$

Средняя долгота по трем хронометрам -- $155^{\circ} 57' 59''$

Долгота, определенная хронометрами, достовернее, нежели найденная по расстояниям луны, ибо мы недавно вышли из порта, и хронометры не успели переменить своего хода, а расстояния были измеряемы при большой качке шлюпа, которая препятствует произведению наблюдений с точностью. В полдень место шлюпов было в широте $54^{\circ} 33' 16''$ южной, долготе $155^{\circ} 57' 59''$ восточной.

Пришед в полдень на параллель острова Маквария, я взял курс на OtS к сему острову. В 2 часа пополудни встретили несколько ныряющих пингвинов и ежедневно

провожающих нас птиц: пеструшек, черных и голубых бурных птиц, альбатросов дымчатых и белых и одну эгмондскую курицу; мы прошли мимо множества морской травы.

Курицею Эгмондской гавани называют род мартышек (*Larus, mouette* или *Goeland*), она приметна по серо-бурому цвету перьев, по белому большому пятну при начале каждого крыла и такому же пятну при начале хвоста, приметна по хвосту, который состоит из перьев почти равной длины; в орнитологической системе описана под названием *Larus catarrhactes* (см. Линнееву систему природы, изданную Гмелином). Вся верхняя челюсть до ноздрей, которые близки к концу клюва, покрыта особливой перепонкою. Когти на внутренних пальцах больше прочих, серпообразны, как у птиц хищных, сжаты и остры; на средних шире, тупее и загнуты; на наружных -- величиною и видом между теми и другими; на задних пальцах весьма коротки, тупы и мало загнуты. Образ жизни сих птиц известен; мы видали их весьма много при берегах всех островов, лежащих в южной широте от 45 до 70°; далеко от земли не отлетают, и потому служат необманчивым признаком близости оной. По белому пятну на нижней стороне каждого крыла их весьма легко узнать на-лету, даже в довольном расстоянии; летают весьма высоко; мы никогда не видали их больше двух вместе; пожирают яйца пингвинов и падалище; мясо вкусом походит на тетеревиное и для пищи весьма хорошо.

В 8 часов вечера, достигнув на параллель середины острова Маквария по карте Аросмита, мы пошли на О; ветер стоял тихий, а потому ход шлюпов во время ночи был не более трех миль в час; я смело продолжал путь во всю ночь, ибо по упомянутой карте от сего места до острова Маквария оставалось 150 миль.

17 ноября. В 3 часа утра мы прибавили парусов; скоро по рассвете открылся впереди нас берег на $NO\ 82^\circ$, и мы признали сей берег за остров Маквария; в сие время видели голубых бурных птиц во множестве, несколько альбатросов и одну курицу Эгмондской гавани. В 5 часов утра я взял курс к северной оконечности острова. В 9 часов, подойдя ближе, усмотрели впереди нас камень, омываемые большим буруном; я признал оные за самые те камень, которые находятся на Аросмитовой карте под названием Судей (*The Judge*). В час пополудни, обошед по северную сторону сих камней в полмиле, обратился к северо-восточной оконечности острова Маквария; приближаясь к оной, под зашитю берега, лег в дрейф и на ялик послал капитан-лейтенанта Завадовского на берег в бухту, на низменный перешеек, который отделяет северный высокий мыс от острова {Остров весь ровный, около 150 футов высотой.}; велел осмотреть, не найдется ли ручейка, чтобы наполнить свежую водою порожние наши бочки. С Завадовским поехали художник Михайлов для срисовывания вида, а для любопытства астроном Симонов и лейтенант Демидов; с шлюпа "Мирного" лейтенант Лазарев и некоторые из его офицеров также отправились на берег.

Мы предполагали, что остров Маквария покрыт всегдашним льдом и снегом, как и остров Южная Георгия, ибо оба в том же полушарии и в одинаковых широтах; крайне удивились, найдя, что остров Маквария порос прекрасною зеленью, исключая каменных скал, которые имели печальный темный цвет. В зрительные трубы мы рассмотрели, что взморье сего острова покрыто огромными морскими зверями,

называемыми морские слоны (*Phoca proboscidea*) и пингвинами; морские птицы во множестве летели над берегом.

В 4 часа пополудни я был обрадован, увидя гребное судно, идущее к нам от юга вдоль берега, по восточную сторону острова, а вскоре за сим и другое показалось. Суда сии принадлежали промышленникам из Порт-Жаксона; они отправлены для натопления жиру морских слонов. Один отряд находился на острове девять, а другой шесть месяцев.

Промышленники жаловались, что четыре месяца остаются без дела, наполнили все бочки и не имеют порожних, а как провизии уже мало, то им весьма неприятно было услышать от нас, что судно "Мария-Елисавета", назначенное им на смену, при отправлении нашем из Порт-Жаксона, еще тимберовалось {Ремонтировалось. -- Ред.} на берегу и потому не может скоро к ним прибыть.

От сих промышленников я узнал, что на острове пресной воды много, самое удобное место для наливания бочек по середине острова, где они расположились, и охотно готовы на всякое нам пособие. Тогда прибывших к нам я велел потчевать сухарями с маслом и гроком; они уже несколько месяцев сего драгоценного для них напитка не имели; после нашего угощения были словоохотливей и еще усерднее предлагали нам свои услуги.

В 5 часов большой морской зверь окровавленный плыл мимо шлюпа "Востока"; мы ранили его еще двумя пулями, кровавая струя оставалась долго на поверхности моря. Я хотел спустить шлюпку, чтоб за ним гнаться, но промышленники объявили, что на воде невозможно его убить, а на берегу их много и без затруднения можно выбирать любого.

В 8 часов вечера ялики к нам возвратились; мы до сего времени держались близ берега, куда они отправились. Капитан-лейтенант Завадовский донес мне, что, приближась к берегу, усмотрел камения, о которые зыбь сильно разбивалась; избрал одно место, где берег отрубом, зыбь также разбивалась, но были промежутки, в коих хотя с трудом могли пристать; тогда взорам наших путешественников представилось обширное пространство, усеянное пингвинами трех родов, большими морскими зверями, которых спокойного сна ничто не нарушало. Два рода пингвинов принадлежали к тем, каковых мы прежде видели около острова Георгия и на льдах; а третий более первых; сего рода пингвинов видел спутник Кука Саундерс на острове Квергелене, и упоминает об оных в третьем путешествии капитана Кука.

Выстрел из ружья, сделанный капитан-лейтенантом Завадовским в одного из морских зверей, пробудил всех, но они только открыли глаза, замычали и опять заснули; некоторые были весьма велики. Один приподнялся на передние лапы, разинул пасть и заревел. Завадовский прямо в него выстрелил картечью, в самом близком расстоянии; однакож зверь не свалился, а только попятился задом в море и уплыл; вероятно, он плыл окровавленный мимо нашего шлюпа. Прошед далее по берегу, увидели ряд бочек с железными обручами, а потом землянки с затворенными дверьми; в сем месте сушили кожи, снятые с морских зверей; множество птиц билось над головами наших путешественников. Лейтенант Демидов, не сходя с места, настрелял двадцать куриц

Эгмондской гавани. Прошед еще далее по берегу, встретили множество пингвинов, которых промышленники называют "королевскими".

Пингвины сии не уступали дороги, надлежало их расталкивать. Капитан-лейтенант Завадовский и прочие заметили у каждой птицы по яйцу, которое они держали между ног, прижав носом к нижней части брюха, на коем яйцо выдавливает небольшую оголившуюся впадину, задняя же часть его лежит на лапах, и таким образом оно держится крепко; дабы не уронить яйца, пингвины не бегают, а скачут на обеих ногах. Тут же видели пингвина, покрытого мохнатым мехом, подобным енотовому, только мягче. На возвратном пути капитан-лейтенант Завадовский взял с собою одного пингвина мохнатого и несколько королевских; набрал яиц, разного рода трав, камней, несколько кож с молодых морских зверей и их жира, настрелял эгмондских куриц, морских и разных чаек и одного попугая; но воды пресной на пути своем не нашел.

Подняв ялик на боканцы, мы поворотили от берега и на ночь взяли курс NNO. Ветр от NW скрепчал, небо покрылось облаками, почему мы принуждены взять у марселей по два рифа. Ночь была самая темная.

В 10 часов того же вечера, когда я ходил по шканцам, мы внезапно почувствовали два сильных удара, как будто бы шлюп коснулся мели; я велел бросить лот, но на шестидесяти сажень дна не достали, и потому заключили, не набежали ли мы на спящего кита, или прошли гряды камней, коснувшись оной, что, однакож могло быть для нас гибельно. Шлюп "Мирный" находился тогда под ветром на траверсе. Лейтенант Лазарев прислал на гребном судне лейтенанта Анненкова донести, что шлюп его коснулся мели и они чувствовали два сильные удара, но лотом на пятидесяти саженьях дна не достали. Сие донесение вывело меня некоторым образом из сомнения, что удары обоим шлюпам в одно время и одинаковым образом не могли быть от спящего кита или от подводной мели. Я велел сказать лейтенанту, Лазареву, что с нами то же самое последовало и, вероятно, мы чувствовали сей удар от землетрясения, ибо в таком случае в одно время и большой флот может вдруг почувствовать равное число ударов.

До полуночи ветер еще более скрепчал, мы взяли по третьему рифу у марселей. В самую полночь на шестидесяти пяти саженьях лотом дна не достали, и с сего времени я уже был совершенно уверен, что в близости нет никаких мелей.

18 ноября. Пред рассветом поворотили опять к берегу, прибавя парусов и лавируя вблизи оного, искали ручья, чтоб налиться водою. В 10 часов приехали с берега промышленники и указали на свое селение, которое едва можно было отличить от берега как по малости, так и по одинакому с берегом цвету. Пред полуднем мы подошли к сему месту, легли в дрейф и послали на берег с обоих шлюпов под начальством лейтенанта Лескова гребные суда с анкерками, посадя на каждое судно по одному промышленнику, которым известен проход к берегу между камнями; шлюпы держались под парусами близ сего места.

В 2 часа пополудни я поехал на берег с лейтенантами Лазаревым и Торсоном и художником Михайловым; приблизясь к острым камням, о которые бурун с шумом разбивался, прохода за оными мы не видали, доколе лейтенант Лесков с берега нам не указал, где должно итти между камнями; мы пристали к берегу у самых шалашей. Гребные суда были совершенно в безопасности: камнями защищали их от буруна.

Начальствующий над промышленниками нас встретил и повел в свой шалаш или избу, которой длина двадцать, ширина десять футов, внутри обтянута шкурами морских зверей, снаружи покрыта травой, на острове растущей; в одном конце был небольшой очаг и лампа, в коих беспрерывно держали огонь. На очаге, за неимением дров и угля, горел кусок сала морского зверя, а в лампе -- истопленный его жир; подле очага стояла кровать; в другой половине шалаша лежали съестные припасы; внутри от копоти так было черно и мрачно, что мерцающий огонь лампы и скважина, обтянутая пузырем, мало освещали внутренность хижины, и, доколе мы не могли осмотреться, нас водили за руки; жилища других промышленников были лучше.

Начальник рассказывал нам, что в вечеру накануне чувствовали два сильных удара землетрясения. Он уже шесть лет безвыходно на острове Маквария занимается промыслом вытапливания жира из морских слонов; других же морских зверей нет на сем острове, который еще недавно служил местом для промышленности большей части портжаксонского купечества.

Изобилие морских котиков было причиною, что многие суда немедленно отправились из Нового Южного Валлиса для промысла их шкур, коих требовали в Англию так много, что цена хорошей шкурки котика возвысилась до одной гиней; но неограниченная алчность в короткое время всех котиков истребила.

Ныне на острове Маквария промышляют только одним жиром морских слонов. Убив спящего зверя, обрезают ножами жир, кладут в котлы, поставленные на камнях так, чтоб было довольно места снизу для огня, который разводят посредством нескольких кусков того же жира, и переливают оный в бочки. Часть расходится в Новом Южном Валлисе, а остальную отправляют в Англию и получают выгодную цену.

Промышленников на острове в сие время было два отряда: один состоял из тринадцати, другой из двадцати семи человек. Образ жизни их здесь некоторым образом сноснее, нежели промышленников, которых мы видели в Южной Георгии; те и другие питаются теми же морскими птицами, лапами молодых морских слонов, яйцами пингвинов и других птиц; но здешние промышленники имеют, кроме лучшего климата, и ту выгоду, что на острове находят средство к предохранению от цынги. Дикая капуста, так ими называемая, без сомнения спасительное средство от сей болезни, растет во множестве по всему острову; от прочей травы отличается темною своею зеленью; листья имеет широкие, выходящие горизонтально и окраенные городками {Зубцами или фестонами. -- Ред.}; поверхность сей капусты темная, а низ светлозеленый; стебли длиною около фута и так же, как листья, мохнаты; цвет на среднем стебле белый, как у цветной капусты; большая часть корня, который толщиною в два дюйма, лежит по земле, а наконец, и тонкие отростки оного входят в землю; корень вкусом похож на капустную кочерыжку; промышленники оскабливают стебли и корень, нарезают мелко и варят в похлебке. Мы много набрали сей капусты и накупили впрок для служителей, а для офицерского стола наделали из корня пикулей; из заквашенной варили вкусные ши и жалели, что не больше заготовили.

Лист сего растения рассматривали натуралисты Фишер и Эйхенвальд в С.-Петербурге и наименовали *Gunnera*, другой род растения назван ими *Cryptostyles*; а о третьем, которым весь остров покрыт, они сказали: неопределяемая трава без цвета, но нам

казалось обыкновенного травоя, с тою только разностью, что растет повыше от сырости климата; бараны ели оную охотно.

Из четвероногих животных водятся на острове Маквария дикие собаки и кошки, которые всегда кроются в густой траве на возвышенностях, завезены и оставлены европейцами и одичали. Таким образом, от лейтенанта Обернибесова с шлюпа "Мирного" осталась собака, и ежели ее не приласкают промышленники, конечно, присоединится к диким собакам.

Мы шли вдоль песчаного взморья, чтобы посмотреть морских слонов, которые по два и по три месяца лежат спокойно, не трогаясь с места. Нас провожал один из промышленников; он имел с собою орудие, которым бьют слонов; сие орудие длиною в четыре с половиною фута, толщиною в два дюйма, наружный конец шарообразен, в четыре и пять дюймов в диаметре, окован железом и обит острошляпочными гвоздями. Когда мы приблизились к одному спокойно спящему слону, промышленник ударил его своим орудием по переносью: тогда слон, отворив пасть, заревел громким и жалостным голосом и уже лишился силы пошевелиться; промышленник взял нож и сказал: "жаль смотреть, как бедное животное страдает", и ножом черкнул {Черкнуть -- провести черты. -- Ред.} его с четырех сторон по шее; кровь полилась фонтанами, составляя круг, после чего слон еще раз тяжко вздохнул, и с тем кончилась жизнь его. Больших слонов, кроме сего удара, прокалывают еще копьем прямо в сердце, чтоб они оставались на месте.

Старые самцы, которых мы видели, были величиною около двадцати футов. Они имели хобот длиною около восьми дюймов, в конце хобота ноздри. Выплывают из воды по большей части на траву и лежат в ямах, как нам казалось, собственною их тяжестью выдавленных, ибо грунт земли весьма рыхлый. Самка и молодые самцы мордою несколько похожи на мосек и хобота не имеют; на лапах, служащих им вместо передних ног, по пяти соединенных пальцев с когтями; промышленники употребляют сии лапы в пищу и говорят, что от молодых весьма вкусны. Слоны хвоста не имеют, глаза у них большие черные, кожа годна на обивку сундуков или баулов.

Мы по сие время в Южном полушарии встречали три рода пингвинов и все они находятся на острове Маквария; на берегу не смешиваются; каждый род занимает особенные места или составляет особые стада.

Альбатросы {Альбатросы были величиною от одного конца крыла до другого 9 футов 6 дюймов и 9 футов 5 дюймов.}, курицы Эгмондской гавани, голубые бурные птицы, чайки и другие морские птицы прилетают на остров Маквария класть свои яйца и выводить детей. В нашу бытность они сидели уже на яйцах. В сие время промышленники не имеют надобности в ружьях и порохе; бьют птиц просто палкою и употребляют их в пищу, почитая весьма вкусным кушаньем.

Пресной воды на острове много, около становища промышленников течет из горы, и наливать анкерки весьма удобно. Впрочем, и во многих других местах мы видели пресную воду, которая течет прямо в море, но по причине буруна не везде удобно оною наливать.

К крайнему нашему удивлению, на сем полуохладевшем острове видели множество небольших попугаев; все принадлежат к одной породе.

Остров Маквария, по словам промышленников, обретен бригам Гезельбургом {Капитаном Гассельбергом на бриге "Персеверенс". -- Ред.}, из Нового Южного Валлиса, в 1810 году, и принадлежит, как кажется, к продолжению подводного хребта, коего разные вершины составляют гряду островов: Новых Гебрид, Новой Каледонии, островов Норфольк, Новой Зеландии, острова лорда Аукланда и Маквария. Остров сей почти весь ровен, высок, покрыт рухлою землею и оброс травяными кустами, подобно как во всех северных странах. Длина оного семнадцать, ширина шесть миль; направление N 1/2 O и S 1/2 W. Средины широта 54° 38' 40" южная, долгота 158° 40' 50" восточная. Каменья, называемые Судьи и Писарь {Клерк. -- Ред.}, окружены рифом на 1/2 мили и находятся в широте 54° 23' 5" южной, долготе 158° 45' 50" восточной. На карте Аросмита остров Маквария положен восточнее на 1° 5', камни Судьи и Писарь на столько же восточнее и на 13' южнее.

Ветры при сем острове дуют по большей части западные; северный сопровождается сыростью и дождем, южный -- холодом, а восточный бывает редко, но весьма крепкий. Температуру воздуха в зимнее время, за неимением термометра, промышленники определить не могли, а рассказывали о сем каждый по своим чувствам и все различно. В том, однакоже, все согласны, что зимою наносится от юга несколько льду, который, приткнувшись около острова к мели, довольно долго держится.

В 5 часов мы возвратились на шлюпы с добычею, состояшею из двух альбатросов, двух десятков битых и одного живого попугая, которого мне уступил промышленник за три бутылки рому. В продолжение обозрения острова катер и ялик ездили туда беспрерывно и привозили на оба шлюпа воду довольно успешно.

19 ноября. На ночь мы опять легли в море, ибо я был намерен ожидать обещанной промышленниками шкуры большого морского слона, так, чтоб она была совсем полная, т. е. с головою, дабы можно по возвращении в Петербург набить и сохранить вид сего редкого и примечания достойного зверя.

Промышленники замешкались, а потому мы послали еще ялики, которые возвратились не прежде 2 часов пополудни; с шлюпа "Востока" отправлен был комиссар Резанов, он предпочел вытопленный слоновый жир пресной воде, за которою был послан, и налил все анкерки жиром за одну бутылку рому. Ветр вскоре засвежел, мы взяли у марселей по три рифа; между тем промышленники на китобойном судне доставили на шлюп "Мирный" слоновую шкуру сообразно с моим желанием. Сии добрые люди даже с опасностью жизни исполнили наше поручение, ибо нашедшая тогда густая пасмурность с мелким дождем все скрыла от глаз. Лейтенант Лазарев дал промышленникам компас и указал румб, по которому надлежало им возвратиться; сверх того наделил их провиантом и ромом, ибо они в сих потребностях имели недостаток.

Я привел шлюп на SWtW, чтобы, приблизясь к берегу, итти к югу вдоль острова, для обозрения остальной части оного, но по причине пасмурной погоды, сопровождаемой жестокими порывами, я опасался исполнить мое намерение, ибо подверг бы шлюпы опасности; до темноты мы шли на SO, чтоб уйти от восточного ветра, потому что барометр все еще понижался, а как пасмурность была так густа, что мы не видели

далее полмили и ветер стоял весьма крепкий, то и привели к ветру в NO четверть, в том намерении, чтобы, когда прояснится, продолжать, обозрение к югу по направлению островов Новой Зеландии, лорда Аукланда и Маквария, ибо можно было надеяться, что града сия не вдруг оканчивается.

20 ноября. Ветр переменился и задул с тою же свирепостью от WtS при пасмурности и дожде, а потому в два часа утра, отдав у грот-марселя один риф, я взял курс к югу, придерживаясь, сколько можно, к западу; когда и рассвело, туман скрывал остров Маквария.

Находясь в широте $54^{\circ} 56' 13''$ южной, долготе $159^{\circ} 13'$ восточной, мы видели сквозь туман бледное солнце, сим воспользовались и определили склонение компаса $14^{\circ} 30'$ восточное.

В продолжение пасмурности летали около нас все те морские птицы, которых мы встретили около острова Маквария, проплыло несколько кустов морской травы и слышен был крик пингвинов. Ветр крепкий западный с шквалами, снегом и градом, продолжался до 9 часов следующего утра, а с сего времени настал тихий переменный.

21 ноября. В полдень мы находились в широте $56^{\circ} 12' 47''$ южной, долготе $159^{\circ} 2' 34''$ восточной. В продолжение дня набегали шквалы с дождем и снегом, но не долговременные, а в 10 часов вечера, имея противный от юга ветер, мы повернули к западу, дабы не отдалиться от меридиана острова Маквария и не приблизиться к пути капитана Кука.

Сегодня также видели куриц эгмондских, много голубых бурных птиц, альбатросов дымчатых и морскую траву.

23 ноября. Ветр от юга продолжался до полудня 23-го, когда установился из SW четверти, откуда уже несколько дней шла большая зыбь. В сие время на шлюпе "Востоке" привязали марсели, грот и фок совершенно новые, дабы, войдя во льды, в случае крепкого ветра, была надежда на паруса; старые, высушив, убрали на места.

Мы прилагали крайнее старание, чтобы в палубе воздух был сух, и для того весьма часто топили печки, но слабость шлюпа принуждала нас выкачивать воду, и при беспрестанной качке она разливалась по палубе и производила сырость. Обращая внимание на неизвестный путь во время бури, при снеге, тумане и пасмурности между льдами, нам надлежало иметь великое попечение о шлюпе, которому предназначено противоборствовать всем непогодам.

Мы видели пингвинов и несколько кустов морской травы; некоторые кусты казались весьма стары и подобны мочалкам. Ежели бы сие и было признаком близости земли, то большая зыбь от W и SW доказывала нам, что по сему направлению нет берега, исключая разве весьма малых островов, которые не могут преградить ход зыби.

С полудня при свежем ветре из SW четверти и большом волнении, теплоты было 3° , по горизонту мрачность. К 4 часам ветер постепенно усиливался порывами, а к 10 часам утра превратился в бурю. Качка была так велика, что мы не могли ходить не держась, день так мрачен, что шлюпа "Мирного" часто не видали, невзирая, что был от нас недалеко. Буря сия с густым снегом и градом свирепствовала до 5 часов пополудни

24-го, тогда ветер несколько смягчился, и сила его быстро уменьшилась, но снег все продолжался.

25 ноября. В полдень 25-го теплоты было только полградуса, а к 5 часам утра термометр остановился на точке замерзания и тогда совершенно застлело. По степени холода заключили, что льды от нас должны быть не в дальнем расстоянии. Во весь день продолжалось маловетрие и попеременно то выглядывало солнце, то выпадал мокрый снег.

26 ноября. 26-го туман расстился по морю, шел мокрый снег, дождь и вода от снега с снастей и парусов беспрестанно падала и все мочила. Дымчатые альбатросы весьма близко от нас пролетали, и хотя их застреливали, но, по причине чрезвычайной качки от большой W и SW зыби, невозможно было спустить ялик, чтоб брать убитых птиц.

27 ноября. Мы шли к югу, склоняясь к востоку и придерживаясь ветра, который дул от SW тихий. Небо покрыто было облаками, а горизонт -- мрачностью. Поутру пронесло куст морской травы, и мы видели одну эгмондскую курицу. Седьмой, восьмой и девятый часы утра, термометр стоял на точке замерзания, а к полудню поднялся на три градуса теплоты. В самый полдень мы находились в широте $60^{\circ} 21' 34''$ южной, долготе $163^{\circ} 31' 29''$ восточной. Склонение компаса среднее по разным компасам было $22^{\circ} 1'$ восточное.

Во время обеда, прошед южную широту 60° , в которой в Северном полушарии находится С.-Петербург, мы вспомнили близкую нашему сердцу столицу и пили за здоровье любезных наших соотечественников; после полудня выпадал снег.

28 ноября. При том же ветре и небольшой зыби от SW мы шли на SSO; небо было покрыто облаками, горизонт в мрачности, термометр стоял на $0,3^{\circ}$ ниже точки замерзания; однакоже мы не чувствовали такого холода, как в прошедшие дни, ибо начали к оному привыкать.

С 7 часов утра мрачные тучи одна за другою проходили то с мелким, то с густым и крупным снегом, который во множестве прилипал к парусам и снастям и при колебании шлюпа большими кусками сваливался. Густые тучи производили темноту, так что мы не видели шлюпа "Мирного" на расстоянии нескольких кабельтово. В 9 часов все любовались китом, пускающим фонтаны по близости шлюпа. В 11 часов, когда сделалось несколько светлее, мы увидели вблизи нас на SSW первые ледяные острова; они были плоски, отрубисты и покрыты снегом; на одном с южной стороны стояло подобие памятника. Острова сии вышиною до пятидесяти или шестидесяти футов от поверхности моря, в окружности каждый имел не более одной мили. К востоку от островов плавало множество кусков льда разной величины и разного вида. Мы находились тогда в широте $62^{\circ} 18'$ южной, долготе $164^{\circ} 13'$ восточной, следовательно встретили льды на три градуса южнее прошлогодних, которые видели между Южной Георгией и Южными Сандвичевыми островами. Тут же показались в первый раз большие голубые бурные птицы.

Я сегодня с некоторыми офицерами обедал у лейтенанта Лазарева, и, к удовольствию моему, нашел на шлюпе "Мирном" всех совершенно здоровыми; после обеда тотчас

возвратился на "Восток". Тогда на самое короткое время сквозь облака показались солнце и луна. Явление обоих светил в одно время в сих широтах весьма редкое, ибо почти непрерывно небо покрыто облаками. Пройдя между небольших кусков льда и продолжая курс к югу, в 6 часов мы увидели сплошной лед, заграждающий совершенно путь по сему направлению. Когда подошли ближе ко льду, нас окружили дымчатые альбатросы, пеструшки, малые и большие голубые бурные птицы; наконец, появились и белые снежные бурные птицы в большом количестве и летали довольно близко от нас; показались и киты.

В 8 часов вечера шлюпы дошли до сплошного твердого лдяного пространства, при краях коего были в разном положении один на другой набросанные большие куски льда. К югу видно было множество больших лдяных островов, из коих один величиною не менее пяти миль. Капитан-лейтенант Завадовский, смотря на сей остров сквозь мрачность, заключил, что видит берег. С салинга льды простирались на запад за предел зрения, а к востоку видны были на SOtO. Я переменял курс и пошел на O вдоль лдяного пространства, имея намерение, обойдя оное, опять обратиться на юг, но встретил препятствие; сплошной лед еще продолжался далее и окончания его не было видно, почему во всю ночь я держал в параллель льда, оставляя к югу пространное лдяное поле, а к северу лдяные острова.

29 ноября. В полночь было морозу 1° . В час ночи мы увидели направление льда от S к ONO, множество мелких льдин, а за оными недалеко сплошное лдяное поле. Вскоре пошел снег мелкими сухими крупинками, но так густо, что шлюп "Мирный" скрылся, и мы не могли видеть далее пятидесяти сажень. Шлюп наш в короткое время осыпан снегом; набрали оного несколько кадок для употребления свиньям. Снег шел по направлению от SW и SO не более получаса, и когда перестал, ветер отошел к W, а потом к SW. В 3 часа утра ветер сделался свежее, горизонт несколько очистился, и мы увидели, что наш курс отдаляет нас от сплошного льда. По сей причине я лег на OSO, но в пятом часу вновь увидели лдяное поле и прошли возле большого плоского лдяного острова; обходили оный между множеством кусков мелкого льда, и вахтенный, управляя шлюпом с баку, часто кричал "право" и "лево", дабы миновать большие льдины, которые могли повредить шлюп. Один лдяной остров был плоский, вышиною в семьдесят пять футов, все стороны кругом были отвесны и около самой воды несколько обмыты во внутренность.

В 7 часов утра, когда лдяное поле имело направление к SO, мы переменяли курс и пошли в параллель оного. К 8 часам солнце проглянуло, и мы видели китов, пускающих фонтаны; в первый раз показалась полярная птица; пестрые, голубые и белые бурные птицы и дымчатые альбатросы около нас летали во множестве.

В полдень находились в широте $63^{\circ} 17' 15''$ южной, долготе $166^{\circ} 57' 35''$ восточной. Склонение компаса найдено по разным компасам среднее $22^{\circ} 26'$ восточное. Сегодня унтер-офицер, рапортуя о благосостоянии такелажа, между прочим донес, что железный обух в носовой части шлюпа, за который стягивается фор-стень-штаг, идет из шлюпа вон. По осмотре сего необыкновенного обстоятельства, оказалось, что и железная планка, заложенная под чеку, от гнилости дерева вдалась на дюйм во внутреннюю обшивку. Дабы помочь сему повреждению, надлежало увеличить

железную планку, так, чтобы занимала большое пространство, и мы увеличили оную до семи дюймов.

Пред полуднем ветер перешел к SSW, день сделался прекрасный, небо очистилось от облаков, и нам удалось измерить несколько расстояний луны от солнца. Извлеченная из оных долгота, средняя в полдень, следующая:

Мною из тридцати расстояний -- $167^{\circ} 52' 48''$ О

Капитан-лейтенантом Завадовским из тридцати расстояний -- $167^{\circ} 35' 30''$ "

Штурманом Парядиным из тридцати расстояний -- $167^{\circ} 50' 14''$ "

Из всех девяноста расстояний средняя -- $167^{\circ} 36' 11''$ "

Лейтенантом Лазаревым и мичманом Куприяновым из четырнадцати расстояний -- $167^{\circ} 4' 52''$ "

Впереди нас открылось пять ледяных островов, каждый не менее мили в окружности, все были плоски или горизонтальны, вышиною около восьмидесяти футов; один около шести миль в окружности; мы оставили оный к северу. Подошел к другому острову, легли в дрейф и послали два яла, чтоб нарубить льда. Ялы ходили взад и вперед и до 5 часов навезли льда двенадцать бочек средней руки и тридцать три мешка. Лед рублен от плавающих кусков, а потому был солоноват, но как лежал в мешках, то вся соленая вода стекала.

При набрании льда каждый раз на яликах людей переменяли, а по окончании сей холодной и мокрой работы я приказал дать служителям по стакану пуншу, почитая сие нужным для сохранения здоровья.

30 ноября. Снявшись с дрейфа, я лег на SSO. В полночь со стороны ветра набежала пасмурность с небольшим снегом; морозу было 1° ; ветер дул WSW. В 10 часов утра мы приближались к сплошному льду, почему принуждены переменить курс на SO. В 11 часов мрачность с густым снегом закрывала от нас все на расстоянии 100 сажень; мы шли между неисчислимым множеством ледяных островов разного вида и величины, и таковым же множеством рассеянных кусков плавающего льда; по сей причине я приказал убавить парусов. К счастью нашему, снег продолжался не более часа, и мы могли опять рассматривать ледяные острова и свободно проходить между оными.

В сие время видели на одном из островов, покрытых снегом, несколько десятков полярных птиц. По времени года можно полагать, что они сидели на яйцах; сих птиц мы встречали токмо за полярными кругами, и ежели королевские пингвины лапами держат и к телу прижимают яйцо, дабы доставить оному нужную теплоту, то неудивительно, что и сии птицы подобным образом, в густом пухе, согревают яйцо, сколько потребно для оживотворения зародышей. Шлюп имел большой ход, ледяной остров был неприступный по причине отвесных его сторон, а потому мы ие могли сего с точностью исследовать.

В полдень мы находились в широте $64^{\circ} 54' 52''$ южной, долготе $160^{\circ} 10' 12''$ восточной. Морозу было полградуса. В 2 часа нам казалось, что уже приблизились к окончанию сего лдяного поля, почему пошли на SSO между весьма частыми лдяными островами. Многие из оных были опрокинуты; мы сие узнавали по зелено-голубому их цвету, ибо та часть льда, которая долгое время была в воде, принимает сей цвет, а потом от выпадающего снега и изморози белеет.

В 3 часа пополудни мы опять увидели впереди продолжение сплошного льда, что принудило нас итти на OSO, где казалось окончание лдяного поля. В сие время проходили лдяной остров, коего окружность была около мили. На острове стояла лдяная башня, и с южной стороны был небольшой залив, в котором по нужде гребное судно могло бы укрыться, ежели бы ломкость стен сего убежища скорым их разрушением не угрожала опасностью. Проходя близ острова, я выпалил из каронады в башню, но никакого вреда оной не сделал. На лдяных островах сидели полярные птицы; многие из небольших островов были покрыты желтоватым веществом от помета морских птиц, которые во множестве сидят на сих льдах¹²¹.

В 4 часа мы увидели продолжение сплошного льда, простирающегося к NO, и потому, дабы обойти сию преграду, легли на NOtN. В 5 часов пошли на O; в восемь опять увидели продолжение льда к NO; в девять легли на NNO, а в 10 часов принуждены подняться на NtW, чтоб обойти сей лед. К большому счастью нашему, погода стояла прекрасная, и ветер способствовал необыкновенно частым переменам курса; ежели бы ветер нам не так благоприятствовал, мы бы находились в невыгодном положении в лдяных неизвестных заливах, из которых надлежало бы вылавировать, или от бурных ветров и ненастной погоды остаться навсегда между льдами.

1 декабря. С полуночи 1 декабря, переменяя направление, мы шли подле сплошного льда при ветре SWtS; морозу было $2,5^{\circ}$; небо облачно, и к востоку густая мрачность. В 5 часов утра число лдяных островов уменьшилось и сплотившееся пространное поле повидимому оканчивалось на OtS; тогда я лег на O, вдоль сплошного льда, и не выпускал оногo из вида.

В полдень мы находились в широте $64^{\circ} 19'$ южной; по расстояниям луны от солнца определена следующая долгота:

Мною из тридцати расстояний -- $173^{\circ} 46' 23''$ O

Капитан-лейтенантом Завадовским из тридцати расстояний -- $173^{\circ} 33' 20''$ "

Штурманом Парядиным из тридцати расстояний -- $173^{\circ} 43' 50''$ "

Средняя из девяноста расстояний {*} -- $173^{\circ} 41' 11''$ "

{* В подлиннике опечатка--= значитсЯ 43'.-- Ред.}

С полудня ветер начал переходить к северу, и я еще не ожидал хорошей погоды, ибо нас опыты научили, что сим ветром в южных больших широтах всегда наносятся облака, туман, дождь или снег. От полудня до 6 часов вечера по обеим сторонам шлюпов было более ста лдяных островов, разной величины и вида, и множество разбитого плавающего льда; в 8 часов вечера не могли далее простираТЬ плавание, ибо

бесчисленное множество ледяных островов и разбитого льда окружало нас со всех сторон, и мы с большим трудом оных избегали. В сем опасном положении, не теряя времени, поворотили на правый галс и, непрерывно переменяя курс в NW четверти, пролагали путь сквозь частые ледяные острова и мелкий лед, плавающий по всему пространству горизонта.

В сие время небо покрывалось облаками, ветер задул прямо от севера и крепчал; пасмурность, спутница сего ветра, закрывала горизонт. Видя опасность, в которой мы находились, я переменял расположение нашего плавания. Встретя невозможность итти далее к югу, решился переменить курс несколько градусов к востоку и в новом месте, где не так много льда, вновь покуситься на юг. Простирать плавание подле краев сплошного льда, пробираясь сквозь мелкие льды и острова, было несомненно гибельно, а лавировать по причине тесноты невозможно, ибо шлюпы по их построению не могли выдерживать беспрестанных толчков от льдин. Шлюп "Восток" имел одну обшивку и пространства между членами не заделаны, даже носовая часть не была одета другою обшивкою и необита медными полосами.

Проходя ледяные острова, мы заметили на одном три круглые отверстия, в коих, казалось, находились какие-то животные. Погода была весьма мрачная, и шел снег; мы лавировали во всю ночь короткими галсами между частыми льдами.

2 декабря. Ночью морозу было 1,5°; ветер все дул от N, при небольшой зыби от NW, небо облачно, горизонт мрачен и выпадал снег. В 5 часов утра, подошед к мелкому плавающему льду, мы поворотили от оногo к северо-западу. В 7 часов вдруг ветер задул от юга с порывом, пошел густой снег и сделалась такая великая мрачность, что едва на 30 сажень можно было видеть. Толь нечаянная перемена в нашем и так уже худом положении подвергла нас крайней опасности. Служители с большим трудом убрали замерзшие паруса; я продолжал итти тем же галсом, дабы не разлучиться с шлюпом "Мирным" и для того сделал сигнал пушками привести на левый галс; после сего по крепкости ветра приказал взять у марселей по два рифа, и только хотели отдать марсафалы, как с баку закричали: "впереди ледяной остров"; и мы находились от оногo так близко, что спуститься не было места, а подняться сила ветра не позволяла; мы прямо попали бы на остров, ежели бы провидение нам оногo ко времени не открыло; прибавя с поспешностью парусов, миновали и сие опасное место на ветре, в самом близком расстоянии, так что отражение волн от льда доходило до шлюпа.

Чрез каждые полчаса я производил выстрел с ядром из каронады, чтобы звук был слышнее шлюпу "Мирному", но мы ответа не слышали. При пальбе, гаки каронадных броек лопались, хотя уже много палили из сих орудий с ядрами; вероятно, что перемена и хрупкость железа происходили от мороза, который тогда был до трех градусов.

К полудню мрачность несколько прочистилась, мы с салинга тшетно искали шлюпа "Мирного", я полагал, что он назади; по условию нашему мы должны были, в случае разлуки, искать друг друга трое суток на том месте, где последний раз виделись; по сим причинам я поворотил на другой галс и прибавил парусов. Ветр отходил более и более к югу, погода прояснилась, и шлюп "Мирный" открылся на O, чему мы несказано обрадовались; я приказал дать чарку рому тому матрозу, который первый усмотрел спутника нашего, чудесно спасенного.

Шлюп "Мирный" при перемене ветра с снегом остался на одном месте в дрейфе на разные галсы, держась около одного лдяного острова для безопасности. В половине третьего часа пополудни, идучи контргалсом, мы соединились, и лейтенант Лазарев, поворотя, следовал за шлюпом "Восток".

Мы опять оба шли к О, пролагая путь между лдяными островами. Юго-восточный ветер с снегом постепенно свежел; морозу было 2°. В 6 часов принуждены убавить парусов, дабы не уйти от шлюпа "Мирного"; достигли оконечности пространного лдяного поля, коего северные закраины обошли в продолжение пяти дней, т. е. от 28 ноября до 2 декабря. Сие лдяное пространство не менее 380 миль, сколько мы увидеть могли, состоит из кусков льда, разными ветрами один на другой набросанных, в разных положениях и видах; внутри же были возвышающиеся лдяные острова; некоторые имели вид готической острой крыши большого здания, а иные развалившихся древних башен и тому подобного.

Ветр час от часу свежел и принуждал нас убавить парусов. В сие время мы проходили лдяной остров, который был длиною в пять миль, вышиною от восьмидесяти до ста футов от поверхности моря, бока имел отвесные и весь покрыт снегом. Далее к востоку и к югу льдов было не видно, и потому мы несли паруса не по силе ветра, дабы до шторма, коего ожидали, уйти на открытое место, и тогда уже с парусами убраться; при сей предосторожности претерпевали жестокие удары в носовую часть и нередко половина бока на шлюпе "Востоке" находилась в воде.

В 8 часов, вышедши на чистое место, мы убрали паруса и остались под зарифленным грот-марселем, фок-стакселем и штормовую бизанью.

В 10 часов оба шлюпа приведены в бейдевинд; в сие время настала мрачность и пошел снег, а вскоре за сим последовала буря. Порывы ветра набегали ужасные, волны подымались в горы, и подветренные их стороны были особенно круты, чему, конечно, причиною необыкновенная густота воды; морозу тогда было 3°; волны быстро неслись, море покрылось пеною, воздух наполнился водяными частицами, срываемыми ветром с вершины валов, и брызги сии, смешиваясь с несущимся снегом, производили чрезвычайную мрачность, и мы далее двадцати пяти сажень ничего не видели. Таково было наше положение при наступлении ночи!

До начала бури пасмурный горизонт уже не позволял нам видеть далеко вперед, отчего и не могли избрать места свободного от льда; нас дрейфовало наудачу, и мы беспрестанно ожидали кораблекрушения. Всевозможные меры были приняты, держали марсели не по силе ветра, имели все штормовые стаксели и рифленный фок в готовности, чтоб спуститься, когда встретим лдяной остров, но ежели бы увидели оный, то почти вместе с нашею гибелью.

Шлюп имел сильное движение, вадервельсовы пазы при каждом наклонении с боку на бок чувствительным образом раздавались, а посему старание наше плотнее законопатить оные оставалось тщетно, и мы при каждой качке должны были переносить мокроту и сырость.

3 декабря. В продолжение сего дня буря свирепствовала с жесточайшими порывами до 8 часов вечера; снег мелкий и крупный несло горизонтально; паруса и стоячий

такелаж покрыты были льдом толщиной до двух дюймов. Ежеминутно при сильном движении шлюпа падали сверху куски льда; лед сей нарастал от несущихся по воздуху водяных капель и снега, которые, приставая к твердому телу, от мороза в 3° превращались в лед.

Колебание шлюпа было так велико, что мы не варили похлебки и даже с большим трудом согрели воду для чая и пунша, дабы сим теплым питьем хотя несколько подкрепить служителей. Впрочем никто не мог быть голоден: мы имели вареную говядину в банках, заготовленную в Англии, масло, сухари и кислую капусту.

В продолжение всего дня за густою мрачностью и снегом весьма редко видели шлюп "Мирный" и по окончании суток почитали себя счастливыми, не встретя ни одного ледяного острова. Можно сказать, что невидимый лоцман благотворным образом водил наш шлюп, и к счастью, буря настала тогда, когда мы вышли из льдов; в противном же случае ни человеческое благоразумие, ни искусство, ни опытность не спасли бы нас от гибели. Я был весьма доволен, что все пушки спустил на трюм в кубрик, без того шлюп наш неминуемо бы потерпел.

В 10 часов вечера, когда ветер смягчился, волною выбило на гальюне на обеих сторонах решотки, оторвало ящики и на подветренной стороне переломало поручень; к ночи ветер постепенно стихал.

4 декабря. С полуночи дул тот же южный ветер, но многим тише; небо и горизонт покрыты были густою мрачностью и выпадал мокрый снег: нас несло медленно в NO четверть. В 10 часов утра, когда небо очистилось от мрачности, мы увидели шлюп "Мирный" не в дальнем расстоянии, и, чтоб не разлучиться, я спустился к нему. После сего занимались починкою парусов и приведением всего в прежний порядок. С полудня поставили рифленные марсели, грот и фок. Сегодня опять появились дымчатые альбатросы; мы продолжали путь также к востоку при том же ветре,

5 декабря. В полдень показалось солнце, и мы определили места нашего широту 62° 20' 36" южную, долготу 178° 47' 14" западную. Течение моря в последние четверо суток было на NO 84°, шестьдесят одна миля; по причине дурных погод, разность в счислении и наблюдениях столько же можно отнести неверности счисления, сколько течению моря.

6 декабря. 6 декабря, для праздника Николая чудотворца, с утра занимались приуготовлением шлюпа в надлежащий порядок, потом все служители оделись в лучшее праздничное платье, и в 11 часов я отправил гребное судно с лейтенантом Демидовым на шлюп "Мирный" пригласить священника, который вскоре прибыл и отслужил у нас молебен.

Во время плавания в больших широтах мы обыкновенно производили служителям по утрам чай, прибавляя немногу рому и инбирю, пред обедом давали грок, а после обеда в 4 часа по стакану хорошего пунша с ромом, сахаром и лимонным соком; в праздничные дни всегда варили русские ши с свежю свининою, кислую капустой и лимонами. и, для лучшей питательности, прибавляли немного саго, а в будни раз или два в неделю готовили кашу с свежю свининою, но дабы не вдруг издержать капусту, я оною дорожил, а прибавлял лимонов, которых мы на острове Отаити много

насолили, и они были весьма вкусны. Каждый праздник, сверх всего положенного, прибавлял еще по рюмке вина и по полукружке пива, сделанного из спрюсовой эссенции {Еловая эссенция. -- Ред.}, взятою в достаточном количестве в Лондоне. Сими способами нам удалось так удовлетворить служащих, что многие из них забыли небольшие свои недуги.

В Николин день лейтенант Лазарев и некоторые офицеры обедали на шлюпе "Востоке". Мы не видали, как прошло время, невзирая, что ветер был противный, не позволявший итти к югу. Таковые дни можно исключить из длинного ряда скучных, ибо они проходили во взаимных приятных сообщениях случившегося, или в воспоминаниях о любезных сердцу соотечественниках наших.

7 декабря. В полдень мы были в широте $61^{\circ} 54' 5''$ южной, долготе $174^{\circ} 39' 45''$ западной. Склонение компаса оказалось $20^{\circ} 10'$ восточное.

7-го и 8-го с полуночи был штиль, маловетрие и туман попеременно, а потом ветер задул тихий от SSW, и мы шли правым галсом; я весьма жалел, что ветер нам не позволял итти прямо на юг, ибо курс, которым мы принужденно держались, приближал нас к пути капитана Кука, чего я всегда избегал, не надеясь увидеть неизвестного берега в тех местах, где он простирал плавание.

8 декабря. Во весь день находили по временам снежные тучи, то с редким, то с густым снегом. В 5 часов пополудни мы увидели к востоку ледяной остров в $63^{\circ} 20'$, а в 8 часов показался другой в той же стороне. Я телеграфом дал знать лейтенанту Лазареву, чтобы ежели только ветер позволит, итти прямо на юг. Я дал знать о сем заблаговременно для того, что во время тумана ветер мог перемениться и коль скоро вахтенные сигнала моего не услышат, или фальшиво поймут на "Мирном", то мы неминуемо разойдемся.

Сего же дня, к общему всех сожалению, умер черный молодой какаду после сильных судорог; на обоих шлюпах только один и был сего рода какаду. Судороги произошли от его жадности: он грыз все, что ни попадалось; ему попало чучело новоголландского зимородка, и шкурка сия, к несчастью, натерта была ядом; в сие же время умерла зеленая горлица с острова Отаити.

9 декабря. Ветр дул тот же юго-западный, с зыбью от того же направления; идущий снег закрывал небо и горизонт. В 8 часов настал густой туман, от которого с парусов и снастей падали водяные капли, в виде редкого крупного дождя; с сего времени начали показываться в восточной стороне ледяные острова, коих до полудня встретили восемь. Когда небо несколько очистилось, мы определили широту и долготу нашего места: широта была $64^{\circ} 48' 28''$ южная, долгота $171^{\circ} 42' 46''$ западная; все весьма желали перейти Полярный круг. От сей широты число ледяных островов умножилось, и дымчатые альбатросы, большие голуби, снежные белые бурные и полярные птицы являлись во множестве; последних мы никогда не встречали так много вместе летающих и почли сие признаком близости льда.

Когда капитан-лейтенант Завадовский убил выстрелом из ружья одну из полярных птиц, стадо их вилоь над нею. В 8 часов вечера ветер переходил к югу, а в 10 часов задул SO; чтобы не сблизиться с путем капитана Кука и не быть в меньшей широте, мы

поворотили на SSW. Со стороны ветра, впереди пути нашего насчитали до тридцати семи ледяных островов.

10 декабря. С полуночи дул ветер тихий из SO четверти, небо было повсюду кругом облачное, но малая часть солнца была видна сверх горизонта; зыбь шла небольшая от NW. По мере плавания нашего на юг ледяные острова умножились и полярные птицы стадами летали около шлюпов.

В первое наше плавание от Южных Сандвичевых островов к востоку, мы ни одного раза не встречали толь многочисленных стай полярных птиц и видели более белых снежных бурных птиц; при нынешнем же плавании последних мы встречали редко и всегда в малом числе.

В 8 часов утра ветер стих; проходя мимо большой плоской льдины с отвесными круглыми сторонами, сделали в оную восемь выстрелов ядрами, чтоб отбить большой кусок льда, но безуспешно, и потому, подойдя к небольшой плавающей льдине, спустили гребные суда; старались воспользоваться случаем и набрали льда сколь возможно более, дабы не производить трудную сию работу при дурной или сырой погоде.

В сие время капитан-лейтенант Завадовский и лейтенант Игнатъев застрелили двух полярных птиц, у которых на брюхе было голое место, длиною в полтора дюйма, шириною в дюйм, окруженное нежными густыми перьями; сие подтверждает меня в мнении, что полярные птицы сидят, или, лучше сказать, ходят с яйцами, подобно королевским пингвинам, как выше упомянуто, и служит новым доказательством, что они высиживают только по одной птице¹²².

В разных расстояниях от нас мы видели много китов, пускающих фонтаны.

День был прекраснейший; теплота простиралась в полдень до 3,5°; мы тогда по наблюдениям находились в широте 65° 41' 16" южной, долготе 172° 00' 50" западной; в сие время видно было на горизонте двадцать три ледяных острова, не считая плавающих крупных и мелких повсюду рассеянных льдин.

В полдень, окончив нагрузку льда и подняв гребные суда, мы продолжали курс к югу; после перемены платья дано служителям по стакану горячего пунша. В 4 часа пополудни, приблизясь к шести ледяным островам, бывшим впереди нас, мы опять встретили преграду итти далее к югу. Сплошной лед простирался от SSO, чрез S, до WSW; я лег на SOTs вдоль льда.

Один из окружающих нас ледяных островов был длиною около шести миль, вершину имел плоскую, края отвесные; стаи полярных птиц покрывали его поверхность. Другой остров имел вид раковины. В 7 часов мы опять приподнялись на SSO, а в 8 часов встретили новую препону: сплошной лед загородил нам путь, простирался чрез S до OtS и состоял также из кусков, сплоченных вместе и один на другой набросанных, а внутри местами затерты большие ледяные острова. Сие поле принудило нас опять итти вдоль льда и искать конца оною, и для того я взял курс на O, проходя между ледяными островами.

11 декабря. Ночью небо к югу очистилось, и мы видели солнце; остальная часть была покрыта облаками, как почти всегда случалось близ сплошных льдов; появление большого числа полярных белых снежных бурных птиц и умножающееся число китов всегда служили предвозвещением близости сплошных льдов.

С утра ветер был переменный, тихий и штиль, а после устоялся от юго-запада; мы тогда шли весьма тихо к востоку и в полдень находились в широте $65^{\circ} 54' 25''$ южной, долготе $170^{\circ} 22' 8''$ западной.

В продолжение суток видели к югу сплошные льды, составленные из кусков, один на другой набросанных в разном положении; внутри всего пространства были затертые ледяные острова разных видов; закраины сего ледяного поля представляли, с одной стороны, как будто насыпи, а с другой, т. е. к северу, множество островов; одни большие были с обелисками, некоторые казались башнями, а иные имели подобие изображению спящего льва.

В 8 часов вечера капитан-лейтенант Завадовский и лейтенант Демидов застрелили одну полярную и одну большую бурную птицу, бурю с большим беловатым носом. Температура морской воды и воздуха были равны морозу полградуса. Пустая бухылка, закинутая и опущенная на восемьдесят сажен глубины, по вынятии оказалась наполненной водою, а пробка уже другим концом кверху закупорена, и столько же хорошо, как при спускании в воду.

12 декабря. День был прекрасный, теплый, в полдень теплоты $2,5^{\circ}$; сегодня мы шли к О, склоняясь несколько к югу между ледяных островов.

Погода была тихая, офицеры наши занимались стрельбам полярных птиц, которые довольно увертливы, однакоже, несмотря на сие, их не мало настреляли; они по большей части имели голые места под брюхом для помещения яиц, как выше упомянуто.

В вечеру мы проходили большой плоский ледяной остров, длиною и шириною до десяти миль, края его вышиною от 100 до 120 футов в вокруг перпендикулярны. Полагая сей остров совершенно правильным параллелепипедом и среднюю его высоту в 110 футов сверх поверхности моря, удостоверившись по опытам, что семь частей льда удерживают осьмую часть над поверхностью моря, должно заключить, что льдина погрузилась в воду на 770 футов. Я разумею, что подводный лед имеет одинаковое размерение в длину и ширину с надводною частью; ежели же подводный изменяет образ свой, что непременно и быть должно, то при всем том масса льда остается всегда та же; а как количество морской воды, выдавливаемое сим льдом, не менее 5 128 937 664 264 пудов, равняется тяжести самого льда, и лед растаянный даст столько же пудов воды пресной, то оно было бы достаточно для продовольствия водою жителей четырех частей света на 22 года и 86 дней, полагая число жителей 845 миллионов, и на каждого человека досталось бы по ведру воды в день. Из сего исчисления ясно видно, что мореплаватели в странах холодных никогда не могут жаловаться на недостаток в пресной воде.

Натуралист Форстер, сопровождавший капитана Кука во втором путешествии, говорит: "многие из нас почувствовали разные простудные болезни, жестокою

головную боль, у иных распухли железы и сделался сильный кашель, что, конечно, происходило от употребления в пищу растаянного льда". Мы сего не заметили, ибо весьма редко служители пили воду из растаянного льда, а употребляли оную на варение пищи, как-то: кашицы, шей, густой каши, гороха, на приуготовление пунша, чаю, на составление спрюйсового пива и, таким образом, сколько возможно сберегли пресную воду, на берегах налитую, которую употребляли единственно в питье; при всем том, однако же, нередко некоторые матрозы пили воду из льда, ибо за сим усмотреть трудно, но худых последствий не чувствовали.

13 декабря. При хорошем ветре от юго-запада мы шли к востоку, склоняясь несколько к югу, пролагая путь между лдяными островами и мелким плавающим льдом, и как он был весьма част, то непрестанно переменяли курс, а между тем впереди открывали новые лдяные острова; морозу было полградуса. В 4 часа утра прошли небольшое лдяное поле.

В полдень находились в широте южной $66^{\circ} 4' 40''$, долготе западной $165^{\circ} 39' 14''$, течения оказалось SO 55° , тринадцать миль в сутки; в виду нашем было 148 лдяных островов и множество разбитого льда. В 6 часов вечера островов в виду оставалось только пятьдесят восемь.

Как в сие время не было волнения, от которого могла бы произойти качка, то я производил опыты с склонением компаса {Беллинсгаузен, таким образом, в действительности производил определение девиации компасов.-- Ред.}, идучи на оба галса, нарочно для сего делал повороты; склонение оказалось следующее: компасы стояли несколько впереди штурвала, между бизань-мачтою и шпилем; при курсе SO $48^{\circ} 17'$ найдено склонение по двум компасам каждое особенно: российский компас $19^{\circ} 13'$, английский компас $18^{\circ} 7' 0$; при курсе SW $86^{\circ} 30'$, тех же компасов, не трогая оных с места, первого $30^{\circ} 34'$, второго $32^{\circ} 54' 0$.

В половине восьмого часа вечера мы пересекли в четвертый раз Южный полярный круг в долготу $164^{\circ} 34' 14''$ западной; в сие время видели от SO 50° до SW 20° лдяное поле, в коем было множество больших лдяных островов; в 8 часов льды сии простирались от OSO и до SW к северу; от поля показался грядами разбитый плавающий лед; в левой руке от нас было до тридцати больших островов и множество разбитого же льда. В 11 часов мы прошли между двух больших гряд такого же льда; шлюп "Мирный" держался у нас за кормою. В продолжение сего дня весьма редко видели полярных птиц.

14 декабря. С полуночи солнце освещало горизонт, морозу было $1,3^{\circ}$. Мы беспрестанно встречали и проходили лдяные продолговатые поля или гряды льдов, составленных из плоских кусков, один на другой набросанных; все гряды лежали параллельно по румбу SO и никакому судну не было возможности пробраться между оными. Оставляя поля сии по обеим сторонам шлюпов, мы беспрерывно переменяли курс по причине встречаемого множества мелкого плавающего льда. Около полудня увидели впереди на льде необыкновенное черное пятно и в зрительные трубы рассмотрели лежащего на сем месте морского зверя; чтобы застрелить его, я послал охотников на ялик, но действие ружья было не достаточное, матрозы веслами добились зверя, и по доставлении на шлюп оказалось, что принадлежит к роду тюленей, длиною 8 футов 6 дюймов; рыло острее, небольшие усы, шкура вся белая.

На другом ялике успели привезти льду, коим наполнили пять бочек. Пробираясь между грядями ледяных полей, которые были между собою в параллельном направлении, я полагал, что они должны кончиться, и нам тогда можно будет на чистом месте удобнее управлять шлюпами, вне опасности; но поля час от часу более и более сжимались; мы изредка встречали узкие проходы и те наполненные мелким плавающим льдом, так что с большою осторожностью и трудом проходили между оными. Наконец, в 3 часа пополудни сии ледяные поля сомкнулись совершенно и преградили нам путь во все стороны, кроме севера; мы тогда находились в широте $67^{\circ} 15' 30''$ южной, долготе $161^{\circ} 27' 50''$ западной; далее к югу и востоку не было возможности податься на полмили.

Во всех сих ледяных полях весьма мало огромных островов, а более плоских кусков льда, толщиною в пять, шесть и семь футов, набросанных один на другой и подобных льду Балтийского моря, с тою только разностью, что несколько толще. Я полагаю, что море в продолжение прошедшей зимы по близости сего места замерзло, и что лед зыбью, происшедшею от ветров, переломанный теперь, будет носиться, доколе силою мороза не составит совершенно сплошное пространство, или ежели продолжительные южные ветры отдалят льды на север, где они от теплоты и сырости сами собою исчезнут.

К великому нашему счастью, ветер от SW и прекрасная погода нам благоприятствовали; мы пробирались разными курсами к NO между ледяными полями и плавающим разбросанным льдом, имея ходу по пяти миль в час. Пред полночью ледяные поля были только с восточной стороны, а с западной большие ледяные острова и плавающий лед; в сие же время видели одного пингвина, сидящего на льдине. Морозу 2° .

15 декабря. Небо начинало покрываться облаками, зыбь была малая от NW. Мы все продолжали итти вдоль пространного соединенного льда, выдавшегося мысами к западу, часто переменяя курс. В 8 часов утра на одном из сих ледяных мысов капитан-лейтенант Завадоаский заметил морского зверя; нисколько не медля, я отправил лейтенанта Игнатьева за сею добычею. Ялик пристал к ледяному мысу, по льдам добрались до зверя; он был одного рода с тем, который перед сим нами убит, спал спокойно; матрозы скоро убили его веслами, но взять в ялик не было возможности, ибо льдины расходились; однако же лейтенант Игнатьев возвратился с добычею, привез пингвина из породы королевских, необыкновенной величины: высота его была 3 фуга, вес 1 пуд 25 фунтов; в близости его на льду нашли одного шримса; я уже упоминал, что пингвины питаются шримсами; сие служит некоторым доказательством, что проходимый нами Ледовитый океан наполнен сими морскими насекомыми. Странно, что мы в желудке пингвина нашли несколько ноготков от пингвинов и несколько мелкого камня, длиною от одной до десяти линий, принадлежавшего к роду горных; вероятно, камни сии служат пингвинам помощью к варению пищи. Впрочем, желудок его был совершенно пуст. Мы уже неоднократно замечали, что всегда около покоящегося на льду морского зверя находится несколько пингвинов, вероятно, они питаются пометом сих животных или чем другим от него пользуются, подобно как рыбка ремора неразлучна с акулою.

Вышеупомянутый морской зверь и пингвины, кажется, не могут быть доказательством близости какого-либо берега, ибо они также хорошо отдыхают на льдах, как на берегу.

Между тем до 11 часов утра мы успели нарубить столько льду, что наполнили пять яликов, и по окончании сей работы, подняв лед и гребные суда на места, снялись с дрейфа и взяли опять курс на NW к видимой впереди оконечности сего же лдяного поля.

В полдень, за пасмурностью, не могли сделать наблюдения; к сему времени так много нам способствующий южный ветер стих; морозу было 1°.

После полудня, обходя лдяные поля, мы медленно шли на север; ветер задул от WNW, а в полночь сделался NWtN; мы тогда держали на NOtN 1/2 O. От полудня до полуночи, проходя между лдяными островами, имели по обеим сторонам шлюпов до осьмидесяти островов и множество плавающего льда, поле осталось к югу. Белые снежные и полярные бурные птицы были видны во весь день.

16 декабря. До 9 часов утра мы шли к NO между множеством лдяных островов и мелкого плавающего льда. В сие время обогнули лдяное поле и, не видя продолжения оною на север, я взял курс к востоку, в намерении перейти по сей параллели несколько градусов долготы, и тогда опять вновь испытать путь к югу.

В 9 часов начал выпадать снег, то густой, то редкий. В полдень несколько прояснилось; мы определили место шлюпов: широта была 65° 51' 52" южная, долгота 165° 41' 33" западная; пролагая путь между лдяными островами, мы шли по семи миль в час. Все радовались таковому удачному плаванью, ибо все ожидали, что достигнем возможности простираться оною свободно.

Вскоре пошел опять густой мокрый снег. Лдяные острова, едва видимые в мрачности, мелькали мимо глаз наших. В 4 часа пополудни мы прошли между множеством больших лдяных островов, о близости их извещены были ревом буруна, и увидели впереди сплошное поле льда, состоящее из больших лдяных бугров, один на другой набросанных. За пасмурностью усмотрели сие поле в самом близком расстоянии, и только что успели отворотить; шлюпу "Мирному", который был от нас недалеко, сделан туманный сигнал поворотить на левый галс. Для избежания подобных опасностей в пасмурную погоду, я направил курс обратно по тому же месту, которым мы шли; сделал сие для того, что льды, находившиеся на пути нашем, нам уже были известны.

Мы тогда сомневались, нет ли где поблизости берега, который служит опорного точкою сему множеству льда, но, к крайнему прискорбию, за пасмурностью далее четверти мили не могли видеть, и потому догадки наши о существовании берега оставались без исследования.

В 5 часов ветер начал отходить к северу и крепчал, но мы несли много парусов, дабы скорее отделиться от сих опасных сплошных льдов, для того, что барометр понижался. В 8 часов я приказал убрать брамсели, мрачность и снег увеличились, мы едва видели "Мирный", который держал близко позади нас. С баку управляли шлюпом, чтобы не набежать на льдины; около полуночи, по причине большого волнения, мы спустили

брам-реи. В 4 часа ветер сделался тише и отошел к NW; наступил густой туман и препятствовал видеть далее пятидесяти сажен.

Тогда по сделании шлюпу "Мирному" туманного сигнала поворотить на левый галс, я поворотил на NOtN и был весьма доволен, что ветер способствовал итти к NW, ибо мы полагали, что по сему направлению, наконец, количество льдов уменьшится, но крайне было неприятно по причине густого тумана непрестанно остерегаться, чтоб не набежать на льдину.

В таковом положении мы шли при густом тумане между небольшими льдяными островами и большими кусками льда. В 4 часа пополудни туман сделался еще гуще, мы потеряли тогда из вида шлюп "Мирный", который был недалеко позади нас и под ветром. Через час встретили малые льдяные острова, между коими показывались большие, затрудняющие наше плавание. Вскоре в тумане впереди по горизонту внезапно увидели белизну, и после сего открылась льдяная преграда так близко, что мы должны были поворачивать, не посадя фока. Шлюп наш поворотил весьма хорошо подле самых сплошных огромных льдяных островов; шлюпу "Мирному" тотчас дано знать сигналом, чтоб заранее поворотил, но мы ответа не слышали. Когда поворачивали, куски льда, похожие на стеклярус, во множестве падали со снастей и осыпали верх шлюпа. При самом повороте над шлюпом "Востоком" летали полярные птицы и курица Эгмондской гавани.

Видимый нами лед состоял из изломанных больших островов один возле другого, между которых показывались узенькие промежутки, но отважиться проходить оными было опасно по причине тумана. После поворота мы были не в лучшем положении, ибо беспрерывно встречали большие льдяные острова, о близости которых надлежало узнавать по гулу, происходящему от буруна. Как гул сей нередко мы слышали с разных сторон в одно время, то трудно было отгадывать, куда направлять курс; проходя под ветром, тогда только узнавали близость льдин, когда они отнимали ветер и паруса заполаскивались. В таком стесненном и опасном положении находились мы до 8 часов пополудни, так сказать окруженные со всех сторон огромными льдяными островами; с 8 часов туман сделался реже, и мы могли видеть на полторы мили; в сем малом горизонте насчитали, кроме множества мелких и крупных кусков льда, девятнадцать больших льдяных островов; а как далее все было закрыто от нас непроницаемым мраком, то я решился держаться на сем месте короткими галсами, дабы опять не набежать на сплошные льды. Вскоре туман сделался еще реже, и мы весьма обрадовались, увидя "Мирный" в совершенной целости; несколько раз палили из пушек для показания своего места, но ответа не слышали. Здесь должен я заметить, что звук пушек, по причине слишком густого тумана и сырого воздуха, не далеко распространяется, а каронады наши были только двенадцатифунтовые.

По соединении с нами шлюпа "Мирный" вновь настал такой туман, что шлюп скрылся от глаз наших, однако же звуки его колокола, означающие часы, были нам слышны. Мы тогда шли на SWtW.

В 11 часов на ветре слышали ужасный рев буруна; я расставил людей вокруг шлюпа на блиндарее, гальюне, на шкафутах и трапах на нижних ступенях около самой воды, ибо чем ниже глаз и ухо, тем скорее можно увидеть белизну, ежели небо не покрыто

облаками, и скорее можно услышать шум или звук, потому что на самом горизонте туман реже, нежели на некоторой высоте, и звук удобнее распространяется.

Мы безмолвно слушали все, что нарушало тишину. В половине двенадцатого часа показалось на ветре множество мелкого льда, и вскоре мы опять услышали бурун впереди, но ничего не было видно; потом впереди затемнело, и бурун слышен был яснее. Я тотчас приказал поворотить чрез фордевинд. Во время поворота мы могли видеть только крайнюю, к нам ближайшую часть льдины; зыбь разбивалась о многие пещеры в льдине и производила ужасный рев. Чрез несколько минут после поворота мы уже не видели того лдяного исполина, который нас столько беспокоил; тогда же я сделал сигнал шлюпу "Мирному" привести на правый галс.

18 декабря. Между тем маловетрие переменялось. С полуночи было от юго-запада, при небольшой зыби от NO, туман продолжался густой, временно выпадал снег мелкими крупинками. В 2 часа мы шли близ большого лдяного острова, о который бурун сильно разбивался. Все служители и офицеры не спали и были наверху в совершенной готовности к делу; наконец, мы прошли, ничего не встретя, и шум от буруна умолк. В 4 часа утра опять услышали сильный рев близко под ветром, а как в сие время ветер совсем почти стих и нас, повидимому, приближало к буруну, то я принужден спустить гребные суда, чтобы буксироваться; вскоре открылся лдяной остров, который то темнел, то вовсе скрывался, и близость одного мы узнавали только по слуху. В половине шестого часа прошли сей остров, но не избавились от опасности, ибо нас прижало к другому, поблизости находящемуся; мы не переставали буксироваться, чтобы пройти и сей остров, между тем, палили каждые полчаса из каронады для уведомления о себе шлюпа "Мирного", но он нам не отвечал. При проходе последнего лдяного острова, по выстреле с той стороны, на которой находился "Мирный", мы услышали страшный стук обрушающегося льда. Вероятно лдяная громада была уже в совершенной готовности к разрушению, недоставало только последней действующей причины, и сотрясение, происшедшее от выстрела малой нашей пушки, было достаточно к ниспровержению сего огромного льда. Сначала я думал, что выпалили с ядром, но выстрел был без ядра; следовательно, одною стремительною силою выстрела довершено начавшееся разрушение острова. Я заметил, что во время туманов нам чаще случалось слышать падение льдов с высот в воду, и потому мне кажется, что туман способствует уменьшению плотности сих льдов.

В 5 часов утра задул тихий ветер от S, тогда убрали буксир и подняли гребные суда на места. Туман на короткое время сделался реже, и мы увидели шлюп "Мирный" к северу. Я тотчас спустился к нему, но как туман опять все скрыл от взоров наших и на пути были лдяные острова, то я вновь привел к ветру на O. Мы беспрерывно встречали лдяные острова, о появлении коих нас извещал бдительный слух наш. В 10 часов туман несколько прочистился. Увидя шлюп "Мирный", я тотчас к нему спустился и, хотя туман вторично закрыл все, что мы видели, однакож я продолжал путь к "Мирному" и, пройдя, по моему мнению, достаточно для сближения обоих шлюпов, привел опять к ветру.

Южный ветер с утра некоторым образом обнадежил, что туман прочистится и что мы, по крайней мере на сей раз, избегнем неминуемого кораблекрушения. В самом деле, в 11 часов ветер от юга начинал свежеть, и туман действительно прочищался; мы тогда

увидели, что на горизонте, простирающемся не более, как на четыре мили, нас окружали тридцать четыре большие высокие лдяные острова и множество мелких кусков льда. Длина некоторых островов была до шести миль. Большие острова всегда с плоскими вершинами и имеют отвесные стороны; напротив, островершинные и неправильные никогда до такой величины не достигают, а выше плоских островов.

Я предполагал пробираться между сими льдами к востоку для того, что итти прямо к северу было невозможно, надлежало прежде обратиться к западу и обойти преграду, толь нечаянно встретившую нас накануне, а от сего обхода мы потеряли бы много времени.

В полдень ветер сделался еще свежее, мы имели ходу более пяти узлов, туман совершенно пронесло к северу, и вновь появилось солнце; тогда мы определили место наше, широта оного оказалась $65^{\circ} 20' 32''$ южная, долгота $156^{\circ} 55' 21''$ западная. Когда шли к востоку, число лдяных островов час от часу умножалось и ветер крепчал; мы несли весьма много парусов, дабы в продолжение дня и ясной погоды освободиться от лдяных островов или заблаговременно возвратиться назад; в 4 часа ветер сделался еще крепче, я приказал взять у марселей по два рифа, однако же мы все имели ходу по шести миль в час. Лды умножались; в половине пятого часа пополудни встретили к О и к S множество лдяных островов и изломанного плавающего льда; пройти не было возможности, и потому я решился обратиться к NO, в намерении к ночи выбраться из толь опасного положения; но и на сем направлении мы скоро встретили пред собою сплошные острова, между коими не было ни малейшего свободного прохода; начали искать оного ближе к северу, потом в 6 часов искали прохода на NWtW, но и сим путем между бесчисленным множеством различной величины лдяных островов и кусков льда, при крайнем старании всех офицеров, бывших наверху, и вахтенного, который в сие время находился на баке безотлучно и располагал действием руля, мы не избегли нескольких косвенных ударов от небольших льдин, коими попортило медь в носовой части шлюпа. Лдины сии, хотя на вид казались не велики, но как по вышеприведенному замечанию, всякой лдяной громады под водою семь частей ее величины, то удары при большом ходе могли быть пагубные для шлюпа "Востока", который имел только одну обшивку и незаделанные промежутки шпангоутов в подводной части.

Большие льдины островершинны и походили на трубы, оставшиися после сгоревшего строения; гибель наша была бы неминуема, ежели бы, к несчастью нашему, наступила мрачность или пошел снег. По сие время мы видели к востоку непроходимые сплошные лды и внутри оных затертые лдяные острова и не находили возможности ни на сколько податься к востоку.

Достойно замечания, что капитан Кук 1773 года генваря 17 по новому штилю, т. е. 18 днями ранее нежели мы, шел к востоку по параллели $64^{\circ} 41'$ и хотя встречал много льдов, но имел свободное плавание; сие служит доказательством, что лдяные сплошные поля временные и состояются из кусков плавающего льда.

В 8 часов вечера мелкий лед и островершинные острова были реже, тогда мы начали встречать большие лдяные острова с плоскими поверхностями. В 9 часов опять склоняли путь наш более и более к О. В 12 часов шли на NO.

19 декабря. Таким образом продолжали плавание между великим числом огромных плоских островов; морозу было 2°. Каждый встречаемый лдяной остров старались проходить на ветре для того, что всегда под ветром находили много мелкого льда. В 3 часа утра прошли два острова, один подле другого, длина каждого была около двух миль. По всем признакам оба острова незадолго пред сим составляли один, который разломало на два, и они еще не отодвинулись один от другого далее пятидесяти сажен. Поверхность их, высота, впадины, пятна на близких частях соответственны; одним словом все признаки доказывали, что два острова составляли один.

В сие время мы приблизились к разбитым кускам льда, которые простирались от NNO чрез O до StW. С полуночи до 4 часов прошли около 300 лдяных островов по обеим сторонам шлюпов и продолжали держать тем же курсом при свежем ветре от юга. В 4 часа шли вдоль пространного поля, составленного из разного разбитого льда, одного на другой набросанного. Сему полю с салинга не было видно конца; я полагаю, что оно соединяется с сплошным льдом, который мы видели накануне; по северную сторону оставалось у нас множество лдяных островов. Киты нередко играли подле шлюпов, полярные и бурные птицы летали во множестве.

Полуночи в широте 64° 21' южной, долготе 155° 21' западной, найдено склонение компаса 19° 10' восточное.

20 декабря. В полдень курс наш отдалил нас от сплошного льда, но я придерживался к оному, держа на NotO 1/2 O; тогда по наблюдению определили широту 63° 45' 58" южную, долготу 153° 35' 8" западную. Мы шли вдоль поля до самой полуночи; в сие время сделался штиль; в 3 часа утра задул северный ветер, который препятствовал следовать возле краев лдяного поля, и я принужден повернуть на NW в намерении коль возможно вылавировать, дабы поля не потерять из вида.

Мы тогда имели пред глазами до сорока больших, с плоскою поверхностью, лдяных островов и то пространное поле, около которого шли до сего времени.

Во все утро горизонт к северу был покрыт густою мрачностью; тонкий туман висел на воздухе выше поверхностей лдяных островов, отчего на некоторой высоте в атмосфере над каждым островом виден был белый свет, так что мы могли по оному считать и те лдяные острова, которые скрывались за горизонтом. Такое явление особенного отблеска над каждым островом мы усмотрели сегодня в первый раз.

Капитан Кук многократно заметил, что появляющийся свет заранее извещал о близости больших сплошных льдов, что почти всегда и с нами случалось, и явление белизны по горизонту служило доказательством, что сплошные пространные лдяные поля недалеко.

В 6 часов утра начал выпадать небольшой снег, с коим и мрачность час от часу увеличивалась, что принудило меня продолжать плавание по тому же направлению, дабы в случае дурной погоды, не быть близко к пространному лдяному полю.

В 10 часов утра ветер свежел и число лдяных островов умножалось, с надветренной стороны мы насчитали пятьдесят семь, и под ветром было не менее.

К полудню находились в широте $62^{\circ} 45' 43''$ южной, долготе $153^{\circ} 30' 18''$ западной; теплоты было полградуса, ветер несколько отходил к западу и позволял нам придерживаться ближе к северу. Вскоре после полудня туман сделался гуще, иногда шлюп "Мирный", следующий за нами на расстоянии одного кабельтова, скрывался в тумане; в таком положении место вахтенного офицера было на баке, откуда, прилежно всматриваясь, держал правее или левее, дабы миновать лдяные острова или мелкие льдины, но пространство между оными было так мало, что с великим трудом управляли шлюпом.

Мы сидели за обедом, как вдруг шлюп "Восток" закачался и паруса обезветрились; все выбежали наверх и увидели величественное и ужасное зрелище: нам предлежал только один, и такой узкий проход между стесненными островами, что должно было держать близко надветренного острова, дабы не быть близко к подветренному. Первый из сих островов был так высок, что отнял ветер у самых верхних парусов.

Матроз Южиков, стоявший в сие время на грот-брам-салинге, сказывал, что вершина льда была многим выше клотика, а обращенная к нам сторона совершенно перпендикулярная представлялась в виде величайшего щита; к счастью мы имели тогда ходу более пяти миль в час и сим ходом прошли длину острова около двухсот сажен. Вскоре после сего прошли таковой же остров и видели, как великие оного части с большим треском и шумом сваливались в море.

До 2 часов пополудни мы находились в опаснейшем положении, в густом тумане между великих лдяных громад, при свежем ветре с порывами. Парусов несли больше, дабы скорее выдти из льдов, полагая вскоре достигнуть окончания оных; в сие время по увеличивающейся зыби и волнению от ветра мы знали, что число льдов уменьшается, а потом реже встречали оные. Тогда около нас летал дымчатый альбатрос и несколько голубых бурных птиц. Ветер еще отходил к О, мы шли прямо на север, оставляя лдяные острова и мелкие льды по обеим сторонам; о приближении к оным узнавали сначала по слуху, а потом по свету против самого тумана.

21 декабря. Ветр крепчал, при большой пасмурности с снегом, и хотя мы уже не так часто встречали льды, однако же от волнения шлюп много терпел в носовой части; почему я приказал у марселей взять два рифа, спустить брам-реи, взять фок на гитовы и поставить грот.

В продолжение всей ночи беспрестанно занимались выбрасыванием за борт снега, во множестве падающего на палубу. В 4 часа утра, чтобы спустить брам-стенги, по причине большой качки, надлежало прежде сколотить с вант и других веревок толстый лед, который в продолжение ночи намерз. Термометр остановился на точке замерзания, и мы только видели одну льдину. В 8 часов появился близ нас кит. К полудню ветер начал стихать, и при тумане шел дождь.

В полдень мы находились по счислению в широте $61^{\circ} 18' 22''$ южной, долготе $154^{\circ} 36' 57''$ западной. В 2 часа ветер сделался от запада свежий. Я сего ожидал, ибо почти всегда при уменьшении широты ветер задувал от запада, взял курс на О, в намерении по сей параллели переменить немало долготы, и не прежде вновь испытать плавание к югу, как по пересечении пути капитана Кука в долготе 134° западной, ибо плавание между множеством особенно крупного льда было неуспешно. Сверх сего обстоятельства я

имел в виду, что некоторые лдяные острова развалятся и обломки их исчезнут от дождей, туманов и теплоты, которая иногда в летнее время бывает и в сих широтах южного полушария; я не хотел простирать плавание в тех местах, где шел уже капитан Кук и не видел берегов.

В 7 часов вечера выпадал снег, тогда мы взяли у марселей по последнему рифу. К полуночи число лдяных островов опять умножилось. По сей причине я приказал держать несколько севернее, дабы не войти при толь великом волнении в такое же множество лдяных островов, какое мы встретили в меридиане, близ коего находились, и из сего заключили, что видимые нами лдяные острова составляют продолжение той же самой гряды. Ночью мы прошли тринадцать островов; шлюп качало весьма сильно. В течение всего дня мы видели дымчатых альбатросов, пеструшек и великое множество голубых бурных птиц; теплоты было 1° .

22 декабря. Ветр продолжался крепкий западный, весь горизонт был покрыт мрачностью. В 9 часов утра мы опять пошли на О и в продолжение всего дня видели на горизонте до десяти лдяных островов; ходу имели от шести до семи миль в час. В 7 часов пополудни выпадающий снег и мрачность были так густы, что скрывали все на расстоянии пятидесяти сажень; мы принуждены привести к ветру и иметь малый ход. В 9 часов вечера снег выпадал реже и можно было видеть за 200 сажень. В 11 часов легли в полветра на ОтN. Хотя еще довольно было пасмурно, но я дорожил временем, не упустил случая даже в самых стесненных обстоятельствах пользоваться малою возможностью; итти в полветра всего безопаснее, ибо, встретив препоны, можно тем же самым путем пойти назад.

23 декабря. С полуночи мы продолжали курс к О, при свежем ветре от NNW с мелким снегом; термометр на воздухе спустился несколько ниже точки замерзания, а в палубе, где спали служители, теплоты было 12° . С утра лдяные острова беспрестанно открывались, а другие скрывались позади нас. К 9 часам утра ветер стих и зашел сначала к NO, а потом перед полуднем заштилел. Мы находились в широте $60^{\circ} 25' 57''$ южной, долготе $146^{\circ} 57' 29''$ западной; тогда видели к северу четыре лдяные острова, а к югу двадцать восемь больших островов с плоскими вершинами, отвесными сторонами, вышиною от 100 до 150 футов от поверхности моря.

Заметья, что скоро последует безветрие, я приказал не наблюдать настоящего курса, но держать так, чтоб в случае безветрия мы были вне опасности от льдов.

После полудня сделался ветер тихий от юга и вскоре несколько засвежел; тогда мы опять пошли между лдяными островами, но уже без опасности, ибо зрение наше простиралось далеко. В 6 часов пополудни на одном из лдяных островов заметили на углу вид лдяной высокой башни. Другой лдяной остров также любопытства достоин по своему устройению, с одной стороны имел две террасы или два уступа, а на другой возвышенность в виде малой крепости; сей остров был от наших шлюпов весьма далеко. К ночи ветер начал свежить, мы тогда взяли у марселей по другому рифу. Во всю ночь находили тучи с густым снегом, который нас осыпал. Хотя часто в мрачности попадались лдяные острова, но меньше прежних и реже.

Мы тогда шли по шести и семи миль в час и таким образом недостаток времени награждали [возмещали] отважностью, на которую я в продолжение почти всего

плавания решался, совершенно надеясь на усердную бдительность вахтенных лейтенантов и проворство служителей, коих здоровье было на обоих шлюпах в лучшем состоянии. Все, вообще, находясь между льдами, были здоровее, нежели в жарком климате; тогда многие чувствовали отягощение и желали, чтоб им открыли кровь.

24 декабря. В 5 часов утра ветер засвежел с той же стороны, и набегали порывы с снегом, что принудило нас у марселей взять последние рифы. Волнение поднялось большое и от NW великая зыбь; мы тогда шли по восемь с половиной узлов в час. В сие время вдруг в мрачности показался пред носом большой ледяной остров, от которого мы успели спуститься, и он скоро опять закрылся от выпадающего снега. Спустясь, мы с трудом и опасностью пролагали путь сквозь мелкий плавающий лед, от сего острова ветром отнесенный. Управлять шлюпом поспешно то вправо, то влево было крайне затруднительно и почти невозможно, ибо шлюп не мог так скоро повиноваться рулю. С 8 часов порывы ветра смягчились, и в 9 часов утра мы опять у марселей отдали по одному рифу.

В полдень находились в широте $60^{\circ} 8' 3''$ южной, долготе $142^{\circ} 18' 13''$ западной. До полудня шли между ледяными островами, отделенными один от другого. С полудня число их начало умножаться. В 5 часов пополудни насчитали 60, к 6 часам вечера было столько, что мы не могли их сосчитать. Сии острова по большей части имели неправильную фигуру; многие повреждены волнением, а иные исковерканы разным образом, быв неоднократно опрокидываемы. В 9 часов вечера мы проходили остров, который имел вид прекраснейшей колонны. Капитан-лейтенант Завадовский из любопытства брал секстаном высоту острова и, измерив расстояние до одного посредством связи треугольников, определил высоту сей льдины 196 футов. Вечеру несколько дымчатых альбатросов провожала наши шлюпы.

25 декабря. 25-го мы шли при тех же обстоятельствах и при снежных тучах. Ледяные острова беспрестанно вновь открывались и умножались к восточной стороне, а с западной были ниже и скрывались.

Сегодня праздник рождества христово, все оделись в парадные мундиры и, невзирая на неприятную погоду, я посредством телеграфа пригласил на шлюп священника, который прибыл в 11 часов. Все вообще слушали молитву, кроме вахтенных. Во время благодарственной молитвы за избавление любезного отечества нашего от нашествия врагов, вдруг почувствовали сильный удар судна. Капитан-лейтенант Завадовский тотчас выбежал, чтоб узнать тому причину, ибо, когда мы находились наверху, не было в виду никакой опасности и только нечастые льды показывались.

Лейтенант Демидов, управлявший тогда шлюпом, пролегая путь сквозь мелкие плавающие льдины, был на баке, откуда обыкновенно в таком случае вахтенные командовали, а как ход мы имели небольшой, зыбь была немалая, то шлюп не так скоро слушался руля, как бы сего желать должно. Лейтенант Демидов, избегая одной льдины, коснулся правой стороны другой, которая казалась ему небольшой, но льдина сия, напитавшись водою, от тяжести погрузилась и потому-то надводная часть ее была мала. Удар последовал весьма сильный, и ежели бы при тогдашней качке не ослаблен был якорным штоком и подъякорными нижними досками, то проломил бы судно, ибо льдина наперед уперлась в шток и силою своею приподняла оный с веретеном на фут, раздробила подъякорные доски и сверх того оторвала медь под водою на 3 фута и

вырвала из настоящей обшивки малую надделку, которая при построении шлюпа положена корабельным мастером на место вынутой гнилой части.

Из сего видно, что одному счастливому случаю обязаны мы избавлением от великой опасности, а может быть и от самой потери шлюпа. Удар последовал, когда судно спускалось носом вниз, отчего якорный шток и подъякорные доски на баргоуте несколько уменьшили силу удара, а ежели бы сие случилось, когда нос приподнимался, удар последовал бы прямо в подводную часть, защищенную одною только настоящею обшивкою, и немедленно раздробил бы сию обшивку, которую исправить не было ни места, ни возможности; в таком гибельном положении для спасения людей осталось бы одно средство -- перевести всех или кого успели еа шлюп "Мирный".

Нам неоднократно случалось быть в весьма опасных обстоятельствах, во льдах самых частых, при больших ходах, даже во время дурных погод, и мы всегда благополучно избегали подобного гибельного случая, а в сие время, когда я почитал себя совершенно вне опасности, подверглись оной неожиданно.

Для праздника, подобно как и в прочие торжественные дни, служителям после обеда дано по хорошему стакану пунша, и их не занимали никакими мелкими работами, напротив, матрозы забавлялись разными простонародными играми и пели песни.

С полудня мы прибавили парусов и в продолжение всего дня шли на SOtO 1/2 O; оставили к югу до двухсот, а к северу только сорок четыре лдяные острова, которые все имели неправильные и разнообразные виды.

26 декабря. Ночь была темная; термометр стоял на точке замерзания, а в палубе, где спали служители, было теплоты 12°. Мы продолжали тот же путь между лдяными островами, ходу имели около пяти миль в час.

В полдень по счислению находились в широте 61° 39' 19" южной, долготе 134° 4' 32" западной. Теплоты было 2°; тогда все еще имели в виду лдяные острова небольшой величины, с полудня реже, и в горизонте насчитывали оных тридцать.

В 2 часа пополудни, когда уже, по счислению, пересекли путь капитана Кука, в долготе 134° находящийся, я вновь начал придерживаться несколько к югу, дабы в одно время широту увеличить, а долготу уменьшить; я желал подняться к югу в долготе около 120° западной, т. е. в том месте, которое не было обозреваемо капитаном Куком. По сей причине взял курс SO, имея ходу четыре с половиной мили в час. В 4 часа пополудни выпадал мокрый снег и дождь, а в 5 часов настал туман и продолжался до 11 часов вечера; зрение наше в сие время простиралось на полторы мили. Мы проходили немало разнообразных льдов.

В 11 часов, когда туман спустился, всех лдяных островов в виду было не более пяти; мы обрадовались, когда увидели небо около самого зенита несколько очищенное от облаков, и показались сверкающие звезды. В сем климате небо редко бывает безоблачно и потому производит впечатление особенно приятное для мореплавателей. Когда сие случалось, вахтенные офицеры обыкновенно посылали за астрономом Симоновым, дабы он любовался южным небом.

27 декабря. С полуночи недолго стояла хорошая ясная погода; вскоре при тумане пошел дождь и снег, падающий лепестками. Ветр в продолжение сего дня был тихий, переменный; по причине густоты тумана мы приводили в бейдевинд и опять спускались, соглашаясь с обстоятельствами. Видели немало ледяных островов и слышали во время тумана их разрушение.

28 декабря. Ветр дул NOtO, при пасмурности с дождем, небо и горизонт были мрачны. С полуночи и до 8 часов мы прошли 15 больших и малых ледяных островов. В 9 часов утра я приказал держать на SO. В полдень находились на широте $64^{\circ} 1' 1''$ южной, долготе $128^{\circ} 34' 6''$ западной; теплоты было более 2° . Ветр переходил чрез N, NW, W и установился от SW; горизонт во все время оставался покрыт мрачностью, и временно выпадал густой снег лепестками; мы шли тогда между мелкими ледяными островами, они почти все были разбиты волнением, большие же весьма редко попадались. К вечеру видели большую бурную (*Procellaria gigantea*) и несколько голубых бурных птиц. В 7 часов настала мрачность и, как мы имели тогда ходу восемь миль в час, то я приказал взять у марселей по одному рифу и фок на гитовы. От 6 часов до полуночи прошли девятнадцать ледяных островов и множество плавающих отломков льда, от коих беспрерывно уклонялись в разные стороны. В 10 часов вечера летал около нас дымчатый альбатрос, а в полночь показалась одна полярная птица.

Все сии острова, пройденные нами 27-го и 28-го от летнего времени потерпели, вероятно многие успеют еще разрушиться, чему способствует частый дождь, теплота в воздухе, самое волнение моря и отчасти туман.

29 декабря. Мы продолжали курс на SO при свежем ветре от SW; черные тучи и мелкий снег закрывали от нас ледяные острова. В 3 часа ветер задул от запада и снег непрестанно выпадал. До сего времени с полуночи мы прошли двадцать шесть ледяных островов и много плавающего льда. Ходу имели тогда около восьми миль в час. В половине четвертого часа по горизонту начал показываться отблеск, что предвешало нам близость ледяного сплошного поля. В 4 часа мы оный увидели, а к половине пятого часа утра были возле пространного поля из мелкого льда, в котором затерто несколько ледяных островов, с салинга к югу не видно было оному конца. На открытом воздухе ртуть в термометре стояла тогда на 1° ниже точки замерзания. Поле сие преградило нам путь к югу в широте $65^{\circ} 43'$, долготе $126^{\circ} 30'$ западной, что и принудило итти на NOtN; я нес много парусов, дабы скорее отдалиться от сего места еще на несколько градусов к востоку, и тогда вновь прямо в долготу 120° испытать подняться к югу.

В 6 часов того же утра ветер задул свежий NNW и принудил нас итти на NO в продолжение всего дня, при мокром снеге, оставляя по обеим сторонам много ледяных островов и множество мелкого плавающего льда.

Полярные птицы начали показываться, невзирая, что мы еще не вступили на полярный круг. Где множество льду, там сии птицы ранее появляются, где льду мало -- там их нет за полярным кругом. Видели дымчатого альбатроса и двух китов.

30 декабря. При свежем ветре от N с порывами и снегом, при зыби от NW, небо и горизонт были закрыты густой мрачностью, термометр стоял несколько ниже точки замерзания; мы продолжали курс на ONO и на O; от полуночи до полудня мы прошли семьдесят восемь ледяных островов, разбросанных и не имеющих правильного вида. В

продолжение сего времени, по причине пасмурности, усматривали предметы иногда не далее трех четвертей мили, а иногда за несколько миль. К полудню часть неба очистилась и нам удалось измерить высоту солнца, по коей широта нашего места оказалась $65^{\circ} 4' 30''$ южная, долгота $20^{\circ} 58' 35''$ западная. Склонение компаса найдено 20° восточное.

В 3 часа пополудни ветер задул ОНО; тогда мы начали вновь придерживаться к SSO, шли между лдяных островов; погода была ясная; дабы оною воспользоваться, мы с 9 часов легли на StO. Вскоре пасмурность опять все покрыла; до 10 часов вечера выпадал мелкий снег.

С полудня до полуночи мы прошли между ста тремя лдяными островами; одного из оных, с плоскою вершиною, в виду нашем часть обрушилась, вероятно, от дождливых погод, будучи уже готова к падению отвалилась чрез сотрясение, происходящее от волн, ударяющих в льдину. Голубые бурные птицы летали около нас попрежнему. В полночь мы были в широте $66^{\circ} 9'$ и шли к югу по восьми миль в час, и потому надеялись вскоре достигнуть большой широты.

31 декабря. С полуночи погода сделалась яснее и к югу по горизонту видно было до тридцати лдяных островов; мы имели ходу по восьми миль и до 4 часов утра прошли мимо сорока четырех разбросанных лдяных островов и множества плавающего льда. В 3 часа был небольшой снег; киты в разных местах пускали фонтаны; один дымчатый альбатрос и голубые бурные птицы летали около нас.

Стремление наше и лестная надежда достичь большей широты встретили новую преграду в четвертом часу утра. С салинга и с боку увидели лдяное поле, которое простиралось от востока чрез юг к западу; на милю впереди, к северу, плавало множество мелких льдин. Морозу было полградуса. В пространном лдяном поле находилось множество островов, однакоже не весьма великих; один только остров между всеми отличался величиною, имел стороны отвесные, а вершину плоскую, был от нас на OSO. Я полагал, что сие поле соединяется с тем, которое преградило нам путь к югу 29 декабря. Когда подошли к самому краю льда, места нашего широта была $67^{\circ} 30'$ южная, долгота $119^{\circ} 48'$ западная; я приказал поворотить на NtW.

Во время сего вторичного плавания в Южном Ледовитом океане, только что нам удалось в пятый раз войти за полярный круг, вдруг опять встретили препятствия; мы крайне сожалели, что ветер был противный и не допускал в виду сего поля итти к востоку; уже рассчитывали сколько градусов в сутки могли бы перейти, ибо градусы здесь невелики, принуждены опять возвратиться к северу мимо тех же островов, которые уже видели на пути к югу. В 10 часов утра находились против лдяного плоского острова, длиною около двух миль, вышиною в сто тридцать футов; в сем месте встретили много черных небольших бурных птиц. Сии птицы так осторожны, что никогда не подлетали к шлюпам на ружейный выстрел, и потому мы ни одной убить не могли.

В полдень находились в широте $67^{\circ} 2'$ южной {В подлиннике опечатка -- значитя 62° -- Ред.}, долготе $120^{\circ} 6' 31''$ западной. Склонение компаса было 24° восточное.

Встречая беспрестанное препятствие к продолжению пути на юг, я положил: при первом благополучном ветре итти к востоку, пересекая путь капитана Кука, достигнув 98° долготы западной, вновь подняться в широту, и ежели там встречу также невозможность продолжать плавание к югу, то, по крайней мере, итти путями, еще неиспытанными, и тем облегчить мореплавателей, которые впредь покусятся быть счастливее меня.

В 5 часов пополудни показались около шлюпов три полярные птицы; нашла пасмурность и выпадал снег. К восьми часам ветер скрепчал так, что принудил нас взять у марселей по два рифа и убрать фок. Я нес во весь день много парусов, дабы в случае северного ветра быть далее от лдяного сплошного поля, ибо барометр понижался, льдов же к полуночи мы начали встречать менее. Теплоты было 1/4 градуса.

1821 г. 1 генваря. Ветр дул северо-восточный, крепкий, с великим волнением и великою зыбью от NNO, небо и горизонт покрыты были мрачностью и временно выпадал снег и дождь. В 10 часов со стороны ветра находил туман, скрыл от нас все предметы; около полудня туман сделался реже, и тогда пошел дождь.

По поднятии кормового флага на обоих шлюпах, я чрез телеграф приказал на шлюпе "Мирном" служителям дать по стакану пунша, дабы они выпили за здравие государя; то же сделано на шлюпе "Восток", и, чтобы сей первый день года отличить от прочих дней и развеселить служителей, которые непрерывно были подвержены сырости, туману, дождю и снегу, я велел после обеда сварить для всех по большому стакану кофе и налить, вместо сливок, несколько рому; сие необыкновенное для матрозов питье было им приятно и они весь день до самого вечера время проводили весьма весело.

В полдень мы проходили большой лдяной остров, на коем с одной стороны стояли две арки; когда мы оные прошли, с другой стороны на середине льдины видна была большая глубокая пещера, в которой волнение сильно разбивалось.

Вскоре пополудни настал вновь густой туман. В 5 часов мы прошли два большие лдяные острова, от коих продолжались две гряды кусков плавающего льда, простирающегося на милю. Шли во весь день к северу и несли мало парусов, дабы не слишком удалиться от большой широты. Итак, мы уже другой новый год проводили весьма неприятно и в большой опасности. По крайней мере, ныне встречали не так много льдов. По причине дурных погод не могли по желанию видеться и беседовать с нашими спутниками шлюпа "Мирного".

К вечеру пасмурность умножилась. В продолжение сего дня около нас летало много голубых и несколько черных бурных птиц и показались морские свиньи; мы их уже давно не видали; в густых льдах они нам нигде не встречались; вероятно, в сих местах не находят пищи или не могут переносить большого холода.

2 генваря. При том же крепком противном ветре мы продолжали курс к N в ожидании перемены ветра. Небо и горизонт покрыты были густою мрачностью и накрапывал дождь. В 7 часов ветер скрепчал при густейшем тумане, так что нередко шлюп "Мирный" от нас скрывался, хотя находился не далее кабельтова. Для нас было необыкновенно, что при таком крепком ветре мы имели такой густой туман. Я приказал взять у марселей последние рифы и по причине большой качки спустил

брам-стенги, а как понижение ртути в барометре предвещало шторм, то заблаговременно велел взять риф у фока; течь в носовой части нашего шлюпа по одному дюйму в час наводила нам беспокойство, потому что в палубе, где спали служители, от частого выкачивания воды из трюма происходила большая сырость.

В 9 часов ветер был весьма крепок, я не смел уже убавлять парусов, дабы нас не унесло к северо-западу, где много ледяных островов. В полдень показался под ветром ледяной остров. Туман сделался несколько реже. Тогда горизонт наш распространился на четыре с половиной мили, и нам открылись ледяные острова; к SO три, к NO один и к WNW один -- все от шлюпа "Восток" в трех или четырех милях; теплоты было почти 1° . В 6 часов я сделал два пушечные выстрела для показания места нашего, последний выстрел был с ядром; но мы ответа не слышали. В 7 часов, когда несколько прочистилось, увидели шлюп "Мирный" весьма далеко позади, а под ветром открылись четыре ледяные острова.

Ветр приметно стихал. Множество голубых бурных птиц и один дымчатый альбатрос летали около нас. При наставшем маловетрии было две зыби: одна от NNO, другая от OSO и сии зыби произвели большую качку, которая продолжалась до трех часов пополудни 3 числа. С сего времени задул тихий ветер от юга и уносил туман к северу; мы тогда находились в широте $63^{\circ} 27'$ южной, долготе $118^{\circ} 49'$ западной и пошли к O, а дабы воспользоваться ветром от S и наставшей ясною погодою, подняли брам-стенги и реи на место и прибавили парусов.

Ясная погода давно уже была для нас весьма нужна, и потому мы поспешили оною пользоваться; просушивали все матрозское платье и обувь, распустили все паруса и разложили все веревки, которые от продолжительной мокрой погоды чрезмерно намокли. К вечеру со стороны ветра набегали небольшие тучи со снегом; в полночь ртуть в термометре спустилась на точку замерзания; в палубе, где спали служители, теплоты было 11° .

Имея большой запас хороших дров, заготовленный в Порт-Жаксоне, мы старались беспрестанным топлением содержать в палубе сухой и теплый воздух. Верхняя палуба всегда покрывалась влажностью и была несколько сыровата, для сего каждая артель небольшими швабрами вытирала сырость; однакож не было возможности довести до того, чтоб в холодном климате на шлюпе "Востоке" стены были сухи, ибо шлюп построен из сырого леса, а притом много людей жило в одной палубе.

От полуночи до 7 часов утра перемененно шел снег, накрапывал дождь и была слякоть; в 4 и 5 часов утра мы прошли мимо льдины; в 7 часов погода выяснилась и мы увидели к NW четыре ледяные острова в дальном от нас расстоянии. До полудня еще прошли мимо двенадцати ледяных островов, большая часть из оных имела вид неправильный; в сие время выпадало много снега.

В полдень небо было покрыто облаками; мы с секстаном в руке нетерпеливо ожидали появления солнца, которое уже давно не показывалось. Облака несколько уменьшились, и солнце только что позволило нам в скорости измерить высоту свою; широта места нашего найдена $63^{\circ} 26'$ южная, долгота $114^{\circ} 54' 41''$ западная. Склонение компаса $21^{\circ} 31'$ восточное. Течение моря в 4 дня снесло нас на NO 64° , тридцать шесть

миль; теплоты в воздухе было 1° , на горизонте видны десять рассеянных лдяных островов.

В сие время я взял курс на OSO, дабы не приблизиться к пути капитана Кука, который шел в широте $62^{\circ} 20'$.

Пополудни ветер отходил более к юго-западу и свежел, облака уносило, благотворное солнце обогрело нас, и несколько льдин было разбросано кое-где по горизонту. Шлюп "Мирный" шел в кильватере. Сие разнообразие составляло картину приятную, по тому положению, в коем мы находились; все прогуливались по шканцам и наслаждались хорошею погодою; ходу было от семи до семи с половиной миль в час.

К вечеру вновь небо покрылось облаками, ветер задул от SW с порывами, ход шлюпов был девять миль в час. В полночь, по причине видимо умножающейся течи шлюпа "Востока", я приказал взять у марселей по другому рифу и убрать фок, чтобы нос не нырял, ибо течь была в сей части.

5 и 6 генваря. 5 и 6 числа, при крепком юго-западном ветре с сильными порывами, под одними рифлеными марселями, мы шли от семи с половиной до восьми миль в час; временно набегали тучи со снегом, волнение было весьма велико. 5-го, по мере приближения к последнему пути капитана Кука, я начал несколько придерживаться к югу так, что с 6 часов пополудни взял курс на SOtO, а 6-го с четырех часов утра держал на SO, с трех часов пополудни -- SSO, прорезав обратный путь капитана Кука из самой большой широты. В сии дни мы видели морских свиней, голубых и малых бурных птиц, двух погодовестников и дымчатых альбатросов. С 6 часов пополудни порывы сделались реже, однако же все еще дул крепкий ветер; мы поставили фок, дабы нас менее несло к SO, ибо когда держали SSO, ветер был крут. Немало удивились, что, вступив в широту, большую противу прежней, весьма редко встречали лдяные острова. В продолжение сих дней на шлюпе "Востоке" непрестанно выкачивали воду, от течи входящую.

7 генваря. Продолжая тот же курс, при том же крепком ветре и великом волнении, мы имели большую боковую и килевую качку; морозу было 1° , снег не переставал выпадать; временем мы проходили изредка высокие лдяные острова. В 6 часов утра измеренная высота одного лдяного острова оказалась 360 футов от поверхности моря. В 8 часов ветер затих, тогда подняли брам-стенги и брам-реи на места, отдали рифы и поставили брамсели. Около нас летали пеструшки, дымчатые альбатросы и голубые бурные птицы, которые недавно опять начали появляться; видели одного кита, пускающего фонтаны.

В полдень мы находились в широте $67^{\circ} 35' 20''$ южной, долготе $100^{\circ} 18' 59''$ западной. Сегодня, при осматривании книц, оказалось, что многие треснули от крепких ветров; мы немедленно приступили к перемене сих книц; в Порт-Жаксоне я сделал в запас три кницы. На середине судна треснувшие я почитал важнейшими, почему и принялись за оные; когда приступили к работе, оказался недостаток в болтовом железе толщиною в один дюйм, но в полтора и $1 \frac{3}{4}$ дюймов в диаметре было много, и мы принуждены вытянуть оное в один дюйм.

Для облегчения шлюпа я спустил остальные две пушки с палубы на низ. После полудня, хотя ветер сделался еще тише, но снег не переставал; льдяные острова изредка встречались. В 6 часов я послал лейтенанта Лескова на шлюп "Мирный" осведомиться, нет ли у лейтенанта Лазарева дюймового болтового железа, но, к крайнему сожалению, и он не имел такого железа.

От полудня до полуночи мы прошли не более двадцати трех льдяных островов. С полуночи небо было покрыто туманными облаками, а к югу по горизонту показался свет, простирающийся от SOtS до SW; ветер был от SSW тихий.

Мы продолжали путь на OSO; имели в виду шесть льдяных островов; шлюп "Мирный" шел позади нас.

В нынешнем лете в первый еще раз льды нас допустили до широты $69^{\circ} 48'$: казалось, что все нам способствовало и подавало надежду, что достигнем до той широты, где капитан Кук встретил преграду, и токмо по свету, видимому к югу, мы сомневались в сей надежде.

В 8 часов утра ветер совсем стихал. Желая сим воспользоваться, мы подошли к небольшому плавающему куску льда; взяв грот и фок на гитовы, положили грот-марсель на стеньгу, спустили оба яла с боканцев и послали нарубить льду.

В сие время приехали к нам лейтенанты Лазарев и Анненков и мичман Куприянов и остались до вечера. Сие приятное свидание было в нашем скучном плавании единственною отрадою, особенно потому, что дурные погоды лишали нас сего удовольствия в продолжение месяца.

Пользуясь маловетрием, я поручил капитан-лейтенанту Завадовскому осмотреть под носом шлюпа то место, которым мы ударились о льдину. Осматривая с ялика, он нашел, что на четвертом поясе обшивки оторван один лист меди, под скулою же, против самого якорного штока, на третьем поясе в воде, также сорвана медь, а сверх того обшивочная доска вдавлена или раздроблена; последнего повреждения не было возможности хорошо рассмотреть по причине мгновенного появления сего места из воды, и оно так низко, что никаким образом невозможно исправить в море, и мы принуждены остаться с сими повреждениями.

Лейтенант Лазарев, держась поблизости шлюпа "Востока", заметил, что когда при качке поврежденное место выходило наружу, тогда вытекало из оною много воды; при сем сказывал, что он при назначении шлюпа "Востока" требовал, чтобы шлюп обшить фальшивою обшивкою и потом медью, но, к сожалению, сие полезное предложение не исполнено, и я по прибытии моем из Черного моря нашел шлюп уже готовый, кроме некоторых мелочей; большие работы уже было поздно начинать, ибо приближалось время отправления.

Доставленный на яликах лед был рыхлый и содержал в себе много соленой воды. В 11 часов задул тихий ветер от SWtS; мы подняли ялик на боканцы, снялись с дрейфа и взяли курс на SOtS и SSO. В полдень находились в широте $68^{\circ} 14' 17''$ южной, долготе $98^{\circ} 21' 38''$ западной; теплоты в воздухе было $3/4$ градуса. К востоку видели на горизонте семь островов, а к западу только один; в 3 часа они, по отдаленности, от нас скрылись.

С полудня мы имели ходу по пять миль в час; снег выпадал редко; льду не было видно с трех до восьми часов вечера. В сие время с салинга усмотрели два лдяные острова, и тогда же мы видели две полярные птицы и одного кита. Прошед двадцать семь с половиной миль в широте 68° и не встречая льда, мы крайне удивлялись, ибо в такой широте сего с нами еще не случалось. Несколько китов плавали в отдаленности от шлюпа.

Сегодня в палубе приделали одну кницу; я не ожидал, чтобы мастеровые на шлюпе "Востоке", не приобывшие к сей работе, произвели оную так успешно.

Хотя в прошедшую ночь мы заметили на горизонте свет к югу, и могли заключить, что по сему направлению находятся льды, однако, встречая мало лдяных островов, все согласно отнесли сие явление другим причинам. К вечеру ветер начал свежеть, мы уже шли по семи и восьми миль в час, и с большим удовольствием рассчитывали, в какой широте будем в полночь, в 4 часа следующего утра, в полдень следующего дня и так далее.

С вечера к югу опять увидели свет еще больший нежели накануне; часть неба, простирающаяся сводом к югу, была чистая, а остальная напротив -- покрыта густыми облаками. Таковая противоположность и прежде всегда предзнаменовала, что сплошные лдяные поля, или твердые льды, от колеблющихся вод океана расходятся или разделяются на части. Матрозы беспрестанно ходили на три салинга, и все еще сообщали приятные вести, что льду не было видно, но в час пополуночи с салинга увидели, что впереди уже весьма белеется и казалось, что там все льды.

9 генваря. Имея тогда большой ход, мы в половине второго часа приблизились к сплошному льду, состоящему из мелких обломков плавающего льда, один на другой набросанных, а внутри сего лдяного пространства местами затертые большие лдяные острова; предела льдов к югу с салинга не могли видеть, хотя погода и небо к югу были ясны. Мы встретили несколько бурных птиц и одну полярную бурную птицу.

Ветр, дувший из SW четверти от стороны льдов, при 2° морозу, способствовал нам итти вдоль льда на SO; сим румбом мы без волнения шли покойно по восемь миль в час до половины четвертого часа, тогда направление упомянутого лдяного пространства обращалось к ONO, а у нас прямо, пред носом было двадцать четыре лдяных острова. По всему горизонту на юг вдали показывался яркий белый блеск, подобный тому, который мы видели прошлого года, когда приближались к твердым льдам; и ныне мы заключили, что таковой лед находится недалеко к югу от сего места. Простирая плавание на разные румбы в NO четверти и в параллель того же сплошного льда до 3 часов пополудни, мы проходили непрерывно мысы мелкого льда, между которыми образовались заливы, и лдяное поле приняло опять направление в SO четверть; мы шли вдоль краев сплошного льда до 9 часов вечера, тогда ветер сделался тихий и продолжался до 7 часов следующего утра.

10 генваря. Во время ночи вдоль закраин сплошного льда, имея малый ход, мы переменными путями шли к SO. Сие сплошное лдяное поле все состояло из сомкнутых больших кусков, один на другой набросанных, или вытесненных кверху другими

кусками; у краев их высота была неровная, местами до тридцати футов; в сем поле мы насчитали затертых ледяных островов тринадцать, один в окружности до двадцати миль, а высота его была около 200 футов сверх поверхности моря, на середине казалась выпуклость, похожая на отлогую гору.

В продолжение ночи к югу чистое небо представлялось светлою аркою, с ярким белым блеском; напротив, вся северная сторона была в облаках; к утру сделалось холоднее, морозу близ 3°; около шлюпа показались: дымчатый альбатрос, две эгмондские курицы, три большие голубые бурные птицы и несколько китов, пускающих фонтаны. Мы видели в воде одно морское животное, но рассмотреть оно не могли оттого, что скоро оно от нас скрылось. В 6 часов утра находились в широте 69° 53' южной, долготе 92° 19' западной; море было совершенно чисто к югу на две мили, но как мы тогда зашли в образовавшийся между льдов залив, и ветер сделался прямо в оный от NOtO, то поворотили на NtW, чтоб заблаговременно выйти. Лед сей, из спершихся кусков плавающего льда, составлял продолжение того же поля, около которого мы шли накануне. Местами внутри оно видны были высокие ледяные острова.

В полдень ветер отошел еще несколько к O, и сделался свежее; небольшая мрачность препятствовала нам продолжать путь к востоку. Не имея возможности итти к югу от встречаемого сплошного льда, мы должны были против воли продолжать путь к северу, в ожидании благополучного ветра. Между тем, морские ласточки и курицы Эгмондской гавани подавали нам повод к заключению, что в близости сего места существует берег.

В полдень, по наблюдениям, находились в широте 69° 21' 42" южной, долготе 92° 38' 7" западной. Склонение компаса было 39° 49' восточное.

В 3 часа пополудни со шканцев увидели к ONO в мрачности чернеющееся пятно. Я в трубу с первого взгляда узнал, что вижу берег, но офицеры, смотря также в трубы, были разных мнений. В 4 часа телеграфом известил лейтенанта Лазарева, что мы видим берег. Шлюп "Мирный" был тогда поблизости от нас за кормою и поднял ответ; усмотренный берег находился от нас на NO 76°.

Солнечные лучи, выходя из облаков, осветили сие место и, к общему удовольствию, все удостоверились, что видят берег, покрытый снегом; одни только осыпи и скалы, на коих снег удержаться не мог, чернелись.

Невозможно выразить словами радости, которая являлась на лицах всех при восклицании: берег! берег! Восторг сей был неудивителен после долговременного единообразного плавания в непрерывных гибельных опасностях, между льдами, при снеге, дожде, слякоти и туманах. Мы не могли достоверно полагать, что в сих местах находился берег, ибо обыкновенных признаков оно как-то: плававшей морской травы и пингвинов -- не встретили. Вероятно, что в южном полушарии в широте 69° природа и в воде мертва, так что не производит морских трав; когда же мы подходили к островам Южного Георгия, Южным Сандвичевым и Маквария, морская трава, во множестве плавающая по морю, предвещала близость сих островов.

Ныне обретенный нами берег подавал надежду, что непременно должны быть еще другие берега, ибо существование токмо одного в таком обширном водном пространстве нам казалось невозможным.

В 8 часов мы были далеко впереди от шлюпа "Мирного" и ветер крепчал, почему и принуждены взять у марселей по одному рифу; черные осыпи на берегу, бывшие от нас на $SO\ 78^\circ$, скрылись в мрачности в расстоянии тридцати четырех миль; тогда лотом на глубине восьмидесяти сажен дна не достали. В продолжение дня летало множество пеструшек и голубых птиц, но пингвинов мы не видали.

11 января. С полуночи небо было покрыто густыми облаками, воздух наполнен мглой, ветер свежел от OtN противный. Мы продолжали идти тем же курсом к северу, чтобы поворотом лечь ближе к берегу. Поворотя в 4 часа утра, держали на StO до полудня; в сие время, по наблюдениям, находились в широте $69^\circ\ 00'\ 48''$ южной, долготы $92^\circ\ 29'\ 23''$ западной. В продолжение утра, по прочищении пасмурности, носящейся над берегом, когда солнечные лучи оный осветили, мы увидели высокий остров, простирающийся от $NO\ 61^\circ$ до S , покрытый снегом, выключая мысы и самые крутые места, где снег не держался; сии места казались цвета черного и белого.

С полудня, когда ветер отходил более к югу, мы поворотили к северной оконечности острова; мрачность уменьшилась. В 5 часов пополудни, подойдя на расстояние четырнадцати миль от берега, встретили сплошной низменный лед, который нам воспрепятствовал еще приблизиться, лучше обозреть берег, и взять что-либо любопытства и сохранения достойное в музее Адмиралтейского департамента. Достигнув с шлюпом "Востоком" до самых льдов, я привел на другой галс в дрейф, чтоб дожидаться шлюпа "Мирного", который был далеко позади нас. В 6 часов, по приближении "Мирного", мы подняли флаги; лейтенант Лазарев поздравил меня чрез телеграф с обретением острова, и, когда подходил под корму шлюпа "Востока", на обеих шлюпах поставили людей на ванты и прокричали по три раза взаимное "ура!". В сие время, телеграфом с "Востока" приказано дать служителям по стакану пунша. Я позвал к себе лейтенанта Лазарева, он сообщил мне, что все оконечности берега видел ясно и хорошо определил положение оных; ежели бы хотя малейшее было сомнение, что сей берег не остров, а составляет только продолжение материка, я непременно осмотрел бы оный подробнее, ибо ничто не препятствовало сего исполнить. Лейтенант Лазарев сказал, что он хорошо рассмотрел даже все мысы острова, и что нет никакого сомнения в достоверности их обозрения. Остров был весьма ясно виден, особенно нижние части, которые составлены из крутых каменных скал; высокие места покрыты снегом. Высота острова оказалась по нескольким измерениям: капитан-лейтенанта Завадовского 4 250, лейтенанта Лазарева 3 961, астронома Симонова 4 390 футов {По измерениям 1929 г. высота 3 800 футов, наиболее близкая к измеренной М. П. Лазаревым. -- Ред.}; направление $SO\ 10^\circ$ и $NO\ 10^\circ$, длина девять с половиной миль, ширина четыре, окружность двадцать четыре с половиной мили; по наблюдениям широта $68^\circ\ 57'$ южная, долгота $90^\circ\ 46''$ западная; склонение компаса мы определили, находясь близ северной оконечности, $36^\circ\ 6'$ восточное.

Я назвал сей остров высоким именем виновника существования в Российской империи военного флота -- остров Петра I.

По сплошному льду, окружающему остров, не предвидя возможности подойти близко к берегу, чтоб послать гребное судно, я положил, не теряя времени, идти далее к востоку и в параллель льдов, надеясь, что может быть сии льды приведут нас к новым обретениям, ибо мне вовсе невероятным казалось, чтобы обретенный нами остров

существовал один, не имея других в соседстве, подобно, как Южные Сандвичевы острова.

По возвращении лейтенанта Лазарева на шлюп "Мирный", в половине восьмого вечера, я взял курс на NNO, дабы обойти низменный лед, огибающий остров Петра I. В 10 часов с салинга сказали, что восточнее сего острова виден другой малый остров, ниже и постепенно понижающийся; мы заключили, что толь близко прилежащий остров составляет токмо продолжение острова Петра I, который казался к восточной стороне многим отложе, нежели к западной.

12 января. С полуночи, проходя между мелким и редко плавающим льдом, мы обогнули весь лед, лежащий к северу от острова Петра I, и пошли на OtN, имея ходу шесть миль в час. Вскоре после сего остров скрылся в густой мрачности.

В 3 часа утра ветер начал свежеть и к 5 часам принудил нас у марселей взять по два рифа и спустить брам-реи; хотя морозу было не более 2°, но матрозы на реях весьма озябли по причине свежего ветра.

От увеличивающегося хода и противных зыбей шлюп претерпевал сильные удары в носовую часть, и нередко вода входила на галюн и бак; при сих ударах шлюп трещал во всех членах, и вода опять начала чувствительно прибавляться. В продолжение всего дня набегали тучи то с густым, то с редким снегом; когда снег выпадал весьма густо, тогда мы придерживались круче к ветру, дабы не набежать на льдину, когда снег переставал, вновь продолжали путь в бейдевинд.

Мы видели на воде большими стадами сидящих пеструшек и во множестве летающих полярных птиц, несколько альбатросов, которые отличаются от других цветом верхних своих перьев; носы у них черные, головы, шеи, крылья и хвосты бурые, но брюхо и перья между хвостом и спиною белые.

Уже второе лето, простирая плавание между льдами, встречая повсюду пространные ледяные поля, высокие плоские ледяные острова и исковерканные неправильные большие льды, которые наполняют Южный Ледовитый океан, не излишним полагаю поместить здесь мое мнение и замечание о происхождении сих льдов, о составлении оных в большие поля (коих, как нам случалось видеть, обширность простирается до трехсот миль), об образовании ледяных плоских островов, и, наконец, о превращении оных в неправильные, т. е. имеющие острые возвышения или переменяющиеся наружные виды.

1820 года февраля 5, находясь в широте южной 68° 58', долготе 15° 52' западной, при 4° мороза, я вывесил на открытый воздух в разной высоте от поверхности моря две жестянки, одну подле другой, налив первую пресною, а другую соленою водою. В 8 часов следующего утра, когда мы вышли из льдов, морозу было 2 3/4 градуса, вода оказалась замерзшая в обеих жестянках. Опасаясь, чтобы лед от солнечных лучей не растаял, мы начали рассматривать воду в обеих жестянках сравнительно, и нашли, что лед от пресной воды был многим плотнее, а лед соленой воды, хотя той же толщины, но рухлее и состоял из горизонтальных плоских тонких слоев, из которых верхние уже присоединились один к другому, а по мере отдаленности книзу были рухлее, так что самые нижние слои еще не соединились. Когда сей рухлый лед поставили в тени стоймя

и оставшаяся на оном соленая вода стекла, тогда по растаянии льда, она оказалась почти пресною и ежели бы я имел более терпения дать обтечь всей соленой воде, то без сомнения от растаявшего льда происшедшая была бы совершенно пресная; в большее сему доказательство приведу, что с ватдерштагов и ватдербакштагов неоднократно отламывали лед, который во время морозов составлялся от брызгов и водной пены сосульками и корою под носом шлюпа, и вода из сего льда выходила пресная.

Таковой опыт, вопреки многим писателям, доказывает, что из соленой воды составляется лед также, как и из пресной, для сего нужно несколько градусов более мороза. По той же причине мы находим, что Черное море замерзает в Херсонском лимане, и вдоль северного берега до Одессы на весьма малое пространство от берега. В сих местах морская вода, смешиваясь с водами рек Буга и Днепра, содержит менее соли, нежели далее в море, и потому она скорее замерзает. Во время семилетнего моего служения на Черном море, в 1812 году, когда я был в Севастополе, почитали большою редкостью, что в заливе Севастопольском и в Южной бухте, куда более совокупляется пресной воды с берега, заливы покрылись льдом до такой степени, что люди могли хотя и недолгое время, по оному ходить, самый же залив Севастопольский не замерзал.

Точно также может случиться, что Керченский пролив покроется льдом, ибо в оном также вода должна быть несколько преснее от множества рек и ручьев, впадающих в Азовское море. Все сии обстоятельства, однакоже отнюдь не утверждают, чтоб Черное море замерзало. По крайней мере нам известно, что с того времени, как россияне на сем море господствуют, военные российские суда простирают плавание свободно и зимою, и едва ли можно поверить следующим словом натуралиста Форстера: "Бюффон, -- говорит Форстер, -- не ошибается, утверждая, что Черное море мерзнет; Страбон¹²³ повествует, что жители берега Киммерийского переезжали чрез море на возах из Пантикапеи в Фанагорию (чрез Керченский пролив) и что Невополем, полководец Митридата, одержал конницею победу на льду в том же самом месте, где он летом разбил неприятеля на судах. По словам Марцелла Комееса, при консульстве Винцентрия и Фравита в 401 году после рождества Христова вся поверхность Черного моря была покрыта льдом так, что весною проливом Константинопольским несло громады льдов в продолжение тридцати дней. Зонар¹²⁴ говорит, будто пролив между Константинополем и Скутари так крепко замерз, что большие возы переезжали. Князь Дмитрий Кантемир, господарь Молдавский, упоминает, что в зиму 1620 года ходили по льду из Константинополя в Искандар; а Баренц говорит, что в 1596 году море покрылось льдом толщиною в два дюйма, и что толстота оною в следующую ночь прибавилась еще на два дюйма". Все сие доказывает, что только проливы замерзали, а не самое Черное море, которого глубина так велика, что поныне еще не измерена, и потому в продолжение краткой зимы, в той стране существующей, вода морская не успеваешь находиться до такой степени, чтоб все море покрылось льдом.

Находясь в больших южных широтах среди льдов нередко видели мы малые пространства чистого моря, но уже готовые замерзнуть при 3 и 4° мороза. На поверхности моря самые тончайшие пластинки льда (сало) сгоняло ветром в гряды, сильным напором одной пластинки на другую, так, что происшедшие из оных параллельные гряды были вышиною от полуфута до фута; при том же от мороза они

превращаются в твердые льдины, которые ветром и волнением изломанные, напираемые одни на другие, и чрез малое время смерзаются и составляют большие льдины, особенно зимою, когда морозы велики. Ежели полагать, что в южном полушарии также, как и в северном, зимою самые сильные морозы бывают более при безветрии, то в сие время, особенно в заливах, при твердом стоящем льде, море может весьма легко замерзнуть и при небольших морозах, и первая зыбь начнет ломать сей лед на куски сначала с краев, а потом далее.

Все сии льдины, наполняющие Южный Ледовитый океан, носимые ветрами и течениями, встречающимися с разных сторон, наконец сжимаются в одно большое пространство и, взаимною силою, выпираясь одна на другую, составляют толстые великие льды. Нам случалось видеть таковые спершиися или сплоченные льды на пространстве до трехсот миль от запада к востоку продолжающиеся, и ежели их ширина от севера к югу соответствует, или еще превосходит сие расстояние, как весьма вероятно, то нет сомнения, что льды в середине сего пространства, будучи совершенно незыблмы, смерзаются, нарастают сверху выпавшим снегом, градом и изморозью и напоследок превращаются в твердый лед. Таким образом, льды углубляются в воду по мере прибавления толстоты их сверху, а как из опыта, мною сделанного, видно, что лед также намерзает и снизу тонкими слоями, то льды, посреди моря заключенные в общей между собою связи, могут расти, сохраняя равновесие свое, т. е. $\frac{7}{8}$ находятся под водою, а $\frac{1}{8}$ часть -- сверх воды.

Льды, не повсюду равно нарастающие, не могут иметь везде одинаковое равновесие, а от сего происходят переломы в разных местах; сие может также случиться от выпавшего на одном краю льдины в большом количестве снега; далее к югу самое намерзание льда снизу должно быть более, нежели на севере; льдины от разных причин разламываются на большие куски, а от бурь или течения расходятся. Льды, меньше погруженные в воду, подвержены сильнейшему действию ветров, нежели льды, более погруженные. Сии раздробленные льдины, будучи отделены одна от другой, образуют острова различной величины; у островов, имеющих плоские вершины, края почти всегда отвесны; между тем, во время мороза они продолжают расти под водою от намерзания тонкими слоями {На глубине 200 сажень вода при испытании оказалась холоднее, нежели на поверхности моря: на глубине было 1° , а на поверхности полградуса морозу.}, а сверху от выпадающего снега, который потом при первом морозе превращается в лед. Нам нередко случалось видеть, что поверхность таковой плоской льдины от воды, которая с оной стекала, при теплой погоде изменялась, но после от снега и морозов вновь принимала правильное образование; таковую перемену особенно заметили мы при проходе мимо льдов; на некоторых островах новый слой отличался от старого белизною.

В конце нынешнего лета мы встречали более островов неправильных и исковерканных. Сии неправильные острова, или лучше сказать льды, происходят от плоских льдов, вероятно, следующим образом: все льдяные острова первоначально бывают с плоскими поверхностями, в летнее время претерпевают разрушение более с той стороны, откуда большая теплота; проливная сторона, сохраняя прежнее свое состояние, перевешивает другую, и льдина имеет наклонный вид; таковых льдов мы встречали множество и нам случалось видеть наклонение небольшого острова, когда мы пушечными ядрами отбили один надводный одного края. Итак, чем более сии

острова будут терять свое равновесие, тем и наклонность их будет больше; наконец, когда оборотятся одним краем вверх, тогда вид их сделается островершинный или другой тому подобный. После сего переворота, бывший под водою лед обращается в надводный, сохраняя приятный для глаз зелено-синеватый цвет.

Таковые островершинные лдяные острова выше плосковершинных и иногда представляются зрителю в виде готического здания с башнями, обелисками или монументами на подножьях и в других видах. Сии льдины скорее подвержены разным новым переменам и совершенному разрушению в мелкие неправильные льды, которые мореплаватель в больших южных широтах повсюду встречает.

Куски льда, уцелевшие в продолжение лета и отпадающие от краев плосковершинных льдин, носимые ветром и течением, могут попасть в сомкнутые пространные поля, или вышесказанным образом соединиться, возрасти, отделиться и плавать в виде огромного лдяного острова, подобно другим льдинам.

Огромные льды, которые по мере близости к южному полюсу поднимаются в отлогие горы, называю я матерыми, предполагая, что когда в самый лучший летний день морозу бывает 4° , тогда далее к югу стужа, конечно, не уменьшается, и потому заключаю, что сей лед идет чрез полюс и должен быть неподвижен, касаясь местами мелководий или островов, подобных острову Петра I, которые, несомненно, находятся в больших южных широтах, и прилежит также берегу, существующему (по мнению нашему) в близости той широты и долготы, в коей мы встретили морских ласточек. Сии птицы, хотя пальцы их соединены тонкою плавательною перепонкою, принадлежат к приморским, а не к морским птицам. Замечания достойно, что все морские птицы, особенно в больших широтах живущие, питающиеся на поверхности моря, имеют загнутые верхние клювы, а у морских ласточек, чаек и других приморских птиц клювы прямые. Мы также видели морских ласточек около Южного Георгия и острова Петра первого, а в отдаленности от берегов никогда не встречали.

Мнение мое о происхождении, составлении и перехождении встречаемых в южном полушарии плавающих лдяных островов основал я на двухлетнем беспрестанном плавании между оными, и полагаю, что в северном полушарии льды составляются таковым же образом. Конечно, на севере речная вода много способствует началу составления льдов, ибо все реки Сибири, равно известная Медная река, 125 в Америке и другие, текут в Северный Ледовитый океан, отчего в водах прибрежных соли меньше, а потому могут покрываться льдом скорее, нежели воды в некотором расстоянии от берега. При наступлении лета, сей лед, вероятно, начинает расходиться прежде в устье рек сильным стремлением оных от собирающейся свежей воды из внутренних стран; когда некоторое пространство очистится от льда, тогда волнение и зыбь производят свое действие и изломают остальной лед. Ежели сии куски не успеют в продолжение лета растаять, тогда, соединясь с другими кусками, далее в море образовавшимися или действием течений и ветров отпавшими от лдяных островов и от опорных точек, составят сплошные поля, которые потом, как в южном полушарии, произведут огромные лдяные плавающие острова. Сие кажется мне единственною причиною, что около северных берегов Азии и Америки более льдов, нежели между Европою и Гренландией.

13 января. К полудню ветер, дувший от SO, совершенно стих, все облака унесло к северу и тепла было 1°. Мы тогда находились в широте 67° 36' 9" южной, долготе 88° 8' 15" западной. Склонение компаса имели 33° 36' восточное; держали к SO. Во время безветрия спустили гребные суда, и офицеры Завадовский, Лесков и Демидов настреляли несколько альбатросов дымчатых и тех, которые накануне в первый раз показались, также несколько полярных птиц. С сего времени мы шли к югу при переменных ветрах. С полуночи нередко выпадал частый мелкий снег; льду нигде не встречали.

С утра собрали достаточно морской воды, чтобы все служители могли вымыться: они таковым образом мылись каждые две недели. Чистота, особенно в холодном климате, необходима для сохранения здоровья.

В полдень мы были в широте 68° 15' 48" южной, долготе 85° 7' 17" западной; с полудня ветер устоялся от StO, легли в бейдевинд на OtS 1/2 O; вскоре небо покрылось облаками, при пасмурности и мокром снеге. В 8 часов вечера ветер засвежел, мы закрепили брамсели и взяли у марселей по рифу; в 11 часов шел дождь. Сегодня показывались те же птицы и эгмондские курицы, но белые альбатросы нас совершенно оставили, они в самых больших широтах не водятся; напротив, дымчатые всегда нас провожали; погодовестники встречались от самого экватора до больших широт.

15 января. В полдень мы находились в широте 68° 30' 19" южной, долготе 80° 46' 51" западной; тихо подвигались к востоку и к югу, при переменных ветрах; ввечеру выпадал град. Птицы, которых мы видели накануне, летали около нас во множестве; у застреленного альбатроса мы нашли в желудке множество перьев и яичную скорлупу; вероятно, сия птица недавно для пищи была на неизвестном нам берегу.

Сегодня переменили в моей каюте железную кницу, которую сделали новую из полосного железа, наподобие рессор из трех полос, и прикрепили под бимс. Мы весьма часто были озабочены слабостью верхней части шлюпа, не взирая, что убавили рангоут, спустили все пушки в палубу, в трюм и кубрик, и шлюп снайтовили около бизань-мачты из борта в борт, у самого гака-борта.

16 января. С полуночи, при тихом ветре от 5SW, мы шли в бейдевинд правым галсом на SO; небо покрылось облаками, морозу было поболее 1°. В 3 часа утра ветер сделался свежее. В 8 часов видели к SO свет, происходящий от сплошных лдяных полей. К полудню погода прояснилась и мы определили наше место в широте 69° 9' 42" южной, долготе 77° 43' 21" западной; морозу было полградуса. В два часа пополудни с салинга увидели сплошной лед, внутри коего затерто несколько больших лдяных островов. В 3 часа заметили необыкновенную перемену цвета поверхности моря. Таковое явление мгновенно бросится в глаза, особенно когда они ежедневно привыкли видеть синеватый цвет моря, и вдруг оно потемнело; я лег в дрейф и бросил лот, но 145-ю сажнями дна не достали, однакоже мы начали предполагать, что берег близко.

Видя невозможность, по причине встретившегося льда, итти далее к югу, мы легли на NO, вдоль сплошного льда, который, образовался мысами. Здесь нас встретили снежные белые бурные птицы, курица Эгмондской гавани и морские ласточки; сих последних я всегда полагаю непременно предвестницами близости берега, ибо считаю их в числе прибрежных птиц.

К вечеру, находясь в широте $69^{\circ} 8'$ южной, долготе $пб^{\circ} 51' 46''$ западной, определили склонение компаса $32^{\circ} 3'$ восточное.

В 7 часов вечера пингвины перекликались около шлюпов, и мы видели сидящее на льдине морское животное, вероятно одной породы с теми, которых прежде встречали.

17 января. Часть неба к югу была ярко освещается, а вся остальная покрыта облаками; мы продолжали идти около ледяных низменных полей. В полночь морозу было 4° ; в палубе, где спали служители 10° теплоты, и по термометру при поверхности моря морозу 1° . В 5 часов утра ветер дул тихий от О, и солнце освещало горизонт, но морозу было 4° .

В 11 часов утра мы увидели берег; мыс одного, простирающийся к северу, оканчивался высокою горою, которая отделена перешейком от других гор, имеющих направление к SW; я известил о сем лейтенанта Лазарева.

День был прекрасный, какового только можно ожидать в большой южной широте. Мы по наблюдениям определили широту места нашего $68^{\circ} 29' 2''$ южную, долготу $75^{\circ} 40' 21''$ западную; вышеупомянутый мыс в сие время находился от нас на OSO в сорока милях, то по сему выходит широта высокой горы, отделенной перешейком $68^{\circ} 43' 20''$ южная, долгота $73^{\circ} 9' 36''$ западная.

Ветер дул тихий от О, нам противный, одинакож мы поворотили на SSO, ибо сей румб приближал к берегу; в половине четвертого часа дошли вплоть до сплошных плавающих мелких льдов и должны были от оных поворотить, не имея возможности приблизиться к берегу. В сие время с салинга видели повсюду мелкий сплотившийся лед, не допускавший до берега на расстояние сорока миль.

Мы почитали себя весьма счастливыми, что ясная погода и небо совершенно безоблачное позволили нам увидеть и обозреть сей берег.

Простирая плавание в южных больших широтах для исполнения воли государя, я почел обязанностью назвать обретенный нами берег -- берегом Александра I, яко виновника сего обретения. Памятники, воздвигнутые великим людям, изгладятся с лица земли все истребляющим временем, но остров Петра I и берег Александра I, памятники современные миру, останутся вечно неприкосновенны от разрушения и передадут высокие имена позднешему потомству.

Я называю обретение сие берегом потому, что отдаленность другого конца к югу исчезала за предел зрения нашего. Сей берег покрыт снегом, но осыпи на горах и крутые скалы не имели снега. Внезапная перемена цвета на поверхности моря подает мысль, что берег обширен, или, по крайней мере, состоит не из той только части, которая находилась пред глазами нашими. Вид, снятый художником Михайловым, помещен в атласе.

В 6 часов вечера, когда мы еще имели берег в виду, ветер начал крепчать от NO. Морозу было 1° ; мы шли в бейдевинд на NtW. В 8 часов сильное действие ветра принудило нас взять у марселей по рифу, а в 10 часов ветер до того засвежел и развел такое волнение, что мы принуждены взять еще по рифу и спустить брам-реи и брам-стенги.

Шлюпы наши были окружены множеством птиц полярных, пеструшек, дымчатых альбатросов, эгмондских куриц и других.

18 января. Небо покрылось мрачностью и по ветру неслись густые облака, волнение было весьма великое. В 2 часа ночи ветер еще скрепчал, с сильными порывами; мы взяли у марселей по последнему рифу; к утру сделалось чрезвычайно пасмурно и выпадал мокрый снег до самого полудня, тогда снег перестал, но пасмурность не уменьшалась. Зрение наше не простиралось далее двух миль. К вечеру ветер несколько стих, мы тогда отдали по одному рифу у марселей.

19 января. Тот же крепкий ветер и пасмурность со снегом продолжались 19-го. В 2 часа пополудни ветер опять скрепчал, и мы вновь взяли по последнему рифу у марселей. В то время зыбь была весьма велика от запада и производила беспокойную качку. Мы увидели сегодня часть морской травы, называемой гоесмон.

20 января. Мы шли правым галсом на NO 1/2 O, придерживаясь к ветру, который был тихий от SO; небо безоблачно. В полдень широта места нашего оказалась 67° 2' 50" южная, долгота 76° 29' 42" западная.

В 2 часа пополудни ветер переменился и задул тихий от NNW. Я взял курс на NOtO 1/2 O, в намерении обозреть Новую Шетландию с южной стороны, дабы удостовериться точно ли сей новообретенный берег принадлежит к предполагаемому матерому южному берегу. Находясь в Новой Голландии, я получил от российского полномочного министра при португальском дворе, генерал-майора барона де-Тейльфон-Сераскеркена уведомление, что по отбытии моем из Рио-Жанейро получено известие о новообретенной земле к югу от Огненной земли.

Примечания достойно, что плаванья кругом Огненной земли простирают уже более двухсот лет, но никто не видел берега Новой Шетландии. В 1616 г. голландские мореплаватели Лемер и Шутен открыли между Огненною землею и землею Штатов {Остров Эстадос (Статен). -- Ред.} пролив, названный именем Лемера. Прошед сим проливом и обойдя Огненную землю, они первые сим путем вступили в Великий океан. С того времени нередко суда, обходя Огненную землю, встречали продолжительные крепкие противные NW ветры и бури, и, вероятно, приносимы были близко к Южной Шетландии, а некоторые, может быть, при ее берегах погибли, но не прежде февраля месяца 1819 г. сии острова нечаянно обретенны капитаном английского купеческого брига Смитом. Он сим обретением обязан неудачному своему плаванью, ибо продолжительные противные ветры приблизили его к берегу Новой Шетландии. Сегодня лейтенант Лазарев прислал с мичманом Куприяновым кусок морской травы, обросшей ракушками.

21 января. Поутру 21-го, при маловетрии, от NW, с великой зыбью от W, мы видели несколько голубых бурных птиц, а в 8 часов за кормою показался пингвин простого рода; до полудня выпадал мелкий снег и шел дождь. В полдень находились в широте 65° 28' 57" южной, долготе 73° 55' 30" западной.

22 января. С полудня 22-го ветер зашел от NNO и дул до следующего утра противный, а с сего времени наставший западный свежий ветер разогнал тучи, и снег прекратился.

Мы тогда опять направили путь к Новой Шетландии, имели ходу по семи и восьми миль в час.

В полдень были в широте $64^{\circ} 35' 15''$ южной, долготе $71^{\circ} 18' 25''$ западной.

В 6 часов пополудни показалось около шлюпов несколько пингвинов простого рода.

23 генваря. С полуночи небо было покрыто тонкими облаками, ветер дул благополучный от WSW, мы имели ходу по семи миль в час, при приятной теплой погоде; в половине осьмого часа утра, достигнув параллели, на коей предполагали Новую Шетландию, взяли прямо к оной; я весьма сожалел, что мы не имели возможности сделать наблюдения в полдень, ибо путь наш мог нас вести несколько севернее, и тогда при наставшей пасмурной погоде мы бы легко прошли Новую Шетландию, не выдав оную. В 4 часа пополудни от густоты тумана зрение наше простиралось только на полмили, что принудило меня привести к ветру и обождать, доколе туман прочистится. По мере густоты тумана, ветер стихал, как обыкновенно случается. Я заметил, что во время плаванья в туманное время барометр более понижается, нежели при дожде и крепком ветре.

Капитан Кук во втором своем путешествии замечает, что зыбь увеличивается во время тумана. Он говорит: "Вероятно сие происходит от давления воздуха, наполненного множеством водяных частиц". И нам казалось, что зыбь увеличивалась; но я сего не отношу давлению воздуха на воду, а полагаю, что тогда глаз обманывает, ибо во время тумана обыкновенно ветер стихает, или бывает тихий, и потому судно подвержено большой качке, и горизонт так ограничен, что кроме одной зыби, и то одного вала, ничего не видать, и так глаз должен непременно обмануться, не имея пред собою других предметов, с которыми привык делать сравнение.

В 7 часов вечера густой туман превратился в дождь и мы могли бы далее видеть, но тогда было уже так поздно, что скоро затемнело; по сему для ночи остались в том же положении, придерживаясь к северу.

В продолжение нашего плаванья от берега Александра I до сего места пеструшки, голубые бурные птицы, дымчатые и белые альбатросы с бурыми крыльями нас ежедневно окружали во множестве, изредка видны были пингвины и плавающая трава, обросшая черепоконными.

24 генваря. В 11 часов вечера ветер задул от SWtS, но туман и сырость продолжались до 2 часов утра следующего дня; в сие время я сделал ночной сигнал шлюпу "Мирному" поворотить чрез фордевинд и взял курс на SOtO; небо было покрыто тонкими облаками, и звезды сквозь оные мерцали, но самые густые черные тучи на востоке скрывали от нас искомый вами берег; мы шли в полветра, имея ходу от семи до восьми миль в час, при небольшой зыби от запада. Нас во множестве встретили пеструшки, голубые бурные птицы, альбатросы, урилы и морские ласточки.

В 7 часов утра с баку закричали: "виден берег повыше облаков!" Мы все чрезвычайно обрадовались, ибо имели два сведения о существовании сего берега: одно, как я уже выше объявил, от барона Тейля-фон-Сераскеркена, а другое нам сообщил в Порт-Жаксоне капитан ост-индского судна. В назначенных сими известиями широтах было разности 1° ; я более положился на первое.

Погода казалась нам весьма теплая, по термометру было $3,5^{\circ}$ теплоты. В 8 часов утра мы взяли курс на SO 17° , в намерении итти к южной стороне Южной Шетландии, ежели видимый берег не окажется матерым. В мрачности рассмотрели на NO 89° западного берега Южной Шетландии северный мыс, на котором возвышенность; юго-западный мыс был от нас на SO 37° . Сей последний идет в море острым каменным хребтом, и возвышаясь из воды оканчивается двумя высокими скалами наподобие пика Фризланда {}В группе Южных Сандвичевых островов. -- Ред., коего высота по поверхности моря 751 фут. Между сими двумя скалами -- каменя, о которые разбивается бурун; на самой вершине одной скалы два выступа, похожие на стоячие ослиные уши. Изгибов северо-западного берега за густою мрачностью мы не могли хорошо рассмотреть; но на сей части снегу и льду многим менее, нежели на той стороне, которая противулежит югу.

В полдень мы огибали сии высокие каменя, выдавшиеся в море и составляющие юго-западную оконечность Новой Шетландии. Погода прояснилась, и мы могли определить место наше: широта оказалась $63^{\circ} 9' 14''$ южная, долгота 63° западная. Склонение компаса $24^{\circ} 24'$ восточное. Лотом на ста саженьях дна не достали. По упомянутым теперь наблюдениям, самый крайний высокий камень к западу находится в широте $63^{\circ} 6'$ южной, долготе $63^{\circ} 4'$ западной.

От полудня шлюп "Восток" шел на NO $50^{\circ} 30'$ параллельно высокому крутому берегу, на который, кажется, едва можно влезть с южной стороны; вершины сего берега терялись в облаках.

Прошед тринадцать миль в двух с половиной и трех милях от берега, мы зашили; тогда лотом на сто семидесяти саженьях дна не достали, что побудило нас отдалиться от берега, дабы опять войти в полосу ветра. Восточный мыс, около коего было небольшое поле низменного льда, находился от нас на NO $10^{\circ} 32'$ в расстоянии девять с половиной миль, и посему длина острова выходит двадцать с половиной, ширина восемь миль; середина оного в широте $62^{\circ} 58'$ южной, долготе $62^{\circ} 49'$ западной.

Каменные скалы сего берега имели вид черноватый, слои их казались отвесны; впрочем, везде, где только снег и лед могли держаться, берег был оными покрыт. Северный мыс состоял из высокой горы. Я назвал, сей остров в память знаменитой битвы в Отечественную войну -- остров Бородино 126.

С салинга увидели впереди каменя, а за оными другой берег, который отделен от восточной оконечности высокого острова, к западу лежащего, проливом шириною в двадцать миль. Ветр дул тихий, и когда мы шли против пролива, зыбь чувствительно до нас достигала и начала качать шлюпы.

В 10 часов вечера прошли южную сторону впереди нами видимого берега, который к середине возвышался, окружен почти со всех сторон надводными каменьями; длина берега девять, ширина, пять миль; широта $62^{\circ} 46'$ южная, долгота $61^{\circ} 39'$ западная. Я назвал сей берег Малым Ярославцем 127 в память победы, одержанной при сем городе.

Пред наступлением темноты мы привели к ветру на SSO от берега и убавили парусов в намерении удержаться до рассвета следующего утра поблизости сего места, а между

тем, шлюп "Мирный" имел время догнать вас. Ночью напала большая роса, теплоты было около 1°.

В 2 часа пополуночи я сделал ночной сигнал поворотить, и мы поворотили к тому месту, где кончили вчерашнего вечера обозрение берега; прибавили парусов. В 3 часа приблизились к берегу и обошли восточный мыс Малого Ярославца, от которого продолжается каменный риф на полторы мили. В сие время мы находились перед проливом, шириною три с половиной мили, направление оно было WNW; сомнительно, чтобы суда могли проходить сим проливом, по причине множества повсюду рассеяных подводных камней и буруна. Мы увидели чрез низменный берег 8 промышленничих судов, которые стояли в заливе на якорях при северо-восточном берегу сего пролива; суда были английские и американские. Глубины при самом входе в пролив мы имели двадцать сажен, грунт -- жидкий ил. Продолжая курс далее вдоль южного берега на OSO, вскоре увидели по правую сторону нашего пути высокий остров, коего берега казались отрубисты, вершина была покрыта облаками; я назвал сей остров по имени генерал-майора барона Тейля. в изъявление благодарности за сообщенные им сведения. Остров Тейль, 128 в широте 62° 58' южной, долготе 61° 55' западной, имеет в окружности двадцать миль, отделен от высоких каменных мысов, против оною находящихся, проливом шириною в одиннадцать миль.

В 10 часов мы вошли в пролив и встретили малый промышленничих американский бот, легли в дрейф, отправили ялик и поджидали капитана с бота; на ста саженях не достали дна. Вскоре после сего на нашем ялике прибыл капитан Пальмер {У Беллинсгаузена ошибочно -- Палмора. -- Ред.}, который объявил, что он уже 4 месяца здесь с тремя американскими судами, и все промышляют в товаришестве. Они обдирали котиков, коих число приметно уменьшается. В разных местах всех судов до 18, нередко между промышленниками бывают ссоры, но до драки еще не доходило. Пальмер сказал, что вышеупомянутый капитан Смит, обретший Новую Шетландию, находится на бриге "Виллиаме", что он успел убить до 60 тысяч котиков, а вся их компания до 80 тысяч, и, как прочие промышленники, также успешно друг пред другом производят истребление котиков, то нет никакого сомнения, что около Шетландских островов скоро число сих морских животных уменьшится, подобно, как у острова Георгия и Маквария. Морские слоны, которых даже здесь было много, уже удалились от сих берегов далее в море.

По словам Пальмера, залив, в котором мы видели стоящие на якорях 8 судов, закрыт от всех ветров, имеет глубины семнадцать сажен, грунт -- жидкий ил; от свойства сего грунта суда их нередко с двух якорей дрейфуют; с якорей сорвало и разбило два английские и одно американское судно.

Капитан-лейтенант Завадовский застрелил морскую ласточку, у которой перья выше шеи черноваты, а спина светлымчатая, нос и лапы яркого красного цвета. Около нас ныряли и перекликались пингвины, летали по разным направлениям альбатросы, чайки, пеструшки, голубые бурные птицы и урилы.

Пальмер скоро отправился обратно на свой бот, а мы пошли вдоль берега.

В полдень находились в широте 62° 49' 32" южной, долготе 60° 18' западной; курс наш в параллель берега был на NOtO, мы имели ходу по девяти миль в час; в половине

второго часа пополудни прошли против пролива шириною не более двух миль, и берег, вдоль коего держали от 4 часов утра до сего времени, оказался островом, длиною в сорок одну милю, по направлению на $OtN\ 1/2\ O$. Западная сторона низменная и токмо местами покрыта снегом. Восточная половина острова состоит из высоких гор, покрытых снегом, льдом и закрываемых облаками, а берега каменистые, отрубом. Самая южная оконечность острова выдается в море двумя хребтами, образует залив и находится в широте $62^{\circ}\ 46'\ 30''$ южной, долготе $60^{\circ}\ 36'$ западной. Широта восточной оконечности $62^{\circ}\ 34'$ южная, долгота $60^{\circ}\ 3'$ западная. Сей остров я назвал в память знаменитой битвы при Смоленске -- остров Смоленск¹²⁹; чрез час мы увидели два пролива, они образуют два острова, которые я назвал Березино¹³⁰ и Полоцк¹³¹ пролив между островами в три и три четверти мили. Остров Березино горист и неровен, в широте $62^{\circ}\ 31'\ 30''$ южной, долготе $59^{\circ}\ 58'$ западной; окружности имеет двадцать две мили. Остров Полоцк в широте $62^{\circ}\ 24'\ 30''$ южной, долготе $59^{\circ}\ 46'$ западной, в окружности двадцать одна миля, невысок и поверхность довольно ровная.

Впереди лежащий берег имел также ровную, невысокую поверхность, и вид острова отделен от острова Полоцка чистым проливом шириною в шесть миль; я назвал сей остров Лейпцигом¹³² в память одержанной знаменитой победы в 1813 г. Остров Лейпциг в широте $62^{\circ}\ 17'\ 30''$ южной, долготе $59^{\circ}\ 24'$ западной, окружности имеет около тридцати миль.

Я непременно хотел пройти сегодня весь берег Южных Шетландских островов, и полагал, что, видимая впереди нас гора находится на восточной оконечности берега, обретенного Смитом, и потому, невзирая, что шлюп "Мирный" далеко остался назад, я продолжал курс на $NOtO\ 1/2\ O$, в параллель берега, чтобы окончания оною достигнуть прежде темноты, и тогда, приведя в бейдевинд, дожидаться приближения шлюпа "Мирного". Мы шли по восьми и девяти миль в час вдоль крутого высокого каменистого берега, в расстоянии одной, полуторы и девяти миль, сообразно изгибам берега. Пред сумерками встретили лавирующий из пространного залива английский промышленничий бриг; в 10 часов вечера шлюп "Восток" достиг восточной оконечности, от которой направление берега идет к NNW ; у сей оконечности мы привели к ветру на юг, чтобы дожидаться рассвета следующего утра; глубина тогда была семьдесят пять сажен, грунт -- ил. Сей западный берег отделен от острова Лейпцига узким проливом, шириною не более мили; крутые и гористые берега к югу образуют два залива. Горы закрыты были густыми черными тучами. Сей остров я назвал в память знаменитой победы -- островом Ватерлоо¹³³. На пятнадцать миль от восточной оконечности находится небольшой низменный Черный остров, а на четыре мили от сей же оконечности к западу, на самом краю берега высокая гора, имеющая вид сопки.

26 генваря. С двух часов ночи мы поворотили к берегу; когда рассвело, увидели к востоку небольшой остров, который состоит из камня, и лежит от юго-восточного мыса острова Ватерлоо на двадцать четыре мили на $SO\ 72^{\circ}$. Камень сей я назвал Еленю¹³⁴. В 4 часа утра мы прошли подле лдяного острова вскоре после того, находясь восточнее юго-восточного мыса острова Ватерлоо, обходили надводный камень, который от сего мыса на $NW\ 60^{\circ}$ на $3\ 3/4$ мили. Ветр был тих и крут, а потому мы шли весьма тихо к северу. Восточный берег острова Ватерлоо покат, довольно ровен, покрыт снегом, но близ моря много каменьев. Направление сей части на NNW восемь миль.

В 11 часов, желая приблизиться к находящемуся на острове Ватерлоо мысу Норд-Форланду, который так назван капитаном Смитом, мы поворотили на другой галс. В полдень были в широте $61^{\circ} 49' 15''$ южной, долготе $57^{\circ} 44' 59''$ западной. По сим же наблюдениям, определили широту мыса Норд-Форланда $61^{\circ} 53' 20''$ южную, долготу $57^{\circ} 51'$ западную; юго-восточного мыса широту $62^{\circ} 1' 10''$, долготу $57^{\circ} 47'$, камня Елены широту $62^{\circ} 4' 50''$, долготу $57^{\circ} 56'$.

В 4 часа пополудни мы подошли к мысу Норд-Форланду, который оканчивается к морю подводным рифом, а далее берег возвышается в гору, покрытую снегом и густыми облаками. Мы легли в дрейф, спустили ялик; я послал лейтенанта Лескова осмотреть берег; астроном Симонов и лейтенант Демидов поехали с лейтенантом Лесковым. Мы тогда находились от берега на одну милю, глубина была тридцать пять сажен, грунт -- ил с мелкими камнями и кораллами; берег окружен множеством подводных и надводных камней, по большей части островершинных, неправильных, а между оными местами виден был пенящийся бурун.

Яликов, посланных на берег с обоих шлюпов, мы дожидали, держась на том же месте, откуда их отправили; наши путешественники возвратились не прежде вечера, привезли несколько камней, принадлежащих к переходным горам, несколько моху, морской травы, трех живых котиков и несколько пингвинов. Лейтенант Лесков объявил, что, входя на гору, нашел два ручья пресной воды, текущих с гор и впадающих между мысами в море, но что по бывшему большому буруну гребным судам в сем месте держаться худо; нашли множество ободранных котиков, доску с палубы и бочку. Первое доказывает, что промышленники были на северном мысе, а второе, т. е. бочка и доска, вероятно выброшены после претерпенного кораблекрушения. Берег состоял из камня, покрытого сыпучею рыхлою землею, обросшею мохом; кроме сего никакого прозябаемого {Растений.-- Ред.} не заметили.

По возвращении яликов, мы шли на NNW, при самом тихом ветре до 11 часов вечера, чтобы определить положение острова, от нас к NW находящегося; посредством пеленгов оказалось, что широта одного $61^{\circ} 49'$ южная, долгота $58^{\circ} 9'$ западная, окружность три с половиной мили, высота посредственная.

Обходя ныне всю Южную Шетландию с южной стороны при лучшей светлой погоде мы имели возможность обозреть оную весьма хорошо: берег сей состоит из гряды узких островов; некоторые гористы, все покрыты льдом и снегом, простираются на 160 миль по направлению NOtO и SWtW.

Я предположил от того места, где мы находились, итти далее по направлению NOtO, дабы рассмотреть, не продолжается ли сей хребет гор.

27 генваря. От вечера до трех часов следующего утра стоял штиль, за коим последовал ветер от NW, и мы пошли на NOtO. В 6 часов утра, согласно с моим ожиданием, открылся впереди нас берег.

Привезенные накануне лейтенантом Лесковым котики помещены все вместе на юте в ванне, но они во все время были весьма беспокойны, ворчали друг на друга и нередко доходило у них до драки, что принудило нас скорее их убить, чтобы они не

перепортили своих шкур. Я оставил одного живого для того, что художник Михайлов желал его срисовать.

В желудке у каждого из двух убитых котиков нашли до двадцати пяти голышей и острых камней, величиною в один и в четверть дюйма, принадлежащих к так называемым переходным горным. Вероятно, котики глотают сии камни для споспешествования варению пищи. Пингвины, доставленные на шлюп -- трех родов, в числе оных были и молодые.

Простирая плавание два лета между льдами Южного Ледовитого океана в том месте, где пингвинов множество, мы видели оных только три рода, и вероятно нет других пород, ибо мы бы их встретили около Южной Георгии, Южных Сандвичевых островов, на острове Макварие или на льдах, где их всегда в великом множестве видели. Самый большой род пингвинов натуралисты называют аптенодит магелланский. Из тех, которые нам попадались, в самом большем было весу 1 пуд 25 фунтов. Нос у него острый, лапы черные; желтые пятна простираются от ушей по бокам на передней части шеи, и сливаются с белым брюхом; спина, зад шеи и верх головы темносеро-синеватые. Молодые в продолжение первого года покрыты пухом, подобным енотовой шерсти, только мягче; когда минет год, местами показываются настоящие жирные перья пингвинов, сначала у хвоста, а потом и далее. Одного молодого пингвина сего рода в чучеле мы доставили в С.-Петербург, в музей Адмиралтейского департамента.

Особенного замечания достойны квадратные зрачки в глазах пингвинов. По мере увеличения солнечного света, зрачки многим уменьшаются, и тогда в фигуре их, которая правильная, составленная из четырех выгнутых дуг, углы оных становятся остры; напротив, от обыкновенного дневного света зрачки квадратны, когда же свет уменьшается, тогда линии сии принимают вид выпуклый, так, что наконец по мере умножения темноты зрачки сделаются круглые.

У второго рода пингвинов над глазами загнутые, длинные желтые перья, нос цвета померанцевого, тупее, нежели у первого рода, перья на голове и на всей верхней части темносеро-синеватые, а под лапами -- белого цвета. Сии пингвины кладут также по одному яйцу. Мы их называли мандаринами, а натуралисты называют их скакунами.

Третьего рода самые меньшие, и чаще встречаемые; они кладут по два яйца на рыхлую землю, нос у них черный, несколько длиннее вороньего, на шее черная узенькая черта, на всей передней части и под лапами перья белые, а на верхней -- темносеро-синеватые; молодые пингвины последних двух родов в первый год покрыты обыкновенно серым густым пухом.

Пингвины ходят, держа тело перпендикулярно, подобно человеку, покрыты частыми узкими лоснящимися перьями; крылья, или лучше сказать, лапы, у всех пород одинаковые. У последнего рода пингвинов хвосты несколько длиннее. В желудке их мы находили также острые камни от 3/4 до 1 1/2 дюйма величиною, принадлежащие к переходным гринштейнам 135.

Все сии три рода пингвинов водятся в Магеллановом проливе, на Огненной земле, в Южной Георгии, на Квергеленовой земле, на острове Маквария и на Южных Шетландских островах; одним словом, в южной части умеренного пояса по всему

пространству южного полушария, за южным же полярным кругом или в отдаленности от какого-либо берега и плоских лдяных островов мы их редко встречали. Рассматривая устройство тела пингвинов, кажется, что они склонны к лени и потому избирают места такие, где бы не было препятствия им покоиться, и там собирается их несколько сот тысяч. На острове Завадовском мы встретили только два рода, второй и третий. Они на берегу, или на льду, стоят стадами, каждый род особенно, похлопывают лапами, производя непрерывное движение хвостами. Нам случалось несколько держать на шлюпах, сами собою никак не принимались за корм, и потому определен был для сего один канонир, который особенно любил ими заниматься, он клал им в рот по небольшому куску свиного жира, сухарей и пр., которые они глотали, но при всем нашем попечении худели и не жили более трех недель; мясо их имеет запах ворвани.

Сего утра в широте $61^{\circ} 42'$ южной, долготе $58^{\circ} 10'$ западной, нашли склонение компаса $21^{\circ} 27'$ восточное. До четырех часов пополудни день был прекрасный, потом ветер сделался NO, и наступила мрачность. В 6 часов мы подошли близко к четырем небольшим островам, которые я был намерен оставить к югу, но ветер нас согнал и принудил поворотить к NW. Три из сих островов довольно высоки, цветом черны и не покрыты снегом, они казались каменными; я их назвал Тремя Братьями 136.

Первый в широте $61^{\circ} 26' 15''$ южной, долготе $55^{\circ} 58'$ западной, длиною в три с половиной, шириною в полторы мили.

Второй подле первого, в широте $61^{\circ} 26' 45''$, долготе $56^{\circ} 2'$, длиною в одну милю, шириною в полмили.

Третий, от первых двух к югу, в широте $61^{\circ} 30' 20''$, долготе $56^{\circ} 2' 30''$. Положение одного по параллели, длиною близ двух миль, ширина одна миля.

Четвертый остров, от Трех Братьев к западу, весь ровный, покрыт снегом и льдом, в широте $61^{\circ} 26' 40''$ южной, долготе $55^{\circ} 34'$ западной, направление WtS, длина $5 \frac{1}{4}$, ширина $2 \frac{3}{4}$ мили. Я назвал сей остров по имени контр-адмирала Рожнова 137, под начальством коего я состоял при начале моей службы.

Далее к югу, в густых облаках мне казалось, что виден берег, но как пасмурная погода препятствовала нам рассмотреть оный надлежащим образом, то я предоставил будущим мореплавателям исследовать, точно ли на сем месте находится остров. Место сие от Трех Братьев к югу двенадцать или пятнадцать миль.

Берег, который мы видели с шлюпа при повороте к северо-востоку, также был закрыт облаками. После поворота мгновенно все покрылось густою мрачностью, ветер начал дуть порывами с снегом и принудил нас закрепить брамсели и взять у марселей по рифу. Вообще плавание и удачное обозрение берегов совершенно зависят от погоды, а в больших южных широтах погода бывает более мрачная, нежели ясная. К девяти часам вечера ветер еще усилился, мы закрепили у марселей по другому рифу и спустили брам-реи. Вскоре снег прекратился и пошел большой дождь. Спустя малое время, ветер стих и задул от NW, дождь все еще продолжался; мы поворотили на NNO.

28 января. В 4 часа утра спустились на OSO к берегу, который вечером видели на северо-востоке. В 6 часов утра показалось около шлюпов множество пингвинов, и они с великим криком переключивались; пеструшки, альбатросы, погодовестники и

эгмондские курицы также окружали нас во множестве. В 7 часов увидели в мрачности бурун, разбивающийся ужасным образом. Капитан-лейтенант Завадовский, бывший наверху, привел тотчас шлюп к ветру на ОНО, но вскоре и по сему направлению показался великий бурун, и для того, чтобы отойти, я немедленно поворотил на другой галс. Ветр стих и ужасная зыбь от NW бросала шлюпы со стороны на сторону, и приметным образом приближала нас к мели. Глубины по лоту оказалось тридцать три сажени, грунт -- мелкий черный камень. Тотчас подняты были брам-реи и поставлены все паруса, которые, по слабости ветра, едва-едва надувались. Мы находились тогда от сего ужасного буруна, разбивавшегося о подводные камни, около одной мили, и более часа были в опасном положении. Спасение наше зависело только от якорей, на которые я также большой надежды не имел, ибо при чрезмерной качке на каменном грунте канаты скоро бы перетерлись, и тогда от одного удара мы могли погибнуть, и место нашей гибели может быть осталось бы неизвестно. В 9 часов счастливо миновали оконечность рифа, и он остался далее траверса позади нас.

Когда мы находились близ рифа, бесчисленное множество пингвинов окружало шлюпы. Стадами плавающие киты обращали особенно внимание наше; большая крутая зыбь разбивалась о их спины и производила такую же пену, как разбиваясь о камни; воздух над ними был наполнен водяными фонтанами. Таковое явление видели мы в первый раз, ибо до сего времени всегда встречали китов поодиночке, или по два и по три вместе.

Зыбь, лучше сказать, толчая водная, шла от NW чрезвычайно великая; мы заметили, что брызги с вершины волн кидало в противную сторону их направления, как будто бы от противного ветра, но как тогда было безветрие, то мы заключили, что быстрое течение моря само по себе производит сие действие; оно нам много способствовало избежать очевидной опасности, в которую ввергло нас неведение о существующих берегах.

В 11 часов тихий ветер задул от SW, мы тотчас сим воспользовались и взяли курс на NW. Хотя к полудню ветер довольно засвежел, однако, мы полным бейдевиндом имели ходу только полторы мили в час, ибо величайшая зыбь с носу шлюпа производила такие сильные удары, что все вооружение было в большом потрясении. В самый полдень на короткое время открылись в мрачности четыре острова, те самые, которые мы накануне описали. Широта места нашего была 60° 8' 13" южная, долгота 56° 15' 3" западная; мы шли на NW до четырех часов, тогда пасмурность прочистилась и открылся остров, от которого большая мель выдается в море, и потому я вновь взял курс к востоку, в параллель сего берега, и имел намерение осмотреть только северо-восточную оконечность оного. Ветр дул тихий от юга, т. е. с берега, и мы почувствовали сильную вонь, такую же, как на острове Завадовском, быв между множества пингвинов. С девяти часов стемнело, я убавил парусов, чтобы иметь сколь возможно менее хода, с утра вновь увидеть сей берег, и потом продолжать путь далее.

29 января. Ночью пингвины, во множестве вынырнув из воды, переключивались около шлюпов. С утра небо покрыто было темными облаками, а к вечеру густою мрачностью. При рассвете увидели берег, но горы закрыты были густыми облаками; мыс сего берега к востоку отрубист. В 6 часов утра все горы очистились от облаков. Художник Михайлов изобразил вид острова с великою точностью. Весь остров состоит

из хребта гор, во всю его длину продолжающихся, и казалось, что между оными много острых холмов, отделенных лошинами; на западной стороне -- особенно высокая гора; весь остров покрыт снегом, одни только крутые места и скалы при взморье чернелись. К западу и северо-западу от острова мы видели много островершинных черных камней сверх воды, и сильный бурун разбивался о подводные каменья на расстоянии восьми и девяти миль от берега, так что для мореплавателей приближение к сему месту весьма опасно. Остров имеет направление OtN и WtS, длиною двадцать шесть, шириною около девяти, в окружности, около шестидесяти одной мили; середина в широте $61^{\circ} 8' 10''$ южной, долготе $55^{\circ} 21'$ западной; я назвал сие обретение наше островом адмирала Мордвинова¹³⁸. От восточной оконечности острова Мордвинова к О -- малый высокий остров, который склоняется ниже к востоку, и находится в широте $61^{\circ} 4' 10''$ южной {В первом издании ошибочно указано 64° . -- Ред.}, долготе $54^{\circ} 45'$ западной; в окружности имеет три мили. Сей остров я назвал Михайловым¹³⁹, в воспоминание искренней ко мне приязни капитан-командора Михайлова.

Далее от восточного мыса острова Мордвинова, в пятнадцати милях на OSO, еще остров, также покрыт снегом; на западной стороне высокая гора, направление одного NOtN и SWtS, длина десять миль, в окружности двадцать семь миль, широта $61^{\circ} 13' 20''$ южная, долгота $54^{\circ} 24' 30''$ западная; сей остров я назвал островом вице-адмирала Шишкова¹⁴⁰.

В полдень мы были в широте $60^{\circ} 51' 47''$ южной, долготе $54^{\circ} 39'$ западной. Вскоре ветер засвежел, настала густая пасмурность, пошел снег и закрыл от нас берега. Мы взяли у марселей по рифу и привели в бейдевинд на OtN. Сим курсом шли до вечера. Зрение наше по причине снега и дождя не простиралось далее полутора мили, когда сделалось совершенно темно; взяв еще по рифу у марселей, мы поворотили и пошли назад.

30 января. С полуночи опять поворотили в NO четверть, дабы осмотреть, нет ли еще островов по сему направлению. В 4 часа утра ветер начал крепчать и мрачность сделалась еще гуще; вскоре ветер усилился до того, что мы с большим трудом закрепили паруса; спасли их и остались под одними штормовыми стакселями. В сию жестокую бурю малые голубые и пестрые бурные птицы, погодовестники и альбатросы укрывались между волн. Пополудни мы видели несколько черных бурных птиц и мандаринов. К вечеру ветер смягчился. От шторма лопнули две кницы, одна близ середины, а другая против бизань-мачты, и обе оказались гнилы.

Беспрестанное выкачивание воды из шлюпа производило большую сырость и в короткое время могло быть пагубно для здоровья служителей, которые уже четырнадцать недель находились в сыром и холодном климате южного полушария. По сей причине и видя, что на таком расслабленном шлюпе, каковым сделался "Восток", при приближающемся позднем бурном времени не должно оставаться далее в больших южных широтах, -- я решился возвратиться на север и по прибытии в Рио-Жанейро, подкрепить шлюп, дабы без опасения достигнуть в Россию.

31 января. Следующего утра, 31 января, когда ветер стих, мы поставили марсели и взяли курс на NtO. Я имел намерение итти мимо каменьев, называемых Шаг-Рок (Shag-Rocks), назначенных на карте Пурди в широте $53^{\circ} 38'$ южной, долготе $43^{\circ} 40'$ западной. При рассвете сделал сигнал шлюпу "Мирному" прибавить парусов, но за

отдаленностью сигнал не рассмотрели, а потом нашел туман, и мы принуждены были остаться под одними рифлеными марселями, дабы дать возможность шлюпу "Мирному" нас догнать.

Туман, дождь и снег охlopьями шли попеременно. В полдень по счислению мы находились в широте $59^{\circ} 20' 58''$ южной, долготе $51^{\circ} 8' 35''$ западной. По прочищении тумана, увидели шлюп "Мирный" в близком расстоянии, однакоже гул наших пушечных выстрелов не доходил до него за густотою тумана.

В продолжение дня киты непрерывно пускали фонтаны; пингвины, плавая около шлюпов, переключивались, и голубые бурные птицы во множестве летали. Мы продолжали путь на $NO 38^{\circ}$ во всю ночь под марселями, имея крьюсель на стеньге.

1 февраля. С полуночи ветер был сопровождается дождем; мы имели ходу до девяти миль в час; таковая скорость ночью в неизвестном месте слишком велика, а потому я закрепил остальные рифы у марселей. В 11 часов вечера прошли мимо небольшого ледяного острова, который был последний нами встреченный, ибо мы после сего уже оных на пути не видали. В сие время находились в широте $56^{\circ} 35'$ южной, долготе $40^{\circ} 30' 6''$ западной,

2 февраля. К четырем часам утра ветер стих. Мы подняли брам-стеньги и брам-реи, отдали у марселей рифы и поставили все паруса. Вскоре после сего нашел с ветра густой туман, продолжался до 11 часов утра, и кончился дождем. В полдень мы были в широте $55^{\circ} 00' 12''$ южной, долготе $44^{\circ} 30' 28''$ западной.

К вечеру ветер скрепчал и принудил нас на ночь спустить брам-реи и брам-стеньги и остаться под одними зарифленными марселями, приведя шлюпы к ветру, чтоб не набежать на камни Шаг-Рок, если они существуют. Мы встретили птиц всех тех же родов, каковых и прежде видели, приближаясь к острову Валлису, именно: альбатросов, белых с черными пятнами на спине; альбатросов белых, у которых верхи крыльев серые; больших и средних черных, и голубых малых бурных птиц, и несколько пингвинов. Стада морских свиной непрерывно пред носом проплывали.

3 февраля. Во всю ночь и в течение всего следующего дня ветер дул крепкий от запада, при пасмурной и дождливой погоде. С рассветом мы вновь спустились на $NO 47^{\circ}$; в 7 часов утра число птиц, летающих около шлюпов, умножилось; в продолжение короткого времени мы видели двух урилов и одного малого нырка.

В исходе восьмого часа с марселя сказали, что по направлению $NWtN$ виден бурун. Мы в сие время шли по девять миль в час, при большом волнении. Пределы нашего зрения простирались не далее полутора мили, и потому капитан-лейтенант Завадовский, бывший тогда на шканцах, тотчас переменял курс на OSO , дабы отдалиться от камней и обойти сие место, а между тем мне о сем дал знать. Я выбежал, из каюты, но офицеры, посланные на марса-реи, дабы рассмотреть, что показалось буруном, при бывшей чрезвычайной пасмурности и большом волнении ничего не могли видеть. Ежели действительно бурун был виден, как уверяли два матроза, с фор-марса-рея, и ежели не происходил от волнения, разбиваемого на китах, то камни сии должны быть в широте $53^{\circ} 41'$ южной, долготе $42^{\circ} 4' 40''$, на $1^{\circ} 35'$ восточнее камней Шаг-Рок по карте Пурди.

К полудню из-за облаков выглядывало солнце, мы успели определить в полдень наше место; широта онога оказалась $53^{\circ} 31'$ южная, долгота $41^{\circ} 20' 57''$ западная. Наблюдение сие не самое верное, по причине великого волнения и пасмурного горизонта. С полудня мы опять придерживались к северу по направлению NNO. К двум часам ветер сделался тише, но большое волнение продолжалось и бросало шлюпы с одного бока на другой, с чрезвычайным стремлением. В продолжение дня мы видели необыкновенное множество летающих около шлюпов и сидящих стадами на воде альбатросов белых и дымчатых, также всех родов бурных птиц, кроме полярных, белых снежных и больших голубых. Ночь была прекраснейшая, лунная; такой ночи мы давно уже не имели; до полудня следующего дня шли прямо на север.

Со времени отбытия нашего из Рио-Жанейро, т. е. с 23 ноября 1819 г., мы подавались более к востоку, отчего наш полдень часто ускорялся, так что ныне, когда возвратясь к западу опять в долготу Рио-Жанейро мы прошли 360° кругом света, от ежедневного ускорения полдня составилось 24 часа, почему я приказал на шлюпе "Востоке" считать третьим числом февраля два дня сряду, и о исполнении сего на шлюпе "Мирном" сделал сигнал телеграфом. Матрозы наши слышали о таковых переменах от собратий своих, возвратившихся из путешествий вокруг света, но полагали, что издавеча возвращающиеся путешественники, дабы обращать на себя большее внимание, непременно должны рассказывать небывалое, и потому некоторых из служителей весьма трудно было уверить в точности нового нашего счисления дней.

В полдень мы находились в широте $51^{\circ} 23'$ южной, долготе $40^{\circ} 53' 10''$ западной, Ветр переменился и задул от севера совершенно нам противный; мы легли к западу. С четырех часов пополудни настал густой, мокрый туман, и продолжался до самой ночи. Пингвины ныряли около шлюпа.

4 февраля. С полуночи ветер отошел опять к западу и дул крепкий с пасмурностью, однакож позволил нам итти бейдевинд на NNO. В 4 утра до того скрепчал, что принудил нас взять у марселей по два рифа. При рассвете около шлюпов ныряли пингвины двух родов, простые и скакуны, также летали голубые бурные птицы и погодовестники во множестве, один дымчатый альбатрос и курица Эгмондской гавани.

В 8 часов утра ветер начал крепчать от WSW и чрез час превратился в жестокую бурю. К полудню волнение сделалось чрезвычайно великое, возвышалось горами, которые с быстротою стремились на нос и производили чрезвычайную качку. Мы имели ходу от восьми до десяти миль в час; шли под зарифленным грот-марселем и фок-стакселем. Мимо нас пронесло несколько морской травы. Во всю ночь шлюпы бросало с боку на бок жесточайшим образом; к счастью, за день прежде исправили помпы, а ежели бы сего сделать не успели -- положение шлюпа "Востока" было бы весьма сомнительное, потому что вода непрестанно прибывала в трюме и в продолжение бури непрерывно оную помпами выкачивали.

К ночи буря смягчилась, мы убрали грот-марсель, чтобы дать возможность шлюпу "Мирному" нас догнать.

5 февраля. С утра день был ясный, ветер умеренный. Мимо нас пронесло несколько кустов морской травы и мы видели двух эгмондских куриц. Все мокрое вынесли из кают, чтобы просушить, ибо по слабости шлюпа "Востока" никто не имел такого

покойного места, куда бы во время бури вода не входила. В полдень были в широте 40° 51' 21" южной, долготе 37° 32' 33" западной. Дабы и наш обратный путь принес несколько пользы географии, я с полудня взял курс на ОНО, в намерении пройти близ того места, где по карте Пурди положен остров Гранде, будто бы обретенный в 1675 г. де-ла-Рошем.

6 и 7 февраля. Сим путем, при ветре от SSW, мы шли 6-го и 7-го; дни были ясные, а ночи освещаемы луною. В продолжение сего времени проплыло несколько морской травы; из птиц мы видели голубых бурных, разных альбатросов и эгмондских куриц. В полдень 7-го находились по наблюдениям в широте 43° 35' южной, долготе 31° 15' 51" западной. От полудня до шести часов продолжали курс на НО; в сие время достигли в широту 42° 53' 7" южную, долготу 30° 20' западную, на самое то место, где предполагает Пурди остров Гранде; но мы, при довольно ясной погоде, осматриваясь с салинга во все стороны, ничего не приметили, хотя по ясности дня могли видеть остров на расстоянии двадцати пяти миль, ежели бы находился на сем пространстве в которой бы то ни было стороне. Итак, кажется нет никакого сомнения, что сей остров вовсе не существует.

Испанец Сейфас Илавера (Seifas y Lavera), издатель путешествия Антония де-ла-Роша, говорит, что он видел остров Южной Георгии, откуда шли они весь день к NW, а потом к северу, при шторме от юга достигли широты 46°, а отсюда направили путь к заливу Всех Святых (Bahia de todos los Santos) и на пути увидели в широте 45° весьма большой и прекрасный остров, с хорошею гаванью на восточной стороне.

В сей гавани нашли свежую воду, лес и рыбу, но людей не встречали, хотя пробыли 6 дней. Потом пошли к заливу Всех Святых, а оттуда в Рошель, куда прибыли 29 сентября 1675 г. Капитан Бурней полагает, что де-ла-Рош видел выдавшийся мыс на берегу Патагонии, между заливами Св. Георгия и Камарона; сей мыс кажется с моря островом, и Сейфас Илавера, описывая Патагонию, говорит: "в широте 45° находится много хороших гаваней и в сей же широте -- мыс Св. Елены (de Santa Elena), о котором упоминают разные писатели будто бы оный имеет вид острова; на картах Пурди, ныне издаваемых, сей мыс называют мысом Двух заливов (Cape Two Bays), а по карте Аросмита -- мысом Залива (Cape Bahias)". Итак, не встречая никаких признаков берега, кроме морской травы, которая и в отдаленности от берегов плавать может, мы привели к ветру на север, дабы итти в Рио-Жанейро, между путями Бувета и Лаперуза, чтобы обозреть сие пространство. В продолжение дня видели трех эгмондских куриц, двух погодовестников, несколько альбатросов обыкновенных и одного дымчатого.

8 февраля. Из взятых нами в Новой Шетландии трех молодых пингвинов, при всем старании сохранить их живыми, один умер, и другие два весьма похудели. Видно хлебный и мясной корм для сих птиц не годится.

Сегодня в первый раз в продолжение трех с половиной месяцев мы отворили все люки, чтобы в палубы впускать наружный воздух, сняли зимнюю переборку около парадного люка. Ветр дул переменный, а к ночи перешел к ОСО, засвежел, сделалось мрачно с дождем. Мы старались итти к северу.

11 февраля. Из птиц, купленных офицерами в Порт-Жаксоне, много издохло на пути к югу, вероятно от жестокости климата. Сегодня всех птиц в первый раз вынесли на

воздух и они, радуясь хорошей погоде, составляли разноголосый хор. Из морских птиц мы сегодня видели только двух альбатросов.

В полдень находились в широте $38^{\circ} 6' 20''$ южной, долготе $33^{\circ} 15' 49''$ западной.

12 февраля. От полуночи до восьми часов утра шел такой сильный дождь, что успели набрать воды около ста ведер и, сверх того, дождевою водою вымыли все служительские койки.

13 февраля. В полдень были в широте $36^{\circ} 39' 40''$ южной, долготе $34^{\circ} 16' 43''$ западной, которая определена по расстояниям луны от солнца в полдень:

Мною по 25 расстояниям -- $34^{\circ} 19' 43''$ W

Капитан-лейтенантом Завадовским также по 25 расстояниям -- $34^{\circ} 6' 6''$ "

Штурманом Парядиным также по 25 расстояниям -- $34^{\circ} 20' 23''$ "

14, 15 и 16 февраля. 13-го, 14-го и 15-го, при юго-западных тихих ветрах, мы шли к северу; 16-го ветер несколько времени дул из NW четверти и принудил нас итти в бейдевинд к NO. В полдень находились в широте $33^{\circ} 45' 3''$ южной, долготе $34^{\circ} 30' 58''$ западной; теплота в тени была $21,2^{\circ}$.

17 февраля. К следующему утру ветер засвежел от NWtW; мы спустили брам-реи; при густой пасмурности накрапывал дождь. Вскоре после полудня ветер отходил к W и SW, дул сильно порывами, и мы придерживались к NNW.

18 и 19 февраля. 18-го и 19-го шли прямо к Рио-Жанейро, при свежем ветре от SSW; в полдень 19 февраля были в широте $28^{\circ} 57' 22''$ южной, долготе $35^{\circ} 26' 30''$ западной.

Взятый нами в Новой Шетландии котик приметно худел ежедневно и сегодня умер. Сколько ни старались кормить его, но он ни до чего не касался во все 23 дня бытия его на шлюпе. С полудня зыбь от юга увеличивалась, шлюпы качало с боку на бок.

20 февраля. Ветер дул свежий из SO четверти, небо было покрыто облаками, день дождливый, на севере блистала молния; я продолжал итти тем же курсом под малыми парусами, дабы шлюп "Мирный" мог держаться за "Востоком".

В полдень по счислению находились в широте $27^{\circ} 22'$ южной, долготе $38^{\circ} 00' 15''$ западной.

С полудня погода была довольно ясная, я придержался ближе к западу и мы шли на WNW до восьми часов вечера. На брам-салингах поставлены были люди, чтобы осматривать вокруг горизонта, не увидят ли камня, назначенного на картах, будто усмотренного в 1692 г.; прошел немалое расстояние близ самого того места, мы не заметили и признака существования камня. Видели в продолжение сих последних дней птиц, которые имели верхние перья темные, нос белый; величиною были с ворону. Судя по полету, должны принадлежать к бурным птицам.

21 февраля. С восьми часов вечера, мы опять переменили курс, и пошли на NWtN, прямо к мысу Фрио. 21 февраля в 5 часов пополудни дувший свежий ветер из SO четверти стих.

22 февраля. Следующего утра мы на уду поймали акулу и вместе с оною вытащили небольшую прилипалу. Не в дальнем расстоянии увидели на поверхности моря играющую небольшую рыбу, чего в отдаленности от берегов видеть не случилось.

В 4 часа пополудни маловетрие, продолжавшееся со всех сторон, прекратилось и задул ветер от NO. Тогда мы опять легли на NWtN, к мысу Фрио. Пред вечером видели несколько летающих бакланов и множество летучих рыб.

23 февраля. Во всю ночь по всему горизонту сверкали зарницы. Мы старались, сколько возможно, выигрывать ходом нашим при переменном полуветрии {Т. е., следуя в полветра. -- Ред.}.

Один из какаду влез по веревкам наверх, и когда его оттуда хотели снять, он полетел, упал в воду, прямо перед шлюпом; к счастью, ход был тих и, когда шлюп проходил мимо какаду, матрозы с борта подставили шест, за который он в испуге схватился так крепко, что не только его свободно приподняли из воды, но и после он не скоро сошел с шеста. Немногие из птиц, взятых в Новой Голландии, при подобных случаях были так счастливо спасены.

24 февраля. С утра к SO было видно трехмачтовое судно. Морские свиньи пробежали стадами пред носом шлюпа, но сколько мы ни старались убить хотя одну, предприятия наши были неудачны.

В полдень находились в широте $23^{\circ} 47' 22''$ южной, долготе $41^{\circ} 45' 26''$ западной. В 3 часа пополудни показался с салинга берег мыса Фрио на NWtN.

Во все сии дни мы замечали на поверхности воды подобие желтоватой насыпи, что вероятно происходило от продолжающихся безветрий.

26 февраля. В 3 часа пополудни задул ветер от O, мы шли к берегу. 26-го числа с рассветом открылся нам весь риожанейрский берег; внизу оног неслись облака, верхи гор были совершенно чисты от оных. По горе, называемой Сахарною головою, мы скоро отличили вход в Рио-Жанейро, но маловетрие и потом противный ветер не допустили нас прежде следующего дня приблизиться к заливу.

27 февраля. Лоцман встретил шлюпы для провода в бухту. Мы его приняли, но, по причине тихого ветра, не прежде темноты, т. е. в 8 часов вечера, положили якорь, еще не достигнув того места, где прежде стояли на якорю. С крепости Санта-Круц и с контр-адмиральского корабля приезжали чиновники и делали те же вопросы, как в прошедшее наше прибытие, т. е. откуда, долго ли были в море и тому подобные.

Сего вечера приехал наш вице-консул Кильхен; ему поручено доставить к завтрашнему дню для всех служителей на шлюпах свежей говядины и зелени разных родов. Он нас известил, что во время нашего отсутствия Португалия приняла испанскую конституцию до прибытия короля в Лиссабон и что приготавливают английскую эскадру для перевезения двора в Португалию.

28 февраля. По рассвете глазам нашим представилось приятнейшее зрелище. При подошве высоких гор, обросших лесами, мы увидели город С.-Себастьян, пред оным на рейде брантвахтенный корабль "Иоанн VI" и два фрегата, один португальский, построенный в С.-Сальвадоре, другой, называемый "Конгресс", принадлежал Соединенным Американским Штатам, два английских военных брига и до трехсот купеческих судов разных наций.

В 8 часов утра, по поднятии флага на шлюпе "Востоке", салютовали королевскому флагу на крепости С.-Христиана, потом контр-адмиральскому. С крепости и с корабля "Иоанна VI" ответствовано выстрел за выстрел. До обеда я ездил с рапортом к министру нашему, генерал-майору барону де-Тейль-фон-Сераскеркену. Он приказал вице-консулу Кильхену у вольных купцов приискать для подкрепления шлюпа "Востока" кницы, о которых я его просил. По полудни, когда обыкновенный морской ветер установился, мы снялись с якоря, перешли ближе к городу на прежнее якорное место и стали фертоинг; отвязали все паруса и убрали в парусные каюты.

1 марта. С сего дня принялись приуготавливать шлюпы к плаванию в Россию. Я поехал с капитан-лейтенантом Завадовским и лейтенантом Лазаревым посмотреть американский фрегат "Конгресс". Он снаружи весьма чист. Входя вниз, мы увидели покойника в гробу. Лейтенант, нас провожавший, сказал, что они на пути из Кантона до Рио-Жанейро, в 90 дней, выбросили за борт 70 человек, и что в висящих в палубе восьмидесяти койках лежат больные, которые еще не выздоровели. Услышав о такой повальной болезни, по приезде на шлюп "Восток", я запретил иметь сообщение с служащими на фрегате "Конгресс".

2 марта. При рассвете увидели на рейде небольшой голландский фрегат, который салютовал крепости и флагманскому кораблю. Я отправил лейтенанта Торсона поздравить капитана с прибытием и предложить ему мои пособия в случае какой-либо нужды, ибо мы имели всего в изобилии и уже возвращались в отечество. Лейтенант Торсон донес мне, что сей фрегат короля нидерландского, "Адлер", отправлен из Голландии в Батавию, и на пути зашел в Рио-Жанейро, чтоб освежить служителей. Командир капитан-лейтенант Даль на предложение лейтенанта Торсона объявил, что у него повреждение в беген-рее; фрегат "Адлер" с шлюпом "Востоком" одного размера, а потому я тотчас, без всякой переделки, велел отбуксировать к нему наш беген-рей. Хотя в Рио-Жанейро для реев можно иметь деревья, но они все слишком тяжелы, и оттого не так удобны для употребления на реи, как европейские сосновые деревья.

4 марта. За несколько дней пред нашим прибытием, король объявил, что отправится в Лиссабон. Он ездил сегодня на своей вызолоченной барже осматривать корабль "Иоанн VI", на котором намерен отправиться. Многие духовные особы были также в числе назначенных к сопутствию его. Когда король проезжал мимо наших шлюпов, люди стояли по реям и кричали "ура!", а с шлюпов произведена пальба из всех орудий. В сие время на королевской барже перестали грести, и чиновник, державший штандарт, говорил краткую речь в честь государя нашего. По окончании речи, все гребцы на барже встали и прокричали троекратно "ура!". После обеда королева проехала мимо наших шлюпов, и ей отданы те же почести, как королю.

5 марта. Место для нашей обсерватории отведено на Крысьем же острове, где поставили палатки, в коих астроном Симонов расположился с инструментами. Сей

остров служил нам и для сгрузки разных тягостей; туда же отправили кузницу и купоров, для исправления бочек.

9 марта. До полудня приезжал к нам посланник барон Тейль. Он нашел всех служителей здоровыми и в лучшей исправности. Со времени прибытия в Рио-Жанейро шлюпы "Восток" и "Мирный" посещаемы были ежедневно разными особами. Почти все посланники иностранных дворов и любители редкостей к нам приезжали.

16 марта. Для облегчения носовой части шлюпов вся вода из трюма вылита, все тяжести из сего отделения перенесены в кормовую часть, запасный рангоут весь спущен в воду, и после сего шлюп "Восток" кренговали на обе стороны. Тогда ободрали медь с носовой части и проконопатили слабые пазы, особенно шпунтовой паз; по выконопачении опять обшили сии места медью, также и те, которые ободраны льдом; другие части, до коих невозможно было добраться, потому что слишком глубоко в воде, я решился оставить, полагая плавание до России не столько долговременным, чтобы в продолжение оногo морские черви успели проточить сии места.

По неимению в Рио-Жанейро вольной корабельной верфи, мы не могли отыскать продавцов книц для подкрепления шлюпа "Востока", и потому я просил нашего посланника, чтоб он доставил нам возможность получить в здешнем адмиралтействе дубовых книц за деньги. Вследствие сего приезжал к нам капитан порта с корабельным мастером, последний советовал переменить все гнилые и изломанные кницы, и сверх того против каждой мачты приделать стандерсы. Но как работа сия могла быть слишком продолжительна, то я просил только доставить мне дерево, в намерении приделать стандерсы и кницы своими мастерскими, ибо мог набрать из них 9 человек, умеющих хорошо владеть топором. После разных затруднений, мы наконец 21 марта получили из Адмиралтейства восемнадцать книц и тотчас приступили к приделке оных по местам. Работу сию совершенно окончили не прежде 2 апреля. Половину книц употребили под бимсы, другую приделали стандерсами, а наши гнилые кницы оставлены на своих местах; я боялся их тронуть, дабы чрез то не открыть бесконечной работы.

20 Марта. Мы ездили смотреть королевский загородный дворец. Внутренность сего небольшого дома украшена посредственного искусства живописными картинами и эстампами, без вкуса расположенными; между последними мы видели изображение победы нашего флота при Чесме, под начальством графа Орлова-Чесменского, и небольшой гравированный портрет императора Александра Павловича.

От дворца, проехав еще несколько водою, мы вышли на берег. Вице-консул Кильхен был нашим проводником; узкою дорогою проходили сахарные и коереинные плантации, обширные огороды с кукурузою; большая часть земли еще необработана, что служит доказательством или малого населения или лености народа.

Прошед около полутора часа, мы приблизились к местечку, называемому Мариен-Гу. Англичанин Валлис, поселившийся в Рио-Жанейро, которому принадлежит сей загородный дом, принял нас весьма благоприянно. Местоположение особенно красивое, окружено высокими горами, обросшими лесом; по долинам видно множество загородных домиков с садами, куда для прогулки обыкновенно приезжают городские жители. Солнечный зной утомил нас на пути, и мы весьма были довольны, когда хозяин предложил нам отдохнуть на открытом воздухе в тени на скамейках,

нарочно для сего сделанных. Пред нами были аллеи цветущих акаций; нежные колибри порхали в их цветах и высасывали сок.

Мы обедали в саду, в тени апельсиновых деревьев, а недалеко от нас находились кофейные, на которых в одно время можно видеть переход зерна от цвета до самой зрелости. В разных местах сложенный в больших кучах, снятый с дерева зрелый кофе сушили на солнце. К вечеру, поблагодарив хозяина за его гостеприимство, мы возвратились тою же дорогою; на половине пути до катера отдыхали в тени фруктового крупного ветвистого дерева, португальцами называемого монгиферо.

26 марта. Прибыли с моря: французский 74-пушечный корабль "Колосс", под флагом контр-адмирала Жюлиена и фрегат "Галатея".

27 и 28 марта. Следующего утра я поехал с лейтенантом Лазаревым к контр-адмиралу; он находился несколько времени у западных берегов Америки и ныне, обошед около мыса Горна, остановился в Рио-Жанейро освежиться. Назавтра, 28-го, около полудни, контр-адмирал Жюлиен приехал на шлюп "Восток" и долго занимался рассматриванием редкостей, тем более, что он совершал путешествие кругом света под начальством контр-адмирала Дантре-Касто.

9 апреля. К вечеру я отправился на берег с лейтенантом Лазаревым и капитан-лейтенантом Завадовским, чтоб видеть народное собрание, в коем намеревались выбрать депутатов для принесения просьбы королю, чтоб дал Бразилии конституцию испанскую, которая бы могла существовать в полной силе, до утверждения королем в Лиссабоне настоящей португальской конституции; они также имели намерение избрать некоторых министров.

Все дома, находящиеся по Биржевой улице, были украшены шелковыми разных цветов тканями, вывешенными из окон; народ по улице толпился взад и вперед.

Вошед в Биржевую залу, мы увидели великое множество разного состояния людей и без оружия. Посреди залы стоял стол, вокруг которого сделаны были скамейки в несколько ярусов, в виде амфитеатра; все избиратели, на коих возложена была обязанность предлагать дела к суждению, сидели за столом, как кому досталось место; из прочих членов иные сидели, другие стояли на скамейках, некоторые ходили взад и вперед; словом, в сем огромном зале царствовал совершенный беспорядок, ибо только лишь члены что-либо предлагали, вместе с окончанием слов их, подымался с разных сторон крик, заключающий в себе противоречащие мнения; и хотя избиратели со всею силою напряжения голоса убеждали безрассудных крикунов не производить шуму, а прежде выслушать и потом предлагать свои мнения, но сии увещания оставались совершенно тщетны. Один португалец, бывший далеко назади, вероятно, по причине слабого голоса не могший перекричать других, влез на скамейку, стоящую подле стены, вынул из кармана уголь и написал свое мнение на стене крупными буквами: "ежели мы выберем графа Дос-Аркуса министром, Бразилия будет счастлива". Большая половина затопала ногами, а прочие, забыв благопристойность, начали кричать бранные слова. Писавший, поспешно спустился со скамейки и скрылся между народом.

Наконец, после многих тщетных споров и непристойных криков, избрали пять депутатов из разных состояний, из военных, купцов и из ремесленников. Избранные

отправились в 8 часов вечера пешком из собрания во дворец к королю. В зале загремела музыка, а на дворе пушенные во множестве ракеты возвестили, что депутаты пошли; многие за ними следовали, а прочие остались еще шуметь в зале. Мы также пошли, дабы увидеть, что из сего последует; в улицах на пути из всех домов махали белыми платками и кричали: "виват! виват!".

Во дворце встретил их какой-то генерал, ибо король был в своем загородном замке С.-Христофор, в шести или семи милях от города, где обыкновенно живет летом. Депутаты того же вечера отправились в двух колясках к королю, а мы возвратились на свои шлюпы, не заходя в их шумное собрание.

По случаю праздника пасхи в час пополуночи началось у нас на шлюпе "Востоке" богослужение, которое кончилось в 6 часов утра. Как чиновники, так и служители шлюпа "Мирного" были на "Востоке", где все вместе разговелись и угошены обедом; офицеры угощали офицеров, а матрозы -- матрозов шлюпа "Мирного".

Понутру от некоторых нам знакомых португальцев, бывших до двух часов в шумном народном собрании, мы узнали, что король принял депутатов милостиво и утвердил своим подписанием требование их о введении испанской конституции в Бразилии, до получения настоящей лиссабонской, утвержденной самим королем.

А как расстояние загородного дома С.-Христофора от города недалеко, депутаты нескоро возвратились, то в собрании пронесся слух, будто их арестовали. Все ожидавшие требовали в собрание генерал-полицмейстера и генерал-губернатора, которые вскоре явились и уверили сию необузданную толпу, что депутаты в совершенной безопасности, и никто даже из граждан не был взят под стражу. Один молодой человек, именем Дапра, более всех кричавший и, можно сказать, излишнею дерзостью управлявший всем собранием, требовал отчета от губернатора для чего поблизости сего места ходят патрули и грозил наказанием, ежели сие последует вперед. Потом он с другими сообщниками предложил послать к коменданту крепости С.-Круц повеление под смертную казнию не пропускать из бухты Рио-Жанейро никакого судна, дабы не увезти денег, нагруженных королем на эскадре, будто бы до двадцати миллионов крузадов. Выбрали шесть человек из членов собрания для объявления о сем коменданту крепости, а с оными, вместо гребцов, добровольно последовали еще 7 человек, в числе коих был и Дапра. Они отправились на одном из дворцовых гребных судов, которые стояли недалеко от места собрания. После сего назначили трех членов для поднесения королю изъявления чувствований благодарности и вместе с тем предложения об утверждении избранных в то время трех главных правителей: по политической, военной и гражданской части. Но когда собрание в ослепленном забвении своих обязанностей, пользуясь вынужденною уступчивостью короля, стремилось отнять у него всю власть и подчинить его своим определениям и уже послало депутатов об истребовании у короля согласия на допущение к должностям избранных правителей, в сие самое время наследный принц Дон-Педро, видя, что и его власть по отбытии короля будет ограничена, принял строгие меры. Приехал ночью в казармы и отправил к народному собранию солдат под предводительством офицеров; они окружили новую биржевую залу, у которой двери и окна были отворены; офицеры, нимало не медля, приказали стрелять в волнующуюся толпу, пули летели в окна, и несколько человек убито на месте.

Мгновенно все в великом смятении разбежались, некоторые в испуге бросились в море, чтобы переплыть на купеческие суда, близ берега стоящие, и многие утонули. Солдаты, вошед в залу, разорвали все бумаги, сочиненные собранием, и вместе с ними бумагами и постановление, подписанное королем, об утверждении испанской конституции, изломали все серебряные подсвечники и разделили между собою, также сукно и другие ткани, коими были покрыты скамейки. За поехавшими в крепость С.-Круц послал принц вооруженные гребные суда; их встретили на возвратном уже пути, всех отвели в крепость и посадили под стражу, а повеление о невыпуске из порта отправляющихся судов отменили.

В бывшем собрании разнесся слух, будто контр-адмирал Девена приезжал днем на российские шлюпы просить нас, чтоб мы были во всей готовности для общего споспешествования приверженцам короля, в случае надобности. К большому распространению сей молвы послужило еще необыкновенное освещение, бывшее на шлюпах в продолжение всей ночи по случаю службы в день пасхи. О сих церковных обрядах, вероятно, собрание не знало, а как освещение было хорошо видно из биржевой залы, построенной на самой набережной, то все присутствующие заключили, что мы приуговоряемся к каким-либо действиям.

Король неохотно оставлял Бразилию и потому настоящее время его отъезда было неизвестно.

Он переменял назначение времени отбытия, но теперь описанное возмущение побудило его решиться. День отъезда был назначен на 14/26 апреля, укладывание в ящики потребных вещей и погрузка на суда начались немедленно.

11 апреля. 11-го числа я с офицерами и служителями шлюпа "Востока" обедали на шлюпе "Мирном"; первых угощали офицеры, а последних угощали служители; мы проводили время весьма весело, и никто из служителей обоих шлюпов не помышлял проситься на берег для прогулки. Я желал, чтобы они не ходили в город, ибо легко могли заразиться болезнями; матрозы столь долгое время быв на шлюпах в надлежащей трезвости, вырвавшись на свободу, бросятся на то, что им более всего запрещалось, именно: на крепкие напитки, а потом познакомятся с женщинами. От сего последуют болезни: свежий ром производит кровавый понос, а связь с женским полом в приморских торговых местах нередко оставляет по себе следствия, неудобоисцелимые на море.

13 апреля. Перевозка королевских и прочих вещей приведена к окончанию 13 апреля, и того же вечера король прибыл со своим семейством на 74-пушечный корабль, называемый его именем. На фрегате "Каролине" помещена вдовствующая принцесса, жена старшего брата короля. На шлюп перевезли тело покойной королевы, матери Иоанна VI. Сверх сих судов отправлялись еще один корвет, один бриг, одна королевская яхта и 5 транспортов. На всех одиннадцати судах, сопутствующих королю в Лиссабон, было мужчин и женщин до восьмисот; транспорты так загружены, что дрова клали на русленях; одних куриц на проезд куплено 30 тысяч.

14 апреля. 14-го вся эскадра снялась с якоря. Королевскому штандарту салютовали все крепости, военные суда, стоявшие на рейде, наши шлюпы, французский корабль и фрегаты и английские бриги. Наследный принц Дон-Педро и принцесса провожали

короля за выход из залива и возвратились на пароходе под штандартом {Беллинсгаузен далее делает отступление от изложения событий своего, кругосветного плавания и довольно подробно останавливается на описании политических событий в Португалии и Бразилии с 1807 по 1821 гг. Этот раздел, охватывающий 4 страницы подлинника, во втором издании опущен, как не имеющий непосредственного отношения к экспедиции. -- Ред.}.

18 апреля. Три дня после отбытия короля, по желанию наследной принцессы, я был ей представлен нашим посланником в загородном дворце С.-Христофор. Принцесса обращает особенное внимание на редкие произведения природы и искусства; я доставил ей из ново-голландских птиц: какаду, королевского попугая и розетку; по ее просьбе послал в здешний музей разных орудий и одеяний народов Южного океана, разных раковин и других редкостей. За сие по приказанию принцессы получил несколько минералов и раковин бразильских: первые, по прибытии в Россию, поступили в С.-Петербургское Минералогическое общество, а раковины отданы в музей государственного Адмиралтейского департамента.

Мы встречали разные препятствия видеть музей, о коем многие с похвалою отзывались, и который должен бы быть наполнен многоразличными бразильскими редкостями по разным частям природы, ибо страна сия еще так мало натуралистами исследована, что и ныне во внутренних областях почти на каждом шагу встречают совершенно неизвестные произведения природы.

Русский консул академик Лангсдорф доставил в Европу большое собрание бразильских птиц, бабочек, насекомых и пр. Баварские натуралисты Спиз и Мартус после трехлетнего странствования по Бразилии возвратились в Европу, обогащенные множеством любопытства достойных редкостей по натуральной истории, из коих весьма многие вовсе неизвестны.

Прусского посольства секретарь и доктор Селли составили богатое собрание редкостей. Посланные от австрийского двора доктор Поль и Натерер и ботаники Шот и Шук отправили английский купеческий бриг для отвоза всего, что набрали во внутренности Бразилии. Датское посольство возложило на прибывшего из Швеции естествоиспытателя Гольма составить подобное собрание; Гольм еще не возвратился из внутренних стран Бразилии, но уже имеет прекрасное собрание редкостей. Галлер, при отличных сведениях и особенной склонности заниматься естественной историей, возвратился в Рио-Гранде после шестилетних трудов, его вскоре ожидают в Рио-Жанейро.

Летний жар, который в Рио-Жанейро нередко доходит до 28° и выше, умеряется периодическими дождями. В зимние месяцы термометр не опускается ниже 14°; обыкновенно постоянные ветры дуют днем с моря, ночью стоит штиль, а к утру ветер из залива тихий. Ветр WSW нагоняет облака дождевые, сопровождаемые громом.

Достаточные люди живут в своих владениях за городом, а те, которые обязаны по делам быть ежедневно в городе, к вечеру возвращаются в свои загородные дома. Почти все иностранцы живут за городом, и местечко Бота-Фого, близ выхода к морю, наполнено их домами.

Обыкновенный экипаж в Рио-Жанейро состоит из португальских одноколок на двух больших колесах. Вельможи и вообще все ездят в сих одноколках; за наем такового скудного экипажа на половину дня платят 3 200 рейсов, т. е. 23 рубля 20 копеек, за весь день -- вдвое. Живущие постоянно и хозяйственно в городе, но не в собственных домах, за наем квартиры из семи, восьми небольших комнат платят в год от 600 до 700 тысяч рейсов, т. е. от 5 775 до 6 825 рублей. Повара и кучера также весьма дороги, и им должно давать в помощь по одному негру, которых нанимают недешевою ценою. Жизненные припасы весьма дороги. Нет никакого сомнения, что в Европе можно половиною издержек прожить лучше, нежели в Бразилии.

По переезде короля из Португалии в Бразилию, почти вся бразильская торговля была в руках англичан. Они одни имели право привозить изделия фабрик своих, за которые платили только по 15%, тогда как купцы прочих держав за привозимые товары должны были платить по 24%; но впоследствии соперничество в изделиях французских мануфактур присвоило к себе все касающееся до мод и в продолжение последних шести лет португалки и бразилианки, оставив господствовавший у них английский вкус, предпочли французский; равным образом распространились желанья иметь и другие французские изделия: фарфор, галантерейные вещи и даже мебель привозят готовую из Франции.

Английских судов приходит в Бразилию более других. В прошлом 1820 г. было оных в Рио-Жанейро около трехсот. Кажется, англичане стараются уменьшать доверенность к португальскому купечеству в Бразилии; привозят обыкновенно все произведения английских мануфактур и фабрик, как-то: бумажные и шерстяные материи, стекла, фаянс, всякое оружие, кремни, порох; из съестных припасов: солонину, рыбу соленую, масло, сыр, ветчину, пиво, картофель, лук, чеснок и пр. Торговля Соединенных Штатов равна одной трети английской торговли; американцы доставляют мебели, ром, муку в большом количестве, и всякого рода соленые мяса. Число приходящих французских купеческих судов составляет шестую часть числа английских судов; привозят вина, шелковые материи, мелочные железные вещи, сукна, мебели и моды. Голландских судов можно считать одну осьмую часть против английских; они привозят полотна, соленое мясо, рыбы, сыр, масло, картофель, джин и другие крепкие напитки; нередко на пути в Батавию доставляют сюда товары.

Число шведских судов не превосходит одну двадцатую долю числа английских; грузы их состоят из железа, смолы, парусных полотен и сосновых досок. Испанских судов приходит столько же, как шведских; они привозят испанские вина, сушеные фрукты, хину и другие произведения из Перу. В 1820 г. заходили в Рио-Жанейро четыре датские судна, два российские, два гамбургские и одно итальянское. Они доставили полотна, солону, веревки, парусину, стекла и зеркала. Португальское купечество посылает в Бразилию вина (порто, мадеру), деревянное масло, лук, толстые лиссабонские сукна, которые преимущественно покупают во внутренности Бразилии; также все простые шерстяные ткани, бумажные и шерстяные чулки, несколько шелковых тканей и чулок; для одежды негров цветные сукна, которые и прежде получали всегда из Португалии. Англичане на короткое время лишили португальцев сей выгоды, доставляя упомянутые сукна по меньшим ценам, но бразильцы, увидя, что доброта португальских сукон превосходит, привозимые из Англии, дали преимущество первым, и цена последних вдруг столько понизилась, что нанесла немаловажные

англичанам убытки. Бобровые шляпы и шелковые зонтики, несмотря на высокую цену противу английских, привозят вообще из Португалии по оставшемуся еще похвальному пристрастию к отечественным изделиям.

Вывозимые из Бразилии товары следующие: сахарный песок (составляющий богатую часть бразильской торговли); он бывает двух сортов: один называют кампас, другой сантос; первый разделяют на четыре, а второй -- на два рода. Сахарный песок, превосходной доброты при вываривании, вывозят единственно в северную часть Европы. Сантос, не так прочный, отправляют по большей части в Средиземное море, и особенно в южную Францию. Темный сахар и мелис привозят из Бахии.

Лучший кофе из Рио-Жанейро двух сортов; третий сорт и сорт, известный под названием "триато", расходятся на месте в Бразилии. Бразильский кофе теряет скоро свой цвет, а потому покупщики крайне осторожны при выборе одного; все предпочитают темнозеленое зерно, ибо оно лучше добротой; зерна, имеющие светлый цвет, считают вторым сортом. Ныне вообще требуют более бразильского кофе, и в 1820 г. цена возвысилась.

Табак доставляют в свитках из Манпедилиса и Пиедаде. Хлопчатую бумагу привозят из Миссас-Ковас, Рио, Пернамбуко Марангама и Бахии; привозимую из Пернамбуко предпочитают прочим и платят двадцатью процентами дороже против привозимой из других мест. Сарачинского пшена повсюду множество. Ипекакуану и хину доставляют из внутренних областей. Тапиока и саго и разные сорта водок, которые вывозятся в Португалию, делают в области Рио-Жанейро. Волосьи кожи доставляют из Рио-Гранде, Монтевидео, Мальдонадо и Буенос-Айреса, причем называемые "бо" или "бу" -- самые дорогие; сало привозят из Рио-Гранде и Буенос-Айреса. Коньи кожи и волос -- из Буенос-Айреса; рога -- из Рио-Гранде и Монтевидео, Татагивы, Коравеллы и Вилли-Викозы.

21 апреля. По совершенной готовности шлюпов, мы сняли палатки и обсерваторию, устроенную на Крысьем острове. Географическое положение сего острова наблюдениями определено:

В широте:

Мною -- 22° 54' 01"

Астрономом Симоновым -- 22° 54' 5"

В долготе:

Мною -- по измеренным 390 расстояниям луны от солнца 43° 13' 34"

Капитан-лейтенантом -- Завадовским по 380 расстояниям луны от солнца -- 43° 15' 21"

Лейтенантом Лазаревым по 325 " " -- 43° 7' 7"

Лейтенантом Торсоном по 315 " " -- 43° 14' 13"

Лейтенантом Лесковым по 315 " " -- 42° 54' 38"

Астрономом Симоновым по $315^{\circ} 43' 26''$

Штурманом Парядиным по $280^{\circ} 43' 29''$

Склонение компаса найдено $4^{\circ} 3'$ восточное.

Час полной воды чрез 2 часа 41 минуту, возвышение оной у Крысьего острова 3 фута 6 дюймов.

По причине отъезда короля в Лиссабон надлежало всем иностранным посланникам следовать за ним. Я предложил нашему посланнику отправиться с нами в Лиссабон и тем сохранить необходимые издержки на наем иностранных судов для переезда посольства в Европу. Посланник весьма обрадовался моему предложению и сего же дня, с принадлежащими к нему, перебрался ко мне на шлюп, а поверенный в делах коллежский советник Бородовицын и датский поверенный в делах Дель-Примо-Даль-Борго перебрались на шлюп "Мирный".

Глава седьмая

Отбытие из Рио-Жанейро. -- Плавание в Лиссабон и из Лиссабона в Россию, -- Прибытие на Кронштадтский рейд.

22 и 23 апреля. Оба шлюпа перешли от Крысьего острова к выходу в море и близ восточного берега стали на якорь.

Следующего утра в 6 часов приехал лощман и тогда же при благополучном ветре и течении шлюп "Восток" вступил под паруса. Спустя малое время снялся шлюп "Мирный" и последовал за нами. В то же самое время вступили под паруса французский корабль "Колосс" и фрегат "Галатея", которые намеревались итти к острову Мартиники, и два португальских фрегата, шедшие в Монтевидео за войсками. В 9 часов утра, когда мы уже вышли в море, встретил нас свежий от SW ветр, и мы легли на SO, а в 2 часа пополудни на OSO. Ввечеру набежал от юга шквал, сопровождаемый крупным дождем, но продолжался не более часа; когда стемнело, мы убавили парусов, дабы шлюп "Мирный" мог держаться за нами.

24 апреля. По мере нашего отдаления к востоку, ветр переходил от SW, чрез S, к SO. В 8 часов утра корабль "Колосс" и фрегат "Галатея" спустилась на NO в параллель берега и к полудню скрылись из вида; мы продолжали курс на ONO, в намерении, удаляясь от американского берега, достигнуть постоянного свежего ветра, дабы скорее итти на север. В полдень находились в широте $23^{\circ} 34' 23''$ южной, долготе $41^{\circ} 11' 34''$ западной; мы продолжали путь тем же курсом при свежем ветре от юга до восьми часов утра 27 апреля; тогда легли на NO.

27 апреля. В полдень находились в широте $20^{\circ} 12' 01''$ южной, долготе $33^{\circ} 50' 55''$ западной; я нес мало парусов, чтобы шлюп "Мирный" от нас не отстал.

Мы шли по шести миль в час, зыбь от SO производила небольшую плавную качку. Пассажиры на шлюпе "Востоке" все бодрствовали. На вопрос наш посредством телеграфа со шлюпа "Мирного" ответствовали, что один только поверенный в делах Бородовицын страдает от морской болезни.

28 апреля. В полдень, когда мы были в широте $18^{\circ} 07' 07''$ и долготе $32^{\circ} 8' 7''$, ветр начал стихать и заходил к O, потом сделался крепкий с дождем, и принудил нас итти полным бейдевиндом к северу, склоняясь несколько к востоку, дабы иметь всегда хороший ход.

1 мая. Продолжая путь при свежем юго-восточном ветре, мы находились в полдень 1-го в широте $12^{\circ} 13' 12''$ южной, долготе $30^{\circ} 14' 15''$ западной,

7-го мая. С тем же ветром перешли экватор. 7-го мая в 6 часов пополудни, в долготе $26^{\circ} 35' 6''$ западной, и у нас было обыкновенное при сем случае наблюдаемое празднество. Барон Тейль из своей провизии подарил на служителей два барана и по бутылке вина на человека, и сей день совершенно отличен от единообразных прочих дней.

На пути из Рио-Жанейро до экватора мы видели из птиц одних только погодовестников, и то немного; в вечеру 7 мая, когда затемнело, показалось опять в море много светящихся морских слизких животных.

8 мая. В широте северной $1^{\circ} 13'$, мая 8-го, ветер переменился и задул от SSW. Море было довольно спокойно. При сем удобном случае барон Тейль посредством телеграфа пригласил с шлюпа "Мирного" обедать датского поверенного в делах Дель-Примо-Даль-Борго и лейтенанта Лазарева с двумя офицерами; в беседе с дорогими гостями время протекло весьма приятно до самого вечера; тогда посетившие нас возвратились на "Мирный".

10 мая. Ветер продолжался от SSW до полудня 10-го числа, тогда задул тихий от WNW. Широта места нашего была $3^{\circ} 51'$ северная; погода мрачная, накрапывал дождь; после чего часто штилело, потом сделался переменный ветер и шли по временам проливные дожди, так называемые экваторные; мы воспользовались дождевою водою, наполнив оную несколько бочек, для употребления в пищу свиньям и баранам, а служители сею водою мыли свое белье, койки и сами нередко во время дождя мылись дождевою водою.

12 мая. Переменные ветры, штили и дожди кончились 12-го числа в 6 часов утра, и задул NO северный пассадный ветер. Мы тогда находились в широте $5^{\circ} 30'$ северной. Средина промежутка между северным и южным пассадными ветрами, или линия равновесия температуры воздуха обоих полушарий, была в широте северной $4^{\circ} 40'$. Самый большой жар в тени ныне на обратном пути при проходе экваторной полосы не превосходил $24,5^{\circ}$, что случилось во время безветрия 11 мая в 4 часа пополудни. Шлюпы были тогда в широте 5° северной.

Со времени наступившего пассадного северо-восточного ветра мы шли полным бейдевиндом к северу, склоняясь несколько к западу, более и менее сообразно ветру, который обыкновенно по несколько румбов заходил или отходил.

19 мая. В полдень 19-го были в широте $12^{\circ} 8' 20''$ северной, долготе $31^{\circ} 13' 38''$ западной; склонение компаса найдено 12° западное.

23 мая. По мере приближения нашего в большие широты ветер начал отходить, так что 23-го в полдень в широте $18^{\circ} 12'$ северной ветер уже дул NOtoO.

25 и 26 мая. 25-го в полдень мы находились в широте $21^{\circ} 28' 58''$ северной, долготе $36^{\circ} 19' 51''$ западной; 26 мая -- в широте $23^{\circ} 10' 14''$, долготе $36^{\circ} 24' 34''$. Сии два дня солнце проходило близ зенита, но жар в тени не превышал $20,5^{\circ}$; причиною сему -- прохлаждающие пассадные ветры и множество облаков, которые не допускают солнечные лучи сильно нагревать земную атмосферу.

27 мая. Вступив в северную широту $24^{\circ} 38'$ и западную долготу $36^{\circ} 50'$, мы уже были в той полосе Атлантического океана, поверхность коей на тысячу миль покрыта морским растением, которое на спутников Колумба в 1492 г. навело великий страх, и пространство сие названо Травяным морем {Саргассово море. -- Ред.}. Растение состоит из больших и малых отдельных кустов. Самые большие, нами из воды вынутые, были полтора фута в диаметре; сучья в середине соединены без малейшего знака корня;

от стеблей идут ветви с продолговатыми листьями и множеством небольших круглых ягод, коих внутренность пуста; все растение и ягоды цвета зеленоватого.

Путешественники и натуралисты разных мнений о сих растениях; некоторые полагают, согласно с географом Гумбольдтом, что трава сия растет на подводных камнях и мелях и, оторванная рыбами и моллюсками, всплывает на поверхность моря; другие заключают, что она приносима течением из Мексиканского залива. Я полагаю, что ни первое, ни последнее мнение неосновательны: мнение Гумбольдта -- потому, что трава находится на таком месте, где глубина моря простирается более нежели на триста сажен; на таковой глубине, как известно, всякая растительность исчезает; и невероятно, чтоб моллюски и рыбы отделяли беспрерывно, в течение нескольких столетий и на одном и том же месте такое множество травы, которое занимает пространство на тысячу миль. Судя по свежести кустов, я не могу согласиться с мнением, что трава приносима течением из Мексиканского залива, ибо путь сей составляет три тысячи миль, самые же близкие берега -- острова Зеленого мыса и Азорские -- в расстоянии восемьсот сорок и тысячу пятьдесят миль. Хотя около сих островов мы встречали таковую траву, но в весьма малом количестве, и вероятно она по временам бывает заносима из так называемого Травяного моря.

Не находя у самых свежих кустов ни малейшего признака отломка корневого стебля, я заключаю, что трава сия, вероятно, может произрастать на поверхности моря, не имея сообщения со дном морским, и что воды океана в сем месте имеют свойства питать траву, которая составляет звено в общей цепи перехода из постоянно растущей в плавающую растущую траву.

Я уже упомянул, что она состоит из отдельных кустов, но местами волнением моря, ветрами и течением, соединены в немалые плотины. Круглые раки держатся в кустах и нередко переплывают морем из одного куста или плота в другой.

30 мая. Проходя Травяное море при тихих переменных восточных ветрах, мы 30-го числа мая в полдень были в широте $27^{\circ} 43' 56''$ северной, долготе $37^{\circ} 30' 50''$ западной.

1 июня. В полдень 1 июня, находясь в широте $28^{\circ} 51'$, долготе $37^{\circ} 35' 8''$, бросили лот, но на двухсот семидесяти саженях глубины дна не достали; обыкновенная тарелка, опущенная в море, скрывалась от зрения на глубине двадцати четырех сажен. Тихий ветер от О перешел к SO и SW, дул попеременно из сих румбов, также тихий; за кормою шлюпа летал один погодовестник.

3 июня. С 3 июня ветер от SW установился, и мы легли на NO.

В продолжение плавания от Рио-Жанейро почти ежедневно видели летучих рыб, последняя показалась в широте $30^{\circ} 40'$; тогда же и ветер задул от NW, и мы продолжали курс на NO.

5 июня. С 27 мая до полудня 5 июня шли Травяным морем, так называемом португальцами и испанцами *mar de Zargass*; трава беспрерывно встречалась нам отдельными кустами и небольшими плотинами или полями. Во время сего плавания мы не могли достать дна на глубине от двухсот до двухсот семидесяти сажен. Июня 5-го в полдень находились в широте $32^{\circ} 18' 20''$, долготе $33^{\circ} 54' 31''$.

7 июня. 7-го встретилось с нами первое судно, оно было из Соединенных Американских Штатов, идущее к SW; после сего часто таковые суда встречались. Вечеру ветер зашел чрез N к NO, согнал нас с настоящего курса и мы должны были итти в SO четверти, ожидая хорошего ветра.

8 июня. С утра 8-го числа ветер задул от O, совершенно противный, мы поворотили к северу. В полдень находились в широте $35^{\circ} 9' 34''$, долготе $28^{\circ} 14' 7''$.

9 июня. С полудня 9-го числа ветер опять отходил чрез N к NW, с сего времени мы держали на NO $1/2$ O, имея ходу четыре и пять миль.

10 июня. 10-го в полдень с салинга усмотрели берег острова Св. Марии {В группе Азорских островов. -- Ред.}. В 4 часа открылись строения. Остров сей к югу имеет высокий берег, самое большое возвышение, которое к северу постепенно снижается, находится от южного мыса на одной трети длины острова. Южный берег горист. Юго-восточный мыс Св. Марии, по нашим хронометрам, в долготе $25^{\circ} 5'$ западной.

От острова Св. Марии, при западных ветрах, мы направили путь прямо в Лиссабон, и по мере приближения к европейским берегам, более и более встречали судов, идущих по разным направлениям.

14 июня. Вечеру 14 июня встретили португальский купеческий бриг "Марию"; от капитана узнали, что при отбытии его из Лиссабона, 8 дней тому назад, король еще не прибыл, и что судно сие эскадры королевской под штандартом не встречало.

Ночью море было усеяно светящими морскими животными; они прозрачны, цилиндрообразны, длиною в два с половиной и в два дюйма, плавают, соединенные одно с другим в параллельном положении, составляя таким образом род ленты, длина коей нередко в аршин.

16 июня. Приближаясь к берегу, мы приуготовили якоря; ввечеру по хронометрам находились от западного берега Европы в ста девяти милях.

17 июня. Следующего утра, когда рассвело, впереди нас открылись горы мыса Рок. Мы все с большим вниманием рассматривали первый представившийся взорам нашим европейский берег, который увидели после толь долговременного отсутствия.

В начале второго часа пополудни выехал на лодке к нам навстречу лодман, и мы приняли на шлюпе "Восток". Крайне удивились, когда от него услышали, что королевская эскадра еще не пришла и о прибытии короля еще нет никакого известия; мы заключили, что, вероятно, эскадра остановилась на время при Азорских островах.

Шлюпы входили большим фарватером, при ветре WtS. В 4 часа прошли между крепостями С.-Жульен и Бужию. В половине шестого часа сильное течение из реки Тага подвигало нас назад, невзирая, что паруса были наполнены; по сей причине положили якорь, но вскоре задул свежий ветер, и мы, приподняв якорь, пошли вперед. По приближении к башне Белем, выстроенной на небольшой крепости, нам кричали в рупор на португальском языке разные вопросы, и лодман отвечивал, что российский военный фрегат идет из Рио-Жанейро; потом нам кричали, чтобы положили якорь, и

мы, прошед башню Белем, бросили якорь на глубине одиннадцать с половиной сажень, имея грунт серый песок.

Я послал офицера в крепость Белем уведомить, откуда мы идем и что не имеем больных и заразных. Между тем, из любопытства, приехали к нам разные чиновники с берега, в том числе начальник Белемской крепости и наш генеральный консул статский советник Борелли, которые лично нашли всех, состоящих на шлюпах, в желаемом здоровье. Доставленное нами известие, что король уже в пути и отправился десятью днями прежде нас из Рио-Жанейро, -- было для прибывших к нам известие совершенно новое. Сего же вечера сии чиновники, взяв от нас записку о состоянии и здоровье всех служащих на шлюпах, объявили, что мы можем ездить на берег, когда и куда угодно. Вместе с консулом-Борелли отправился в Лиссабон посланик барон Тейль.

18 июня. Следующего утра в 8 часов, по поднятии кормового флага, шлюп "Восток" салютовал Белемской крепости, и нам ответствовано выстрел за выстрел; вскоре после сего мы снялись с якоря, подошли ближе к городу, и опять положили якорь, на глубине двадцать с половиной сажень, имея грунт ил с мелким песком.

Сего же дня приехал на шлюп "Восток" офицер с английского 44-пушечного фрегата "Ливии", от капитана Дункена, поздравить нас с благополучным окончанием путешествия и предложить свои пособия в чем нужно. Потом был у нас морской министр Франциск Максимилиан Да-Зайза и помощник капитана над портом; они также объявили свою готовность на всякое нам пособие из лиссабонского адмиралтейства; но мы ни в чем не имели надобности, и я благодарил их за изъявленное благоприяженное расположение.

По прибытии в Лиссабон мы тотчас принялись за вытягивание вант и всего стоячего такелажа, поспешали налить бочки свежую водою, в чем нам способствовал начальник Адмиралтейства; мы крайне желали скорее быть в совершенной готовности продолжать путь в Россию,

Доставленное нами известие о скором прибытии короля произвело великую деятельность в кортесах {Парламент. -- Ред.}; немедленно взяли меры, чтобы королевская эскадра не могла иметь никакого сообщения с берегом. Объявлено, чтобы когда король вступит на берег, все кричали: "да здравствуют кортесы, да здравствует конституционный король!" Ежели же кто осмелится кричать что-либо противное, тот будет почитаем возмутителем общего спокойствия и тишины и взят под стражу.

21 июня. Рано поутру показалась пред входом в Лиссабон эскадра португальская. Королевский штандарт, поднятый на грот-брам-стеннге корабля "Иоанна VI", известил о присутствии короля на эскадре; множество лодок, наполненных людьми разного состояния, отправились из Лиссабона навстречу, в том числе на парадной барже некоторые из членов кортесов.

В 11 часов корабль, на коем находился король, приблизился к крепости С.-Жульен; тогда с португальских военных судов салютовали из всех орудий. Несколько спустя, когда корабль остановился на якоре против Белемского монастыря, все португальские военные суда ановь салютовали. На шлюпах служители поставлены были по реям и салютовали королевско-португальскому штандарту. После сего португальские военные

суда, еще в 4 и 7 часов вечера салютовали также из всех орудий. Многие члены кортесов, прибывшие поздравить короля, остались на ночь на его корабле, дабы не допустить к нему никого из городских жителей.

22 июня. По восхождении солнца опять началась салютация и продолжалась во весь день, как накануне. Около полудня король съехал на берег на придворной барже; его провожали до пятисот разных гребных судов, в числе коих на некоторых придворных судах были члены кортесов. Когда король проезжал мимо шлюпов, мы стреляли из всех орудий, служители стояли по рядам. Королевская баржа пристала у городской пристани; площадь и крыши всех ближних домов были наполнены зрителями. При появлении короля на берегу и при проезде его в церковь, в собрание кортесов и во дворец, весь народ приветствовал его, как было приказано кортесами, а жители махали белыми платками из окошек в домах.

Король присягал в церкви новому постановлению, а потом в доме кортесов подписал приуготовленную кортесами конституцию, и тогда уже отправился во дворец. Королева с принцами и принцессами съехала на берег не прежде следующего утра, и принята с должною почестью. Многие чиновники, прибывшие с королем из Бразилии, оставлены на корабле под строгим присмотром. Все сие происходило по принятым мерам и распоряжению кортесов. В продолжение переездов короля и его семейства в Лиссабон, мы не съезжали на берег.

24 июня. С утра капитан-лейтенант Завадовский, лейтенант Лазарев и еще некоторые из офицеров отправились смотреть лиссабонский водопровод, о котором Завадовский сказывал мне следующим образом: "Прибывши к водопроводу, мы увидели прекрасное здание из дикого камня, весьма тщательно устроенное на протяжении четырех верст; оно состоит из четырехугольных колонн, соединенных арками, на коих проведен канал, совершенно закрытый со всех сторон, кроме тех мест, где для пропущения воздуха чрез каждые десять сажен сделана решетка, а на расстоянии каждой ста саженей возвышаются небольшие башенки, в которые входят для осмотра канала, где вода протекает. Сии башенки всегда заперты; по обеим сторонам канала сделаны дороги в сажень шириною; на наружных сторонах, для безопасности проходящих, сделана каменная стена в три фута высотой, толщиной в два фута. В тех местах, где долина имеет самое большое углубление, и проведен водопровод, вышиною более двухсот футов. Сие полезное здание без всякого сомнения служит лучшим памятником тому, кто оное соорудил".

26 июня. Между посетившими нас в воскресенье 26 июня был португальской службы полковник Франшиг; португальцы почитают его в числе ученых; он мне подарил своего сочинения карту и описание португальских берегов. Шлюпы уже были готовы к отправлению, и потому сего же утра приезжали проститься с нами посланник наш барон Тейль, генеральный консул Борелли и советник посольства Бородовицын. Барон Тейль благодарил всех офицеров за их благоприязнь, пожелал видеть служителей, их также благодарил, и просил меня отдать от него каждому унтер-офицеру по десяти, а рядовому по пяти талеров. Сверх сего на оба шлюпа прислал множество разной зелени, фруктов, пятнадцать сыров и виноградного вина, коего было достаточно на три дня. При отъезде посланника ему отдана была почесть согласно морскому уставу.

По весьма краткому нашему пребыванию в Лиссабоне, я ничего не упоминаю о сем уже известном городе.

28 июня. В 8 часов утра мы снялись с якоря, в намерении итти прямо в Россию. Проходя мимо стоящего под вице-адмиральским флагом португальского корабля (на котором под надзором находились многие чиновники, коих члены кортеса по личным видам считали опасными), мы салютовали из девяти пушек, на что с корабля ответствовано выстрел за выстрел. Когда прошли Белемскую башню, ветер вначале заштилел, а потом дул тихий противный, но мы, пользуясь попутным течением, вылавировали, а местами дрейфовали успешно. В час пополудни вышли из мелей при устье реки Таго. На сем пути вслед за нами великобританской королевской службы капитан Дункен прислал некоторые бумаги и просил доставить оные в Англию; поручение сие я желал исполнить, тем более, что в продолжение нашего пребывания в Лиссабоне с сим достойным человеком познакомился и был весьма доволен его искреннею приязнью, я не хотел останавливаться в Англии, но полагал бумаги доставить по пути на первую военную брантвахту, охраняющую английские берега.

6 июля. От самого выхода из реки Таго до 6 июля мы имели северные и северо-западные противные ветры, которые отдаляли нас от берегов к западу. 6 июля ветер задул от северо-запада и мы пошли к Английскому каналу. В полдень находились в широте $42^{\circ} 4'$ северной, долготе $15^{\circ} 36'$ западной; склонение компаса было $21^{\circ} 31'$ западное.

7 июля. Вечеру догнал нас английский фрегат "Ливия" под начальством капитана Дункена, хотя тремя днями позже нас вышел, но имел благополучные ветры и был в ходу лучше наших шлюпов. Я отослал к нему депеши, которые взял для доставления статс-секретарю в Англию; мы оба ложились в дрейф; после некоторых взаимных приветствий простились, наполнили паруса, и темнота следующей ночи нас разлучила.

9 июля. Находясь в широте северной $47^{\circ} 30'$, видели погодовестников, летающих около шлюпов; мы их встречали повсюду, и в самых больших широтах южного полушария, и в полосе между поворотными кругами; теперь встретили и в северном полушарии близ Английского канала.

10 июля. В 9 часов вечера 10 июля с фор-марса-рея усмотрели огонь Лизардского маяка, и при западном ветре взяли курс в параллель южных берегов Англии.

11 июля. Когда рассвело, увидели восемь судов в разном направлении. В 7 часов утра встретил нас лавирующий лощманский бот; сии боты обыкновенно держатся при входе в канал, чтоб быть в готовности вести суда каналом, за что должно платить до Довера по двадцати фунтов стерлингов за каждое судно; я не счел за нужное брать лощмана при благополучном ветре. Другой такой же бот подошел к шлюпу "Мирному", который также не взял лощмана.

12 июля. В 10 часов утра, находясь у Довера, мы взяли лощманов, чтобы нас провели узкостями. В 10 часов вечера, прошед оные, увидели Галоперский маяк, легли в дрейф и отпустили лощманов, заплатив каждому пятнадцать фунтов стерлингов. Канал между Англией и Францией беспрерывно покрыт разной величины судами, в разных

направлениях идущими, и зрение мореплавателя всегда приятно занято. При благополучном ветре, с порывами и дождем, мы продолжали путь к Скагерраку.

15 и 17 июля. В 5 часов пополудни прошли маяк Скаген. Назавтра 17 июля у Кол маяка, взяв лоцмана, в 2 часа пополудни прошли мимо Эльсинора. Салют производится выстрел за выстрел. На Эльсинорском рейде, в числе прочих судов, стоял на якоре транспорт "Урал", шел к городу Архангельску. В 6 часов сего же вечера положили якорь на Копенгагенском рейде, по северную сторону Мидельгрунта, на глубине десяти сажень.

18 июля. Мы остановились на якоре единственно для того, чтоб переждать темноту. Немедля послали гребные суда в Копенгаген купить свежей говядины и зелени для служителей, и следующего утра опять вступили под паруса. Балтийское море прошли при благополучном ветре, и с нами ничего примечания достойного не случилось.

24 июля. В 6 часов утра 24 июля достигли Кронштадта, салютовали крепости и стали на якорь на самом том месте, с которого отправились в путь.

Отсутствие наше продолжалось 751 день; из сего числа дней мы в разных местах стояли на якоре 224, под парусами находились 527 дней; в сложности прошли всего 86 475 верст (49 860 мили. -- Ред.); пространство сие в 2 1/4 раза более больших кругов на земном шаре.

В продолжение, плавания нашего обретено двадцать девять островов, в том числе в южном холодном поясе два, в южном умеренном -- восемь, а девятнадцать -- в жарком поясе; обретена одна коральная мель с лагуном.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

1. Голенищев-Кутузов, Логин Иванович, (1769--1846) поступил в галерный флот из сухопутных офицеров; впоследствии генерал-лейтенант флота; с 1822 г. председатель ученого комитета морского министерства. М. П. Лазарев в своих письмах к Шестакову высказывает неудовольствие по поводу того, что Голенищев-Кутузов искажил в настоящем труде его донесение и считает его ответственным за ряд упущений по содержанию всего труда в целом и по его редактированию,

2. Траверсе, Иван Иванович (1754--1831), адмирал; с 1811 по 1828 г. -- морской министр; французский эмигрант; принят в русский гребной флот из капитанов французской морской службы; с 1802 г. был главным командиром черноморских портов; в русском флоте играл весьма отрицательную роль и привел в полный упадок сначала черноморский флот, а затем и весь флот в целом.

3. Васильев, Михаил Николаевич (умер в 1847 г.), капитан-лейтенант, впоследствии вице-адмирал, и генерал-интендант.

4. Шишмарёв, Глеб Семенович (1781--1835), капитан-лейтенант, впоследствии контр-адмирал и командир гвардейского экипажа; был дважды в кругосветном плавании: с 1815 по 1818 г. на бриге "Рюрик" и с 1819 по 1822 гг. на шлюпе "Благонамеренный".

5. Ратманов, Макар Иванович (1772--1833), капитан-командор, впоследствии вице-адмирал; в 1803--1806 гг. плавал вокруг света на шлюпе "Надежда", в качестве ближайшего помощника И. Ф. Крузенштерна.

6. Вероятно, 1 пара сапог теплых и 2 пары холодных.

7. Остров С.-Яго или Сант-Яго -- в группе Канарских островов.

8. Прикладной (прикладный) час -- средний промежуток времени между наступлением полной воды прилива и моментом прохождения луны через меридиан данного места.

9. Сарычев, Гавриил Андреевич (1763--1831), вице-адмирал, знаменитый русский. мореплаватель и гидрограф, впоследствии адмирал, управляющий морским министерством (1829--1830).

10. Роды -- старинный термин, повидимому, обозначающий отдельные фазы затмения.

11. Средние ворота -- вход с Малого Кронштадтского рейда в Среднюю Кронштадтскую гавань.

12. Лобанов-Ростовский, Александр Яковлевич (1788--1866), основатель и первый командор Российского Яхт-клуба.

13. Путешествие Будена, или вернее Бодена,-- описание кругосветного плавания французской экспедиции на кораблях "Naturaliste" и "Géographie", основные

гидрографические работы которых были проведены у берегов Австралии и Тасмании (Nicolas Baudin "Voyage aux terres Australes", 1800).

14. Кокшхарский маяк -- на острове Кокшер (по-эстонски Кери) к северу от Таллина.
15. Крон -- правильное Кроун, Роман Васильевич (1754--1841), боевой адмирал русского флота, будучи командиром кораблей взял в боях с шведским флотом последовательно фрегат "Венус" и линейный корабль "Ретвизан",
16. Естр-Гарнгольм, правильное -- Эстергарнехолм,-- небольшой островок с маяком, отделенный от острова Готланда узким проливом.
17. Христианс-Орт -- крепость на острове Христиансэ, близ Борнхольма.
18. Драко -- лоцманское селение Драгер.
19. Николаи, Павел Андреевич (1777--1866), русский дипломат, пробывший в должности посланника в Копенгагене с 1816 по 1847 гг.
20. Маскелин, Невиль (1732--1811) в течение 46 лет был главным астрономом Гринвической обсерватории.
21. Понд, Джон (1767--1836), преемник Маскелина в должности.
22. 1 фунт равен 0,4 кг; 60 золотников составляют 255,9 г.
23. Браге, Тихо (1546--1601), знаменитый датский астроном с 1576 по 1597 г. стоял во главе обсерватории Уранибург на острове Вен.
24. Мыс Шкаген (правильнее Скаген) -- северная оконечность Ютландского полуострова.
26. Хрящ -- крупный гравий.
26. Норд-Форланд (правильнее Норт-Форленд) -- северо-восточный мыс при входе в Английский канал.
27. Донженский маяк (правильнее Данженес), на южном берегу Англии, к востоку от Портсмута.
28. Головнин, Василий Михайлович (1776--1831), капитан 2 ранга, знаменитый русский мореплаватель, впоследствии вице-адмирал и генерал-интендант флота.
29. Шлюп "Камчатка" находился в кругосветном плавании с 1817 по 1819 гг.
30. Принц-регент -- впоследствии король Георг IV.
31. Аросмит, Арон (правильнее Эрросмит, 1750--1823), английский географ, основатель картографической фирмы, изготовлявшей морские карты.
32. Пендула -- маятник для определения силы тяжести.

33. Ливен, Христофор Андреевич (1774--1838), генерал-лейтенант, русский посол в Лондоне с 1812 по 1834 г., типичный представитель царской дипломатии того времени

34. Бенкс, Джозеф (1743--1820), английский географ, участвовал в первом кругосветном плавании Кука 1768--1771 гг.; вероятно, в то время Бенкс являлся единственным оставшимся в живых из спутников Кука.

35. Гагемейстер, Леонтий Андреевич (1780--1833), капитан-лейтенант, русский мореплаватель, совершил трижды в должности командира корабля кругосветные плавания; впоследствии капитан 1 ранга.

36. Способ определения долготы по измерению лунных расстояний был изобретен во второй половине XVIII в. и во время экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева являлся общеупотребительным; впоследствии от него отказались из-за его сложности и недостаточной точности.

37. Тоаз или туаз -- старинная французская мера длины, равен 1,949 м.

38. Борда, Жан-Шарль (1733--1799), французский математик, морской офицер и астроном флота.

39. Пина составляет около 540 литров.

40. Инclinаториум (инclinатор) -- прибор для измерения магнитногоклонения.

41. Городской майор -- городской голова.

42. Гванчи или гуанчи -- древнейшее население Канарских островов.

43. 30-дю -- 30 дюймов, т. е. 762 мм.

44. Мыс св. Роквея -- мыс Сан-Рок

45. Профессор Нори (J. F. Norie) -- автор таблиц и сочинений по навигации.

46. Пурди (Purdy) -- лондонский картограф.

47. Колвадо -- повидимому прежнее наименование острова Эскальвада.

48. Сахарная голова -- гора Пан-де-Ассукар.

49. Далагая, новое наименование -- Лаге.

50. Крысий остров, новое наименование -- Фискальный остров (Fiscal Island).

51. Харди, Томас, бывший флаг-капитан адмирала Нельсона в Трафальгарском бою.

52. Английские линейные корабли "Superb" и "Vengeur".

53. Лангсдорф, Григорий Иванович (1774--1852), русский ученый, академик; в качестве натуралиста участвовал в кругосветном плавании Крузенштерна и Лисянского на шлюпе "Нева"; с 1812 по 1825 г. русский генеральный консул в Бразилии. С 1821 г. руководитель большой русской научной экспедиции в Бразилии; собранные им богатые

зоологические и этнографические коллекции были переданы в музей Академии наук. Лангсдорф, хорошо знакомый с потребностями русских военных кораблей в дальних плаваниях, неизменно встречал русских мореплавателей, посещавших Рио-де-Жанейро, и обеспечивал выполнение их требований.

54. На острове Лас-Кобрас.

55. Жоан VI, который, в связи с оккупацией Португалии французами, в 1808 г вместе со своим двором и частью португальской армии бежал в Бразилию на португальских кораблях под эскортом английской эскадры.

56. Маньок или касава -- растение, имеющее мучнистые корни.

57. Остров Резерс -- теперь Раза; остров Круглый -- Редонда.

58. Остров Южная Георгия,

59. Залив Посесшон (Possession) -- на острове Южная Георгия.

60. Пролив Кука -- между южными и северными островами Новой Зеландии.

61. Порт-Жаксон -- бухта, в глубине которой находится город Сидней.

62. "Положили грот-марсель на стеньгу" (при таком положении парусов судно будет иметь задний ход).

63. Названия судов "Индиспенсэбль" и "Мери-Анн" (по спискам Ллойдс, 1820 г.); фамилии капитанов Броун и Шорт.

64. Наименования "гавань Марии" теперь не существует; возможно, что под этим именем подразумевается гавань Ундины или бухта королевы Мод.

65. Карты этого района, составленные русской антарктической экспедицией, оказались настолько точными, что до самого последнего времени являлись наилучшими.

66. Мыс Ошибки -- мыс Дизапойнтмент (Disappointment).

67. В действительности здесь четыре островка, теперь называемые островами Грин-айлендс (Green Islands).

68. Последующие экспедиции, видевшие остров Лескова, отмечают точность определения его места и описания русской экспедицией.

69. Остров Сретения -- остров Кендлмес (Candlemas).

70. Примечание 68 относится и к острову Завадовского.

71. Повидимому Беллинсгаузен принял низкую покрытую снегом часть большого острова за отдельный островок.

72. Последующие экспедиции подтверждают исключительную точность наблюдений русских моряков.

73. Две линии составляют 0,2 дюйма.
74. Последующие измерения глубины, произведенные другими мореплавателями, подтвердили правильность предположений Беллинсгаузена.
75. Повидимому киты из семейства *Porqual*.
76. Т. е. ломать на дрова водяные и винные бочки.
77. Возможно, что это были полярные ласточки.
78. "Отдали марсея на эзельгофт" для уменьшения скорости хода.
79. Остров принца Эгмонта -- опечатка, следует принца Эдварда; острова Пустые -- вероятно, из группы Крозе.
80. Корабль "Gros Ventre".
81. Урил -- вид баклана.
82. Фальшфейер -- тонкая бумажная гильза, наполненная пиротехническим составом, имеющим свойство гореть ярким пламенем белого цвета.
83. Компанейский остров -- Royal Company Island.
84. Дом, в котором жили Беллинсгаузен и Лазарев, существует до сих пор.
85. Синие горы расположены к западу от Сиднея.
86. Острова Общества или Товарищества.
87. См. примечание 38.
88. Выбойка -- грубый ситец.
89. Остров Лонг-Айленд.
90. Пронизки -- бусы, бисер, стеклярус.
91. Массакр-бей.
92. Фаннингом.
93. Мыс Теравити (Terawhiti).
94. В этом месте теперь находится Порт-Никольсон, который является гаванью города Веллингтона.
95. Остров Опаро или Рапа.
96. Местное наименование острова -- Аману.
97. Местное наименование острова -- Ангатау.

98. Местное наименование островов Волконского и Барклая-де-Толми -- Такуме и Рароя.

99. Местное название острова -- Таекга.

100. Местное название -- Макемо.

101. Местное название острова -- Тепото; наименование Раевского теперь присвоено всей группе из трех островов, из которых самый южный был открыт Беллинсгаузенем.

102. Местное название острова -- Танганеа.

103. Местное название острова -- Фаите.

104. Местное название острова -- Факарава

105. Местное название острова -- Тоау.

106. Местное название острова -- Каукара.

107. Правильнее -- Макатеа.

108. О короле Помари I (или Поморе) см. также у Коцебу "Путешествие вокруг света на военном шлюпе "Предприятие", изд. 1828 г., стр. 62--63 (издание 1948 г., стр. 267).

109. Повидимому, туземное почетное звание.

110. Местное название острова -- Макатеа.

111. Аррорут -- крахмальная мука, получаемая из подземных корневищ растения маранта.

112. Chain-Island.

113. Местное название острова -- Тикахау.

114. Fly-Islands.

115. Местное название острова -- Матахива.

116. Местное название острова -- Ргкаханга или Рукаханга.

117. Местное название острова -- Тузана-Ира.

118. Местное название острова -- Тувана-Итоло.

119. Местное название рифа Берегись -- Вауто-Оно.

120. Вероятно, этот кит принадлежал к виду *Megaptera nodosa*, голова, хвост и плавники которого покрыты характерными наростами, похожими на бородавки.

121. По позднейшим наблюдениям, желтый цвет происходит от наличия больших масс диатомовых водорослей.

122. По позднейшим наблюдениям, это заключение Беллинсгаузена не соответствует действительности: так высиживают птенцов только императорские и королевские пингвины.

123. Страбон -- греческий географ и историк, родом с побережья Черного моря (около 63 г. до нашей эры -- около 20 г. нашей эры).

124. Зонар (правильнее Зонарес) -- историк и геолог, живший в Константинополе в XII в. нашей эры.

125. Река Коппермайн.

126. Современное название -- остров Смит.

127. Современное название -- остров Сноу.

128. Современное название -- остров Десепшон.

129. Современное название -- остров Ливингстона.

130. Современное название -- остров Гринвич.

131. Современное название -- остров Робертса.

132. Современное название -- остров Нельсона.

133. Современное название -- остров короля Георга I.

134. Современное название -- остров Бриджмена.

135. Гринштейн -- старинное название группы основных пород.

136. Современные названия: острова Аспленд, Гиббс и О'Бриен.

137. Последующими экспедициями этот остров не обнаружен.

138. Современное название -- остров Элефант.

139. Современное название -- остров Корнуэльс.

140. Современное название -- остров Кларенс.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ГЛАВНЕЙШИХ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ {*}

{* Словарь составлен преимущественно по современной Беллинсгаузену морской практике -- труду А. Глотова "Изъяснение принадлежностей к вооружению корабля", изд. 1816 г. (судя по списку подписчиков на эту книгу, Беллинсгаузен подписался на нее из Севастополя); кроме того, использованы следующие справочники и словари: 1) В. В. Бахтин "Краткий морской словарь", изд. 1874 г., 2) Н. Боголюбов "История корабля", изд. 1879 г., 3) В. И. Даль "Толковый словарь живого великорусского языка", изд. 1863 г., 4) И. Сморгонский "Кораблестроительные и некоторые морские термины нерусского происхождения", изд. АН СССР, 1936 г. и 5) А. С. Шишков "Морской Словарь", изд. 1835 г. -- (Ред.).}

Анкерок -- небольшой боченок, вместительностью от одного до трех ведер, употребляемый на шлюпках для хранения запаса пресной воды, а также в качестве балласта при плавании под парусами в свежую погоду; на кораблях в анкерках сохраняется запас вина, уксуса и проч.

Апсель -- косой парус между грот- и бизань-мачтами.

Ахтертай -- (правильнее ахтертов) во времена Беллинсгаузена -- тросовый конец, за который у борта держатся гребные суда.

Ахтерштевень -- брус, составляющий заднюю оконечность корабля, к нему подвешивается руль.

Бак -- носовая (передняя) часть верхней палубы корабля, от носа до фок-мачты.

Бакштаги -- снасти стоячего такелажа (см. ниже), поддерживающие с боков мачты, стеньги, брам-стеньги, шлюп-балки и проч.

Бакштаг (итти в бакштаг) -- курс парусного корабля, составляющий с линией ветра угол более 90° и менее 180° (т. е. когда корабль идет попутным ветром, но последний дует не прямо в корму, а несколько справа или слева).

Баргоут (или бархоут) -- надводные пояса наружной обшивки корабля.

Барказы и полубарказы -- самые большие корабельные шлюпки, служащие для перевозки большого числа команды, тяжелых грузов, завозки верпов, буксировки парусных судов и проч. Число весел на барказах до 22.

Беген-рей (бегин-рей) -- нижний рей на бизань-мачте (третьей мачте), к которому парус не привязывается.

Бегучий такелаж -- все подвижные снасти, служащие для постановки и уборки парусов, для подъема и спуска частей рангоута, реев и проч.

Бейдевинд (бейдевинт) (итти бейдевинд) -- курс парусного судна, ближайший к направлению ветра и составляющий с последним угол менее 90° (т. е. когда корабль идет при наличии почти противного ветра, дующего несколько справа или слева от носа).

Бизань -- косою четырехугольный парус на бизань-мачте.

Бизань-мачта -- третья мачта (считается с носа); бизань-ванты -- снасти стоячего такелажа, которыми бизань-мачта укрепляется с боков; бизань-стаксель -- косою парус треугольной формы между грот- и бизань-мачтами.

Бимс -- поперечный деревянный брус, соединяющий правую и левую ветвь шпангоута; бимсы служат как для поддержания палуб, так и для создания поперечной прочности корабля.

Битенг -- толстый вертикальный брус (вроде тумбы) для крепления якорных канатов.

Блиндарей -- рей под бушпритом, на котором ставили парус "бленд".

Боканцы (бокансы) -- деревянные или железные тонкие брусья, выдающиеся за борт, для подвешивания шлюпок.

Бом-брам-рей -- четвертый снизу рей на мачте.

Бом-салинг -- третья снизу площадка на мачте (правильнее -- круглый железный бугель с железными рожками, надеваемый на брам-стенгу).

Брам-рей (брам-рея) -- третий снизу рей.

Брам-стенга -- рангоутное дерево, служащее продолжением стеньги и идущее вверх от нее.

Брамсель -- прямой парус, поднимаемый на брам-стенге, над марселем (третий парус снизу).

Брандвахта (или брантвахта) -- караульное судно, поставленное на рейде или в гавани.

Брасы -- снасти бегучего такелажа, посредством которых поворачивают реи в горизонтальном направлении.

Брештуки -- горизонтальные кницы, соединяющие у форштевня и ахтерштевня оба привальных бруса для лучшего скрепления продольных связей обоих бортов в оконечностях.

Бриг -- небольшое двухмачтовое парусное судно.

Броткамера -- помещение на корабле для хранения сухарей, муки или сухой провизии.

Брызгас -- рабочий, который исполняет все железные работы по судну, какого: забивает болты, сверлит для них дыры и проч.

Брюк -- толстый трос, имеющий назначение удерживать орудия при откате во время стрельбы.

Бушприт (бугшприт) -- горизонтальное или наклонное дерево, выдающееся с носа судна. Служит для отнесения центра парусности от центра тяжести судна и для увеличения вращательной силы кливеров, кроме того служит для укрепления фок-мачты. На нем ставятся кливера и фор-стенги-стаксель. Продолжением бушприта служат утлегарь и бом-утлегарь.

Вадервельсовые пазы -- см. ватервейсы.

Ванты -- толстые смоленые тросы, которыми держатся с боков мачты, стеньги и брам-стенги. Поперек вант располагаются выбленки из тонкого троса, служащие ступеньками для влезания на мачты и стеньги.

Ватервейсы (вадервельсовые пазы) -- толстые продольные деревянные брусья, накладываемые сверху на концы бимсов и идущие на верхней палубе вдоль по борту судна.

Ватер-бакштаги -- тросы или цепи, поддерживающие бушприт с боков.

Ватер-штаг -- трос (или цепь), поддерживающий бушприт снизу и не дающий ему гнуться вверх при поставленных кливерах.

Веретено якоря -- основной прямой брус якоря, кончающийся внизу утолщенной частью -- трендом; на верхнюю часть веретена насаживается шток, а от тренда в стороны расходятся два рога с лапами.

Верп -- небольшой якорь, употребляемый преимущественно для завозов с судна при помощи шлюпок (для снятия судна с мели, перетягивания с места на место, оттягивания кормы и проч.).

Виндзейль -- длинный парусиновый рукав со вставленными внутрь обручами; служит для вентиляции внутренних помещений судна; верхняя часть его поднимается между мачтами, причем верхнее отверстие его устанавливается против ветра.

Вооружить шлюп -- применительно к парусным судам это выражение означало совокупность всех работ по изготовлению судна к плаванию (установка рангоута и его укрепление, оснастка, укладка трюмов, установка орудий, приемка всего снабжения и проч.).

Гак -- железный или стальной крюк, употребляемый на судах.

Галс -- курс судна относительно ветра; если ветер дует в правый борт, то говорят, что судно идет правым галсом, если в левый борт -- то левым галсом; сделать галс -- пройти одним галсом, не поворачивая.

Гакаборт -- верхняя часть борта корабля в корме.

Гальюн -- носовой свес на парусных кораблях, на котором устанавливалось носовое украшение; на этом же свесе по обоим бортам судна устраивались отхожие места (штульцы) и места для сбрасывания нечистот.

Гафель -- рангоутное дерево, висящее на мачте под углом и направленное к корме корабля; к гафелям пришнуровываются триселя и бизань (см.).

Гитовы -- снасти, которыми убирают паруса; "взять на гитовы" -- собрать или подобрать паруса гитовами, не убирая их полностью.

Гичка -- легкая быстроходная парадная 5--8-весельная шлюпка, имеющая корму с транцем (т. е. не острую, а как бы обрубленную); служит для посылок и разъездов.

Греп (грев или грэф) -- нижняя часть водореза или первый от киля деревянный брус фортштевня.

Грот -- 1) прямой, самый нижний парус на второй мачте от носа (грот-мачте); 2) слово, прибавляемое к наименованию реев, парусов и такелажа грот-мачты.

Грот-марсель -- второй снизу прямой парус на грот-мачте.

Грот-трисель -- косой четырехугольный парус, ставящийся вдоль грот-мачты, причем верхняя часть его пришнуровывается к гафелю (рангоутному дереву, висящему под углом на мачте в сторону кормы корабля).

Гуйс -- флаг, поднимаемый на военных кораблях на носу (на бушприте) только когда они стоят на якоре.

Дек -- так на парусных военных кораблях называли палубу, причем этот термин более применялся к тем из палуб, на которых была установлена артиллерия (двухдечный линейный корабль, трехдечный); кроме того, деком называлось и пространство между двумя палубами, где размещали личный состав для жилья.

Диаметральная плоскость корабля -- продольная вертикальная плоскость, делящая судно по ширине на две симметричные равные части.

Дрейф -- явление сноса судна с линии его курса под влиянием ветра.

Лечь в дрейф -- остановить в море движение корабля, для чего располагают паруса таким образом, чтобы от действия ветра на одни из них судно шло вперед, а от действия на другие -- имело бы задний ход; во время лежания в дрейфе судно то имеет передний ход, то задний.

Дифферент -- угол продольного наклона судна, вызывающий разность в осадке носа и кормы; говорят "дифферент на нос" -- если углубление носа больше, чем углубление кормы.

Драёк (драйка) -- деревянный инструмент для такелажных работ.

Дрек -- небольшой якорь для шлюпок.

Езельгофт -- см. Эзельгофт.

Заигрывать -- шкаторина (кромка паруса) заигрывает, т. е. трепещет под влиянием ветра.

Зарифленные паруса -- паруса, у которых взяты рифы (см. ниже), т. е. уменьшена площадь парусности при свежем ветре или в шторм.

Интрюм -- то же самое, что трюм (см.), однако принято говорить "глубина интрюма".

Каронада (карронада) -- короткая чугунная пушка.

Килевание -- искусственное наклонение судна на бок настолько, чтобы киль его вышел из воды; производится для того, чтобы проконопатить, исправить, осмолить или покрасить его подводную часть.

Клетинг (клетень) -- тонкая веревка, которой обматывают трос для предохранения последнего при трении.

Клюзы -- круглые отверстия по обеим сторонам форштевня, через которые проходят якорные канаты к якорям.

Кница -- деревянная часть корабельного набора, имеющая форму угольника, стороны которого составляют между собой тупой угол; кницами соединяют бимсы со шпангоутами и другие брусья, скрепляющиеся между собой под углом.

Комингсы (комельсы, камельцы) -- толстые брусья по сторонам люков, препятствующие попаданию воды внутрь судна.

Констапельская -- кормовая каюта в нижней палубе, простирающаяся от кормы до грот-мачты; в ней обычно хранились артиллерийские припасы, состоящие в ведении констапеля, т. е. прапорщика морской артиллерии.

Крамбол -- толстый, короткий деревянный брус, служащий краном для подъема якоря. Выражение "на крамболе" указывает направление на предмет, находящийся примерно на продолжении линии крамбола.

Кранец, кранцы -- 1) приспособление, служащее для смягчения удара корабля о борт другого корабля или о стенку пристани (обычно это или короткий тросовой обрубок, деревянный брусок, или парусиновый круглый мешок, набитый пенькой и оплетенный каболкой); 2) кольца, сделанные из троса, служащие для укладки ядер у пушек (или деревянные толстые доски, с вырезанными для ядер отверстиями).

Кренговать -- то же, что килевать (см. килевание).

Крюсель (крюсель) -- прямой парус на бизань-мачте, ставящийся между крюсель-реем и бегин-реем.

Крюйс-стенъ-стаксель -- косой парус треугольной формы между грот-мачтой и бизань-мачтой (ставится выше бизань-стакселя).

Кубрик -- самая нижняя жилая палуба на корабле; ниже нее расположен трюм.

Курс корабля -- угол, составляемый диаметральной плоскостью корабля с меридианом (см. румбы).

Лавировать -- продвигаться на парусном судне к цели переменными курсами по ломаной линии, вследствие неблагоприятного направления ветра (ложась то на правый, то на левый галс бейдевинда).

Леер -- туго натянутый трос, у которого оба конца закреплены; применение лееров на корабле весьма разнообразно.

Лейка -- деревянный совок, служащий для откачивания воды из шлюпок.

Лисель-спирты -- тонкие деревянные брусья на реях, выдвигаемые в качестве их продолжения для увеличения парусности постановкою дополнительных парусов -- лиселей.

Люк -- вырез, отверстие в палубе судна; в то же время под термином люк понимают всю конструкцию, позволяющую закрывать это отверстие; грот-люк -- люк, расположенный впереди грот-мачты, фор-люк -- люк впереди фок-мачты.

Лот -- свинцовая или чугунная гиря у ручного лота, служащего для измерения глубины.

Марс -- первая снизу площадка на мачтах.

Марсель -- второй снизу прямой парус, ставящийся между марса-реем и нижним реем. "Иметь марсель на эзельгофте" -- поставить марсель так, чтобы ветер дул в его переднюю сторону и нажимал его на эзельгофт (применяется для придания кораблю заднего хода; смотри также "положить марсель на стенгу").

Мартингал (мартин-гик) -- небольшой деревянный брусок, подвешенный под бушпритом вертикально вниз (служит для разноса снастей в стороны).

Наветренная (надветренная) сторона -- сторона судна, непосредственно подверженная действию ветра; например, если судно идет правым галсом, то правая сторона (борт) и будет в этом случае наветренной.

Найтовы, найтовить -- перевязка тросом нескольких рангоутных деревьев или других предметов; снайтовить или наложить найтовы -- прочно связать или привязать.

Наполнить паруса -- после лежания в дрейфе спуститься настолько, чтобы паруса надулись от действия ветра.

Нактоуз (нахтоуз) -- шкапик из тикового или красного дерева, на котором устанавливается компас на корабле.

Нок -- оконечность всякого горизонтального (или почти горизонтального) рангоутного дерева, например, рея, бушприта, утлегаря, выстрела и проч.

Обрасопить реи -- повернуть реи с помощью брасов в горизонтальном направлении.

Обух -- болт, у которого вместо головки сделано кольцо.

Оверштаг -- поворот судна на другой галс, при условии, что линию ветра переходит нос судна; в это время ветер дует с носа (в отличие от поворота фордевинд, при котором линию ветра переходит корма).

Паз -- продольная щель соприкасающихся досок наружной обшивки корабля или палубной настилки. Паза конопатятся и заливаются смолой.

Пеленг -- угол между истинным меридианом и румбом, по которому виден какой-либо предмет.

Переборка -- всякая вертикальная перегородка на корабле (бывают продольные и поперечные)

Пиллерс -- деревянная или металлическая колонка, подпирающая бимс снизу.

Подветренная сторона -- сторона судна, противоположная той, в которую дует ветер; если судно идет правым галсом, то его левая сторона будет называться подветренной, а правая -- наветренной.

Положить марсель на стеньгу -- поставить марсель так, чтобы ветер дул в его переднюю сторону и нажимал его на стеньгу; судно при таком положении парусов будет иметь задний ход.

Порт -- окно или амбразура в борте судна; бывают орудийные, грузовые и проч.

Поручни -- род перил на верхней палубе, мостике и надстройках.

Полоскание парусов -- колебание парусов от ветра, когда последний не надувает их вполне или дует по направлению плоскости паруса.

Подняться под парусами -- привести, держать круче, ближе к ветру (см. "спуститься").

Превентер-брасы -- добавочные брасы, которые заводятся в помощь штатным брасам.

Разоружить шлюп -- привести судно в состояние для ремонта или для долговременного хранения: снять с него все запасы, предметы снабжения, шлюпки, орудия, такелаж, спустить рангоут, вычистить трюмы.

Рангоут -- мачты, стеньги, реи, гафели, гики, бушприт, утлегарь и прочие деревья, на которых ставят паруса.

Рей -- горизонтальное рангоутное дерево, привешенное за середину к мачте или стеньге и служащее для привязывания к нему парусов. Наименования реев на различных мачтах (считая снизу): 1) на фок-мачте -- фока-рей, фор-марса-рей, фор-брам-рей, фор-бом-брам-рей, 2) на грот-мачте -- грот-рей, грот-марса-рей, грот-брам-рей, грот-бом-брам-рей, 3) на бизань-мачте -- бегин-рей, крьюсель-рей, крьюс-брам-рей, крьюс-бом-брам-рей.

Рейдерсы (ридерсы) -- во времена Беллинсгаузена так назывались толстые деревянные поперечные брусья, связывающие кузов корабля в трюме; обычно их бывало шесть и между ними укладывался балласт.

Рифы (взять рифы) -- поперечный ряд продетых сквозь парус завязок, посредством которых можно уменьшить его площадь; этих завязок бывает на каждом парусе по несколько рядов: у марселей -- четыре, у нижних парусов -- две; в зависимости от силы ветра берут один, два, три или четыре рифа; по мере ослабления ветра -- поочередно отдают рифы.

Росторы (ростры) -- совокупность запасных рангоутных деревьев на парусном судне, как-то: стенег, реев и проч., сложенных на шкафуте; все эти запасные деревья обычно, крепятся на шкафутах в виде помоста на специальных стойках и лежнях.

Румбы, курсы и пеленги -- румбами называются направления на различные предметы, измеряемые углами между линией север--юг (N--S) и этими направлениями. Во времена парусного флота, когда к мореплаванию не предъявлялись такие требования точности, как в настоящее время, истинный горизонт (как и картушка компаса) делился на 32 румба, причем румбами называлось как каждое из этих направлений, так и углы между двумя ближайшими целыми румбами. Исходя из того, что каждая окружность подразделяется на 360° , величина одного румба в градусах составит $11^\circ 15'$, т. е. $11 \frac{1}{4}^\circ$. Петр I ввел в русском флоте голландские наименования румбов, помещенные на прилагаемом здесь чертеже. Левая часть этого чертежа показывает, что истинный горизонт (и картушка компаса) делится на 4 четверти: норд-остовую, зюд-остовую, зюд-вестовую и норд-вестовую (см. чертеж), причем в каждой четверти нумерация румбов велась по направлениям стрелок. Правый чертеж

приводит наименования румбов. Буква "t" обозначает сокращенное испорченное голландское слово "тен", т. е. "к"; так что румб NOtN следует произнести "норд-ост-тен-норд"; если при обозначении какого-либо направления требуется большая точности, чем $11\frac{1}{4}^{\circ}$, то добавляется в соответствующую сторону дробная часть румба, с точностью до 74 румба, например WNW $1/4$ W, т. е. "вест-норд-вест четверть к весту" (в настоящее время истинный горизонт и картушка компаса делятся на 360° и курсы и пеленги отсчитываются с точностью до $1/4^{\circ}$, по часовой стрелке). Пользуясь вышеуказанным делением истинного горизонта на румбы, говорят "корабль идет по такому-то румбу" (т. е. курс корабля будет такой-то) или "маяк виден по такому-то румбу" (т. е. пеленг маяка будет такой-то).

Румпель -- рычаг, насаженный на голову руля, посредством которого происходит перекладка руля.

Рундук -- деревянное прикрытие над головой руля.

Рундуки -- закрытые нары, ящики или лари во внутренних помещениях корабля, в которых команда хранит свои личные вещи.

Руслени -- площадки снаружи борта судна, на высоте верхней палубы, служащие для отвода вант; с русленей обычно бросают ручной лот.

Салинг -- вторая снизу площадка на мачте; представляет собою раму из продольных и поперечных брусьев, служит для отвода брам- и бом-брам-бакштагов; в зависимости от принадлежности к той или иной мачте, носит название: фор-салинг, грот-салинг, крьюйс-салинг.

Свит-сарвинь (швиц-сарвень) -- строп, которым стягиваются между собою противоположные ванты ниже марса.

Сей-тали -- тали, применяемые для подъема тяжестей, гребных судов, для тяги стоячего такелажа и вообще для тяжелых судовых работ.

Секстан -- морской угломерный инструмент, служащий для измерения: 1) высот небесных светил в море и на берегу и 2) углов между видимыми с корабля земными предметами.

Сектора -- толстые железные прутья (или столбики), служащие для привязывания фалрепов.

Сетки коечные -- специальные ящики на верхней палубе по бортам судна для хранения в дневное время командных коек.

Служители -- команда.

Сплес (плес) -- открытый район между островами.

Спуститься под парусами -- уклониться от ветра, итти полнее, отходить от ветра, составить большой угол между курсом и направлением ветра.

Стаксели -- треугольные косые паруса; называются а зависимости от расположения: впереди фок-мачты -- фор-стаксель и фор-стенги-стаксель, впереди грот-мачты -- грот-стенги-стаксель и т. д.

Стаксель штормовой -- стаксель меньшего размера из самой толстой и прочной парусины, поднимается в случаях очень свежей погоды.

Стандерс -- поддерживающая стойка; брус, идущий по борту параллельно шпангоутам и скрепленный с ними; он служит для подкрепления набора в местах вырезов для портов.

Старнпост -- то же, что ахтерштевень.

Стень-ванты -- ванты, удерживающие стеньгу с боков.

Стеньга -- рангоутное дерево, служащее продолжением мачты и идущее вверх от нее. В зависимости от принадлежности к той или иной мачте, различают фор-стенгу, грот-стенгу и крьюс-стенгу (на бизань-мачте).

Степс -- деревянное или железное гнездо, в которое вставляется мачта или бушприт своим шпором (нижним концом).

Стоп-анкер -- самый большой (тяжелый) из судовых верпов (см. верп).

Стоячий такелаж -- снасти, служащие для поддержки и укрепления рангоута; будучи раз заведенным, стоячий такелаж всегда остается неподвижным (в отличие от бегучего такелажа).

Стульцы -- см. штульцы.

Счисление -- определение места корабля при плавании в океане не астрономическими наблюдениями, а по формулам счисления, т. е. вычисляя широту и долготу по известному курсу корабля, его скорости и времени, протекшем между последним астрономическим определением и заданным моментом; получаются "счислимые места", менее точные, чем "обсервованные места".

Такелаж -- все снасти на судне, служащие для укрепления рангоута и управления им и парусами; различается стоячий такелаж и бегучий такелаж (см.).

Тали -- грузоподъемное приспособление, состоящее из двух блоков (подвижного и неподвижного), соединяющихся между собою тросом; при подъеме тяжестей теоретический выигрыш в силе зависит от числа шкивов.

Тимберовать (тимбировать) -- исправлять деревянное судно.

Тиммерман -- старший корабельный плотник.

Топ -- верхняя оконечность каждого вертикального рангоутного дерева -- мачты, стеньги, брам-стеньги.

Траверз (траверс) -- направление, перпендикулярное к курсу судна.

Транец (транцы) -- горизонтальные поперечные брусья или доски, образующие корму и крепящиеся к старнпосту и шпангоутам.

Трисель -- косою четырехугольный парус, ставящийся за каждой мачтой и примыкающий к ней, причем верхняя часть паруса пришнуровывается к гафелю (на бизань-мачте этот парус называется бизанью).

Трюм -- внутреннее помещение корабля, лежащее ниже самой нижней палубы.

Фалы -- снасти, служащие для подъема реев, гафелей, парусов (кливеров, стакселей), флагов и проч.

Фалреп (фалгреб) -- трос или штерт, заменяющий поручни у входных трапов.

Фальшфейер -- пиротехническое сигнальное средство (тонкая бумажная гильза, наполненная пиротехническим составом, имеющим свойство гореть ярким пламенем белого цвета).

Фальконет -- небольшое чугунное орудие.

Фарватер -- проход между опасностями, обставленный предупредительными знаками, или определенный обследованный путь для плавания судов.

Флюгарка -- флажок особого для каждого военного корабля рисунка и расцветки; на судне флюгарка, изготовленная из листовой меди, устанавливается на грот-брам-стеньге.

Фок -- прямой парус, самый нижний на передней мачте судна (фок-мачте).

Фока-галс -- снасть, идущая от нижнего наветренного угла паруса фока и проходящая через отверстие в борту, в носовой части корабля (в отверстие вставлено два медных колеса).

Фор-бом-брам-стеньга -- рангоутное дерево, служащее продолжением фор-брам-стеньги.

Фор-брам-стеньга -- рангоутное дерево, служащее продолжением фор-стеньги.

Фор-стеньга -- рангоутное дерево, служащее продолжением фок-мачты.

Фордевинд -- 1) итти фордевинд -- итти, имея попутный ветер прямо в корму; 2) поворот фордевинд -- поворот на другой галс при условии, что линию ветра переходит корма (при повороте оверштаг -- нос).

Форзейль (форзель) -- быстроходный парусный корабль, высланный впереди флота или отряда для разведки или в целях навигационного обеспечения.

Фор-марсель -- второй снизу прямой парус на фок-мачте.

Фор-стеньги-стаксель -- стаксель, поднимаемый впереди фок-мачты.

Фор-стень-штаг -- штаг (снасть), удерживающая фор-стеньгу спереди и идущая от топа фор-стеньги к бушприту.

Форштевень -- деревянный брус, образующий переднюю оконечность судна (продолжение киля в носовой части).

Фрегат -- быстроходный трехмачтовый военный парусный корабль.

Шек -- надводная часть передней грани форштевня.

Шканцы (шханцы) -- часть верхней палубы судна между грот-мачтой и бизань-мачтой (считались главным почетным местом на корабле).

Шлюп -- трехмачтовый военный корабль, по своему внешнему виду, размерам и парусному вооружению больше всего схожий с фрегатами среднего размера или корветами. В русском флоте шлюпами называли главным образом парусные корабли, предназначенные для кругосветных плаваний.

Шпангоуты -- ребра судна, придающие ему поперечную прочность.

Шпация -- промежуток между двумя смежными шпангоутами.

Шпунтовый паз -- выемка в бресе, в которую притыкаются обшивные доски.

Шкафут (шхафут) -- части верхней палубы корабля между фок-мачтой и грот-мачтой; середина его занята рострами (см.).

Шкафутная сетка -- коечная сетка на шкафуте.

Шкив (шкив) -- бакаутовое или медное колесо, вращающееся между щеками блока; по шкиву проходит трос, для чего на его окружности имеется жолоб.

Штульцы -- боковая наделка, свес с боков кормы судна.

Эзельгофт (езельгофт) -- деревянный или железный брус, служащий для соединения мачты со стеньгой, стеньги -- с брам-стеньгой и брам-стеньги -- с бом-брам-стеньгой (а также бушприта -- с утлегарем, и последнего с бом-утлегарем).

Ют -- кормовая часть верхней палубы сзади бизань-мачты.

БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ Ф. Ф. БЕЛЛИНСКАУЗЕНА

1. Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света, в продолжение 1819, 20 и 21 годов, свершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном", под начальством капитана Беллинсгаузена, командира шлюпа "Восток". Шлюпом "Мирным" начальствовал лейтенант Лазарев. СПб., 1831, VI с атласом в 64 л., ч. I, 397 стр., ч. II, 326 стр.

1а. Беллинсгаузен Ф. Ф. Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена в Южном Ледовитом океане и вокруг света в продолжение 1819, 1820 и 1821 годов. СПб., 1831, 4 стр., 64 л. карт.

2. Беллинсгаузен Ф. Ф. О прицеливании артиллерийских орудий на море. СПб., 1839, 4°, VI (не нумер.) и 79 стр., с 2 л. чертежей, изд. Морск. мин.

3. Беллинсгаузен Ф. Ф. Выписка из донесения капитана 2 ранга Беллинсгаузена к морскому министру от 8 апреля 1820 г. из Порта Жаксона. "Сын Отечества". СПб., 1821, изд. Воейкова и Гречева, стр. 133--137.

4. Донесение капитана 2 ранга Беллинсгаузена из Порта Жаксона о своем плавании. Записки издан. госуд. Адмиралт. департаментом, 1823, ч. V, стр. 201--219.

ЛИТЕРАТУРА

ОБ ЭКСПЕДИЦИИ БЕЛЛИНСГАУЗЕНА-ЛАЗАРЕВА

5. С. П. К. Беллинсгаузен. Военный энциклопедический лексикон, СПб., 1838, изд. о-вом воен. и литерат., ч. 2, стр. 253--255.
6. Жизнеописание состоявшего при особе его императорского величества адм. Ф. Ф. Беллинсгаузена. "Северная Пчела", СПб., 1853, No 91, стр. 363--364, No 92, стр. 367--368.
7. П. М. М. Беллинсгаузен Ф. Ф. Энциклопедический лексикон, СПб., 1836, изд. Плюшара, т. 5, стр. 246--250.
8. Венгеров С. А. Словарь русских писателей. СПб., 1900, т. 1, стр. 207. О Беллинсгаузене Ф. Ф. 18 января 1779--13 января 1852.
9. Беллинсгаузен Ф. Ф. Общий морской список, ч. VI, СПб., 1892, стр. 16--20.
10. Беллинсгаузен Ф. Ф. Энциклопедический словарь, под ред. проф. Андреевского И. Е., Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. СПб., 1891, т. III, стр. 371.
11. Беллинсгаузен Ф. Ф. Новый энциклопедический словарь. Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. СПб., т. 5, стр. 724--725.
12. Беллинсгаузен Ф. Ф. Энциклопедия для военных и морских наук, сост. под гл. ред. генерал-лейт. Г. А. Леера. СПб., 1883, т. 1, стр. 390--391.
13. Беллинсгаузен Ф. Ф. Большая энциклопедия, словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания под ред. Южакова и проф. П. Н. Милюкова, СПб., 1900, т. 2, стр. 794.
14. Беллинсгаузен Ф. Ф. Русский энциклопедический словарь, изд. проф. СПб. университета И. Н. Березиным. СПб., 1873, т. III, отд. 1, стр. 422.
15. Беллинсгаузен Ф. Ф. Военная энциклопедия, т-во И. Д. Сытина. Петроград, т. IV, стр. 450--451.
16. К биографии адмирала Беллинсгаузена. "Кронштадтский вестник", 1868, No 64 (1071).
17. Беллинсгаузен Ф. Ф. Русский биографический словарь, т. II, СПб., 1900, стр. 682--683.
18. Собрание инструкций, данных в разное время командирам русских судов при отправлении в дальнее плавание. СПб., тип. II отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1858, 116 стр.

См.: Инструкции Главному начальнику экспедиции в 1819 г. капитану 2 ранга Беллинсгаузену, командовавшему военным шлюпом "Восток", и под его начальством находившимся командирам шлюпов: "Мирный" -- лейт. Лазареву, "Открытие", -- капитану Васильеву и "Благонамеренный" -- кап. Шишмареву (стр. 68--83).

19. Морской сборник. СПб., изд. Морск. Учен. К-та, 1853, т. X, No 7, стр. 26--32. Некролог.

20. Симонов И. Путешествия. Известия о путешествии капитана (ныне кап-командора) Беллинсгаузена в 1819, 1820 и 1821 годах по Тихому океану и Южным полярным морям. С фр. перевел К. Сев. Архив, 1824, ч. 12, изд. Булгарина, стр. 24--46.

21. Райхенберг М. Открытие первой земли в Антарктике (к 120-летию окончания русской экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. "Сов. Арктика", 1941, No 2 стр. 61--69, с илл.

Портреты Беллинсгаузена, Лазарева и карта, указывающая путь экспедиции.

22. Кудрявцев-Скайф С. Экспедиция адм. Беллинсгаузена (к 95-летию со дня смерти адм. Беллинсгаузена). "Красный Балтиец", 1947 г. 25 января.

Об экспедиции в Антарктику на шлюпах "Восток" и "Мирный" в 1819--1821 гг.

23. Симонов И. Определение географического положения мест якорного стояния шлюпов "Востока" и "Мирного", находившихся под командою капитана 2 ранга, ныне контр-адмирала Беллинсгаузена, во время плавания их около света, в 1819--21 годах, СПб., 1828, ч. 1, 152 стр.

24. Корабли шли из Кронштадта. В Южном Полярном море. Встреча. "Краснофлотец". 1943. No 2, стр. 32 (портрет).

Об экспедиции в Южное Полярное море в 1819--21 годах, под начальством Беллинсгаузена Ф. Ф.

25. Дальнейшие сведения о плавании отряда, состоящего из шлюпов "Восток" и "Мирный", под командою кап. Беллинсгаузена. "Русский Инвалид", 1821, No 196. "Сын Отечества", 1821, No 17, стр. 786--788.

26. Карта к изложению о путешествии капитана, ныне вице-адмирала, Беллинсгаузена. Записки Ученого Комитета Главного Морского Штаба, 1834, гл. XI, лист XI.

27. Соколов А. Гидрографические труды капитана (впоследствии адмирала) Ф. Ф. Беллинсгаузена на Черном море. Морской сборник, 1855, No 6, гидрогр., стр. 70--75.

28. Лялина М. А. Русские путешественники-исследователи. Русские мореплаватели арктические и кругосветные. Путешествия В. Беринга, Г. Сарычева, Ф. П. Врангеля, Ф. П. Литке и Ф. Ф. Беллинсгаузена, обраб. по подлинным их сочинениям. СПб., изд. А. Девриена (1892), IV, 438 стр., с илл., карт.

29. Прибытие капитана Беллинсгаузена и лейтенанта Лазарева от Южного Полюса. Отд. оттиск. СПб., 1821, стр. 223--242. ("Отеч. записки", 1821, ч. 7, стр. 233--242).

30. Нордман О. Д. По поводу предложения поставить в Кронштадте памятник адмиралу Беллинсгаузену. Кронштадт, 1868, 8°. Русск. библиогр. морского дела за 1701--1882 г. (спец. кат. русск. книг) изд. Мартынова.

31. Нордман О. Д. По поводу предложения поставить памятник адмиралу Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену. Кронштадт, 1868.

32. По поводу предложения поставить в Кронштадте памятник адмиралу Ф. Ф. Беллинсгаузену (фельетон). "Кронштадтский вестник", Кронштадт, 1868, No 48 (1001), стр. 1.

33. Нордман О. Д. О памятнике в Кронштадте адмиралу Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену. СПб., тип. Морск. Мин-ва, 1877, 36 стр.

34. Нордман О. Д. О памятнике в Кронштадте адмиралу Беллинсгаузену Ф. Ф. СПб., тип. Морск. Мин-ва, 1877, 8°, 36 стр.

Русск. библиогр. морского дела за 1701--1882 гг. (спец. кат. русск. книг) изд. Мартынова.

35. Ник. Гр. По поводу сооружения памятника в Кронштадте адмиралу Ф. Ф. Беллинсгаузену. "Кронштадтский вестник", Кронштадт, 1868, No 51 (1004). (Статья "С.-Петербургских ведомостей").

36. О медалях в память знаменитых происшествий, до флота относящихся. Записки Ученого Комитета Главного Морского Штаба, 1834., гл. XI, стр. 202--257.

37. Голенищев-Кутузов Л. О медалях в память знаменитых происшествий, до флота относящихся. Записки Ученого Комитета Главного Морского Штаба, 1838, ч. II, стр. 202--258, лист VI.

38. Изображение медалей в память знаменитых происшествий, до флота относящихся. Записки Ученого Комитета Главного Морского Штаба, 1834, гл. XI.

25-я медаль на плавание шлюпов "Востока" и "Мирного" -- лист VI.

39. Симонов И. М. Известие о путешествии кап. Беллинсгаузена в 1819--21 гг. С франц. Северный Архив, 1824, VII, 19.

40. Симонов И. М. Шлюпы "Восток" и "Мирный" или плавание россиян в Южном Ледовитом океане и около света под командованием капитана Беллинсгаузена, Рукопись в Архиве Научной библиотеки Татарской республики при Казанском университете. Морской сборник, 1944, No 10, стр. 87--88.

41. Симонов И. М. Слово об успехах плавания шлюпов "Востока" и "Мирного" около света и особенно в Южном Ледовитом море в 1819, 1820 и 1821 годах, произнесенное в торжественном собрании императорского Казанского университета июля 7 дня 1822 года проф. кавалером Симоновым. Казань, Универс. тип., 1822, 59 стр.

42. Шестой континент или краткое обозрение плаваний к югу от Кука до Росса, Изд. 3-е, доп. СПб., тип. Имп. Акад. наук, 1854, IV, 59 стр., 1 карта.

Об экспедиции капитана Беллинсгаузена -- см. стр. 2--3.

43. Штейнберг Е. Русские кругосветные плавания XIX в. "Пропагандист и Агитатор Красной Армии", 1946, No 19, 20, стр. 51--56.

Об экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена -- см. стр. 55.

44. Обозрение всех совершенных русскими мореплавателями путешествий вокруг света и важнейших открытий, сделанных в последние 25 лет в Южном океане и на берегах Ледовитого моря. С немец. (подпись) Н. С. "Сын Отечества", 1830, т. 9, стр. 45--57, 95--117, 153--170.

Экспедиция Беллинсгаузена -- стр. 105--106.

45. Кругосветные походы русских моряков. "Красный флот", 1940, 6 июля. Популярное описание наиболее выдающихся плаваний за 1803--1843 гг., в том числе шлюпов "Восток" и "Мирный" в 1819--21 гг.

46. Касименко В. А. Как люди открывали землю. М., Гос. орд. Ленина б-ка СССР, им. В. И. Ленина, 1948, 86 стр.

О Беллинсгаузене Ф. Ф. -- стр. 18.

47. Кротков А. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893.

О Беллинсгаузене см. стр. 386, 77, 244, 517--518, 523, 524, 528, 4, 252, 257, 261, 263, 267, 268, 271, 293, 305, 308, 337, 339, 7, 11, 14, 15, 16, 17, 277.

48. Знаменский П. П. О великих исследователях морей -- питомцах старейшей морской школы нашей страны. Записки по гидрографии, 1941, No 1, прилож. стр. 21--30.

Об экспедициях Беллинсгаузена и Лазарева -- стр. 26--27.

49. Шокальский Ю. Столетие со времени отправления Русской антарктической экспедиции под командой Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева 4 июля 1819 г. из Кронштадта. Изв. Гос. Русск. Географ. о-ва, 1928, т. 60, вып. 2, стр. 175--212.

50. Новейшие открытия в антарктических полярных морях. "Отечественные записки", 1839, VI.

51. Тихомиров Г. С. Русская литература по истории географии. М., изд. М. Г. У, 1948, вып. 1, стр. 120--127 (Мос. орд. Ленина Гос. Университет им. М. В. Ломоносова).

Отзыв о книге "Двукратные изыскания", стр. 66.

52. Введенский Н. В поисках южного материка. Русская антарктическая экспедиция (Беллинсгаузена). 1819--1821 гг. Л.--М., Изд. Главсевморпути, 1940, 128 стр., 8 л. илл., портр и карт. Библиогр. стр. 127.

53. Открытие первой земли в Антарктике. "Красный Балтийский флот", 1946, 22 января.

54. Райхенберг М. Русские в Антарктике. "Учительская газета", 1941, 5 января.

55. Новиков Н. Открытие русскими Антарктиды (К 200-летию открытия Южно-полярного материка). "Комсомольская правда", 1941, 29 января.

56. Введенский Н. К вопросу о русских открытиях в Антарктике в 1819--1821 годах, в свете новейших географических исследований. Известия Всесоюзн. Географ, о-ва, 1941, т. 73, вып. 1, стр. 118--122 (карта).

57. Обзорение всех совершенных русскими мореплавателями путешествий вокруг света и важнейших открытий, сделанных ими в последние 25 лет в Южном океане и на берегах Ледовитого океана. С немецк. "Сын Отечества", 1830, стр. 1--3.

58. Путешествие вокруг света, составленное из путешествий и открытий Магеллана,... Беллинсгаузена... и др. Издано под руководством Дюмон-Дюрвиля. СПб., 1843, 138 д. IV, 347, 343, 303 и 272 стр. с картою, 4 портретами и 274 л. политипажей.

Переведена А. Батуцким.

59. Андреев А. И. Роль русского военно-морского флота в географических открытиях XIX и XX вв. Морской сборник, 1947, No 7, стр. 65--101.

Экспедиция Беллинсгаузена -- Лазарева и открытие Антарктиды, стр. 74--76, 100.

60. Ивашинцов Н. Обзорение русских кругосветных путешествий. СПб., 1850, 306 стр., с 1 карт, и 17 л. табл.

61. Ивашинцов Н. Русские путешествия с 1803 по 1840 гг. СПб., 1872.

62. Географические открытия в первые тридцать лет текущего столетия. Собственно морские. Журнал Департамента Народного просвещения. П., 1841, XXXII.

63. Ивашинцов Н. Русские кругосветные путешествия. Записки Гидрограф. Департамента, 1879, ч. VII. Кал. Беллинсгаузен и лейт. Лазарев см. стр. 92--105.

64. Якубович В. Русские имена на карте мира. 1. Антарктика. "Вокруг света", 1948, No 1, стр. 59--60, 4 илл.

65. Григорьев С. Г. Вокруг Южного полюса. Изд. 3-е, переработанное и дополненное Ф. Я. Якубовичем. М., Учпедгиз, 1937, 264, стр., с илл.

66. The voyage of captain Bellingshausen to the Antarctic seas 1819--1821, v. I. II. London Printed for the Hakluyt Society. 1945, v. I, 259 стр., v. II. 268 стр.

[Путешествие капитана Беллинсгаузена в южно-полярные моря в 1819--1821 гг. Перев. с русского].

67. Brown R. Bellingshausen's, Antarctic voyage. The Scottish Geogr. magazine 1947, No 1, April. pp. 26--28.

68. Von Bellingshausen F. Forschungsfahren im Sьdlichen Eismeer 1819--1821. Auf Grund des russischen Originalwerkes herausgegeben von Verein fьr Erdkunde zu Dresden. Leipzig, 1902, 2039.

69. Собрание инструкций, данных в разное время командирам русских судов при отправлении в дальнее плавание. -- СПб., 1859 (2), 142 (тип. Морского Министерства).

70. Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии. Морской сборник, 1918.

Письма вице-адмирала М. П. Лазарева к от. кап.-лейт. А. А. Шестакову.

71. Галкин Г. Письма о плавании шлюпов "Восток" и "Мирный" (брошюра), 1 путешествие. СПб., 1822--1823, изд. "Сын Отечества".

72. Галкин Г. Письма о плавании шлюпов "Восток" и "Мирный" (Вырезка из журн. "Сын Отечества". 1822, No 49. стр. 97--170).

73. Мордвинов Р. Флотоводец М. П. Лазарев. (К 160-й годовщине со дня рождения). "Вымпел", 1948, No 21, с. 14--15, портр.

Краткая биография и обзор боевой деятельности знаменитого русского флотоводца Михаила Петровича Лазарева (1788--1851 гг.).

Составлена ст. библиографом Н. С. Богаткиной

*) Издатели С. О., за благосклонное сообщение сихъ извѣстій, свидѣтельствуютъ искреннее свое благодареніе Его Высокопревосходительству Маркизу Ивану Ивановичу де Траверсе.

Командиръ 1-го отряда судовъ нашихъ, отправленныхъ въ дальній вояжъ, Капитанъ Беллинсгаузенъ доносить, что онъ, отправившись со ввѣренными ему шлюпами Востокомъ и Мирнымъ въ Рио-Жанейро 22 Ноября 1819 года, прибылъ 15 Декабря къ островамъ Валлису и Георгію. -- И такъ какъ сіи острова описаны были Капитаномъ Кукомъ только съ сѣверной стороны, то онъ окончилъ опись оныхъ, обойдя ихъ съ юга. Оттуда, 17 Декабря, отрядъ шлюповъ пустился къ Сандвичевой землѣ. 18 числа, находясь въ широтѣ южной $56^{\circ} 13'$, и долготѣ $31^{\circ} 46'$ О, усмотрѣлъ первый ледяной островъ, возвышающійся надъ поверхностію моря до 200 футовъ, и имѣющій въ окружности до 2 миль. 22 Декабря; подъ $56^{\circ} 41' 30''$ южной широты и W долготы $28^{\circ} 3' 30''$, открытъ островъ окружностію въ $3 \frac{1}{4}$ мили прежде сего неизвѣстный; въ татъ же день усмотрѣнь и другой островъ также неизвѣстный подъ $56^{\circ} 44' 10''$ южной широты и $27^{\circ} 8'$ W долготы въ окружности 12 $\frac{1}{4}$ миль. Островъ сей состоитъ изъ одной островерхой горы, покрытой снѣгомъ и непрерывно окруженной облаками. 23 числа усмотрѣнь еще одинъ островъ окружностію въ $7 \frac{1}{4}$ мили, въ широтѣ S $56^{\circ} 17' 30''$, долготѣ W $27^{\circ} 25' 14''$, имѣющій огнедышущее жерло, изъ коего весьма много выходило дыму; всѣ сіи три острова должно почитать вновь открытыми. Отъ оныхъ отрядъ взялъ направленіе къ Сандвичевой землѣ, и проплывъ мимо двухъ островковъ, названныхъ Кукомъ Срѣтеніе, мимо острова Сандерса, берега названнаго Кукомъ мысъ Монтегю, берега названнаго симъ же путешественникомъ мысъ Бристоль, оказавшагося по осмотру островомъ 19 миль въ окружности, берега Тулли, также оказавшагося островомъ, продолжалъ путь къ югу. 4 Января 1820 года въ широтѣ $60^{\circ} 39'$ окружены были суда льдомъ, съ сего времени непрерывно ими видимымъ, и даже причинившимъ имъ нѣкоторыя поврежденія. 16 Января проникнулъ отрядъ до широты S $69^{\circ} 25'$ въ долготѣ $2^{\circ} 10'$ W, гдѣ встрѣтилъ сплошной ледъ, а далѣе къ югу ледяныя горы, и продолжалъ покушенія далѣе въ разныхъ направленіяхъ до 5 Марта.

Поелику между тѣмъ наступило позднее время, море наполнено было множествомъ льда, и плаваніе, при продолжительныхъ ночахъ, безпрестанныхъ буряхъ, снѣгѣ, изморозяхъ и туманахъ, дѣлалось опаснымъ и могло быть даже бѣдственно, да и команда отъ 104 дневнаго весьма труднаго вояжа была въ изнуреніи, то Капитанъ Беллингсгаузенъ рѣшился оставить большія широты и войти въ меньшія; а потому съ 5 Марта поворотилъ къ сѣверу. Выдержавъ еще двукратно жестокія бури, 9 и 16 Марта, отрядъ прибылъ 30 Марта благополучно въ Портъ-Жаксонъ. Какъ во время путешествія, такъ и по приходѣ въ портъ, трудно больныхъ не было кромѣ одного матроса на шлюпѣ Мирномъ, умершаго въ большихъ широтахъ отъ нервной горячки.

Капитанъ Беллинсгаузенъ присовокупляетъ, что признаковъ большой южной земли нигдѣ имъ не встрѣчено, хотя плаваніе его происходило по большей части за полярнымъ кругомъ,

если же таковая земля и существует, то должна быть во льдахъ, покрыта ими и опознать оной нѣтъ возможности.

Онъ отлично хвалить усердіе и дѣятельность, оказанныя во время толико труднаго и опаснаго мореплаванія офицерами, подъ его начальствомъ находящимися.

**Выписка изъ письма Капитана Беллинсгаузена къ
Морскому Министру изъ Порта Жаксона отъ 8 Апрѣля 1820 года.**

Шлюпы наши, какъ изъ донесенія моего изволите усмотрѣть, были непрерывно среди льдовъ. Люди переносили великія трудности отъ жестокости вѣтровъ, въ сихъ моряхъ господствующихъ, а болѣе отъ густой мрачности, мокрыхъ и густыхъ снѣговъ, падающихъ здѣсь весьма часто и изобильно. Изморозь и самые морозы сопровождали насъ почти во все время плаванія нашего, а ледяныя горы, изъ которыхъ нѣкоторыя возвышались отъ поверхности моря свыше 400 футовъ, иныя же имѣли въ окружности до 15-ти миль, были всегдашними нашими непріятелями, противъ коихъ мы должны были защищаться величайшею осторожностью и самымъ строгимъ бдѣніемъ: малѣйшее упущеніе могло подвергнуть всѣ силы наши неминуемой гибели. Толь великое возвышеніе ледяныхъ громадъ надъ поверхностію моря приводитъ въ изумленіе, особенно когда помыслимъ, что семь частей оныхъ находится подъ водою. Ваше Высокопревосходительство изъ сего изволите заключить и о холодѣ у южнаго полюса. Признака земли въ большихъ широтахъ я не встрѣчалъ. Птиць же хотя и видѣлъ много, но онѣ всѣ морскія, не могутъ служить знакомъ близости земли и суть разныхъ родовъ: нѣкоторыя летаютъ до полярнаго круга, а иныя изъ за онаго не вылетаютъ, другія же обитаютъ по обѣ его стороны, и сіи были почти всегдашними нашими спутниками; имъ, какъ кажется, нѣтъ надобности въ землѣ, ибо отдыхаютъ онѣ и спятъ на водѣ, питаются же, по замѣчанію нашему, мертвыми китами, шримсами, молюсками и другими морскими животными и растеніями. -- Притомъ, по опытамъ нашимъ, онѣ весьма долго могутъ жить безъ пищи; ибо раненыя крупною дробью, проживали 8 дней безъ пищи и питья.

Группа острововъ, названныхъ Сандвичевою землею, и вновь нами открытыхъ, кажется мнѣ не что иное есть, какъ хребетъ подводныхъ горъ, вершины коихъ высунулись изъ воды; оныя имѣютъ направленіе чрезъ Клерковы камни и соединяются съ Георгіемъ, а оттуда чрезъ острова Валлисъ и Аврору, открытые 1794 года Испанцами, идутъ къ Фалкландскимъ островамъ, кои непосредственно соединяются съ Америкою, но чтобы они были продолженіемъ южной матерой земли, сего я не могу никакъ предполагать; ибо, прошедъ широту южнѣйшаго изъ оныхъ острова Тулля, дойдя до широты 60° 27' и имѣя ясную погоду и чистый горизонтъ, могъ видѣть далѣе къ югу еще до 4° миль, что составитъ пространство болѣе, нежели на 1000 миль отъ острововъ Тулли, признаковъ же земли ничто не означало, да и самое море въ семь мѣстѣ приняло цвѣтъ океана, отличный отъ имѣющагося при островахъ.

"Сынъ Отечества", 1821, ч. 69, No 16

Изъ рапорта И. И. Траверсе о плаваніи шлюповъ "Востокъ" и "Мирный"

в тропики Тихого океана и об открытии островов.

21 октября 1820 г.
Порт Джексон.

С порученным мне первым отрядом, изготовившись в порту Джексоне к отплытию в море, 8 мая 1820 года я снялся с якоря, курс принял по северную сторону островов Новой Зеландии. С сего времени по 23-ье число имел беспрерывные норд-остовые противные ветра со штормами, кои снесли нас в большие широты к югу, и, не надеясь в сие время года получить благополучный ветер, решился 23-тьего числа пройти проливом капитана Кука, что разделяет острова Новой Зеландии. 24-вёртого увидел гору Эгмонт, 28-ого вошёл в залив королевы Шарлотты, где пребывание наше было для нас приятно всего более тем, что успели у жителей приобрести любовь и дружбу, расставаясь с нами, они просили весьма убедительно, что бы мы снова возвратились к ним. Вытянув такелаж, мы налилися водой, и 4-вёртого июня снялись оба шлюпа с якоря. В канале претерпевали жестокие штормы до 9-ого числа, в который день вышли из оногo пролива. Я принял курс мимо острова Опаро [Опаро (Опару) - историческое название острова Рапа-Ити в архипелаге Тубуаи. Остров был открыт в 1790 г. английским мореплавателем Джорджем Ванкувером. В 1867 г. над Опару был установлен французский протекторат, через 14 лет остров был аннексирован и сейчас принадлежит Франции], к которому старался идти курсом, ещё не хоженным. 29-ого поутру с рассветом увидели остров Опаро, но подойти за штилем не удалось.

Жители оногo острова подъехали и, взошед на шлюп, старались продать нам заквашенное тесто, завёрнутое в листья, коренья таро, так же раков. Первое употребляют вместо хлеба и готовят впрок. Жители роста более высокого, мясисты телом, проворны. Воровство между ними кажется в большом уважении. Следующий день, 30 июня, прошёл так же около острова. Жители снова подъехали, но главный их предмет был, что бы украсть, особенно проворство и внимание их обратили на себя железные вещи. Главному начальнику было подарено много из числа железных изделий, так же - прочим. Продолжавшийся штиль не допустил шлюпы ближе 6-ти миль итальянских. Для сего, что бы не терять напрасно времени, принял курс несколько восточнее островов Общества, до 5-ого июля ничего не встретилось. Сего же утра на рассвете увидели низменный остров, подходя к нему на полмили расстояния; я послал на оный офицера, который донёс, что остров коралловый, имеет в середине лагуну, порос в некоторых местах кустарником и деревьями, находится по определению в широте S 19o13,50,, долготе O 218 градусов, 34 минут, 14 секунд. Я признал его за остров Генрих [старое название атолла Ненго-ненго, входящего в архипелаг Туамоту], открытый г. Валлисом. От следующего 6-ого июля до 19-ого открыто ещё 15 о-вов. Признак жителей почти на всех есть, но из оных обитаемы только те, которые имеют кокосовые роши. А прочие посещаются с промышленными более целями с острова Анны [современное произношение - Анаа] (открыт Д. Куком и назван цепью). Жители всех обитаемых островов бегут вдоль берега, вооружены пиками короткими орудиями. Росту среднего, тёмного цвета, суховаты, волосы на голове связаны в пучок, мужчины носят пояса, а женщины опоясаны рогожей до колен. Когда нам случилось ехать на берег, то весь народ выходил по колено в воду, размахивая пиками, что бы не допустить нам выйти. Сколь мы ни старались обласкать, бросали подарки, медали и прочие вещи, которые они подбирали, на берег нам выйти не позволили. Когда же я приказал выпалить из ружей через головы, то все женщины бросились в кусты, а некоторые мужчины, испугавшись, оставались на местах. Второй выстрел произвёл новое явление -

они все вошли в воду и при каждом выстреле мочили своё тело водой. Из сего видно, что жители до сего времени ещё не видели никого из европейцев и действие оружия их им неизвестно. Они видели огонь, от ружей происходящий, конечно, и, моча себя водой, думали, что нашли средство против огня или обожжения тела. Когда же со шлюпа через головы было пушено ядро, то все они припали, но вскоре после сего ободрились, стали дразнить нас, что мы им никакого вреда причинить не можем. Видя таковую упорность незнания, я предоставил их времени знакомства с европейцами.

Из числа сих островов последние два принадлежат открытию главного мореплавателя г. капитана Куку. Отсюда я принял курс к острову Отаити, что бы связать все острова с ним, проверить снова хронометр, освежить людей, а так же наполнить трюм пресной водой.

20 июля подошли к острову Матеа [правильнее - Макатеа], увидели на нем 4-рех мальчиков, которые имели на шесте рогожку и махали. Я послал шлюпку на берег. Оные мальчики набросали несколько кокосовых орехов в ялик, когда же ялик стал возвращаться, то и они бросились в оный, их приняли, через мимику узнав от них, что они с острова Анны, было их много, но все съедены, бегство в кусты скрыло их от людоедов.

22 числа, подошед к мысу Венус, получил от короля письмо, в котором он меня уведомил, что весьма приятно ему будет видеть корабли наши в его Матавайской гавани, для сего препровождает лодмана на той же лодке (письмо на английском языке писано самим королём). В это же время оба шлюпа вошли в залив и встали на якорь. Вскоре шлюпы были окружены и наполнены множеством людей обоого пола с фруктами и съестными припасами. Чрезвычайная честность и дружба отаитян обворожили скоро всех и сделали наше пребывание здесь весьма приятным. 4-ёх мальчиков оставили на острове.

27-ого оба шлюпа, изготовившись, снялись с якоря. Курс приняли к северу с намерением пройти меж островами Денса и Крузенштерна, которые описаны г. лейтенантом Коцебу, что бы через сие связать острова с мысом Венус и мной открытыми, дабы через сие основательно определить все описанные острова.

30-ого июля я прошёл между островами Кузенштерна и Денса в расстоянии 1,5 мили итальянской, имел весьма хорошую погоду для определения оных, обойдя, увидел к северу ещё остров, к которому сим же вечером подошёл. Остров сей так же низмен, имеет внутри лагуну, как и все сии острова, признаков жителей нет. От сего острова направил курс к северу. 3-тнего августа увидели остров малый, лесистый, наполненный птицами фрегатами и бакланами. Прошёл по параллели острова Тиенговен, открытого Рогевейном, но оного на сей параллели не существует.

7-ого открыли снова остров, наполненный кокосовыми деревьями, в тени которых выстроено селение по восточную сторону острова. Когда подошли, то множество людей собралось около него. Вскоре подъехали на лодках и, держась вдали от шлюпов, взойти отнюдь не хотели. Темнота ночи скоро скрыла остров. Жители уехали. На другое утро с рассветом старались подойти ближе к берегу. Снова на тридцати лодках приехали жители и уже решились держаться за концы, с кормы спущенные, мы им дарили разные вещи, некоторые имели зелёные кокосовые ветви, но взойти не решились. Когда же шлюп был близ берега и люди были заняты поворотом, то камни полетели со всех сторон на шлюп. Выстрел из ружья не прекратил неприязненности, почему я приказал выстрелить в одного из зачинщиков в мягкое место дробью, тогда и кончилось начатое сражение, раненого

увезли на берег. Я не надеялся приобрести дружбу у такого народа, который имеет в одной руке мирную ветвь, а в другой - готовый камень.

11-ого прошёл остров Денджер, названный так г. Валлисом. 16-ого обошли остров Вавао.

19-ого открыли ещё три острова и одну коралловую мель, два малых, поросших кокосами, и один с жителями, окружённый кораллами и хорошо возделанный. Жители одного весьма дружелюбны и благородны, высокого роста, имеют головы тщательно причёсанные, носят пояса, как на всех Дружеских островах. Производили мену оружием.

4-ого сентября увидели остров лорда Гау. 9-ого числа бросили якорь в порту Джексона.

Господин капитан-лейтенант Завадовский и командир шлюпа " Мирный" лейтенант Лазарев продолжают споспешествовать своей ревностью и бдением к службе Его императорского Величества, совершенствуют и облегчают плавание. Успешному и благополучному плаванью способствовали все офицеры, на обоих шлюпах, " Востоке" и " Мирном", находящиеся, своим усердием, вниманием к должности, вникая даже в самые мелочи. Г-н же астроном Симонов и живописец Михайлов, каждый по своей части, ревнуя прежде бывших в вояже сём иностранцам, превосходят ревностью и искусством их предшественников.

Шлюпы же и команда Его императорского Величества обстоят благополучно, больных не имеется. В продолжение последнего плавания потеряли одного слесаря, который, обивая под марсом грот-мачту медью, упал на железный кофель-нагель на кнехте около мачты и после трёх дней болезни скончался.

О всём сём вашему высокопревосходительству имею честь донести.

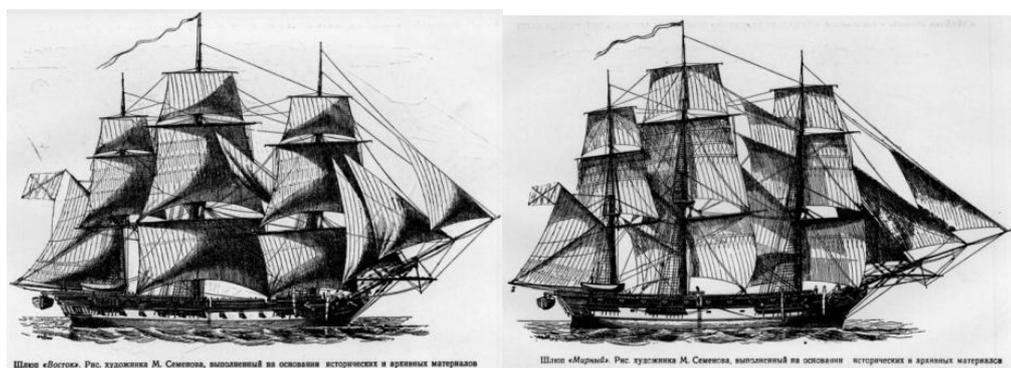
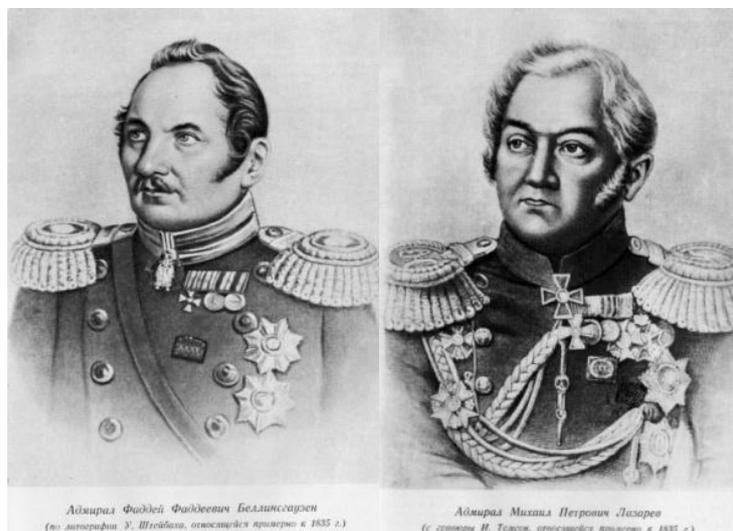
Капитан 2-ого ранга Ф. Беллинсгаузен.

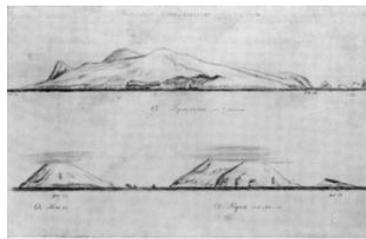
1820 г.

Источник текста: Лазарев М. П., Беллинсгаузен Ф. Ф., " Три кругосветных путешествия", Москва, " Эксмо", 2013 г. 480 стр. Серия " Великие путешествия". Стр. 203 - 207.

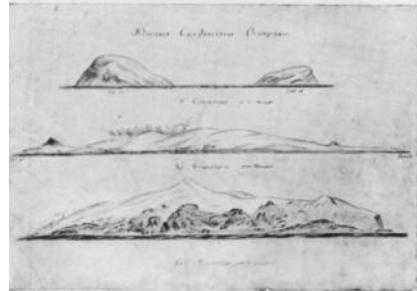
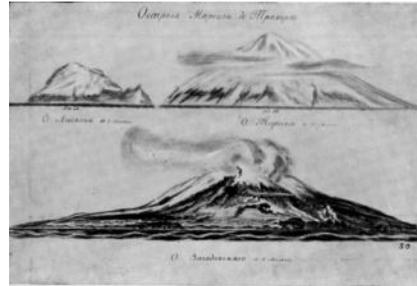
Ф. Ф. Беллинсгаузен
Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение
1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном"

Иллюстрации ко 2-му изданию.

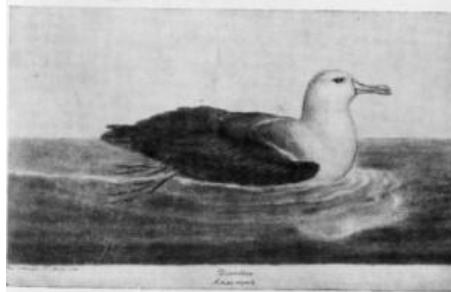
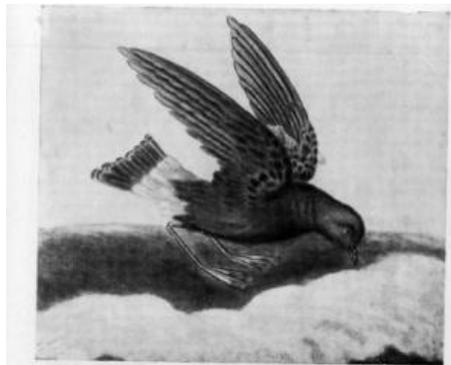

Вверху: Южные Сандвичевы острова: Бристоль, Тиле, Кука
Внизу: Холматый пингвин
Из альбома рисунков художника П. Михайлова

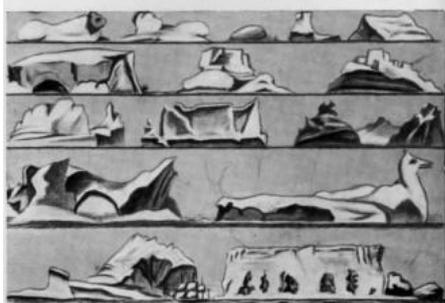

Вверху: Острова де Траверс: Лескова, Торсона, Заваловского
Внизу: Южные Сандвичевы острова: Сретелья, Саулиере, Монтего
Из альбома рисунков художника П. Михайлова

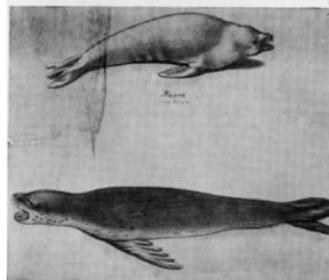

Вверху: Поголовестник
Внизу: Альбатрос
Из альбома рисунков художника П. Михайлова

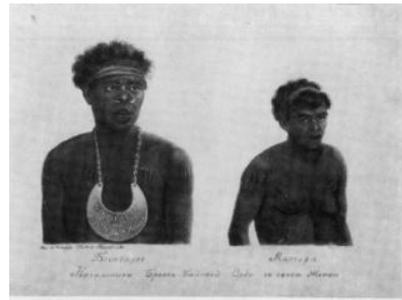
Ф. Ф. Беллинсгаузен
 Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение
 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном"

Вверху: Южная полярная свинья
 Внизу: Вид ледяных островов
 Из альбома рисунков художника П. Михайлова

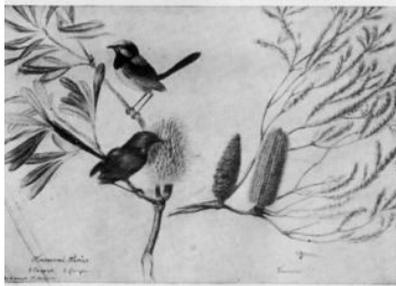

Вверху: Южная полярная бурная птица
 Внизу: Тюлень
 Из альбома рисунков художника П. Михайлова

Вверху: Вид г. Сидней в Порт-Жаконе
Внизу: Жители Новой Голландии
Из альбома рисунков художника П. Михайлова

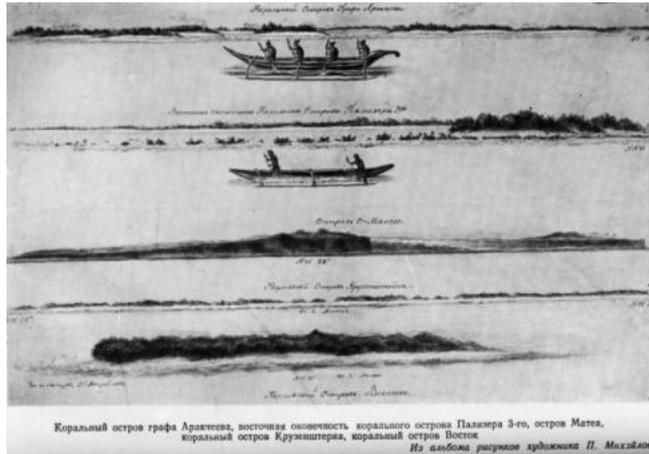
Вверху: Начальник броня-байского племени Венгари со своей женой
Внизу: Птица прекраснейший

Вверху: птица аббат
Внизу: Птица прекраснейший седец — самец и самка
Из альбома рисунков художника П. Михайлова

Вверху: Начальник Южной Новой Зеландии с женой Шарлотты
Внизу: Военные пляски в Южной Новой Зеландии в лагере корабельши Шарлотты
Из альбома рисунков художника П. Михайлова

Ф. Ф. Беллинсгаузен
 Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение
 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном"

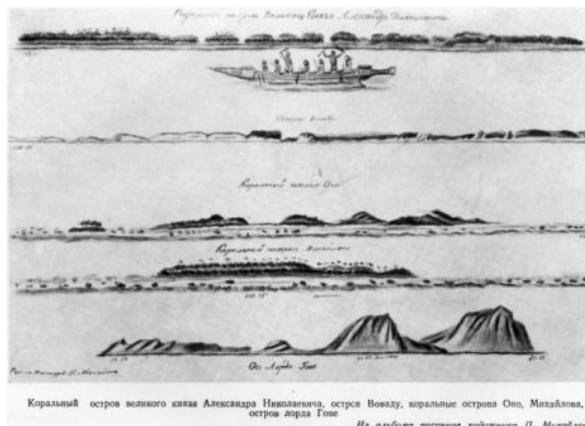

Коральный остров графа Арагачева, восточная оконечность корального острова Палазера 3-го, остров Мате, коральный остров Круженштера, коральный остров Восток
 Из альбома рисунков художника П. Михайлова

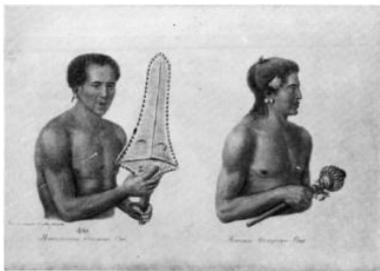
Вверху: Помаро, король острова Отанга
 Внизу: Вид острова Отанга
 Из альбома рисунков художника П. Михайлова

Вверху: Жители острова Палазера
 Внизу: Завтрак отангского короля
 Из альбома рисунков художника П. Михайлова

Коральный остров великого князя Александра Николаевича, остров Вовалу, коральные острова Оно, Михайлова, остров лорда Гоуэ
 Из альбома рисунков художника П. Михайлова

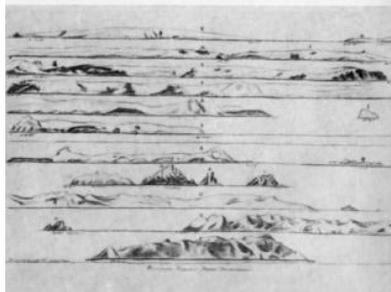
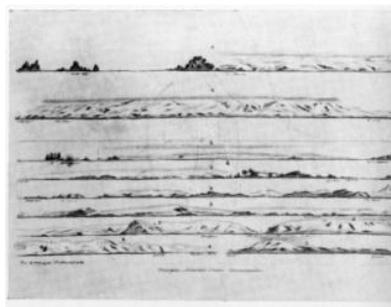
Ф. Ф. Беллинсгаузен
 Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение
 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном"

Вверху: Фео — начальник острова Оио, житель острова Оио
 Внизу: Житель острова великого князя Александра Николаевича
 Из альбома рисунков художника П. Михайлова

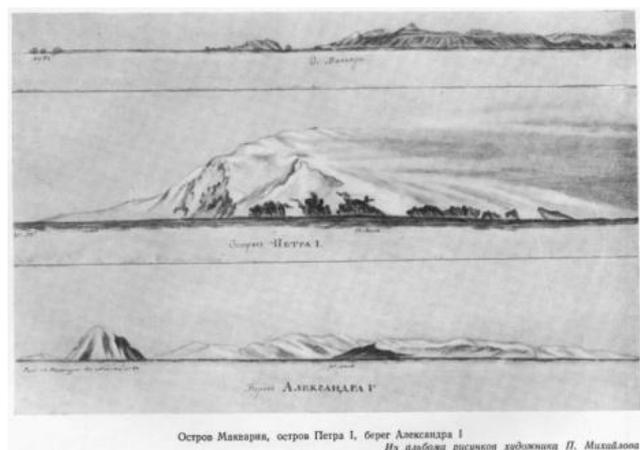

Вверху: Жители острова Оио
 Внизу: Оружие жителей острова Оио
 Из альбома рисунков художника П. Михайлова

Острова Южной Новой Зеландии
 Из альбома рисунков художника П. Михайлова

Ф. Ф. Беллинсгаузен
Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение
1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном"

Остров Макиврия, остров Петра I, берег Александра I
Из альбома рисунков художника П. Михайлова

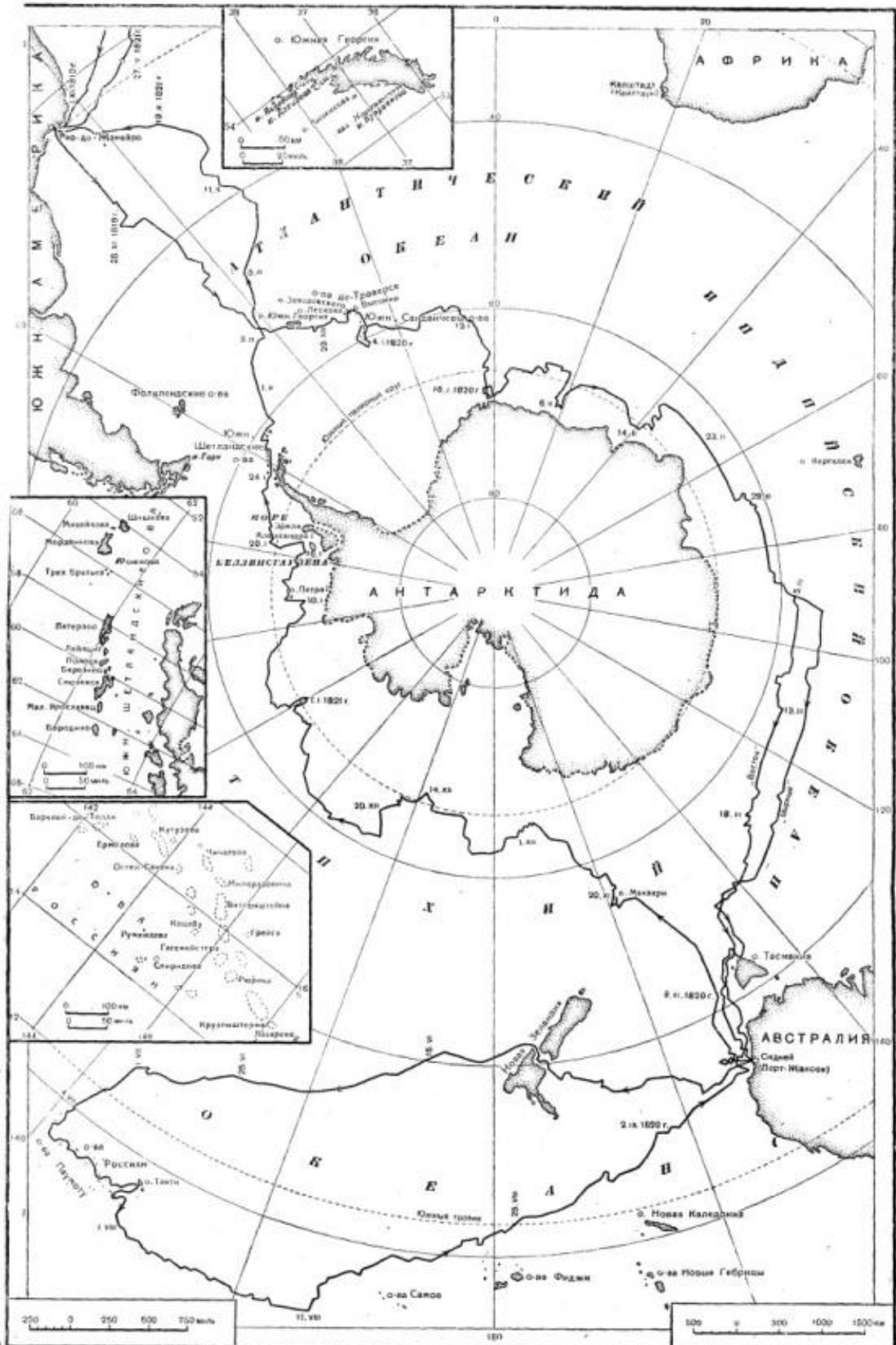

Жители Острова Опоро

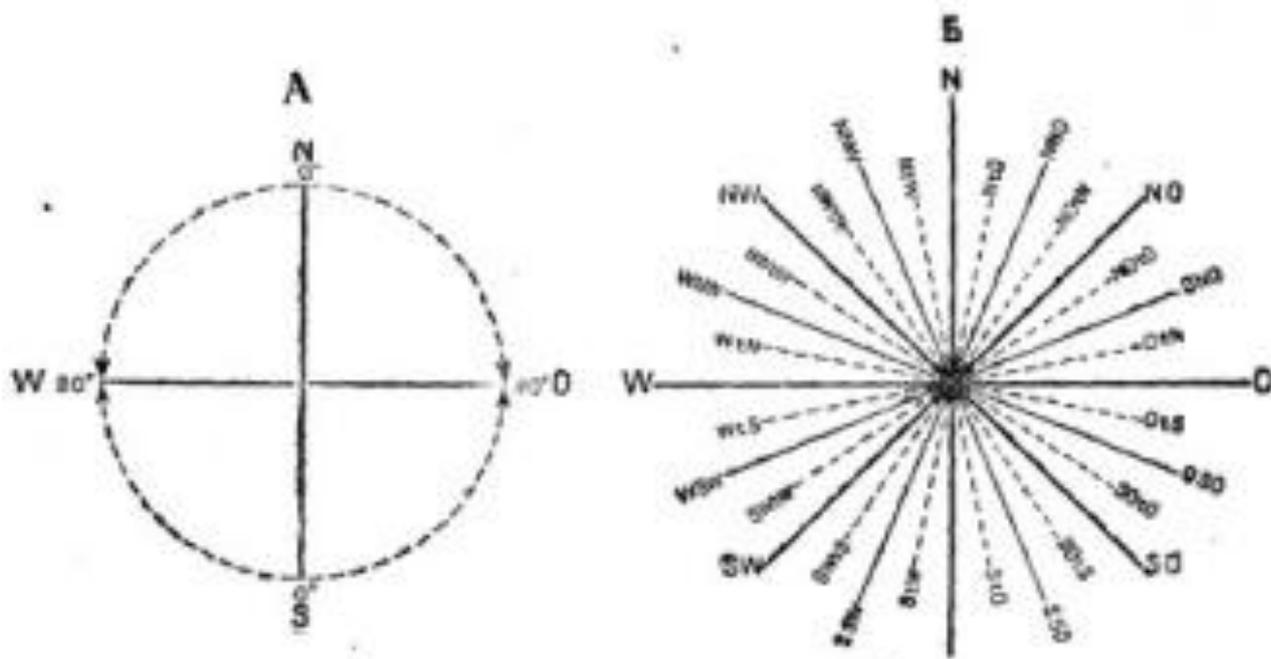
Вверху: Жители острова Опоро
Внизу: Жители с кораллового острова Арачке

Из альбома рисунков художника П. Михайлова

Карта плаваний экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева в Антарктике в 1819—1821 г. на шлюпах «Восток» и «Мирный».

Ф. Ф. Беллинсгаузен
Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение
1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном"

Дереяне картушки компаса на рунбы

*Переводные таблицы мер**Перевод футов в метры*

Футов	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
0	—	0,3	0,6	0,9	1,2	1,5	1,8	2,1	2,4	2,7
10	3,0	3,4	3,7	4,0	4,3	4,6	4,9	5,2	5,5	5,8
20	6,1	6,4	6,7	7,0	7,3	7,6	7,9	8,2	8,5	8,8
30	9,1	9,4	9,8	10,1	10,4	10,7	11,0	11,3	11,6	11,9
40	12,2	12,5	12,8	13,1	13,4	13,7	14,0	14,3	14,6	14,9
50	15,2	15,5	15,9	16,2	16,5	16,8	17,1	17,4	17,7	18,0
60	18,3	18,6	18,9	19,2	19,5	19,8	20,1	20,4	20,7	21,0
70	21,3	21,6	22,0	22,3	22,6	22,9	23,2	23,5	23,8	24,1
80	24,4	24,7	25,0	25,3	25,6	25,9	26,2	26,5	26,8	27,1
90	27,4	27,7	28,0	28,3	28,6	29,0	29,3	29,6	29,9	30,2
100	30,5									

Перевод морских миль в километры

Мили	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
0	—	1,85	3,71	5,56	7,41	9,27	11,12	12,97	14,82	16,68
10	18,53	20,4	22,2	24,1	25,9	27,8	29,7	31,5	33,4	35,2
20	37,1	38,9	40,8	42,6	44,5	46,3	48,2	50,0	51,9	53,7
30	55,6	57,4	59,3	61,2	63,0	64,9	66,7	68,6	70,4	72,3
40	74,1	76,0	77,8	79,7	81,5	83,3	85,2	87,0	88,9	90,7
50	92,7	94,5	96,4	98,3	100,1	102,0	103,8	105,7	107,5	109,4
60	111,2	113,1	114,9	116,8	118,6	120,5	122,3	124,2	126,0	127,9
70	129,7	131,6	133,4	135,3	137,1	139,0	140,8	142,7	144,5	146,4
80	148,3	150,2	152,0	153,9	155,7	157,6	159,4	161,3	163,1	165,0
90	166,8	168,7	170,5	172,4	174,2	176,1	177,9	179,8	181,6	183,5
100	185,3	187,2	189,0	190,9	192,7	194,6	196,4	198,3	200,1	202,0
200	370,6	372,5	374,3	376,1	378,0	379,8	381,7	383,5	385,4	387,2
300	556,0	557,9	559,7	561,1	563,4	565,3	567,1	569,0	570,8	572,7
400	741,2	743,1	744,9	746,8	748,6	750,5	752,3	754,2	756,0	757,9
500	926,6	928,5	930,3	932,2	934,0	935,9	937,7	939,6	941,4	943,3

Перевод морских сажней в метры

Саж.	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
0	—	1,83	3,66	5,49	7,32	9,14	10,97	12,80	14,63	16,46
10	18,3	20,1	21,9	23,8	25,6	27,4	24,3	31,1	32,9	34,7
20	36,6	38,4	40,2	42,1	43,9	45,7	47,5	49,4	51,2	53,0
30	54,9	56,7	58,5	60,4	62,2	64,0	65,8	67,7	69,5	71,3
40	73,2	75,0	76,8	78,6	80,5	82,3	84,1	86,0	87,8	89,6
50	91,4	93,3	95,1	96,9	98,8	100,6	102,4	104,2	106,1	107,9
60	109,7	111,6	113,4	115,2	117,0	118,9	120,7	122,5	124,4	126,2
70	128,0	129,8	131,7	133,5	135,3	137,2	139,0	140,8	142,6	144,5
80	146,3	148,1	150,0	151,8	153,6	155,4	157,3	159,1	160,9	162,8
90	164,6	166,4	168,2	170,1	171,9	173,7	175,6	177,4	179,2	181,1
100	182,9	184,7	186,6	188,4	190,2	192,1	193,9	195,7	197,5	199,4
200	365,8	367,6	369,5	371,3	373,1	375,0	376,8	378,6	380,4	382,3
300	548,6	550,4	552,3	554,1	555,9	557,8	559,6	561,4	563,2	565,1
400	731,5	733,3	735,3	737,1	738,9	740,8	742,6	744,4	746,2	748,1
500	914,4	916,2	918,1	919,9	921,7	923,6	925,4	927,2	929,0	930,9

Ф. Ф. Беллинсгаузен
Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение
1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном"

Публикация подготовлена:

П. А. Лаутин
Кандидат исторических наук

О. Д. Сафонова
Кандидат политических наук

К. Г. Коновалов
Генеральный директор Санкт-Петербургской историко-культурной ассоциации
«Наследие»

Санкт-Петербург
2017 г. ©